

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВ

ВЕЛИКИЙ СЕВЕР

ХРОНИКИ ПАЭТТЫ. КНИГА VII

Александр Николаевич Федоров Великий Север. Хроники Паэты. Книга VII

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69559699

SelfPub; 2023

Аннотация

Не каждая империя может пережить войну, но никакая не переживёт слишком долгого мира. Великие события, меняющие историю, зачастую состоят из небольших событий, меняющих жизнь отдельного человека. Кидуанская империя существует тысячи лет и кажется вечной, однако дни её уже сочтены. И даже если ничто не предвещает катастрофы – она всё равно произойдёт. И вовлечёт в смертоносную лавину всех, кому выпало жить в эту эпоху. Три разных судьбы сольются в одной точке истории – три личные драмы на фоне глобальной трагедии, после которой мир уже никогда не будет прежним.

Содержание

Пролог. На краю пропасти	6
Глава 1. Линд	23
Глава 2. Побег	36
Глава 3. Лес	50
Глава 4. Динди	65
Глава 5. Отъезд	80
Глава 6. Неожиданная помощь	91
Глава 7. Городская стража	108
Глава 8. Шервард	122
Глава 9. Реввиал	132
Глава 10. В дружине	148
Глава 11. Разведчик	159
Глава 12. Лойя	171
Глава 13. Тавер	185
Глава 14. Риззель	199
Глава 15. Островитянин	211
Глава 16. Встреча	227
Глава 17. Знакомство	238
Глава 18. Снова Линд	253
Глава 19. Призраки	263
Глава 20. Великий Вызов	276
Глава 21. Поединок	290
Глава 22. Белая Смута	302

Глава 23. Неожиданные союзники	316
Глава 24. Божья кара	328
Глава 25. Дружба	344
Глава 26. Маленькая тайна	357
Глава 27. Шпион	372
Глава 28. Обед	387
Глава 29. Боден	397
Глава 30. Возвращение	411
Глава 31. Кимми	422
Глава 32. Лейтенант	434
Глава 33. Логанд	446
Глава 34. Зора	461
Глава 35. Решение	474
Глава 36. Бегство	491
Глава 37. Письмо	502
Глава 38. Родные берега	515
Глава 39. Отец	525
Глава 40. Братья	541
Глава 41. Враноок	556
Глава 42. Свадьба	572
Глава 43. Поход	585
Глава 44. Долгожданная встреча	597
Глава 45. Северный флот	609
Глава 46. Барон	624
Глава 47. На войну!	638
Глава 48. Заботы	656

Глава 49. Накануне	668
Глава 50. Вторжение	677
Глава 51. Осада	693
Глава 52. Осада (продолжение)	709
Глава 53. Перебежчик	719
Глава 54. Внутри	731
Глава 55. Штурм	745
Глава 56. Конец	765
Эпилог. Первый шаг в бездну	781
Глоссарий	792
Благодарности	830

Александр Федоров

Великий Север. Хроники Паэтты. Книга VII

Пролог. На краю пропасти

Город шлюх и мошенников всех мастей! Даже сейчас, когда давно минула полночь, он всё ещё не спал. Этот город не спал никогда. Бордели, таверны, всевозможные притоны – всего этого здесь хватало в избытке! Иногда Линду казалось, что здешние жители рождаются лишь для того, чтобы развратничать, бражничать и обжираться. Ненавистный, презираемый город!..

Когда-то давно (во всяком случае, так казалось ему теперь) Линд мечтал оказаться в Кидуе – великой столице величайшей империи. Едва выучившись ходить, он только и мечтал, что о карьере военного. Благородство его рода давало надежду на быстрый рост по службе, и Линд много раз представлял себя величественным центурионом, восседающим на белоснежном коне, а за спиной – легион в лучах закатного солнца...

Вместо этого – тёмные захламлённые улицы и три городских стража в нескольких шагах позади. Линд Ворлад – лей-

тенант городской стражи Кидуи. Мягко говоря – немного не то, о чём он мечтал. Но службу не выбирают. Как оказалось, рекрутёры боевых легионов не выстраиваются в очереди в ожидании отпрысков провинциальных дворян...

Впрочем, дослужившись до капитана стражи, он вполне сможет претендовать на должность командира манипулы в армии, а это – какой-никакой старт для будущей карьеры! Поэтому-то Линд безропотно в течение уже двух с лишним лет нёс свою службу, и нёс её безукоризненно.

В самой по себе должности командира городской стражи нет ничего плохого. Времена нынче были мирные и спокойные, поэтому многочисленные легионы великой Кидуанской империи просто пылились, позабытые на её отдалённых окраинах. В этом смысле узкие улочки бедных кварталов могли принести куда больше боевого опыта, если можно назвать так редкие стычки с городской шпаной и успокоение перепивших буйанов. Не говоря уж о том, что служба – есть служба, где бы она ни была, и здесь, во всяком случае, Линд Ворлад мог принести куда больше пользы государству.

Но в службе этой был один серьёзный недостаток – город, которому Линд служил. Молодой парень, прибывший сюда с далёкого побережья Серого моря, где он провёл всю свою сознательную жизнь, никак не мог приноровиться к тому, что увидел в столице своей империи.

Кидуа походила на старую жирную шлюху с дряблой кожей, тщательно замазанной слоем белил и румян. По-

шляя, развратная, циничная и сильно потасканная шляха, развалившаяся в раззолоченном будуаре, бесстыдно демонстрирующая свою порочность и не замечающая брезгливых взглядов тех, что вились около неё ради собственной выгоды.

Казалось бы, с городом всё было в порядке. Большинство сослуживцев Линда искренне не понимали, за что тот ненавидит Кидую, ведь город буквально сиял от лоска. Впрочем, по мнению Линда он скорее лоснился, как лоснится от пота в жаркий день дешёвая портовая шляха. Все эти кичливые фасады в центре города, всё это искушённое изобилие, в котором купались так называемые уважаемые горожане, не могли перебить убогость и безнадёгу вот этих кварталов, по которым шёл патруль, и безнадёжную, смиренную нищету её обитателей.

Безнадёжность этой нищеты была ещё и в том, что значительная часть населения города ничего не хотела делать, чтобы выбраться из неё. Они гордились тем, что мудрые императоры Кидуи отменили налоги для всех, чей доход не превышал сорока восьми оэров¹ в неделю на человека, и благословляли Дни изобилия, которые устраивались не реже двух раз в месяц, и во время которых всем желающим бесплатно выдавалось по четверти бушеля² зерна. Для подавляющего

¹ Оэр – мелкая медная монета Кидуанской империи. 240 оэров равняются одному серебряному стравину, а 240 стравин – одной золотой рехте.

² Бушель – мера объёма сыпучих тел, равная 8 галлонам или примерно 36 литрам. Так, бушель пшеницы весит примерно 27 кг.

большинства столичных жителей этого было вполне достаточно, чтобы считать себя счастливыми.

Когда Линду выпадало стоять в оцеплении во время Дней изобилия, его буквально передёргивало от отвращения, когда он видел вокруг множество молодых и не очень людей, с хохотом тянущих на себе пыльные мешки с залежалым зерном, от которых вполне явственно тянуло затхлостью. Это был не народ – это было самое настоящее быдло, вызывающее у молодого гвардейца лишь омерзение и брезгливость.

Сложно сказать – поразила ли данная напасть прочие города империи, или это было лишь особенностью Кидуи. Линд за свою жизнь побывал лишь в нескольких городах, да и то проездом – когда направлялся на службу. Хотелось надеяться, что ещё не вся империя поражена этой гнилью. Во всяком случае, на севере, откуда Линд был родом, ничего подобного не было. Там люди по-прежнему добывали свой хлеб трудом. Хотя, говоря откровенно, он ведь жил в имении отца, а не в городе.

Иногда молодой человек подумывал о том, чтобы бросить всё и подать заявление на вступление в легион – пусть даже простым легионером. Просто для того, чтобы покинуть ненавистный ему город. Но Линда останавливали два обстоятельства. Первое – реакция отца. Тот вряд ли понял бы, если бы сын отказался от офицерского чина и сделался рядовым. А второе...

Линд, к сожалению, был живым свидетелем тому, как вме-

сте с городом сгнила и его стража. Коррупция, лень, карьеризм и тупость – пожалуй, этими словами можно было бы вполне точно описать то, что происходило в городской гвардии. И Линд, признаться, очень боялся, что, оказавшись в войсках, обнаружит там то же самое. А потому он медлил.

Впрочем, была и третья причина. Вот уже несколько месяцев он был помолвлен с девушкой по имени Кимми, а осенью они планировали сыграть свадьбу. Тащить молодую жену, выросшую в уважаемом районе Кидуи, куда-то на задворки империи не хотелось. А потому, скрипнув лишней раз зубами, Линд Ворлад продолжил свой ночной обход...

В своё время бывший канцлер государственной безопасности Ливьер, на склоне лет сделавшийся весьма известным мыслителем, в своём главном труде «Политика как искусство» писал: *«Не каждая империя может пережить войну, но никакая не переживёт слишком долгого мира».*

Наряду с этой мыслью Ливьер выдал немало других столь же противоречивых перлов, но именно спорность его позиции и привлекла к нему такое внимание просвещённой публики, сделав одним из самых упоминаемых политических философов последних десятилетий. Впрочем, далеко не всегда его упоминали в позитивной коннотации, а некоторые и вовсе считали труды Ливьера опасными для общества.

Так или иначе, но вот уже почти полвека Кидуанская им-

перия жила без войн, в том самом ненавистном Ливьеру мире, который он описывал густыми неприглядными красками. *«Империи строятся железом и кровью, и лишь железо и кровь поддерживают их дальнейшее развитие. В существовании любой империи нет никакой иной логики, кроме логики подчинения. Подчинения одних народов другим, подчинения населения своим властителям, подчинения всего общества высшей необходимости. Империя – это один огромный военный лагерь, постоянно живущий на осадном положении. Лишь так можно мобилизовать множество народов для достижения общей цели. Отказ от этого мировоззрения рано или поздно приведёт к хаосу и гибели государства».*

Однако же, в 1967 году Руны Чини³ ничто не указывало на справедливость сварливых пророчеств старого философа. Напротив, Кидуанская империя была сильна как никогда. Саррасса – единственный соперник её на континенте, давным-давно уже не представляла собой серьёзной угрозы. Скорее наоборот – южная империя заискивала перед своим северным соседом, осознавая, что тот явно доминирует во всём.

Действительно, Кидуа не только была едва ли не втрое

³ Руна Чини – пятая из Рун, запечатавающих Сферу Создания. Эпоха каждой Руны длится 4000 лет, после чего начинается следующая Руна. Например, год основания Кидуанской империи – 2256 год Руны Хесс, четвёртой Руны Календаря. Таким образом, несложно посчитать, что к данному моменту империя существовала уже 3711 лет.

больше Саррассанской империи, она была вдесятеро богаче, а её армия почти впятеро превосходила армию Саррассы. И это было весомой гарантией того, что на Паэтте будет мир. По крайней мере, до тех пор, пока этого хочет Кидуанская империя.

Впрочем, нельзя не заметить, что та в последние десятилетия заметно растеряла свой воинственный пыл. Столетия минули с тех пор, как империя с жаром и целеустремлённостью покоряла север. Палатий уже давно был одной из провинций Кидуи, и современникам казалась, что так было всегда. То же самое касалось и Прианурья, и Загорья (точнее, его северной части, именуемой Пунтом). Теперь, спустя почти четыре тысячи лет после образования Кидуанской империи, у неё практически не осталось врагов.

По сути, кроме Саррассы были лишь северные варвары с Келлийских островов, которые так и не сделались частью империи, да кочевые народы дорийцев, населяющие степи южнее Пунта. Впрочем, ни те, ни другие не причиняли слишком уж много неприятностей, чтобы правители Кидуи всерьёз решили разобраться с ними. Они не стоили тех экономических и людских потерь, которые принесла бы неизменно затяжная и малоэффективная война так далеко от основных территорий империи.

Кидуанская империя находилась на пике своего могущества. Разумеется, общепринятой была точка зрения, что золотой век империи уже позади, и что пришёлся он на прав-

ление благословенного императора Дистрита Златоглавого, правившего на закате Руны Хесс⁴, чьё имя было увековечено несколько сот лет назад в названии первого месяца лета, именуемого прежде бесогоном. Впрочем, так считали обычно лишь относительно образованные граждане империи, хотя бы поверхностно знакомые с историей. Прочие же, коих было большинство, полагали, что застали самые благословенные времена расцвета своего государства.

Если не слишком-то придирается, то такая точка зрения вполне имела право на существование. Каждый житель империи мог по праву гордиться необъятностью и богатством её земель. В распоряжении Кидуи были и великолепные дремучие леса – неиссякаемый источник древесины; и возделанные поля центральной части, а главное – в пунтийском Загорье; и серебряные рудники Анурских гор. Величайшая река Паэтты – Труон – также целиком и полностью принадлежала великой империи.

И действительно – экономически Кидуа была сильна как никогда. Закрома её ломились от зерна – его было столько, что цены на хлеб грозили рухнуть ниже любых разумных границ. Но император и тут нашёл приемлемый выход – государство скупало зерно по фиксированным ценам, чтобы всегда иметь по крайней мере трёхлетние запасы на случай каких-либо катаклизмов. Ежегодно императорские амбары пополнялись свежим урожаем, а старое зерно двух-трёхлет-

⁴ Руна Хесс – четвёртая Руна космологического календаря Паэтты.

ней давности просто раздавалось населению, повышая все-народную любовь к своему правителю.

Если хлебные закрома были полны зерна, то казна была полна серебра, золота и даже мангила. Несмотря на то, что, по сути, единственным торговым партнёром Кидуи была Саррасса, южная империя готова была потреблять значительную часть продукции своего соседа, щедро расплачиваясь за это калуянским золотом. Подобное изобилие, в свою очередь, позволило снизить налоги с малоимущих, или даже вовсе убрать их, что также повышало градус народной любви к своему императору.

Впрочем, некоторые учёные скептики склонны были видеть в данной ситуации возможные негативные последствия для экономики. Внешняя торговля, ограниченная лишь одной страной, не могла стать мощным стимулятором роста. Внутренние потребности империи же в значительной степени определялись её собственными возможностями, и это тоже снижало потенциал развития. Стабильность грозила обратиться стагнацией, и в существующих реалиях разрешить эту проблему не представлялось возможным. Кидуа и Саррасса превратились в двух огромных рыбин в небольшой лохани, и теперь им грозила медленная смерть от удушья.

Но подобные пессимистичные настроения, нужно отметить, не были популярны ни в народе, ни в элитах, оставаясь уделом отдельных книжных червей.

Однако же, появление в последние десятилетия филосо-

фов вроде того же Ливьера и подобных ему недовольных ворчунов было неслучайным. Другой мыслитель – Тробиран – тоже значительную часть жизни проведший на высоких государственных постах и умерший всего несколько лет назад, писал куда более жёстко и даже нелицеприятно.

«Фермеры, поставляющие телятину к королевскому дворцу, придумали, как сделать мясо телёнка особенно мягким. Для этого животное привязывали особым образом, практически лишая движения. Телёнок вволю ел, быстро жирея, и даже, кажется, был вполне доволен положением дел, а мясо его действительно выходило нежным и вкусным. Но этот телёнок, вздумай фермер отвязать его и отправить на пастбище с другими коровами, наверняка погиб бы.

Наша империя подобна тому телёнку. Мы разжирели и, пожалуй, больше не способны развиваться. Положение доминанта на континенте связало нас не хуже фермерских верёвок. Что будет, если однажды нам придётся столкнуться с опасностью? Справятся ли с нею привыкшие к благоденствию правители, отвыкшие от войн войска, обленившееся население? Мясо империи сейчас вкусно как никогда, спору нет. Вот только кто и когда вонзит в него свои зубы?..»

И пусть пророчества Тробирана, Ливьера и им подобных выглядели чересчур мрачно; и пусть подавляющее большинство лишь ухмылялось в ответ на них, в пику Тробирану сравнивая империю не с телёнком, а с громадным медведем, для которого нет угрозы во всём лесу; но всё же нельзя бы-

ло не согласиться, что в чём-то эти достойные господа были правы.

Во многих землях Кидуанской империи пустели деревни – колонны не желали возделывать поля, предпочитая отправляться на заработки в города, ведь хлеб с избытком шёл нескончаемым потоком из Загорья, так что продать с трудом добытый урожай можно было лишь за сущие гроши. А введённые императором Гривароном Дни изобилия развратили часть населения, решивших, что теперь можно либо вовсе не работать, либо же перебиваться случайными заработками.

Не всё ладно было и в армии. С одной стороны, сейчас армия Кидуанской империи была велика как никогда. Десятки легионов раскинулись вдоль её границ на севере и юге, и их по старой памяти продолжали именовать «боевыми». Также десятки легионов располагались по всей территории Кидуи, и их именовали «резервными». Но правда была в том, что теперь, спустя десятилетия после окончания последней маломальской войны, разницы между ними не было никакой.

А в армии процветали кумовство и воровство. Война – это решето, которое неустанно отсеивало слабых и никчёмных – теперь не давала возможности продвигаться по службе, коль уж войн больше не было. Все хоть сколько-нибудь перспективные командные должности были заняты отпрысками кидуанской знати, а в случае какой-нибудь нелепой и трагической смерти одного из них место тут же занималось младшим братом или кузеном.

Армия превратилась в большую кормушку, откуда можно было тащить что угодно, не слишком-то опасаясь последствий. Государство не скупилось на армию, но при этом и не слишком-то интересовалось тем, каково жилось простым легионерам. Разумеется, этим бессовестно пользовались офицеры всех уровней. В Кидуе и других крупных городах империи вырастали всё новые помпезные особняки, принадлежащие бесчисленным центурионам и легатам, а их новые хозяева, бряцая начищенными до блеска латами, посещали театры, модные рестораны и балы, в то время как их подчинённые кормили комаров в топях Палатия.

Ну а что касается политических элит, то в целом, конечно, они с огромным удовольствием нырнули в эту эпоху кажущегося благоденствия, лёгкого разврата и безмятежной легкомысленности. Казалось, что устоявшийся десятилетиями, если не столетиями, этот порядок вещей будет теперь неизменным всегда, и, разумеется, это вполне устраивало всех, включая и самого императора Гриварона. В этом смысле наступивший 1967 год Руны Чини, казалось, ничем не отличался от всех предыдущих...

Снова шум в одной из таверн... Линд Ворлад брезгливо вздохнул, понимая, что придётся окунуться в эту атмосферу шума и зловония, но махнул рукой своим парням и направился туда. Похоже, внутри кипела нешуточная драка, пото-

му что ор стоял такой, словно там кого-то убивали. Гремели опрокинутые столы вперемешку с бившейся посудой, визжали пьяными голосами потаскухи, сквернословие сотрясало небеса.

Когда наряд стражи уже подходил к таверне, дверь распахнулась, и оттуда выскочил потный испуганный человек в засаленном фартуке – не иначе, как хозяин этого притона. Отчаяние читалось в его лице, а руки тряслись. Странно, можно подумать, он впервые попадал в подобные переделки!..

– Хвала богам!.. – воздевая руки к небу, облегчённо прорыдал трактирщик, завидев в темноте кирасы стражников. – Сюда, сюда, господа! Помогите! Они сожгут мою таверну!..

Толкнув старика, из дверного проёма выскочила помятого вида девица самого вульгарного вида. Её рубашка была распахнута, выставляя напоказ некрасивую обвисшую грудь. Девица истошно визжала, прижимая ладонь к уху. Сквозь пальцы её сочилась кровь. Не разбирая дороги своими остекленевшими глазами, она, не переставая визжать, бросилась по переулку, исчезая в темноте. Следом за ней из кабака выскочила и её товарка, имевшая столь же неприглядный вид и визжавшая столь же громко и противно, и тоже ломанулась прочь, едва не налетев на подошедшего Линда.

– Прочь! – не церемонясь, рывкнул Линд, довольно грубо отталкивая трактирщика со своего пути.

Он презирал этого потного замухрышку также, как и всю прочую шваль, обитавшую в этом притоне. Вся эта грязь

человеческая и не могла вызвать ничего кроме омерзения. Именно из-за подобных субъектов он так ненавидел Кидую.

Внутри было сумрачно – почти темно. Красные слабые отсветы давал потухающий очаг, да коптили две-три масляные лампы на стенах. Наверняка до начала драки ещё несколько светильников освещали столы, но теперь они валялись в груде обломков и осколков. Вонь дешёвого алкоголя, невымытых тел и дурной травы, смешиваясь, едва не сшибала с ног.

В этой зловонной тьме копошился шумный клубок. Сколько именно человек участвовало в потасовке – Линду было не разглядеть, да это было и неважно.

– А ну стой! – рявкнул он так, что загудели деревянные стены.

Драка прекратилась не сразу – видно кто-то вошёл в такой раж, что то ли не слышал окрика, то ли решил его проигнорировать.

– Никому не шевелиться! – ещё больше разъярясь, гаркнул Линд. – Огня!

Последняя фраза относилась к его подчинённым. У каждого гвардейца с собой был факел, который по инструкции постоянно должен гореть. Но факелы сгорали довольно быстро, и тогда бы приходилось таскать с собой их целыми связками. Кроме того, иногда они играли дурную службу – глаза привыкали к свету, и окружающая тьма, в которой могли прятаться самые разные подонки, становилась непроницаемой для стражников. Поэтому-то, в нарушение инструк-

ции, каждый стражник брал с собой лишь по одному факелу, зажигая его в случае необходимости.

Вскоре пропитанная смолистым варом ветошь вспыхнула, и Линд взял горящий факел из рук гвардейца. Довольно небольшое пространство кабачка осветилось. Ворлад наконец смог разглядеть картину побоища.

Внутри было человек шесть или семь. Из них двое, не шевелясь, лежали на грязном полу, тогда как остальные, боязливо щурясь, глядели на подоспевших солдат. По лицам их текла кровь, а один из стоявших привалился к столбу, поддерживающему потолок. Было видно, что без помощи он стоять не мог.

– Выходите все наружу, – прорычал Линд, делая шаг назад, в свежую прохладу ночной улочки. – По одному, и без глупостей!

Больше всего на свете ему сейчас не хотелось разобраться с этой швалью. Кто прав, кто виноват – какая разница? Этот мусор, эти отбросы были виноваты уже одним фактом своего существования. А в деталях пусть разбирается местный префект. Линд и его люди просто отведут всех, включая трактирщика, в ближайшую караульную башню, и запрут до утра. А там пусть с ними разбирается кто хочет!..

Спустя примерно три четверти часа они вновь шли по тёмным улочкам. Настроение почему-то испортилось, хотя ничего из ряда вон выходящего не произошло – обычная работа. Всего через каких-нибудь пару часов они наконец вер-

нутся в казармы, и тогда Линд сможет пойти домой, чтобы отоспаться. К тому времени уже начнёт светать – дистритий⁵ подходил к концу, так что солнце не очень-то засиживалось за горизонтом.

– Что за дрянь?.. – внезапно прислушиваясь, буркнул он.

Отряд остановился, напряжённо вслушиваясь в странный, необычный звук. Было похоже, что где-то вдали бьют колокола.

– Это в Кинае, – заметил один из гвардейцев. – Похоже, там тревога.

– Пожар, что ли?.. – проворчал Линд.

Пожары были не редкостью, но обычно они не вызывали такого переполоха. Чтобы породить такой истеричный шум, должно гореть, пожалуй, полгорода. Однако зарева видно не было.

– Дьяволы их разберут, – как-то равнодушно пожал плечами другой солдат. – Чего они там трезвонят...

Вообще-то, и Линду вроде бы не стоило переживать – мало ли, что там у этих кинайцев случилось! Кидуанцы всегда с пренебрежением смотрели на город-спутник. Но отчего-то этот далёкий жалобный гул отзывался в самом нутре лейтенанта, заставляя сердце тоскливо сжиматься. Предчувствие непоправимой беды на мгновение пронзило мозг, но Линд

⁵ Дистритий – один из месяцев календаря Кидуанской империи. Первый месяц лета, соответствует нашему июню. Назван в честь императора Кидуи Дистрита Златоглавого – одного из самых известных и почитаемых императоров, на чьё правление приходится так называемый золотой век империи.

поспешил от него отмахнуться – ну что страшного, в самом деле, могло бы случиться?..

Когда спустя четверть часа один за другим забили колокола Кидуи, Линд, махнув своим парням, бросился на звук ближайшего из них. Это оказался довольно неказистый арионнитский храм, на невысокой колоколенке которого всклокоченный неопрятный жрец неистово дёргал верёвку.

– Что случилось? – крикнул Линд, не слишком-то надеясь, что оглушённый звоном священник его услышит.

Однако тот, вероятно, увидел подбежавших стражников, а также ещё несколько заспанных горожан, недоумённо выползавших из своих трущоб, потому что, на мгновение перестав звонить, завопил:

– Вторжение! Вторжение! На Кинай напали! Война!..

Глава 1. Линд

Линд знал, что он родился в городе – небольшом городке Руббаре, находящемся всего в десяти-двенадцати милях⁶ восточнее Кидуи. Но он не помнил этого периода своей жизни, равно как не помнил и городка Руббар. Маленькому Линду не было ещё и года, когда его отец со всем семейством был отправлен на побережье Серого моря, получив должность интенданта двенадцатого легиона империи.

Отсюда, из здешней глухомани, расстояние в двенадцать миль не было хоть сколько-нибудь существенным, а потому в глазах палатийцев Довин Ворлад был самым настоящим столичным жителем. Не говоря уж о том, что Довин был весьма родовит, о чём не уставал напоминать всем окружающим любыми доступными ему способами.

В общем, прибыв в гарнизон, новоиспечённый интендант не пожелал жить в бараках и палатках, а потому довольно быстро переселился в поместье местного феодала со свойственной ему бесцеремонностью. Впрочем, последний не слишком-то огорчился, поскольку столичный щёголь, во-первых, был весьма щедр, стремясь поддерживать свой статус, а во-вторых, он с большим энтузиазмом взялся за переустройство поместья, чтобы придать ему больше лоска, благо

⁶ Милья – имперская мера длины, равная 1609 метрам.

должность интенданта гарнизона потенциально была весьма и весьма прибыльной, а особенной щепетильностью барон Ворлад не страдал.

Поэтому Линд вырос в этом поместье, считая его своим домом, что, откровенно говоря, не сильно отличалось от действительности. Дело в том, что семейство того самого феодала теперь проживало в просторном флигеле, тогда как основной дом находился в полном распоряжении нагловатого гостя. За минувшие четырнадцать лет, похоже, даже сам хозяин поместья позабыл, как оно было прежде.

Линд очень гордился своим отцом. Довин Ворлад явно кичился своей военной должностью, а потому при любом случае облачался в кирасу и шлем с плюмажем, и даже в домашней обстановке ходил в сюртуке военного кроя. Линду он казался едва ли не божеством, и, наверное, едва ли не первой осмысленной мечтой мальчика стала военная карьера.

Довин умел подать себя. Будучи, по сути, всего лишь гостем в поместье, он вёл себя как полновластный хозяин. Будучи всего лишь интендантом гарнизона, он вёл себя как легат, но, разумеется, полностью отдавая себе отчёт, когда и перед кем это можно делать. Наконец, будучи некогда жителем довольно небольшого городка, он вёл себя как истинно столичный житель.

При прочтении этих строк у читателя могло сложиться впечатление, что барон Ворлад был неприятным человеком, которого окружающие лишь терпели. Это представ-

ление полностью не соответствовало действительности. Довин был совершенно очаровательнейшим малым, способным влюбить в себя кого угодно. Во многом это добродушие и широта души были напускными, но отец Линда был, без сомнения, прекрасным лицедеем, так что и в легионе, и в поместье, и в Тавере – городишке, расположенном милях в трёх-четырёх от поместья, где главным образом и квартировало командование легиона – в общем, везде его принимали с широчайшими улыбками и распростёртыми объятиями.

А потому нет ничего удивительного, что сеньор Хэддас, владелец того самого поместья, а также всё его семейство несколько не пеняли Довину на то, что тот, по сути, оккупировал их родовое гнездо. Они воспринимали его как дальнего благородного и весьма богатого родственника, почтившего их своим визитом и соблаговолившего погостить подольше.

Стоит ли удивляться, что Линд с самого раннего детства воспринимал поместье Хэддасов как свой собственный дом и никак иначе? Более того, самого сеньора Хэддаса с семьёй он воспринимал скорее как приживальщиков. Он был очень дружен с младшим из сыновей Хэддаса, Бруматтом, но всегда смотрел на него немного сверху вниз, хотя и был моложе на пару лет.

У сеньора Хэддаса было ещё двое сыновей и две дочери, но братья Бруматта были куда старше его, и потому не участвовали в общих играх с ним и Линдом. Старшая из сестёр также была уже вполне взрослой, а вот младшая была погод-

ком с Бруматтом, но, к несчастью, родилась умственно отсталой. Впрочем, брат был без ума от своей сестрёнки, и постоянно пытался брать её во все свои забавы, что весьма раздражало Линда.

Более того, когда парни вошли уже в тот возраст, когда их начали интересоваться девочки, у Бруматта, похоже, появилась навязчивая идея свести Динди, как он называл свою сестру Дининдру, со своим лучшим другом. Будучи мальчишкой практичным и в чём-то сообразительным не по годам, Бруматт понимал, что лучшего союза для любимой сестрёнки, чем Линд Ворлад, просто не сыскать.

Нетрудно догадаться, как сильно Линда бесили эти своднические потуги приятеля. Динди была, в общем-то, довольно миловидна, но её безнадёжно портило то лёгкое выражение дебилности, что, похоже, намертво приклеилось к лицу. Конечно, иногда он засматривался на её набухающую грудь, когда она наклонялась за чем-нибудь, или любовался мелькнувшими из-под подола сарафана бёдрами, когда она перебиралась через забор. Но стоило ему взглянуть выше, на это вечно ухмыляющееся глупой улыбкой лицо, и он морщился от брезгливого отвращения.

И вообще – Линд мечтал быть военным. Большинство их с Бруматтом игр сводились к тому, что они воображали себя легионерами. Причём Линд, пусть и был младше, неизменно назначал себя командиром, а точнее – интендантом, как отец. Он понятия не имел, чем занимаются интенданты, но

по пышной форме и бахвальским рассказам отца понимал, что это – очень большой командир. И ему хотелось быть таким же.

А потому он, нацепив на голову сделанный из бересты кузовок, который в воображении мальчишек представлял собой великолепный легионерский шлем, отважно посылал свои когорты в лице Брума и Динди на штурм холма, изображавшего вражеский город, в атаку на заросли крапивы – полчища дикарей, или форсирование ручейка, в тот момент олицетворявшего собой всё Серое море.

Увы, отец строго запрещал игры с дворовыми мальчишками – сыновьями прислуги. Когда-то Линд пару раз увлёк их в свои забавы, и это было просто здорово! Отец, увидев это, смолчал, но вечером, наедине, сделал выговор сыну. По мнению барона Ворлада общение с простолюдинами не может благотворно служить развитию юного дворянина. А потому Линд был обречён лишь на двух товарищей по играм, одну из которых он, к тому же, едва терпел...

Линду было не то чтобы очень уж скучно здесь, в поместье, и всё же он считал, что его место – в гарнизоне. А ещё ему очень хотелось повидать Кидую – город, откуда он якобы был родом (да, теперь даже он зачастую не сразу мог вспомнить, что вообще-то родился не в столице). Здесь, на побережье, всё было каким-то унылым и пресным. Дом их стоял на взгорке, и из своего окна Линд мог любоваться видами Серого моря, но он смотрел туда лишь затем, чтобы однажды

увидеть паруса келлийцев на горизонте. Это было странно, но мальчик буквально мечтал о том, чтобы северяне напали на них. Отчего-то он был уверен, что сумеет дать им достойный отпор.

К несчастью (или к счастью), варвары держались подальше отсюда – неподалёку квартировал полновесный легион, и это, вероятно, держало келлийцев в узде. Линд же целыми днями проводил в компании Брума. Вместе они также занимались с его отцом, сеньором Хэддасом, который оказался весьма способным педагогом. Он обучил своих старших сыновей грамоте, арифметике и даже основам естествознания, и теперь занимался с Линдом и младшим сыном, который, правда, как выяснилось, оказался не слишком-то предрасположен к наукам.

В отличие от Линда – тот неизменно радовал учителя своими успехами. Сеньор Хэддас то и дело твердил, что мальчика неплохо было бы отправить хотя бы в Тавер, где он смог бы получить образование получше. Но барон Ворлад, слыша это, лишь презрительно фыркал, и произносил одну и ту же фразу: «Писать-считать научился, а остальному жизнь научит!».

Увы, и сам Линд, видя подобное отношение отца, которого, как мы помним, едва ли не боготворил, заметно охладел к обучению. Теперь, когда ему минуло пятнадцать, он вообще уже больше не пользовался услугами преподавателя, а старая потрёпанная книга по естествознанию, которая помнила

ещё детство самого сеньора Хэддаса, так и пылилась на полке, заложенная когда-то стеблем овса с рассыпавшимся уже колосом.

Подросткий и возмужавший Линд сейчас всё больше времени уделял своей физической подготовке. Тощее долговязое тело подростка пока что мало походило на атлетическую фигуру воина, каковой он бы хотел обладать, но парень был упорным. Он был худощав, так что даже малейший мускул на его жилистом теле хорошо выделялся. Уже сейчас юноша, не запыхавшись, мог пробежать шесть миль вдоль побережья, и затем вернуться обратно, даже толком не вспотев. Он великолепно лазал по деревьям, взбирался на самые высокие и крутые холмы в окрестностях без малейшего труда.

Брум, как мог, тянулся за младшим товарищем, но природа не была к нему столь же щедра. Его тело было рыхлым, покрытым множеством угрей, и довольно нескладным. Парню было почти восемнадцать, и при других условиях отец давно отправил бы его на службу в город, но сейчас сеньор Хэддас медлил. Он надеялся, что вскоре барон Ворлад отправит отпрыска в столицу, где того якобы уже ждали с распростёртыми объятиями в тысяче самых разных мест, а потому втайне надеялся, что благодарный юноша прихватит с собой и непутёвого друга детства. Это было бы идеальным вариантом, поскольку Хэддас трезво оценивал возможности младшего сына и понимал, что без протекции тому придётся худо.

Однако о том, чтобы отправить Линда в Кидую прямо сейчас, речи пока даже не шло. Барон Ворлад считал, что парню ещё рановато отправляться в самостоятельную жизнь, где множество соблазнов и трудностей могут сбить его с истинного пути. А это означало, что Бруматт также бесполезно болтался в отчем доме, играя роль своеобразного оруженосца при молодом барине. Впрочем, его-то как раз это, похоже, не очень-то тяготило.

Волна была довольно высока сегодня, но это не был шторм. На Сером море почти всегда беспокойно – здешние волны не мягкие и ласковые, как где-нибудь в порту Киная, а злые и напористые, как келлийцы. Кстати, и приходят они также со стороны островов...

Линд, нахмурившись, сидел на песке шагах в десяти от линии прибоя, и чертил какие-то бессмысленные узоры короткой веткой. Брум, закрыв глаза, раскинулся в двух шагах от него, и, возможно, уже дремал. Он вообще обладал удивительной способностью засыпать в любое время и в любом месте, если не беспокоить его хотя бы десять минут. Динди бродила в воде, задрав подол. Море было слишком холодным, чтобы купаться в нём, но девушка любила воду и частенько заходила в неё. Ей было категорически запрещено купаться, и брат за этим пристально следил, но всё же позволял «помочить ножки».

И вновь Линд поймал себя на том, что не сводит глаз с обнажённых ног Динди – та, боясь замочить сарафан, задира-ла подол слишком уж высоко. Девушке было семнадцать, и она здорово похорошела за последние годы, превратившись из нелепой девочки с глупой улыбкой во вполне взрослую девушку с формами, которые шестнадцатилетний Линд не мог не оценить по достоинству. Правда вот глупая улыбка никуда не делась... Но сейчас юноша её не видел – Динди бродила по воде спиной к нему.

Поняв, что слишком уж заглядывается на отсталую сестру своего друга, Линд словно разозлился ещё больше.

– Надоело всё! – раздражённо буркнул он, отбрасывая ветку.

– Что тебе надоело? – лениво процедил Брум, даже не потрудившись открыть глаза.

Значит всё-таки не спит... – с неприязнью подумалось Линду. И как этот тюфяк может вот так вот валяться целыми днями, словно ленивый кот? С таким характером ему самое место в деревенских пастухах! Пожалуй, Брум был бы не прочь проспать так всю жизнь!..

Динди же и вовсе никак не отреагировала на возмущение Линда. Впрочем, со стороны моря дул довольно сильный ветер, поэтому она, вполне возможно, его и не услышала, с наслаждением загребая воду своими стройными ногами.

– Отец и слышать не хочет о том, чтобы я отправился в Кидую! – с горечью заговорил Линд. – Говорит, что разре-

шит не раньше, чем через год!.. И всё это время я буду тухнуть здесь! – не совладав с досадой, юноша пнул пяткой рыхлый чуть влажный песок.

– Ну, год пройдёт быстро, – Брум наконец-то соблаговолил приоткрыть глаза и, потянувшись, сел. Бессознательно он первым делом взглянул туда, где была Динди, чтобы убедиться, что с ней всё в порядке. – Здесь тоже неплохо...

– Я скоро взвою от тоски... – едва ли не простонал Линд. – Скука смертная! Я бы попросился в гарнизон, но отец сказал, что сгорит от стыда, если его сын станет профосом⁷ у его подчинённых. Он ведёт себя со мной так, будто я всё ещё ребёнок!

– По крайней мере, у тебя нет старших братьев! – криво усмехнулся Брум. – Овед вон шпыняет меня так, как твоему отцу и не снилось!..

– Если тебя не шпынять, ты вообще с кровати не встанешь, – добродушно проворчал Линд тем покровительственным тоном, каким обычно говорят старшие.

Он был младше этих двоих, но они всегда смотрели на него как на старшего товарища. И дело было не в более высоком происхождении, и не в заискивании их отца перед отцом Линда. Просто ни Брум, ни Динди даже близко не дотягивали до его умственного и физического развития. Да, Динди была идиоткой, но и Брум не слишком далеко от неё ушёл. Ленивый добродушный тугодум. И однако же Линд с боль-

⁷ Профос – солдат, отвечающий за очистку выгребных ям.

шой теплотой относился к обоим, а Брума и вовсе искренне считал своим лучшим другом.

Впрочем, не так уж трудно быть *лучшим* другом, если ты – *единственный* друг... Если не считать той дурочки, что с такой бесстыдной непосредственностью оголяет перед ним то, что не должна показывать ни одна приличная барышня.

– Так а чего вставать-то? – простодушно усмехнулся Брум, вновь откидываясь на спину. – Как хорошо быть в покое...

– Не бывать тебе солдатом, дружище, – тон Линда вновь стал холоднее и раздражённой. – Я не говорю уж – легатом или центурионом, тебе и простым солдатом не бывать! Разве что в обозе где-нибудь – за лошадьми ухаживать.

– Нет уж, – засмеялся Брум. – Мне бы лучше куда-нибудь поближе к кухне.

– Я не могу тут больше! – резко возвращаясь к оставленной теме, вдруг бросил Линд. – Надо уходить. Ты со мной?

– Куда это? – во взгляде Брума ясно читался страх и нежелание менять привычный уклад жизни.

– В Кидую, куда же ещё! – дёрнул плечом Линд. – Или, на худой конец – в Шинтан. Завербуемся в легион, а там... Я дослужусь до легата, а тогда сделаю тебя начальником обоза каким-нибудь...

– Так завербоваться-то можно и так, – с тревогой в голосе пробурчал Брум. – Зачем в Кидую-то?..

– Идиот ты, Брум, почище Динди! – беззлобно прогово-

рил Линд, зная, что товарищ нисколько не обидится на эти слова. – Завербоваться-то оно можно где угодно, да только вербовка вербовке рознь. Ты что, не знал, что добровольцы не все одинаковы? А, вот то-то! А я слышал, как отец об этом говорил! Вот запишешься ты в Кидуе, например – и направят тебя в элитный легион, где все такие же как ты – нормальные люди. А придёшь к рекрутёрам в каком-нибудь Тавере – и зашлют тебя в самые болота, чтобы служил ты там с такими же деревенщинами, как сам.

– Вот оно что!.. – протянул Брум, с глубоким уважением глядя на друга. – Ну тогда оно конечно... Только вот...

– Да успокойся ты! – немного делано рассмеялся Линд. – Шучу я. Конечно, никуда мы сбегать не станем! Это я так...

Прыщавое рыхлое лицо Брума посветлело, и улыбка облегчения растянула его бледные губы с жиденькими волосиками над верхней губой. Он ведь в самом деле был глубоко привязан к этому юнцу, и если бы Линд вздумал сбежать, то, пожалуй, несмотря на всю свою лень и страх неизвестности, Брум последовал бы за ним. Поэтому сейчас он был бесконечно счастлив, что это оказалось лишь шуткой.

Линд хорошо знал своего товарища. Знал, что тот неповоротлив, словно старое несмазанное колесо колодца. И если начать ворочать его прямо сейчас – скрип поднимется такой, что сбежится вся округа. С Брумом нужно действовать постепенно и мягко, и тогда так же постепенно из него можно будет слепить то, что нужно Линду. Потому что парень

отнюдь не шутил. Он действительно надумал бежать.

Глава 2. Побег

Линд обрабатывал Брума с тщательностью, с какой палатийский колон обрабатывает свою скупую на урожай землю. Сперва нужно было вспахать это необъятное поле лени и страха, затем – выбрать все камни сомнений, а уж после – вспушить землю бороной тщеславия и многообещающих посулов. И только тогда можно будет засеять зёрна его плана. И Линд взялся за дело с большим усердием, потому что он твёрдо решил бежать, но уйти одному ему было страшно.

Брум далеко не сразу понял, что его младший приятель не шутит. Поначалу он весьма легкомысленно относился к тем полунамёкам, разговорам вскользь, странным вопросам. А когда наконец осознал, то испугался по-настоящему. Но от Линда уже нельзя было отделаться, как трудно оторвать вцепившегося клеща.

– Подумай сам, – увещевал Линд перетрусившегося тюфяка. – Тебе уже восемнадцать. Пройдёт ещё несколько лет, и ты превратишься в копию своего отца. Ты будешь настолько взрослым, что тебе просто не захочется уже больше ничего. И что тогда – проведёшь остаток жизни в этой усадьбе?

– Я бы с радостью, – вздохнул Брум. – А что в этом плохого?

– Что плохого??? – взорвался Линд. – А что хорошего? Что хорошего в том, чтобы похоронить себя заживо на этом

краю мира? Какую пользу ты можешь принести, сидя тут? Какую память о себе сможешь оставить? А если ты умрёшь, и мир этого даже не заметит – тогда зачем вообще было жить?

– Необязательно быть военным, чтобы тебя запомнили, – проворчал задетый за живое Брум. – Мой отец никогда не служил в армии, но его будут помнить!

Сардоническая ухмылка пробежала по лицу Линда, но он сдержался и промолчал. А добряк-Брум быстро отвернулся, хотя его так и подмывало спросить, что же такого великого совершил барон Ворлад? Но разговор, конечно, на этом заглох – трудно было простить эту язвительную гримасу.

В другой раз они заговорили о деньгах.

– В Кидуе даже обычный работяга за день зарабатывает больше, чем местные могут увидеть даже за неделю! – безапелляционно заявил Линд.

У него была такая привычка – он частенько делал совершенно нелепые заявления, которые, даже несмотря на то, что их нельзя было проверить, звучали с очевидной абсурдностью. Ему казалось, что подобная «эрудированность» добавляет ему веса, делает старше. На самом же деле звучало это смешно, и будь собеседниками юноши кто-то поумнее Брума и Динди, его просто подняли бы на смех.

– Так там и стоит всё дороже, поди... – тут же парировал Брум.

– С чего бы это? – презрительно фыркнул Линд. – Туда ведь весь товар свозится со всей империи, а уж затем его

развозят в глушь вроде этой. Так что, приятель, там всё куда дешевле, чем тут! Если есть голова – в Кидуе можно за год разбогатеть! Особенно если устроиться в хороший легион – там ведь и жалование платят немалое, да ещё и живёшь полностью за государственный счёт!

– Так, поди, легионеру-то и деньги ни к чему, – глубоко-мысленно почесав выпяченную слюнявую губу, проговорил Брум.

– Да как же это – ни к чему? Представь, старик: за три-пять лет службы ты вполне накопишь столько, что сможешь купить имение вроде этого! А? Что скажешь? Пять лет службы – и затем сможешь до конца жизни лежать на зелёном лужку под цветущими яблонями и любоваться закатом!

– А точно ли? – спросил Брум, но Линд заметил, что взгляд его оживился.

– Армия – золотая жила! – авторитетно заявил Линд. – Взгляни на моего отца – у него столько денег, что он, наверное, смог бы купить Тавер целиком!

Эта нелепица была высказана столь убеждённым тоном, что простодушный Бруматт даже не подумал засомневаться.

– Но почему сейчас? – тем не менее, не сдавался он. – Подожди ещё годик, и отец отпустит тебя.

– Тебе не понять... – замотал головой Линд. – Если бы ты мог осознать, что такое – потерять целый год... Представь, что тебе дали пятьдесят рехт. А ты взял, и просто выбросил одну из них в море – ведь всё равно ещё много останется!.. Я

не могу ждать, старик, ведь это – мои лучшие годы! Именно их нужно прожить полно и ярко, а этот мутный сон оставим на потом, когда станем дряхлыми стариками!

– Но мы всю жизнь провели здесь... И толком-то не были в городе никогда! Даже в Тавере, что уж говорить о Кидуе! Ты сможешь там жить вообще? Да и где взять денег на дорогу и первое время?

– Ты же помнишь, что я родился в Кидуе? – надменно поинтересовался Линд так, словно этот сомнительный факт делал все переживания друга нелепыми. – Уж поверь, в столице мы будем своими, и будем жить без проблем. А что касается денег – то это совсем не проблема. Я могу достать столько, сколько нужно, даже больше! Давай, старик, решайся! Учти, я всё равно уйду – с тобой или без тебя. Для тебя это – шанс выбраться в люди. Уверен, что хочешь его упустить?

Линд блефовал – вряд ли он решился бы уйти один. Несмотря на всю браваду и действительное отвращение, которое он начал уже питать к этому месту, в глубине души он очень боялся. Но его подростковый максимализм и наивная вера в собственную исключительность толкали его вперёд.

А Брум явно задумался. В его семье уже настолько привыкли считать, что молодой барин Ворлад обязательно потянет за собой недалёкого Бруматта, что сейчас он буквально растерялся, представив, что останется здесь один. Не то чтобы он мечтал о той карьере, что представлял для него отец,

но вот так вот враз потерять саму *возможность* её заполнить – это было страшно...

– А Динди?.. – помолчав немного, спросил он.

– Что – Динди? – не понял Линд. Этот разговор происходил наедине – в кои-то веки Брум не потащил с собой сестру.

– Мы что – оставим её здесь?

– А что ей делать в Кидуе? – пожал плечами Линд. – Она будет только мешать в дороге, да и не возьмём же мы её с собой в гарнизон!

– Но... – Брум, похоже действительно был ошарашен.

Он настолько сжился с мыслью, что Линд непременно когда-нибудь возьмёт в жёны Динди, что сейчас ответ приятеля выбил его из колеи. Вообще-то Линд никогда не поддерживал этих стремлений Брума – более того, он всячески демонстрировал, что лишь терпит присутствие слабоумной девушки рядом, и тем не менее, в семействе Хэддасов эта странная надежда, похоже, укоренилась уже очень глубоко.

– Старик, рассуди сам. Нам придётся много идти пешком, ночевать на постоянных дворах, а то и просто в чистом поле. А по приезде в Кидую мы с тобой направимся по делам, и нам будет не до того, чтобы думать о размещении Динди! Я уж молчу о том, что вскоре мы отбудем куда-то по месту службы, а она останется там одна.

Наверное, лишь теперь Линд до конца осознал, как глубока была привязанность Бруматта к своей сестре. Восемнадцатилетний парень едва сдерживал слёзы, не в состоянии

выдавить ни слова. Он смотрел на младшего товарища как побитый пёс, и, кажется, никак не мог решить – кого же ему стоит выбрать.

– Мы всегда были втроем... – наконец прогугнил Брум. – Как она здесь без нас?.. Мы должны взять её с собой, Линд... Когда отправимся в легион, она останется в Кидуе. Наймём ей служанку, она поможет... Ну же, приятель! Это же Динди!..

Аргументы были, мягко говоря, неважными, но Линд всё-таки встревожился по поводу того, что Брум всё-таки откажется. Удивительно, но сейчас, на перепутье, он, похоже, не готов был однозначно выбрать Линда... Эти двое были неразлучны с самого детства, так что, пожалуй, и сам Линд почувствовал бы некоторую странность, долго не видя Динди. В конце концов, она была уже совсем взрослой девушкой, так что вряд ли сильно помешала бы. Говоря откровенно, для путешествий она годилась куда больше, чем рыхлый Брум.

– Бес с тобой, – усмехнувшись, махнул рукой Линд. – Если она сама согласится – возьмём и её.

– Ты не пожалеешь об этом! – тут же расцвёл Бруматт. – Она выносливая, и готовить умеет, и штопать.

– А главное – молчунья, – излишне едко хмыкнул Линд.

– Точно! – кажется, Брум не уловил издёвку. – Я скажу ей, она будет рада! Ты же знаешь, как она к тебе относится!

Линд невольно поморщился – опять эти намёки!.. А что,

если этот сводник втемяшит себе в голову, что, попав в Кидую, непременно нужно будет сыграть свадьбу? Возможно, тащить с собой Динди не было очень уж хорошей идеей, но отступить было уже поздно. Впрочем, Линд был вполне уверен в том, что сумеет удержать в узде и неугомонного Брума, и его полоумную сестрицу.

– Ладно, если решит идти с нами, то пусть поторопится, – сухо проговорил он. – Отправляемся послезавтра.

Лишь три часа минуло с полуночи, но на улице было уже вполне светло. Здесь, на севере, в это время года ночь вообще была весьма короткой. Трое беглецов встретились в условленном месте – позади хозяйственных построек, за теми самыми зарослями крапивы, которые они так доблестно штурмовали много лет назад.

Линд, признаться, до последнего надеялся, что Динди всё же не придёт. Но она была здесь, как обычно – вместе с братом, с неизменной идиотской полуулыбкой на лице.

– Ты собираешься идти в таком виде? – от удивления и возмущения Линд возвысил голос сильнее, чем следовало.

Динди была в своём обычном сарафане и сандалиях на босу ногу, и только какая-то шерстяная хламида, накинутая на плечи, должно быть, из-за утренней прохлады, дополняла этот незамысловатый наряд. Девушка в ответ лишь улыбнулась ещё более глупо и неприятно, и передёрнула плечами.

– Я прихватил одеяло, – оправдываясь, проговорил Брум. – Не замёрзнет. К тому же, нам недалеко.

– Что значит – недалеко? Куда, по-твоему, мы идём?

– В Тавер?

– Нет, не в Тавер! – зашипел Линд, пытаясь говорить тише. – Ты хочешь, чтобы мы отправились в город, где моего отца знает каждая собака? Меня же там сразу узнают и отправят обратно!

В своём юношеском тщеславии Линд действительно был убеждён, что так оно и есть. Он свято верил, что его отец – самый известный человек в округе, и отчего-то был уверен, что также все должны знать и его самого, хотя он и не выбирался никуда из поместья. Ну а Брум простодушно воспринимал на веру всё, что говорил его более смыслённый товарищ.

– И куда же мы тогда?.. – явно растерялся он.

– Пойдём на юго-восток, – напустив на себя важный вид, махнул рукой Линд. – До Труона не больше четырёх миль. Доберёмся до реки и пойдём вдоль русла, покуда не найдём деревню, где нам смогут предоставить лодку. Тогда уж и поплывём вверх по течению до самого Прианона.

Спасибо сеньору Хэддасу и его занятиям по естествознанию – юноша неплохо представлял себе тот путь, который им надлежало пройти. По реке – до озера Прианон, оттуда – в Варс, а там и в Кидую. Увы, за эту услугу он платил добряку-помещику чёрной неблагодарностью – уводил тайком

двух его детей. Впрочем, сеньор Хэддас всегда мечтал, чтобы его младший сын служил с сыном барона Ворлада. Так оно и будет, а значит у Линда не было особых поводов испытывать раскаяние. Если бы ещё Динди за ними не увязалась!..

– Ну что, двинулись, – стараясь говорить небрежно, хотя сердце бешено заколотилось в груди, проговорил Линд. – Всё будет хорошо. У меня с собой почти восемь стравинов – этого должно хватить, если не станем сорить деньгами.

Брум лишь уважительно покачал головой – сумма его явно впечатлила. Сейчас он смотрел на товарища с особым благоговением – тот дерзнул бросить вызов всему миру, а главное – собственному отцу. И прямо сейчас он готов был следовать за Линдом куда угодно, хотя этой ночью и не сумел сомкнуть глаз от страха. О чём думала Динди – понять было невозможно, потому что её лицо так и оставалось отстранённо-тупым.

Трое отправились туда, куда указывал Линд, и где в нескольких милях катил свои воды гигантский Труон – река, которая здесь мало чем отличалась от моря, поскольку противоположный берег можно было разглядеть лишь в хорошую погоду. Они шли навстречу разгорающемуся восходу, окрылённые собственной дерзостью и надеждами на блестящее будущее.

Прошло около получаса. Линд, неумоимо шагающий впереди, старался забирать немного к югу, поскольку, похоже, опасался выйти в окрестности Тавера. И вот прибрежные

холмы остались за спиной, а впереди...

– Там лес... – с лёгким беспокойством проговорил уже порядком запыхавшийся Брум.

– Ну лес, – с видимой небрежностью пожал плечами Линд. – И что же?

– Мы что – пойдём через лес?..

– Да, старик, мы пойдём через лес, потому что так уж вышло, что между нами и Труоном оказался лес.

– Я совершенно не ориентируюсь в лесу... – всё больше тревожась, произнёс Брум и остановился. Динди послушно встала рядом.

– Тебе и не надо, – снисходительно отвечал Линд. – Труон тянется от побережья на многие сотни миль. Всё, что нам нужно – сохранить направление, и мы обязательно выйдем к реке.

Немного поразмыслив, Брум утёр пот со лба и кивнул. Линду в очередной раз удалось его убедить. Одна беда – парень довольно быстро выдохся – в отличие от товарища он был полным и не любил физических упражнений. Сам Линд даже не запыхался. Динди тоже не проявляла никаких признаков усталости – она просто шагала, когда шагали все, и стояла, когда все стояли.

– Может, отдохнём немного? – попросил Брум, тщетно пытаясь утереть потное лицо.

– Хорошо, – неохотно согласился Линд. – Но совсем недолго! Мы всё ещё недалеко от поместья, и это надобно

поскорее исправить. Конечно, нас хватятся ещё не скоро, но всё же.

– Ничего, я только дух переведу, – усаживаясь на корточ-ки, проговорил Брум. – Не переживай – это у меня с непри-вычки. Сейчас немного освоюсь – и будет всё хорошо.

Линд кивнул. Было около четырёх часов пополуночи, но солнце уже показалось из-за горизонта, и мир просыпался. Динди с большим интересом стала разглядывать паутину, натянутую меж двух высоких стеблей. На ней жемчужными капельками осела роса, и теперь паучья сеть больше походила на диковинное украшение. Самого хозяина видно не было – верно, спрятался от ночной прохлады и сырости под какой-нибудь листок.

– Пора, старик, – спустя несколько минут решительно произнёс Линд. – Потерпи – нам бы только нанять лодку!

Он тронулся в путь, и Динди тут же зашагала следом. Кряхтя, поднялся Брум и поспешил следом за товарищами. Спустя какое-то время они добрались до леса.

– Лес – это даже кстати, – поглядывая на встревоженного Брума, заявил Линд. – Скоро солнце поднимется выше, и станет жарко. В лесу, по крайней, мере, не будет такой жары.

Этот лес был частью обширного массива, тянущегося на юг почти через всю империю. Могучие сосны, прямые словно стрелы, вздымались здесь на высоту пятнадцати-двадцати ярдов⁸, сплетая вверху густой полог, почти непроницаемый

⁸ Ярд – имперская мера длины, равная 91 сантиметру.

для солнечных лучей. В воздухе стоял тот постоянный шум, который ветер создаёт, перебирая верхушки многих сотен деревьев. Для материковых жителей он, наверное, звучал бы как шум моря, но для нашей троицы, выросшей на побережье, ничего общего тут с шелестом волн не было.

Углубившись в лес, беглецы столкнулись ещё с одной проблемой. Здесь было много комаров и других насекомых, с голодным звоном вьющихся вокруг людей. Комары, конечно, были и на побережье – север вообще не мог похвастать отсутствием кровососущей гнуса, но там их количество было вполне терпимым. Здесь же они взвивались целыми тучами, потревоженные шагами, и с алчностью набрасывались на несчастных путников.

Парни, поминутно ругаясь, отмахивались от надоедливых насекомых, вьющихся у лица, а вот Динди, казалось, даже не замечала их, несмотря на то что её шея, руки и ноги ниже колен были полностью открыты. Более того, и комары вроде бы летели к ней не столь охотно. Во всяком случае, девушка шла всё с той же тупой безмятежностью в лице, лишь изредка отвлекаясь на какой-нибудь необычный звук или промелькнувшую птичку.

Брум, хотя и дышал всё также часто, но, вроде бы, вполне освоился с этой ходьбой, тем более что шли они не особенно быстро. Они не делали больше остановок, потому что, вздумай они остановиться, были бы тут же атакованы целыми роями комаров.

Они шли уже больше двух часов. Лес нисколько не редел, и ему, казалось, не было ни конца, ни края.

– Мы ведь должны бы уже добраться до реки... – наконец пропыхтел вконец измученный Брум.

– С чего ты взял? – как-то зло бросил в ответ Линд. – Ты что – видел карту?

– До Тавера – часа полтора ходу, – не отставал Брум, на лице которого кроме усталости читались также растерянность и даже испуг. – Мы идём уже часа три, не меньше.

– Но мы ведь идём не строго на восток, – буркнул Линд, хотя и совсем не так уверенно, как хотелось бы. – Из-за этого расстояние увеличивается. Ничего, я думаю, осталось не больше мили. Самое позднее через полчаса мы доберёмся.

Брум тяжело вздохнул, но промолчал, угрюмо глядя в спину идущего впереди паренька. Он слишком привык доверять во всём Линду, но сейчас сомнения понемногу одолевали его. Лишь Динди, похоже, ни о чём не беспокоилась и продолжала идти легко и спокойно рядышком с братом.

Однако по их ощущениям прошло полчаса, затем и час. За это время они прошли куда больше мили, но реки по-прежнему не было, и ничто не указывало на её близость. Вокруг был всё тот же лес. Брум был уже на грани паники, да и Линд, признаться, уже успел как следует испугаться.

– Мы заблудились, Линд!.. – едва не срываясь на крик, вдруг воскликнул Брум.

Линд обернулся. Слезы стояли в глазах товарища, и лицо

его искажилось подступающей истерикой. Даже Динди, кажется, улыбалась уже не так безмятежно, как раньше. У самого Линда сердце стучало так, что, казалось, вот-вот выскочит из глотки. Неприятно сосало под ложечкой, а ноги вдруг стали мелко дрожать, едва не подламываясь. Ужасно не хотелось признаваться себе в том, что Брум, похоже, прав. И дело было уже даже не в его уязвлённом самолюбии. Линд действительно перепугался. С трудом сглотнув горькую слюну, он хрипло произнёс:

– Похоже на то, старик...

Глава 3. Лес

– Что нам теперь делать? – Брум плакал, не стесняясь, и размазывал по лицу слёзы вперемешку с выступившими соплями. – Что с нами будет?..

Внезапно заревела Динди – громко, на одной протяжной ноте, словно собака взвыла. Непонятно – хорошо ли она понимала происходящее, или же просто копировала реакцию брата. Вой этот эхом разнёсся по лесу и наводил ещё больше жути на и без того напуганных беглецов. Линд чувствовал, что вот-вот расплчется тоже. Так страшно ему ещё никогда не было... Раньше, когда они с Брумом рубились на палках, изображая двух легионеров, ему тоже порой становилось страшно, потому что более крупный и высокий соперник иногда начинал наносить удары изо всех сил, входя в раж. И тогда Линд поспешно кричал: «Всё! Хватит! Довольно!». Здесь сказать «хватит» было некому...

На какое-то время его воля ослабла, и накатило чёрное отчаяние. Они обречены... Им никогда не выбраться из этого бескрайнего дремучего леса... Они умрут здесь...

Но затем разум понемногу стал возвращать превосходство над эмоциями. По большому счёту, ничего страшного не случилось. Сейчас самый разгар лета, так что умереть от холода им не грозит. В лесу полным-полно еды – ягоды, грибы, звери... Да, они совершенно не были приспособлены к

собирательству, а все лесные дары видели лишь на тарелках, не слишком-то представляя, как их добыть. Но всё же они – молодые сильные парни (и девушка), и уж как-нибудь найдут пропитание. Немного провизии у них было с собой, но её хватит на день, не больше, ведь Линд рассчитывал питаться на постоянных дворах, которых полным-полно вдоль Труона.

– Нам надо немного отдохнуть, – сильным от слёз голосом произнёс Линд, бессильно опускаясь на колючий ковёр из сухих сосновых иголок. В этот момент он даже думать забыл о комарах.

Хэддасы почти одновременно повторили его действие. Хвала богам, Динди прекратила выть. Брум же продолжал плакать, но, кажется, тоже понемногу успокаивался.

– Воды? – обратился к обоим Линд, протягивая бурдюк, в котором, правда, было не больше трёх пинт⁹ жидкости.

Впрочем, вода не должна была стать проблемой – они уже несколько раз натыкались на ручейки. Хотя, быть может, это был один и тот же ручей, а они всё это время бродили по кругу?..

Линд с брезгливой неприязнью смотрел, как пьёт Динди. Она присосалась к горлышку бурдюка и тянула жидкость, как телёнок сосёт вымя матери. Сколько слюней она при этом напускала в воду – юноша боялся даже представить. Но сейчас главное было – успокоить обоих, да и самому успокоиться тоже. Поэтому он смолчал. Затем попил и Брум, и это,

⁹ Пинта – имперская мера объёма жидкостей, равная 0,57 литра.

похоже, помогло. Линд, тщательно обтерев горлышко, через силу отхлебнул, стараясь не думать о слюне Динди, растворённой в воде.

Несколько минут они просто сидели, свыкаясь с ситуацией, в которой оказались. Линд изо всех сил вслушивался, пытаясь уловить среди обычного шума леса рокот огромной полноводной реки, которая должна быть где-то поблизости. Но всё было тщетно – он ничего не слышал.

– Нам нужно ориентироваться по солнцу, – пытаюсь говорить как можно спокойнее, начал Линд.

– Но где оно, солнце?.. – буркнул Брум, с тоской глядя вверх, где на высоте сорока футов образовывался зелёный свод.

– Где-то там, – указал Линд туда, где, как ему казалось, сейчас находилось светило. – Прошло уже часов пять или шесть с восхода, так что... – он задумался. – Восток должен быть примерно в той стороне.

– Уверен?.. – нервно спросил Брум. – Мы и шли в том направлении, и ничего не нашли.

– Мы просто ходили кругами, – скрипнув зубами, ответил Линд. – Теперь же мы пойдём, ориентируясь на солнце.

– Если бы его ещё было видно, это грёбаное солнце! – зло воскликнул Брум. – И зачем мы только полезли в эту чашу?

– Я чувствую его! – отрезал Линд, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не врезать товарищу по морде. – Просто идите за мной, и всё будет в порядке.

– То же самое ты говорил утром!..

– И что ты хочешь сказать? – вскакивая на ноги, закричал Линд. – Не хочешь идти за мной – иди куда хочешь! Можешь и Динди с собой прихватить! Я знаю, куда идти, а ты можешь топтать куда захочешь!

– Сперва завёл нас сюда, а теперь говоришь «идите куда хотите»? – на лице Брума была злость, какой Линд ещё никогда прежде не видывал. – И зачем мы только тебя послушали?.. Вот куда нас завела твоя дурость!

– Потому что у самого тебя никогда бы не хватило мозгов вообще хоть куда-то пойти! Так бы и сидел в папашинем поместье всю жизнь со своей дурой-сестрой!

– Заткнись, урод! – Бруматт, не выдержав, накинулся на приятеля с кулаками.

Линд весил куда меньше, был младше и ниже ростом, но зато он был силён и жилист. Но ярость, бушевавшая в Бруме, удесятирила его силы, и он, сбив товарища с ног, принялся колотить его по туловищу. И тут произошло нечто неожиданное – Динди воскликнула нечто вроде «Не надо!» и навалилась на брата, пытаясь удержать его руки.

Вообще Динди говорила довольно плохо – она сильно картавила, и произносила слова так, будто её рот забит песком. За всё время их знакомства Линд весьма нечасто слышал её голос. Обычно девушка обходилась лишь жестами или мимикой, изредка довольствуясь отдельными звуками. Линд не знал – способна ли она сформулировать целое предложе-

ние, поскольку обычно слышал лишь какие-то едва понятные фразы произнесённые неприятным, непривычным к общению голосом.

Брум прекратил молотить в грудь Линду, а тот так и не ответил ни разу на весь этот град тумачков. Он был настолько поражён, что словно бы впал в ступор. Ещё четверть часа назад ему и в голову бы не могло прийти, что Брум способен поднять на него руку. Мир для Линда Ворлада сегодня менялся слишком быстро и слишком сильно... Когда Бруматт слез с него, обняв сестру, Линд ещё какое-то время просто лежал, пытаюсь обрести почву под ногами.

Наконец он поднялся, отряхивая налипшие на одежду сухие сосновые иголки и морщась от боли – здоровяк-Брум всё-таки знатно намял ему бока. Хвала богам, он не надумался бить по лицу!

– Ну и что же мы будем делать? – голос дрожал и прерывался, но Линд вновь пытался говорить делово и спокойно. – Вы со мной, или как?

– С тобой... – нехотя бросил Брум.

– Тогда идём вон туда, – Линд зашагал, то и дело шипя от боли в рёбрах.

Они побрели дальше. Время от времени Линд задирает голову, словно он действительно мог видеть солнце сквозь непроглядную зелень ветвей. К сожалению, идти строго прямо не получалось – в лесу кроме деревьев было полно кустарников, зарослей папоротника или крапивы, поваленных

стволов, и всё это приходилось обходить.

Кстати, в некоторых местах, где деревья, похоже, падали недавно, в лесном куполе бывали и просветы, так что можно было более-менее понять, где на самом деле находится солнце. Увы, это не сильно помогало, потому что чувство направления, похоже, у троих путников было развито довольно слабо, так что, добираясь до очередной такой прорехи, Линд с горечью и страхом понимал, что солнце опять находится не с той стороны, где он предполагал.

Стало жарко даже здесь, в сумраке леса. Комары исчезли, но их место заняли слепни и крупные оводы, басовито жужжащие вокруг головы, и кусающие очень больно. Никакой реки не было и в помине. Трое беглецов сделали ещё привал, чтобы немного отдохнуть и перекусить. Линд попытался разыскать какие-нибудь ягоды, но не нашёл ничего, а отдаляться от товарищей побоялся.

– Если куда-то идти, то рано или поздно всё равно куда-то придёшь, – понимая, насколько жалко звучат эти слова, Линд всё же произнёс их, надеясь вселить немного уверенности в друзей. – Труон велик, и мы так или иначе придём к нему.

Скорее всего, уже перевалило за полдень – трудно было судить о времени, не видя солнца. Они всё шли – Линд впереди, как предводитель, хотя и брёл наугад, а следом – двое его верных спутников. Временами накатывала паника, но Линд боролся с ней как мог. Он беспрерывно твердил се-

бе те же слова, что только что сказал товарищам, и почти верил в них. Но иногда вера будто исчезала куда-то, растворялась, как уходит в песок лужа после дождя. И тогда становилось страшно до одури...

Говоря откровенно, случиться могло что угодно. Этот лес, быть может, уходил на сотни миль к югу, и если они не смогут держаться верного направления, то могут бродить бесконечно, покуда не упадут от истощения. А ночью... Кто знает, какие хищники водятся здесь? Медведи, волки и кабаны – это уж точно... А у них нет ничего, чем можно было бы развести огонь... Об этом Линд, к сожалению, не позаботился...

Хвала богам, до темноты оставалось ещё много времени, хотя здесь, в этой чаще, конечно, стемнеет куда раньше... Больше всего Линд мечтал сейчас найти тропу, хоть самую плохонькую... Это означало бы, что где-то поблизости есть люди. Да и продираться сквозь этот бурелом было не всегда просто – то и дело приходилось огибать препятствия, что ещё больше сбивало их с выбранного направления. Радовало одно – небольшие ручейки попадались достаточно часто, так что смерть от жажды им не грозила.

– Какой же я идиот!.. – резко остановившись, хлопнул себя по лбу Линд и захохотал от облегчения.

– Что случилось? – на лице Брума явно читалась надежда.

– Мы не так давно перешли через ручей, – обернувшись, Линд кричал, не в силах совладать с охватившим его воз-

буждением. – А куда бегут все ручьи?

– К реке?.. – расплываясь в улыбке, догадался Брум.

– Конечно к реке! – счастливо хохоча, отвечал Линд. – Куда же ещё, старик! Они бегут к Труону! И всё, что нам нужно – просто пойти вдоль ручья!

Теперь они хохотали уже все втроём – Динди вторила парням, заливаясь каким-то лающим смехом.

– Ну что, пойдём, найдём тот ручей, и отправимся вдоль него! – наконец провозгласил Линд.

Они переходили (скорее даже перепрыгивали) через ручей всего каких-то четверть часа тому назад, но отыскать его оказалось нелёгким делом. Вроде бы и места казались знакомыми, где они точно проходили, но всё же они порядком поплутали, пока увидели поросшие папоротниками берега ручейка.

– Ну вот и всё! – заявил Линд с огромным облегчением. – Скоро мы будем у Труона!

Они двинулись вдоль ручья с новыми силами. Даже Брум, казалось, избавился от усталости и радостно шагал следом за Линдом. Идти прямо вдоль русла было неудобно – слишком много самых разных растений стремилось прильнуть поближе к воде, и потому берега то и дело оказывались заросшими кустами. И всё же далеко трое путников старались не отходить, наученные уже горьким опытом. Они знали, каким коварным обманщиком мог быть лес, и потому предпочитали лишний раз пролезть через крапиву, чем отойти далеко от

ручья.

На ногах обеих парней были крепкие кожаные ботинки и прочные штаны, так что им все эти заросли не причиняли особых проблем. Другое дело Динди – на её ногах не было ничего кроме пары лёгких сандалий. Но, кажется, девушка не слишком-то страдала – её лицо сохраняло свою королю невозмутимость, и лишь когда сочные листья крапивы хлестали ей по обнажённой коже, она смешно морщила нос, становясь похожей на обиженную крысу.

Так они шли не более получаса, когда вдруг звук, совершенно чуждый атмосфере этого мрачного леса, донёсся до их ушей. Лай собак! Где-то была охота!

– Эй! Эй! Сюда! – что было сил завопил Брум.

Он вертел головой, тщетно пытаясь определить, откуда именно доносился звук. Но эхо играло с ним шуточки, так что казалось, что собаки издевательски носятся по кругу.

– Ты зачем их зовёшь? – схватив приятеля за рукав, зашипел Линд.

– Это люди! – восторженно кричал Брум. – Они спасут нас!

– Нас не нужно спасать, идиот! Теперь, когда до Труона осталось совсем немного! Они не спасут нас, а доставят обратно в поместье, где нам крепко влетит за побег!

– Мне всё равно! – скидывая руку Линда, крикнул Брум. – Не хочу я с тобой никуда идти! Иди один, если хочешь! Мы с Динди останемся здесь и будем ждать охотников! Ты – обыч-

ный болтун, и ничего не знаешь! Тебе не добраться до Кидуи!

– Посмотрим! – зло бросил Линд и, толкнув Бруматта в грудь, резко повернулся и зашагал вдоль ручья.

Динди вроде бы сделала движение, словно собираясь отправиться следом, но Брум крепко держал её за руку.

– Всё нормально, Динди, – проговорил он. – Если хочет – пусть идёт! Вот увидишь, скоро он испугается и сам прибежит обратно! Эй! Сюда! Мы здесь! – громко закричал он, надеясь, что охотники его услышат.

Линд услышал шаги отца за дверью, и задрожал. Он никогда ещё не испытывал на себе всю силу отцовского гнева – за те мелкие шалости, которыми он обычно грешил в детстве, барон Ворлад разве что отвечивал подзатыльника, а чаще и вовсе отделялся насмешливыми комментариями. Но теперь... Когда он вошёл в дом (Брум и Динди сразу же направились в свой флигель), отец сидел за столом, и был он темнее тучи.

– Иди к себе! – глухо рыкнул он, глядя не на сына, а на двух слуг, что привели его. Он не хотел устраивать разнос при простолюдинах.

Линд, едва чуя под собой ноги, бросился в свою комнату и рухнул на так и не прибранную постель, сотрясаясь от страха и разочарования, а скорее даже горя. Он плакал, но

плакал не от предвкушения страшного наказания, а оттого, что всё закончилось, когда он, кажется, был уже на пороге новой жизни.

Те, кого они сочли охотниками, оказались слугами сеньора Хэддаса, а скорее уж – слугами его отца, посланными на розыски. Дело в том, что Линд не хотел исчезать бесследно и заставлял отца переживать, а потому оставил, как ему казалось, весьма взрослое и серьёзное письмо, надеясь, что отец всё поймёт.

Но барон Ворлад не оценил сыновьего порыва и пришёл в ярость. Первым же делом он отправил всадников в Тавер, но те вскоре вернулись, заверяя, что трёх молодых людей никто не видел ни по дороге, ни в городе. Стражники у ворот божились, что не могли не заметить их, если бы беглецы объявились.

Тогда Довин велел позвать егерей с собаками и пустить их по следу. Гончие без особых трудностей взяли след и привели людей к лесу. Оказалось, что несчастные беглецы сбились с дороги практически в самом же начале, и за всё это время так и не приблизились к Труону ближе, чем на пару миль. Да и слишком глубоко на юг они тоже не ушли. По большому счёту, они ходили широкими кругами всего в каких-нибудь полутора милях от края.

Впрочем, будь у них больше времени, они достигли бы цели, поскольку идея двигаться вдоль ручья была верной. Поступи они так сразу же – и, возможно, сумели бы уйти от по-

гони прежде, чем та их настигнет. Быть может, им удалось бы даже добраться до одной из прибрежных деревень и нанять судёнышко. Но случилось то, что случилось.

После того, как отправившиеся на поиски егеря отыскивали детей сеньора Хэддаса, те указали направление, куда ушёл молодой барчук, так что его настигли очень быстро. Линд даже особенно не сопротивлялся – он уже понял, что проиграл, и теперь больше всего страшился отцовского гнева. В итоге все трое благополучно были доставлены в поместье.

И вот теперь Линд в своей комнате ожидал наказания. Когда вошёл отец, он тут же вскочил и вытянулся по струнке, как заправский легионер. Комната была невелика, так что расстояние между отцом и сыном не превышало ярда. Лицо барона Ворлада было мрачным, но довольно спокойным. Впрочем, это было спокойствие грозового неба перед бурей.

– Ну и чего ты хотел добиться? – начал допрос отец.

– Я... – язык присыхал к гортани, но сейчас нельзя было мямлить. Линд должен был показать, что он уже взрослый. – Я хотел отправиться на службу, отец. Стать таким как ты...

– Мы уже говорили об этом ранее, и я запретил тебе думать об этом ещё год.

– Да, но... – юноша мучительно сглотнул и прокашлялся, поскольку голос был сиплым от страха. – Я уже готов, отец! Чем скорее я начну службу, тем скорее дослужусь до высших чинов. Ты сам говорил, что начал службу в семнадцать...

– Но я для этого не сбегал из дому, послушавшись приказа

отца! Кроме того, тебе ещё нет семнадцати! Уж не думаешь ли ты, что способнее своего старика?

– Нет, милорд! – воскликнул Линд. – Я вовсе так не думаю! Просто... Мне скучно здесь, и мне кажется, что я трачу жизнь напрасно. У меня ощущение, что я получил пятьдесят рехт, но решил просто так выбросить одну в море...

– Неплохо! – внезапно рассмеялся Довин. – В твоей голове правильные мысли, сын, но, к сожалению, это не мешает тебе вести себя в высшей степени глупо.

– Я хотел, чтобы ты гордился мною, отец! – быстро заговорил Линд, сбитый с толку, но и обрадованный внезапной перемене настроения барона. – Я стал бы легионером, потом – центурионом, а однажды – легатом!..

– Постой-постой... – вновь нахмурился Довин. – Легионером? Запомни раз и навсегда, сын, никто из Ворладов никогда не будет простым легионером! Понял ли ты это?

– Понял... – густо покраснел Линд, но ему хватило духу не опустить лицо.

– У тебя хорошие стремления, Линд, но ты ещё мал и глуп. И твой сегодняшний поступок показал это. Именно поэтому я и не разрешил тебе отправиться на службу раньше. Ты не готов, хотя думаешь иначе. Кстати, в этом главная беда подобных тебе. Теперь нет войны, но поверь, что на войне первыми погибают такие как ты – глупцы с хорошими стремлениями.

Линд слушал молча и не перебивал. Он нутром чуял, что

гроза в этот раз прошла мимо, и теперь испытывал бесконечное чувство облегчения не только потому, что отец, похоже, не собирался его прибить, но также и потому, что он был теперь дома, в безопасности, и, как ему хотелось надеяться, вскорости его ждал хороший обед и сон.

– Когда я решу, что ты готов, я позабочусь о том, чтобы ты получил хорошее место. Конечно, большой шишкой ты не станешь, да это и не нужно – я сам начинал с низов. Но, конечно, не простым легионером. В тебе течёт кровь Ворладов, Линд, и никогда не забывай об этом. Ты останешься здесь столько, сколько я сочту нужным. Понял ли ты меня, сын?

– Понял, отец, – по-военному отчеканил Линд.

– Я не стану слишком уж наказывать тебя, потому что твой поступок, хоть и был нелепым и бестолковым, всё же свидетельствует о том, что кровь твоя правильной густоты, и ты далеко пойдёшь... когда поумнеешь, разумеется. Тебе кажется, что ты уже взрослый. И это понятно – так устроены все люди. Всю свою жизнь ты словно поднимаешься вверх по винтовой лестнице, где всё, что выше, скрыто мраком. Ты думаешь, что уже давно поднимаешься по этой лестнице, и уже хорошо научился не спотыкаться на ступеньках, а потому уверен, что познал всё о своём подъёме. Но это лишь потому, что ты не знаешь, что будет выше, там, во мраке. Тебя ждёт в жизни ещё много неприятных сюрпризов, сын. Сегодняшний день – тому подтверждение. Надеюсь, он послужит тебе уроком. Подумай об этом в течение тех десяти дней, что

тебе нельзя будет выходить из комнаты.

Сказав это, барон Довин Ворлад вышел.

Глава 4. Динди

Это были самые долгие десять дней в его жизни... Как и велел отец, Линд за всё это время ни разу не переступил порог своей комнаты. Дважды в день приходил слуга, чтобы принести поесть и вынести судно, но он не откликнулся, когда юноша обращался к нему. Значит, отец велел полностью изолировать сына. Поняв это, Линд перестал и стараться завести разговор.

Единственное развлечение, которое ему было доступно – разглядывать в окно пейзажи Серого моря и двор. Иногда он мог видеть отца, уезжающего куда-то или, напротив, возвращающегося. То и дело туда-сюда мельтешила дворня, иной раз важно прохаживался сеньор Хэддас. Но ни Брума, ни даже Динди не было. Видно, они тоже были наказаны...

Зато было много времени, чтобы обо всём подумать. Возможно, именно этого и добивался от него отец. И Линд, надо признаться, чем больше думал о произошедшем, тем яснее понимал, насколько всё было глупо задумано и реализовано. А это означало лишь одно – сам он действительно был ещё слишком молод и глуп. То, что сказал ему отец в тот день, крепко засело в мозгу, и теперь юноша медленно переваривал это, словно корова, жующая жвачку.

Главный вывод, который он сделал – отца нужно слушаться. Барон Ворлад гораздо умнее и опытнее. Линду неужи-

данно пришло в голову, что его отец тоже когда-то был шестнадцатилетним мальчишкой, и, возможно, тогда у него в голове были похожие мысли. Быть может, тогда он тоже был наивен и глуп, как его сын сейчас. Во всяком случае, это значило, что отец вполне мог понимать, что творится сейчас в его голове.

Линд вдруг ясно понял простую вещь – отец когда-то был на его месте, тогда как сам он на месте отца не бывал никогда. И это значило, что с его стороны просто смешно воображать, будто он знает что-то такое, что неизвестно барону. Та вещь, что Довин сказал про лестницу, ведущую во тьму, вдруг абсолютно наглядно представилась Линду. И он твёрдо решил для себя, что отныне просто заткнётся и станет во всём слушать то, что ему говорят более умные и более опытные люди.

Неизвестно, на сколько должно было хватить этих благостных мыслей, но из своего заточения Линд вышел словно бы другим человеком. Он с наслаждением покинул свою временную тюрьму, и в полной мере вдруг осознал те простые и незаметные радости жизни, когда ты можешь пойти куда вздумается, а встречные люди вновь начинают общаться с тобой. Каково же тогда приходится настоящим узникам, сидящим годами в сырых подвалах?.. И юноша сделал себе ещё одну пометку на память – надо жить так, чтобы не попасть в тюрьму.

Первым же делом он отправился на поиски Брума. И пред-

сказуемо отыскал их с Динди на побережье – на том самом месте, где они любили проводить время. И занимались они своими любимыми делами – Брум блаженно жарился на солнце, раскинувшись на сером песке, а Динди бродила по воде. Даже несмотря на жару, родители запрещали ей купаться. Впрочем, море всё равно оставалось холодным, так что Линд их отлично понимал – сам он не горел желанием окунуться.

– Ну как ты? – воскликнул Брум, услышав шаги друга, лишь когда тот подошёл почти вплотную. – Здорово тебе досталось?

– Да не то чтобы очень, – небрежно пожал плечами Линд, присаживаясь рядом. – Десять дней в комнате без возможности выйти. Но знаешь, старик, это было вовсе даже и не наказание. Это был урок. И я его, похоже, усвоил. А вы как?

– Пустяки! – отмахнулся Брум. – Меня тоже заперли, да ещё отец всыпал немного за то, что потащил за собой Динди. В общем, ничего страшного. По-моему, в глубине души он был даже рад, что я отправился с тобой.

– Да и мой отец не то чтобы очень уж разозлился. Только на то, что я всё сделал глупо. И это действительно так. Я сильно сглупил, старик. Извини, что втянул вас в это.

– Ты знаешь, сейчас, когда всё прошло, этот день вспоминается даже приятно, – улыбнулся Брум. – Да и Динди понравилось.

Линд взглянул на девушку, как будто бы задумчиво бро-

дящую в море, как обычно бесстыдно задрать юбку, и вспомнил, как она вступилась за него. Это было странно. Но, во всяком случае, вряд ли Динди могла затаить обиду за тот день – кажется, её память была подобна песку в полосе прибоя.

– И всё же брать её с собой было глупо... – пробормотал он, и Брум согласно кивнул.

– И что теперь?

– Буду ждать, пока отец не позволит уехать, – вздохнув, ответил Линд. – Буду готовиться. Я хочу попросить твоего отца возобновить занятия. Страшно подумать, что я, дожив до своих лет, почти ничего не знаю... Наши родители могут многому нас научить, Брум.

– Ещё бы! Надо подготовиться к самостоятельной жизни! Я тоже буду учиться с тобой!

– Тогда не будем терять время! – решительно объявил Линд. – Вставай, старик, пойдём поговорим с твоим отцом. Может быть, он согласится начать занятия сегодня же.

– Ладно, пошли, – украдкой вздохнув, Брум поднялся, и песок посыпался с его одежды. – Эй, Динди, выходи! Пора домой.

Так прошёл остаток лета, осень и зима. Линд и Брум действительно провели это время с пользой. Барон Ворлад даже пригласил в поместье из Тавера настоящего преподавателя,

поскольку сеньор Хэддас честно признался, что его возможности весьма скромны.

Удивительно, но настолько же, насколько прежде Линд старался отлынивать от учёбы, теперь он стремился к ней. Брум, чьи умственные способности были, мягко говоря, не слишком высоки, довольно быстро отстал от младшего товарища, но тоже продолжал впитывать хотя бы крохи доступных ему знаний.

Наверное, отец Линда в глубине души не мог нарадоваться на отпрыска, а главное – на то, что ему пришла эта нелепая мысль сбежать из дома. За минувшие месяцы парень действительно повзрослел и стал гораздо серьёзней, чем прежде. Похоже, он действительно усвоил свой главный урок, а это значило, что будущее Линда обещало быть безоблачным.

Так или иначе, но уже наступила весна, и юноша надеялся, что вскоре отец разрешит ему уехать. И, разумеется, не просто разрешит, но и поможет, как обещал. Весна на побережье Серого моря наступала очень поздно – в это время в Кидуе уже вовсю зеленели деревья. Впрочем, зима Линду как раз нравилась, так что, пожалуй, в этом смысле он предпочитал Палатий.

Но наконец-то солнце сумело справиться даже с самыми глубокими сугробами, залегавшими в канавах. Северные травы, знавшие о том, какое короткое лето их ждёт, спешили изо всех сил. Вскоре окрестные холмы оделись в изумрудные

наряды, которые вот-вот должны будут окраситься пёстрым многоцветьем.

Но погода в это время особенно обманчива, так что не было ничего удивительного, что Брум внезапно заболел. Пару дней он бодрился и разделял с товарищем все его занятия, постоянно шмыгая текущим носом, но в конце концов у него начался сильный жар, так что на какое-то время Линду пришлось остаться без компании.

Точнее, не совсем. Бруматт очень просил, чтобы Линд хоть иногда брал с собой Динди.

– Чего ей из-за меня дома сидеть? – жалостливо прогнул савил он.

Линд был не в восторге, но всё же пообещал приятелю, что не оставит его полоумную сестрицу в одиночестве. По большому счёту, она не могла ему очень уж помешать. Динди обычно жила в каком-то своём мире, и зачастую о её существовании вообще можно было позабыть.

Линд пару раз брал её с собой в прогулки по побережью, но со стороны моря опять дул пронизывающий холодный ветер, так что он решил не искушать судьбу. Валяться с простудой как Брум ему не хотелось. Поэтому он решил позаниматься дома.

Не так давно их учитель привёз из Тавера чудесную книгу, которая называлась очень просто – «Животные Паэтты», и в ней было полно замечательных цветных изображений всевозможного зверья и птиц, выведенных весьма искусным

художником. Книга эта стоила целого состояния, и потому отец даже слышать не хотел о том, чтобы купить её, но учитель согласился на некоторое время оставить фолиант в поместье под самые страшные клятвы Линда о том, что ни одна пылинка не упадёт с неё за это время.

И вот теперь, когда ему бывало скучно как теперь, Линд разглядывал эти цветные картинки, не переставая удивляться фантазии Арионна. Кроме известных ему животных здесь было множество удивительных видов, водившихся в Саррасанской империи, пустыне Туум и даже на Келлийских островах. Их тут было столько, что юноша иной раз невольно задумывался – а действительно ли художник видел их все, или же полагался исключительно на свою фантазию?

Вот и в этот раз Линд решил провести время с книгой. Ветер, налетающий с моря, бил в окно с такой силой, что дрожала даже рама, но в комнате горел небольшой камин, согревая воздух, а солнце ярко светило, заливая комнатушку светом. В общем, всё располагало к чтению.

Памятуя о своём обещании, Линд предложил Динди пойти с ним, чтобы посмотреть картинки. По отстранённому лицу девушки не было ясно – поняла ли она, зачем её зовут, но, как обычно, она послушно поплелась следом, тихонько мыча какой-то атональный мотивчик себе под нос.

Динди никогда не бывала на занятиях Линда и Брума с их учителем. Даже отец, когда занимался с мальчишками, не брал младшую дочь, поскольку понимал абсолютную бес-

перспективность этих занятий для неё. Конечно, Динди видела книги прежде, но обычно – лишь их корешки, стоящие на полке, или же закрытые тома, сложенные на столе. Теперь же, увидев удивительные картинки, таящиеся внутри, она даже взвизгнула от восторга.

Линду пришлось приложить все свои старания, чтобы уберечь драгоценный фолиант от не в меру возбуждённой девушки.

– Всё! – строго объявил он. – Сиди здесь, и не трогай книгу! Я буду сам показывать тебе!

Динди, хоть и была идиоткой, но всегда отличалась покладистостью и послушанием. Вот и сейчас она смиренно уселась на его кровати, даже сложив руки на коленях. Сам Линд сел на табурет по другую сторону стола, а книгу положил так, чтобы в любой момент отдёргнуть её, если Динди вновь не совладеет с эмоциями.

Он стал показывать наиболее любившиеся ему изображения, и даже рассказывать то, что прочёл об этих диковинных животных. Динди была полностью поглощена увиденным – сейчас её лицо казалось почти нормальным, извечная тупость словно растворилась в искреннем интересе.

Увы, но куда чаще Линд глядел не на её лицо... Девушка была в своём обычном сарафане, который был пошит весьма свободно и приличествовал скорее маленькой девочке, чем взрослой девушке. Когда Динди наклонялась, вглядываясь в рисунки, Линд имел возможность созерцать её грудь. Он и

прежде не раз заглядывал ей за корсаж сарафана, но обычно это были краткие мгновения, когда она наклонялась за чем-то. Теперь же он мог любоваться всласть.

Надо сказать, что поначалу юноша честно пытался отводить глаза, но вскоре понял, что это бесполезно. Ему было семнадцать, и сейчас его интерес к противоположному полу был силён как никогда. А Динди, если забыть её умственную отсталость, была весьма неплохо сложена, и грудь у неё была не слишком большая, но красивая.

И вот мысли Линда стали всё больше путаться. Он нёс какую-то околёсицу, и сам понимал это. Все его мысли сейчас были заняты лишь одним... Он и сам не заметил, как оказался сидящим рядом с Динди на кровати. Он прильнул к ней, вдыхая запах её невымытого тела – такой манящий в эту минуту... Мягкая податливость женского тела, которую он ощущал, сводила с ума. Никогда ещё Линд не был так близок с девушкой, и теперь он в полной мере осознал, насколько это приятно.

Прошло всего несколько минут – и вот уже он шарил руками по её телу, с особенным наслаждением сминая упругую горячую грудь. Динди не делала никаких попыток прекратить это. Она смотрела на Линда с явным интересом, словно он предложил ей какую-то очень занимательную игру. И по выражению её лица было видно, что ей эта игра очень нравится.

Линд, похоже, полностью утратил контроль над собой, и

спасти его мог бы сейчас лишь чей-то внезапный визит. Но никто не пришёл – Брум в этот момент лежал больной в постели, слуги не беспокоили молодого барина без нужды, а отец и вовсе никогда не навещал сына, даже если бывал дома. А потому распалившуюся парочку влекло ко всё новым то ли вершинам, то ли глубинам – в зависимости от того, с чьей точки зрения взглянуть на происходящее...

Когда Линд более-менее пришёл в себя, всё уже было кончено. Они лежали с Динди, полностью обнажённые, и она уютно прильнула к нему, всё так же улыбаясь, разве что на сей раз в её улыбке было ещё и что-то томное.

– Что же мы натворили... – едва лишь осмыслив случившееся, прошептал Линд.

Надо сказать, это «мы» было довольно несправедливым, и любой другой здесь вряд ли отыскал бы вину Динди. И это как раз пугало больше всего, ведь выходило так, что он просто воспользовался умственной отсталостью девушки... И наползающий страх моментально убил всю романтику.

– Давай одевайся поскорее, – едва ли не сталкивая Динди с кровати, проворчал Линд и сам принялся натягивать одежду. Сейчас ему было так страшно, что он даже не глядел на её ладное юное тело.

Что же делать дальше? Как быть? А что, если Динди проболтается?.. А что, если... Линд похолодел, а одеревеневшие пальцы никак не могли справиться со шнурком на рубашке. А что, если Динди забеременеет?..

– Никому ничего не говори! – буркнул юноша.

Динди как ни в чём не бывало продолжала одеваться, так что было даже не ясно – услышала ли она.

– Слышишь? Никому не говори! – грубо ухватив её за руку, настойчиво повторил Линд.

Динди взглянула на него и, криво ухмыльнувшись, дёрнула плечиком. Этот жест в равной степени мог означать как согласие, так и что-то другое, но Линд по опыту знал, что большего от неё не добиться. Оставалось лишь надеяться на её природную неразговорчивость. Впрочем, Брум умел понимать сестру, даже когда та молчала. Он быстро заподозрит неладное...

– Иди к себе, Динди, – голос был сиплым – горло пересохло ещё раньше, а теперь его совсем перехватило от страха. – И никому ничего не говори. Веди себя как обычно, особенно в присутствии Брума. Ничего особенного не случилось, ты поняла?

– Да, – совершенно неожиданно девушка ответила хриплым сдавленным голосом.

Она поглядела прямо в глаза Линду, и взгляд её был каким-то... почти нормальным. Похоже, она действительно понимала, что сейчас произошло. Впрочем, она же была не совершенной идиоткой, в конце концов!.. Вновь улыбнувшись, девушка вышла.

Два дня Линд не находил себе места. Он избегал отца (что, впрочем, было совсем несложно), избегал сеньора Хэддаса, и уж подавно он избегал Динди и Брума. Он ни разу не навестил друга, и вообще почти не выходил из комнаты, ссылаясь на недомогание.

И всё это время он думал, как ему поступить дальше. Первое и главное, что он осознал – это не должно больше повториться. Динди – не пара ему, и он не может обречь себя на подобную спутницу жизни, что бы там ни фантазировал себе Брум. А значит – дальше было два пути развития событий.

Первый и самый страшный – Динди понесёт ребёнка. Что делать в этом случае – Линд решительно не представлял. Ему придётся вновь бежать из поместья, и на этот раз так, чтобы никто – ни отец, ни Брум не могли его отыскать. Потому что растить этого ребёнка вместе с Динди – невыносимо. Может быть, он родится совершенно нормальным, но... Нет, это невозможно себе даже представить!..

Второй путь – продолжать жить, как ни в чём не бывало, надеясь, что Динди сохранит их маленький секрет. Впрочем, Линд прекрасно осознал, что положиться в этом на полоумную девушку в полной мере будет нельзя. Кто знает, что она выкинет! Не говоря уж о том, что между нею и Брумом существует какая-то фантастическая связь, так что он вполне может понять что-то и без её слов.

Впрочем, был ещё и третий путь – самому признаться в произошедшем. При всей очевидной неприемлемости дан-

ного варианта у него были и некоторые неочевидные преимущества. Главное – он избавился бы от этого ужасного ожидания разоблачения, которое за эти два дня вымучило его больше всего. Вдрагивать всякий раз, когда под дверью раздавались шаги, представлять в сотый раз, как Динди ляпнет что-нибудь в неподходящий момент – это было просто невыносимо.

А ещё – он ведь решил стать взрослым, стать мужчиной. Он почти год пытался убедить всех, включая и себя самого, что теперь он полностью готов сам отвечать за свои поступки. И сейчас он видел шанс доказать это. Ну что сделает отец? Вполне возможно, как и в случае с побегом, обратит это в очередной урок жизни. Может, посмеётся. В конце концов, дело молодое! Чего ещё ждать от семнадцатилетнего парня?

А сеньор Хэддас и Брум... Линд не боялся ни того, ни другого, но взамен этого ощущал, быть может, куда более неприятное чувство – стыд. Отцу он посмотрел бы в глаза, пусть и опасаясь возмездия с его стороны. А вот им взглянуть в глаза сейчас он не смог бы.

И на исходе второго мучительного дня Линд наконец принял решение. Он должен сознаться. И не кому-нибудь, а Бруму. Разумеется, после он скажет и остальным, но первым должен быть Брум.

Приятель всё ещё лежал в лихорадке. Его лицо было покрыто потом, но зубы выстукивали дробь.

– Привет, старик, – Линд пытался не выдать своё крайнее волнение, но получалось плохо. – Ну как ты?

– Привет, Линд! Зря ты пришёл, – несмотря на эти слова, лицо Брума осветилось радостью при виде друга. – Ещё подхватишь заразу...

– Ничего. Я вот тут сяду, в ногах. Ничего страшного. Смотрю, тебе не очень сладко?..

– Знобит, – стараясь не слишком стучать зубами, отвечал Брум. – Не отпускает проклятая лихорадка. То в жар, то в холод...

– Ладно, я тогда ненадолго, – у Линда был огромный соблазн сказать, что он зайдёт попозже, но при этом он понимал, что не выдержит ещё несколько дней мучений неизвестностью. – У меня к тебе есть разговор, старик.

– Что случилось? – встревожился Брум. Линд никогда не начинал бесед с подобных слов, да и выражение его лица, должно быть, даже в полумраке комнаты выглядело мрачным. – Что-то с Динди? Где она?

Удивительно, какова была сила его братской любви – первое, о чём он подумал, была его сестра. Линд в очередной раз похолодел внутри – как же Брум отнесётся к произошедшему?.. Язык присох к нёбу – юноша словно остановился на краю бездонной пропасти. Самое страшное было сказать первые слова – как ступить в пустоту. Сейчас, покуда эти слова ещё не сказаны – можно отступить, можно убежать от этого рокового обрыва. Но уже первые фразы неизбежно по-

тянут за собой остальные, и это будет невозможно остановить...

– Я попал в переделку, старик... – с трудом выдавливая из себя слово за словом, начал Линд.

Глава 5. Отъезд

– Зачем ты это сделал?.. – наконец прервал молчание Брум.

Всё время, покуда Линд тяжело, через силу, облегчал свою душу, он молчал, лишь дрожал всё сильнее. Молчал он и тогда, когда Линд закончил, низко повесив голову. Его разум и так ослабел от схватки с болезнью, так что теперь, похоже, он впал в какой-то ступор. Парень чувствовал себя, будто во сне, и сказанное приятелем никак не укладывалось в голове, казалось чем-то совершенно невероятным.

– Я же сказал – это вышло случайно... – глухо, не поднимая головы, ответил Линд. – Я потерял голову, старик...

Брум вновь замолчал, словно новая порция информации опять перенапрягла его мозг. Он непонимающе смотрел на того, кого считал лучшим другом, и, казалось, никак не мог понять, как тот мог осквернить самое дорогое для него существо. Он мучительно подбирал слова, желая спросить что-то самое важное, но в голову ничего не лезло.

– Кто-то ещё знает?

– Я пошёл к тебе первому. Я совершил подлость, Брум, и виноват не только перед Динди, но и перед тобой. Я бы хотел, чтобы ничего этого не произошло...

– И что ты будешь делать дальше? – лихорадка и шок сделали Брума совершенно отстранённым. Ему казалось, что

происходящее происходит даже не с ним, и что он просто со стороны наблюдает чей-то нелепый разговор.

– Не знаю... – жалобно вздохнул Линд. – Расскажу всё отцу и сеньору Хэддасу...

– А потом? – расплывшееся по комнате сознание Бруматта стало понемногу собираться обратно в черепную коробку. – Что будет с Динди?

– Надеюсь, с ней всё будет хорошо...

– Ты женишься на ней? – наконец-то Брум задал вопрос и понял, что он правильный.

– Извини, старик, – судорожно сглотнув, заговорил Линд. – Ты же понимаешь, я не могу... Скоро я отправлюсь в армию, буду жить по гарнизонам... Что мне делать с женой?..

– Но ты же обесчестил её... – срывающимся голосом произнёс Брум, привставая на кровати. – Ты должен жениться!

– Не думаю, что это будет правильно... Динди нужен муж, который всегда будет с ней рядом, как сейчас ты...

– Ты обесчестил её! – уже громко повторил Брум. – Она – не какая-то прачка или пастушка, она – дочь дворянина! Ты представляешь, какой позор падёт на наш дом, если кто-то возьмёт её в жёны и узнает, что она не невинна? Ты должен жениться на ней!

– Давай будем откровенны, старик, – Линд говорил сейчас совсем не то, что собирался, но Брум припёр его к стенке, и теперь инстинкты требовали обороняться всеми доступными

ми способами. – Вряд ли Динди кто-то возьмёт замуж...

– Что ты хочешь сказать? – болезненная бледность лица Брума заплыла краской гнева, а голос, всё ещё слабый, наливался яростью и крепчал. – Что ты хочешь этим сказать???

– Ты и сам знаешь...

– Она что – недостаточно хороша для такого барина как ты? – теперь в лице Брума были не только гнев, но и ненависть.

– Она недостаточно хороша для любого! – отрезал Линд, понимая, что разговор окончательно зашёл в тупик, и желая порвать с ним. – Ты же и сам знаешь, что твоя сестра – умственно отсталая! Таких не берут замуж!

По лицу Брума он вдруг понял, что тот совершенно искренне удивлён и возмущён услышанным. В своей беззаветной любви к сестре парень, похоже, дошёл до того, что позабыл о душевном недуге Динди. Для него она, судя по всему, казалась совершенно нормальной. И только теперь Линд осознал, что его приятель был *абсолютно* серьёзен, когда много лет заводил разговор о его возможном браке с Динди. До сих пор он сам относился к этим попыткам с насмешкой, а потому предполагал эту насмешку и в товарище. Кто бы мог подумать?..

– Ну ты паскуда!.. – с ненавистью выплюнул Брум. – Я врезал бы тебе, если бы не был так слаб!.. Пошёл вон, я не хочу тебя больше видеть! Иди и подумай о том, как поступить, если в тебе есть хоть капля порядочности! И запомни:

когда я поправлюсь, я тебя прибуду, если ты не найдёшь в себе мужество поступить как порядочный человек!

Опасаясь, как бы не стало ещё хуже, Линд, не говоря ни слова, подскочил и быстрым шагом вышел из комнаты. Брум, бессильно рухнув на подушку, задыхался от ярости. Его лихорадило сейчас ещё сильнее, чем до визита бывшего друга. Казалось, он вот-вот лишится чувств. Мир кружился и плыл, отчего к горлу подкатила тошнота...

Брум закрыл глаза и судорожно вцепился в одеяло, словно заставляя мир остановиться. Понемногу это помогло. Он смог приподняться и напиться из кувшина, стоящего рядом. Однако вода не потушила огонь, пылавший сейчас в его душе. Нет, он не шутил! Если Линд обидит его сестрёнку ещё раз – он убьёт его!..

– Ты не женишься на этой девушке, сын, можешь не волноваться. Хэддасы, похоже, считают иначе, но это я беру на себя.

Разговор с отцом прошёл куда легче, чем общение с Бруматтом. Барон Ворлад, судя по всему, не слишком-то рассердился – скорее, его развеселили унылое выражение лица Линда и его сбивчивый рассказ с неловкими заминками, когда парень пытался подобрать слова. В самом же поступке отец не видел ничего плохого.

– Ты стал мужчиной, Линд, – даже с каким-то уважени-

ем проговорил барон. – И не потому, что поразвлёкся с этой девушкой, но потому, что не стал скрывать этого, подобно сопливному мальчишке. Что же, кровь твоя густа и горяча, и я давно ожидал чего-то подобного. Конечно, ты доставил бы мне меньше хлопот, если бы выбрал какую-нибудь смазливую служаночку... Впрочем, откуда им тут взяться, да, сынок? – внезапно хохотнул он.

Что-то сальное было в этой усмешке, и Линду вдруг подумалось, что и сам отец хаживал на сторону, не всегда храня верность госпоже Ворлад. Эта мысль неприятно поразила юношу, но он поспешил поскорее отделаться от неё. Кроме того, у него были сейчас проблемы поважнее.

– Я сам поговорю с Хэддасом, – небрежным тоном, словно речь шла о его вассале, продолжил барон. – Так будет лучше. Если к нему придёшь ты, он, чего доброго, вообразит, что без свадьбы тут не обойтись, как и этот твой недалёкий приятель. Мы слишком долго жили рядом, и они уже, похоже, позабыли, что мы им не ровня... Да и эта девушка... Она смазливая, не спорю, но она же – полная дура! Неужто они всерьёз думали, что им удастся пристроить её кому-то?.. Впрочем, вряд ли – Хэддас не так глуп, как его младшие отпрыски.

Линд редко разговаривал с отцом, и чаще всего тот старался играть роль этакого дружелюбного ко всем человека, так что сейчас ему было странно слышать столь нелицеприятные высказывания в адрес людей, к которым барон обычно

выказывал крайнюю расположенность. Возможно, это значило, что отец признал в нём взрослого, и заговорил как с равным, но сейчас это немного обескураживало.

– Но вообще-то тебе, пожалуй, будет лучше уехать. Если тебя здесь не будет – пыль уляжется побыстрее. Думаю, ты уже вполне готов к самостоятельной жизни. Отправишься в Кидую, и вскоре позабудешь этот богами забытый угол. А уж сколько там смазливых дурочек, которые только и ждут, чтобы их попортил кто-то вроде тебя! Куда этой дуре до них!..

– А если Динди забеременеет?.. – поморщившись от отцовского цинизма, робко спросил Линд.

– Ну так что ж с того! – беззаботно ответил Довин. – Будешь потом хвалиться своим друзьям, что где-то на севере у тебя уже бегают бастард! Да и этой полоумной хоть какое-то утешение, если, конечно, она будет в состоянии приглядывать за ребёнком. Разберутся, тебе-то что за дело?

Откровенно говоря, разговор получился совсем не таким, как ожидал Линд. Впрочем, в общем отец не только поддержал его, но и обещал свою помощь, если возникнут проблемы с тем же сеньором Хэддасом. И хотя после общения с отцом в душе юноши осталось ощущение чего-то грязного, в целом он почувствовал себя гораздо спокойнее, понимая, что отец не даст Бруму поженить их с Динди.

Хотелось уехать поскорее, чтобы, по возможности, не встречаться ни с Брумом, ни с кем-то ещё из семейства Хэддасов. Линд, разумеется, не воспринял всерьёз угроз прия-

теля, и нисколько не опасался за свои жизнь и здоровье, но ему не хотелось новых сцен. Родня Динди, очевидно, смотрела на вещи иначе, нежели они с отцом, и было ясно, что эти мировоззренческие противоречия никуда не денутся.

Уехать получилось совсем не так скоро, как надеялся Линд. Сборы для переезда были нештучными. Мама бесконечно суетилась, опасаясь, что непременно будет забыто что-нибудь важное, отец ждал рекомендательного письма, которое ему вроде бы обещал написать легат. Барон Ворлад всегда делал вид, что он – весьма серьёзная шишка в столичных кругах, но в глубине души осознавал, что его собственных рекомендаций для сына будет явно недостаточно.

Ехать Линду предстояло в саму Кидую. С некоторым смущением отец сообщил, что их дом в Руббаре продан уже много лет назад, так что в родном городе юного Ворлада никто не ждал. «Да и ни к чему тебе менять одно захолустье на другое» – добавил он.

За все эти дни Линд старался поменьше выходить из комнаты и общался только с родителями да слугами. Похоже, Хэддасы сделали всё, чтобы не выносить сор из избы, и прислуга была не в курсе причин скорого отъезда молодого барчука. Линд делал вывод об этом исходя из того, что слуги общались с ним с прежними уважением и предупредительностью, безо всякой скрытой неприязни. Странную дуроч-

ку-Динди здесь любили, и даже последний конюх, пожалуй, готов был вступить за неё в случае чего.

Линд знал, что Бруматт начал поправляться, и уже выходил погулять, как всегда, беря с собой сестру. Но он даже не пытался наладить контакт. Отец уже объявил, что Линд поедет один, а это значило, что, скорее всего, они с Брумом больше уже никогда не увидятся. Ну а коли так – какая разница, как и когда они расстанутся?..

Он не знал, как отреагировал на случившееся сеньор Хэддас. Отец сказал, что поговорил с ним и всё уладил, но в подробности вдаваться не стал. Впрочем, на первый взгляд ничего не изменилось – семейство Ворладов не выставили вон из имения, сам барон, вроде бы, по-прежнему почитался дворнёй как «главный хозяин». Кажется, отец был прав – сеньор Хэддас был слишком зависим уже от своих постояльцев, чтобы проявлять норы.

Наконец долгожданный день наступил. Барон Ворлад явился к сыну и объявил, что заручился рекомендательным письмом от центуриона второго ранга Деррса. Линд не посмел спросить, почему рекомендации написаны не легатом, а лишь центурионом, но отец наверняка прочёл этот немой вопрос на его лице, потому что разразился презрительно-гневной тирадой о глупости иных начальников.

– Можешь не беспокоиться, сын, – с абсолютной уверенностью в голосе произнёс он. – Это письмо откроет перед тобой многие важные двери. Центурион Деррс – старый во-

яка, и у него много влиятельных друзей в столице. Он указал несколько адресов – пройдишь по ним в той очерёдности, в какой они записаны. Уверен, что дальше первого ты и не продвинешься, ну разве только по собственному желанию!

Что ж, если это говорил отец, Линд не видел причин сомневаться. Главное – теперь он мог наконец уехать. Нетерпение сжигало его, перевешивая лёгкий страх и грусть расставания. Барон сообщил, что он сможет отправиться завтра поутру.

Свою последнюю ночь в имении Линд почти не спал. Он ворочался, пытаясь найти удобное положение, а главное – опустошить свои мысли, но это было бесполезно. Он мечтал, почти грезил наяву, представляя своё славное будущее. Все его внутренности словно вибрировали от нетерпения и радостного предвкушения, и никогда ещё ночь не казалась ему столь долгой.

Ранним утром, легко позавтракав, юноша вышел во двор, где его ждала небольшая двуколка. Рядом стоял Дырочка – его личный лакей, который должен был сопровождать молодого господина. Много лет назад Линд принялся звать его так за то, что тот каждый вечер, снимая с мальчика одежду, причитал о новых прорехах: «Вот у вас здесь дырочка, и тут дырочка...», и прозвище это так прижилось, что даже барон и баронесса нет-нет, да и называли так старого слугу.

Следом за отцом и сыном Ворладами из дома вышла и заплаканная матушка, и за нею высыпала вся дворня. Вышел и

сеньор Хэддас, но он держался холодно и сдержанно, даже не подойдя к Линду. Ни Брум, ни Динди не пришли. Впрочем, оно было и к лучшему. Этот эпизод его жизни оставался в прошлом.

Прощание с отцом было деловым и важным. Барон Ворлад степенно напутствовал сына, давая какие-то советы, и чаще обращаясь даже не к нему самому, а к Дырочке. Ещё раз оглядел притороченные вьюки, хотя их было всего два, и прикреплены они были на совесть. В сотый раз спросил – не забыл ли Линд рекомендательное письмо, не оставил ли кошелёк. Он говорил нарочито сухо, но всё же было ясно, что и он переживал. В конце концов это переживание вылилось в то, что он вынул из кармана ещё пригоршню серебра и сунул в руки сыну.

– Служи с честью, мой мальчик, – проговорил он. – Ты – Ворлад, и никогда не забывай об этом. Напиши нам, когда устроишься. Не забывай стариков.

– Никогда, отец! – под нижними веками Линда зажгло, но он сдержался.

– Иди сюда, сын! – не в силах больше сдерживаться, барон крепко прижал юношу к груди.

Затем настала очередь матери, и тут уж Линд, как ни старался, не сумел сдержать слёз. Баронесса переживала расставание так трогательно, что все служанки, толпившиеся позади, дружно засморкались и принялись всхлипывать. Матери ни к чему было демонстрировать мужество – она старалась

обласкать сына в последний раз так, словно хотела, чтобы он запас эти нежности впрок.

– Ну всё, довольно! – наконец не выдержал барон, украдкой смахнув слезинку. – Садись и поезжай, Линд, и пусть Арионн сопровождает тебя повсюду, где бы ты ни был! Лишь об одном прошу тебя – не измарай имени своих предков! Пусть будет всё, что угодно – голод, болезнь, нищета, даже смерть – но только не позор! Знай, что этого не перенесёт моё сердце!

– Ты будешь гордиться мною, отец! – всё ещё плача, пообещал Линд и, ещё раз обняв отца на прощание, вскочил в двуколку, где уже сидел проливающий слёзы Дырочка.

Кучер тронул лошадь не спеша, давая возможность расстающимся лишние мгновения посмотреть друг на друга. Линд, обернувшись, махал рукой отцу и матери, а те махали ему в ответ. Даже сеньор Хэддас словно нехотя поднял руку в последнем приветствии. А ещё Линд успел увидеть Брума, прячущегося в глубине дверей. Он не смог разглядеть выражения лица бывшего друга, но понимал, что это, наверное, и к лучшему.

Вскоре лошадь побежала быстрее, и через некоторое время усадьба скрылась за холмами.

Глава 6. Неожиданная помощь

Тавера Линд толком и не разглядел. Они прибыли в порт, и вскоре уже отчалили вверх по течению Труона. Впрочем, юноша во все глаза разглядывал город, рядом с которым он прожил столько лет, по сути, ничего о нём не зная. Он всё гадал – так ли будет выглядеть Кидуа, и насколько величественнее она мелкого провинциального городка.

Грусть расставания довольно скоро рассеялась под воздействием того радостного возбуждения, которое неизменно охватывает любого молодого человека, впервые вырвавшегося из-под родительской опеки. Сознание того, что он теперь – сам себе господин, пьянило Линда. Карман жёл кошель, набитый монетами – ему хотелось тратить их направо и налево, ведь он ощущал себя настоящим богачом. Впрочем, им предстояло много дней подниматься небольшими переходами до самого Прианона по воде, останавливаясь лишь на ночлег.

Никогда ещё Линд не бывал так далеко от дома, и осознание этого кружило голову. Здесь всё казалось не таким, как он привык – и небо было словно бы другого цвета, и зелень гораздо пышнее и диковиннее, и люди тоже были какими-то другими. В общем, это был совершенно иной мир, в котором ему теперь предстояло жить. И это вызывало чувство восхитительного восторженного страха.

И всё же рассказать об этом путешествии особенно нечего. Даже для Линда оно постепенно превратилось в рутину – впечатления уже не были столь острыми и яркими, как вначале, а восторги поутихли. Постоялые дворы, в которых они останавливались на ночь, были похожи один на другой, да и пейзажи довольно скоро наскучили своим однообразием.

Единственное, что действительно поразило юношу – озеро Прианон. Его, жившего на берегу Серого моря, сам по себе такой огромный массив воды, конечно, удивить не мог. Поражало другое – та чистота и то спокойствие, которым дышали воды великого озера. В этом смысле Прианон был, наверное, антиподом вечно бушующего, вечно беснующегося Серого моря. И вот эта умиротворённость вызывала благоговейный трепет.

Впрочем, умиротворённость царила лишь на бескрайней глади озера, а на его берегах кипела обычная жизнь. Здесь Труон уже совсем не был похож на тот, что омывал набережные Тавера. Это была речка шириной едва ли в полторы сотни футов, так что хороший воин вполне мог бы перебросить копьё с одного берега на другой.

Линд словно смотрел на великую реку в её младенчестве. Он действительно вдруг подумал, что его путешествие было сродни путешествию в прошлое Труона. Он увидел его в Тавере – могучего великого богатыря, едва ли не соперничающего с морем, в которое он вливал свои воды. Долгое плавание на юг – и вот тот же Труон предстаёт младенцем, ле-

жащим в колыбели озера Прианон. Это было чудесное ощущение, и Линд с нежностью поглядел на тёмно-зелёную поверхность реки.

Дальнейший путь от Прианона до Кидуи предстояло проделать посуху по прекрасным имперским дорогам. Этот путь обещал быть более интересным, ведь впереди было самое сердце древней империи. Дух захватывало от осознания, что вскоре Линд увидит великие древние города, такие как Варс и Шеар. Тракт, по которому они направлялись, делал немалый крюк к югу, но юношу это нисколько не огорчало. Огорчало лишь то, что все эти города он увидит мельком, некоторые – только со стороны. Впрочем, впереди у него была целая жизнь, и он надеялся, что возможностей увидеть империю ещё будет предостаточно.

Линду мечталось, что он въедет в Кидую верхом, но в городке Бортос, где закончилась их первая часть путешествия, они всё-таки наняли небольшой экипаж. Линд был весьма посредственным наездником, и те десятки, если не сотни миль, что ещё лежали впереди, стали бы для него непосильной задачей, не говоря уж о Дырочке, который вообще вряд ли когда-то сидел в седле.

Откровенно говоря, описывать вторую половину их путешествия также не имеет особого смысла – она мало чем отличалась от плавания по Труону, разве что вместо сельских пейзажей теперь всё чаще вокруг были древние леса, стоявшие здесь с самой зари времён.

Поездка Линда заняла вдвое больше времени, чем потратил бы на тот же путь более опытный путешественник, но парень даже не задумывался об этом, а потому был страшно горд собой. Особенно эта гордость разыгралась, когда он наконец увидел величественные стены Кидуи на фоне закатного неба.

– Ну вот мы и на месте! – радостно обратился он к сидящему рядом Дырочке.

Старый слуга, хоть и старался не подавать виду, всё же был страшно утомлён. Не в его возрасте и не с его привычками заядлого домоседа стоило бы совершать подобные путешествия. А потому он был рад даже больше своего господина – ничего ему так не хотелось, как покоя, который сулил конец их пути.

Извозчик остановился у постоялого двора меньше чем в четверти мили от городских ворот.

– В чём дело, приятель? – удивился Линд.

– Дальше я не поеду, сударь, – небрежно растягивая слова, отвечал кучер. – Я не знаю Кидуи. Не ровен час – заблужусь. Я исполнил свою часть договора – доставил вас к месту.

– Ладно, разберёмся, – не желая потерять лицо перед этим прохвостом, вступая в бессмысленные споры, с той же небрежностью заверил Линд. – Ты свободен, приятель, благодарю.

Он бросил в шершавую ладонь извозчика пару медяков – всего лишь прощальный подарок от щедрого барина, по-

скольку плату за извоз он внёс полностью ещё прежде – а тот помог отвязать и перенести в гостиницу их вещи. Не удержавшись, он всё же поинтересовался – почему возница сам не желает остаться здесь до утра, на что тот лишь хмыкнул: «Дорого».

– Ну что будем делать дальше? – спросил Линд у Дырочки, когда их экипаж уехал.

– Мне кажется, было бы разумнее снять здесь комнату и переночевать, сударь, – пожал плечами тот. Было видно, что больше всего на свете ему сейчас хочется лечь и уснуть. – Неразумно будет бродить сейчас по городу в поисках приличной гостиницы. Вот-вот стемнеет.

– Мы находимся в десяти минутах ходьбы от Кидуи, но останемся ночевать в этой придорожной гостинице? – воскликнул Линд. – Ты ведь тоже никогда не видел этот город, неужели в тебе нет никакого нетерпения?

– Кидуа стоит уже несколько тысяч лет, сударь. Полагаю, она простоит и до следующего утра.

– Старый ты лентяй! – рассмеялся Линд. – Что ж, давай поступим так: мы снимем здесь комнату, чтобы ты мог без помех отправиться дрыхнуть, коль уж тебе охота, а я, пожалуй, прогуляюсь до города. Так будет даже лучше – я не буду стеснён старым ворчуном и поклажей.

– Разумно ли идти туда на ночь глядя? – забеспокоился Дырочка. – Город велик, и всякое может случиться. Не лучше ли последовать мудрости нашего возницы и не соваться

туда до утра?

– Всё, что должно случиться – всё равно случится. Не твои ли это слова, старик? Вот видишь, как плохо быть таким болтуном как ты? Однажды тебя побьют твоим же оружием! – ещё веселее расхохотался Линд, которого охватило нетерпеливое возбуждение. – Оставайся здесь и сними нам хорошую комнату. Я вернусь через пару часов. Не жди меня, ложись спать.

– А как же ужин?

– Поужинаю в городе! – сердце Линда запело от этих слов, и он, не желая тратить время на препирательства со старым слугой, вышел наружу.

Хотя Кидуа и не была южным городом, но темнело здесь непривычно быстро для Линда, привыкшего к северным широтам. Вот и сейчас, оказавшись снаружи, он отметил, что сумерки уже, пожалуй, более глубокие, чем он ожидал. Впрочем, света ещё было в достатке, а мрачные предчувствия Дырочки несколько не омрачали настроения юноши. Это было даже к лучшему – у вечернего города, должно быть, было совершенно особое очарование. Кроме того, воздух становился прохладнее, что опять же было на руку нашему северянину.

Он быстро зашагал в направлении Кидуи, едва сдерживая себя, чтобы не припустить вприпрыжку. Город представлял собою величественное зрелище, от которого сладко щемило сердце такого закоренелого провинциала как Линд. Чув-

ствовалось, что за этими грандиозными стенами притаилось нечто громадное, сложное и необычайно интересное. Здесь было его будущее, и это будущее было столь же светло, как полоска золотого заката над просторами Загадочного океана.

Несмотря на довольно поздний для деревенского жителя час, город ещё и не думал успокаиваться. Улицы были многолюдны и наполнены шумом, запахами, цветами и оттенками, правда, несколько скрадываемыми подступающей ночью. Это был столь чудесный букет, что Линд почувствовал, что его трясёт от невероятного возбуждения. Ах, как бы ему хотелось сейчас закричать во всю мощь своих лёгких, захотать и запеть от счастья! Он чувствовал себя властелином мира сейчас.

Больше всего юноша опасался, что его примут за провинциала, а потому, взяв себя в руки, он принял самый невозмутимый вид, на какой был способен в эту минуту. Вокруг него был город, который предстояло покорить, и Линд был полон решимости сделать это.

И всё же Кидуа победила эту наносную спесь довольно быстро. Парень никогда прежде не был в таких больших городах, да и вообще в городах, считай, не был, а потому всё здесь ему было в диковинку, всё манило. Вскоре он понял, что не вертеть головой он сможет лишь в одном случае – если прибьёт её досками к спине. Его поражало всё – размеры домов, обилие людей, гомон торговцев. Он глазел по сторонам, нисколько не заботясь, что уже пару раз в темноте вля-

пался в лошадиные кучи, кое-где разбросанные на мостовой.

На улицах уже зажигали фонари, хотя полной темноты всё ещё не наступило. Линд шёл, куда глаза глядят, позабыв и про ужин, и про обещание вернуться через пару часов. Ему казалось, что если он не увидит то, что таится за следующим поворотом, не заглянет в витрины, которые торговцы уже начинали заставлять ставнями, не прислушается к тому, о чём судачат бредущие по городу группки людей, то буквально лопнет от любопытства.

Он пытался запоминать дорогу, но всё же, признаться, не преуспел в этом. Город накрывала ночь, быстро меняя его облик. Да даже если бы и не это – Линд, пожалуй, всё равно заплутал бы. Навыки ориентирования в городе отсутствовали у него в полной мере. Впрочем, юношу это ни в малейшей степени не беспокоило – он даже хотел заблудиться, испытать это пряное чувство ложной опасности. Ведь, в конце концов, он же не в чаще леса! Как можно заблудиться в городе, где всегда есть у кого спросить дорогу, где полным-полно кабачков и таверн, в которых всегда предложат стол и кров?

В общем, Линд шёл куда глаза глядят с упорством первопроходца. Ощущение свободы пьянило его. Он был здесь, в столице, совершенно один, и некому было окрикнуть его, заставить вернуться обратно. Он мог делать всё, что пожелает!..

– Ты что, глаза свои оставил дома, чудак? – сварливый громкий голос прямо над ухом вывел его из эйфории.

– Простите, сударь... – только сейчас Линд осознал, что довольно сильно толкнул долговязого мужчину, неспешно бредущего в ту же сторону, что и он, и даже наступил ему на пятки.

Впрочем, мужчина этот был немногим старше самого Линда – быть может, ему было около двадцати пяти или чуть больше. Он даже чем-то походил на одного из старших братьев Брума, хотя в сумерках хорошенько разглядеть черт его лица было невозможно.

– Ты посмотри, что ты натворил, болван! – верзила сокрушённо разглядывал свои красивые высокие сапоги. – Ты оторвал мне подошву, остолоп! Тебя что, не учили глядеть по сторонам, когда ходишь?

– Я сделал это не нарочно, и уже извинился, – от обилия оскорблений, свалившихся на его голову, Линд начал слегка закипать. – Если этого недостаточно – могу извиниться снова, мне не сложно! И я попрошу вас выбирать выражения, сударь! Перед вами дворянин, и я...

– Да будь ты хоть сам император! – не переставал злиться оставшийся без подошвы прохожий. – Тут нынче в каждой канаве по дворянину, да толку-то!.. Теперь я опоздаю на важную встречу, и всё, что смогу сказать в своё оправдание, так это то, что какой-то пустоголовый и близорукий *дворянин* оттоптал мне все ноги и оторвал подошву на моих лучших сапогах!

– Однако вы продолжаете оскорблять меня, сударь!.. –

стискивая кулаки, воскликнул Линд. – Это абсолютно неприемлемо! Вам придётся извиниться!

– А иначе ты вызовешь меня на дуэль? – насмешливо поинтересовался незнакомец.

– Не раздумывая! – обмирая от ужаса, тем не менее, твёрдо ответил Линд.

Он ни разу в жизни не бился на мечах или шпагах, если не считать их поединков с Брумом на оструганных палках. И всё же сейчас ему казалось, что вся Кидуа выжидающе уставилась на него, готовясь расхохотаться, как только он даст слабинку.

– А у тебя есть оружие-то? – откровенно потешаясь, спросил незнакомец. – У меня есть.

И он, приподняв полу плаща, продемонстрировал длинный кинжал, висящий на поясе.

– Я достану... – сглотнув, ответил Линд, не сводя взгляда с оружия.

– Ладно тебе, парень! – уже добродушнее махнул рукой долговязый. – Не буду я с тобой драться. Его величество император строго-настрого запрещает пускать кровь своим подданным, даже если они – непроходимые тупицы вроде тебя. Да и не хочу прослыть убийцей детей...

– Вы по-прежнему продолжаете оскорблять меня! – чуть увереннее воскликнул Линд, поняв, что его, вроде бы, не собираются убивать.

– А мой каблук по-прежнему оторван, – развёл руками

незнакомец. – Что тут поделывать? Жизнь – несправедливая штука.

– Я оплачу вам ущерб! – новая мысль пришла Линду в голову. Он решил, что таким вот истинно вельможным жестом вернёт утраченное в словесной перепалке достоинство.

Не дав собеседнику опомниться, он вынул кошель и высыпал на ладонь горсть монет. Ему казалось, что это вмиг поставит нахала на место.

– Убери деньги, дурак! – тут же воскликнул незнакомец, тревожно стреляя глазами по сторонам.

И юноша вдруг понял, что это – не уязвлённая гордость, а опасения за него, Линда. Сконфузившись и несколько струхнув, он поспешно ссыпал серебро обратно в кошель, также испуганно оглядевшись по сторонам.

– Ты совсем ополоумел, что звенишь монетами в таком месте? – зашипел на него верзила. – Погляди, сколько людей вокруг! Они все что – твои родственники что ли, что ты относишься к ним с такой нежной доверчивостью? Ты сам не отсюда, так ведь?

– А вам что за дело? – буркнул Линд, краснея до кончиков ушей оттого, что в нём распознали провинциала.

– Абсолютно никакого, – пожал плечами незнакомец. – Просто видно, что ты – не из городских, и, похоже, совершенно не понимаешь, куда попал. Иди-ка ты домой поскорее, парень.

– Это моё дело! – зло бросил Линд. – Иду, куда хочу.

– Что ж, – усмехнулся долговязый. – Тем самым ты лишь подтверждаешь, что моё первое впечатление о тебе было верным. В общем, иди своей дорогой! Я и так уже опоздал из-за тебя, а теперь опоздаю ещё больше!

Линд очень хотел бы оставить последнее слово за собой, но совершенно не знал, что сказать, а потому, постаравшись придать себе как можно более независимый вид, пошёл дальше в том же направлении. Зеваки, поняв, что конфликт исчерпан, стали понемногу разбредаться по своим делам.

Линд не успел уйти очень уж далеко. Трое мужчин быстро подошли к нему и, подхватив под руки, повели, а точнее – скорее даже понесли в ближайший закоулок. Юноша настолько оторопел от неожиданности, что не сделал ни малейшей попытки сопротивляться или даже вскрикнуть. Впрочем, прохожие, даже если что-то и увидели, предпочли отвести глаза. А может быть решили, что это встретились старые приятели?..

– Давай деньги, щенок, и останешься цел, – прошипел один из троицы, прижав Линда к шершавой стене, тогда как остальные двое принялись шарить по его одежде, пытаясь нащупать кошелёк.

Стыдно признаться, но страх парализовал юношу. Слезы потекли по его щекам, но он и не пытался сопротивляться. Три мужика, которые казались ему сейчас просто огромными и невероятно сильными, а главное – очень опасными, смертельно напугали его. Линд решил, что ему пришёл ко-

нец. Они зарежут его, потому что решат, что он запомнил их лица! Это, конечно, полная чушь – от страха он не мог разглядеть их физиономий, они расплывались в бесформенные угрожающие пятна, но ведь грабители-то об этом не знают!

Он, который ещё несколько минут назад считал себя покорителем Кидуи, теперь лишь бессильно хныкал, чувствуя, как из его кармана вынимают кошель с почти всеми деньгами, что дал в дорогу отец. И он очень боялся, что самое страшное ещё впереди.

Внезапно один из троицы, выпучив глаза, отскочил, а скорее даже отлетел от Линда. Позади грабителей, едва различимый во мраке проулка, стоял высокий человек. Это он, схватив негодяя за шкурку, отшвырнул его прочь.

– Оставьте мальчика и проваливайтесь! – рявкнул спаситель, и голос его показался смутно знакомым оторопевшему юноше. – Я и так уже зол, вы же не хотите, чтобы я взбесился!

– Логанд?.. – крикнул один из троицы. – Извини, нам не нужны проблемы. Мы ничего плохого не хотели, просто поболтать с этим малышом. Если позволишь, мы уже уходим.

– Проваливайтесь! – повторил тот, кого называли Логандом. – Вам повезло, огрызки, что у меня сегодня только один каблук, и я, к тому же, опаздываю на встречу! Так что бегите так быстро, как только можете, чтобы я, чего доброго, не передумал!

Дважды повторять этим подонкам было не нужно. Их даже не пришлось специально просить, чтобы они оставили

кошелёк – уже захваченная было добыча, звякнув, упала на землю рядом с несчастным парнем. Теперь Линд вдруг увидел, что эти трое были вовсе не такими уж здоровяками, а на самом деле – вполне тщедушными доходягами. Секунда – и в глухом проулке остались лишь Линд и его спаситель.

– Запомни этот урок на всю жизнь, парень, – проговорил Логанд. – Никогда не трясى своим кошельком в местах вроде этого, если не ощущаешь в себе сил сломать пару-тройку челюстей.

– Спасибо вам большое, – дрожа, пролепетал Линд, пытаюсь, чтобы в голосе не было слышно его слёз. – Я не...

Облегчение после испытанного ужаса накрыло его, и парень предательски шмыгнул носом. Он наклонился за кошельком и украдкой вытер лицо, насколько это было возможно, но всё же вся надежда была на темноту, потому что слёзы текли, не переставая.

– Ну и балбес ты... – почти отчески усмехнулся Логанд. – Угораздило же меня столкнуться с тобой!

– Простите, и спасибо ещё раз! – сунув кошель обратно в карман, Линд сделал движение, собираясь уходить.

– И куда ты? – поинтересовался Логанд.

– Пойду обратно в гостиницу.

– А ты знаешь, что находишься в квартале с самой сомнительной репутацией в городе? Здешние обитатели любят таких как ты – богатеньких и безобидных малышей-провинциальчиков. Неудачное место и время ты выбрал, чтобы погу-

лять. Далеко ли твоя гостиница?

– За городом, – уныло отвечал испуганный Линд.

– У каких ворот?

– Не знаю... – признался юноша. – Гостиница называется «Персты».

– А, это у Шеарских, стало быть. Ну повезло тебе, балбес, это не так далеко. Пойдём, что ли, провожу.

– А как же ваша встреча? – робко поинтересовался Линд, в душе ликуя, но и боясь поверить своему счастью.

– Я уже всё равно опоздал, – проворчал Логанд. – Первый свободный день за пару недель, и так бездарно прошёл. Болваны вроде меня, похоже, работают и в выходные... Но глупо будет спасти твой кошелёк только для того, чтобы его забрали другие проходимцы. Да ещё и на нож посадят, того гляди... Пошли уже, чего встал?

Он двинулся по проулку, постепенно теряясь в густеющей мгле. Линд обратил внимание, что он заметно прихрамывает. Но раздумывать больше было некогда, и он бросился следом, боясь, что этот странный человек вдруг передумает.

– Как тебя хоть зовут-то? – спустя минуту поинтересовался Логанд. – Скучно кликать тебя просто балбесом.

– Линд Ворлад, – покорно отозвался юноша, уже не вспыхивая праведным гневом, слыша оскорбления в свой адрес.

– Логанд Свард, лейтенант городской стражи, к вашим услугам, – дурашливо щёлкнув каблуком (второй, как мы помним, был оторван), представился спаситель. – Откуда ты,

Линд Ворлад?

– Мой отец отсюда, – всё ещё пытаюсь отмыться от клейма провинциала, пояснил Линд. – Но он военный, и его перевели в гарнизон неподалёку от Тавера. Это небольшой городок на побережье Серого моря.

– Как же, слышал, – кивнул Логанд. – Я и сам примерно из тех мест. Перебрался в Кидую лет десять назад, когда мне было, пожалуй, даже меньше, чем тебе. Наверное, в своей первый день я выглядел таким же балбесом.

Голос лейтенанта звучал сейчас тепло и как-то совсем не обидно. Линд уже чувствовал симпатию к этому долговязому человеку, и сейчас она укреплялась всё больше. Похоже, у него было доброе сердце, несмотря на привычку оскорблять всех напрапалую.

– А ты зачем приехал, Линд Ворлад? За мечтой, как и все?

– Я собираюсь поступить в один из легионов и сделать карьеру военного, как мой отец.

– Военные... – как-то словно даже презрительно фыркнул Логанд. – Бездельники, проедающие наши налоги! Пользы от них – как с лысого волос, а гонору!.. То ли дело – городская стража! Каждый день – как в бой. И главное – есть реальная помощь балбесам вроде тебя.

А ведь и правда – подумалось Линду. Что-то в этом есть. Конечно, в общем эти мысли казались безбожной крамолой, но вот сейчас, в частности, они приобретали звучание, резонирующее с его внутренними струнами. Что ж, если он не

станет легионером – станет стражником, как этот странный Логанд Свард.

– Ну вот и пришли, – махая рукой в сторону городских ворот, которые скорее угадывались, чем виднелись впереди, объявил Логанд. – Теперь уж, поди, не заблудишься, да и на неприятности не наскочишь. Дуй прямо по дороге, и вскоре придёшь куда нужно.

– Спасибо большое, – искренне поблагодарил Линд, не зная, что делать дальше. – Не знаю, как вас и отблагодарить, сударь.

– Пожалуй, новые сапоги – будет самое то, – хохотнул Логанд. Заметив, что юноша полез в карман за кошельком, он весело ухватил его за руку. – Не надо, шучу я. Хороший ты парень, Линд Ворлад, прямо как я когда-то был! Знаешь что, захочешь найти меня – спроси в кордегардии Собачьего квартала. Я почти всегда там, если не спасаю балбесов вроде тебя.

Ещё раз хмыкнув, лейтенант повернулся и захромал испорченным сапогом, вскоре слившись с окружающей тьмой.

Глава 7. Городская стража

Ночью Линд спал очень плохо. Пережитое накануне вернулось сонмом ночных кошмаров, которые преследовали юношу до утра. Он много раз просыпался, задыхаясь и обливаясь потом. Вернувшись в гостиницу, он ничего не сказал Дырочке о случившемся, во-первых, потому что тот крепко спал, утомлённый дорогой, а во-вторых, потому что знал, как раскудахчется этот старик, и какой невыносимой он сделает их дальнейшую жизнь.

Однако же он понимал, что этот страх, который ему пришлось испытать сегодня, надолго останется с ним. От бывшего радостного возбуждения не осталось и следа. Линд не хотел признаваться в этом самому себе, но Кидуа теперь пугала его. Он пробыл там всего час, и уже едва не распрощался с жизнью. Каково же будет поселиться в этом городе?..

То и дело мысли юноши возвращались к Логанду Сварду. Этот человек, которого он тоже то и дело видел в своих кошмарах, где он то спасал его от вооружённых большими ножами грабителей, то смеялся над его провинциальностью, сильно запал ему в душу. Похоже, это был человек совсем иного склада, нежели его отец, но он вызывал у Линда такое же благоговение, обострённое той ролью, что он сыграл в давешней истории.

Не давали ему покоя и слова, сказанные Логандом – о

бесполезности военных и о службе в городской страже. Сейчас Линду казалось, что лейтенант абсолютно прав, но также он понимал, что у отца будет своё мнение на сей счёт, и он вряд ли обрадуется, если сын выберет куда менее престижную службу. Впрочем, он уже твёрдо решил для себя, что первым делом отправится по адресам, указанным в рекомендательном письме, а там пусть судьба ведёт его туда, куда ему уготовано!

Утром, позавтракав, Дырочка нанял извозчика, который одновременно должен был служить и проводником, чтобы перебраться наконец в какую-нибудь приличную гостиницу в черте города. Линд с неприятными для себя ощущениями понял, что побаивается Кидуи, и что с этим страхом ему придётся бороться. Сейчас, при свете дня, он не мог узнать тех улиц, где с ним вчера случилось неприятное происшествие, а быть может, они ехали по другим местам. Во всяком случае, успокаивало то, что «приличная гостиница» вряд ли будет располагаться в «районе с самой сомнительной репутацией».

Действительно, та гостиница, куда привёз их извозчик, располагалась в достаточно респектабельных кварталах ближе к центру города. Она называлась «Щит и доблесть», и хозяином её оказался бывший вояка, который, похоже, никак не мог до конца расстаться со своим боевым прошлым, так что интерьеры гостиницы были богато украшены оружием, доспехами и другими напоминаниями о легионерской жиз-

ни.

Этот антураж явно пришёлся Линду по вкусу и заметно поднял его настроение и боевой дух. Гостиница была недешёва, но юноша не испытывал пока недостатка в средствах – к счастью, щедро набитый отцом кошель по-прежнему оставался при нём. Кроме того, парень и не собирался слишком уж долго жить в гостинице. Вскоре он планировал снять небольшую уютную квартирку, а позже – и вовсе отправиться в один из гарнизонов.

Но для этого нужно было поступить на службу. Наконец-то пришло время вынуть рекомендательное письмо, переданное отцом – бумагу, в которой, возможно, заключалась вся его будущность. Не желая терять времени, Линд назвал первый из адресов всё тому же извозчику, что привёз их в гостиницу, и уже через минуту отправился туда.

Увы, его ждало разочарование. Человек, стоявший в списке центуриона под номером один, вполне предсказуемо отсутствовал в Кидуе – Линду сообщили, что он находится в расположении своего легиона, и что прибудет обратно лишь осенью. То же самое повторилось и по следующему адресу.

И лишь третий в списке адресат оказался дома. Увы, потому что это был уже довольно пожилой отставной офицер по имени Гувар, доживающий свой век в достаточно фешенебельном доме неподалёку от центра города. Империю можно было обвинить во многом, но уж точно не в пренебрежительном отношении к отставным военным, особенно ко-

мандирам. Их жалования, полученного за годы безупречной службы, вполне хватало на содержание такого вот особняка.

По виду старика Линд с неприятным ощущением осознал, что тот не слишком-то понимает, чего от него требует этот юноша. Он не сразу вспомнил центуриона Деррса – то ли старческая память была уже не та, то ли он действительно не так уж хорошо запомнил молодого офицера.

– Что же вы хотите от меня, батюшка? – переводя взгляд с бумаги на Линда и обратно, поинтересовался господин Гувар.

– Моя мечта – служить в армии, сударь, – заговорил Линд, прижимая руки к груди. – Я принадлежу к древнему роду, и хотел бы служить в каком-нибудь славном полку. Центурион Деррс приводил вас в пример как великого воина и доблестного командира, который может помочь мне и, говоря откровенно, составить протекцию.

Неся всю эту отсебятину, Линд надеялся лестью растопить холодную насторожённость старого центуриона. Он очень надеялся на своё обаяние, потому что на письмо, судя по всему, большой надежды не было.

– Оставайтесь на обед, молодой человек, – побряхтев, проговорил наконец старик. – Его как раз вот-вот подадут. Отобедайте у меня, а я подумаю, что можно сделать. Кроме того, ко мне должны прийти мои друзья, тоже из бывших военных. Быть может, кто-то из них окажется вам полезен.

– С большим удовольствием, сударь, – расплылся в улыбке

Линд. Он счёл это приглашение добрым знаком, кроме того, в нём уже проснулся аппетит, свойственный всем молодым людям.

Он вышел из кабинета вслед за господином Гуваром и направился в роскошно обставленную столовую. Там действительно уже был накрыт отличный стол, а молодая смазливая служанка прислуживала, раскладывая приборы и поправляя стулья.

– Прошу, присаживайтесь сюда, юноша, – старик указал на одно из мест за столом. – А я встречу своих гостей и присоединюсь к вам.

Линд довольно робко присел, не зная, что ему делать дальше. Юная служанка ласково улыбнулась ему, проворно поставив рядом бокал с вином, но затем вышла, отправившись на кухню. Вышел и господин Гувар, так что юноша остался один. Он оглядывал столовую, постепенно замечая, что вся та роскошь, что бросилась ему в глаза, во многом была наносной. При ближайшем рассмотрении столовое серебро оказалось довольно тусклым и потёртым, портьеры – выцветшими и пыльными, позолота на мебели кое-где облезла и потрескалась.

Вновь вернулась служанка, неся на подносе новые тарелки. Она принялась расставлять их, а Линд стал любоваться её фигуркой, старательно отводя глаза, когда та оборачивалась в его сторону. Впрочем, девушке это внимание молодого барина явно льстило, так что она улыбалась ему всё шире,

хотя, разумеется, не смела заговорить.

– С нами будет обедать один молодой человек, – раздался голос Гувара, приглушённый стенами. Как многие пожилые люди, страдающие лёгкой тугоухостью, он имел привычку говорить громко. А может быть, это было в нём со времён службы. – Это протеже моего прежнего сослуживца, он прибыл откуда-то из северных окраин.

Линд вспыхнул, услышав эти слова, и невольно зыркнул на служанку. Та делала вид, будто бы ничего не слышит, но это задело юношу ещё больше.

– Нет-нет, – видимо, отвечая на чей-то вопрос, прогудел Гувар. – Это вполне учтивый юноша, и его провинциальность даже очаровательна. Он мечтает о военной карьере и пришёл ко мне просить, чтобы я устроил его судьбу.

Линду казалось, что его лицо вот-вот загорится и сожжёт весь дом. Он с досадой кусал губы, глядя куда-то в окно и стораая от стыда. К счастью, служанка вновь вышла – быть может, нарочно, чтобы не смущать несчастного парня ещё больше.

И вот, разговаривая, в столовую вошли трое – сам хозяин и двое его друзей, таких же стариков как он сам. Линд, которому хотелось сбежать, тем не менее, вскочил и вежливо поздоровался с вошедшими. Он не знал, как вести себя. Ему в равной степени не хотелось выглядеть ни невежей, ни «очаровательным провинциалом». Но чем более непосредственно он пытался выглядеть, тем более неловко себя чув-

ствовал.

По счастью, вскоре разговор с него переключился на вполне обычные темы – старики обсуждали какие-то местные сплетни, с ностальгией вспоминали былые времена и высокомерно насмеялись над временами нынешними. То и дело они обращались к Линду, но уже не как к провинциальному просителю, а как представителю той самой *молодёжи*, которую эти трое с удовольствием высмеивали. Они словно вынуждали его держать ответ за всё нынешнее поколение.

Линд не знал, что ему отвечать, а потому старался помалкивать, что, кажется, произвело вполне благоприятное впечатление на троицу старых ворчунов. К концу обеда, подогретые парой бутылок вина, они дружно сошлись на том, что у Линда, пожалуй, будет неплохое будущее, и что его отец, должно быть, весьма достойный человек.

И в самом деле, глядя на них, юноша то и дело представлял себе отца. Во всей их чуть спесивой надменности, в их насмешливом превосходстве виделся Довин Ворлад. Он также глядел на обитателей поместья, даже на сеньора Хэддаса, видя в них лишь отсталых провинциалов и недалёких людей. Но Линду вдруг подумалось, что окажись он здесь сейчас, вряд ли сумел бы избежать едких шпилек в собственный адрес. Для этих людей он был таким же провинциалом, отставшим от жизни, как Брум или Динди...

Когда долгий обед наконец закончился и гости господина Гувара, передохнув немного, отправились по домам, Линд,

которому не терпелось поскорее уйти, рискнул напомнить старику о цели своего визита, о которой, к слову, за столом не было сказано ни слова, так что все обещания подключить к поискам его старых друзей пропали втуне. Впрочем, Линд уже понял, что и те двое были столь же бесполезны, как и сам Гувар.

– Простите, юноша, – глядя на него осовелыми от съеденного и выпитого за столом глазками, проговорил тот. – Вы же видите, как проходит теперь моя жизнь. У меня нет уже былых связей, да и кто стал бы прислушиваться к старику на пенсии? Мне лестно, что центурион Деррс вспомнил обо мне, но в реальности я ничем не могу помочь вам, разве что написать ещё одно столь же никчёмное рекомендательное письмо. Мой вам совет – направляйтесь прямиком в штаб какого-либо из легионов, как это делалось в старые добрые времена, и там уже ищите себе должность.

– Благодарю вас, сударь, – едва скрывая разочарование, поклонился Линд.

Он произнёс ещё несколько учтивостей, а затем, не тратя больше времени, покинул дом гостеприимного, но бесполезного старика. На листке оставалось ещё три адреса, но Линд уже понимал, что там его ждёт примерно то же самое. Письмо, данное ему отцом, явно оказалось не из тех, что открывает любые двери. Похоже, ему придётся действовать самостоятельно, как и советовал господин Гувар.

Сев в ожидавшую его повозку, юноша печально поглядел

на список. Было совершенно ясно, что если он застанет кого-то из перечисленных здесь дома, скорее всего, это будут такие же отставные военные. Может быть, кто-то из этих людей, конечно, служит прямо в Кидуе, и тогда они могли бы быть весьма полезны, но Линд вдруг понял, что чувствует крайнюю досаду от необходимости вновь идти на поклон. Они, пожалуй, также будут видеть в нём провинциального мальчишку, прибывшего из далёкой глуши и жаждавшего их благодеяний. Это было унижительно...

– Ты знаешь, где находится Собачий квартал, приятель? – вдруг поинтересовался он, словно на что-то решившись.

– Как не знать, ваша милость, – усмехнулся извозчик.

– Отвези меня к тамошней кордегардии.

– Позови лейтенанта! – обратился немолодой стражник к тому, что помоложе.

Линд, прибыв в кордегардию, попросил пригласить Логанда Сварда, и никто даже не поинтересовался – зачем тот ему понадобился. В небольшой душевной комнатке было с полдюжины человек. Вероятно, они готовились заступить в наряд, или, наоборот, отдыхали после своей смены. Линд заметил кости на столе, но бутылок и кружек не было – очевидно, начальство не поощряло пьянство на службе.

– Кто там меня зовёт? – через некоторое время раздался знакомый уже голос.

По лестнице в караулку спустился Логанд. Сегодня он был в камзоле стражника, но без доспехов, а ворот его был совершенно не по уставу расстёгнут. Судя по всему, перед этим он спал, поскольку лицо его имело характерные помятости, а светлые волосы были всклокочены с одного бока.

– А! Так это тот самый балбес Линд Ворлад собственной персоной! – улыбнувшись, воскликнул лейтенант, разглядев гостя в полумраке. – Кот, взгляни – это тот самый недотёпа, из-за которого я не пришёл на встречу вчера!

Удивительно, но эти нелестные слова почему-то не вызвали в Линде того чувства жгучего стыда и обиды, что пробудили речи старого Гувара, сказанные перед обедом его друзьям. В этих грубых словах было что-то дружеское и совсем не обидное.

– С виду – полный кретин! – подтвердил один из стражников, улыбаясь при этом так открыто, что Линд и не подумал оскорбиться. – Что ж ты, парень, не глядишь куда идёшь? Как можно было не заметить такую оглоблю? Да он фонари без шеста зажигать может!

– А тебе нечего пыхтеть, раз природа обделила! – беззлобно парировал Логанд. – Что, Линд Ворлад, неужто сапоги принёс?

– Я... – Линд вновь глупо замялся, хотя всю дорогу сюда готовил себя к тому, чтобы говорить с Логандом максимально независимо. – Я куплю, обязательно.

– Таких не купишь! – несколько театрально отмахнулся

Логанд. – С меня только за замену подошвы мастер запросил полтора стравина!

Лейтенант явно завирал – Линд знал, что за такую цену в Тавере можно купить несколько пар отличных сапог. Однако спорить он не стал, чтобы не выставить себя в ещё более глупом свете. Эти люди явно за словом в карман не лезли, и пока что лучшей стратегией казалось просто стоять и молчать, надеясь сойти если и не за умного, так хоть за не слишком глупого.

– Ладно, – видя затруднение Линда, рассмеялся Логанд. – Говори, зачем пришёл?

– Я хочу поступить в городскую стражу, – неожиданно для самого себя выпалил Линд.

– А как же карьера военного? – хитро усмехнулся Логанд. – Не задалась, что ли?

– Вы были правы, – выдохнув, быстро заговорил Линд. – В городской страже я принесу больше пользы.

– Но мы здесь не белоручки, парень, – встрял тот самый Кот, на встречу с которым спешил накануне Логанд. – Не то, что твои вояки-легионеры. Охранять улицы Кидуи – это тебе не штаны в дозорной башенке просиживать. Сам видел, с какими экземплярами дело приходится иметь.

– Да те трое были швалью, – небрежно отмахнулся лейтенант. – Кабы на улицах орудовали одни такие, пожалуй, и стража была бы ни к чему!

– У нас на севере тоже случаются заварушки, – пытаюсь

говорить с равнодушным презрением, ответил Линд. – Когда келлийцы приплывают.

– Это точно!.. – фыркнул Кот. – Да келлийца сейчас от палатийца и не отличишь! Осталась кучка разбойников где-то, да они и носа не кажут на материк! Сам-то видал хоть раз живого островитянина-то?

– Не видал, – вынужден был признать Линд. – Смирные-то заплывали в Тавер, конечно, торговать, а вот про буйных давно не слышно ничего.

– То-то и оно! – наставительно поднял палец Кот.

– А скажи-ка, Линд Ворлад, – прищурившись, поинтересовался Логанд. – Пошёл бы ты к нам простым стражником?

– Я бы пошёл... – сглотнув, ответил Линд. – Но отец... Он будет в бешенстве...

– Так ты, стало быть, сразу в офицеры нацелился? – присвистнул Кот.

– Имеет право! – тон Логанда был, вроде бы, вполне серьёзен, но отчего-то Линд сразу понял, что тот насмехается. – Видишь ли, наш Линд Ворлад таких голубых кровей, что аж жуть!

– Ого! – издевательски присвистнул Кот. – Так это что ж, парни, у нас тут теперь собственный барин завёлся?

– Ну пока ещё не завёлся, – возразил Логанд. – Ну что, Линд Ворлад, если не передумал – пойдём со мной к начальству, замолвлю за тебя словечко. Пожалуй, сержантом-то тебя примут, коли нос не станешь воротить.

– А может и лейтенантом возьмут! – желая подначить товарища, подмигнул Кот.

– Всё лучше, чем тебя-дурака! – беззлобно огрызнулся в ответ Логанд. – Ну так что, малец, согласишься быть сержантом? Должность поганая, вон и Кот-дуралей тебе подтвердит. Но зато и не рядовой, так что папаша твой, пожалуй, как-нибудь это переживёт. А через пару-тройку лет, глядишь, и в лейтенанты выбьешься с твоей-то родословной.

– Соглашусь, – тут же кивнул Линд.

– Ну, тогда пошли. Дай только в порядок себя приведу. Ежели я в таком виде перед капитаном предстану – мне полгода увольнительных не видать!

Вскоре Линд уже поспевал за широко шагающим Логандом. По счастью, идти далеко не пришлось – они добрались, по-видимому, до штаба городской стражи, или чего-то в этом роде. Само собеседование оказалось коротким и довольно унижительным – в основном, говорил Логанд, будто бы Линд и впрямь был ещё малышом.

Всё вышло так, как и предсказывал лейтенант – узнав о родовитости соискателя, капитан без лишних разговоров согласился навесить на Линда сержантские нашивки, заручившись обещаниями Логанда взять юношу под своё крыло. Всё завершилось быстро и буднично словами капитана: «Добро пожаловать в городскую стражу, сынок». Впрочем, по его равнодушному виду Линд понимал, что он забудет об этом эпизоде уже через четверть часа.

Что ж, несмотря на то что он ожидал большей торжественности и значимости момента, юноша всё же был рад. Теперь он был сержантом городской стражи! Его распирало от гордости, даже несмотря на мимолётную мысль о том, что отец, пожалуй, не слишком-то обрадуется этому известию.

Глава 8. Шервард

Что случилось с этими проклятущими кабанами? То ли пищи поубавилось в лесах, то ли волки гоняют их целыми днями просто ради забавы? Почему они все как на подбор такие тощие? Даже матёрые звери попадаются теперь со впалыми боками, а уж на этого полугодовалого поросёнка, которого он подстрелил, и вовсе больно глядеть. Мяса – на один укус. Его семье этого хватит едва ли на неделю.

Шервард сын-Стокьян осторожно вырезал стрелу, стараясь не повредить наконечник. Здесь вам не материк, где хорошие стрелы, похоже, растут прямо на деревьях, а железа столько, что из него можно делать какие угодно безделицы! Здесь, на островах, с металлом приходится обходиться куда бережливее. Стрелы с металлическим наконечником он использовал только на крупного зверя, когда нельзя было иначе. На мелкую дичь вполне подойдут каменные и костяные.

Увы, проклятый кабан обломал древко, но это неважно – дерева вокруг в достатке. Главное – цел наконечник. Удивительно – этот малохольный поросёнок пробежал довольно долго, покуда наконец не истёк кровью, хотя казалось, что такого тощего можно сшибить с ног одним выстрелом.

Некоторые охотники предпочитали разделять добычу прямо в лесу, чтобы не тащить на себе ненужные отходы. Конечно, будь кабан покрупнее, так же поступил бы и Шер-

вард, но сейчас времени на это не было. Скоро стемнеет – он слишком много времени потратил на поиски, да потом ещё пришлось гоняться за подранком, куда тот наконец не издох. Поэтому, крикнув, Шервард закинул кабанчика себе на плечи, не слишком-то заботясь о том, что его кровь может испачкать одежду.

До деревни он добрался аккуратно до самой темноты. Это была обычная прибрежная деревушка под названием Скьёвальд – два десятка домов, небольшие поля, рыбацкий причал. Вопреки тому, что думали об островитянах жители большой земли, не все здесь рождались воинами и проводили жизнь в набегах.

Вот и обитатели Скьёвальда занимались самыми миролюбивыми делами. Старший брат Шерварда, к примеру, был рыбаком, а отец мастерил мазанки – корзины из ивовых прутьев, которые затем обмазывали глиной и сушили на солнце. Жена Шерварда помогала в этом отцу, а младшая сестра с золовкой ухаживали за небольшим клочком земли, пытаясь выжать из него побольше зерна и овощей за недолгое северное лето.

Сам Шервард, главным образом, занимался продажей мазанок, отвозя их в Реввиал – большое село (хотя сами островитяне называли его городом) неподалёку. Ну а в свободное время промышлял и охотой, чтобы разнообразить их небогатый стол.

Жизнь келлийцев была трудной и не особенно радостной.

Здесь всё нужно было отбирать у природы силой, и ничто не доставалось просто так. Холодные воды Серого моря были полны рыбой, но ловля была делом опасным – непредсказуемые ветры, постоянное волнение на море, туманы и другие прелести жизни каждый год собирали свою дань из рыбацких душ. Скучная каменистая почва с трудом годилась для земледелия и требовала столько внимания, сколько не нужно было и самой высокомерной кокетке. В лесах водилась дичь, но, на взгляд Шерварда, её становилось всё меньше, да и зверь нынче был какой-то тощий, словно постоянно недоедал.

Впрочем, Баркхатти был велик, и другие охотники говорили, что дичь почему-то уходит к северу, где было меньше поселений. Якобы, там попадались жирные кабаны и олени, а ещё там было много пушного зверя, до которого были так охочи жители материка. Но Шервард даже и не думал переселяться туда – он не мог бросить отца. Тробб, старший брат, был неплохим рыбаком, но любил пригубить браги, и потому не был надёжной опорой для старика.

Кроме того, северная часть Баркхатти, поговаривают, являлась студёной преисподней. Скалистый остров был похож на показавшуюся из воды рыбью спину – с востока на запад его пересекал горный хребет, который якобы защищал южную часть от ветров, дувших с севера, отчего здесь было относительно тепло. По ту сторону острова же, как говорили, даже летом люди ходили в меховой одежде.

В общем, жизнь на Баркхатти была совсем несладкой, и всё же Шерварду тут нравилось, и он не захотел бы уехать на материк, даже если бы ему предложили там дом и работу. Чего бы ему действительно хотелось, и о чём он думал втайне – так это военное ремесло. Хотелось бы податься на службу, но кто-то должен был присматривать за всем хозяйством, потому что на Тробба надежды было маловато.

Воины были, конечно же, элитой келлийцев. Лишь они имели право на ношение кланового имени, тогда как Шервард, скорее всего, так и помрёт Шервардом сыном-Стокьяна, также как и его старик-отец на всю жизнь остался Стокьяном сыном-Герида. Увы, но теперь всё реже островитяне отправлялись в боевые походы. Большинство кланов предпочитало торговать с жителями материка – это было куда выгоднее.

Клан Шерварда, Гримманды, тоже был из «смирных», как называли их палатийцы в противовес «буйным» – тем, что не отказались от своих лихих занятий. Впрочем, ни сам Шервард, ни его соплеменники, не слыхали о такой градации и, несомненно, сочли бы её оскорбительной. Однако факт оставался фактом – из всей их деревни лишь один был воином на драккаре ярла Одноухого, тогда как остальные предпочитали более мирную жизнь...

Войдя в небольшой двор, Шервард сбросил тушку кабанчика на землю в достаточном удалении от цепного пса, чтобы тот не решил, что это лакомство предназначено ему. Значи-

тельная часть двора была заставлена сохнувшими мазанками, поленницами с дровами и прочим хозяйственным скарбом. В небольшом окошке мягко теплился огонёк – все домочадцы уже были дома, ждали лишь его.

– Мы уж думали, ты сегодня не объявишься, – ворчливо приветствовал его отец.

Шервард видел, что они слегка взволнованы – нечасто он пропадал так надолго. Не то чтобы охотника вроде него подстерегало здесь множество опасностей, но всё же случалось всякое – кого-то подрали кабаны или волки, кто-то свалился со скалы. Один охотник, провалившись в чью-то нору, сломал обе ноги и почти двое суток добирался до дома ползком... Так что их волнение можно понять.

– Клятые кабаны совсем поразбежались куда-то... – устало буркнул в ответ Шервард. – Еле нашёл одного, да и тот худосочный.

– Да, маловато дичи стало в лесу... – качнул головой старик-отец. – Ергерд вон давеча жаловался, что на днях вообще вернулся ни с чем... Уходит зверь... Дурак, похоже, совсем расшалился...

Дурак, он же Шут, был одним из богов, которым поклонялись на Келли. Пантеон келлийцев отличался от двоебожия Паэтты – здесь богов было четверо, да у каждого ещё хватало помощников, которых тоже не стоило обижать молитвами и подношениями, если не хотелось заполучить проблем на голову.

Главными почитались Отец и Мать. Это лишь глупые южане считали, что всё сущее создал их Арионн. Такое впечатление, что эти недотёпы понятия не имели, как на свет рождается новая жизнь! Интересно, они когда-нибудь задумывались о том, что если Арионн-мужчина способен был сотворить жизнь, то для чего же ему пришлось создать женщину, чтобы продолжать человеческий род?

Конечно же, жизнь во всём её проявлении – от человека до мелких рачков в море – породила Великая Мать. Её муж, которого островитяне называли то Отцом, то Хозяином, сотворил всё остальное – землю, небо, деревья, скалы... Как добрый Хозяин, он поддерживал и порядок в своём мире.

А ещё у Отца и Матери было два сына – Воин и Дурак. Воин – защитник, охранитель мира. Чем-то он, должно быть, походил на южного Асса, но лишь отчасти. Островитяне не считают Воина прародителем всего зла. Зло творят мелкие и крупные духи, населяющие мир, и именно с ними должен постоянно бороться Воин.

А Шут, или Дурак, как называли его чаще, наверное, ближе всего был к абстрактному южному пониманию Хаоса. Вечный бедокур, который не со зла, а в силу характера то и дело разрушал всё то, что создали его родители. Развлекаясь, он крушил всё вокруг, вносил сумбур и беспорядок. Но зато он же покровительствовал искусствам и разным стихиям.

– Если он и дальше будет так шалить, вскоре мы останемся без еды... – хмуро буркнул Тробб, который, похоже, уже

успел приложиться к кувшину с брагой после возвращения с лова. – Рыба тоже уходит... Сегодня едва две бочки заполнили.

– Ничего, – зыркнув на приунывших невесток, ответил отец. – С голоду не помрём! Вот-вот новые мазанки подсохнут, можно в Реввиал отвезти. Я слышал, там опять корабль с большой земли пришёл...

– Кому будут нужны мазанки, коли положить в них нечего! – на Тробба частенько нападала хандра после выпитого, он становился мрачным и тяжёлым в общении.

– Раззуделся... – недовольно заворчал отец, который с трудом сживался со старшим сыном, особенно когда тот был во хмелю. – Ты, Тробб, недостаточно долго живёшь на этом свете, чтоб меня учить! Видал я годы и похуже! В иные зимы кору отваривали в протухшем рассоле из-под рыбы, чтобы прокормиться! Хозяин поправит всё, дай срок! А ты шёл бы, да ложился! Завтра вставать чуть свет, нечего тебе слоняться. Лойя, накорми мужа!

Лойя, молодая рыжеволосая женщина, на несколько зим младше Шерварда, проворно поднялась на ноги, несмотря на большой живот, говоривший о том, что она вскоре родит. Она всё ещё казалась почти девочкой, особенно теперь, в домашней холщовой рубахе и с простой косой, перекинутой через плечо. Шервард поглядел на жену с глубокой нежностью, и, как обычно, невольно заулыбался, глядя на живот, в котором сейчас сладко спал его сын. Ну или дочь...

– Сиди, Лойя, я сам, – ласково проговорил он, направляясь к очагу.

– Я накрою! – тут же подскочила Гене́йра, его младшая сестра, видевшая ещё лишь четырнадцать зим. Она бережно взяла Лойю за руку и осторожно усадила обратно на лежанку, а затем отправилась, чтобы дать брату поесть.

Ужин был скудным – пара кусков жареной рыбы, овсяная похлёбка с остатками мяса, и грубый овсяной же хлеб. Запить всё это можно было слабым ячменным пивом, которое Шервард покупал в Реввиале. Впрочем, уставший и проголодавшийся охотник не привередничал – у него с утра во рту крошки не было, и потому сейчас любая пища казалась настоящим лакомством.

Тробб, отпустив ещё пару хмурых реплик, отправился за плетёную из камыша перегородку, где была их с супругой часть дома. Сестра, измотанная целым днём тяжкой работы, тоже отправилась спать. Отец, как и все старики, подрёмывал, откинувшись спиной к стенке, изредка приоткрывая глаза и оглядываясь вокруг. И лишь Лойя молча сидела, глядя на жующего мужа.

– Снова толкался? – утолив голод, наконец заговорил Шервард.

– Спроси лучше, когда он лежит смирно! – тихонько, чтобы не потревожить старика, проговорила Лойя. – Кажется, ему уже невтерпёж сидеть в утробе, так и просится наружу!

– Я завтра снова зайду к Сурге, попрошу её навестить те-

бя, – Шервард допил пиво и поднялся из-за стола. – Пусть поглядит ещё раз – может, в прошлый раз она ошиблась?

– Сурга никогда не ошибается, – поглаживая живот, улыбнулась Лойя. – Если она сказала, что ждать ещё одну луну, значит, так и будет. Не тревожь старуху понапрасну. Со мной всё в порядке.

Действительно, несмотря на худобу и юный возраст, его жена весьма неплохо переносила первую беременность. Мать, когда была жива, то и дело вспоминала, с каким трудом доносила Тробба, и отец тогда обычно добавлял, что вообще опасался, как бы она не умерла. И при этом он странно поглядывал на старшего сына, словно до сих пор укоряя его в этом.

– Через пару дней отправлюсь в Реввиал. Не нужно ли тебе чего?

– Мне ничего не нужно, – мягко покачала головой Лойя. – Я-то целыми днями дома просиживаю. Спроси сестру – кажется, Генейра говорила, что серп плохо жнёт.

– Ладно, – кивнул Шервард. – Поговорю с ней. Пойдём спать, а то я замотался совсем сегодня.

Ещё один угол дома был отделён, образуя их с Лойей комнату. Там была лишь лежанка – не слишком широкая, но это было даже хорошо. Шерварду нравилось, когда его жена тесно прижималась к нему. Чаще всего они не могли уснуть сразу и занимались любовью, нисколько не стесняясь, что их слышат прочие обитатели дома. Здесь, на Келли, к подобным

вещам относились совершенно нормально, и у Шерварда были воспоминания с самого раннего детства, когда он слышал ночами, как любили друг друга его родители.

Но сегодня он слишком устал, гоняясь за кабаном, а затем волоча его на себе, но, тем не менее, с наслаждением поглаживал нежную кожу Лойи, не упустив ни одного из своих любимых мест на её теле. И всё же усталость оказалась сильнее, поэтому через несколько минут он захрапел. А вскоре уснула и она, улыбаясь в темноте.

За перегородкой слышались шаркающие шаги – отец отправился на свой топчан, чтобы уснуть чутким стариковским сном, покуда не забрезжит рассвет. Что бы там ни творил Дурак, но этот мир по-прежнему оставался отличным местом, а жизнь была пусть и нелегка, но приятна!

Глава 9. Реввиал

Шервард правил парой оленей, впряжённых в повозку, а позади слегка побрякивали на ухабах мазанки, которые он вёз на продажу. На материке предпочитали использовать лошадей, и не только потому, что ездовые олени там почти не водились. Конечно же, лошадь сильнее, а может даже и выносливее оленя. Но здесь, на островах, остро вставал вопрос их содержания – почти половину года травы либо вовсе не было, либо было недостаточно, а сена эти животные сжирали просто немыслимое количество. И потому олени были просто незаменимы – неприхотливые, способные копытами выбить себе немного мёрзлых былинки из-под снега.

Островитяне частенько использовали также и собак, но собакам было нужно мясо. Раньше их кормили зайцами – в былые времена, когда в лесах было вдоволь крупной дичи, этих ушастых тварей и не почитали за добычу. Скорее это были мелкие вредители, обгрызающие кору на чахлах яблонях, да разоряющие огороды. Но в последнее время даже зайцы не слишком-то баловали охотников и не больно-то спешили в похлёбку, так что и речи не было, чтобы скармливать их своре собак.

Когда-то и у них была упряжка. Отличные псины, способные утащить что угодно. Но их пришлось продать прошлой зимой, хотя Шерварду было ужасно жаль расставаться с ни-

ми. Но делать было нечего – в противном случае, пришлось бы пробовать на вкус уже собачатину...

Дорога до Реввиала двигалась вдоль побережья, и когда стояла такая же прекрасная солнечная погода как теперь, она была весьма живописной. Стараясь огибать вездесущие скалы, поросшие кустарником и соснами, она изрядно петляла, иногда теряя из виду Серое море, но большую часть времени Шервард при желании мог бы любоваться бескрайней серебристой далью. Впрочем, для него этот пейзаж был совершенно обыденным, и он обращал на него не больше внимания, чем на куцые хвостики своих оленей.

Молодой охотник любил эти поездки. Реввиал был единственным городом, который он видел в своей жизни, и всё там было жутко интересно. На улицах всегда были люди, а особенно – у пристаней. Там всегда можно было потолкаться среди торговцев, рыбаков, да и просто зевак, добрую половину которых Шервард знал лично. Там было восхитительно шумно.

А особенно парню нравилось, когда на остров прибывал корабль из-за моря. Многие шеварцы (как называли здесь палатийцев) вели торговлю со «смирными» кланами, и в Реввиал нередко заходили суда с юга. В свою очередь кланы решали вопросы безопасности с «буйными», чтобы не подвергать дорогих гостей риску.

Торговля с Шеваром была крайне важна для островитян. Здесь никогда особенно не процветало кузнечное дело – в

скалах была руда, но её называли «тяжёлой», потому что выплавлялась она довольно трудно. Да и келлийские кузнецы не преуспели в своём мастерстве настолько, чтобы соперничать с южными собратьями. Чаще всего их умений хватало лишь на производство грубых орудий. Большинство же предметов из металла, включая оружие, островитяне предпочитали покупать у шеварцев.

Торговля мазанками приносила стабильный, не невысокий доход. Чаще всего этого хватало лишь для того, чтобы приобрести необходимые в хозяйстве вещи вроде того же серпа для сестры, наконечников для стрел, реже – посуды из обожжённой глины. Вообще островитяне старались производить всё, что было в их силах – меховую одежду, сети для рыбы, деревянные доски и прочее. То, что не мог сделать сам, вполне можно было выменять на рыбу или мясо.

Вообще торговля на островах была развита гораздо слабее, чем на материке. Здесь не было собственных денег, а вместо них использовалось всё, что имело хоть какую-то ценность – монеты империи, украшения, те же наконечники для стрел. Например, мазанки Шервард частенько обменивал прямым ходом на необходимую ему вещь, если, конечно, владелец этой вещи был заинтересован в его товаре.

Но сейчас молодой человек ехал в город с особой радостью. Он хотел отыскать какой-нибудь подарок для своей Лойи, которая скоро должна была подарить ему первенца. Как и все мужчины, Шервард громко заявлял о том, что хо-

тел бы получить сына, но в глубине души ему это было совершенно неважно. Они оба ещё молоды и сильны, и у них будет ещё много детей. Даже если сейчас родится дочка – неважно. Значит, сын появится позже. А сам он будет безумно рад и дочери.

Реввиал не походил на города империи. Островитяне не строили высоких домов – им не было нужды жить так тесно. Поэтому приезжие шеварцы между собой называли Реввиал селом, но делали это достаточно тихо, чтобы не услышали болезненно гордые келлийцы.

Когда телега Шерварда въехала на широкие улицы, вдоль которых стояли добротные бревенчатые дома, он невольно заулыбался, как и всегда. Молодого человека окутал неповторимый запах, царивший лишь здесь. Пахло дёгтем, дымом, сушёной рыбой, навозом, но ко всему этому примешивались ещё десятки слабых запахов, которые и порождали тот чудесный букет, нехарактерный для прочих поселений острова.

То и дело ему встречались знакомые, которых он приветствовал то простым поднятием руки, то радостным возгласом. Иногда Шервард мечтал о том, чтобы переехать сюда, но отец был категорически против, а оставить его на Тробба юноша не мог. Может позже... Он без труда нашёл бы здесь работу, и, конечно, забрал бы с собой сестру, если к тому времени она ещё не найдёт себе мужа.

Течение его радужных мыслей было прервано внезапно.

– Опять привёз свои корзинки? – перед ним стоял молодой бородатый мужчина, грозно уперев руки в бока. – Такие же дырявые, как в прошлый раз?

– Отчего это мои мазанки дырявые, Косма? – обиженно вскинулся Шервард. – Зачем говоришь это, да ещё так громко? Все знают, что мои мазанки – лучшие!

– То-то же несколько дней тому назад одна из них рассыпалась у меня! – не сдавался тот, кого называли Космой. – Сперва трещинами пошла, а после и вовсе развалилась! Пересушили вы их, что ли? Или не досушили?

– Мой отец с ребячьего возраста мастерит мазанки! – Шервард пытался не потерять остатки уважительного тона, но обидные слова сильно задевали его. – Он сделал их столько, что из них можно сложить остров! И никто никогда не жаловался на его работу.

– А я говорю, что моя мазанка вся растрескалась! Я бы показал тебе её, да выбросил третьего дня. Но из уважения к твоему отцу я согласен принять от тебя новую за полцены.

Шервард хорошо знал Косму. Он был прижимистым и наглым скупердяем, всегда стремящимся урвать подешевле. Наверное, в Реввиале трудно было сыскать торговца, с которым у Космы ни разу не случилось свары. Молодой человек знал, что отец никогда не допустил бы отправку в город некачественного товара, но он также знал и то, что ругаться с этим прощелыгой – себе дороже. Тем более, что Косма имел неплохие связи на материке, и именно через него Шервард

доставал лучшие наконечники.

– Хорошо, Косма, – выдохнув, заговорил он. – Я отдам тебе за полцены, но сверху накинь ещё два наконечника.

– Зачем тебе железные наконечники? – осклабился тот в ответ. – Говорят, крупного зверья в окрестностях не осталось.

– Места надо знать! – отрезал Шервард, стараясь, чтобы в голосе не слышалось слишком уж много раздражительности. – Ну так что?

– Ладно, – чуть подумав, кивнул Косма. – Две мазанки, каждая – в половину обычной цены, и два наконечника сверху.

– Одна за полцены, одна за две третьих, и четыре наконечника.

– По рукам! – легко согласился Косма, не желая испытывать судьбу дальше. – Я подойду позже. Смотри, отложи две для меня!

– Не беспокойся! – кивнул Шервард, думая про себя, как приятно было бы плюнуть в каждую из двух этих мазанок. Но он этого не сделает, потому что тем самым он может подвести не только себя, но и отца.

Однако настроение было подпорчено. Выходит, что одну мазанку он отдал фактически задаром. Шервард знал, что отец одобрил бы его действия – репутация прежде всего. Однако теперь он пытался подсчитать в уме – как сильно это скажется на том, сколько он сумеет выручить, и хватит ли

ему средств, чтобы побаловать жену и сестру.

На торговой площади Реввиала у него было своё место, и это знали все. Шервард уже несколько зим занимался продажей мазанок, и хотя он был ещё молод, но уже успел снискать уважение среди других торговцев и покупателей. Парень был хорош собой, сильный и рослый, и к тому же имел ровный и открытый характер, так что за всё это время умудрился не посориться ни с кем, даже с типами вроде Космы. Многие с удовольствием налили бы ему браги за свой счёт, но Шервард почти не пил; много местных красоток были бы рады отдаться ему, но он очень любил жену и был верен ей.

Шервард любил приехать пораньше – до того, как рыночная площадь наполнится людьми. Он неспешно расставлял мазанки, перекидываясь словами с прохожими, а затем по нескольку раз обходил лотки всё прибывающих торговцев, приглядываясь и прицениваясь к их товару. Так было и в этот раз – когда он остановился у своего привычного места, на площади было всего несколько торговцев, и продавали они, в основном, свежесвыловленную рыбу.

Шервард уже знал, что в городе сейчас находятся шеварские купцы – он видел их корабль, стоящий недалеко от берега. И это была добрая новость – с материка обычно приходили самые лучшие товары. К примеру, те же наконечники для стрел он вполне мог бы выменять у заморских, наплевав на Косму. Но делать этого он, конечно, не будет – шеварцы приходят и уходят, а Косма останется здесь, и плевать на него

– всё равно, что плевать в колодец. Однако, если торговля будет удачной, пожалуй, в этот раз он действительно найдёт какую-нибудь милую безделушку, чтобы подарить её Лойе.

Постепенно торговцы всё пребывали. Появились и шеварские, выделяясь на фоне островитян. Молодой человек пару раз уже прошёлся мимо их лотков, стараясь не проявлять излишнего интереса. Он хорошо знал эту братию – дай им только понять, что тебе что-то нужно, и они тут же сдерут с тебя втридорога! Шервард всё равно останется в Реввиале как минимум до завтра, вот тогда и наступит время поторговаться.

Ещё через пару часов площадь уже была заполнена людьми. Здесь были не только жители города – в дни, подобные этому, в Реввиал собирались островитяне из всех окрестных деревень. Это было замечательное время – нельзя сказать, чтобы Шервард тяготился тишиной и малолюдьем родной деревни, но этот гомон и пестрота толпы нравились ему определённо больше.

Здесь он был в своей родной стихии, одинаково приветливо болтая и с покупателями, и с обычными прохожими, которые ничего у него покупать не собирались. Весёлый хохот гулял по всей площади, но в окрестностях лотка Шерварда он задерживался чаще и охотней.

– Ничего себе! – присвистнул вдруг Шервард. – Лебланд, ты что ль?

– Привет-привет, приятель, – лучась самодовольством, к

нему подходил рослый молодой воин. – Я тебя издали услышал ещё, вот решил подойти поздороваться.

Лебланд был давнишним знакомцем Шерварда – он был из другой деревни, но они частенько встречались во время ярмарок, где Лебланд торговал шкурками и вяленным мясом. Несмотря на то, что и сам Шервард иной раз привозил шкуры на продажу, конкуренция не сделала их недругами – напротив, они довольно быстро сошлись и стали хорошими приятелями. Оба были примерно одного возраста, оба имели лёгкий и общительный характер, да и на торговой площади они располагались неподалёку друг от друга. Кстати говоря, Шервард сегодня уже успел отметить, что место охотника пустует, и решил, что тот, должно быть, не приехал из-за того, что не сумел добыть достаточно шкур на продажу.

Увидеть этого балабола с боевым топором за спиной и с кожаным наручем, который могли носить лишь воины, стало огромной неожиданностью для Шерварда. Но, разумеется, он и не подумал о том, что Лебланд просто вырядился так, чтобы покрасоваться перед народом. За подобное его ждало бы весьма тяжкое наказание. Ношение наруча обычными людьми, не имеющими на это права, почиталось весьма тяжким преступлением на Баркхатти.

– Ты теперь воин?.. – всё ещё не вполне доверяя своим глазам, спросил Шервард, когда приятель подошёл вплотную и они смогли обменяться приветственными хлопками по плечам.

– Как видишь! – даже не пытаюсь скрыть самодовольство, ответил Лебланд, поднимая руку, чтобы кожаный наруч с металлическими заклёпками оказался на уровне лица собеседника. – Я теперь на драккаре ярла Желтопуза.

– Как ты туда попал? – Шервард не знал такого ярла, но это было и неудивительно для простого селянина.

– А ты что же, не слыхал, что вокруг творится-то? – с видом полного превосходства над приятелем, поинтересовался Лебланд.

– Кое-что слыхал, – неопределённо дёрнул плечом Шервард, не знавший ровным счётом ничего, но не желавший ударить в грязь лицом. – Смотря про что ты говоришь.

– До вашей глухомани, я смотрю, новости не доходят! – хохотнул Лебланд. – Слушай, бросай ты это всё, да пойдём поболтаем.

– Я хотя и говорю всем, что мои мазанки сами себя продают, но ты же понимаешь, что это на самом деле это не так?

– Да ничего! – отмахнулся новоиспечённый воин. – Оставь, никуда они не денутся! После продашь! Потолкуем подальше от лишних ушей.

Шерварду показалось, или же Лебланд при этих словах как-то странно зыркнул глазами в сторону шеварцев? Надо сказать, что он был донельзя заинтригован, а ещё ему не терпелось узнать, как этот проныра вдруг умудрился сделать такую карьеру за столь недолгий срок. Сейчас, глядя на свои нераспроданные мазанки, Шервард не мог не ощутить укола

досады. Ещё несколько лун назад они с Лебландом вместе стояли тут, пытаясь всучить покупателям свои товары, а теперь у того есть кожаный наруч!.. Да, ему было совершенно необходимо узнать все подробности!

Кивнув, он позволил приятелю повести себя через толпу к одному из кабаков, расположенному здесь же неподалёку. Шервард нисколько не переживал за свои мазанки, оставляя их без присмотра. Он точно знал, что здесь с ними ничего не случится. И не столько потому, что все обитатели Баркхатти были кристально честными – просто он понимал, что мазанку за пазуху не сунешь и тайком не утащишь. Здесь повсюду были его знакомые и приятели, и уж они бы не допустили, чтобы кто-то обокрал Шерварда.

Лебланд затащил товарища в свой излюбленный кабак, где первым делом отыскал взглядом место подальше от остальных посетителей. Впрочем, здесь были всё сплошь местные островитяне, и их он, похоже, не так таился, как заморских купцов. Новоиспечённый воин жестом попросил принести ему кружку эля. Шервард было мотнул головой – у него была нераспродана ещё добрая половина товара, так что нечего было мутить голову, но его приятель и слышать ничего не хотел, поэтому оттопырил два пальца. Трактирщик понимающе кивнул.

– Ты так и собираешься до конца дней продавать мазанки и гонять тощих косуль по лесам? – словно с укором проговорил Лебланд, будто пеняя другу за то, что тот отказывается

выпить среди бела дня. – Это то, что тебе нужно?

– Нечасто мы выбираем свою долю, – чуть меланхолично отвечал Шервард, хотя на самом деле он горел нетерпением узнать, что же собирается поведать ему приятель. – Обычно это она выбирает нас.

– Восславь Воина, дурилка! – рассмеялся Лебланд в ответ. – Настали другие времена, и теперь любой, если он не губошлёп вроде тебя, может сам выбрать свой путь!

– Хочешь сказать, меня тоже могут принять в дружину? – против воли, глаза Шерварда загорелись огнём.

– Слышал про ярла Враноока?

– Кто ж о нём не слышал! – с почти благоговейным почтением ответил Шервард.

Ярл Враноок действительно довольно громко заявил о себе несколько зим назад, когда объявил на Совете ярлов, что хочет претендовать на титул конунга – верховного правителя Баркхатти. Это вызвало брожение в умах. Несколько раз за долгую историю вольного острова келлийцы избирали себе конунгов. Обычно это было во времена суровых испытаний или больших войн. И, как правило, отказывались от них, едва лишь наступали времена поспокойнее. Клань не слишком-то охотно подчинялись кому-то постороннему, да и ярлы с трудом терпели даже чужих советов, не говоря уж о приказах.

Именно поэтому большинство обывателей полагали, что у Враноока ничего не получится. Он действительно был неор-

динарным человеком – даже внешность его, казалось, давала ему право доминировать над прочими, а кроме внешности были ещё и ум, и воля. У него было всё, чтобы стать прославленным конунгом, но беда была в том, что добрая половина ярлов Баркхатти думала о себе точно так же. А потому, чтобы не сеять бурю, остров десятилетиями обходился без верховной власти.

Сам Шервард, естественно, ни разу не встречался с Вранооком, а потому благоговел перед ним вдвойне, наслушавшись баек и откровенных небылиц. Но он также не мог не знать, что ярл Вёслобородый, глава клана Гриммандов, то есть его непосредственный повелитель, терпеть не мог «этого выскочку». Впрочем, до сего дня это не имело никакого значения, поскольку все эти политические игры касались лишь дружинников, но никак не простых охотников.

– Враноок собирает людей и корабли для войны с Шеваром, – наклонившись вперёд, тихо, но внятно проговорил Лебланд.

Подошёл хозяин с двумя кружками эля, и Шервард машинально отметил, что тот стал явно почтительнее к своему старинному посетителю Лебланду. Кожаный наруч, хотя и почти скрытый рукавом, делал своё дело. Владелец же наруча, лишь молча кивнув в благодарность, вновь заговорил, едва трактирщик отошёл.

– Он зовёт всех ярлов на эту войну. Нужно много людей. Сейчас парни вроде нас с тобой нужнее в дружине, чем здесь,

на берегу.

– Но с чего ему воевать с шеварцами?... – Шервард непонимающе поглядел на приятеля. – У нас же, вроде бы, всё наладилось... Кроме того, ведь за Шевар встанет вся империя...

– Тебя зовут топором махать, а не рассуждать! – усмехнулся Лебланд. – Говорят, Враноок хочет таким образом возвыситься до конунга. Да и тебе-то что за печаль? Вот, гляди! – и он, вновь подняв левую руку, закатал рукав, чтобы наруч воина был хорошо виден. – Неужто ты не мечтал о таком? Неужто не хочешь стать Шервардом Гриммандом по прозвищу Губошлѐп?

– Сам ты губошлѐп! – поморщился Шервард.

– Губошлѐп и есть! – не сдавался Лебланд. – Ему предлагают стать ратником Воина, а он ещё и мнётся тут!.. Тебя что – даром что ли старик твой Шервардом¹⁰ нарѐк?

– Ты что ли предлагаешь? – свою растерянность Шервард попытался скрыть за насмешкой. – Можно подумать, Враноок лично доверил тебе вербовать людей!

– Я сведу тебя с ярлом Желтопузом. Я самолично слышал от него, что ему нужны ещё люди. У него три больших драккара, так что места всем хватит!

Крыть было нечем. Формально, конечно, Шервард при-

¹⁰ Шервард – имя, образованное от келлийского словосочетания «Шевар бьярд» – «Покоритель Шевара». Это довольно популярное имя среди островитян.

надлежал к клану Гриммандов, но неписанные законы Баркхатти не запрещали в подобных случаях примыкать к другим кланам, если они не находились в состоянии вражды с родственным. Ярл Вёслобородый, мягко говоря, не слишком жаловал Враноока, так что пойти в поход под его парусами представлялось маловероятным, а потому, говоря откровенно, ничто не мешало Шерварду пойти к Желтопузу.

– Через луну моя жена родит мне ребёнка, – признался наконец Шервард. – Не уверен, что именно сейчас я хочу покинуть Баркхатти.

– Поздравляю! – Лебланд дружески пихнул его в плечо. – Это добрая весть! Но тем более – теперь самое время отправиться в поход. Не знаю, как у вас там вблизи Скъёвальда, а у нас зверя почти не осталось. Ни кабанов, ни оленей... Все ноги собьёшь, покуда отыщешь какого-нибудь доходягу... Чем сына кормить будешь? Мазанками много не наберёшь, да и семья у тебя велика... А здесь такой шанс! Только представь, сколько всего ты привезёшь из Шевара! Этого с лихвой хватит вам, чтобы перезимовать!

– Мне надо подумать... – буркнул Шервард, разрываясь между желанием согласиться и одновременным желанием оставить всё как есть. – Лойя скоро родит, отец уже стар... На Тробба надежды мало – он каждый вечер набирается элем...

– Это всё отговорки! – отмахнулся Лебланд. – Слышать их не хочу, тем более что твои глаза говорят совсем другое!

Вот что: никуда до завтра не уезжай! Сегодня же я поговорю с кем-нибудь из людей Желтопуза. Если они заинтересуются – я тебе сообщу. Если ты сам не можешь решиться – доверим это жребию Воина! Как он решит, пусть так и будет!

Шерварда так и подмывало остановить друга, но он этого не сделал. В голове зашумело, но не от выпитого эля – он и половины кружки не опустошил, а от внезапного ощущения того, что жизнь его может круто перемениться. И пусть в этом чувстве была немалая доля страха, но куда больше в нём было восторга и нетерпения.

– Завтра я буду на том же месте! – срывающимся голосом пообещал он Лебланду.

Глава 10. В дружине

Когда на следующий день Лебланд подошёл к лотку Шерварда, тот уже знал, что согласится. Причём понял он это гораздо раньше – ещё вчера, когда вернулся обратно на рыночную площадь после разговора в трактире. Там его уже поджидал Косма.

– Ну где ты шляешься? – накинулся он на подошедшего парня. – У нас какой договор был? Я приду, и заберу свои мазанки! Я пришёл, а тебя нет!

– Ну я уже здесь, – равнодушно пожал плечами Шервард.

– Тогда я забираю вот эти, – Косма положил руки на два облюбованных им сосуда. – Я бы и сам их забрал, да эти вон не дали... – зло зыркнул он на соседних торговцев, которых Шервард, в общем-то, даже не попросил приглядеть за товаром.

– И правильно сделали, – молодой охотник благодарно кивнул соседям.

– У нас был уговор, помнишь? – тут же вновь взвился Косма. – Две за полцены.

– Уговор был не такой! – спокойно возразил Шервард. – Одна за полцены, другая... Хотя...

Шервард взглянул на этого косматого прощельгу, и ощутил прилив какой-то безнадежной тоски. Неужели он хочет провести так всю свою жизнь? Торговаться с подобны-

ми проходимцами, горбатить спину, таская из лесу подстреленных кабанчиков? Ещё вчера ему казалось, что это – его жизнь. Но что, если это не так? Вчера он думал, что у него нет выбора, а теперь, кажется, что-то изменилось. И, судя по всему, он совсем не желал оставаться простым охотником и торговцем.

– Знаешь что, Косма? – без злобы и вызова проговорил он, чувствуя огромное облегчение. – Ты либо заплатишь за каждую мазанку её полную цену, либо проваливай отсюда куда подальше! Мой отец делает самые лучшие мазанки в округе, и никто ни разу не пожаловался на его работу, а от тебя я слышу жалобы постоянно. Так что, пожалуй, если тебе действительно нужна мазанка – заплати-ка за неё двойную цену!

Косма ошалело смотрел на юношу – он совершенно не ожидал такого поворота событий. Зная его отвратительный характер, люди обычно предпочитали не перечить ему, тем более что Косма имел неплохие торговые связи за морем. Он настолько опешил, что даже не нашёлся с ответом и, пробормотав лишь что-то вроде «Ну и Грыз¹¹ с тобой!», ретировался под насмешливые взгляды свидетелей этой перепалки.

А Шервард уже всё для себя окончательно решил. Он больше не будет торговать мазанками, а его отец не будет больше плести лозу своими шишковатыми, скрюченными,

¹¹ Грыз – один из шести прислужников (бруггизов) Шута в пантеоне келлийцев. Обычно представляется в виде одноглазого кота.

вечно ноющими пальцами. Его ребёнок не станет зависеть от того, сыщёт ли его папаша очередного кабанчика в лесу. А Лойя будет ходить, словно дочь ярла, в самых лучших нарядах! Он и сестре приданное такое сделает, что не стыдно будет её и самому Вранооку сосватать!

Оставалось лишь дожждаться Лебланда, надеясь, что он действительно сдержит обещание и замолвит словечко за своего приятеля. Шервард не покинул рыночную площадь – ему всё же нужно было распродать весь товар, чтобы не вернуться с пустыми руками домой. Более того, он вдруг понял, что ни о каких особенных подарках и речи идти не может – он, возможно, надолго покинет дом, и нужно, чтобы до его возвращения семья не умерла с голоду.

По счастью, на следующий день, когда к нему вновь за-
вился Лебланд, почти всё уже было распродано.

– Как торговля? – поприветствовал его воин.

– Лучше, чем думал, но хуже, чем хотелось бы, – Шервард испытующе глядел на товарища.

– С тобой хотят поговорить, – не стал томить тот. – Пошли.

Шервард не заставил просить себя дважды. Те две-три мазанки, что ещё не были распроданы, вполне могли подождать, и он с колотящимся сердцем и горящими глазами двинулся вслед за Лебландом в сторону пристани.

Там он увидел шеварский корабль, стоящий чуть поодаль – суда южан обладали более крутым днищем и достаточно

большим килем, так что не могли швартоваться так близко к берегу, как драккары келлийцев. Вопреки его ожиданиям, Шервард не увидел множества боевых драккаров. У берега стояло несколько судов, но большинство из них были обычными рыбацкими посудинами.

– Туда, – Лебланд указал на большое здание трактира.

В трактире была общая зала, но Шервард заметил там пару шеварцев. Лебланд повёл его к одной из комнат. Там их ждал человек.

– Вот тот, о ком я говорил, – подтолкнув Шерварда в спину, Лебланд придвинул его к сидящему. – Его зовут Шервард, и он отличный охотник. А это – Дион, один из людей ярла Желтопуза. Это тот, кому ты должен понравиться, парень, – усмехнувшись, представил он незнакомца.

– Мы тут не на смотринах, – рассмеялся тот, кого назвали Дионом. – Нам нужны люди, Шервард. Но всё же всех подряд мы не берём. Ты был охотником – это хорошо. Но как сам считаешь – ты нам подходишь?

– Подхожу, – твёрдо ответил Шервард, ободрённый словами «*был охотником*». – Я силён и вынослив, могу много часов идти без отдыха и тащить на себе три тувра¹² мяса. Я метко стреляю и могу управляться рогатиной.

¹² Тувр – мера весов, используемая на островах Келли. Слово «тувр» дословно означает «задняя нога», и в одном тувре в среднем около 9 кг – вес задней ноги хорошего взрослого кабана. Впрочем, абсолютно точных мер островитяне не используют, таким образом тувр может варьироваться от 8 до 10 кг и даже шире (в зависимости от ловкости торговца).

– Лебланд сказал, что у тебя есть семья и вот-вот родится ребёнок, – удовлетворённо кивнул Дион. – Есть ли кому позаботиться о них в твоё отсутствие?

– У меня есть отец и... старший брат, – Шервард совсем немного запнулся. – А также сестра. Они смогут позаботиться о себе в моё отсутствие. А когда я вернусь с добычей – они будут очень рады.

– Хорошо! – улыбнулся Дион. – А что твой брат? Может быть, он тоже хотел бы присоединиться к нам?

– Он рыбак, – едва заметно нахмурившись, ответил Шервард. – Он мог бы пригодиться, но, сказать по правде, у него есть слабости. Любит пригубить...

– Дурак каждому из нас дал какую-то слабость, – снисходительно хмыкнул Дион. – Слабости есть даже у богов. Обсудите это семьёй, и если брат решит присоединиться к нам – тебе достаточно будет лишь замолвить словечко.

– Значит ли это, что я принят? – не пытаясь скрыть радость, воскликнул Шервард.

– Я умею смотреть вглубь людей, Шервард, – вставая, Дион протянул ему руку. – И я вижу, что такой воин пригодится нам. Теперь ты в дружине ярла Желтопуза. Вот твой наруч, носи его с честью!

Дрожащими руками Шервард принял этот знак отличия и доблести. Сбылась мечта всей его жизни – он сделался воином! Сейчас ему было совершенно неважно – когда и куда отправятся дружины Враноока, и с кем ему придётся сра-

жаться. Кровь в его жилах была похожа на пар, что тугими струями вырывается из горячих источников на северных островах. Казалось, в нём бьётся сейчас огонь самого Воина.

– Я не подведу вас! – горячо заверил он и Диона, и Лебланда, и всех воинов Келли в их лице.

– Отправляйся домой, Шервард, подготовься к походу. Будь здесь через десять дней.

В любой семье на Баркхатти могла быть лишь одна реакция на то, что кому-то из её членов удалось попасть в дружину. На Шерварда уже глядели как на героя; глаза Лойи лучились нежной радостью, когда она обнимала мужа. Воины были элитой островитян. Здесь не было привычной на материке сословной системы, точнее, она была в значительной мере условной.

Ярлы, конечно, передавали свою власть по наследству, но весьма важную роль играла дружина. Воины могли низложить ярла, если тот по каким-то причинам их не устраивал, и зачастую именно от их воли зависели решения вождей. Попасть в этот круг избранных было непросто, но, тем не менее, происхождение не являлось в данном случае непреодолимым препятствием. Просто воинов на Баркхатти всё же требовалось куда меньше, нежели охотников, рыбаков или пахарей.

Эпоха клановых войн ушла давно и, как хотелось надеять-

ся, безвозвратно. Более того, некогда жестокие и кровожадные захватчики, ныне большинство келлийцев предпочитали жить в мире со своими южными соседями. Торговля с Шеваром и Кидуей приносила куда больше, чем периодические набеги на не больно-то заселённые прибрежные территории.

События, подобные тем, что сгушались нынче над Баркхатти, были отличным шансом для работяг вроде Шерварда. Именно в такое время потребность в воинах становилась достаточной, чтобы подобные парни получили заветный наруч. Это не грозило голодом и разрухой впоследствии. Во-первых, дети воинов не наследовали их статуса, так что будущий сын Шерварда, скорее всего, станет таким же охотником, как и его отец. Да и сами дружинники, вернувшись из нечастых набегов, зачастую брались за старое ремесло, когда заканчивались награбленные запасы.

По дороге домой Шервард размышлял – стоит ли говорить о предложении, сделанном Дионом его брату. Наверное, глубоко в душе он считал это несправедливым – его брат не заслужил той же милости Воина, что и он. Тробб не был образцом ни сына, ни брата, ни мужа. Не говоря уж о том, что, хорош он или плох, но всё же исправно снабжал семью свежей рыбой, и без него отец остался бы единственным мужчиной в доме. Но, с другой стороны, так от него могло бы быть больше проку – вдвоём они принесли бы домой вдвое больше добычи.

Шервард не смог утаить эту новость. Он знал, что никогда не простит себе, если смолчит. И Тробб, разумеется, тут же заявил, что тоже отправиться в поход. Отец, не скрывая радости, благословил обоих, в этот момент совершенно не думая, как тяжело придётся ему в отсутствии сыновей. Жёны также глубоко прятали печаль, гордые тем, что их мужья теперь стали видными людьми.

Шервард, будучи в Реввиале, постарался закупить максимум того, что может потребоваться семье в его отсутствие. Он даже задолжал нескольким торговцам, заверив тех, что сполна рассчитается, вернувшись из похода. И поскольку на его левой руке теперь был кожаный наруч, ему охотно ссужали всё, что он просил. Так что можно было надеяться, что отец, сёстры, жена и невестка не будут нуждаться ни в чём по крайней мере до осени. В конце концов, они живут не в чащобе – тут тоже есть люди, которые могут помочь! Можно было быть уверенным, что семью дружинников в беде не оставят.

Единственное, о чём сейчас особенно сожалел Шервард – это то, что он пропустит рождение своего ребёнка. Но такова была судьба всех воинов – они зачинали дитя, возвращаясь из одного похода, а затем принимали его из рук жены, возвращаясь из следующего. Он непременно вернётся осенью, до того, как Серое море станет непригодно для мореходства, и затем у них будет время до будущей весны, если Враноок решит не ограничиваться одним набегом.

Этой ночью они с Лойей занимались любовью несколько раз, и даже Тробб на сей раз не перебрал с брагой, поэтому из-за перегоронок была слышна и их возня. Никогда ещё Шервард не чувствовал себя таким живым, как сейчас. Никогда ещё он не ждал грядущего с таким нетерпением. Он совершенно не боялся смерти – островитяне с пренебрежением относились к южанам, почитая их никудышными бойцами, а потому он был уверен, что вернётся живым. Кроме того, он чувствовал покровительство Воина, Хозяина и Великой Матери, и знал, что они окажутся могущественнее, чем странные боги шеварцев. Он точно знал, что всё будет хорошо.

Шервард и Тробб оба попали на один из трёх драккаров ярла Желтопуза с именем «Дригзель¹³». Кроме них здесь было ещё около трёх десятков человек – большинство также до недавнего времени были охотниками, рыболовами или ремесленниками. С ними же здесь был и Лебланд, который быстро перезнакомил обоих с новыми товарищами.

«Дригзель» ушёл от пристаней Реввиала практически ровно через десять дней и отправился вдоль побережья Баркхатти на восток. Как выяснилось, целью их путешествия был небольшой островок Такки, расположенный милях в пя-

¹³ Дригзель – имя девы-воительницы, спутницы Воина, почитающейся как покровительница раненых в бою.

тидесяти от Реввиала, и ставший чем-то вроде перевалочного пункта. Сюда же прибыли и два других драккара Желтопуза, а также несколько кораблей других ярлов.

Такки оказался островком не слишком-то гостеприимным даже по меркам Баркхатти. Тут не водилось зверя крупнее зайца, было всего два-три селения, а почва, похоже, и вовсе представляла собой перемолотый камень, так что полторы сотни бойцов, высадившихся здесь, стали бы непосильной нагрузкой для местных жителей, если бы не припасы, которые люди Желтопуза привезли с собой.

Началось унылое ожидание неясно чего. Среди тех, с кем общался Шервард, не было никого, кто знал бы цель их пребывания здесь. Даже Лебланд, корчивший из себя всезнайку, заткнулся, пару раз ошибившись со своими предположениями. Самого Желтопуза здесь не было, а его приближённые вроде того же Диона не были расположены к пространным беседам. «Ждём» – вот и весь ответ. А чего ждём – не ваше дело. Впрочем, никто особо и не задавал лишних вопросов. Они теперь были дружиной, боевым братством, а не кучкой лесорубов, и потому вести себя нужно было соответственно.

Надо сказать, Шервард очень быстро освоился среди этих людей. Его лёгкий характер помог и здесь так же, как он помогал на рыночной площади. Очень скоро он знал по имени каждого не только со своего драккара, но и со всех прочих, так что по количеству приятелей обошёл самого Лебланда.

Другое дело – Тробб. Он всегда был более мрачным и

нелюдимым, и сейчас, похоже, с трудом переносил обилие людей вокруг себя. Чаше он искал уединения и не спешил вмешиваться в разговоры. И, похоже, мрачность его в немалой степени зависела от вынужденного воздержания от бражного. Форинги¹⁴ тщательно следили за этим, да и добыть хотя бы крепкого эля на Такки было особенно негде.

Шервард с некоторой настороженностью наблюдал за братом, боясь, что тот выкинет что-нибудь этакое, но, по счастью, этого не происходило. Тробб не был ни буйным, ни излишне храбрым. Шервард особенно не лез к нему с разговорами, зная, что тот не потерпит «покровительства» от младшего брата. Остальные бойцы не проявляли открытой враждебности к хмурому молчуну, поскольку все знали, чей он брат, но и не особенно стремились нянчиться с ним.

Прошло около недели, когда к острову подошёл ещё один драккар. Его заметили ещё издали, и знающие люди тут же сообщили радостную весть – то был корабль самого ярла Желтопуза. Это означало лишь одно – ожиданиям пришёл конец, и они наконец отправляются в долгожданный поход.

¹⁴ Форинг – помощник, правая рука ярла.

Глава 11. Разведчик

Шервард наблюдал за высадкой ярла Желтопуза и поражался тому, как тот непохож на образ, сложившийся в его голове. Молодой охотник до сих пор имел возможность видеть лишь одного ярла – Вёслобородого, да и то раз или два в жизни. И ему казалось, что все ярлы как на подбор – статные умудрённые жизнью мужчины с окладистой бородой и мощной фигурой.

Желтопуз был гораздо моложе того же Вёслобородого, и летами не сильно превосходил самого Шерварда. Разумеется, у него была рыжеватая борода, но не столь внушительная, как представлялось юноше. Да и сам он был далеко не представительного виду – довольно тощий, невысокий, с какими-то рябинами на лице. Однако же все встречавшие его относились к Желтопузу с нескрываемым уважением, хоть и без подобострастия, какое Шервард заметил среди окружающих Вёслобородого.

В целом его новый ярл понравился молодому человеку. Ему нравилась его свободная манера держать себя, нравилось открытое весёлое выражение лица, нравилось то, как искренне он хлопал по плечам своих форингов. Шервард решил, что служить под началом такого человека будет очень даже неплохо.

Желтопуз ушёл в палатку, сопровождаемый форингами и

ещё несколькими приближёнными, включая Диона.

– Ну что, – подходя, ухмыльнулся Лебланд. – Кажись, наконец отчаливаем!

Море в последние дни довольно сильно штормило, но островитян подобные мелочи не смущали. Келлийцы ходили под парусами до самого месяца дождей¹⁵, когда другие мореходы уже не отваживались выходить в Серое море. Шервард, хоть и был охотником, много раз ходил под парусом с отцом и братом на ловлю рыбы, так что был привычен ко всяким капризам моря.

– Да, похоже, – кивнул Шервард. – Интересно, где сейчас остальные? Сколько драккаров собрал Враноок?

– Скоро увидим, – посулил Лебланд. – Слушай, ты бы поговорил с братом, а?

– А что с ним? – помрачнел Шервард.

– Да, в общем-то, ничего такого, – побряхтев, заговорил Лебланд. – Только нелюдим он уж больно... Нам скоро предстоит драться, и некоторые парни сомневаются – а прикроет ли он им спину в случае чего?

– Прикроет, – не раздумывая, кивнул Шервард. – Да, он не особо расположен к дружеским посиделкам, но на него

¹⁵ На островах Келли использовались собственная система отсчёта месяцев, которая не совпадала с имперской. Они делили год на четыре времени, не имеющих чётких временных рамок начала и окончания, а месяца отмеряли фазами луны, и потому обычно употребляли выражения вроде «вторая луна осени». Но чтобы не путать читателя, мы будем здесь использовать привычные кидуанские названия месяцев, за исключением прямой речи.

можно положиться в бою так же, как на меня.

– Да я так и сказал парням, в общем-то, – словно оправдываясь, проговорил Лебланд. – Но, может, ему всё же как-то поближе быть к нам? А то сидит вечно один, ворчит, когда к нему обращаются...

– Я поговорю, – пообещал Шервард.

– Сейчас самое время, – Лебланд кивком головы указал на одинокую фигуру Тробба, уныло сидевшего на валуне у побережья. – А то, быть может, через часок и отчалим.

Молча кивнув, Шервард направился к Троббу.

– Наверное, скоро отчаливаем, – подойдя, он остался стоять, поскольку места на валуне для него не было.

– Угу, – меланхолично буркнул Тробб.

– Там мужики в костяшку¹⁶ режутся. Может, пойдём к ним?

– Неохота.

– Тебя что-то гнетёт? – собравшись с духом, начал разговор Шервард. – Ты какой-то смурной в последнее время.

– Всё нормально.

– Точно?.. Тробб, мне ты можешь сказать...

– Я уже сказал – всё нормально! – даже как-то зло бросил брат.

– Парни переживают, глядя на тебя. Они спрашивают – а как он поведёт себя в бою? Ты не можешь так себя держать с

¹⁶ Костяшка – довольно примитивная игра, в которой нужно выбить фишки (обычно камешки или мелкие косточки) соперника определённым образом.

ними, Тробб. Ты здесь не один, и каждый из них хочет быть уверенными, что ты прикроешь их в случае чего.

– Не беспокойся, прикрою... – буркнул Тробб, разумеется, несколько не удовлетворив этим ответом Шерварда.

– Уже много лет я задаюсь одним и тем же вопросом, – начиная закипать, произнёс он. – Кто из нас кому был старшим братом? Мне кажется, с тех самых пор, как я выучился ходить, я присматривал за тобой чаще, чем ты за мной! Сколько я себя помню, у тебя почти всегда было такое вот унылое выражение лица, как будто бы все вокруг тебе что-то должны, но не добавляют! Я поручился за тебя перед этими людьми, Тробб! И я не хочу подвести их.

– Я же сказал тебе, что я в порядке! – огрызнулся Тробб, но тут же стрельнул взглядом на ошивающихся неподалёку товарищей и понизил голос. – Мне просто нужно побыть одному, понял? Но в заварушке я встану плечом к плечу с остальными.

– Так не пойдёт! – упрямо мотнул головой Шервард. – Я уверен, что ты будешь со всеми. Ты это знаешь, и я это знаю, но они... Они не доверяют тебе, Тробб. А кто захочет идти в бой рядом с тем, кому он не доверяет?

– Просто я им не нравлюсь...

«Просто ты привык, что все должны носиться вокруг тебя и утирать сопли!» – хотел рывкнуть в ответ Шервард, но вместо этого, скрипнув зубами, спокойно произнёс:

– Они тебя не знают. Пойдём, покажем им, кто такой

Тробб сын-Стокьян из клана Гриммандов!

Тробб частенько вёл себя подобным образом, и Шервард к этому привык. Но старший брат, разумеется, понимал, что здесь его капризы будут неуместны, а потому, шумно выдохнув воздух, он всё же поднялся и побрёл к кострам. Шервард видел, что он изо всех сил пытается понравиться остальным, что принуждает себя говорить и даже усмехаться, но глаза брата по-прежнему оставались тоскливыми и мутными будто болото.

И тут юношу осенило. Кажется, он вдруг понял, откуда взялась эта тоска и диковатость в отношении к боевым товарищам. Тробб, похоже, не чувствовал себя здесь на своём месте. Ни один мужчина на Баркхатти никогда не признался бы, что ему тягостна доля воина, но для его старшего брата, похоже, это было именно так. Воины были вершиной социальной иерархии келлийцев, но ведь кому-то же могло нравиться быть просто рыбаком или пахарем. Судя по всему, Тробб был именно из таких.

Если это было действительно так, то Шервард понимал, что его брат скорее проглотит язык, чем сознается в этом. В культуре келлийцев это было немыслимо – сызмальства всех мальчиков на Баркхатти учили, что их высшим предназначением является война. У Хозяина и Матери было только два сына, и если ты не был Воином, ты был Дураком. Воинство, впрочем, понималось весьма широко – быть воином можно было и оставаясь торговцем. Но в данной ситуации Тробб

был бы опозорен навек, откажись он теперь от участия в походе.

Шервард не знал, как быть. Оставалось надеяться, что брат не натворит глупостей. Нужно было присматривать за ним по возможности. Может быть, со временем он втянется...

Так прошло некоторое время, и из палатки появился Желтопуз. Все воины, находящиеся на берегу, тут же потянулись к нему, в надежде услышать долгожданные новости.

– Ну что ж, парни, – стараясь перекричать ветер, обратился к ним ярл. – Не буду долго тянуть, скажу всё как есть. Признаюсь – моя вина, немного недопонял ярла Враноока... Никакого похода покамест не будет...

Ропот прокатился над толпой бойцов. Они непонимающе глядели на своего предводителя и довольно явно выражали своё недовольство. Однако, надо отдать должное молодому ярлу – он держался непринуждённо и, похоже, был полностью уверен в том, что контролирует ситуацию.

– Да, парни, – не давая ропоту перейти в гул, продолжил он. – Признаюсь, я знатно поскользнулся на тухлой рыбине... Поспешил и дал маху... Когда было решено совершить набег, я тут же велел собирать бравых ребят, которые подзасиделись без настоящего дела. Но потом кое-что изменилось, и ярл Враноок отложил поход. Слышите, отложил, а не отменил! Всё будет, но позже. И вам это точно понравится парни, потому что, скажу я вам, затевается нечто небывалое!

Гул голосов вновь стал слишком громким – собравшиеся на берегу не могли удержать в себе мыслей и спешили поделиться ими с соседями, так что ярлу Желтопузу пришлось замолчать и поднять руку, призывая людей к тишине.

– Ярл Враноок договаривается с вождями шеварцев, чтобы начать большую войну против империи. Север материка снова будет свободен от южан! Вы не ослышались парни – мы идём войной на Кидую!

Вот теперь уже одного поднятия руки было бы недостаточно, чтобы утихомирить галдящих. Новость была столь неожиданной и удивительной, что дружинники, похоже, не до конца верили своим ушам. Желтопуз понимал, что людям нужно выговориться, и потому замолк на некоторое время. Постепенно гул голосов вновь стал стихать – выдвинув самые необычные предположения, мужчины замолкали, ожидая услышать подробности от своего ярла.

– Зачем нам биться за шеварцев? – возвысив голос, обратился к Желтопузу один из бойцов – здоровый немолодой детина.

– Мы и не станем, – тут же ответил тот. – Келлийцы будут биться только за самих себя! Вы представить себе не можете, насколько богата империя! Те из нас, кто ходил в набеги против прибрежных шеварцев, никогда не оставались в накладе, не так ли? Но богатства Шевара – лишь жалкие крохи того, чем владеет Кидуа! Сколько оружия, сколько металла, сколько зерна мы сможем заполучить там! Не говоря уж о

том, что Серое море станет лишь нашим, и мы ни с кем не будем его делить!

– А шеварцы? – крикнул кто-то.

– Шеварцы не враги нам. Это империя заставляет их вести с нами войну. Не станет Кидуи – и с Шеваром будет вечный мир! А коли они забудут об этом – мы быстро напомним снова! – вздымая над собой топор, гаркнул Желтопуз.

– Так что теперь-то? По домам, что ль?

– По домам, – кивнул ярл. – Ко своим делам, мужики. Но только до зимы. Зимой все, кто горазд, будет рубить лес на драккары. Нам понадобится много кораблей. Шеварцы тоже помогут. Из их лесов выйдут хорошие драккары!

– Так это только через две-три зимы корабли-то готовы будут! – заметил один из бойцов.

– Так что ж! – не смущаясь, отвечал Желтопуз. – Что у нас – на острове работы мало? Станем готовиться как следует! Такие дела не творятся с наскока! Многое нужно сделать. Эту войну следует готовить тщательнее, чем дерево для драккара! Ваши наручи останутся при вас! Как придёт пора, мы снова вас кликнем. И уж тогда-то разгуляемся как следует!

Шервард чувствовал разочарование. Хоть перспективы, обрисованные ярлом Желтопузом, выглядели весьма красочно, но их отдалённость удручала. Много воды утечёт за это время – кто знает, что будет дальше? Разрастётся семья, прибавится хлопот... Да и долги, которых он наделал в Рев-

виале, заставляли горько задуматься о недалёком будущем.

Кто уж точно был рад, так это Тробб, хотя он и скрывал это настолько, насколько мог. Для него всё разрешилось чудесно – он вернётся в Скьёвальд бравым дружинником, едва не завоевавшим Шевар, и, по крайней мере, на время позабудет про походы.

Шервард же с тоской направился к своим вещам, чтобы собрать их в обратную дорогу. Особенно сожалел он о боевом топоре, что был выдан ему от щедрот ярла Желтопуза. Топор был простецкий и ничем не выдающийся, но юному воину он был по душе, и сейчас парень больше всего боялся, что его заберут. Почти с отвращением подумал он, что вскоре ему вновь придётся гонять кабанят по лесу да возить в Реввиал мазанки.

Похоже, большинство его соратников чувствовали примерно то же самое. Едва ли не половина из них была людьми вроде самого Шерварда – теми, кто ещё недавно был простым работягой. Вольная военная жизнь поманила их, но почти сразу же исчезла, подобно лесному мороку, и теперь их ждали постылая работа, постылая семья и постылые хибары на постылом острове. Так что на берегу царило унылое молчание, и лишь изредка слышалось чьё-то недовольное ворчание.

Сборы были недолгими, и ещё задолго до вечера драккары отплыли на запад, возвращаясь в Реввиал. Серое море, словно разделяя настроение горе-вояк, ярилось не на шут-

ку. Высокие волны обиженно били в крутые борта, окатывая людей холодными горько-солёными брызгами.

Шервард отыскал взглядом брата. Тот снова сидел поодаль от остальных – настолько, насколько это позволяло небольшое пространство палубы. Теперь ему уже не к чему было бодриться и делать вид, что он рад присутствию этих людей. Уже завтра он уйдёт и – Шервард был в этом убеждён – больше уже не вернётся на этот драккар.

– Эй, приятель, – возникший рядом Лебланд вывел его из задумчивости. – Фейёр хочет видеть тебя.

Фейёр был форингом Желтопуза, который командовал «Дригзелью». До сих пор у Шерварда почти не было возможности общаться с ним, так что этот вызов был довольно странным. Однако же он, предчувствуя нечто необычное, направился за приятелем в небольшую, словно сундук, каюту Фейёра.

– Шервард из Гриммандов! – приветствовал его форинг. – Что думаешь о нашем скором возвращении?

– Я рассчитывал на иное, – не стал лукавить Шервард.

– Дион высоко ценит тебя, парень, – кивнул Фейёр. – Он сказал, что из тебя выйдет отличный воин. Ты не только силен и вынослив, но ещё и умён. И все в отряде тебя уважают.

– Благодарю, форинг, – кивнул немного смущённый этим потоком комплиментов Шервард, пытаясь понять, к чему клонит собеседник. – Надеюсь, я ещё пригожусь в будущем походе.

– А ты очень соскучился по прежней жизни? – лица Фей-ёра было не разглядеть во мраке каюты, но юноша буквально кожей чувствовал его взгляд. – Говорят, твоя жена скоро подарит тебе сына? Наверное, ты рад вернуться к ней?

– Рад, – не особенно задумываясь, подтвердил Шервард. – Но я не очень скучаю по прежней жизни. Признаться, мне больше по нраву быть воином, чем охотником и торговцем.

– Рад это слышать, потому что у меня есть к тебе предложение. Ярл Желтопуз сейчас разыскивает толковых парней. Нам нужны разведчики, Шервард. Нужно будет отправиться в Шевар и провести там всю зиму до будущей навигации. И не просто провести, а разнюхать всё, что только возможно. На побережье стоят имперские легионы. Нужно отыскать все их слабые места, куда можно будет нанести удар. Нужно отыскать людей, готовых помочь тебе – Враноок утверждает, что таких много в Шеваре. В общем, нужно подготовить всё к большой войне. Как думаешь – справишься ты с этим?

– Я не знаю имперского, кроме нескольких слов... – слегка замялся Шервард, но тут же вскинулся. – Но это не проблема. Я согласен.

– Отлично, я так и думал! Что ж, тогда отправляйся пока домой, дождись рождения сына. Можешь побыть с ним до конца лета, а там отправишься в Шевар. Слышал о Тавере?

– Слышал, – сердце Шерварда пело от радости.

– Вот туда и отправишься. Там неподалёку стоит легион – присмотришься, разузнаешь что к чему. Надо будет действо-

вать очень осторожно – в Тавере полно тех, кто сочувствует империи. Но я уверен, что ты справишься.

– Справлюсь! – подтвердил юноша.

– Ты станешь отличным воином, Шервард из Гриммандов! А однажды – кто знает? – может, дорастёшь и до ярла!

Когда Шервард вышел на палубу, небо уже не казалось ему таким хмурым, ветер – пронизывающим, а море – враждебным.

Глава 12. Лойя

Он шёл так быстро, как только мог, не обращая внимания на натужно пыхтящего позади Тробба. Шервард был охотником почитай с самого детства, и для него не было проблемой прошагать те шесть-семь миль, что разделяли Реввиал и Скьёвальд, в таком же темпе. Тробб – другое дело. Для него такие переходы были делом нечастым, и сейчас он всё больше изнемогал, пытаясь не отстать от младшего брата.

Но Шерварду было плевать – он спешил домой. Он понятия не имел – разрешилась ли Лойя от бремени, или ещё нет. Срок подошёл, и это могло бы случиться в любой день. Шервард было смирился уже с тем, что пропустит этот важный момент, но теперь, когда у него появился шанс успеть, он постарался им воспользоваться.

Вообще келлийские мужчины не присутствовали при родах – это было не принято. Но по преданиям Отец самолично перерезал пуповину Матери, когда она рождала Пузырь жизни¹⁷, и потому считалось правильным, чтобы то же самое сделал и отец новорождённого. Шервард очень ждал этого момента, и сейчас молился Матери, чтобы она позволила

¹⁷ Пузырь жизни – дословный перевод с келлийского, и означает он рыбий пузырь, в котором, согласно легендам, и заключались все первые живые существа на земле, включая также и людей, когда их родила Великая Мать. После рождения Пузырь жизни лопнул, и все животные разбрелись по миру.

Лойе немного обождать.

– Я передохну... – сдался наконец Тробб. – Иди один, я подойду позже.

Шервард лишь кивнул и, не сбавляя шага, отправился дальше. Брат – не ребёнок, так что нянчиться с ним нужны не было. Так будет лучше для них обоих – один избавился от обузы, другой – от опасности разрыва сердца.

Наконец появилась родная деревня, а вскоре он уже был у калитки отчего дома. Первым он увидел отца – тот ловко обмазывал глиной недавно сплетённые корзинки.

– Здравствуй, отец! – Шервард поздоровался издали, чтобы случайно не напугать старика. – Как вы тут?

– Шервард? – отец поднял подслеповатые глаза, но ему не нужно было видеть гостя, чтобы узнать его. – Почему ты здесь? Что случилось?

– Не тревожься, отец, – юноша подошёл к насторожившемуся старику и обнял его. – Всё в порядке. Поход отложили на время, и нам разрешили навестить родных.

– А где Тробб? – тревожно спросил отец.

– Он поотстал немного. Скоро догонит. Я очень спешил. Как там Лойя?

– Ещё не разрешилась, – облегчённо вздохнул старик, осознавая, что с обоими его сыновьями всё хорошо. – Сурга приходит каждый день, говорит, что вот-вот родит.

– Отлично, значит я успел! – не помня себя от счастья, воскликнул Шервард. – Она дома?

– Где ж ей быть? И Гене́йра с ней, она теперь почти и не отходит от Лойи.

– Я пойду к ним!

– Ну конечно ступай! – ласково усмехнулся отец. – Я сейчас тоже подойду, только вот закончу.

Шервард толкнул дверь и оказался в сумраке дома, окутанный привычными запахами, такими родными и знакомыми с самого детства. Он тут же увидел свою беременную жену на лежанке, а рядом – сидящую сестру. Девушки радостно вскрикнули, увидев его. Гене́йра тут же вскочила, но не для того, чтобы броситься на шею брату, а чтобы помочь подняться невестке.

Шервард не стал дожидаться, пока Лойя поднимется – он видел, как тяжело ей вставать, и потому сам бросился к ней.

– Лежи, козочка! – нежно сказал он, наклоняясь, чтобы обнять жену. – Какой большой у тебя живот! Похоже, там настоящий богатырь!

– Сурга говорит, что будет девочка... – будто бы извиняясь, проговорила Лойя, но лишь после того, как ответила на поцелуй мужа.

– Так это же просто замечательно! – не лукавя, воскликнул Шервард. – Признаюсь, в душе я и хотел девочку! Вижу, сестрёнка заботится о тебе!

– Мне это в радость! – чмокнув брата в щёку, прошебетала Гене́йра. – Лойе стало тяжело ходить.

– Ничего подобного! – запротестовала та, но Шервард от-

метил, что жена действительно выглядит неважно.

– Что ещё говорит Сурга? Когда срок?

– Ждём со дня на день, – чуть нахмурилась Лойя. – Она уже несколько дней ко мне приходит, и всё обещает, что вот-вот.

– Что, малявка, понравилось тебе тут? – нежно поглаживая раздувшийся живот жены, проговорил Шервард. – Так, что даже вылезать не хочется?

– Ох! – внезапно судорога прошла по телу Лойи.

– Что случилось? – вскричал испуганный юноша.

– Схватки, – пояснила Генеяра, хватая Лойю за руку и помогая лечь в удобное положение. – Иногда случаются.

– Я за Сургой! – Шервард ломанулся к двери.

– Не надо! – остановили его обе девушки. – Ничего особенного – они уже пару дней повторяются. Пока что ещё не пора.

– Вам виднее, – успокаиваясь, ответил Шервард, видя, что сестра и жена не сильно взволновались. – Бедняжка моя... – он ласково утёр потный лоб Лойи. – Потерпи ещё немного. Скоро всё закончится.

– Ты голоден? – спохватилась наконец Генеяра. – Я сейчас приготовлю. А где Тробб? – она лишь сейчас заметила отсутствие самого старшего из братьев.

– Он скоро будет. Как раз успеет к обеду.

– Но почему ты здесь? – лишь сейчас девушки осознали странность его присутствия.

– Поход отложили, – также, как и в случае с отцом, Шервард не стал пускаться в пространные объяснения. – Я пробуду здесь до конца лета, а затем уеду до будущей весны.

Лойя не опечалилась, услышав эти слова. Она радовалась тому, что её муж неожиданно вернулся в столь важный момент, и не думала о том, что он покинет её. Она ещё пару раз болезненно вскрикивала, пока Гене́йра накрывала на стол, но всякий раз качала головой, давая понять, что роды ещё не начинаются. Шервард, не понимавший в этом решительно ничего, мог лишь довериться жене и сестре.

Наконец появился Тробб, а также и отец, закончивший работу над очередной мазанкой. Через некоторое время мужчины уселись за стол, чтобы хорошенько отобедать. Лойя осталась на своём ложе – похоже, она вообще мало вставала теперь, а Гене́йра прислуживала за столом, и сама села поесть лишь тогда, когда отец и оба брата насытились.

Тробб был непривычно счастлив и воодушевлён. Его довольно брюзгливое обычно выражение лица сейчас светилось радостью. Отчасти, наверное, этому способствовала и добрая кружка браги, которую он успел опрокинуть в себя, но главное, конечно, было то, что для него этот поход полностью завершился. Он не снимал свой наруч, и Шервард подзревал, что он станет таскать его даже в море на ловлю. Впрочем, он тоже не спешил пока снять свой, но чувствовал за собой право на это. Брат же начинал раздражать его.

Однако сейчас мало что могло омрачить радость юного

воина. Он дома, любит свою жену, которая вот-вот подарит ему ребёнка, а впереди его ждёт интересная и почётная служба. Шервард мысленно возблагодарил Хозяина и Воина, что так ладно справились его судьбу. И, вновь взглянув на притихшую Лойю, попросил Мать о помощи.

Старая Сурга теперь почти что жила в их доме. Она иногда уходила, но гораздо чаще сидела у постели Лойи. Генейра тоже старалась остаться, чтобы хлопотать о роженице, но пора была горячее – вот-вот настанет время жать овёс и ячмень, и потому ей приходилось отвлекаться на поле.

Впрочем, на этот случай поблизости всегда был сам Шервард. Если Тробб едва ли не на следующий же день вернулся к своей рыбной ловле, то брат его не спешил вновь превращаться в охотника. Будь с Лойей всё в порядке, он, наверное, тоже не стал бы сидеть без дела, но...

Что-то явно было не так. Это было легко прочесть по хмурому и раздражённому лицу старухи Сурги. Обычно повитуха напускала на себя спесиво-безразличный вид, и общалась со всеми свысока, будто делая одолжение. Она лениво цедила слова, растягивая их почти на южный манер, так что, говори она по-имперски, вполне сошла бы не то что за шеварку, но даже и за кидуанку.

Теперь же Сурга отбрасывалась от встревоженных расспросов Шерварда какими-то рваными суетливыми фраза-

ми, а на лице можно было прочесть нечто похожее на растерянность. Но было в этом лице ещё что-то такое, чего будущий отец всеми силами пытался не замечать...

Он уже знал, что дела у жены не очень-то хороши. Как объясняла старуха, ребёнок лежит в утробе неправильно, а потому никак не может выйти. Да и организм Лойи, похоже, оказался не очень-то приспособлен к нормальным родам – она словно не хотела расставаться с плодом.

Сурга то и дело проводила какие-то манипуляции с несчастной роженицей – то массировала ей живот, то заставляла ворочаться, или вовсе подымала на ноги и заставляла долго-долго стоять, широко расставив ноги. Однажды она даже велела Шерварду подойти к жене сзади и несколько раз резко потряхнуть. Тот безропотно выполнял требования повивальной бабки, но не мог не замечать, что все усилия тщетны, и лишь заставляют бедняжку Лойю ещё больше страдать.

Под надзором Сурги Генейра готовили какие-то мерзкие отвары, добавляя в них то рыбные головы, то еловую кору, то ещё какие-то отвратительные ингредиенты, принесённые старухой. Запах в доме от них был столь омерзительный, что Лойю то и дело тошнило. Однако же старая ведьма заставляла её глотать это варево, которое почти сразу же извергалось обратно наружу. Впрочем, пользы от отваров было не больше, чем от всего остального.

Шервард находился словно в каком-то горячечном бреду. Он плохо осознавал, что происходит вокруг. Он то и дело

вздрагивал, слыша надрывные стоны и крики жены, вновь бросался заниматься каким-то делом, которым озадачивала его Сурга, не слишком-то понимая, что именно он делает. Впрочем, это было и неважно – похоже, старая карга намеренно загружала его постоянными и ненужными хлопотами, лишь бы он не нависал постоянно над нею и роженицей.

Вот он услышал горловой вскрик старой повитухи. Подскочив, он понял, что Лойя исторгла воды.

– Это же хорошо? – едва ли не хватая Сургу за костлявую руку, прокричал он. – Теперь всё будет хорошо?

Но по выражению лица её он видел, что ничего хорошего в этом старуха не видит.

– Если она не разродится до завтрашней зари... – пробормотала Сурга и, не закончив, зашамкала губами, не переставая пальцами надавливать на живот Лойи.

Шерварда затрясло. Впервые ему кто-то обозначил предельный срок, когда, похоже, что-то ещё можно было изменить. Он внезапно осознал, *что* же произойдёт, «если она не разродится до завтрашней зари». Измученная Лойя лежала, раздвинув ноги, старая Сурга засовывала свои костлявые пальцы в её испачканное мокрой слизью лоно, но, похоже, не находила никаких добрых признаков.

– Надо резать живот! – наконец проговорила она. – Ребёнок не выйдет сам.

– Нет! – вскричал Шервард. – Я не позволю!

– Надо резать! – жёстко повторила Сурга, и лицо её вне-

запно вновь стало собранным и суровым. – Так мы сможем спасти хотя бы дитя.

– Я согласна!.. – рыдая от страха и боли, простонала Лойя.

– Уйди, старая ведьма! – взревел Шервард, бросаясь к повитухе. Ему показалось, что она уже вынула нож и готовится располосовать раздутый живот его жены. – Если тронешь её – убью!

Похоже, старуха испугалась всерьёз. Она почти выскочила из дома, на ходу вытирая испачканные руки о подол.

– Позволь ей, любимый! – взмолилась Лойя, заливаясь слезами. – Ты же видишь, что всё очень плохо. Если я умру – у тебя останется хотя бы дочь!..

– Никто не умрёт! – Шервард рухнул на колени перед своей женой, простирая руки над её животом, словно защищая его от опасности. – Всё будет хорошо! В Лекьянде живёт знахарь – настоящий знахарь, не то что эта ведьма! Через час я добегу туда, и ещё через пару часов он будет здесь! Он поможет!

Не желая слушать никаких возражений, он тут же бросился наружу. В дверях столкнулся с отцом – тот сейчас старался почти не входить в дом, особенно в последние пару дней, когда всё стало сильно ухудшаться.

– Не подпускай к ней Сургу! – проорал Шервард ему в лицо, и стремглав бросился по тропинке, едва не сорвав калитку с грубых петель.

Никогда в жизни ещё Шервард так не бегал. Когда он ока-

зался в Лекьянде – небольшой деревушке по соседству – его сердце билось уже где-то в горле, грозясь вырваться наружу. Он быстро отыскал хижину знахаря, и также быстро уговорил его отправиться на помощь. По счастью, у того была повозка и олень, поэтому обратный путь оказался почти столь же быстрым, но зато куда менее изматывающим.

Немолодой лекарь долго и тщательно осматривал пациентку и, в общем-то, делал всё то же самое, что до этого делала Сурга, да и выражение лица у него сделалось вполне сходным.

– Дитя перевёрнуто и само не выйдет, – произнёс он. – И лоно роженицы не раскрывается должным образом. Чтобы извлечь дитя, придётся вскрыть живот.

– Но что же будет с Лойей?.. – изо всех сил сдерживаясь, чтобы не закричать диким истерическим криком, спросил Шервард.

– Если повезёт, она поправится.

– Велики ли шансы?..

– На всё воля Великой Матери... – отвернувшись к стонущей роженице, буркнул лекарь. – Но если ничего не делать, они умрут оба.

– Прошу тебя, любимый!.. – взмолилась Лойя. – Позволь ему сделать это! Спаси нашу дочь!

В хижине сейчас не было никого кроме самого Шерварда, Лойи и лекаря. Тробб был в море, сестра – в поле, а отец, наверное, где-то во дворе. Они сейчас были не нужны здесь,

а потому старались держаться подальше. Даже Генейра, которая особенно любила невестку и всей душой болела за неё, понимала, что происходящее здесь касается лишь мужа и жены. Это был тот груз, который никто не мог снять с Шерварда.

– Хорошо, – наконец сдался он. – Что вам нужно?

– Горячая вода, по возможности чистая ветошь и соль.

Шервард бросился исполнять, а сам лекарь принялся вынимать свои инструменты из мешка. Безутешный юноша старался не глядеть на эти страшные принадлежности, также, как он старался не думать о том, что будет дальше.

– Нужны помощники, – бросил лекарь через плечо.

– Я помогу, – тут же вызвался Шервард.

– Вы будете держать её, а мне нужен кто-то, кто будет подавать и принимать то, что я попрошу.

– Здесь, в Скъёвальде, есть повитуха.

– Позовите её.

Шервард вышел во двор и стал окликать отца. Тот вышел из небольшого сарайчика, где хранились мазанки, глина и лоза. Вид у старика был совершенно потерянный.

– Отец, приведи Сургу! – попросил Шервард и вернулся в дом.

Через некоторое время дверь приоткрылась, и старая повитуха вошла внутрь. К тому времени вода уже закипела, и лекарь велел бросить в неё холщовые отрезки и ветошь. Туда же он бросил и странный чуть изогнутый нож, и другие ин-

струменты, которые принёс с собой.

– Сейчас начнём, – закатывая рукава, объявил он. – Дайте это роженице.

Он протянул Шерварду небольшой сосуд. Тот принял его, выковырнул пробку и поднёс к губам жены. Та, захлёбываясь, сделала несколько глотков. Это был отвар жероники – ядовитой ягоды, что росла по отрогам гор. Отваром из жероники островитяне приглушали боль. Однако же он не был столь силён, как, к примеру, отвар дурной травы, который использовали жители Кидуи, поэтому во время операции Шервард должен был держать Лойю, чтобы она не дёргалась от боли.

Тем временем лекарь вынул из кипятка ткань и, шипя от боли, быстро раскинул её на лежанке отца Шерварда. Затем они с Сургой помогли Лойе подняться и осторожно отвели её на это парящее ложе. Старуха тщательно обмыла вскипячённой ветошью и горячей водой низ живота роженицы, стараясь, чтобы там не осталось ни следа от околоплодных вод, грязи и пота.

– Сунь это ей в рот и потом держи крепко! – лекарь протянул Шерварду сложенный вдвое кожаный ремень.

Чувствуя тошноту от подкатывающего ужаса, парень, тем не менее, сделал всё, что ему велели – он дал Лойе закусить ремень, а затем сильно, но по возможности нежно прижал её тело к ложу. Ему хотелось отвести глаза, но он не мог. Как замороженный, глядел он на нож в руках лекаря.

Тот же, не тратя времени на переживания, быстрым ловким ударом рассёк нижнюю часть живота Лойи. Кровь тут же залила всё, но Сурга была наготове – она оттирала её там, где она могла помешать работе знахаря. Было видно, что старик не в первый раз делал подобное – он действовал вполне уверенно. Ещё несколько осторожных разрезов – и Шервард впервые увидел измазанную слизью и кровью кожу младенца. Лекарь стал аккуратно пытаться извлечь младенца, но тот лежал в весьма неудобной позе.

– Он обвит пуповиной... – сообщил старик, запуская пальцы всё глубже в разверстую рану.

Лойя мычала и извивалась, несмотря на то что её держали два человека – Сурга помогала в этом бледному как снег юноше. Роженица неистово кусала кусок кожи, что был у неё во рту. Увы, отвар жероники не слишком-то помогал... Шервард чувствовал боль жены почти как свою – ему действительно казалось, что в его кишках копошатся раскалённые черви.

Знахарь, уже не слишком-то церемонясь, вытащил наконец синюшнее тельце, покрытое слизью и кровью Лойи. Младенец, похоже, не подавал никаких признаков жизни. Наплевав на древний обычай, старик быстро перерезал пуповину своим ножом – она действительно обвивала дитя.

– Займись им, – передав новорождённую в руки повитухи, лекарь тут же сосредоточился на всё ещё истекающей кровью роженице.

Он взял большую миску с тёплой круто просоленной водой и принялся лить на рану. Несчастливая Лойя испустила нечеловеческий крик.

– Держи её, гули тебя дери! – рявкнул старик Шерварду, едва увернувшись от её ноги.

Промыв рану соляным раствором, он, не мешкая, принялся сшивать сперва матку, а затем и сам живот Лойи. Время от времени он плескал на рану солёной водой, чтобы смыть набегавшую кровь. Было видно, что старый знахарь поднатолкнулся в зашивании ран – у него это получалось быстро и ловко. Наконец он закончил и наложил на шов пропитанную солёным раствором ветошь.

– Что с ребёнком? – наконец обернулся он к Сурге, хлопотавшей над младенцем.

– Жив, – ответила та. – Но очень слаб.

– Затянули вы! – бросив осуждающий взгляд на Шерварда, проворчал знахарь. – Раньше надо было резать!

– Но всё теперь будет хорошо? – умоляюще спросил тот. – С ними всё будет в порядке?

– Всё будет так, как решит Великая Матерь, – ополаскивая руки, ответил знахарь. – Мы сделали всё, что в наших силах. Теперь – очередь богов.

Глава 13. Тавер

Сейчас Лойя почему-то походила на юную девочку даже больше, чем в день их свадьбы. На её осунувшемся личике застыло выражение какого-то испуга, и это надрывало душу Шерварда ещё сильнее...

Несчастливая женщина не перенесла тяжёлых родов. Измученный, истерзанный организм не справился с нанесённой ему раной, а может быть лекарь где-то схалтурил. Так или иначе, но Лойя, по сути, истекла кровью, причём кровило где-то внутри. Да и наружный шов почти не заживал, несмотря на постоянные хлопоты домочадцев. Ослабевшая после родов, Лойя всё чаще стала проваливаться в забытье, и однажды просто не вернулась из него.

Она прожила лишь восемь дней, но почти на целую седмицу пережила новорождённую дочь. Бедняжка родилась очень слабой, почти задохшейся, и Сурга сразу сказала, что дитя не выживет. Лойя пыталась кормить дитя грудью, но та никак не могла начать есть, лишь беспомощно тыкаясь маленькими синюшными губками в разбухший, сочащийся молоком сосок. Она угасла, словно лучинка, на следующий день после того, как появилась на свет.

Шервард даже не плакал сейчас, хотя он, безусловно, винил во всём в первую очередь себя. Если бы он не смалодушничал, если бы он позволил извлечь плод сразу же, как толь-

ко Сурга предложила это!.. Скорее всего, сейчас была жива хотя бы его дочь, а, быть может, тогда и Лойя нашла бы в себе силы жить дальше.

Плач сестры и невестки над телами жены и дочери раздирал ему сердце, но сам он плакать уже не мог. Внутри не было ничего, кроме сосущей боли. Больше всего на свете ему хотелось бы сейчас лечь рядом с Лойей и умереть. Но покончить с собой было бы слишком подло по отношению к родным, а ещё страшно. Вот если бы Отец сжалился бы над ним, хотя бы из чувства вины за то, что Мать не сберегла его любимых!..

Но боги не стыдятся и не винятся перед людьми. Жрица Великой Матери, что читала сейчас отходные молитвы над Лойей и безымянной девочкой, твердила, что люди обязаны принимать любую волю, исходящую от богов, чей промысел им неведом. Но Шервард никак не мог понять – для чего Матери могла потребоваться смерть его жены и дочери?..

Увы, этот тяжкий удар пришёлся не только по самому Шерварду. Его отец и брат сейчас едва держались на ногах. Первый, хотя и не перенёс каких-то нервных припадков или ударов, но словно постарел сразу на десять лет. Он сгорбился и сморщился, будто мех, из которого выпустили воздух. Сейчас он едва мог доковылять до нужника, и уже несколько дней не прикасался к своим мазанкам. Ну а второй был пьян уже который день, пытаюсь забыться и оградиться от происходящего.

Шерварду же не хотелось даже напиваться. Он не мог ещё раз предать Лойю, оставить её. Он впитывал в себя всю боль до последней капли, потому что видел в ней своё наказание и своё искупление.

Надо сказать, что сейчас именно женщины, оставшиеся в доме, демонстрировали наибольшую стойкость. Они, конечно, не переставая голосили – кто-то более, кто-то менее искренне, но, во всяком случае, именно они взяли на себя все хлопоты, включая подготовку к погребению, тогда как Шервард лишь тупо сидел напротив лежанки, ещё недавно бывшей их с Лойей супружеским ложем, а теперь ставшей смертным одром; Тробб храпел, упившись до бесчувствия, а отец, изредка крича, лежал, уткнувшись лицом в стену.

Здесь, на островах, где каменистая почва иной раз оставалась промёрзшей на глубине половины человеческого роста почти до самого лета, мёртвых не зарывали в землю, как это делали арионниты-южане. Костёр превращал умерших в прах, коим они и были когда-то, на заре времён.

Погребальный костёр был уже готов – поленья для него натаскивал, в том числе, и сам Шервард. Сейчас оставались последние приготовления – последние напутственные слова жрицы, последние обряды, последние прощания. На молодого вдовца напал какой-то ступор – монотонный голос жрицы Матери уносил его в пустые и мрачные глубины, подобно тому, как Дригзель увлекает за собой души павших воинов.

Наконец всё было кончено. Настала пора вынести Лойю и

ребёнка за пределы деревни – туда, где кругом были сложенные почерневшие за века камни, в центре которых разводился огонь. Шервард, машинально поднявшись, направился к Троббу и принялся расталкивать его. Отец с большим трудом встал со своей лежанки и мелкими неверными шажками направился из дома. Притихшие было сестра и невестка завыли вновь.

Проснувшийся наконец Тробб на удивление быстро сообразил что к чему, и это было хорошо, потому что Шервард рассчитывал, что он поможет отнести носилки с покойницами к костру. Сам он шёл осторожно, словно стараясь не расплескать то отупение, что наполняло сейчас его голову. Вместе с братом они подняли почти невесомую теперь Лойю и переложили её на носилки. Сверху Шервард осторожно уложил тельце дочери, целиком завёрнутое в холстину. Увы, прошло уже много дней, и оно стало понемногу разлагаться, но сама Лойя, словно предчувствуя скорую смерть, запретила сжигать малютку. Она хотела, чтобы они вознеслись к Матери пламенем одного костра, чтобы там, в мире мёртвых, им не пришлось долго разыскивать друг друга.

Позднее Шервард с трудом мог вспомнить этот день. В голове остались лишь какие-то обрывки воспоминаний. Он не помнил, как они оказались возле погребального круга, где уже был возведён огромный костёр. Он помнил жар от огня на своём лице, но не помнил – сколько он простоял там. Впрочем, он припоминал, что его оттуда привела домой Ге-

нейра – уже на закате, когда от огромного костра остались лишь чёрные головни с пробегающими по ним огненными точками и редкими язычками пламени, выбивавшимися наружу словно последние вздохи умирающей.

Дом, куда возвращался Шервард, был ужасающе, невыносимо пуст. Здесь всё напоминало о Лойе – её обувь, стоявшая у лежанки, нож, которым она любила разделять рыбу и мясо, ленты, что он подарил ей после одной из поездок в Реввиал... И запах смерти по-прежнему витал внутри – запах крови и запах разложения... Здесь было страшно...

Эту ночь Шервард провёл во дворе. Он просидел там почти без сна, машинально поглаживая жёсткую шерсть цепного пса. Иногда на него накатывала невыносимая безнадёга, и тогда он начинал плакать, а верная псина тоскливо скулила, уткнувшись мордой ему в бок. Затем он на время успокаивался, а раз или два даже ненадолго задремал – прямо так, притулившись спиной к плетню.

Лишь сейчас он, пожалуй, впервые по-настоящему горевал ещё и о смерти дочери, потому что до того эта утрата несколько меркла перед тревогой за жизнь Лойи. Здесь, на островах, смерть новорождённых и младенцев не была чем-то из ряда вон выходящим – жизнь была иной раз излишне сурова к ним. И всё же привыкнуть к этому было невозможно, особенно когда речь шла о долгожданном собственном ребёнке. И потому Шервард с новой силой и новой болью переживал сейчас смерть безымянной девочки, которая ещё

больше бредила свежую рану.

Дня два после погребального костра Шервард был сам не свой. Он почти не ел, мало спал, избегал общения даже с Генеярой, как будто его тяготил сам вид сестры. Иной раз он и сам чувствовал отвращение к себе, к тому, что вёл себя, словно плаксивый ребёнок, но никак не воин... Но это отвращение быстро растворялось в жалости к своей судьбе, злости на богов и ощущении бессмысленности собственной жизни.

И наконец Шервард понял, что не может больше так жить. Внезапная пустота дома, потухшая Генеяра, враз ослабевший отец, вечно нетрезвый Тробб... И давно остывшее пепелище за околицей. Он понял, что если останется здесь ещё – просто сойдёт с ума. Может быть, мужчине не пристало так переживать – плевать! Плевать на всё... Отныне ничто не имеет смысла...

Он ухватился за идею отъезда на материк, как тонущий хватается за соломинку. Может быть там, вдали от дома, вдали от этой земли, по которой ветер разнёс пепел его жены и дочери, он сумеет вернуть душевные силы. Ну или хотя бы отвлечься от этого кошмара, чтобы вновь стать мужчиной и воином...

Он сообщил о своём решении в тот же день, не смея взглянуть в глаза осунувшемуся и словно хворому отцу, похожей на бледную тень самой себя Генеяре, да и остальным домочадцам тоже. Шервард понимал, что им сейчас немногим

легче, чем ему самому, что впереди самая горячая пора сбора урожая, что дальше будет суровая снежная зима... Что ж, оставалось лишь молить богов, чтобы они не оставили его семью в час испытаний!.. Впрочем, в последнее время особой надежды на богов у него тоже не было.

Как бы тяжело ни было семье расставаться с Шервардом, никто не возразил ему даже полусловом. На Баркхатти не было человека, оспорившего бы путь воина. Уходит – значит, так надо. Тробб поглядел на брата очень странным взглядом, в котором, кажется, было нечто похожее на чувство вины и стыд. Несмотря на то, что наруч по-прежнему был на нём, Тробб, похоже, уже понял, что его война закончилась навсегда. И он явно знал, что Шервард также понимает это – понял ещё тогда, на Такки. Поэтому сейчас старший брат испытывал одновременно и чувство стыда, и чувство благодарности к младшему, что тот продолжает делать вид, будто верит в перспективу нового похода для него, Тробба.

Крепко обняв на прощание родных, Шервард отправился в Реввиал в тот же день, несмотря на то что рисковал не успеть туда засветло. Но его внутренности скручивало от одной мысли о том, чтобы провести ещё одну ночь на их с Лойей ложе, которое, казалось, до сих пор хранило запахи крови и околоплодных вод...

Шерварду понадобилось немало усилий, чтобы разыскать

Диона – наиболее близкого к ярлу Желтопузу из тех, к кому он мог бы обратиться. Тот поначалу удивился, но, узнав причину столь внезапного появления будущего разведчика, тут же посерьёзnel. Он особенно ничего не говорил, но одно его поведение говорило красноречивее любых слов. И главное – это была не жалость, а сочувствие, не покровительство, но уважение. И Шервард был очень тронут этим.

Дион пообещал, что в ближайшее же время сообщит ярлу Желтопузу всё необходимое, и что с ближайшим же драккаром молодой человек сможет отправиться на материк.

– Не нужно ли чего ещё? – тактично поинтересовался Дион.

– Есть одна просьба, – мрачно кивнул Шервард.

Всю дорогу до города он размышлял – стоит ли заводить этот разговор, но искреннее участие и доброжелательность Диона избавили его от этих сомнений.

– Собираясь в поход, я набрал кое-каких вещей в долг, чтобы моя семья... – голос его невольно дрогнул. – Чтобы моя семья не знала ни в чём лишений, пока нас с братом не будет. Я пообещал сполна рассчитаться той добычей, что привезу из Шевара, но...

– Я понял тебя, – кивнул Дион. – Ярл Желтопуз позаботится об этом. Ты у него на службе, и теперь это его забота.

– Меня не будет дома до будущей весны, а может и дольше...

– Можешь не беспокоиться на сей счёт, – прервал его Дион.

он. – Твоя семья ни в чём не будет нуждаться.

– Спасибо, – просто сказал Шервард, чувствуя, что этого будет достаточно.

– Где я найду тебя? – лишь кивнув в ответ, спросил Дион.

– Я остановился у Кейра рядом с рыночной площадью.

– Отлично. Я пришлю за тобой, как только всё выяснится.

Ещё раз сердечно поблагодарив Диона, Шервард отправился в обратном направлении в указанный им трактир, где он провёл уже две ночи. У Кейра было относительно многолюдно даже теперь, когда не было ярмарки. Во-первых, какие-то торговцы продолжали сбывать свой товар каждый день, а во-вторых, весь Реввиал знал, что здесь подают едва ли не лучший эль в округе. Вот и сейчас едва ли не десяток человек, сбившись в три-четыре шумные компании, сидели в общей зале. Все они знали Шерварда, и в другое время он устал бы отбиваться от их приглашений пропустить вместе кружку-другую. Впрочем, тогда он вряд ли бы стал отбиваться...

Но сейчас посетители лишь молча приветствовали его, приподнимая над головой глиняные и деревянные кружки. Несмотря на то, что он не особенно распространялся о случившемся с ним, похоже, весь город уже знал об этой беде. Хвала богам, никто не лез к нему с приторным сочувствием, да это было и не принято на Баркхатти. Здесь каждый с детства привыкал сам справляться со своими невзгодами.

Лишь вечерами, когда тоска плотно брала его за глотку, Шервард выползал из своей комнаты, чтобы пропустить па-

ру кружек с Кейром, который к тому времени уже заканчивал свои дела и мог позволить себе посидеть у очага с теми из своих постояльцев, к кому чувствовал настоящую симпатию. Сейчас, когда ярмарки не было, постояльцев тоже было раз-два и обчёлся, и потому выходило так, что они коротали вечера вдвоём.

Кейр был отличным собеседником – наверное, как и все трактирщики. Он умел слушать почище любого жреца, а говорил лишь тогда, когда это было нужно, никогда не переходя определённых границ. Для Шерварда эти вечера были настоящей отдушиной. В силу характера ему было гораздо проще выговориться постороннему человеку, чем излить душу отцу или сестре. Наверное, немало способствовал этому и эль, хотя оба за вечер не выпивали больше, чем по две кружки.

За всё время, прошедшее со смерти Лойи и девочки, боль нисколько не притупилась, хотя здесь, вдали от дома, Шерварду, как ни странно, было как будто бы немного легче. Но он по-прежнему очень плохо спал, то и дело просыпаясь от мучивших его кошмаров, а за день едва съедал пару кусочков, даже не сильно понимая, что именно он ест.

Почему-то ему казалось, что отъезд в Шевар поможет приглушить эту боль. Он ждал этого, как больной ждёт выздоровления, или как узник ждёт свободы. Наверное, в глубине души Шервард осознавал, что, когда он наконец уедет, ничего существенно не поменяется, но сейчас ему нужна бы-

ла эта надежда, и он лелеял её мучительными бессонными ночами.

По счастью, ждать пришлось недолго. Уже на следующий день после визита к Диону от него явился человек, сообщивший, что Шерварда ожидает аудиенция у ярла Желтопуза. Неизвестно, планировал ли ярл лично напутствовать каждого из своих разведчиков, но такая честь не могла не тронуть юношу. Он тут же отправился следом за посланником, и в душе его впервые за последние дни затеплилось чувство, непохожее на отчаяние.

Желтопуз встретил Шерварда сдержанно и по-дружески. Он коротко высказал свои соболезнования, но тут же перешёл к главному.

– Перед тобой будут стоять две основные задачи. Первая – наблюдение. Разузнай всё, что можешь о городе, его окрестностях, людях, а главное – об имперских легионах, расположенных в его окрестностях. Знаешь ли ты имперский?

– Всего несколько слов, но я быстро учусь. Думаю, с этим проблем не будет.

– Дион говорит, что малый ты общительный, так что охотно верю! – улыбнулся ярл. – Постарайся разнюхать всё, до чего сумеешь дотянуться. Но смотри, не привлекай слишком много внимания!

– Я не только общительный, но ещё и неглупый, – бледно улыбнулся Шервард. – Не попадусь.

– Это хорошо. Такие нам и нужны. Особенно для того,

чтобы выполнить вторую задачу. Ты, должно быть, знаешь, что ярл Враноок задумал ударить по самой Кидуе, в её самое сердце, – Шервард кивнул в ответ. – И он уверен, что многие шеварцы примкнут к нам. Они уже давно живут под ярмом империи, но до сих пор среди них хватает тех, кто недоволен существующим положением дел. Конечно, в городах вроде Тавера таких немного, но всё же. Оглянись там хорошенько – быть может, сумеешь сыскать людей, имеющих вес в шеварском обществе, и недолюбливающих Кидую. Если сыщешь хотя бы одного такого – уже хорошо. Когда придёт время, нам нужно будет поднять Шевар за собой.

– Сделаю, – не колеблясь, кивнул Шервард.

– Что ж, вот и хорошо. Детали разъяснит Дион. Рад знакомству, Шервард Гримманд! И можешь не переживать за твою семью – я прослежу, чтобы они ни в чём не нуждались.

– Благодарю, ярл, – молодые люди, оба поднявшись на ноги, пожали друг другу руки, после чего Шервард вышел в сопровождении Диона.

– Драккар отходит через три или четыре дня, когда немного успокоится море, – на ходу говорил Дион. – Ты – купец с Баркхатти, ведёшь большие дела по всему побережью. Не стесняйся пускать пыль в глаза. Пусть думают, что ты – важная птица. Заключай договоры, встречайся с людьми, веди себя уверенно. Мы дадим тебе имперских монет – их хватит до весны. Помни, Шервард: Тавер – очень важный город, и ты был не единственной кандидатурой. Я поручился за тебя,

так что ты уж не подведи!

– Не подведу, – произнёс Шервард с уверенностью, которой вовсе не испытывал.

– Главное – учи язык! – напоследок напутствовал его Дион после того, как подробно рассказал о всех основных деталях.

– *Это за полщены!* – на неплохом имперском ответил ему Шервард одну из немногих фраз, которые знал, и оба рассмеялись.

Впрочем, для Шерварда эта весёлость была недолгой – мгновение, и суровые складки вновь исчертили его лицо, а взгляд, не успев загореться, снова потух. Они попрощались, и молодой человек отправился в трактир, чтобы скоротать последние деньки на Баркхатти.

А ещё через три ночи, в течение которых он спал так долго, как никогда за последнее время, Шервард отправился на одном из драккаров Желтопуза на юг сквозь всё ещё беспокойное Серое море. Он с жадностью глядел вперёд, в туманную даль. Никогда прежде ещё не бывал он за пределами Баркхатти, и ни разу не видал чужого берега. В отличие от многих островитян (да того же Тробба), ему всегда было интересно поглядеть на то, как живут южане, как выглядит эта далёкая страна, и внезапно у него появилась возможность сделать это.

И вот в утреннем тумане позднего лета показались очертания южного берега, а на нём – силуэты множества построек, так не похожих на строения островитян. Стоя на носу драк-

кара, Шервард не сводил глаз с приближающейся суши. Перед ним был Тавер – шеварский город, о котором он столько слышал, но до недавнего времени даже не надеялся однажды увидеть воочию.

Глава 14. Риззель

Время в поместье на побережье Серого моря текло медленно, и особенно медленно оно стало двигаться после отъезда Линда. С тех пор минуло уже около года, и это время стало трудным испытанием для всего семейства Хэддасов.

Через некоторое время после скоропалительного отъезда младшего Ворлада стало очевидно, что Динди беременна. Брум узнал об этом позже отца с матерью, но до того, как округлившийся живот его сестры стал хорошо заметен.

Чтобы избежать скандала, отец, по сути, посадил Динди под домашний арест – ей было категорически запрещено появляться на людях. Было объявлено, что она больна, и отныне в комнату её могли входить лишь члены семьи, да пожилая служанка, которая была предана молодой госпоже пуще цепного пса.

Брум не мог понять – насколько сестра осознаёт то, что с ней происходит. Она неплохо переносила беременность – с ней почти не случалось приступов тошноты и прочих неприятностей, которые боги зачем-то наслали на несчастных женщин. Впрочем, сам Бруматт, признаться, практически ничего не знал о беременности и о том, чего от неё ждать, а потому для него всё было в новинку, и, с одной стороны его удивляло всё, но с другой – не было ничего удивительного в том, о чём мы сказали выше.

В любом случае, он по-прежнему не отходил от Динди, и стал даже ещё более заботливым с ней, если это вообще было возможно. Он обрёл себя на добровольное затворничество, и проводил дни напролёт в её комнате, просто наблюдая за тем, как она тихонько сидит у окошка и смотрит вдаль с тупым непроницаемым лицом. Похоже, девушка всё-таки осознавала, что в её жизни произошло нечто важное, но никак не давала это понять окружающим.

Динди всё так же оставалась худышкой, так что всё больше вздувающийся живот выглядел особенно комично. Впрочем, никто сейчас не смеялся, и Брум был бы последним человеком во всей Сфере, позволившим себе это. Он глядел на сестру с невероятной нежностью и жалостью, но иногда его черты внезапно искажались от ненависти. Это бывало тогда, когда он вспоминал о Линде.

С тех пор, как этот ублюдок уехал, Брум ни разу не интересовался его дальнейшей судьбой. Более того, он внушил себе, что тот уехал именно потому, что испугался его – Брума – угроз, и убедил себя в том, что непременно убил бы паскуду, если бы тот остался.

Ненависть эта, разумеется, распространилась и на барона Ворлада. Этот напыщенный гусь продолжал жить в их доме как ни в чём не бывало, и отец, к сожалению, не смел выставить его вон. Да и вообще вся семья Хэддасов в присутствии важного гостя продолжала вести себя вполне по-прежнему, хотя Брум знал, что родители затаили злобу на него, и за гла-

за иной раз позволяли себе весьма нелицеприятные высказывания.

Что же касается самого барона, то он, похоже, и думать забыл о том позоре, что нанёс его отпрыск достойному семейству. Его поведение несколько не поменялось, он время от времени захаживал во флигель Хэддасов, или приглашал их «к себе», чтобы отведать, к примеру, вина из южной Кидуи, присланного ему прямиком из столицы. За всё время он ни разу не поинтересовался судьбой Динди, да и вряд ли он вообще заметил её исчезновение. Впрочем, он ничего не знал о её беременности – сеньор Хэддас иногда умел быть гордым, а, может, это была никакая не гордость, а лишь реальный взгляд на жизнь. Было ведь совершенно ясно, что, даже узнай барон Ворлад о том, что скоро станет дедушкой, это ни коим образом ничего не изменит...

В общем, несмотря на то что с отъездом Линда в поместье, на первый взгляд, почти ничего не поменялось, на самом деле перемены были весьма существенны. Это подмечали даже слуги, хотя Хэддасы ревностно защищали тайну дочери ото всех. Единственный, кто продолжал пребывать в блаженном неведении, был барон Довин Ворлад.

На время родов вся прислуга была выдворена из флигеля, несмотря на мороз – большинству из них были даны те или иные поручения, а остальные чуть ли не целый день провели в хозяйственных постройках, чтобы хоть как-то согреться. Динди положили в одну из глухих дальних комнат, чтобы её

криков не было слышно во дворе. При родах присутствовала лишь госпожа Хэддас, акушерка, да та самая служанка, что самоотверженно ухаживала за молодой хозяйкой всё это время.

Роды были непростыми, но всё закончилось благополучно. Динди родила крошечную, но вполне здоровую на вид девочку. Теперь благородному семейству нужно было решить главную проблему – сохранить лицо в глазах общественности. Их усадьба, с тех пор как здесь поселились Ворлады, перестала быть уголком тишины и уединения. Нечасто, но сюда заявлялись представители высшего общества Тавера и окрестностей, и потому произошедшее могло бросить тень на доброе имя Хэддасов.

Было решено, что ребёнка заберут у Динди, и она продолжит жить своей жизнью, тогда как малышку воспитает кто-то из дворни. Разумеется, рассматривать новорождённую в качестве потенциальной наследницы имени и состояния Хэддасов было нелепо, а потому не было никакой разницы – в какой семье она вырастет. Предполагалось, что тайна рождения несчастной девочки будет надёжно укрыта от всех, кроме нескольких посвящённых.

Госпожа Хэддас ответственно подошла к поиску семьи, и на это ушли остатки нынешнего и весь будущий день. На это время девочку вернули Динди, и та была просто вне себя от счастья, выражая радость с несвойственной ей обычно экспрессией. Молодая мама не выпускала дочку из рук

и, обычно такая молчаливая, теперь она, не переставая, лопотала что-то на странном мурлыкающем языке. Стоит ли говорить о том, что Брум был рядом, с обожанием глядя на племянницу.

Увы, именно этот нюанс старшее поколение Хэддасов по какому-то недосмотру упустило из виду. Пока они решали судьбу новорождённой, боги, похоже, решили распорядиться по-своему. И исполнительницей воли богов стала та самая служанка Динди, которая и принесла своей любимице ребёнка, тогда как этого, очевидно, не следовало бы делать.

В общем, когда госпожа Хэддас пришла, чтобы забрать дитя, Динди подняла такой крик, что, казалось, от него сейчас рассыплется весь дом. Этот страшный крик тут же подхватила малышка, а на шум сбежалась вся дворня, решив, что кого-то здесь точно убивают. И одного взгляда на их изумлённые лица было достаточно, чтобы понять, что тайна вокруг Динди и её ребёнка закончилась.

Бедняжка прекратила кричать лишь тогда, когда сеньор Хэддас и его супруга отошли от кровати на расстояние, которое Динди сочла безопасным для своей дочери. Она судорожно прижимала девочку к груди, и выражение её лица сейчас было страшным. Брум, стоявший рядом и совершенно опешивший от происходящего, вдруг понял, что его сестра, пожалуй, способна напасть даже на родителей в попытке защитить дитя, и что она, возможно, даже способна убить их.

– Пошли вон отсюда! – став пунцовым от стыда и гнева,

рвякнул обычно сдержанный и мягкий Хэддас.

Слуги, не на шутку струхнув, мгновенно испарились. Они поняли, что случайно сунули нос в ужасную тайну, и, похоже, всерьёз опасались последствий. Сеньор Хэддас же, взяв себя в руки, насколько это было возможно, попытался поговорить с дочерью.

– Динди... – проникновенно начал он, но при этом необдуманно сделал шаг к постели.

Динди вновь истошно завопила, или даже скорее завизжала, так что отец буквально отскочил назад.

– Динди, – когда девушка умолкла, вновь заговорил он. – Пойми, так будет лучше. Представь, какой будет скандал, когда узнают, что ты родила, а паскудыш, что тебя обесчестил, уехал в Кидую... Это поставит под удар не только твою репутацию, но и репутацию всей нашей семьи...

Сеньор Хэддас продолжал лепетать подобный бред, а Брум стоял и удивлялся. Он наверняка знал про себя, что туповат, но всегда считал отца очень умным человеком. Однако сейчас он ясно видел, что тот совершенно не понимает, что и как нужно говорить, и что всё сказанное ни коим образом не может повлиять на Динди. Вряд ли она вообще понимала большую часть сказанных им слов...

На протяжении всего спича сеньора Хэддаса Динди глядела на него немигающим взглядом и так крепко прижимала малышку к себе, что Брум всерьёз опасался, как бы она не раздавила её. Госпожа Хэддас, прижав руки к груди, тихонь-

ко плакала, страдая сейчас, кажется, больше всего от того, что их тайна теперь раскрыта.

Брум дёрнулся от внезапного визга – это отец сделал шаг в сторону Динди, а та вновь завопила.

– Динди, прекрати! – укоряюще произнёс Хэддас, однако же, послушно отступая назад. – Это всё равно неизбежно, милая...

– Но почему, отец? – внезапно подал голос Брум, не успев даже удивиться тому, что посмел перечить родителю. – Почему это неизбежно? Прислуга видела всё. Неужели ты думаешь, что они удержат язык за зубами? Никакой тайны больше нет. Незачем больше отнимать дитя у Динди!

Надо сказать, что отца, судя по всему, не нужно было очень уж уговаривать. Попав в переделку, он был бы рад найти из неё выход. Добряк Хэддас совершенно не представлял, что ему делать дальше. Он понимал, что вырвать младенца из рук дочери можно будет, наверное, только вместе с этими руками. И даже если сейчас оставить его, чтобы выкрасть позже – Динди не успокоится. Он впервые видел дочь такой, и, признаться, порядком испугался. Это была не юная девочка, а настоящая волчица, к тому же не обременённая излишним интеллектом. Она была способна на всё, и Хэддас это прекрасно понимал.

Другое дело его супруга. Она по-прежнему цеплялась за фантазии, что ей каким-то образом удастся заставить дворню молчать, и что тайну ещё можно было уберечь. Ей не хо-

телось верить в очевидное, и потому госпожа Хэддас продолжала с надеждой смотреть на мужа, ожидая, что тот проявит характер, а также с явным неодобрением поглядывала на сына.

Сеньор Хэддас оказался меж двух огней. С одной стороны его прожигала страшным безумным взглядом дочь, и рядом с ней верным союзником возвышался Бруматт. С другой стороны он ловил укоряющий и молящий взгляд жены. Он ощущал то же, что, должно быть, чувствует человек, втащивший на острый скалистый пик огромный валун. Любое движение – и камень обрушится вниз по одну, или по другую сторону пика. Беда в том, что и там, и там – многолюдные города, и какие-то из них неизбежно будут сметены вырвавшейся из повиновения глыбой...

– Папа... – внезапно чётко и внятно проговорила Динди и заплакала. Ещё мгновение назад она казалась городской сумасшедшей, что тянут изъязвлённые руки навстречу прохожим, сидя в собственных испражнениях, а теперь же больше походила на маленькую девочку, горько плачущую над потерянной куклой.

Это решило всё. Сеньор Хэддас больше не сомневался.

– Ребёнок остаётся с нами! – срывающимся от слёз голосом произнёс он.

Он вновь сделал попытку подойти к дочери, и на этот раз она молчала, лишь широко и нелепо улыбаясь сквозь потоки слёз. Она ласкала дочь, а та смешно морщилась, когда ей

на лицо падали горячие крупные капли. Хэддас осторожно присел на краешек кровати и нежно поцеловал протянутую ему руку Динди. С другой стороны на кровать плюхнулся счастливый Брум, понимая, что уже безумно любит это маленькое чудо, и что сердце его было бы разбито так же, как сердце сестры, если бы малютку всё же отняли.

Лишь госпожа Хэддас, недовольно фыркнув, развернулась и ушла. Впрочем, Брум знал свою мать – она не сможет долго дуться. Он был уверен, что вскоре она станет любящей и нежной бабушкой.

На двенадцатый день после рождения девочки, Брум торжественно внёс племянницу в небольшую арионнитскую часовню, расположенную в поместье, для обряда наречения¹⁸. Гордый и счастливый нарекатель перед лицом Арионна и его служителя, местного жреца, а также перед десятком присутствующих здесь же гостей и членов семьи, объявил имя нового человека, пришедшего в этот мир – Ризель.

Динди, принявшая вновь наречённую на руки, сейчас выглядела почти нормальной – счастье и какое-то умиротворение практически стёрли черты дебилности с её лица. В этот миг она была действительно красива, так что сердце Линда, будь он здесь, вполне могло бы ёкнуть при виде неё. Тем более, что формы девушки после родов обрели полноту

¹⁸ Обряд наречения – благословение и наречение именем перед Арионном. Производится на двенадцатый день после рождения ребёнка. Считается, что с этого момента дитя находится под призрением Белого бога.

и округлились, так что она не выглядела сейчас как девочка-подросток.

Церемония прошла замечательно и душевно. Как и предсказывал Брум, госпожа Хэддас не смогла долго дуться на дочь, и сейчас буквально цвела, глядя на крошечную внучку в её руках. Отец тоже светился ничем не омрачённой радостью, как, впрочем, и все остальные члены семейства.

Если что и могло омрачить для Бруматта эти мгновения, так это присутствие барона Ворлада. Тот стоял на почётном месте, благодушный и одновременно отстранённый. Уж он-то прекрасно знал, чей ребёнок уютно расположился сейчас на руках этой дурочки-Динди. Однако же, Довин ни единым жестом не выдал хотя бы малейшей заинтересованности в этом факте. Он воспринял церемонию как нечто само собой разумеющееся, хотя узнал о родах всего несколько дней назад. Похоже, он ни коим образом не ассоциировал вновь наречённое дитя с собой и своим сыном.

Вид этого надменного гуся так раздражал Брума, что тот решил просто не смотреть в его сторону, чтобы не портить момент. В конце концов, плевать на всех этих баронов ворладов, всех этих линдов и иже с ними! У них теперь есть это маленькое чудо, крошка Риззель, а остальное – неважно! Так даже лучше, что Ворлад не предъявляет никаких прав на девочку, потому что в противном случае Бруматт не знал бы, как ему поступить...

В общем, после церемонии и последовавшего за ней

празднества, во время которого было сказано немало благословений в адрес матери и дочери, жизнь в поместье вновь вернулась в привычное русло. Был самый разгар снежной зимы, так что Брум не слишком-то страдал оттого, что проводил почти весь день в комнате Динди, возясь с малюткой Риззель, в которой он просто не чаял души.

Даже будь здесь Линд, он не смог бы быть лучшим отцом для девочки, чем Брум. Паренёк разделил свою любовь к сестре на двоих, но от этого она, вопреки законам арифметики, которые в своё время пытался вдолбить в него отец, лишь приумножилась. Какое счастье, что Линда здесь не было! Как бы, наверное, ревновал Брум к нему этот маленький комочек счастья!..

Чем дальше, тем радужнее становились мысли Брума. Может быть, всё это произошло и к лучшему. Он никак не мог выбросить из головы слова прежнего друга о том, что Динди никто и никогда не возьмёт замуж. И чем больше он об этом размышлял, тем больше склонялся к горькому выводу, что этот прохиндей Линд был прав... Динди – замечательная, прекрасная, добрая девушка, но она – полоумная. Никто в округе, даже конюх или последний пахарь, не захотели бы себе в жёны полоумную. Разве что поразвлечься с ней, как это сделал Линд...

Надо сказать, что, даже несмотря на то, что Бруматт внутренне смог принять правоту Ворлада, это вовсе не значило, что он его простил. Линд, конечно, подарил им с Динди та-

кое прекрасное чудо, и, несомненно, с появлением Риззель жизнь их наполнилась счастьем, но... Это нисколько не извиняло поступок вероломного засранца.

То, что сделал Линд, было предательством – самым большим предательством, которые когда-либо переживал Брум. Этот гадёныш ударил им в спину, он надругался над самым чистым и самым дорогим, что было в его жизни. Он сделал это подло, нагло, беспечно, нисколько не задумавшись над тем, что может ранить чувства лучших друзей.

И потому Брум ненавидел Линда. Ненавидел с той же беззаветностью, с какой любил прежде. Он по-прежнему то и дело мечтал о том, как расправился бы с засранцем, если бы тот не сбежал. Сидя в тишине в комнате Динди, когда та дремала, даже во сне не отпуская от себя малышку, Бруму только и оставалось, что предаваться своим фантазиям, выдумывать всё более изощрённые пытки и наказания, которых был бы достоин Линд.

Впрочем, вся его ненависть таяла при одном лишь взгляде на пухлое личико с набрякшими веками и оттопыренными губками. Что бы ни сделал Линд – он был уже в прошлом, и прошлое это напоминало о себе разве что редкими встречами с бароном Ворладом. Бруму хотелось думать, что он больше никогда не увидит своего бывшего друга, и что дальнейшая их жизнь будет приятной и счастливой. Он верил, что сделает всё для этого.

Глава 15. Островитянин

Лето подходило к концу, и на немногочисленных лиственных деревьях в окрестностях поместья становилось всё больше желтеющих листьев. Малышке Риззель было уже больше полугода, и каждый день она радовала домочадцев какими-то новыми штучками. Это была живая, очень жизнерадостная девочка, почти всегда пребывающая в хорошем настроении и крайне редко закатывающая истерики.

Она уже вся извивалась в своей кроватке, и не так давно начала садиться, хватаясь за любую подходящую опору. Но этого ей было явно мало, так что с недавнего времени Риззель предпринимала попытки встать на ноги. Однако Нанна – та самая служанка, что опекала Динди во время «болезни», неизменно была настороже.

– Ишь ты, егоза! – смеясь, восклицала она, вновь укладывая девочку обратно. – Рано тебе ещё стоять, рыбанька моя! А то, того и гляди – ножки колесом пойдут! Погоди, ещё настоишься-то!

Сама Динди глядела на проделки дочери куда благосклонней, и когда Нанны не было поблизости, даже помогала ей приподняться и несколько секунд постоять. Выражение лица Риззель при этом было таким счастливым, что Брум, хотя и опасался «ножек колесом», но не мог найти в себе достаточно мужества, чтобы одёрнуть сестру.

Вообще рождение дочери явно повлияло на Динди. Она, разумеется, не поумнела – по-прежнему она почти не разговаривала даже с Брумом, а с Риззелью общалась на каком-то собственном языке, состоящем из бессмысленных ласковых звуков. Она всё так же время от времени впадала в ступор, переставая реагировать на всё, за исключением дочери, и, когда малютку забирала Нанна или кто-то из домочадцев, она могла на протяжении часа или двух сидеть неподвижно, откинувшись спиной на высоко поднятые подушки, и глядеть в одну точку.

Но при этом Динди, несомненно, была хорошей матерью. Наверное, это были инстинкты, подобные звериным, но она весьма ловко управлялась с малышкой. Она сама пеленала её, сама обмывала, одевала. Разве что своего молока у неё оказалось недостаточно, так что каждый вечер к ним навевалась молодая крепко сбитая простолюдинка, кормившая на ночь юную барыню. Но в остальное время Динди управлялась сама. Она почти не расставалась с дочерью, похоже, несколько не уставая от необходимости постоянно быть с ней. Когда Динди играла с Риззелью, целовала и щекотала её, то становилась похожей на самую обычную девушку.

И крошка Риззель души не чаяла в своей маме. Рядом с Динди она всегда была счастлива. Разумеется, ей и в голову не могло бы прийти, что с мамой что-то не так. Для неё она была самая лучшая, самая умная и красивая, единственная.

Надо сказать, что пока что ни Брум, ни отец с матерью,

ни врачевательница, время от времени приезжавшая в имение из Тавера по протекции барона Ворлада, не замечали в девочке каких-либо отклонений. Похоже, Риззель была совершенно нормальным, и даже весьма развитым для своего возраста ребёнком, и Брум, хотя он, без сомнения, одинаково любил бы её в любом случае, всё же был несказанно этому рад.

Когда наступила настоящая весна, то есть уже ближе к лету, они с Динди и малышкой стали устраивать прогулки вдоль побережья. Они по очереди несли её, то и дело останавливаясь, чтобы дать Риззель возможность повозиться с песком, камешками и прочими забавными для неё вещами. Удивительно, но та вовсе не стремилась тянуть в рот всё подряд, так что Брум мог расслабиться, не опасаясь, что племянница проглотит камень или жука.

Надо сказать, что за это время в жизни нашего героя произошли и другие не менее значительные перемены. Дело в том, что его братья внезапно загорелись желанием сделать карьеру. Старший вдруг раздобыл себе небольшую, но всё же вполне достойную должность в магистрате Тавера, а другой выбрал военную стезю. Однако он не пожелал воспользоваться протекцией ненавистного барона Ворлада, и потому уехал на запад, на полуостров Лионкай, где устроился командиром манипулы.

И вот совершенно неожиданно, в течение нескольких месяцев, оба старших отпрыска сеньора Хэддаса покинули род-

ное гнездо, так что Бруматт вдруг оказался единственным помощником отца, взяв на себя функции, которые прежде выполняли братья.

Мы помним, что Брум сильно отличался характером от Линда, и всегда мечтал именно о такой вот тихой и размеренной жизни провинциального помещика. Теперь эта мечта сбывалась. Отец, который прежде не особенно уделял внимание младшему сыну, считая его (признаться, вполне справедливо) недалёким и неспособным к столь сложной деятельности как управление имением, совершенно иначе взглянул на парня в свете последних событий. И, надо сказать, чем больше он вглядывался в Брума, тем больше удивлялся.

Да, сын, конечно, с неба звёзд не хватал, но у него была удивительная практическая смекалка. Он с полуслова понимал, чего именно хочет отец, если это касалось домашнего хозяйства. Он с огромным удовольствием взял на себя обязанность ездить в Тавер, чтобы закупаться всем необходимым. Для Брума это вдвойне было в радость, учитывая, что он, прожив всю жизнь рядом с этим городом, так в нём до сих пор и не побывал.

Тавер очень понравился Бруму – для него это был совершенно другой мир, непохожий на его привычную среду обитания. Однако город был хорош для него главным образом потому, что находился поблизости от дома. Юноша всегда с удовольствием отправлялся в Тавер, а вечером с радостью

возвращался назад. Крайне редко он оставался там на ночь – Бруму не нравились гостиницы, он чувствовал себя там крайне неловко и обычно не мог уснуть почти всю ночь.

Иногда, когда погода позволяла, он брал с собой сестру и племянницу. Динди, с непосредственностью умственно отсталой, радовалась и восхищалась всему, что видела в городе. Но особенно она обожала наблюдать за людьми. Она часами сидела на рыночной площади, глядя на прохожих, торговцев, и на её лице калейдоскопом сменялась целая гамма эмоций, которые она с точностью зеркала копировала с объектов своих наблюдений.

Всё это время Риззель, которая, как мы помним, была очень спокойной девочкой, либо дремала на руках мамы, либо с увлечением играла любимыми мелкими предметами, до которых могли дотянуться её ручки. Так что Брум мог спокойно заниматься своими делами – торговаться, заключать сделки, общаться с кредиторами или же должниками, совершенно не опасаясь, что его любимицы заскучают.

Подобные поездки случались нечасто – обычно раз в пару недель или ещё реже, а поэтому не могли ни утомить, ни наскучить. Брум оказался отличным управляющим, так что отец всё чаще давал понять, что, коль уж старшие братья выбрали другую стезю, именно его он видит наследником поместья. Единственное, чего не хватало теперь Бруму – так это хорошей жены и собственных детишек. Впрочем, Риззель была для него всё равно что родной, так что сам он до

поры не слишком-то переживал по этому поводу.

Другое дело – сеньор Хэддас. Он всё чаще заговаривал с сыном на эту тему. Оба старших брата его уже были женаты, старшая сестра также вполне удачно выдана замуж – настала очередь и самого Бруматта. Отец с матерью присмотрели уже пару кандидатур, любезно предоставив сыну выбор между ними. Откровенно говоря, ни та, ни другая потенциальная невеста не слишком-то впечатляли будущего жениха – одна была «старовата» по его меркам, и обе были, вежливо говоря, не слишком-то хороши внешне. Но Брум так и остался всё тем же увальнем, так что и сам он не продвинулся в столь важном деле ни на йоту.

В конце концов им с отцом удалось прийти к соглашению – если до будущей осени он сам не представит родителям будущую невестку, то будет вынужден согласиться на их выбор. Брума это вполне устраивало – казалось, что будущая осень ещё бесконечно далеко, так что пока можно было с удовольствием проводить время в компании Динди и Ризель.

До конца лета оставалось всего ничего, и уже становилось заметно прохладнее. Впрочем, сейчас, за пару недель до месяца жатвы¹⁹, дни казались по-настоящему летними. Это бы-

¹⁹ Месяц жатвы – первый из месяцев осени в календаре Кидуанской империи. Соответствует нашему сентябрю.

ло особенно приятно, потому что всего несколько дней назад на южном побережье Серого моря бушевала буря, и тучи, затянувшие небо, не пропускали солнечный свет. Тогда казалось, что на дворе стоит поздняя осень, так что Брум, Динди и Риззель пару дней провели, не высовывая носа за порог. По счастью, буря ушла, небо очистилось, и всё ещё летнее солнце на время вернуло благословенное тепло.

Пользуясь хорошей погодой, Брум решил отправиться в Тавер. Необходимо было решить кое-какие дела, а также пополнить запасы. Несмотря на то, что отцу много лет прислуживал эконом, следящий за хозяйством, юноша давно уже не хуже него знал – в чём именно обитатели имения испытывают нужду в данный момент.

Вообще Хэддасы были небедным, хотя и не слишком-то богатым семейством. Однако теперь сеньор Хэддас с приятным удивлением отмечал, что дела их явно пошли в гору. Раз в неделю он непременно открывал книгу, в которую аккуратно вносились доходы и расходы, и не мог не видеть, что расходы уменьшились, притом что доходы явно увеличиваются. И, разумеется, причиной тому был Брум, который умел считать деньги, но без лишнего скопидомства, а также каким-то образом ухитрился привести в порядок дела с должниками, арендаторами и крепостными, не прибегая при этом к излишней жёсткости, на которую он, похоже, был неспособен.

В общем, Брум, скрупулёзно высчитав всё, что ему требуется, и записав это в небольшой блокнотик своим корявым

почерком с огромным количеством ошибок (пожалуй, в его записях мог бы разобраться только он сам), велел снаряжать повозку. Он предложил Динди поехать с ним, и та, разумеется, с радостью согласилась. После нескольких дней заточения и непогоды так хотелось вновь почувствовать на коже ласковые лучи солнца и увидеть людей!

Не прошло и получаса, как они уже катили в повозке по грязи, в которую превратилась местная дорога после долгих дождей. Впрочем, если это кого и смущало, так лишь только лошадку, что тянула повозку. Остальным было не привыкать к распутице, так что на неё не обращали ни малейшего внимания. Риззель, как всегда, с удовольствием глядела по сторонам, сидя на коленях дяди, и радостно щебетала что-то на своём детском языке. Динди словно бы задумчиво глядела в бесконечную даль Серого моря, которое сегодня было почти спокойным. Ну а сам Брум был целиком поглощён малюткой, развлекая её в меру своих скромных способностей.

Тавер был сегодня как будто бы особенно шумным. Люди радовались ясной тёплой погоде после недавнего ненастья, и вылезали из своих жилищ, чтобы не упустить погожий денёк, который вполне мог быть одним из последних в этом году. А ещё, как довольно быстро узнал Брум, накануне в порту пришвартовался драккар островитян.

Нельзя сказать, что визиты келлийцев были таким уж большим чудом здесь, в Тавере. Жители империи из тех, кому не повезло жить рядом с побережьем Серого моря, чётко

делили северян на две категории – смиренные и буйные. Первых, по мнению палатийцев, было несоизмеримо меньше, но с ними можно было иметь дело.

«Смирные» келлийцы предпочитали торговать с жителями материка. Брум знал, что на островах остро не хватает самых привычных вещей, и ушлые палатийские купцы активно пользуются этим, сбывая там втридорога безделицы вроде металлических наконечников для стрел и копий, а также нехитрой утвари. Правда, дикие островитяне почти не пользовались деньгами, предлагая взамен то небольшое, чем была богата их земля, а также то, что они прежде награбили у тех же палатийцев.

Но сами келлийцы гораздо реже приплывали сюда. Помнится, раньше Линд как-то говаривал, что островитяне просто дичатся, пугаясь городов, большого обилия людей, непонятной им культуры. Якобы, их гортани не способны воспроизводить имперскую речь, и что ни один северянин не смог ещё выучить кидуанский язык. В общем, несмотря на то что Брум слышал о том, что люди с островов иногда навещают Тавер, но сам он их ни разу не видал.

Конечно же, ему тут же до смерти захотелось поглядеть на этих таинственных и страшных дикарей, о которых он слышал столько леденящих кровь историй. Динди, разумеется, никак не давала это понять, но Брум был уверен, что и ей будет очень интересно.

– Правь к пристаням, – велел он малому, что служил ему

и кучером, и грузчиком.

Тот, молча кивнув, потянул вожжу, заставляя лошадь за- бирать влево. Дела обождут, решил про себя Брум. Погля- дим на северян, а потом займёмся делом. А ещё ему очень хотелось увидеть легендарный келлийский драккар, один из тех, что наводили ужас на мореходов Серого моря.

То, что в городе происходило что-то необычное, было за- метно сразу. Особенно оживлённой была сейчас та часть Та- вера, что прилегала к порту. Похоже, многие пришли сюда именно для того, чтобы поглядеть на келлийцев. Странно – формально островитяне были врагами Палатия, ведь их др- аккары нападали на прибрежные поселения и торговые су- да. Но здешние жители отличали тех, «буйных» варваров от прочих, и были вполне дружелюбны к гостям.

Оставив повозку на одной из прилегающих улиц, Брум, и Динди с малышкой направились дальше пешком. Всё такая же худенькая, словно молодая девчушка, Динди была уди- вительно сильной и выносливой – она могла часами таскать дочку на руках, не проявляя каких бы то ни было признаков усталости. Вот и сейчас она, не сбивая дыхания, шагала ря- дом с братом, а Риззель хлопала своими огромными глазами, с удовольствием разглядывая людей вокруг.

Увы, Брума ждало разочарование. На площади неподалё- ку от порта было многолюдно, но вот островитян было не ви- дать. Что же касается драккара, то окружающие дома скры- вали причалы, и если он желал что-то увидеть – нужно было

двигаться дальше.

– Где келлийцы-то? – заметив в толпе прохожих знакомое лицо, поинтересовался Брум.

– Говорят, у Матея остановились, – приветливо кивнув, ответил горожанин. – Целый этаж взяли себе. Человек двенадцать их там, вроде бы.

– Надолго они сюда?

– Кто знает? – охотно ввязываясь в разговор, пожал плечами знакомец. – Может надолго, а может и нет. Говорят, среди них какой-то важный человек прибыл – то ли вождь, то ли купец богатый. Весь в мехах, золоте... Здоровый, словно дуб!

– Повидать бы его хоть глазком... – бросив взгляд на Динди, пробормотал Брум. – Никогда не видал живого северянина!

– Так подите к пристани! – посоветовал всё тот же горожанин. – Там драккар их пришвартован, а на нём – команда. Они чего-то выгружали там вот уж с час, наверное! Видать, очень богат гость-то!

– Пойдём, поглядим? – обратился Брум к сестре, не забыв поблагодарить собеседника.

Динди даже кивнула в ответ, хотя он, признаться, не ожидал ответа. Чаще всего он привык читать желания сестры по малейшим изменениям мимики, неясному жесту, вечно рассеянному взгляду. Значит, она была сейчас заинтригована не меньше, чем он. Неизвестно, как далеко распространялись

географические познания Динди, и осознавала ли она вообще – кто такие келлийцы, и какие отношения связывают их с жителями Палатия. Возможно, она просто копировала эмоции брата – видя, насколько заинтересован он, и она сама пришла в некоторое возбуждение от этого.

Ободрённый, Брум широким шагом двинулся к причалам, но Динди поспевала за ним безо всякого труда. Дорога не заняла много времени, и вот перед ними открылся порт Тавера.

Тавер не был очень уже крупным городом, но он имел несомненно весьма важное значение в экономике империи. Построенный в месте, в котором Труон впадает в Серое море, город был обречён стать ключевым в морской торговле с загорскими территориями. Порт Тавера был обширен – он начинался ещё вдоль берега Труона, и тянулся на сотни ярдов, вырываясь, в конце концов, вместе с великой рекой на морской простор.

Здесь было довольно много кораблей – наверное, не меньше двух-трёх десятков. Всё это были торговые суда. Одни – побольше – ходили вдоль берега моря запад, в Загорье, чтобы привезти оттуда плоды этой благословенной богами земли. Другие – те, что поменьше, сновали вверх и вниз по Труону, добираясь почти до самого преддверья Саррассы.

На фоне этих судов драккар келлийцев выглядел словно поджарый волк среди стада овец. Паруса его были спущены, но и без них судно имело весьма грозный и воинственный

вид. Даже обводы его корпуса выглядели опасно – было видно, что этот корабль создавался не для того, чтобы таскать зерно или древесину. Ещё больше страху наводил нос драккара, украшенный оскаленной головой какого-то зверя – то ли волка, то ли медведя, то ли вовсе дракона (плотники островитян, похоже, не были мастаками резьбы, или же у них были свои представления о прекрасном).

На палубе Брум увидел пару северян, но ничего особо примечательного в них, к его разочарованию, не было. Встреть он их в городе – даже не обратил бы внимания. Обычные люди, обычная одежда... Никаких волчьих черепов на головах, никаких медвежьих шкур вместо плащей. Впрочем, сейчас, пожалуй, было жарковато для меховой одежды.

Брум заметил, что Динди тоже разглядывает драккар. Ей вообще нравились корабли – она всегда радовалась, когда гуляя по берегу, могла разглядеть проплывающее мимо судёнышко. Но келлийский драккар, похоже, особенно приглянулся ей.

– Хочешь, подойдём поближе?

Динди, довольно мурлыкнув в ответ, тут же направилась к кораблю. Драккар был невелик – неподалёку стояли одно или два судна, куда большего размера, и казался довольно низко посаженным. На бортах были разводы от засохшей соли, а кое-где Брум разглядел сколы и царапины, будто бы оставленные стрелами и дротиками. Хотя, возможно, это бы-

ли следы от острых краёв плавучих льдов.

Увы, Брум упустил тот момент, когда сестра вдруг направилась напрямиком к спущенному трапу.

– Динди! – ошарашенно воскликнул он, увидев, что та уже поднимается на борт, всё так же прижимая малышку Риззель к груди.

Он бросился за ней, но было уже поздно. Два келлийца, что ошивались на палубе, также заметили девушку и, перебросившись парой фраз на их колючем тарабарском языке, направились к ней.

– Мы уже уходим! – закричал запаниковавший Брум. – Всё в порядке! Мы уже уходим!

Взбегая по трапу, он бросил взгляд назад. На причале было несколько зевак, с интересом наблюдавших за происходящим. Что ж, это давало некоторую надежду на то, что варвары не убьют их тут же или не выбросят за борт.

Динди с оживлённым выражением лица оглядывалась. Она никогда прежде не бывала на кораблях, и ей здесь явно нравилось. Безо всякого страха, с явным любопытством она глядела на приближающуюся парочку. Подоспевший Брум встал так, чтобы закрыть сестру собой, хотя поджилки его тряслись от страха. Он понимал, что из него такой же воин, как из петуха дракон, а эти двое, хотя и не были громадного роста и богатырского телосложения, всё же явно могли бы пришибить по нескольку штук таких как он каждый.

Один из них заговорил и сделал недвусмысленный жест

рукой, очевидно, предлагая обратиться подобру-поздорову. Брум и рад был бы исполнить их настойчивую просьбу, но Динди... Он прекрасно знал, что утащить её отсюда против воли будет ой как непросто. Несмотря на свою худобу, младшая сестрёнка была очень сильной, не говоря уж о том, что на руках её блаженно улыбалась Риззель, довольная радостью своей мамы.

– Мы сейчас уйдём, не волнуйтесь! – говоря медленно, едва ли не по слогам, Брум, к тому же, ещё и отчаянно жестикнул, надеясь, что варвары каким-то чудом поймут его слова. – Моя сестра просто хочет посмотреть, что тут у вас. Мы посмотрим, и сразу уйдём!

На поясе Брума висел кинжал – он любил вешать его, отправляясь в город. Ему казалось, что это придавало его рыхловатой и чуть нескладной фигуре солидности и мужества. Сейчас же он клял себя последними словами за это жалкое тщеславие. А ну как эти двое сочтут, что он решил напасть на них! Парню очень хотелось отбросить кинжал подальше, но он боялся даже прикоснуться к нему, не желая, чтобы это движение было неверно понято северянами.

– Динди, пойдём отсюда! – Брум был близок к отчаянию, зная, насколько упрямой, или же, скорее, оторванной от реальности может быть сестра. – Ты видишь, они начинают злиться.

Возможно, на самом деле ничего подобного не было – оба келлийца не проявляли никаких признаков агрессии, и, воз-

можно, происходящее их скорее забавило, но у страха глаза всегда велики, и потому Брум с тревогой наблюдал за при- близившимися мужчинами.

Динди же, ещё раз с большим любопытством оглядевшись, туповато улыбнулась северянам и спокойно отправилась прочь с корабля. Брум, облегчённо выдохнув, как можно дружелюбнее кивнул келлийцам и на обмякших ногах последовал за сестрой, с трудом заставив себя повернуться к этим двоим спиной.

Увы, на этом его злоключения, похоже, ещё не закончились... Повернувшись, Брум увидел, что у подножия трапа стоят ещё несколько келлийцев, с удивлёнными усмешками разглядывая странную пару (точнее, троицу), внезапно на- грянувшую на их корабль. Один из них, похоже, старший, сказал несколько фраз, обращаясь к тем двум, что были на палубе. Те коротко ответили, и все присутствующие варвары рассмеялись (как показалось Бруму – весьма зловеще).

Тем не менее, они расступились, уступая дорогу Динди. Лишь один из них продолжал стоять неподвижно, расширившимися глазами глядя на девушку с ребёнком. Лицо этого островитянина было мертвенно бледным, и по нему градом струился пот.

Глава 16. Встреча

Появление Шерварда наделало шума. Когда их драккар подходил к причалу, там уже столпилось немало народу. В команде драккара был один келлиец, вполне сносно говорящий на имперском. Во время путешествия Шервард старательно разучивал с ним наиболее употребительные слова и фразы, так что от непривычного произношения у него постоянно болели рот и горло.

Когда они наконец пришвартовались, первыми на берег сошёл кормчий, а с ним – тот самый владеющий имперским келлиец. Приезд Шерварда нужно было обставить соответствующим образом. Первым делом, не вступая в долгие разговоры, они отыскивали первую попавшуюся гостиницу и, не торгуясь, сняли комнаты всего верхнего этажа, заплатив за них чистейшим имперским серебром. Лишь затем они вернулись на корабль за остальными.

Шервард с трудом заставлял себя не вертеть головой, впервые шагая по улицам Тавера. Никогда прежде он не видел ничего подобного. По размерам домов и количеству людей он намного превосходил Реввиал. А гораздо более узкие улицы ещё больше усиливали эффект. Откровенно говоря, молодой разведчик прилагал все усилия, чтобы не запаниковать.

Одетый в непривычно роскошные одежды, он сейчас чув-

ствовал себя особенно уязвимым. Ему казалось, что все эти люди смотрят только на него, что вообще-то не слишком-то соответствовало действительности. Более того, ему казалось, что на него смотрят свысока, с пренебрежением. Всем известно, что имперцы считали келлийцев варварами, и, говоря откровенно, сейчас он понимал – почему. Тавер – совсем невеликий город по меркам Кидуи, так каковы же их крупные города?..

По счастью, гостиница, где они поселились, мало чем отличалась от реввиальских, разве что бросающимся в глаза обилием металлических деталей. На островах не привыкли так вольготно обращаться с драгоценным железом, здесь же даже подсвечники имели металлические части.

– Ну как тебе здесь? – поинтересовался Индрен, кормчий драккара.

– Нормально, – несколько скупое ответил Шервард.

Он всё ещё не пришёл в себя после смерти жены, так что обычно бывал довольно мрачен. Конечно, Тавер произвёл на него огромное впечатление, но говорить об этом не хотелось.

– Липпи останется с тобой, если хочешь, – в очередной раз предложил Индрен, имея в виду того немолодого мужчину, что мог изъясняться на имперском.

– Я справлюсь, – буркнул Шервард, хотя чувствовал неуверенность в этом. Но он уже столько раз отказывался, что теперь не мог согласиться, не потеряв лица.

– Как знаешь. Мы пробудем здесь несколько дней, но не

слишком долго. Ядри говорит, что вновь идёт большая буря, хорошо бы нам убраться до того, как она разыграется.

– Я справлюсь, – раздражаясь, повторил Шервард, но тут же осёк себя. Его личные проблемы не должны мешать остальным, и уж подавно они не должны разрушить общее дело. Поэтому он попытался взять себя в руки и заговорил спокойнее и ровнее. – Спасибо, парни. Ваша помощь очень ценна, и я рад, что вы побудете здесь, пока я не освоюсь немного. Но у вас есть свои дела, а у меня есть моё. Ярл Желтопуз доверился мне, и, значит, я не должен подвести его.

– Всё будет хорошо, – заверил Липпи, который провёл с ним больше всего времени во время плавания. – Ты за словом в карман не лезешь, да и рожа у тебя... внушающая доверие. Желтопуз правильно сделал, что выбрал тебя.

– Будем надеяться...

Вскоре принесли обед, и островитяне отдали ему должное. Их челюсти привыкли преимущественно к жёсткому мясу лесных животных, и сейчас поданная ко столу козлятина и телятина казались им невероятно нежными и даже сладкими. Местный эль тоже был хорош, также как и хлеб. В общем, Шервард находил всё больше преимуществ в своём пребывании в Шеваре, даже несмотря на то, что оно и раньше не казалось ему изгнанием.

Появился один из местных. Липпи неохотно встал из-за стола.

– Ну что? – поинтересовался он.

Несмотря на то, что среди келлийцев Липпи слыл настоящим знатоком имперского, на деле он знал его не настолько хорошо, чтобы свободно общаться с местными. Поэтому он старался строить короткие фразы, а если в ответ ему проносились целые тирады, то частенько тушевался, к концу фразы забывая её начало.

– Я договорился об аренде склада неподалёку от порта, – с готовностью заговорил гость. – Это совсем недалеко от причала, к которому вы пришвартовались. Я распорядился, и сейчас груз уже снимают с корабля. Не волнуйтесь, всё будет в лучшем виде!

– Что он сказал? – переспросил Шервард, который в этом потоке слов сумел уловить одно-два знакомых, но смысл фразы остался ему неведом.

– Они уже разгружают груз, – перевёл Липпи, который и сам едва разобрал половину сказанного.

– Надо, чтобы он показал место, куда они его перенесут.

– Отведи нас туда, – уже на имперском проговорил Липпи. – Потом. Мы едим.

– С удовольствием, – закивал таверец, который получил щедрую плату за посредничество и надеялся, что сможет заработать ещё больше. – Я могу обождать вас внизу.

Липпи кивнул в ответ и, наконец, смог вернуться к еде, потому что во время разговора большинство его товарищей не переставало жевать, так что он опасался, как бы они не съели всё без него.

Лишь когда на всех блюдах и во всех кувшинах было пусто, островитяне поднялись из-за стола. Шервард чувствовал приятную тяжесть в животе – дома он обычно не ел так обильно. Теперь им нужно было отправиться в порт, чтобы узнать, где именно разместили груз, а это означало, что ему опять нужно примерять на себя личину богатого купца. Он планировал попробовать самому пообщаться с местными, хотя понимал, что его запаса слов катастрофически не хватает. Но начинать нужно сейчас – покуда Липпи ещё здесь и может подстраховать.

И вот они вновь вышли на улицы Тавера, направляясь вслед за всё тем же местным помощником в сторону порта. Шервард с удовлетворением отметил, что, выйдя, он сразу же сориентировался и, по большому счёту, мог бы обойтись без провожатого. Навыки охотника и следопыта пригодились ему и здесь.

Был уже разгар дня, и на улицах было полно народу – слишком много, по мнению непривычных келлийцев. Все они напустили на себя важный и даже спесивый вид, но всё же каждый сейчас ощущал дискомфорт. Впрочем, выражения лиц прохожих были скорее доброжелательно-любопытными. На островитян глядели как на диковины. Это было неприятно, хотя Шервард не мог не признать, что у них на Баркхатти появление южан вызывало меньший ажиотаж лишь потому, что они были там куда более частыми гостями.

Когда они подошли к складу, стало ясно, что он действи-

тельно находится совсем недалеко от пришвартованного драккара – тот был хорошо виден отсюда. Несколько горожан крутились неподалёку от корабля, разглядывая его. Впрочем, Шерварда это не очень-то заботило – сейчас ему куда важнее было оглядеть груз.

Шервард не переставал удивляться тому, сколь серьёзно ярл Желтопуз (а скорее всё же ярл Враноок) подошли к делу. Они, должно быть, потратили немало средств, чтобы снарядить его в экспедицию, и особенно для того, чтобы он сошёл за богатого купца. Здесь было столько всего, что глаза разбегались. Тюки шкур и кож, бочки засоленной рыбы, украшения из солнечных слёз²⁰... Было несколько сундуков с товарами, награбленными во время походов, и даже некоторое количество оружия, впрочем, также имперского. В общем, по меркам Баркхатти обладатель всего этого действительно считался бы настоящим богачом. Не говоря уж о том, что Шерварду дали достаточное количество серебряных монет.

Неизвестно – так ли обстояли дела с другими разведчиками? Шервард ничего не знал о них – ни их количества, ни мест, куда они были отправлены. Очевидно, что не каждый из них попал в крупный торговый город (хотя бы потому, что других таких на имперском побережье Серого моря не было до самого Найра в Загорье), поэтому и изображать из себя богатых торговцев у них не было никакой нужды. Оставалось лишь надеяться, что он оправдает ожидания и не провалит

²⁰ Солнечные слёзы – так жители Паэтты именуют янтарь.

всё дело...

Шервард трезво оценивал свои возможности. Он без ложной скромности считал себя весьма обаятельным и видел, что легко сходится с людьми. По меркам Баркхатти он был вполне успешным человеком, в том числе и торговцем, но, разумеется, между сбытом нескольких мазанок и продажей всего этого добра была большая разница. Но юноша был умён, легко учился, а потому надеялся, что справится.

– Здесь всё? – словно в подтверждение этих мыслей, задал он вопрос на имперском.

Судя по всему, выговор у него был не из лучших, но, во всяком случае, их спутник-таверец без труда его понял.

– Всё до последнего ящика! – заверил он. – По описи, как полагается! Можете не беспокоиться!

Из всей тирады Шервард едва понял одно-два слова – для него чужая непривычная речь сливалась в одно длинное неразличимое месиво звуков. Однако же общий смысл был ясен, и потому он важно кивнул.

– Похоже, тут всё в порядке, – проговорил Индрен. – Пойдёмте, заберём остальных и вернёмся в гостиницу. Сегодня будем отдыхать.

План был хорош, так что никто не стал спорить. Когда они вышли из склада, таверец, заперев замок, отдал ключ Шерварду, через Липпи объяснив, что этот ключ – единственный, так что нужно быть осторожнее. Он ещё заверил, что все склады находятся под надёжной защитой городской стра-

жи, но тут спасовали даже языковые познания Липпи.

Подходя к драккару, островитяне с удивлением наблюдали странную картину – на палубе находились посторонние. Это было крайне необычно – на грузчиков они явно не походили, а одна из двух фигур была явно женская.

Шервард же вдруг смертельно побледнел так, словно увидел призрака. Женщина, стоящая на палубе, до того походила на Лойю, что на какое-то мгновение он полностью поверил в то, что это она. Более того, когда незнакомка повернулась, он увидел дитя на её руках.

Казалось, вся кровь разом прилила к его несчастному сердцу, и лишь Великая Мать ведаёт, как оно тут же не лопнуло. У Шерварда пошла кругом голова, так что он чудом не упал. Ощущение бешеной радости, вопреки здравому смыслу, захлестнуло его. Так значит Лойя жива!!! И она, и их малышка! Всё, что он помнит – всего лишь жуткий кошмар, ради забавы посланный ему Дураком.

В течение нескольких благословенных секунд он действительно верил в это. В голове бушевала буря, но ноги машинально несли его вслед за остальными к драккару. К Лойе и дочке.

Увы... Наваждение рассеялось. Это была не Лойя. Более того, сейчас становилось понятно, что она, в общем-то, особенно ничем и не походила на его жену – разве что худенькой, почти девичьей фигуркой. Даже цвет волос у неё был другой. А дитя было заметно старше, чем была бы сейчас его

дочурка.

И всё же Шервард продолжал пожирать глазами девушку. Они как раз добрались до трапа. Его спутники что-то шутили-во кричали своим товарищам, находящимся на палубе, а те отвечали в том же тоне, но юноша не слышал ни слова. Сейчас родная келлийская речь звучала для него столь же непонятно, как имперская, да и все звуки внезапно стали глухими, словно он слышал их со дна глубокой бочки.

Он глядел на спускающуюся по трапу девушку с ребёнком, и сердце его рвалось на части от разочарования и горя. Он словно ещё раз пережил свою потерю, с которой, кажется, начинал понемногу свыкаться в последнее время. Но эта девушка... Да, она совсем ничем не походила на Лойю, и всё же чем больше он глядел в её лицо, тем больше ему казалось, что в них есть какие-то общие черты. Конечно, это было не так, но он, похоже, очень хотел находить их, и потому находил.

Шервард очнулся лишь тогда, когда понял, что девушка замерла в полушаге от него. Он, стоя остолопом, загородил ей дорогу. Она глядела на него безо всякого смущения и страха, с совершенно детским любопытством и какой-то рассеянной улыбкой. И не говорила ни слова. А ребёнок на её руках (очевидно, что это была девочка) широко и открыто улыбался словно бы всему миру сразу, но Шерварду казалось, что эта улыбка предназначена лишь ему одному.

Подбежал парень, который был с ней на палубе. Судя по

всему, он был её братом – что-то общее было в их чертах лица. Он в очередной раз окрикнул девушку, и, подхватив под локоть, потащил в обход всё ещё неподвижно стоявшего Шерварда, но сделал это совершенно не грубо, почти нежно, так что оторопевший северянин не вскипел, хотя его сердце в очередной раз болезненно сжалось.

Что-то на имперском ответил Липпи – судя по всему, успокоил юношу, на котором лица не было от страха. Тот же, счастливый, что легко отделался, почти тянул таинственную незнакомку прочь с причала. Девушка шла, не оглядываясь, и со спины она снова казалась похожей на Лойю. Зато малышка на её руках всё так же широко улыбалась через материнское плечо, и Шервард готов был выть, глядя в эти огромные глаза.

Его товарищи смолчали, хотя, без сомнения, всё произошедшее не укрылось от их внимания. Все они знали о недавней потере Шерварда, и, разумеется, с пониманием отнеслись к его странному ступору. Эти люди хотя и старались казаться чёрствыми и даже грубыми, на самом деле понимали, когда нужно было проявить тактичность.

– Мы даже заметить не успели, как она уже на палубе, – меж тем, будто оправдываясь, говорил один из парочки, остававшейся на корабле.

Они спустились к остальным – на драккаре должны были остаться лишь шестеро гребцов, а вся остальная команда отправлялась в гостиницу.

– Какая-то странная она, – поддержал приятеля второй. – Будто ребёнок совсем. Может, безумная...

– Ладно, чего раскудахтались! – бросив быстрый взгляд на Шерварда, буркнул кормчий. – Девчонку испугались? Ну пришла и пришла – подумаешь! Пойдём обратно, приятель.

Последняя фраза относилась уже к Шерварду. Он постепенно брал себя в руки, хотя по-прежнему был очень бледен, а ноги предательски дрожали. Но он справился с собой достаточно, чтобы хотя бы изобразить спокойствие. Кивнув, он поплёлся за товарищами. Его взгляд невольно продолжал шарить по толпе, в надежде отыскать эту странную троицу, но те, к сожалению, исчезли.

– Давай-ка попросим побольше эля, старина, да немного развеемся, – уже в гостинице хлопнул Шерварда по спине кормчий. – Выпьём за удачу!

– Без меня, – помотал головой тот. – Я пойду к себе.

– Брось! – некстати встрял Липпи. – Пара кружек эля – и тебе полегчает!

– Не мели вздор! – неожиданно резко осёк его кормчий. – Эль – добрый приятель в добром настроении, а коль на душе паршиво... Поступай как знаешь, дружище. Если что – мы будем здесь.

Кивнув, Шервард быстро отправился в свою комнату, чтобы товарищи не успели увидеть набухающие под веками слёзы.

Глава 17. Знакомство

Прошло больше двух недель с того памятного дня, когда Брум натерпелся такого страха на драккаре келлийцев. Это событие так потрясло его, что весь дальнейший день пошёл прахом. Он и торговался с купцами без особого энтузиазма, так что скинул цены меньше обыкновенного, а уж переговоры с парой арендаторов о погашении их долга и вовсе не привели ни к каким результатам. Нервы парня были на пределе, и он не мог сосредоточиться. В конце концов, Брум, пребывая в довольно скверном расположении духа, отправился обратно в имение, но даже тогда он не выбрал сестру за её поведение.

Более того, когда он вновь собрался в город, то, не задумываясь, предложил Динди поехать с ним. Он слишком любил сестру, чтобы наказывать её за то, в чём она была не виновата. Несмотря на то, что Динди уже была взрослой женщиной, выносившей и родившей дитя, умом она оставалась сущим ребёнком, и у Брума не хватало духа пенять ей за это. Пройдёт несколько лет, и подросшая Риззель, похоже, сравняется в своих мыслительных способностях с матерью, а после и превзойдёт её... Но, несмотря на это, никого на этом свете юноша не любил так сильно, как свою недалёкую сестру. Ну, разве что племянницу.

Сама Динди, судя по всему, так и не осознала, причи-

ной какого переполоха она стала. Тогда, когда они покинули порт, девушка продолжала вести себя как ни в чём не бывало, но выражение её лица было особенным. Заметно было, что ей очень понравилось то, что случилось, как всякому ребёнку нравится, когда он попадает в новое и очень интересное место. Обычно Динди, когда она не возилась с дочерью или не наблюдала за прохожими, сидела с тупым безучастным выражением лица, уставившись в одну точку. В тот день этого не случилось – её лицо было живым.

Именно поэтому Брум не раздумывал – брать ли ему Динди с собой. Ну а та, разумеется, также, не раздумывая, согласилась. И всё же одну пометку на память юноша себе сделал – он больше не поведёт сестру в порт, во всяком случае, к келлийскому кораблю, если тот всё ещё находится в Тавере.

Был второй день осени, по крайней мере, наступил уже месяц жатвы. После тёплых деньков, которые радовали жителей Тавера в прошлый раз, вновь случилось ненастье. Сперва сильная двухдневная буря растрепала побережье, а затем, уходя, она принесла на хвосте затяжные дожди. Как только солнце скрывалось за тучами, становилось совсем по-осеннему холодно.

Брум выждал относительно погожий денёк – хмурый из-за туч, но без постоянно сеющего дождя. Было довольно прохладно, и потому Динди и Риззель оделись сегодня поплотнее, едва ли не по-зимнему, ведь им предстояло несколько часов провести на рыночной площади, куда он будет зани-

маться делами.

Сегодня рыночная площадь не была столь оживлённой, как в прошлый раз. Унылые торговцы прятались под шаткие навесы от морозящего дождя, ёжась и шмыгая текущими ногами. Первым делом Брум, как обычно, направился в излюбленную таверну, надеясь, что, быть может, позже дождь перестанет. Кроме того, им нужно было согреться с дороги, да и перекусить не мешало.

Брум заказал своё обычное блюдо – густую ячменную кашу с большим количеством жареных свиных шкварок и лука. Динди с удовольствием уплетала кашу на молоке с ягодами, а Риззель, у которой всё ещё резались зубки, мусолила сладкую морковку. Они любили эту таверну – здесь всегда былолюдно и вкусно, но при этом недорого. А ещё тут было тепло и уютно, особенно теперь, когда с неба сеял холодный дождик.

Покончив с едой, Брум с неохотой подумал, что ему всё равно придётся покинуть это благословенное место, ведь его ждали дела. Но вот Динди он решил уговорить остаться – здесь всегда хватало посетителей, так что скучно ей не будет, зато не придётся мёрзнуть на рыночной площади. Кроме того, скоро малютка Риззель начнёт клевать носом и заснёт, так пусть лучше поспит здесь, в сухости и тепле.

Как уже было сказано выше, в этот час в таверне было множество посетителей. Они сновали туда-сюда – кто-то входил, чтобы пропустить стаканчик для сугреву, кто-то от-

дышал в шумной компании, если не было никакой работы, ну а кто-то, давным-давно съев и выпив заказанное, просто сидел, не находя в себе мужества выбраться наружу.

В общем, народу было довольно много, так что Брум далеко не сразу заметил высокого посетителя, направляющегося к ним. Этот мужчина вошёл всего пару минут назад, и затем довольно долго стоял едва ли не в дверях, пожирая глазами его самого, а главное – его сестру. Он словно решался на что-то, но в конце концов всё же двинулся в их сторону.

Брум поднял на него глаза, лишь когда незнакомец подошёл к самому их столу и остановился. У юноши была неплохая память на лица, так что он почти сразу же вспомнил, где раньше видел этого человека. То был один из келлийцев, с которыми он столкнулся в порту в прошлый раз. Плохое предчувствие сжало внутренности Брума. Он почему-то решил, что у островитян что-то пропало на корабле, и они подозревают в этом именно их с Динди.

Сглотнув, Брум огляделся по сторонам. Увы, никого из знакомых тут не было – разве что хозяйин таверны да его дочка, что прислуживала за столами. Оставалось надеяться, что байки о том, как северяне впадают в буйство и убивают обидчиков даже по пустякам, являются сильно преувеличенными... По счастью, Динди сидела, прислонившись спиной к стенке, так что между ней и варваром был стол. Впрочем, к сожалению, он не казался надёжной защитой.

– Что вам угодно, сударь? – осипшим от страха голосом,

спросил юноша.

– Здравствуйте, – ужасно коверкая произношение, проговорил келлиец. – Я хочу знакомиться. Я – Шервард.

Главное, что сейчас удивляло Шерварда в шеварцах больше всего, так это их маниакальное желание дробить время. На островах всё было проще – было четыре времени года, были луны и были дни. Дни тоже делились на часы, но понятие это было весьма условным. Каждый понимал час так, как ему хотелось. Более того, продолжительность часа сильно зависела от продолжительности светового дня, а сам он означал лишь промежуток времени, но никак не веку.

То есть, келлийцы могли сказать «через столько-то часов», чтобы приблизительно дать понять, сколько времени потребуется на то или иное действие, но они никогда не говорили «столько-то часов дня». Шервард просто не видел в этом смысла.

Шеварцы же (а точнее – все имперцы) были помешаны на времени. Они делили его на части по каким-то одним им ведомым принципам. Для чего-то они поделили год на двенадцать месяцев, дав каждому из них собственное название. Притом – и именно этого Шервард никак не мог постичь – продолжительность их месяца не совпадала с продолжительностью луны, хотя название вроде бы намекало на это.

Они скрупулёзно отсчитывали не только месяцы, но и

дни, которые столь же тщательно делили на часы. У них были даже специальные устройства, по которым эти странные люди могли определить «который сейчас час». И у Шерварда никак не укладывалось в голове – *зачем?* Правда, сами эти устройства, называемые песочными часами, он находил замечательными. Никогда прежде он не мог с такой ясностью наблюдать, как убегает время.

Впрочем, прожив в Тавере около двух недель (ещё один способ резать время на совершенно непонятных основаниях), Шервард, кажется, начал понимать. Шеварцы (или палатийцы, как они называли себя сами) были, как они выражались, деловыми людьми. У них существовало огромное количество поговорок, касающихся подсчёта денег и подсчёта времени. Они видели во времени едва ли не товар – один из самых ценных, поскольку оно было невозполнимым и невозвратимым.

По поводу невозвратимости времени Шервард и сам кое-что знал. Да, он охотно отдал бы всё до последних портков, и сам навеки пошёл бы в услужение кому угодно за возможность вернуть те времена, когда Лойя ещё была жива. Вернуть это время, положить его в плотный кожаный мешочек, и завязать так крепко, чтобы оно никуда уже от него не делось...

Покуда Липпи не отправился вместе с остальными обратно на Баркхатти, Шервард всё свободное время посвящал изучению языка. Он был хорошим учеником, но всё же чу-

дес не бывает. На встречах он пытался говорить сам, но то и дело натыкался на преграды. Он отлично выучил фразу «Говорите медленнее», и произносил её постоянно. Имперский язык гораздо более певучий, не изобилующий таким количеством согласных, как язык островов, и потому лился легко и свободно, так что вычленивать из этого потока знакомые слова было весьма непросто.

И всё же Шервард не сдавался. Он понимал, что Липпи вот-вот уедет, и тогда он останется один в городе, в котором его смогут понять лишь считанные единицы, если он не освоит имперскую речь. В гостинице, в которой проживали келлийцы, жил купец, прибывший сюда откуда-то с юга. Шервард специально завёл с ним знакомство, чтобы практиковаться в беседах.

В общем, он понемногу привыкал к своей новой жизни. Наверное, ему не удалось произвести такой фурор, на который, возможно, рассчитывал Желтопуз – всё же Шервард слишком плохо владел языком, чтобы тут же сделаться заведомо высшим таверского общества. О богатом келлийце судачила каждая кумушка на городских улицах в первую неделю, о нём поговаривали и во вторую, но особенных поводов островитянин не давал, и постепенно город успокоился.

Но всё же Шервард не забывал о своей главной задаче. Как мог, он уже начал выяснять – кто из местных жителей обладает здесь наибольшим авторитетом, кто связан с Кидуей, а

кто, быть может, не питает особо нежных чувств к империи.

Впрочем, здесь, в Тавере, ожидать встретить нелояльных было, скорее всего, бессмысленно. Судя по тому, что Шервард узнал от Желтопуза, в Шеваре действительно существовали некоторые сепаратистские настроения, но они были сосредоточены восточнее – на плохо обустроенной и захолустной восточной части побережья Серого моря. Туда имперская цивилизация добралась куда меньше, и потому тамошние жители не всегда проникались излишней любовью к своей необъятной родине.

Действительно, среди части шеварцев всё ещё хранились воспоминания о том, что когда-то они были вольным и гордым народом, доставившим империи немало проблем. С тех пор минули многие столетия, но это не охладило, а скорее наоборот – распалило воинственный пыл, потому что многие небылицы за это время сделались былью, обросли легендами и героями.

Когда-то Палатий, который келлийцы называли Шеваром, был страной, населённой многими племенами, зачастую воевавшими друг с другом. Впрочем, земля была большой, места хватало всем, и потому особенно серьёзных конфликтов между ними не возникало. А уж когда началась экспансия с юга, племена и вовсе стали объединяться, потому что в одиночку противостоять более развитым имперским легионам не было никакой возможности.

Палатийцы упорно и небезуспешно защищали свои зем-

ли от кидуанцев. В этом им помогала сама северная земля, негостеприимная и суровая, как и её жители. Долго и тяжело шло покорение. В конце концов, уже доведя свои легионы до самого Серого моря, империя ещё долгое время не могла спать спокойно, потому что в лесах Палатия хватало тех, кто никак не мог смириться с поражением.

Впрочем, шли годы, и постепенно палатийцы привыкали к своему новому статусу имперских подданных. Вместе с Белым Дубом²¹, принесённым на знамёнах легионов, в Палатий пришла цивилизация. В конце концов, многие сочли, что быть вечно атакуемыми свободными варварами не так комфортно. Кидуанцы принялись возводить города на покорённых территориях, быстро ставшие центрами ремёсел и торговли, и оказалось, что насаждаемые империей порядки не так уж и плохи.

В общем, теперь уж, спустя столько столетий, подавляющее большинство палатийцев абсолютно точно считали себя гражданами империи и даже не вспоминали о том, что когда-то всё было иначе. Однако же всегда есть смутьяны, которых не устраивает существующий порядок. Кто-то просто жаждет хаоса, находя в нём смысл существования. Кто-то,

²¹ Белый Дуб – Белый Дуб в окаймлении белых четырёхконечных звёзд на красном поле – герб Кидуанской империи. Звёзды означают количество провинций империи. На момент, описанный в книге, количество звёзд составляло семь (Кидуа, Лиррия, Ревия, Сеазия, Пелания, Загорье (Пунт), Палатий). Провинция Бехтия, существовавшая во времена принца Драонна, к этому времени исчезла, разделённая между Кидуей и Лиррией.

наслушавшись «древних преданий» о вольном Севере, никак не мог смириться с тем, что некогда гордый Палатий стал теперь лишь провинцией Кидуи. Были и честолюбцы, мечтавшие о власти большей, чем та, что могла дать жёсткая политическая система империи. Эти мечтали вновь примерить на своё чело венцы древних вождей.

Именно таких людей и предстояло отыскать Шерварду, а заодно и разведать всё возможное о имперском легионе, который квартировал всего в паре миль от города. Пока он несколько не продвинулся в этом, да и, признаться, особенно не старался. Ему никогда прежде не доводилось быть шпионом, но интуитивно он понимал, что в этом деле не следует брать с места в карьер. Тем более для человека, толком не знающего даже местного языка.

Сейчас Шервард старался просто вжиться в роль купца. Он мысленно разбил свою задачу на несколько этапов, и первым из них было перевоплощение в того человека, которым он должен был стать. Он пытался думать так, как, по его мнению, думал бы его персонаж, и так же действовать. А следовательно – сейчас нужно было заботиться не о шпионаже, а о прибыли, ведь именно это важно для настоящего торговца.

И потому, немного освоившись, Шервард стал пытаться для начала распродать уже завезённый товар. Он уже успел встретиться с одним довольно крупным торговцем, но достаточно быстро стало понятно, что плохое знание языка не позволит вести полноценные переговоры. В Тавере было слиш-

ком мало людей, знавших келлийское наречие, чтобы он мог быстро найти замену тому же Липпи. Оставалось лишь больше общаться с людьми, благо у Шерварда была явная способность к языкам.

Поэтому он всё больше теперь ошивался в общей зале своей гостиницы, пытаясь обзавестись знакомствами и связями, а заодно и поднатореть в знании имперского. Но куда лучшим местом была рыночная площадь недалеко от гостиницы – там всегда было полно скупающих торговцев, готовых вести беседы сколь угодно долго, и весьма доброжелательно относившихся к северянину, пытающемуся выучить их язык.

Говоря откровенно, была и другая причина, почему Шервард сделался завсегдатаем этой площади. Он всё никак не мог выбросить из головы ту загадочную девушку с ребёнком, которую встретил в первый день. Случилась вполне предсказуемая вещь – незнакомка всё же слилась в его сознании с образом Лойи, несмотря на всю их непохожесть, и сейчас он жаждал увидеть её, в глубине души мечтая встретиться с умершей женой.

Увы, но с тех пор, как девушка с ребёнком ушла с пристани, он больше не видел её. Конечно, Тавер был большим городом, куда больше Реввиала, но всё же не настолько, чтобы навсегда потерять в нём человека. Шервард уже знал, что площадь неподалёку от порта была местом самого крупного рынка в городе, а это значило, что вероятность встретить там любого горожанина выше, чем где бы то ни было ещё. Кроме

того, раз в прошлый раз незнакомка была в порту, значит, наверное, жила где-то неподалёку.

Впрочем, могло быть и так, что она не из Тавера, и приезжает туда время от времени так же, как сам Шервард навещался в Реввиал. Но и тогда рыночная площадь виделась самым очевидным местом для поисков. И потому северянин каждый день приходил туда, проводя по несколько часов среди местных завсегдатаев, и понемногу пополняя словарный запас.

Он нравился людям. Торговцы (а особенно торговки) расплывались в улыбках, едва заметив высокого, статного и весьма недурного собой парня. Они прыскали со смеху, когда Шервард коверкал слова или неверно строил предложения, но смех этот был вполне дружеским. Более того, некоторые местные барышни откровенно строили ему глазки, полагая, что коль уж он прибыл сюда один и надолго, хорошая компания ему совсем не помешает.

Но молодой человек не особенно обращал внимание на эти явные знаки расположения со стороны обитательниц рынка, хотя среди них вполне можно было сыскать достаточно привлекательных женщин. Естественно, он не спешил делиться ни с кем своей личной трагедией, так что его новым знакомым оставалось лишь гадать – есть ли у северянина жена или невеста на островах. Сам же Шервард был сейчас поглощён поисками той самой девушки с ребёнком, так что не переходил известных границ, как бы некоторым этого не хо-

телось.

В последние дни погода была неважной, по крайней мере, по меркам шеварцев. Вообще, несмотря на то что материк и Баркхатти находились не так уж и далеко друг от друга, климат здесь был куда приветливее, как будто Серое море своим дыханием успевало согреть холодные ветры, дувшие со стороны Земли ледяных гор²². Поэтому местные жители были настоящими неженками в сравнении с земляками Шерварда.

Он ещё мог понять, когда весь город попрятался по домам от опрокинувшейся на побережье бури. Она действительно была сильной, но тот же Тробб, бывало, хаживал в море в штормы, которые не были намного слабее. Однако та погода, что установилась после, вряд ли могла бы смутить островитян. Здешние же жители, похоже, считали это настоящим ненастьем, поэтому рыночная площадь заметно опустела. А уж пара купцов из верховий Труона, что жили в той же гостинице, что и Шервард, и вовсе не казали носа на улицу, ворча, что погода ни к чёрту, и пора возвращаться обратно.

Наконец непогода понемногу растеряла свои силы, и дождь уже не хлестал серый пустынный город, а лишь кропил его. Стало чуть теплее, так что обитатели Тавера потянулись на улицы. Шервард, разумеется, тоже не видел больше причин торчать в четырёх стенах – для него такая погода не казалась ужасной, и ему хотелось вновь вернуться к весёлым разговорам на площади. Кроме того, он не терял на-

²² Земля ледяных гор – так келлийцы именуют Тайтан.

дежды отыскать незнакомку – ему казалось, что его шансы растут с каждым днём.

Увы, в тот день он её так и не встретил. Пришёл он и на следующий день, привычно прогулявшись по рынку и поболтав с торговками рыбой (если можно назвать «болтовнёй» его судорожные попытки расслышать отдельные слова в чьей-то реплике и столь же судорожно постараться составить нечто похожее на предложение из известных, но плохопроизносимых слов). А затем он решил зайти в местную таверну, которую облюбовали обитатели площади.

Не иначе как сам Отец направил его стопы в это заведение! Как всякий новичок, войдя внутрь, Шервард первым делом огляделся в надежде увидеть кого-то из знакомых, к кому можно было бы примкнуть. И почти сразу же в полумраке залы он увидел того самого парня, что был в тот день на драккаре вместе с загадочной незнакомкой! Он сидел за столом, а рядом...

Рядом была она! Девушка была одета в тёплую одежду, так что, будь она здесь одна, Шервард вполне мог и не заметить её. Хвала Отцу, с ней был тот парень, и он, похоже, был не из мерзляков. Но это точно она – теперь келлиец разглядел и малышку в её руках.

И вновь словно какое-то наваждение окутало его – на мгновение он вновь увидел Лойю. У неё тоже была подобная одежда – наверное, она была у каждой девушки в этих краях. В такой же подбитой мехом куртке она, бывало, ходила

к ключу за водой или отгребала снег от крыльца... Но нет... Всё же это была не Лойя, и даже дымный полумрак таверны не мог обмануть его...

Теперь, найдя наконец эту таинственную девушку, Шервард растерялся. Что делать дальше? Подойти или нет? У неё есть ребёнок, следовательно – есть муж. Это явно не тот парень, но что с того? Если таверские мужики похожи на келлийских – муж незнакомки явно не обрадуется тому, что вокруг неё ошивается какой-то приезжий, и не спустит это дело просто так. Нужны ли ему проблемы, особенно сейчас, когда он ещё толком не встал на ноги?

Но потерять её ещё раз... Кажется, это было невозможно. Да, Шервард наверняка знал, что эта девушка – не Лойя, но потерять её ещё раз он не мог...

Юноша выдохнул, несколько раз повторил про себя простую фразу – одну из первых, разученных им, а затем направился к столу. Парень, сидевший там, поднял глаза и, похоже, узнал его. Он, вроде бы, даже испугался – должно быть, решил, что злобный варвар-келлиец сейчас нападёт из-за той выходки с драккаром. Пролепетал что-то – в шуме таверны Шервард не сумел точно услышать слова.

– Здравствуйте, – старательно выговорил северянин, пытаясь, чтобы голос звучал максимально дружелюбно. – Я хочу знакомиться. Я – Шервард.

Глава 18. Снова Линд

Пришла пора признать, что Кидуа не нравилась Линду. Конечно, поначалу этот город, величайший во всём мире, не мог не очаровать провинциального юношу и не вскружить ему голову. Какое-то время он пребывал в постоянной эйфории. Казалось невозможным поверить, что теперь, стоит ему ступить за порог – и он попадёт в огромный шумный мир, в котором есть всё прямо здесь и сейчас.

Это было почти всемогущество – у его ног были лучшие таверны, лавки, улицы и площади. Он мог идти куда вздумается в любое время дня и ночи. Любое желание, едва родившись в его голове, могло быть исполнено этим городом в одно мгновение.

Пожалуй, если бы он прибыл сюда жить разбитной жизнью молодого гуляки – они стали бы с Кидуей лучшими друзьями. Распутная, вечно хмельная столица великой империи любила таких яркой и фальшивой любовью куртизанки, она позволяла всё, на что хватало их развращённой фантазии. Но Линд Ворлад, как ни старался он напустить на себя невозмутимый вид прожжённого горожанина, глубоко в душе так и остался деревенским мальчишкой, дичившимся людей.

Кроме того, его новая служба не слишком-то располагала к привольной жизни. Линд подозревал, что его новые товарищи так до конца и не смирились с тем, с какой бесце-

ремонтностью он влез в их тесную компанию, мгновенно получив сержантские нашивки, ради которых парни попроще годами выполняли самую чёрную работу. Возможно, именно поэтому лейтенант Свард, нимало не стесняясь, заваливал его дежурствами, вахтами и прочими прелестями жизни городского стражника.

Они быстро стали друзьями – по крайней мере, так определял для себя эти отношения сам Линд. Логанд же балансировал на самой границе – едва лишь ему начинало казаться, что они сближаются, он тут же удваивал порцию саркастических насмешек. Складывалось ощущение, что у лейтенанта есть некая незримая граница, перешагнуть которую не дозволено никому.

И всё же вне служебных отношений они приятельствовались, проводя вместе довольно много времени. У Линда в Кидуе не было друзей, и потому он тянулся к более старшему и опытному товарищу, к тому же, пользующемуся большим авторитетом. Когда оба они были свободны от смен, то обычно проводили время в «Свиных ушах» – любимом трактирчике Логанда.

Линд даже квартиру снял неподалёку от жилища приятеля – три минуты быстрым шагом, и он уже был в холостяцкой берлоге своего лейтенанта. Впрочем, тот неохотно впускал к себе гостей, да и сам не злоупотреблял гостеприимством товарищей. Удивительно – Логанд был весёлым балагуром, душой компании и всеобщим любимцем, однако у Линда всё

чаще складывалось впечатление, что на самом деле он тяготеет к людям. Иногда Логанд, словно рак, на день, а то и два забивался в своё жилище, строго запрещая хозяйке, у которой снимал квартиру, впускать кого бы то ни было. Ну а когда он всё же оказывался в компании, то предпочитал делать это на нейтральной территории вроде «Свиных ушей».

И всё же, несмотря на подобные странности, Линду очень нравилась компания Логанда. А может даже наоборот – странности эти лишь добавляли интереса к этому необыкновенному человеку. Казалось, он – весь целиком на поверхности, словно неглубокий деревенский пруд. Но не стоило обманываться этой простотой – похоже, что в этом пруду были такие лагуны и заводи, достать до дна в которых не смог бы и опытный ныряльщик.

Главное, что Логанд не выставлял свою странность напоказ, не бравировал ею и не пытался выглядеть в глазах окружающих более интересным. Наоборот – он всячески скрывал это, стараясь не выходить из образа рубахи-парня. Было очевидно, что в его жизни произошло что-то, надломившее его душу, и Линд отдал бы руку за возможность узнать – что именно. Но лейтенант оберегал своё прошлое ещё тщательнее, чем собственное жилище.

Что же касается самого Линда и его службы в городской страже, то у него на сей счёт были довольно смешанные чувства. С одной стороны, было что-то романтическое в том, чтобы быть стражником. Это, несомненно, была мужская

профессия, что немаловажно, когда тебе едва исполнилось восемнадцать. Кроме того, очевидна была польза подобной службы для общества в сравнении с военной. Кидуа в определённом смысле оказалась довольно грязным городом, и Линду нравилось думать, что он делает его чуть чище.

Но, с другой стороны, эта служба заставляла его по-иному взглянуть на город, в который он стремился всю жизнь. Она обнажала ту изнанку, что обычно скрывалась за ухоженными фасадами главных улиц. Подобно тому, как лекарь, врачующий гноящихся от сифилиса шлюх, перестаёт видеть их прелести и видит лишь мерзость, с которой работает, так и Линд, даже проходя по дневным и таким благополучным на вид улицам Кидуи, всё равно видел мысленным взором то, во что они превращались в ночи.

Извращённость была главной чертой этого великого города. Извращённость, порождённая праздностью. Иногда юноше казалось, что Кидуа нарочно притягивает к себе все подонки империи. Похоже, что здешние обитатели давным-давно позабыли о том, что такое честный труд. Они перебивались подачками императора, которых хватало, чтобы сводить концы с концами, и, похоже, большего горожанам и не требовалось.

Нет, разумеется, в Кидуе хватало честных торговцев, ремесленников, прочих работных людей, ведь кто-то же должен был одевать, кормить и убирать этот город! Быть может, их было даже много, вот только по роду службы Линду эта

категория людей попадалась куда реже, чем разношёрстная шваль, наводнившая тёмные переулки.

Обычным делом для городской стражи было разнимать драки, предотвращать грабежи и кражи, следить за порядком в низкопошибных кабаках. Обычными клиентами их были мелкие воришки, грабители да подвыпившие дебоширы, то есть весьма малоприятные люди. Собачий квартал, к которому был теперь приписан Линд, изобиловал именно городской сволочью, после общения с которыми напрочь терялась всякая вера в людей.

Но ещё больше своего молодого хозяина, к сожалению, мучился Дырочка. Пожилой лакей, проведший большую часть своей жизни в тихой деревенской усадьбе, очень страдал от городской суеты и шума. Окна в квартире, что снял Линд, выходили на улицу, и для самого юноши это было скорее преимуществом – он любил разглядывать в окно прохожих, когда бывало скучно. Но вот для Дырочки это обернулось сущим кошмаром.

Кидуанская жара сводила старика с ума, и особенно по ночам, когда несчастный Дырочка мучался бессонницей. Увы, но даже ночью он не открывал окна в своей комнатушке, чтобы впустить хоть немного прохлады, потому что снаружи был постоянный шум. Улица была довольно оживлённой, так что даже глубокой ночью здесь то и дело проходили весёлые компании припозднившихся гуляк, проезжали кареты и всадники, так что едва задремавший слуга вновь вскиды-

вался от этого шума даже при закрытом окне.

А ещё он очень боялся, что кто-то влезет к ним в квартиру (она располагалась на втором этаже). Дырочка, похоже, считал всё население Кидуи грабителями и негодяями, так что ждал неминуемого нападения каждую ночь. Особенно он переживал, когда оставался один во время ночных дежурств Линда. Бедолага вбил себе в голову, что отныне все городские подонки желают поквитаться с его хозяином за его службу, и что они обязательно исполнят задуманное. В такие ночи он, похоже, совсем не смыкал глаз.

Линд поначалу посмеивался над слугой, но вскоре ему стало не до смеха. Обычно такой пухлый, румяный, мягкий Дырочка превратился в бледную тень самого себя. Под глазами залегли глубокие тени, щёки опали, уголки губ опустились... Бедняга постарел за месяц больше, чем за предыдущие пять лет.

Не на шутку встревоженный, Линд решил отправить Дырочку обратно в имение, а себе нанять другого лакея. Конечно, это было нелегко – он с раннего детства привык к этому курчавому добряку и, можно сказать, даже полюбил его, ведь Дырочка всегда был неподалёку, в отличие от отца. Но именно эта любовь и заставила юношу завести разговор об отъезде.

Надо было видеть старого слугу в этот момент! На его осунувшемся лице выразилось такое отчаяние, что Линду стало стыдно. Особенно после того, как Дырочка, не сдержавшись,

заплакал. Стало понятно, что старик скорее умрёт, чем согласится покинуть молодого барина, которого он также любил беззаветной любовью человека, никогда не имевшего собственной семьи. Он совершенно искренне готов был страдать от бессонницы до конца своих дней, лишь бы оставаться рядом с Линдом.

Юноша был невероятно тронут такой преданностью, но, увы, даже не подумал как-то облегчить участь своего лакея – например, переехать в более спокойный район. Отсюда было рукой подать как до кордегардии, так и до «Свиных ушей» и квартиры Логанда, и Линд не видел причин менять жилище. Кроме того, Дырочка, скорее всего, всё равно не нашёл бы покоя нигде в городе, который не приглянулся ему даже больше, чем молодому хозяину.

Что же касается родных, то Линд, признаться, по ним не слишком-то скучал. Разве что по матушке, да и то мимоходом – прежняя жизнь довольно быстро стала казаться чем-то далёким, тем более что в возрасте Линда промежуток в два-три месяца казался целой вечностью, так что у него было ощущение, будто он уехал из дома давным-давно.

По отцу же он не скучал вовсе – они нечасто виделись и в прежние времена. Куда больше Линд переживал из-за того, как отреагирует барон на его службу, ведь он видел сына исключительно военным. С другой стороны, а что он мог сделать? Ведь ясно же, что он не примчится сюда из Палатия только для того, чтобы отодрать сына за уши! Лишит денег?

У Линда всё ещё сохранялась достаточно приличная сумма, а кроме того – он теперь получал сержантское жалование, на которое вполне можно было прожить. Так что юноша без особого труда сумел убедить себя в том, что со стороны отца ему ничто не угрожает.

Надо сказать, что Линд, несмотря на его обещания регулярно писать родителям, до сих пор отослал им ровно одно письмо, в котором он сообщал свой адрес, а также ставил отца в известность о службе в городской страже. Линд попытался составить письмо так, чтобы оно не выглядело попыткой оправдаться. Он выдержал текст в максимально сухом деловом тоне, подобающем взрослому мужчине, живущему своей собственной жизнью. Пожалуй, такой тон мог задеть нежные материнские чувства, но ничего не поделаешь! Нужно было сразу дать понять, что отныне родители не станут манипулировать им и указывать, что ему делать.

Ответа до сих пор не было, что было неудивительно, поскольку путь был неблизкий, а Линд не мог позволить себе отправить письмо с курьером, чтобы как-то ускорить его доставку. Пришлось полагаться на имперскую почту, которая никогда не славилась излишней расторопностью. Впрочем, он довольно быстро позабыл и думать об отправленном письме, вовлечённый в водоворот своей новой жизни.

Откровенно говоря, нечасто он вспоминал и своих бывших друзей – Брума и Динди. После того памятного разговора они с Брумом ни разу не общались, и горечь сказанных при-

ятелем слов существенно омрачила воспоминания. Вспоминая своего товарища, Линд чувствовал скорее досаду, чем ностальгию, скорее неприязнь, нежели грусть. Своими угрозами Брум нанёс оскорбление самолюбию Линда, который хоть и был младше, но привык считать себя птицей более высокого полёта в сравнении с парочкой Хэддасов. И это сильно уязвило его в своё время, так что и сейчас он вспоминал об этом с неприятным чувством.

По большому счёту, Брум и Линд были друзьями поневоле. Они сошлись не потому, что между ними было много общего, или они очень уж симпатизировали друг другу. Просто поблизости больше не было никого, с кем можно было бы играть и общаться. Будь они городскими мальчишками – Линд готов был биться об заклад, что они никогда не стали бы друзьями.

Поэтому он нисколько не сожалел о своей потере. Теперь у него был Логанд – человек, к которому он испытывал действительно дружеские чувства. Да, в этой паре он был уже скорее Брумом, но на данный момент его устраивало и это. Так что неуклюжего толстяка с северного побережья он позабыл без зазрения совести.

Немного иначе дело обстояло с его полоумной сестрой. Разумеется, Динди осталась для Линда более приятным воспоминанием. Он, естественно, был далёк от того, чтобы испытывать даже некое подобие влюблённости, но всё же иной раз он позволял себе предаться воспоминаниям о моменте

их близости. Странное дело – чем больше времени проходило, тем более яркими становились эти воспоминания. Тогда, поначалу, всё было для него как в тумане, теперь же этот туман словно понемногу рассеивался.

Да, Динди была для него весьма приятным воспоминанием, хотя вспоминал он из всей их совместной жизни лишь один недолгий момент. И именно по этому моменту он, пожалуй, скучал, но никак не по самой девушке. Более того, он понимал, что вскоре это воспоминание потускнеет, вытесненное новыми весёлыми приключениями юности – в Кидуе, как и говорил отец, было полным-полно смазливых и абсолютно доступных девиц.

Совсем изредка Линд задумывался о том, не забеременела ли Динди. Точнее не так – он изо всех сил гнал от себя эти мысли, но они всё же посещали его иногда. Он отмахивался от них, говоря себе, что всё равно уже ничего не может изменить, и что, в сущности, нет никакой разницы – понесла ли Динди, если он здесь, а она – там. И всё же хотелось надеяться, что всё обошлось.

Наверное, отец сообщит ему об этом в письме. Сам он, отправляя послание родителям, ни полусловом не упомянул о произошедшем, и даже не поинтересовался о своих прежних друзьях. Он просто перечеркнул всё, что было прежде. Впереди его ждала новая жизнь – куда более интересная и полная. А прошлое пусть навсегда останется в прошлом!

Глава 19. Призраки

Кидуанцы называли пришедшую зиму холодной и снежной, несмотря на то что сугробы едва покрывали лодыжки, а похолодания то и дело сменялись слякотью. Линд, привыкший совсем к иным зимам, с лёгким недоумением глядел на кутающихся в меха горожан, тогда как сам он продолжал ходить в обычной гвардейской утеплённой форме.

Впрочем, зима действительно прибавила хлопот городу. Дороги взбугрились колдобинами застывшего льда, а в моменты оттепелей покрывались ещё и множествами мелких лужиц и ручейков, так что ночные дозоры превращались в настоящее испытание – сам Линд уже несколько раз падал, правда, вполне удачно в сравнении с одним из его сослуживцев, сломавшим при падении руку.

Участились случаи наездов на горожан – те не успевали отскочить в сторону, а кроме того, обочины улиц кое-где были покрыты слежавшимися кучами снега, который раскидывали с проезжей части после сильных снегопадов. А ещё патрули теперь едва ли не каждый раз находили окоченевшие трупы на улицах – бродяги замерзали в своих берложках, после чего их товарищи просто выбрасывали бедолаг, чтобы стражники унесли тело.

Линд никогда не бывал в Тавере, но почему-то ему казалось, что северный город переживает зиму (куда как более

суровую, нежели здешняя) заметно лучше. Надо думать, если бы там после наступления холодов воцарялся такой хаос, отец упомянул бы об этом. В очередной раз он с брезгливостью подумал о Кидуе – она оказалась не только развращённой, но ещё и инфантильно-изнеженной.

Но ещё большее отвращение у него вызвали столичные жители. Уже вскоре после первых холодов на улицах появились ропщущие люди, утверждавшие, что выдаваемого государством хлеба им больше не хватает, поскольку из-за морозов они вынуждены больше есть.

Это обескураживало Линда. Он никак не мог постичь – как эти люди, и так будучи нахлебниками на шее государства, смеют выражать своё недовольство? По его мнению, все эти люди были бездельниками, не заслуживающими никакой снисходительности. Большая часть их были людьми вполне трудоспособного возраста, довольно крепкие и здоровые на вид. Они могли бы добывать пропитание честным трудом – да хоть очищать улицы от намёрзшего льда!

Линд никогда прежде не задумывался о политике – это была не его забота, да и возраст не позволял судить о таких вещах со знанием дела. Но сейчас он решительно не понимал императора. Для чего он устроил эти idiotские Дни изобилия? Для чего превращает собственный народ в дармоедов? По мнению юноши, прекрати государь раздавать хлеб задарма – и половину городской стражи можно было бы смело распустить, потому что количество преступлений сократилось

бы вдвое, а то и втрое!

Когда начались первые волнения (их нельзя было назвать беспорядками или, упаси боги, бунтами, но стража всё же являлась, чтобы рассеять толпу), Линд с брезгливостью глядел на этих людей. Они готовы были драть горло час или два на холоде вместо того, чтобы пойти и отыскать хотя бы подённую работу. Он без жалости разгонял эти кучки недовольных, скапливающиеся рядом с хлебными складами.

Он презирал и ненавидел этих людей, и неизменно вспоминал родные места. Ему казалось даже, что лица кидуанской бедноты были уродливее лиц прислуги в поместье Хэддасов. Они словно вырождались, словно превращались в каких-то полуживотных. Тупое и одновременно вызывающее выражение этих рож, считающих, что все вокруг им должны, вызывало почти физическое отвращение, граничащее с тошнотой.

Впрочем, ожидать серьёзных беспорядков не приходилось – это стадо, кажется, неспособно было ни к каким организованным действиям. Здесь каждый был за себя, и Линд готов был биться об заклад, что брось он любому из них несколько оэров – и тот набросится на остальных со свирепостью кабана. Кроме того, погалдев, они обычно разбрелись сами через пару часов, порядком продрогнув. Возможно, эти сборища можно было бы и не разгонять, но власти города предпочитали перестраховаться. Не говоря уж о том, что тому же Линду это доставляло удовольствие – пихая нерасто-

ропных горлопанов тупым концом своей пики, он словно дал тычка этому отвратительному городу.

Однако же через некоторое время с неприятным удивлением юноша узнал о том, что норма выдачи зерна в Дни изобилия поднимается с четверти до трети бушеля. Подобное потакание тунеядству вызывало, мягко говоря, глубокое изумление. В представлении Линда императору следовало бы действовать куда решительнее и жёстче. А так ведь вскоре эти дармоеды вновь выйдут на улицы с новыми, ещё более абсурдными требованиями.

– Не бери в голову, сержант! – отмахнулся от его вопросов Логанд, который взял за привычку называть Линда сержантом даже во внеслужебное время. – Хлеба в империи на всех хватит! Загорцы, говорят, каждое лето вываливают в канавы остатки зерна, чтобы освободить закрома под новый урожай. Так что этого-то добра у нас хватает!

– Да ведь не в том дело! – горячился Линд, считая, что лишь одному ему открылась истина. – Мне не хлеба жаль, а того, что эти люди просто взобрались на загривок государства, и не желают оттуда слезать! У них слишком много свободного времени, отсюда и у нас полно работы.

– А ты что же – желаешь остаться без работы? – усмехнулся Логанд.

– Конечно нет! Да и работы-то нам всегда хватит. Но ведь этот город... он просто гниёт, лейтенант!

– Что ж, а может оно и к лучшему? Сгниёт вся гниль, по-

отвалится, а здоровая плоть останется?

– Она отравит гнилью всё! Если так пойдёт дальше – Ки-дуа превратится в руины!

– Этот город стоит уж тысячи лет, – как-то почти презрительно поморщился Логанд. – Простоит и ещё столько же! Думаешь, раньше было лучше?

Было видно, что лейтенант защищает город не потому, что является таким уж человеколюбом. Нет, его мизантропия была куда глубже и основательнее, чем у возмущающегося Линда. Как будто ему было абсолютно наплевать на то, что станет с империей, её жителями, да и с ним самим.

Молодой стражник прекрасно знал, что в такие минуты говорить о чём-либо с Логандом попросту невозможно. По какой-то причине время от времени он, словно ледяной коркой, покрывался непробиваемым цинизмом и буквально источал яд. В такие моменты он одинаково мог глумиться и над империей, и над друзьями, и даже над самими богами. Он превращался в жёлчного спорщика, с какой-то необъяснимой яростью набрасываясь на самые прописные истины. Так что, дабы поберечь нервы, Линд просто отстал от приятеля со своими тревогами, не желая лишний раз быть высмеянным.

Кроме того, Логанд в чём-то был прав. Можно было сколько угодно возмущаться недалёковидностью императора, да вот только это ничего не меняло, ведь пока что сам он восседал отнюдь не на троне, а на замызганной лавке в

«Свиных ушах». Вероятно, нечто подобное пришло на ум и Логанду, потому что он, отхлебнув лёгкого вина, с кривой усмешкой добавил:

– От чего уж точно не будет порядка, так это если каждый сержант городской стражи начнёт мнить себя политиком. Пусть каждый занимается своим делом, Линд Ворлад. Оставь политикам право совершать ошибки, потому что твоя работа как раз и заключается в том, чтобы их исправлять. Покуда нами правят идиоты, у городской стражи всегда найдётся работёнка. Давай выпьем за это!

Понимая, что спорить бессмысленно, Линд молча поднял свою кружку и сделал пару глотков.

– Не было печали – на задницу упали... – входя с мороза в натопленную кордегардию, объявил Логанд.

Вообще-то он сказал нечто совсем иное, но привести его реплику на этих страницах не представляется возможным. Впрочем, и озабоченный вид лейтенанта давал понять, что случилось нечто неприятное.

– В чём дело? – от имени всех присутствующих поинтересовался Линд. Хотя он и был, пожалуй, самым младшим среди стражников Собачьего квартала, но сейчас уже вполне освоился в этой компании, чему немало способствовала дружба с Логандом.

– Старый Бобо окочурился пару дней назад, – хмуро по-

яснил лейтенант, подсаживаясь к жаровне. – А сегодня Призраки выбрали нового короля. Челдона...

О Челдоне были наслышаны даже здесь, несмотря на то что городское кладбище располагалось в противоположной части города. И все знали об этом ублюдке только самое худшее. Если бы кто-то попросил Линда набросать воображаемый портрет самого отбитого негодяя Кидуи, тот, чтобы не утруждаться, наверняка описал бы именно Челдона.

В Кидуе было несколько городских банд. В городе, в котором в избытке хватало самой разнообразной швали, их просто не могло не быть. Эти банды контролировали отдельные районы города, представляя определённую альтернативу легальной власти. Бороться с ними было бессмысленно, и потому неизбежными и необходимыми становились компромиссы. И для этого как нельзя более кстати подходили так называемые короли – главари этих банд.

Наверное, самой влиятельной и крупной бандой были Кладбищенские Призраки. Они облюбовали городское арионнитское кладбище – огромный некрополь, своими размерами сопоставимый со многими провинциальными городками империи. Когда-то это была окраина Кидуи, но за столетия столица разрослась, и также разрослось само кладбище. Теперь оно обросло кварталами, оказавшись полностью поглощённым городом.

Кладбище было громадно, и само оно, подобно городу, имело свои районы и кварталы. Особо выделялось то ме-

сто, где находились древние гробницы и мавзолеи знати. Там находились фамильные склепы лучших аристократических фамилий Кидуи, и некоторые из них могли бы посрамить не самые плохие дома живых.

А потому не было ничего удивительного, что эти каменные строения облюбовали нищие и бездомные, немало не гнушавшиеся подобным соседством, тем более что в большинстве склепов теперь уж находился лишь давно истлевший прах. Никто уж и не помнил теперь – как давно тут возникла эта маленькая вольная республика, живущая по своим собственным законам. Но примерно в то же время, конечно же, верховодить здесь стали криминальные элементы. Так и появилась одна из самых давних городских банд, членов которой сперва называли просто кладбищенскими, а затем стали величать Призраками, ну или Кладбищенскими Призраками.

Кладбищенские всегда отличались от прочих особой наглостью. По некоторым сведениям, в банду могло входить до тысячи человек, большая часть из которых, разумеется, были не более чем мелкими сошками, добывающими средства в общий котёл путём попрошайничества или мелкого воровства. Но всё же это была грозная сила, которая, в случае чего, вполне могла бы соперничать даже с городскими властями, не говоря уж о прочих группировках.

Призраки держали не только район кладбища, но и несколько довольно крупных кварталов города, в которых

располагалось большое количество мелких лавочек, мастерских, харчевен. Это давало стабильный доход в общак, что также способствовало усилению банды.

За долгую и сложную историю своего существования Кладбищенские Призраки не раз и не два доставляли проблем славному городу. Старожилы до сих пор вспоминали знаменитый Багряный погром, случившийся зимой 1924 года, то есть около сорока лет тому назад. Тогда голод и эпидемия синивицы привели к мощному кризису, который быстро вылился в бунт. Зачинателями этого бунта стали именно Призраки.

Хвала богам, последние лет десять-пятнадцать бандой управлял бывший каторжный по прозвищу Бобо. Его крутой нрав удивительным образом сочетался с некими понятиями о чести и даже своеобразным патриотизмом, так что он, правя грозной железной рукой, держал свою свору в узде. Конечно, всякого хватало и при Бобо – случались крупные и мелкие стычки с другими бандами, но императорскую власть старый каторжник по каким-то причинам уважал, так что властям Призраки особенных проблем не доставляли.

Бобо был из тех преступников, которые своими мыслями и действиями способны внушать уважение даже врагам. В последние годы он и вовсе превратился едва ли не в законопослушного гражданина города. Он щедро жертвовал деньги на благоустройство городского кладбища и окрестных кварталов, и даже местные чиновники из магистрата не гнуша-

лись пожимать ему руку, при том, что каждый точно знал, что перед ними – главарь одной из самых опасных банд города.

Бобо, родившийся в трущобных кварталах Кидуи и половину жизни проведший на северных рудниках, очень хотел хотя бы на излёте жизни превратиться в уважаемого буржуа. Он даже открыл таверну, в которой самолично стоял за стойкой, обслуживая любого, кто заходил. Бобо видел в этом большой смысл, и никогда он не бывал так умиротворён, как во время протирания кружек своей излюбленной засаленной тряпицей. Таверна не приносила большого дохода – здесь было дёшево и просто. Да и не ради этого она создавалась – денег у старого Бобо и так хватало, чтобы обеспечить беззаботную жизнь нескольким поколениям своих потомков.

И вот теперь он умер, а это означало, что присмиревшие Призраки могли вновь вырваться на тёмные улицы Кидуи. Очевидно, что благодушие Бобо не могло прийти по сердцу всем его присным. Впрочем, при его жизни они держали язык за зубами, не понаслышке зная, каким беспощадным умеет быть старый трактирщик Бобо. Но теперь его не стало, и при выборе нового короля громче всего звучали именно голоса недовольных.

И вот результат... Челдон и раньше мог претендовать на звание короля – короля всех негодяев. Странно, что Бобо терпел этого человека подле себя столько времени, и даже,

вроде бы, прислушивался к его советам. Впрочем, Челдон был необычайно умён. В окружении короля его и вовсе почитали учёным – он был весьма начитан и видно было, что в своё время он не пренебрегал науками.

А ещё он был нарочито набожен. Белый арионнитский рог всегда висел у него поверх одежды, и он то и дело сыпал цитатами из священных текстов. Прошлого Челдона никто не знал – он объявился в Кидуе всего года четыре назад, но многие считали, что раньше он был либо жрецом, либо монахом, пока не совершил что-то страшное, из-за чего был вынужден бежать. Во всяком случае, прозвище Жрец быстро закрепилось за ним.

В том, что он способен на что-то страшное, никто даже не сомневался. Какая-то звериная, крысиная свирепость удивительным образом сочеталась в Челдоне с его крайней, и, вроде бы, совершенно искренней набожностью. Бобо как-то сказал, что его помощник подобен змее, укрывшейся среди мехов и шелков. Он был безжалостен, злопамятен, мелочен, и всё это, сплетаясь с недюжинным умом, превращало его в самого опасного врага и весьма неудобного друга.

При жизни Бобо Челдон знал своё место и никогда не делал ничего поперёк воли старика. Но, похоже, что уже тогда он исподволь искал союзников. Он умело манипулировал достоинствами, а главное – недостатками людей, близких к Бобо, и, можно сказать, постепенно собирал незримые нити в свои пальцы.

И это очень пригодилось, когда Бобо внезапно умер. Действительно внезапно – это был крепкий здоровый старикан, который, казалось, переживёт и многих молодых. Он упал прямо за своей любимой стойкой, во время своего обычного душевного разговора с несколькими завсегдатаями. Упал, и больше уже не поднялся.

Около суток старый король пролежал, даже не приходя в сознание, и в это время уже шла делёжка его политического наследства. Челдон достаточно быстро активизировался и первым из всех объявил о своей кандидатуре на трон воровского короля. И едва лишь последний вздох сорвался с посинелых губ Бобо, именно он объявил о том, что через два дня, сразу после похорон, пройдут новые выборы.

Впрочем, Призраки уже почуяли новое поветрие. Челдон развернул весьма бурную деятельность вокруг грядущих похорон, по сути, сам себя назначив их распорядителем. Тем самым он уже дал понять о своих далеко идущих амбициях, а то, что никто не оспорил его решения, красноречиво свидетельствовало, что среди верхушки Призраков нет желающих вступить в открытое противоборство с таким опасным и коварным человеком.

Уже сама похоронная процессия стараниями Челдона превратилась в небольшую манифестацию. Он шёл впереди колонны, неся в руках большое белое знамя. Что это означало – никто из присутствующих, признаться, не понимал, но каждый подозревал, что в этом есть некий возвышенный

смысл, недоступный именно ему по причине беспросветной глупости. А уж такой набожный и учёный человек, каким был Челдон, наверняка знает, что надо делать.

На кладбище собрались тысячи людей, и все они с искренней скорбью провожали усопшего короля. Но, разумеется, именно Челдон произнёс надгробную речь, и снова все сочли, что иначе и быть не могло – среди приближённых Бобо не было никого столь же умного и столь же красноречивого.

В общем, всё случилось как бы само собой, и когда наиболее значимые из Призраков устроили голосование (по обычаю – открытое, путём простого поднятия руки), то никого уже не удивил результат. Именно за Челдона взметнулось наибольшее количество рук.

Сам новоиспечённый король, тщетно пытаясь придать своей самодовольной физиономии хоть немного скромности, зорко наблюдал за происходящим, и некоторые из тех, кто не поднял руки за него, зябко поёжились под этим взглядом, предчувствуя, что грядут иные времена. Было ясно одно – Кладбищенские Призраки уже не будут такими как при короле Бобо. Многих это пугало, но ещё больше было тех, кто в глубине души радовался грядущим переменам.

Глава 20. Великий Вызов

Последствия смены власти среди Призраков не заставили себя ждать. Не прошло и пары недель после похорон Бобо, как по городу пошли слухи о том, что новый король избавляется от неугодных. Сразу трое приближённых Бобо были убиты, а один бесследно исчез. Убиты все были поодиночке и при разных, вроде бы вполне бытовых обстоятельствах, но объединяло всю троицу нечто общее – они были явными недоброжелателями Челдона. Да и четвёртый, который то ли сбежал, то ли был убит и не найден, постоянно цапался со Жрецом, покуда старый король был ещё жив.

Решительность Челдона не слишком-то озадачила Призраков – здешний люд был не из белоручек, так что вопросы подобного рода частенько решались поножовщиной. Скорее наоборот – подданные с ещё большим уважением взирали на бывшего Жреца, одобрительно отмечая, что он, пожалуй, будет не жиже самого Бобо.

И это было так. Челдон обладал той же жестокостью, решительностью и беспощадностью, что и прошлый король, но впридачу к этому – ещё и беспринципностью, злопамятностью и большими амбициями. А ещё он не испытывал особенного пиетета к государственной власти и плевать хотел на императорские законы, равно как и на договорённости, заключённые его предшественником с прочими бандами го-

рода.

Столкновения с соседями начались почти сразу же. Челдон, словно пёс, спешил метить территорию, и забирался при этом в кварталы, традиционно находящиеся под чужим влиянием. Первые стычки случились с бандой, именующей себя Уличными Котами – традиционными соседями, обитающими неподалёку от кладбища.

Похоже, Призраки стосковались по доброму кровопролитию, потому что приказ Челдона напасть на таверну, где обычно отдыхали Коты, был встречен с восторгом. Повод был достаточно формальный – *когда-то кто-то где-то что-то* сказал или сделал, но и такого было достаточно. Отряд примерно в две дюжины головорезов неожиданно нагрянул на таверну.

В тот раз обошлось без убийств, хотя с десятков Котов отделали так знатно, что те надолго выбыли из игры. Каждому из них, а также нескольким шлюхам, бывшим там же, хозяйину, официантке и вышибале ножами вспороли левые щёки – личная идея Челдона. И снова никто не понял его символизма, но всем очень понравилось. Это превращало банальную потасовку в нечто почти сакральное.

Естественно, Коты не могли оставить столь вопиющую наглость безнаказанной. Вскоре они нанесли ответный визит, разорив один из притонов Призраков и жестоко избив с дюжину мелких сошек, после чего хибара была подожжена. Огонь быстро перепрыгнул на соседние лачуги, так что в

итоге выгорело не меньше двух десятков домов. И на сей раз уже были погибшие – те, кто не сумел выбраться из пожара.

Обычно в таких случаях после подобных обострений следуют переговоры, восстанавливающие шаткий мир на улицах Кидуи. У уличных банд было нечто вроде собственного кодекса, которому неукоснительно следовали поколения городских подонков. Увы, Челдон и здесь отличился. Не делая никаких попыток замирииться, он нанёс очередной удар, и было ясно, что за ним неизбежно последует возмездие с противоположной стороны.

Это всё больше начинало напоминать уличную войну, и, разумеется, вызывало определённые беспокойства у властей города. Если такие большие банды как Призраки и Коты вцепятся друг в друга по-настоящему – это может быть чревато последствиями, как драка двух бугаёв в тесном трактирчике. Однако же магистрат пока не спешил вмешиваться, надеясь, что здравый смысл в конце концов возобладает.

Кроме того, в отличие от Бобо, которого всякий мог разыскать в его трактирчике и поговорить, Челдон вёл довольно скрытную жизнь, и к нему нельзя было подобраться просто так. Будучи сам коварным и беспринципным, он не верил в людей и опасался покушений. Да и чиновники, что с удовольствием могли пропустить стаканчик за стойкой старого короля в дружеской беседе, брезговали иметь дело со Жрецом.

Увы, похоже ни одна из сторон уже не готова была от-

ступать. То, что началось как стычка в результате какого-то недоразумения, всё больше приобретало очертания полномасштабной войны. Челдон, будто позабыв, что именно он заварил эту кашу, взывал к возмездию, цитируя священные тексты больше обычного. Он умудрился каким-то образом вывернуть всё так, что теперь уже добрая половина его головорезов не помнила, с чего всё началось, проклиная вероломство Уличных Котов и требуя больше крови.

Озябшая столица, казалось, съёжилась ещё больше, словно уличная девка, ожидающая удара сутенёра. Все понимали, что если дело дойдёт до серьёзной переделки, война охватит весь город. Коты, похоже, вели переговоры с другими группировками вроде Коротких Штанов и Городских. Последнее было особенно плохо для лейтенанта Сварда и его подопечных, потому что банда Городских в числе прочего контролировала и Собачий квартал. Если они ввяжутся в схватку, здесь может стать совсем неспокойно...

Худошавый и чуть сутулый, с вечно брюзгливым выражением некрасивого лица, Челдон производил самое отталкивающее впечатление, и, надо сказать, никто ещё не пенял после на то, что первое представление оказывалось ошибочным. Его волчий взгляд исподлобья вызывал дрожь страха и отвращения, особенно теперь, когда он по праву был королём Кладбищенских Призраков.

Неизменный белый рог, выточенный из кости, по-прежнему висел поверх его одежды, а в руках Жреца были арионитские чётки – такие обычно использовали в своих молитвах монахи. Даже одежды короля имели много общего с одежаниями жрецов – это была неопрятного вида хламида бурого цвета, которую, похоже, не мыли и не стирали очень давно.

Король Челдон проводил совет, на котором присутствовало одиннадцать самых видных вожаков Призраков. Среди них уже не было тех, кто открыто противопоставлял себя кровавому жрецу, а некоторые и вовсе были прямыми ставленниками новоиспечённого короля. Казалось бы, ещё сидение большого чёрного деревянного кресла, имитирующего трон, не должно было простыть после необъятной задницы короля Бобо, а здесь уже все вели себя так, словно его никогда и не существовало. Новый король был совсем иным и не считал нужным равняться на предшественника.

– Что у нас с Зерновой площадью? – Челдон вёл опрос своих «генералов».

– Там всё ещё заправляют Коты, Жрец, – откашлявшись, ответил один из присутствующих. – Вчера мы нагрянули на одну жирную лавку там неподалёку, но наших уже поджидали. Мы попали в засаду.

– Откуда Коты могли узнать? – мрачно прищурившись, процедил король. – Нет ли среди нас крысы? Сколько человек знало о налёте?

– Я и ещё двое... – сильные звуки едва вырывались из пе-

ресохшего горла. – Жрец, это исключено!.. Мои ребята ни за что не...

– «И там, где иные заметят лишь морок дня, я узрю истину», – тяжело проговорил Челдон. – Так писал святой Дигон, Шило. Читал ли ты святого Дигона?

– Нет, не читал... – боясь опустить глаза, пролепетал тот, кого называли Шилом. – Я...

– Скажи, Коты могли оказаться там случайно? – Челдон смотрел немигающими глазами, как смотрят змеи.

– Н... не д-думаю...

– Хорошо, – король внезапно расслабился. – Хорошо, Шило. Если бы ты вздумал сейчас делать из себя дурака, я велел бы вздёрнуть тебя прямо здесь. Я заглянул в твои глаза, и я вижу, что ты – не предатель. «Уста же лгали их, и спины, и руки, но только глаза лишь солгать не могли». Ты – не предатель, но кто-то из твоих людей сдал нас.

– Я найду крысу, Жрец! – краснея от облегчения, заверил Шило. – И притащу её к тебе за язык.

– Не сомневаюсь в этом, – кивнул Челдон. – Что с Городскими? Что слышно? – резко поменял он тему, повернувшись к другому собеседнику.

– Говорят, Коты уламывают их вступить в союз, – с готовностью ответил тот. – Городские недовольны, что мы активничаем в юго-восточных кварталах. Боятся, что мы слишком близко подойдём к их территориям. По моему мнению, Жрец, нам нужно встретиться с Городскими и заверить их,

что мы не станем посягать на их интересы. Если...

– «Дающий советы подобен раздающему мякину. Он делится лишь тем, что не надобно ему самому», – осадил говорившего Челдон. – «Вестники небес», преподобный Ливвитий. Прочти как-нибудь, Сымар. Святые книги – кладезь мудрости. На будущее – давай советы лишь тогда, когда тебя об этом попросят.

– Бобо не гнушался принимать советов от нас... – буркнул Сымар, но тут же прикусил язык, заметив, как вспыхнули волчьим светом глаза Жреца.

– Бобо был велик, а я – лишь жалкий опарыш... – с нарочитым смирением опустил лицо Челдон, но голос его всё же зазвенел от скрываемого гнева. – Он умел отличить добрый совет от худого. Я же, по скудости ума своего, делать этого не могу, и потому предпочитаю не слушать чужих советов. Во всяком случае, пока сам их не попрошу.

– Прости, Жрец... – пробормотал Сымар, с трудом сглатывая слюну.

Увы, никто не поддержал его. При Бобо советы проходили куда оживлённее – старый король не только терпел возражения, но и требовал их. Наверное, именно поэтому нет-нет, да и проговаривался кто-то из «генералов» и теперь, хотя Челдон был болезненно нетерпим к чужому мнению. Вот и сейчас, пожалуй, большинство присутствующих здесь думали так же, как и злополучный Сымар, но ни у кого не хватало решимости первым замолвить за него словечко.

– Кто ещё думает, что нам нужно *умилостивить* Городских? – с едкой улыбкой поинтересовался Челдон, нажимая на слово «умилостивить», хотя сам Сымар его не произносил.

«Генералы» нерешительно переглянулись, и на несколько секунд повисла тяжёлая пауза. Но затем, решившись, семеро из них неохотно подняли руки. Приободрённый Сымар с благодарностью добавил ещё один голос.

– «Когда говорит один – сие глаголет человек; когда говорят многие – сие глаголет бог», – помолчав некоторое время, проговорил наконец Челдон. – Вижу, что большинство – за замирение с Городскими. И кто бы спорил – нам ни к чему ещё один враг, покуда мы не покончим с Котами... Но...

Он обвёл взглядом всех, особо останавливаясь на тех, кто поднял руку. Последним его взгляд упал на Сымара и утвердился на нём. Дальше всё, что говорил Жрец, он говорил словно бы персонально ему.

– Но... Что будет, если мы сейчас станем заискивать перед Городскими, пытаясь убедить их не вступать в войну, в то самое время, когда Коты убеждают их в обратном? А будет вот что, – не давая ответить, тут же продолжил он. – Городские решат, что теперь они могут диктовать свои условия и нам, и Котам. Они станут играть с нами – аки демоны, порождённые каплями семени Асса, упавшими в Хаос, играют с душами человеческими, заставляют их блукать, уводя Белый Путь из-под их ног. В конце концов они поступят так, как со-

чтут нужным, но зато поймут, что Кладбищенские Призраки слабы и боятся их. И когда мы возьмём верх над Котами, Городские ударят, пользуясь нашей ослабленностью.

Одиннадцать «генералов» мрачно глядели на говорящего короля. Сымар хмурился больше всех, но всё же, словно бы, соглашался с доводами Челдона, тем более что тот, не отрываясь, глядел ему прямо в глаза во время своей речи.

– Так что же, господа, должны ли мы идти на поклон к Городским?

– Не должны, Жрец! – быстроотреагировал Шило, похоже, пытаясь полностью реабилитироваться после своего фиаско. – Призраки никогда ни к кому не ходили на поклон, незачем и начинать!

Даже те, кто недавно ещё поднял руку, теперь медленно кивали, соглашаясь с Шилом, и сомнение будто бы покинуло их. Во всяком случае, оно исчезло с их лиц. Даже Сымар, видя, что лишился поддержки, не решился настаивать и неохотно кивнул, словно признавая правоту своего короля.

– Коты не сумеют договориться ни с Короткими Штананами, ни с Городскими, ни, тем более, с Чесальщиками, – лицо Челдона вроде бы выражало удовлетворение, но он продолжал тяжело смотреть на Сымара. – В последнее время они слишком обнаглели и успели нагадить не только нам. Они могут добиться чего-то, лишь пойдя на существенные уступки, а Золло никогда этого не сделает. Так что мы поставим пакостников на место, а остальные с удовольствием за этим

понаблюдают. «Нет зрелища отрадней, чем длань Белого бога, отступников карающая». Ну а после поглядим... В конце концов, пришло время вернуть Призракам их былую славу.

Неизвестно, насколько убедительными показались доводы короля остальным, но возражать уже никто не стал. Жрец обладал какой-то магнетической силой – он действительно способен был убеждать. Впрочем, быть может, это был лишь страх за свою жизнь – все хорошо помнили, что всего несколько недель назад за этим столом сидели и другие люди, которых теперь здесь не было.

– Эта зима будет жаркой, – продолжил Челдон. – Мы начинаем большую войну с Уличными Котами. Я не говорю вам, что в конце этой войны мы уничтожим их раз и навсегда. Но мы ещё увидим их, ползающих перед нами на драных брюхах! Мы загоним это отребье обратно в сточные канавы, где им самое место! Арионн любит праведных и помогает им! – воздел он над собой висящий на шее рог, благо, что бечёвка была достаточно длинной для этого.

В этот миг лица «генералов» светились совсем не показным восторгом. Они уверовали в победу так, словно уже видели её на кончиках своих ножей. Гулко и размеренно принялись они бить кулаками о стол, и ритм этот всё нарастал и ускорялся по мере того, как всё быстрее бились их сердца. Король же взирал на это, милостиво улыбаясь, хотя лицо его явно не привыкло к этому. Челдон уже предвкушал, как Кидуа содрогнётся подобно тому, как сотрясалась сейчас от

ударов столешница, и мысль эта переполняла его сердце великой радостью.

Великий Вызов – грандиозное и страшное событие, которого уже многие десятилетия не видела Кидуа. Когда-то давным-давно, когда уличные банды ещё только зарождались и учились сосуществовать между собой, было принято соглашение о Великом Вызове. С тех пор оно применялось нечасто, хотя и не так редко, как хотелось бы. Однако же, в последнее время банды жили в относительном мире, так что даже старики, всю свою жизнь бывшие Кладбищенскими Призраками, не застали его.

Король Челдон бросил Великий Вызов королю Золло – главарю Уличных Котов. Бросил, тщательно соблюдая древний закон – бутылка с бумагой была вшита в живот одному из врагов, и труп был ночью подвешен на Зерновой площади. Это означало, что Призраки признают, что обратной дороги нет.

Великий Вызов нельзя не принять. Нельзя спрашивать даже о его причинах, ежели они неизвестны. Великий Вызов – священное право любой уличной банды, и священна обязанность противной стороны ответить на него. А потому в тот же день на кладбище появился хромоногий человек, в котором сразу же распознали Звездочёта – правую руку короля Котов. Он появился, и под взглядами десятков Призраков

положил на землю тот самый лист, на котором были написаны слова Вызова, для верности пришилив его ножом. Поверх этих слов теперь был отпечаток кровавой ладони. Это Золло прислал ответ.

Великий Вызов – не простая поножовщина. Здесь за столетия был регламентирован каждый шаг. Количество бойцов с каждой стороны должно быть равным до человека, причём их количество определяет та сторона, которой был брошен Вызов. Впрочем, давным-давно уже золотым стандартом стали двенадцать дюжин бойцов в каждом отряде. Оружие – любое, на поле схватки правил и законов нет. Король в битве не участвует. Умоляющих о пощаде можно убивать (а можно и не убивать – тут уж каждый решает сам). До тех пор, пока последний боец одной из сторон не бросил оружие – бой продолжается, и всё это время можно преспокойно резать и раненых, и уже сдавшихся.

Условия победы оговариваются заранее в самом Вызове. Челдон скрупулёзно выписал всё, на что претендуют Призраки в случае своей победы. На обратной стороне уже помеченного кровью Золло листа так же аккуратно было перечислено всё, что получают в случае удачи Коты. И это больше уже не обсуждалось.

Великий Вызов – страшная схватка. Она неизбежно будет очень дорого стоить обеим сторонам. Известны случаи, когда после подобных сражений в живых оставалось не более десятка человек, и именно поэтому Вызовы были столь неча-

сты – лишь абсолютный психопат мог решиться на такое.

Впрочем, оставалась надежда на то, что времена нынче изменились, и банды уже не столь жестоки и кровожадны как прежде. Например, в последнем до сих пор Великом Вызове погибло не более шести десятков человек – там никто не стремился добивать раненых и пленных.

Разумеется, о Великом Вызове быстро становилось известно всему городу, в том числе и магистрату. Однако чиновники даже не думали предпринять что-либо по этому поводу. Во-первых, для того, чтобы предотвратить побоище, потребовались бы сотни гвардейцев, а то и войска, и никому не хотелось бросать городскую стражу на смерть. А во-вторых, это была возможность избавиться разом от сотни-другой головорезов, и этой возможностью тоже не стоило пренебрегать. Не говоря уж о том, что чаще всего Великий Вызов ознаменовывал собой конец уличной войны.

Челдон – человек, бросивший Вызов, указал и место. Небольшой пустырь на кладбище – место, где захоронения были столь древними, что уже обратились в прах, а заново земля ещё использована не была. Не очень большое пространство – шагов сто в одном направлении, и шагов семьдесят в другом. На таком пятачке бойня будет особенно жаркой и беспощадной. А после этот пустырь покроется свежими могилами, ведь большинство кидуанцев исповедовали арионитство. Остальные же будут сожжены во славу Асса.

Срок в Вызове стандартный – три дня. На это время пре-

кращаются все стычки между бандами, и перемирие это нерушимо. И как только Звездочёт приколол пергамент к мёрзлой кладбищенской земле, это время пошло.

Глава 21. Поединок

После довольно непродолжительной оттепели вновь подморозило, и раскисшая было земля опять покрылась хрусткой корочкой. Это было бы к лучшему, тем более что морозец был невелик, но прямо незадолго до схватки поднялась метель. Мелкий и твёрдый, словно крупа, снег больно сёк лица собравшихся на кладбищенском пустыре, словно Арионн посылал последнее предостережение своим неразумным чадам.

Впрочем, здесь не было ни одного человека, способного внять посылу Белого бога, и, по иронии судьбы, король Кладбищенских Призраков Челдон по прозвищу Жрец был сейчас последним в этом из всех. Даже если бы сам Белый Единорог явился сейчас здесь, посреди выюги, и стал молить собравшихся не багрянить кровью снежного покрывала, Жрец первым бы закричал, что это – происки демонов Хаоса. Сегодняшний день Челдон не хотел отдавать никому.

Многие тысячи людей готовы были бы заплатить большие деньги, лишь бы увидеть то, что случится, собственными глазами, но здесь не было зрителей. Даже если бы сражение проходило посреди города на Императорской площади, зеваки поспешили бы поскорее убраться оттуда, а жители прилегающих домов позакрывали бы окна ставнями от греха подальше. То, что творилось здесь, касалось лишь дюжины

дюжин Призраков, такого же количества Котов, да ещё двух королей.

Для такого небольшого пространства людей было слишком много. Они стояли двумя тёмными плотными кучами, сейчас беспомощно моргая из-за бьющего по глазам снега, и молча вглядывались в соперников, скрытых белой пеленой. Что происходило сейчас в их головах – известно лишь Арионну да Ассу. Для многих из них жизнь отделялась от смерти лишь несколькими минутами, но это будто бы и не волновало бойцов. Лица их были сурово насуплены, по покрасневшимся от мороза и вьюги щекам пробежали желваки, а пальцы стискивали то оружие, которое каждый выбирал по себе.

Не было громких слов и пафосных обращений королей своим подданным. Во время Великого Вызова слова ни к чему, всё ясно и так. Да и что бы хотели сейчас услышать все эти люди? Что они умрут не напрасно? Что они защитят честь и славу своих банд? Или лицемерное пожелание выжить?.. Сейчас, когда в накрывшей город снежной пелене они уже видели очертания Белого Моста, мысли сковывались, кристаллизовывались в колючие снежинки, словно пытаясь ускользнуть от осознания того ужаса, что случится через мгновение.

Среди бойцов Призраков стоял, переминаясь на озябших ногах, Сымар. Обычно «генералы» не принимали участия в подобных сражениях, но Сымара *попросил* об этом лично Челдон. Просьба была ясна и недвусмысленна – строптиво-

му вожаку предложили на выбор либо смерть славную, воспетую в веках, либо смерть подлую, от ножа в спину. Конечно, прямо об этом сказано не было, но здесь был как раз тот случай, когда прочесть между строк было совсем несложно.

Сымар не стал артачиться, и вызвался в отряд. Он понимал, что дни его в любом случае сочтены, и ему не хотелось провести краткий остаток жизни, постоянно оглядываясь и гадая, кто из товарищей нанесёт ему роковой удар, передав привет от Жреца.

Челдон и Золло, стоя по разные стороны площадки, не могли видеть друг друга из-за плотной пелены вьюги, хотя их и разделяли всего несколько десятков шагов. Все здесь уже порядком замёрзли, так что пора было начинать. Оружие было уже оголено. В основном, в руках бойцов были большие ножи с широким лезвием, либо короткие дубинки, окованные железными обручами, с торчащими из них толстыми гвоздями. Кое-где виднелись и боевые топорики, и даже молоты. Здесь никто и ни в чём не был ограничен – каждый брал то оружие, в котором был больше всего уверен.

Никакого сигнала не прозвучало – просто все вдруг как-то решили, что уже пора. Молча две толпы бросились друг на друга, и закипела битва. В небо понеслись проклятия, крики, стоны, рыдания. Тонкий слой снега, что успел уже покрыть подмороженную землю, быстро превратился в грязь под ногами двух сотен людей, так что красных брызг на белом снегу не было. Убитые и раненые падали в эту грязь, и их тут

же топтали собственные товарищи.

Место для боя было слишком мало, поэтому почти сразу же образовалась свалка, неясно видимая сквозь снежную пыль. В такой битве было уже не до разбору – любой, кто не хотел быть убит тут же, просто наносил удары почти вслепую, не слишком-то разбирая – свой перед ним или чужой. Людское месиво превратилось в однородную массу, остервенело колющую, режущую и дробящую друг друга.

Оба короля неподвижно стояли, вглядываясь в этот клубок, но понять чья берёт было совершенно невозможно. В снежной круговерти были видны лишь оружие тени, размахивающие руками и падающие на землю. Это была самая идеальная иллюстрация Пучин Хаоса, которую только могли бы нарисовать для своих прихожан арионнитские священники! Многорукий, многолицый, многоклинковый клубок, истребляющий сам себя непонятно во имя какой цели... Да и лиц их было не разобрать – лишь серые пятна...

Время – эта великая река, несущая Сферу Создания от небытия к бытию – не для всех течёт с одинаковой скоростью. Для Линда Ворлада, отдыхающего теперь после ночной стражи в своей кровати, оно бежало легко и незаметно. Для Логанда Сварда, потягивающего вино в «Свиных ушах», пожалуй, уже двигалось медленнее, но всё же не так медленно, как для их сотоварищей-стражников, патрулирующих опустевшие улицы в эту метель.

Неспешен был ход времени для двух королей ночного ми-

ра, взиравших сейчас на то, как умирают их подданные, но видя лишь тени, заметаемые мириадами белоснежных крупинок. И всё же в гуще этой схватки, в этой преисподней, время текло совсем уж томительно и невыносимо. Настолько, что несчастные во всех деталях успевали разглядеть зазубренное, покрытое кровью лезвие мясницкого ножа, приближающееся к их незащищённому горлу. Настолько, что осколки зубов медленно, будто снежинки, разлетались после удара молота в лицо.

Для тех же, кто падал в перемешанную десятками ног грязь, судорожно дыша и вылёвывая кровавую пену изо рта, время и вовсе постепенно останавливалось, застывало как стекленеющий взгляд, превращалось в ничто.

А на больших часах Императорской башни стрелка двигалась бесстрастно и равномерно, влекомая лишь грузами и противовесами, а не страстями и людской суетностью. Для них, этих часов, изменения течения времени не существовало. И они отмерили меньше получаса этой битве Большого Вызова.

Наступила тишина, и сквозь вой ветра едва доносились хрипы и стоны тех, кто ещё не умер. Увы, из-за плохой видимости битва получилась необычайно кровавой – поди разбери в этой снежной круговерти, все ли уже покидали оружие, или кто-то ещё продолжает биться с тупой упёртостью обречённого!..

Наступившая тишина возвестила завершение битвы. По-

стояв ещё немного, Челдон медленно направился туда, где темнели груды тел, среди которых, словно стволы на пожарище, возвышались немногие, оставшиеся на ногах. С каждым шагом радость разгоняла удары его сердца – поначалу он ещё боялся ошибиться, но теперь, подойдя ближе, ясно видел, что среди стоящих – его люди. И его люди воздевают вверх руки, в которых зажато оружие. Призраки победили!

Шагая вдоль этой арены смерти, Челдон увидел короля Золло. Тот уныло стоял, уже осознав, что проиграл.

– Это был не ваш день, Золло, – злорадно усмехнулся Жрец. – Признаёшь ли ты поражение?

– Признаю, – глухо ответил тот.

– Хорошо, – радость клокотала в груди короля Призраков. – Ты можешь похоронить своих людей прямо здесь, мы не станем возражать.

– Придётся делать общие могилы, – бесцветным голосом ответил Золло. – На всех тут места не хватит.

– Ничего, – ухмыльнулся Челдон. – Парни будут не в обиде. «Ибо все мы едины и все неразличимы для Белого бога. Отличит же он нас лишь по делам нашим».

– Ты сделал сегодня страшное дело, Жрец... – Золло мрачно взглянул на недруга. – Надеюсь, Арионн вспомнит об этом в свой час.

– Не беспокойся, – теперь улыбка Челдона стала похожа на волчий оскал. – Когда придёт время, я отвечу перед Белым богом. А пока позаботься о том, чтобы исполнить мои

требования.

– Они будут исполнены, Жрец, ты же знаешь. Я чту обычаи. Мы сделаем всё, о чём ты просишь.

– Значит, эти парни отдали жизнь не напрасно, – удовлетворённо кивнул Челдон, останавливаясь в шаге от Золло. – Да не уйдёт Белый Путь из-под их ног! А тех, кто ещё жив, ты можешь забрать хоть сейчас.

– Я пришлю людей, – словно не в состоянии больше выносить присутствия этого человека, Золло крутанулся на каблуках и быстрым шагом направился прочь.

Вечером в кордегардии Собачьего квартала собралось почти два десятка человек – едва ли не все, за исключением тех, кто нёс службу. И все слушали лейтенанта Сварда – тот рассказывал о бойне на кладбище, случившейся сегодня днём.

– Точного числа убитых никто не знает, – говорил Логанд. – Но, похоже, там может быть не меньше сотни. А раненых и того больше. Я точно знаю, что из Призраков на ногах осталось человек пятнадцать, не больше, и почти все они имеют ранения. Среди Котов и вовсе нет ни одного целого. Думаю, что половина из тех, что ещё дышит, может отправиться за Белый Мост в скором времени. Это было настоящее побоище! Ублюдок Челдон загнал их на пятак чуть больше этой комнаты!

Разумеется, последнее было явным преувеличением (точнее, преуменьшением), но в целом Логанд был прав – сделай Жрец местом поединка ту же Зерновую площадь, которая была заметно больше, и число жертв могло быть меньше. Не то чтобы стражники очень уж переживали за жизни этих подонков, но всё же кажущаяся бессмысленность произошедшего удручала.

Линд сидел и, кажется, не мог до конца постичь слов лейтенанта. Он не мог представить себе эту гору трупов, не мог представить себе ту страшную безысходность, что испытывали режущие друг друга люди. Но главный вопрос, который почему-то неотрывно преследовал его на протяжении всего рассказа – как они там понимали, кого следует бить, а кого – нет? Как различали – где свой, а где чужой? В такой схватке, где люди скучены, будто рыбы в бочке, где кругом лишь чьи-то спины, загривки, руки с ножами – куда бить? Он пытался представить себя в этой свалке – и не мог.

Что бы он, сержант Линд Ворлад, стал делать, если бы оказался в такой ситуации? Даже просто думая об этом, юноша ощущал парализующую беспомощность. Наверное, он просто завалился бы на землю, стараясь притвориться мёртвым, или же попытался уползти подальше от этого страшного места...

– И что было в требованиях Челдона? – прервал его мысли один из сослуживцев.

– Да кто ж узнает? – досадливо пожал плечами Логанд. –

Покамест об этом ведают лишь сам Жрец да Золло. Ну, может, ещё несколько человек. Скоро узнаем, когда увидим, что будут делать Коты дальше.

– Жаль он Городских не вызвал... – ухмыльнулся ещё один стражник. – Вырезал бы сотню ублюдков – нам стало бы проще.

– Балбеса сразу видно, едва лишь он рот раскроет... – как-то неожиданно резко ответил Логанд. – Ты, Доби, рассуждаешь на темы, в которых ничего не смыслишь! Да кабы ты хоть раз переведался с этими ублюдками – я бы на тебя поглядел! Ты же лишь затем и нужен, чтоб гонять шушеру по подворотням! Много ль ты сталкивался с серьёзными ребятами? Или ты думаешь, что это городская стража обеспечивает порядок на улицах старой доброй Кидуи?

Остальные присутствующие откровенно насмехались над незадачливым Доби, и Линд счёл за благо ухмыляться вместе со всеми, хотя он, признаться, именно так и считал.

– Поверь мне на слово, Доби, – продолжал лейтенант. – Если завтра вся городская стража исчезнет – добропорядочные горожане этого даже и не заметят! Те же Городские не допустят хаоса на улицах города! И уж поверь – их будут слушаться ещё беспрекословней, чем нас! Они наведут тут порядок быстрее и эффективнее.

– Так зачем же тогда мы нужны? – с вызовом бросил Доби, всерьёз решив подискутировать с Логандом, и, по-видимому, считая, что без труда справится с этим. – Для чего содер-

жать нас, платить нам жалование, если, по-твоему, мы такие бесполезные?

– Не думал я, приятель, что после почти двух лет службы ты так и останешься полным балбесом! – покачал головой лейтенант. – Ну так и быть – объясню тебе. Кто платит тебе жалование? Магистрат, а если брать шире – его императорское величество, так ведь? Из своего кармана платит он? Нет! Это – налоги, что взимаются с горожан.

– В том числе и за то, чтобы мы охраняли их! – ввернул Доби, не понимая, куда клонит Логанд.

– Верно. Но ведь налоги, которые они платят, гораздо превосходят наше жалование, не так ли? Император большую часть их забирает себе.

Доби в ответ лишь хмыкнул, давая понять, что это – само собой разумеется, и неясно, о чём тут вообще спорить.

– Ты же знаешь, что старый Лорк из «Весельчака», к примеру, платит Городским за покровительство? И в «Весельчаке», заметь, куда реже случаются заварушки, которые требуют нашего вмешательства. И Лорк не один такой – многие имеют «крышу» от Городских. Поверь, Фонарщику²³ не составит большого труда сколотить отряд специально для патрулирования улиц! И в городе будет тишь да гладь!

– Но он же этого не делает! – уже чуть неувереннее воскликнул Доби.

²³ Логанд имеет в виду короля Городских – Жовара по прозвищу Фонарщик. Какобы, он предпочитает вешать своих недругов на фонарях.

– Не делает, – согласился Логанд. – Просто потому, что банды не имеют привычки залезать на чужую территорию. Можно сказать, что в данном случае он не лезет на территорию его императорского величества. Он не мешает императору выколачивать из людей налоги, и взамен император закрывает глаза на существование банд. Равновесие в действии.

– Ну тут ты уже загнул, Логанд! – внезапно в разговор вклинился немолодой стражник. – Ты что – сравнил нашего императора с Фонарщиком?

– Я, конечно, болван, но не настолько же! – хмуро усмехнулся Логанд. – Такого я точно не скажу. И однако же продолжу утверждать, что главная наша задача – обеспечивать безоблачное существование государя нашего Гриварона, а никак не старого Лорка и ему подобных. Мы – псы, охраняющие стадо, и наше дело – сделать так, чтобы этих барашков, по возможности, кушал лишь его императорское величество. Но вот что я хочу донести до этого балбеса Доби: мы справляемся со своими обязанностями лишь потому, что волки сыты и лишь изредка пощипывают наших барашков, но не трогают их всерьёз. И что вожаки их запрещают нападать на стадо без нужды, не желая лишних проблем. Но если не станет вожаков, если стая распадётся на отдельные группы – мы не уследим за всеми.

– Послушать тебя, так под властью уличных банд Кидуа бы только расцвела бы... – проворчал всё тот же пожилой

стражник, тогда как Доби прикусил язык, поняв, что с Логандом ему не совладать.

– Надеюсь, мы этого никогда не узнаем... – пожал плечами лейтенант. – Я очень надеюсь, что этот выродок Челдон нажрётся тем, что ему перепадёт от Котов, и угомонится уже наконец. Потому что до сих пор меня вполне устраивали порядки в нашем славном городе. Не хотелось бы, чтобы кто-то стал выворачивать их шиворот-навыворот! А Жрец, похоже, очень любит это делать...

Глава 22. Белая Смута

– Что происходит на улицах? – поинтересовался Челдон во время очередного собрания вожаков на пятый день после битвы Великого Вызова.

На этот момент уже с точностью были известны потери обеих сторон. Призраки потеряли только убитыми сорок восемь человек, а раненых было около семидесяти, причём примерно для двух десятков из них всё могло закончиться довольно быстро. Впрочем, это уже оставалось на милости Арионна, а Жрец любил повторять, что Белый бог помогает тем, кто страдает за правое дело.

У Котов потери были ещё более ужасающими – больше шестидесяти убитыми и ещё около тридцати опасно раненых. Впрочем, неопасных ран не бывает – иной раз даже пустяковый, казалось бы, порез мог свести в могилу без должного ухода. Можно было с уверенностью сказать лишь одно – две крупные банды Кидуи лишились в тот день своих лучших бойцов, и найдись сейчас в городе второй Челдон – он мог бы бросить Вызов обескровленным Призракам и, без сомнения, разгромить их.

К счастью для Жреца, второго Челдона в Кидуе не было, а потому он теперь мог пересчитывать плоды своей кровавой жатвы.

– Неспокойно, Жрец, – ответил один из одиннадцати. –

Людишки бузотёрят. Хотят, чтобы хлеб раздавали каждый день, а не только в Дни изобилия. А ещё требуют снизить цены на дрова.

– Хорошо, – кивнул Челдон, хотя, казалось бы, ничего хорошего в этих новостях не было. – Уже посчитали примерный доход от новых мест?

Он всегда резко и без предупреждения перескакивал с одной темы на другую, словно проверяя своих «генералов» на внимательность. Кстати, за столом теперь сидел другой внезапно возвысившийся вожак на месте Сымара – тот пал славной смертью на кладбищенском пустыре. Самое интересное, что у него насчитали шесть ножевых ранений, но почему-то все – в области спины. Однако все восприняли это как должное, и лишних вопросов королю никто задавать не спешил.

– Хлебная площадь и прилегающие кварталы дадут не меньше полусотни стравинов в неделю, но это – не окончательная сумма. Думаю, будет больше.

– Хорошо, – вновь кивнул Жрец, и внезапно вернулся к предыдущему вопросу. – Так, стало быть, дрова дороги?

– Они дорожают каждый день. В бедных кварталах уже чувствуется нехватка. Если морозы простоят неделю – людям станет нечем отапливать свои дома.

– Полагаю, им это не слишком понравится, – вяло улыбнулся Челдон. – Наши люди уже работают там?

– В каждой толпе недовольных, что собираются на улице, есть наш человек.

– И Коты тоже не лодырничают на своих территориях?

– Думаю, они соблюдают свою часть договора.

Несмотря на то, что «генералы» исправно и без задержек отвечали на вопросы своего короля, было видно, что их гложут определённые сомнения. Ни для кого уже не было секретом, что Жрец задумал что-то недоброе. Он велел направить целую армию нищих, попрошаек и прочего отребья, чтобы те повсюду твердили о том, как плохо стало жить в последнее время. Он велел создавать толпы рядом с зерновыми складами, требующие хлеба, что было совсем несложно, ибо недозволенных хватало и без него.

Очень уж походило на то, что король Призраков решил устроить в городе самый настоящий бунт, но неясно было – зачем ему это нужно. При прежнем короле не было бы ничего проще – любой из тех, кто сидел сейчас за столом просто прямо спросил бы Бобо об этом. Но теперь это было не принято, и красноречивый пример Сымара как нельзя лучше иллюстрировал необходимость держать язык за зубами.

Впрочем, у Челдона в банде всегда была репутация отвратительного, но очень умного человека. Он умел говорить так, что понять его не мог даже Бобо, но при этом речи эти выглядели так многозначительно, что каждый понимал, что за ними стоит нечто высокое, недоступное их мелкому умишке. Вот и сейчас, не понимая, что именно задумал Жрец, большинство всё же считало, что он явно делает нечто умное и правильное. А значит – нужно было выполнять его приказы,

даже не понимая их смысла.

– Вижу, вы озадачены, – внезапно произнёс Челдон, вдруг решив нарушить своё молчание относительно происходящего. – Вы все видите, что я раскачиваю город, но не понимаете – для чего я это делаю?

«Генералы» облегчённо закивали головами, радуясь, что всё разрешилось так благоприятно.

– Я расскажу вам притчу из «Сновидений» пророка Эхитилла. Притчу о злаке добром и злаке худом. Росли в поле злак добрый и злак худой. Злак худой насмехался над злаком добрым: «Я худ, и от меня хозяин наш получит зерно пустое и скверное, а между тем нам обоим достаётся одинаково ухода, и солнца, и влаги. Глуп наш хозяин, и я посмеюсь над его глупостью». Добрый же злак не отвечал, но наливался соками земли и солнечным светом. Когда сжали их, хозяин отделил пустые зёрна худого злака от полных, но они по-прежнему были в одном амбаре, хоть и в разных мешках. И вновь злак худой глумился: «Погляди, нас с тобой одинаково обсушили, вымолотили, смели в мешки. И кот хозяйский отгоняет мышей и от тебя, и от меня. Но дам я потомство пустое и скверное, и убыток во мне будет хозяину». Зерно же доброе не отвечало, но береглось от прели и плесени. И вот настала весна, и работник вынул мешки с зерном добрым и зерном худым, набрал его в сосуды. И отправилось зерно доброе в поле, и было посажено в почву возделанную, чтобы дать урожай сам-сто. А зерно худое было брошено курам, и

склевали его куры, не оставив следа.

Одиннадцать вожаков озадаченно смотрели на своего короля. Если это было его объяснение, то, признаться, они ничего в нём не поняли.

– И что значит эта притча, Жрец? – прокашлявшись, всё же спросил один из них.

– Лишь когда зерно будет брошено наземь, станет ясно, какая участь ему уготована, – в том же патетическом тоне проговорил Челдон, так что было не совсем ясно – это его ответ, или же продолжение притчи. – Склюют ли его птицы, или станет оно началом чего-то большего и величественного. Ведь маленькое зерно может превратиться в могучий злак, и одно зерно станет несколькими дюжинами. Но, братцы мои, для этого ему всё равно предстоит пасть.

– Ты хочешь посеять смуту, чтобы испытать Кидую? – изумлённо спросил кто-то.

– Этот город уже давно испытывается богами, – охотно ответил Жрец. – И у меня складывается впечатление, что он не совсем успешно проходит это испытание. Я лишь несколько лет живу в Кидуе, но за это время я понял, что столица нашей славной империи превратилась в самый настоящий вертеп. Он – пощёчина Белому богу, гнойный чирей на плоти этого мира. Подобно худому злаку, он измывается над самим замыслом Арионна. Но я в душе надеюсь, что, быть может, это лишь шелуха, а само зерно всё же доброе. Увы, узнать это можно, лишь бросив его наземь.

– И до каких пределов ты желаешь испытывать его?.. – в глазах вопрошающего читался страх.

– До самых последних пределов, если это возможно. Конечно, я не Асс, но я хотел бы спалить этот город дотла, и из его пепла воссоздать новый. Ведь и зерно, чтобы стать лаком, должно истлеть и сгнить.

– Но что, если ты спалишь город, а из пепла не выйдет ничего путного? – перспектива грядущего ужаса переборола страх перед королём. – Жрец, быть может, Кидуа – не лучший из городов, но для нас он хорош и такой!

– Знал ли ты, Шикро, что Арионн с некоторых пор посылает мне видения? – немигающе Челдон уставился на осмелившегося возражать ему, и от взгляда этого присутствующих пробрали мурашки. Потому что это был взгляд фанатика. – Конечно же, этого ты знать не мог, но сейчас я сам говорю вам об этом. Вот уже несколько месяцев я вижу одно и то же – великий город в огне. Смерть и хаос повсюду. Белый бог даёт мне понять, что если мы продолжим жить той же жизнью – он покарает нас. Он уничтожит не только саму Кидую, но и всю империю.

– Быть может, Арионн предостерегает тебя как раз от того, что ты задумал? – не сдавался Шикро, на время позабыв даже о собственной безопасности. – Ты видишь город в огне, Жрец. Но не ты ли поджёг его?

– О нет, Шикро, это пламя совсем иное. Это не очистительное пламя Белого бога, но губительное, испепеляющее

пламя Хаоса! «Ибо Хаос – главнейший враг Арионна, а не брат его Асс». Поверь мне, я знаю, о чём говорю! Мне поведал это Белый бог!

Челдон сейчас словно сбросил маску. До сих пор он никак не выказывал свою глубокую религиозность – напротив, за его постоянными цитированиями священных текстов и к месту, и не к месту, многие видели презрение к вере. Каждый назвал бы Жреца интриганом и честолюбцем, но до сего момента никому и в голову не пришло бы назвать его религиозным фанатиком. А между тем он, похоже, вполне искренне считал, что с ним говорит Арионн, и мнил себя пророком.

– Великий Арионн гневается на нас! – теперь уже Челдон обращался ко всем, всё больше становясь похожим на уличного проповедника. – Империя погрязла в пороке, и чаша его терпения переполнена! Совсем немного осталось времени, прежде чем он наслёт погибель на наши земли! Белый бог открыл мне, что вскоре сюда явятся полчища саррассанцев! Они пожаром пройдут по империи с юга на север и уничтожат Кидую, и все прочие великие города будут стёрты с лица земли! Это случится совсем скоро – при нашей с вами жизни, если мы ничего не изменим.

– Но саррассанцы живут в мире с нами... – робко возразил кто-то.

– Никогда между нашими империями не было истинного мира! Это – мир двух драконов! Как только один ослабнет – другой тут же погрузит клыки ему в шею! Кидуа стала изне-

женной и слабой, словно евнух! Она истекает собственным жиром и скоро неспособна будет даже поднять руку, чтобы защититься от удара! И тогда Саррасса непременно ударит!

Как видно, Челдон читал не только религиозные книги. Похоже, что он был знаком и с трудами политических философов вроде тех же Ливьера и Тробирана. Во всяком случае, его рассуждения весьма походили на те тихие возмущения, которые можно было слышать в компаниях отставных военных или патриотически настроенной интеллигенции. Впрочем, там старались говорить об этом потише, поскольку император явно не жаловал подобных идей.

Вожаки Призраков были заметно озадачены. То, что ещё недавно представлялось им не более чем переделом власти и желанием поживиться за чужой счёт, теперь внезапно обрело черты какой-то фантазмагии. Затеять большую смуту в городе лишь для того, чтобы заставить императора быть жёстче?.. Пролить ещё больше крови для того, чтобы избавиться от мифической саррассанской угрозы?..

Однако же нельзя не отметить то магнетическое влияние, что оказывал на подчинённых Челдон. Здесь собрались, быть может, и не главные святоши города, но всё же эти разбойники были столь же суеверны, как и прочие горожане, так что полностью сбрасывать со счетов вероятность того, что их король внезапно оказался ещё и пророком, они бы не стали. В голову сами собой лезли воспоминания о сотнях странностей Жреца, которые теперь, в свете вновь открывшихся

обстоятельств, приобретали совершенно новые, куда более красноречивые толкования.

Не стоило забывать также и про страх, который они испытывали перед королём. Все знали, чего могут стоить возражения и сомнения. В конце концов, сказывалась и железная дисциплина, существовавшая в банде Призраков даже под маской якобы демократии во времена правления Бобо. Тот тоже допускал дискуссии лишь до определённого момента, но в большинстве случаев так или иначе оставлял последнее слово за собой.

– Что ж, – резюмировал меж тем Челдон. – Вы долго терзались в сомнениях, не зная, что я задумал – и вот я выложил свои карты. Я понимаю, что всё это кажется вам странным и необычным – ведь мы же уличная банда, и нам пристало заниматься совсем другими делами. Но кроме всего, мы ещё и жители этого города. Здесь живут наши дети, жёны, родители. Хотим ли мы увидеть, как они сгорят в пожарищах? А так оно и будет, и очень скоро! Так поведал мне Белый Арионн. И теперь я спрошу – есть ли здесь кто-то, кто сомневается в моих словах?

Тяжёлым огненным взглядом фанатика Челдон обвёл своих «генералов», и ни один не выдержал этого взгляда. Потом, выйдя отсюда, многие из них, скорее всего, стряхнув морок, задумаются о душевном здоровье Жреца, но сейчас все они находились под его воздействием. Они были похожи сейчас на верных пастушьих псов, ловящих малейший знак хозяи-

на, чтобы броситься исполнять приказ. Нет, в эту секунду колеблющихся здесь не было – даже скептики вроде Шикро запрятали свои сомнения подальше, и совсем не только из чувства самосохранения.

– Хорошо. Теперь мы исполним волю Белого бога! Заставим этот город проснуться!

– Да что они – с ума посходили, что ли?.. – сержант Герро, ввалившись в кордегардию, сердито стряхивал снег с плеч.

И сам он, и шестеро гвардейцев, с которыми он патрулировал улицы, выглядели порядком озадаченными, если не сказать – испуганными. В последние несколько дней в городе то и дело возникали волнения – вдруг откуда ни возьмись появлялась толпа, которая в итоге непременно начинала что-то громить. Впрочем, едва лишь в дальнем конце улицы показывался отряд стражи – бунтовщики тут же рассыпались, и на месте погрома оставались разве что два-три десятка остолопов, слишком глупых, чтобы скрываться, и им-то и доставались все шишки.

Теперь специальным указом магистрата городская стража перешла на особый режим дежурства. Патрули усиливались вдвое, выходные отменялись, а «в случае реальной угрозы самим стражникам, жителям города или их имуществу» предписывалось применять меры воздействия «вплоть до физического устранения» смутьянов. Правда, пока что до

крайних мер, хвала богам, не доходило.

Город будто сошёл с ума – даже в благополучных обычно кварталах города проходящие стражники частенько слышали свист, улюлюканье и угрозы, несущиеся им вслед с почтительного расстояния. Что уж говорить о Собачьем квартале – здесь наиболее благоразумные горожане теперь вообще предпочитали не высовываться лишний раз даже днём.

Логанд, особенно мрачный и раздражительный, то и дело повторял: «Это всё неспроста!».

– Не может вот так вот ни с того, ни с сего взбунтоваться целый город! – ворчал он, почёсывая непривычно небритую щёку. – Этой падалью кто-то верховодит, и я ухо даю на отсечение, что в этом замешан ублюдок Челдон! Как только он стал королём Призраков – всё пошло наперекосяк!

– Может, это обычные голодные бунты? – возражали ему. – Холодно и голодно – вот народец и звереет.

– Зима каждый год случается, а такого раньше не было! – твердил своё Логанд. – Этот подонок явно что-то затеял! Обратите внимание, что вся заваруха сперва началась на территориях, подконтрольных Призракам и Котам. Вот увидите – то ли ещё будет!

Линд искренне надеялся, что ему не придётся «увидеть» того, что пророчил лейтенант. Ему уже было страшно. Даже когда он не был в патруле, тревога не отпускала его. Он до конца так и не свыкся с этим городом, а теперь вдруг увидел ещё более отвратительную его личину. Ещё хуже было

несчастному Дырочке – кажется, бедный старик вообще перестал спать. Теперь, когда молодой хозяин почти всё время проводил вне своей квартиры, бедняга словно таял, подобно свече. На него больно было смотреть. И всё же он категорически отказывался покинуть город, хотя Линд несколько раз предлагал ему это.

А беспорядки действительно всё усиливались, как и предсказывал Логанд. И действительно создавалось впечатление, что их кто-то координировал. Когда отряд в три десятка хорошо вооружённых стражников бросался, к примеру, на улицу Менял, откуда приходила весть о погромах, то, добравшись до места, наблюдал лишь ошарашенных торговцев, со скорбными лицами поправляющих перекошенные, сбитые с петель двери своих лавок, а между тем в нескольких кварталах отсюда, близ Площади Невест или ещё в каком-то месте, из ниоткуда вновь возникала беснующаяся толпа.

Однако при этом бунтовщики вроде бы пока не переступали известных границ – они громили лавки, но лишь для того, чтобы их разграбить, и никогда не поджигали их; они иной раз устраивали потасовки с буржуа или дворянами, подворачивающимися под горячую руку, но до смертоубийства пока не доходило. В конце концов, они драли глотки, требуя хлеба и дров, но при этом покамест воздерживались от антигосударственных лозунгов.

А ещё они не вступали в стычки с городской стражей. По устоявшимся веками порядкам даже самые отъявленные

городские банды не спешили объявлять войну официальным властям в лице кидуанской гвардии, осознавая, что это чревато серьёзными последствиями. Это был своеобразный негласный договор – власть словно бы признавала право на существование теневой Кидуи, но взамен предполагалось, что банды не переступят некую незримую черту, не посягнут на основы существования государства.

Но в последние день-два что-то явно изменилось. Недовольных становилось больше – к бунтовщикам каждый день присоединялись всё новые сторонники, видя, что ответы на бесчинства вовсе не такие жёсткие, как должны были бы. И эти возросшие скопища уже не спешили разбежаться при виде стражи, особенно если отряды были невелики. Кое-где гвардейцам стали давать отпор – покуда не слишком решительный, хвала богам, потому что многосотенная толпа безо всякого труда могла бы смять и размазать отряд даже в два-три десятка человек.

Бунтовщики давали отпор, но это были лишь оборонительные действия. Однако затем начались и нападения на патрули. Этой ночью только на участке, контролируемом кордегардией, к которой был приписан Линд, таких нападений было два. Пожалуй, можно было найти менее грозное слово, чем «нападение», поскольку пока ещё всё ограничивалось камнями и палками, брошенными из темноты проулков, но и это потрясало.

И вот в кордегардию вернулся отряд сержанта Герро. Вер-

нулся из *дневного* дозора. И оказалось, что путь им перерезала толпа молодчиков человек в сто – сто пятьдесят. Они не дали гвардейцам пройти намеченным маршрутом, а когда вспыльчивый Герро попытался пробиться силой – на них вновь обрушился град булыжников. Более того – один из рядовых божился, что видел, как мимо них просвистела стрела.

В последнее обстоятельство мало кто из стражников поверил, да и Логанд отнёсся к клятвам подчинённого скептически – мол, у страха глаза велики. Однако в этом недоверии, похоже, была изрядная доля слепого отрицания – никому не хотелось даже представить, что толпа действительно могла схватиться за оружие, а точнее – направить это оружие против представителей власти.

И всё же невозможно было долго отмахиваться от очевидного – то, что происходило в городе, уже трудно было назвать просто беспорядками. Это был самый настоящий бунт, а в недалгую оставшуюся историю умирающей империи он войдёт под названием Белой Смуты.

Глава 23. Неожиданные союзники

К тринадцатому дню месяца примииона²⁴ стало ясно, что ситуация в городе полностью вышла из-под контроля. Это наконец повлекло достаточно внятные действия магистрата, куда, очевидно, ранее прилетел мощный нагоняй из императорского дворца. Видимо, его величество наконец понял, что проблема сама не рассосётся, и что его попытки погасить выступления всё новыми уступками (в частности, был введён указ о запрете повышения стоимости дров выше указанного уровня) ни к чему хорошему не приведут.

К этому времени столица находилась, по сути, на осадном положении. На улицах были усиленные патрули, причём к городской страже присоединились и спешно подтянутые легионы. Пролилась первая кровь – при разгоне толпы и гвардия, и военные получили приказ действовать с показательной жёсткостью. Было казнено не меньше полусотни человек, среди которых почти не было зачинщиков, а были лишь наспех схваченные и наспех осуждённые простолюдины. Всё это делалось для острастки. Император Гриварон, испробо-

²⁴ Примиион – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему январю. В данном случае название является адаптированным переводом. В оригинале оно звучит иначе и происходит от слова «первый» на языке империи Содрейн. Поэтому при переводе было использовано латинское слово "primus" – первый, поскольку это соответствует аналогии с Древней империей.

вав пряник, теперь решил взяться за кнут.

Однако, вопреки надеждам Линда, который уже сотню раз проклял тот миг, когда вздумал податься в городскую стражу, всё это не остужало, а лишь накаляло страсти. Теперь мелкие отряды и патрули гвардейцев встречали не камнями и глыбами мёрзлой земли, а стрелами и болтами. В подразделении, которым командовал сам Линд, уже был раненый – стрела пробила бедняге бедро, и он чудом не истёк кровью.

По счастью, юноше удалось наконец избавиться от Дырочки – он просто отправил на квартиру троих гвардейцев, которые едва ли не силой вытащили старика и вывезли его на постоянный двор в нескольких милях от Руббара, того самого городка, в котором когда-то проживали Ворлады. Беспорядки охватили лишь столицу, и даже в самом Руббаре всё было тихо и спокойно. И всё же Линд решил не рисковать и поселить Дырочку в небольшом деревенском трактире, где тот мог наконец выспаться и перестать трястись. Впрочем, старый лакей, разумеется, не мог успокоиться, зная, что его господин находится сейчас в самом пекле, но уж с этим тот самый молодой господин ничего не мог поделать.

Итак, в городе шла самая настоящая война. С одной стороны, это несколько облегчило жизнь страже, потому что обычные рутинные дозоры и дежурства теперь остались в прошлом. С другой стороны, они теперь буквально жили в кордегардии, готовые в любую минуту отражать нападение. Пока что взбесившийся народ, хвала богам, не бросался на

штурм ключевых зданий в городе, но, откровенно говоря, было похоже, что всё шло именно к этому.

Несмотря на то, что в Кидуе уже находились целых два легиона, это не слишком-то улучшало ситуацию. Бунтовщики использовали весьма хитрую тактику – они, словно по какому-то сигналу, быстро организовывались в толпу, а в случае серьёзной опасности тут же рассыпались по околотку, мгновенно превращаясь в «простых горожан».

Увы, но в этой ситуации, похоже, проблему могла решить только тотальная, беспощадная жестокость, когда армия, уже не церемонясь, начнёт рубить направо и налево, и виноватых. Однако император, который внезапно оказался в положении человека, севшего на муравейник, всё ещё не решался на это последнее средство. Гриварон был из тех правителей, которые по какой-то причине дорожат мнением подданных, и до сих пор он гордился народной любовью к нему, особенно расцветшей после введения Дней изобилия. И вот теперь внезапно выяснялось, что эта самая «народная любовь» не стоит даже ломаного оэра...

Получался какой-то замкнутый круг – народ восстал потому, что ему было нечего есть и нечем отапливать дома, но при этом бунтовщики грабили и жгли лавки, хлебные и дровяные склады, так что те торговцы, что ещё не лишились своего добра, спешили припрятать его подальше, опасаясь уже не только за имущество, но и за саму жизнь. Город погрузился в хаос, и было совершенно неясно – как теперь из него

выбираться.

При этом сам император всё ещё не покинул своего дворца, хотя придворные дружным хором умоляли его об этом. Военные и министры, впрочем, заверяли, что прямой угрозы его величеству нет. Смутьяны, вроде бы, не ставили себе целью свержение своего правителя, и гнев их, будто бы, был больше направлен на купцов и городских чиновников. А потому Гриварон считал, что он не вправе покинуть Кидую, довольно справедливо полагая, что после этого город может рухнуть в куда более глубокие бездны.

Ну а жизнь тем временем всё же продолжалась, хотя и по совершенно безумному и страшному сценарию. В кордегардии Собачьего квартала по нескольку раз в день объявлялся сбор, и гвардейцы теперь не выходили на улицу без полной экипировки – добрых лат и шлема, отчасти похожих на легионерские. Логанд перед выходом самолично проверял снаряжение каждого, но это было излишней предосторожностью – среди его подчинённых желающих испытать судьбу не было. Тот же Линд сейчас очень жалел о том, что он не улитка, и не может таскать на себе укрытие, в котором можно было бы надёжно спрятаться в случае чего.

Лейтенант Свард строго запрещал выход мелкими группами. Городская стража сейчас рисковала перемещаться по городу лишь отрядами не меньше чем в два-три десятка человек – то есть, хотя бы половиной отделения. Сам Логанд неизменно отправлялся вместе со своими бойцами, и Линд

замечал, что лейтенант будто ненароком всегда старается держаться поближе к нему. Признаться, это немного задевало самолюбие юноши, но всё же не настолько, чтобы он решил отказаться от надёжного телохранителя.

Многое изменилось в мировосприятии юного сержанта Ворлада. Ещё совсем недавно (хотя сейчас казалось, что это было целую вечность назад) он с брезгливой надменностью бил горлопанов тупым концом своей пики, разгоня небольшие группки недовольных крикунов от зерновых складов. Тогда он презирал этих людей, быть может, даже ненавидел их в чём-то, но не боялся. Он, сержант городской стражи, был в своём праве, и жалкое отребье это вполне осознавало, а потому безропотно сносило болезненные тычки и спешило убраться подальше, чтобы не получить добавки.

Теперь же Линд всякий раз выходил из кордегардии со страхом. Со страхом глядел он на набычившихся людей, не спешивших уступать дорогу хорошо вооружённому отряду. А главное – он с ужасом видел, как разъярённая толпа вместо того, чтобы броситься врассыпную, ещё плотнее смыкает ряды и вызывающе смотрит, словно угрожая любому, кто осмелится поднять на неё руку.

И ведь это были не пустые угрозы. Когда отряды стражи, а также подоспевшие легионеры бросались на разгон сборища, горожане огрызались. По счастью, подавляющее большинство их были не вооружены, но были и неприятные исключения. Судя по всему, это были люди того же Челдона, а

может и представители других банд. В их руках уже были и ножи, и дубинки, и куда более грозное оружие.

И тогда уже пики поворачивались к людям своей боевой частью... Кровь лилась на улицах Кидуи каждый день, и конца этому видно не было. К сожалению, не обходилось и без потерь среди гвардейцев. Теперь уже пятеро сослуживцев Линда были ранены, причём двое были прикованы ранами к постели, и был один убитый – удар молота сломал бедолаге шею. Стражники Собачьего квартала в тот день сторицей отплатили за гибель товарища, но это, разумеется, уже не могло ничего поправить...

Было похоже, что Кидую ожидает самая настоящая полномасштабная война. Ходили слухи, что император уже всерьёз подумывает о том, чтобы покинуть город и дать возможность войскам навести порядок так, как они это умеют, невзирая на потери мирного населения, разрушения и полнейший хаос, который неизбежно возникнет. В таком случае Кидуа на много лет могла бы превратиться в место, мало пригодное для жизни. Некоторые и вовсе заверяли, что новой столицей империи может стать Кинай, а то и вовсе Варс или Шеп.

Когда в тринадцатый день примиона лейтенанта Сварда вызвали на срочное совещание, все присутствующие, признаться, основательно скисли. У Линда громко заурчало в животе, но никто не рассмеялся. Лица присутствующих были мрачны, а ещё вернее – испуганы.

– Ну вот и начинается... – пробурчал Логанд, спешно стягивая с себя гвардейскую форму, появляться в которой на улицах в одиночку было бы самоубийством.

Впрочем, Логанда хорошо знали в Собачьем квартале, и потому тот прибег к настоящему маскараду, нацепив на себя кучу какого-то тряпья и даже фальшивую бороду. Теперь он имел вид достаточно бандитский, чтобы его не тронули. Однако же, под одеждой у него была добротная кольчуга, а полы шерстяного плаща скрывали короткий меч.

– Будьте готовы ко всему, – мрачно напутствовал лейтенант своих подчинённых. – Держите ухо востро. Начнётся заваруха – отступайте к дворцу. Если что – сержант Герро за старшего.

Живот Линда вновь жалобно буркнул, и лишь дверь закрылась за Логандом, парень стремглав бросился на задний двор в нужник.

Лейтенант явился спустя почти три часа, и всё это время двадцать с лишним гвардейцев провели в томительном ожидании, прислушиваясь к каждому звуку снаружи. Все они были убеждены, что начинают сбываться худшие опасения, и теперь готовились спасаться в случае начала полномасштабной войны.

Что именно должно было произойти в ближайшие часы – оставалось лишь гадать. Не стесняясь в выражении

ях, несколько стражников обсуждали эвакуацию императора как нечто уже свершившееся, и прикидывали – сколько именно легионов потребуется, чтобы сломить сопротивление такого города как Кидуа. Один доказывал, что довольно будет ещё двух-трёх легионов, так как большинство жителей не станет оказывать никакого сопротивления, тогда как менее оптимистичный собеседник твердил, что такой огромный и хорошо укреплённый город не взять и десятью легионами.

Когда раздался условный стук в закрытый ставень, больше двух десятков до зубов вооружённых мужчин выдохнули с облегчением, словно маленькие дети, дождавшиеся наконец возвращения матери. Логанд вошёл и невольно расхохотался, глядя на обращённые к нему в глубокой тревоге лица. Это было добрым знаком, и гвардейцы наконец смогли немного расслабиться. Линд видел, что выражение лица лейтенанта по возвращении было куда менее мрачным, и внутренности его приятно обожгло надеждой.

– Что случилось? – загалдели все.

– Кажется, боги наконец решили, что достаточно наигрались с нами, – объявил Логанд, с наслаждением сдирая с лица фальшивую бороду. – Наши дела не так уж и плохи, господа! Борк, живо тащи пожрать своему лейтенанту! Клянусь этой вонючей бородой, сделанной из конского хвоста – вы не узнаете ничего, покуда я не поем!

Это окончательно сняло напряжение, всё это время ца-

рившее в кордегардии. Раз командир считал, что у него достаточно времени на ужин, значит, в ближайшее время ничего страшного произойти не должно. Гвардейцы, несколько часов напряжённо ожидавшие катастрофы, внезапно тоже поняли, что проголодались, и потому все дружно потопали в комнату, сейчас служившую столовой, а тот самый Борк, взявший на себя обязанности стряпать для товарищей, бросился за котелком с простывшей кашей. Впрочем, по нынешним временам даже такой ужин многие посчитали бы истинно королевским.

– Что ж, – Логанд вновь начал разговор лишь после того, как тщательно вычистил ложкой свою миску, и не мгновением раньше. – Собрали нас, парни, прямо скажем, по весьма приятному поводу. И встречу проводил, между прочим, лично полковник Сэндон²⁵. Так вот он сообщил нам преинтереснейшие вещи. Как я и говорил много раз, этот бунт возник не на ровном месте. И, опять же, как я и говорил раньше, замешан в этом именно Челдон. Всё происходящее – целиком его затея.

– Но чего ему нужно? – спросил кто-то. – Чего он хочет?

– Вы ни за что не поверите, – как-то едко ухмыльнулся Логанд. – Этот огрызок возомнил себя божьим пророком!

²⁵ Официально городская стража Кидуи именовалась гвардейским императорским сторожевым полком города Кидуи, и потому командующий стражей традиционно имел звание полковника. При этом иерархически эта должность была выше традиционных армейских полковничьих чинов и приравнивалась к генеральскому званию или званию легата.

Якобы ему было видение скорого вторжения саррассанцев в Кидую, и Арионн будто бы велел ему поднять смуту, что-бы... Тут я, признаться, не до конца понял – для чего. Вы же знаете Сэндона.

Сэндона знали здесь все, хотя большинство – лишь по рассказам. Старый полковник действительно прославился своим косноязычием и неумением иной раз даже просто построить связное предложение. Бывали случаи, когда после невнятного мычания, безбожного сквернословия и отдельных, несвязных между собой фраз, подчинённые Сэндона выполняли всё с точностью наоборот, так и не поняв, чего хочет от них начальник. Так что не было ничего удивительного, что старый солдафон не сумел понять и передать все тонкости эзотерических идей Жреца.

– В общем, Призраки теперь активно раздувают пожар, а помогают им в этом Уличные Коты – судя по всему, таково было условие Великого Вызова. Кроме того, Челдон обратился к остальным бандам города с предложением объединить усилия. Вы спросите, откуда всё это известно полковнику Сэндону? Дело в том, что он имел беседу с Жоваром.

Ропот удивления пробежал над столом. Жовар по прозвищу Фонарщик был королём Городских, и он хорошо был известен здесь, в Собачьем квартале. В отличие от того же Бобо, Жовар был вполне типичным главарём уличной банды, имевшим вполне определённый круг общения, и потому представить его беседующим с полковником городской стра-

жи было попросту невозможно. Разумеется, на фоне Челдона король Городских казался едва ли не добропорядочным лавочником, но ещё недавно он имел сомнительную честь называться одним из самых отъявленных мерзавцев города.

– Фонарщик лично явился то ли прямо к полковнику, то ли к кому-то из магистрата, и всё рассказал. Он же сообщил о переговорах, что ведут Призраки с прочими бандами. По счастью, другие короли не особенно прониклись идеей святости Челдона. Городские и Чесальщики сразу же отказались от союза. Короткие Штаны вроде как не сказали ни да, ни нет, но и они не в восторге от происходящего. Ну а теперь, когда всё зашло уже слишком далеко, банды предлагают свою помощь в урегулировании.

– Ничего себе! – воскликнул Герро. – Теперь мы встанем в один ряд с этими оборванцами?

– По мне – так хоть с престарелыми монашками-арионнитками, – тут же возразил Логанд. – Лишь бы исправить всё прежде, чем дойдёт до настоящей беды! Это – наш единственный шанс сейчас! Уличные банды сделают то, на что будут неспособны даже имперские легионы. Они смогут действовать изнутри, гасить огонь в самом зародыше. Жовар пообещал решить вопрос с Короткими Штанами, а главное – после этого он, кажется, хочет собрать что-то вроде сходки главарей четырёх банд и там договориться об аннулировании обязательств Котов перед Призраками. Не знаю, получится ли что-то из этого, но если да, то четыре из пяти банд будут

на нашей стороне!

Гомон поднялся в столовой. Конечно, мало кто очень уж радовался перспективе сотрудничества с уличными бандами, но в сравнении с перспективой полного краха Кидуи это казалось сущей мелочью. Конечно, ничего ещё не было кончено, и ничего ещё даже не было решено, но после стольких недель постоянного нервного напряжения даже такой малости хватило, чтобы испытать настоящую эйфорию. Линд, к примеру, почувствовал такое облегчение, словно Челдон уже висел где-нибудь на Серой площади, а в столице вновь были мир и покой. Сейчас даже смешно было вспоминать, что всего несколько месяцев назад он считал этот город разнужданным и опасным! Теперь ему ничего так не хотелось, как возвращения к прежней жизни.

– А что же делать нам? – задал вполне резонный вопрос Герро.

– Ждать, – пожал плечами Логанд. – И постараться дожить до финала.

Глава 24. Божья кара

– Боги прокляли этот спятивший город!.. – с досадой бросил Челдон, нервно стряхивая с себя грязь так, что послышался хруст рвущейся ткани. – Увы, всё, что видел я во снах, кажется неизбежным.

Несколько «генералов» сопровождали короля в этой то ли прогулке, то ли рекогносцировке. Они шли по кварталам, прилегающим к кладбищу – не самые благополучные, но и не самые заброшенные кварталы Кидуи, и здесь в данный момент складывалось впечатление, что город живёт обычной жизнью. Падал редкий снежок, красиво и умиротворяюще кружа на узких улочках; время от времени деловито сновали погружённые в собственные заботы люди; грузная немолодая женщина, высунувшись из окна, вывешивала какие-то обноски на просушку.

Прошло больше недели с того памятного собрания, где Жрец объявил начало священной войны, но пока что ничего особенно драматичного не случилось. Да, город накрыла волна беспорядков, но это было совсем не то, чего хотелось Челдону. Пока он видел лишь поток нечистот, покрывший улицы древней столицы, тогда как ему хотелось увидеть великое пламя, выжигающее всю эту плесень и гниль.

Однако до сих пор император – тот самый, кого Жрец, судя по всему, считал носителем пламени Арионна – странным

образом бездействовал. Точнее, он словно имитировал какую-то деятельность, не соблюдая ни логики, ни последовательности. То вдруг его императорское величество издавал нелепый указ о запрете повышения цены на дрова, а затем тут же натравливал на город ещё один легион. Ни та, ни другая мера, похоже, не достигали намеченных целей. Ограничение цены на дрова привело лишь к тому, что купить их стало почти невозможно, и торговали древесиной теперь втридорога и из-под полы. А легионеры лишь растерянно метались по улицам, пытаясь поймать ветер за хвост.

Что бы там ни видел Челдон в своих бредовых снах, это мало походило на происходящее. Город задыхался, захлёбывался, словно провалившись в грязную клоаку, и, похоже, собирался именно так и погибнуть, уйдя на дно этой зловонной жижи. Что ж, может быть, в этом и был промысел богов – дурное зерно надлежало бросить клевать птицам.

Временами на Челдона накатывала какая-то апатия, что, вероятно, обычно было несвойственно фанатикам. В такие моменты он ощущал себя щепкой в бурном потоке, а ещё вернее – мальчишкой, поджёгшим заросли камыша. Он понимал, что теперь от него мало что зависит, и на краткие мгновения как будто бы даже сомнения прокрадывались в его душу.

Но Жрец не давал себе сомневаться. В такие минуты он с такой силой стискивал свои нездоровые зубы, что они лишь чудом не разлетались на сотни осколков, а затем шёл в город,

чтобы наблюдать дело рук своих.

Кроме нескольких приближённых, Челдона теперь всегда сопровождал отряд из полутора десятков головорезов. На улицах было небезопасно, а кроме того, нельзя было исключать встреч со стражей или легионерами. А ещё теперь в нескольких шагах за королём неизменно следовал человек, нёсший белое знамя безо всяких знаков. Жрец именовал его Арионновым знаменем, и старался сделать так, чтобы все жители города признали его символом восстания.

Он заставил всех Призраков повязать на рукава белые повязки, и попытался убедить в том же Котов, однако те проигнорировали эту просьбу, сильно смахивающую на приказ. Откровенно говоря, члены Уличных Котов и так были шокированы тем, что им приходилось поджигать родной город, да ещё и служба на побегушках у Жреца.

Король Золло, понимая, что его люди находятся на грани, действовал очень осторожно. Древние обычаи не позволяли ему нарушить положения Великого Вызова, но он строго следил, чтобы никто из его людей не вышел за их границы ни на дюйм²⁶. Любая попытка Челдона расширить свою власть, наложить новые обязательства, решительно пресекалась, несмотря на его злобное недовольство. Золло выполнял свою часть договора, при этом каждое утро молясь и Ариону, и Ассу, чтобы затея Жреца провалилась.

Сейчас Челдон нервно шагал по улицам Кидуи, прислу-

²⁶ Дюйм – имперская мера длины, равная примерно 2,5 см.

шиваясь, словно надеясь услышать грохот Ассова молота, обрушивающегося на город. Он избегал глядеть на спутников, но чувствовал их сомнения, их колебания. Они, поддавшись на увещевания своего короля, всё с большим ужасом взирали на происходящее. Очаровавшись образами очищенной, восставшей из пепла Кидуи, вновь блистающей и грозной как прежде, они словно понемногу просыпались сейчас, видя вокруг лишь разложение и боль.

Жрец понимал, что через какое-то время их сомнения приведут к тому, что его люди выйдут из-под контроля. Наверное, они убьют его и, скорее всего, убьют жестоко, пытаясь отомстить и за своё разочарование, и за разрушенные надежды. И хотя он сразу предупредил их, что Кидуа либо восстанет, либо погибнет – естественно, все хотели слышать лишь первую часть фразы. Им, недалёким, мыслящим лишь сегодняшним днём, было не понять, что для него победой могут стать оба варианта.

Нельзя сказать, что Челдон не боялся умереть. Точнее говоря, он не хотел смерти, однако не боялся её. Да и какой смысл бояться неизбежного? Более того, он понимал, что его смерть, быть может, уже ничего не изменит. Однако, оставшись без сердца, смута уже не сможет проталкивать кроввененависть по этим улицам-жилам. Со временем бунт утихнет, захлебнётся. В конце концов, когда-то настанет весна... А потому ему хотелось пожить подольше. Чтобы наверняка успеть...

– Жрец, измена! – запыхавшийся человек в распахнутом плаще, из-под которого валил пар, догнал их отряд.

– Что случилось? – резко повернувшись, Челдон инстинктивно схватился за висевший на поясе чекан, как будто ожидая нападения.

– Коты, – выдохнул гонец. – Они отказались палить сённые склады у городской стены, и...

– Это не измена, – стараясь говорить спокойно и одновременно презрительно, возразил Жрец. – Это просто трусость. Золло, должно быть, счёл, что это находится за рамками договора...

– Это не всё... Они напали на наших, когда те пытались заставить их... Четверо убиты, несколько раненых... Оставшиеся едва ноги унесли...

– Они – что?.. – лицо Челдона, и без того довольно безобразное, жутко исказилось, так что он стал похож на одного из тех бесов Хаоса, которых монахи рисовали в своих священных книгах.

Это действительно была измена. Никто из Котов не мог сделать подобного без санкции Золло, потому что даже самые оголтелые понимали, чем это грозило бы им. В свою очередь, Золло не мог бы отдать этого приказа, не нарушив условий Великого Вызова. И раз он всё же пошёл на это, значит, решил нарушить священный обет. Но для любой банды это было бы равносильно самоубийству! Великий Вызов потому и был нерушим, что в противном случае на клятвенно-

преступников обрушилась бы ярость всех банд города. Разве только...

– Неужели они договорились?.. – прошипел Челдон, растерянно глядя по сторонам.

Увидев, как скисли лица соратников, Жрец попытался вернуть немного уверенности хотя бы своему облику, но вряд ли у него это хорошо вышло. Наступал момент истины – если Коты нарушили договор, значит, они получили на то благословение остальных банд. А это, в свою очередь, означало, что все банды города объединились против него.

Это было ударом под дых... Признаться, Челдон уже успел внушить и себе, и своим «генералам», что Короткие Штаны, покривлявшись ещё немного для виду, примкнул к двум сильнейшим бандам, и тогда у Призраков на руках будут все козыри, чтобы переманить на свою сторону Чесальщиков и Городских. Он столько раз заверял в этом своих подчинённых, что сам абсолютно поверил в возможность альянса. Жрец был самым настоящим фанатиком, и он свято верил в то, что избран орудием бога. А это значило, что для него нет преград! Или всё-таки есть?..

– Все за мной! – бросил Челдон и, не дожидаясь, быстрым шагом направился обратно на кладбище.

Сейчас было важно не дать его спутникам задуматься и всё взвесить. До сих пор они верили в божественность его плана и, похоже, не сомневались по крайней мере в его исполнении, даже если не могли постичь сути. Теперь же, ко-

гда столь тщательно возводимые конструкции внезапно рухнули, они неизбежно потянули за собой и доверие к самому королю. Нужно было как можно скорее занять их делом – пусть даже это будет всего лишь скорая ходьба. Может быть, ещё не всё кончено?.. Может быть, это лишь случайность?..

Удивительно, как быстро изменялся город, возвращаясь к своей прежней жизни! Не прошло и двух дней после того, как Логанд сообщил товарищам отличную новость, а результаты уже были налицо! Кровавая грязная пена, захлестнувшая столицу, явно пошла на спад. Погромщиков на улицах стало заметно меньше, также как и поджогов.

Четыре банды, объединившись против Призраков, действовали весьма эффективно. Стоило лишь где-то начать собираться толпе недовольных, как тут же возникали два-три десятка хмурых сосредоточенных парней, которые наметанным глазом выискивали зачинщиков. Они возникали и исчезали так же стихийно, как и толпы бунтовщиков, но были при этом гораздо решительнее и слаженнее.

Громилы вливались в набухающую толпу и быстро отсекали наиболее активных. Они не церемонились – организаторов, которые чаще всего были связаны с Призраками, просто убивали. Испуганная и растерянная толпа рассеивалась быстрее, чем их вожаки успевали испустить дух.

Это была необычайно результативная тактика. Куда уж

было отрядам стражи и легионерам до этих дуболомов! И ответить Призракам на это было нечем – их лучшие бойцы полегли в резне на кладбище...

В общем, если всего несколько дней назад Линд всерьёз задумывался о том, чтобы написать рапорт об увольнении и покинуть Кидую пока это ещё представлялось возможным, то теперь настроения в кордегардии были совсем иными – победными. Привычных ко всему стражников не слишком-то трогала беда, свалившаяся на город – переживали разве что те, у кого были семьи, ведь большинство проживало здесь же, неподалёку. Но в целом сотни трупов на улицах не вызывали у них чрезмерного сочувствия – в большинстве своём всё это были представители городского дна, и с исчезновением их улицы столицы явно стали лучше.

Лишь старый гвардеец, которого все в кордегардии, даже Логанд, звали Папашей, отчего-то не спешил присоединяться к бурному веселью – чем восторженнее встречали последние новости его сослуживцы, тем больше мрачнел он сам. В конце концов, когда один из гвардейцев заявился с красноречивым рассказом о том, как люди Фонарщика в минуту размели толпу в несколько сот человек, Папаша и вовсе ушёл в небольшую караулку подальше от шума.

Озадаченный Линд, немного подождав, последовал за ним. Он обнаружил старого солдата в компании уже наполовину опустошённой пузатой бутылки вина.

– Что с тобой, Папаша? – недоумённо спросил юноша,

глядя на мрачное, словно грозовая туча, лицо товарища.

– Чему они все так радуются? – внезапно рявкнул тот, сшибая глиняную кружку на пол. – Ладно другие, но лейтенант, Герро, Аллин... Они же – старые, битые волки, а не щенки вроде тебя... Ты уж извини, Линд, ты – славный малый, но согласишься же, что ты – пока что лишь щенок? Ну вот! И потому-то тебе позволительно повизгивать от восторга, что всё вот так вот закончилось... Но вот Логанд и Герро... Я полагал, что у них в головах поболее мозгов...

– Но разве это не хорошо, что всё заканчивается?.. – пролепетал Линд, ошарашенный этой внезапной бурей.

– Хорошо-то оно хорошо... – успокаиваясь, проворчал Папаша. – Да только вот ничего хорошего в этом нет, сынок. Посуди сам – теперь каждая крыса в нашем подвале, поди, уже знает, что город от смуты спасла не доблестная городская стража, и даже не армия его величества, а этот грёбаный Фонарщик со своими головорезами! А знаешь, что ещё страшнее? Эти паскуды тоже знают... Теперь Фонарщик, Золло, Прим, Шмель – вот кто отныне истинные правители Кидуи! Теперь всякий раз, как им захочется показать свою власть – они уже знают, что делать. Сейчас эти четверо объединились, чтобы помочь нам завалить Жреца... А прикинь-ка, что будет, когда они вздумают договориться *против* нас?

– Ну чего ты раскаркался, старый хрыч?.. – раздался из-за плеча Линда голос тихо подошедшего Логанда. – Думаешь,

ты один тут такой умный? Думаешь, мне не рвёт душу, как я представлю себе самодовольную рожу Фонарщика? Но что поделать, старик? Жрец крепко взял нас за яйца... И не в нашем положении было морщить нос и брезговать протянутой рукой. Когда горит дом, не стоит тужить о том, что дорогой сарассанский ковёр, который ты набросил на пламя, испорчен.

Да, но что если мы обрушили дом, чтобы сбить пламя с ковра?.. – глухо возразил Папаша.

– Глупости! – решительно заявил лейтенант. Он протопал мимо Линда, задев его плечом, подошёл к столу и отхлебнул вина прямо из бутылки. – Правда в том, Папаша, что мы ничего не могли поделать с этой смутой! Ни мы, ни его величество император. Всё, что было в его власти – потопить город в крови. Но этого не случилось, старик, и если победа будет стоять нам парочки беззубых ухмылок Фонарщика – я это переживу! Короли банд – ублюдки, но они не дураки. Они – паразиты, пиявки, глисты. Они живут, покуда жив этот город! Надо быть психом вроде Челдона, чтобы уничтожить то, частью чего ты являешься... Поверь, всё будет как прежде, Папаша! И те же Фонарщик, или Золло, или Шмель будут первыми, кто об этом позаботится! У них нет другого города, тогда как у императора в запасе ещё целая страна. Так кто же из них, по-твоему, будет больше печься о нуждах Кидуи?

– Поживём – увидим... – мрачно произнёс старик, которого, похоже, нисколько не убедила речь Логанда. – Чего при-

пёрлись? Идите, празднуйте. Дайте мне побыть в тишине!

– Пойдём, парень, – мягко проговорил лейтенант, покидая караулку. – Оставим этого болвана одного, раз ему так хочется.

Линд узнал новое слово – «зачистка». Сегодня Логанд сообщил им, что городская стража будет участвовать в зачистке кладбища. Судя по всему, с Кладбищенскими Призраками было решено покончить. Это был беспрецедентный случай – такого не было ещё никогда за всю долгую историю существования Кидуи и городских банд. Никогда ни власти города, ни сам император не пытались столь радикально решить эту проблему. Пять столичных банд многие десятилетия являлись неотъемлемой частью города, обеспечивающей необходимый баланс сил.

То, что было принято такое решение, косвенным образом подтверждало пессимизм Папаши. Магистрат никогда не решился бы на это, не получив одобрения, а то и прямого указания ночных королей города. Вряд ли четверо предводителей решили полностью истребить старейшую банду Кидуи – да это было бы и невозможно – но они явно надумали на долгие годы превратить Призраков в отщепенцев и изгоев. Было ли это своеобразным возмездием за свершённое Жрецом, или же в том был лишь трезвый расчёт – об этом знали лишь четыре короля.

Для Линда Ворлада все эти вещи не имели значения. Он сейчас понимал лишь одно – ему предстоит участвовать в *зачистке*. Это слово пугало своей неотвратимой утилитарностью – как будто бы речь шла об уборке после хорошей попойки. Только вот убирать придётся отнюдь не пустые бутылки и растоптанные куски жареной рыбы...

За время минувшей смуты он не один десяток раз участвовал в вылазках, как называл их лейтенант Свард. Из них три или четыре были действительно серьёзными, где довелось помахать пикой, хотя сам Линд до сих пор никого не убил. Но то было другое. Тогда он участвовал в уличном бою против отребья, перевернувшего Кидую вверх дном. Теперь же перед гвардией была поставлена иная, куда более мерзкая задача.

Зелёный от отвращения Логанд объявил, что командование дало приказ – зачистить кидуанское кладбище от преступников. На начавшиеся было в строю возражения, он рывкнул: «Это приказ, идиоты!». И все сразу заткнулись.

Обычно лейтенант делил людей на «балбесов» и «болванов», считая первых тупицами, а вторых – наивными. Никто никогда не обижался, если он навешивал ярлык «балбеса», и млели от удовольствия, если достаивались звания «болвана». Но «идиоты»... Стало ясно, настолько тошно сейчас ему самому, и насколько болезненно он воспринимает в этот миг любую мелочь.

– Это приказ, и он не обсуждается, – дрожащим от вол-

нения, хриплым, будто сорванным голосом, продолжил Логанд. – Нужно много людей, чтобы охватить такую территорию. Собирают всех. Задача... – голос лейтенанта сорвался. – Задача – убивать любого взрослого человека, который вам попадётся. Детей не трогать.

Да, это была плата, которую город должен был принести своим освободителям. В том, что карательная операция была обязательным условием, поставленным королями банд, не было ни малейших сомнений. Магистрат никогда не решился бы на такую чудовищную и бессмысленную на первый взгляд жестокость. Впрочем, вероятно, некий страшный смысл в этом всё-таки был. Это было уже не просто возмездие – это было *назидание*. Это была демонстрация того, что случается с желающими перекроить мир под себя, и, главное, что случается с теми, кто возьмётся поддерживать этих безумцев.

Гвардейцы стояли, не зная, что сказать и что сделать. Линд лихорадочно соображал – нельзя ли придумать какую-нибудь причину, чтобы избежать предстоящей экзекуции. У него было ощущение, что его кишки, оборвавшись, повисли в животе, до боли натянув ту единственную ниточку, которой они продолжали крепиться к горлу. Подкатила тошнота, и вновь угрожающе заурчал живот.

– Дожили... – рискнул подать голос Папаша. – Были стражами, стали убийцами...

Логанд вскинул голову, но не накричал, да и вообще смол-

чал. Но в лице его стояла такая боль, что Линду впервые в жизни стало по-настоящему жаль этого человека. лейтенант всегда был с каким-то надломом внутри, но обычно он довольно умело скрывал его под наносной бесшабашностью и циничной насмешливостью. Но сейчас у него, кажется, не было на это сил.

И Папаша смущённо закашлялся и отвёл глаза с явным раскаянием. А Линд понял, что ему не нужны никакие отговорки. Он пойдёт туда и сделает что должно, чтобы снять хотя бы толику страшного бремени, висевшего на Логанде.

Подступал ранний зимний вечер. Вновь мягко кружили в сером небе редкие крупные хлопья. Линд никогда прежде не бывал на этом кладбище, и сейчас поражался тому, какое оно огромное. Сейчас он старался думать о чём угодно, но только не о предстоящей *зачистке*, а потому вглядывался в истёртые временем могильные камни, вырезанные в виде рога, пытаясь прочесть имена давно истлевших под ними людей.

Эта часть кладбища была, пожалуй, одной из самых древних, и тут почти не было свежих могил. Впереди была главная часть этого величественного некрополя – там, где находились мавзолеи, склепы и гробницы богатых и знатных граждан Кидуи. Именно там сейчас находились Призраки, пытаясь спрятаться от неизбежного. Где-то там, вероятно, пребывал и король Челдон.

Логанд был прав – сюда стянули всю городскую стражу. Кое-где были заметны и отряды легионеров. Линд не сомневался, что всё кладбище сейчас окружено. Несколько тысяч человек ждали лишь сигнала.

Всё дальнейшее Линд Ворлад помнил лишь какими-то мутными урывками. Он помнил, как они шли частой цепью, держа наготове пики и другое оружие. Через каждые два-три человека бойцы держали зажжённые факелы, поскольку довольно быстро темнело. Это была фантазмагорическая картина – молчаливые тени, бредущие сквозь ряды могил и выющийся в свете факелов снег... Словно уже наступила Последняя Битва, и поднятые волей Белого Арионна души брели туда, где закончится судьба всего сущего.

Вскоре раздались первые крики. Какие-то люди выскакивали из-за могильных камней. Некоторые с отчаянием бросались на солдат, то ли надеясь прорваться из окружения, то ли желая подороже продать жизнь. Но большинство в ужасе убегали вглубь, ища покровительства у древних гробниц. Ища, но не находя его...

В тот вечер Линд впервые познал убийство. Он ощутил ту неподатливую упругость, с какой остриё пики входит в живую плоть, почувствовал, как по древку передаётся глухой удар металла о кость, как тяжелеет передняя часть оружия, когда пронзённая жертва валится на землю. Он убивал, и убивал, в основном, безоружных. Среди них, кажется, были и женщины – в темноте трудно было разглядеть что-то кро-

ме неясных очертаний фигуры.

Линд постарался отрешиться от происходящего, потушить все чувства и эмоции. Он просто колол – и всё. Колол, потому что такова была его работа. А за этими уколами не следовало больше ничего. Впрочем, можно было взглянуть на всё иначе. Укол – и одной тенью на земле становилось меньше. А мир без теней – это же более светлый мир, разве нет?..

Глава 25. Дружба

Брум вновь ехал в Тавер, и его снова сопровождала Динди с дочкой. В последнее время они зачастили в соседний город, приезжая туда по два-три раза в неделю. Причиной тому был северянин Шервард, с которым они познакомились в таверне на рыночной площади.

Юноша с удовольствием вспоминал тот день. Он до сих пор помнил всю гамму чувств, которую ощутил – от первоначального страха, который он помнил даже на вкус и запах, до симпатии, которую келлиец сумел завоевать за короткое время. Он едва говорил на имперском, а из-за выговора понять его было вообще почти невозможно, но что-то в его лице подкупало сразу же.

Он был из тех людей, что вызывают симпатию уже одним своим видом – приятное, открытое лицо, немного грустные, но добрые глаза, улыбка, которая становилась смущённой всякий раз, как Шервард не мог подобрать слово. Но главное, что Брум даже не замечал, а скорее ощущал – это какое-то бесконечное почтение, едва ли не благоговение, которое островитянин испытывал к Динди. Когда он глядел на девушку, а также на посапывающую у неё на руках Риззель, удивительная печальная нежность невольно проступала на его лице.

Смешно коверкая слова, Шервард коротко рассказал о се-

бе. Кое-что Брум уже знал от молвы, но, как обычно, люди были склонны привирать и выдумывать. Тем не менее, оказалось, что келлиец действительно был богатым купцом, который привёз «много товар» для продажи, но главное – собирался искать новые торговые связи здесь, на материке, из-за чего планировал провести в Тавере всю зиму – «жить, купить, продать».

У Брума был большой опыт общения с Динди, особенно в детстве, когда далеко не всегда можно было определить – поняла ли она сказанное ей. Поэтому он привык говорить с нею медленно и членораздельно. И сейчас это очень пригодилось в разговоре с Шервардом – тот с большой благодарностью принимал подобную манеру. Было заметно, что бедняга не поспевал за привычным темпом речи таверцев, и оттого едва ли понимал большую часть сказанного.

Брум на удивление быстро освоился в компании келлийца, хотя вообще-то обычно ему было гораздо тяжелее сходиться с новыми людьми, не говоря уж о том, что на этот раз перед ним был северный варвар, чьи соплеменники то и дело нападали на имперские суда и побережье.

А Шервард при разговоре продолжал смотреть на Динди и на Риззель. Когда девочка проснулась, келлиец заметно оживился, но всё же лишь смотрел, не делая попыток взять дитя на руки или даже просто заговорить с нею. Он так глядел на обеих, что Брум в конце концов начал чувствовать определённую неловкость. Однако же он, признаться, робел поста-

вить рослого северянина на место, и потому старался дать понять, что ему не слишком-то приятно, что посторонний человек так пялится на его сестру и племянницу.

Наконец старания его увенчались успехом – Шервард понял, что его поведение вызывает вопросы, и решил сразу же объясниться.

– Моя женщина умерла, – проговорил он, поймав очередной красноречивый взгляд Брума. – И моя дочка умерла. Летом. Я скучал. Очень.

– Динди и Риззель напоминают тебе твоих умерших? – смекнул Брум.

– Да, – просто ответил Шервард, и лицо его на некоторое время застыло, будто подёрнувшись ледяной коркой.

Бруматт смутился, решив, что был бестактен. Он не знал, что ещё сказать, и чувствовал большую неловкость. А кроме того, он испытал сочувствие к келлийцу, представив, каково ему сейчас.

И тут Динди, лицо которой, казалось, никак не изменилось даже после слов Шерварда, так что могло сложиться впечатление, будто она даже и не поняла смысла сказанного, вдруг судорожно поднялась и прямо через стол протянула изумлённую Риззель северянину.

Этот жест, такой по-детски непосредственный и совершенно неожиданный, похоже, одинаково ошарашил и Брума, и Шерварда. Даже Риззель, обычно такая беззаботная, заизвивалась, с явной опаской глядя на незнакомца. У Брума

отвалилась челюсть, и он остолбенел, не зная, что ему предпринять. Как изваяние застыл и Шервард, не решаясь принять протянутое ему дитя, да и боясь сделать это.

Риззель не была очень уж тяжёлой, но и Динди была хуленькой и не слишком сильной, так что долго держать так ребёнка не могла, и потому просто поставила дочку прямо на стол, продолжая придерживать руками.

– Подержи, – улыбаясь северянину, произнесла она.

И Шервард боязливо поднял руки и осторожно подхватил девочку. Девять из десяти детей при этом расплакались и раскричались бы, но Риззель лишь быстро захлопала своими большими глазёнками и закричала. Видно, она полностью доверяла своей маме, а может быть детское сердечко не учуяло никакой опасности в этом незнакомце.

Удивительно, но и Брум не ощутил никакой паники, увидев обожаемую племянницу в руках келлийского варвара. А ещё он успел увидеть лицо северянина в тот самый миг, когда он коснулся Риззель. Это была такая смесь боли и нежности, что любые опасения тут же рассыпались в прах.

– Хорошая... – бережно держа малышку на руках, проговорил Шервард. Он прижал девочку к себе, словно боясь случайно выронить, а затем тепло улыбнулся Динди. – Спасибо.

Та, как ни в чём не бывало, села на место, но как-то ласково, как показалось Бруму, глядела на северянина, и её обыкновенная полуулыбка сейчас казалась необычной. Как будто

Динди вдруг стала совершенно нормальной.

Шервард явно чувствовал себя неловко. Несмотря на то, что девочка на его руках не сопротивлялась, не кричала и не рвалась назад к маме, он всё же держал её с опаской, будто донельзя драгоценную и столь же хрупкую вещь. О его чувствах судить было очень трудно, поскольку он явно пытался казаться сдержанным, но Брум всё же ощущал, насколько северянин тронут этой неожиданной демонстрацией привязанности.

– Что она любит? – справившись с первой оторопью, стал спрашивать Шервард. – Я хочу ей дать.

– Ничего не надо, – улыбнулся Брум. – Она не голодна.

Шервард не стал настаивать – он и без того чувствовал себя неловко. В конце концов, воспользовавшись тем, что Риззель потянулась к маме, он осторожно передал её обратно Динди тем же манером – прямо через стол.

Разумеется, после этого всякий лёд между ними был окончательно сломан. Они просидели в таверне большую часть дня – снаружи было всё так же промозгло и дождливо, и Брум решил, что дела могут и подождать. Ему было на удивление комфортно в компании нового знакомого, и он хотел пообщаться побольше.

Увы, Шервард слишком плохо знал имперский, чтобы удовлетворить любопытство Брума, которого очень интересовали острова, море, да и вообще всё, выходящее за пределы его небольшого мирка. Келлиец говорил медленно, дол-

го подбирая в уме нужные слова, но в итоге всё равно далеко не всегда мог сформулировать мысль. Было видно, что северянина выводит из себя собственная беспомощность, и что ему крайне неловко перед новыми друзьями, однако сам Брум несколько не досадовал, что иногда не мог понять то, что говорил Шервард. Для него само умение изъясняться на чужом языке уже было чем-то фантастическим и заставляло чувствовать глубочайшее почтение к собеседнику.

Что же касается Динди, то она за всё время больше не произнесла ни слова, но при этом почти не сводила глаз с келлийца, немало смущая его этим. Она как будто бы вглядывалась в него – в то, как шевелятся его губы, пытаясь произвести непривычные звуки чужого языка; как он раздражённо морщил лоб, судорожно пытаясь вспомнить подходящее слово. Из-за этого пристального взгляда сам Шервард почти не глядел на девушку с ребёнком, хотя, наверное, очень хотел бы этого.

В конце концов, когда они уже стали прощаться, келлиец настоял на том, чтобы расплатиться за своих новых друзей. Договорились встретиться здесь же, в этой таверне – Шервард заверил, что бывает тут каждый день.

Уже после первой же встречи Брума так и подмывало пригласить нового приятеля в имение, но он не сделал этого. Да и позднее, когда они с Шервардом стали друзьями (по крайней мере, так считал сам Брум), он не спешил звать его в гости. Он так и представлял, как будет хмуриться отец, ча-

стенко нелестно отзывающийся об островитянах. Что же касается реакции барона Ворлада, который, без сомнения, рано или поздно столкнётся с гостем, то её не хотелось и представлять. Как и все военные, барон не особенно делил кельцев на «буйных» и «смирных», а потому в лучшем случае принялся бы упражняться в остроумии в адрес северянина, а в худшем...

В общем, Бруматт решил, что куда безопаснее встречаться в городе. Он не отчитывался перед отцом о своих поездках и не докладывал, когда ему нужно было уехать. Сейчас Брум в поместье считался уже взрослым, и к тому же – будущим хозяином, а потому волен был делать то, что считал нужным. И потому, несмотря на всё более чувствующееся приближение зимы, он зачастил в Тавер, обязательно всякий раз прихватив с собой сестру и племянницу.

Разумеется, эти отъезды не могли быть не замечены. Дворня выпытывала кучера – куда же повадились ездить молодые баре, но тот лишь пожимал сутулыми плечами, и не потому, что ревностно хранил тайны молодого хозяина, а потому, что действительно ничего не знал. Чтобы избежать лишних разговоров, которые неизбежно дойдут до ушей отца и барона, Брум взял за правило избавляться от повозки на постоялом дворе неподалёку от рынка, где кучер и коротал время в ожидании, пока барин вернётся и велит отправляться туда-то, чтобы погрузить то-то.

Что же касается отца, то он, помня об обещании найти

жену не позднее чем через год, которое дал Брум ранее, вбил себе в голову, что у сына в городе наконец появилась зазноба. И хотя ему до смерти хотелось узнать – кто она, каких кровей и при каком состоянии, но врождённая тактичность заставляла его помалкивать. А может, он просто боялся спугнуть сына-растяпу. В общем, на какое-то время Брум и Динди оказались предоставленными самим себе, и могли навещать в город по два, а то и по три раза в неделю.

Только теперь, оказавшись один не просто в незнакомом городе, а словно бы в другом мире, Шервард полностью осознал, насколько велик риск провалить задание. Оттуда, с Баркхатти, всё казалось намного проще – сама жизнь здесь казалась намного проще, как будто Тавер был лишь увеличенной версией Реввиала. Увы, это оказалось совсем не так...

Здесь всё было совсем иначе. И дело было не только в языке, менталитете, иной религии. Инаковость складывалась из тысяч мелочей – начиная от иных гастрономических предпочтений и заканчивая концептуальным восприятием бытия. Жизненный уклад келлийцев был словно грубой, донельзя упрощённой пародией на повседневную жизнь шеварцев.

Ну и, разумеется, всё это усугублялось языковой пропастью. Почему-то до сих пор Шервард был убеждён, что без труда овладеет имперским. Теперь же он приходил в отча-

ание, пытаясь постичь особенности чужого языка. Притом, что какой-нибудь академик из Шеара, специализирующийся на лингвистике, с удовольствием прочёл бы целую лекцию о том, насколько имперский язык проще и логичнее языка северных народов. Но он был другой, и в этом было всё дело. Возможно, он был устроен куда проще, и его структура подчинялась более очевидной логике, но Шервард, привыкший к иной логике и иной структуре, никак не мог сжиться с имперской речью.

В этом смысле разведчик из него выходил никудышный. Да, он уже худо-бедно мог поддержать разговор с торговками на площади, и тем более мог поговорить с Бруматтом, который очень чутко относился к затруднениям нового знакомого, а потому всегда говорил небыстро и чётко. Но багажа этих знаний было явно недостаточно для того, чтобы эффективно визнавать необходимую Вранооку и Желтопузу информацию, или вербовать сторонников. Шервард утешал себя, что впереди у него ещё несколько лун, но, признаться, в глубине души он сильно переживал, боясь подвести тех, кто послал его.

Значительные заминки вызывала и его неопытность в торговых делах. Теперь-то он осознал, как велика разница между сбытом мазанок на городском рынке и ведением настоящих дел. До сих пор он самостоятельно так и не встретился ни с одним купцом Тавера, и те, в свою очередь, похоже, уже понемногу растеряли первоначальный интерес к нему. Иной

раз Шерварду казалось, что он – один посреди бушующего Серого моря, в разбитой утлой лодчонке без вёсел и руля...

Благодарение Матери и Отцу, через некоторое время он всё же преодолел ту пучину беспомощности и отчаяния, в которую погрузился вначале под воздействием собственно-го одиночества и сосущей тоски, и в немалой степени этому способствовало знакомство с Бруматтом и Дининдрой, которую он, как и все прочие, привык звать просто Динди, тогда как к её брату неизменно обращался полным именем.

Да, эти двое вдохнули в него жизнь. Динди была одновременно и похожа, и непохожа на Лойю. Девушка была умилишённой, но это нисколько не портило её. Эта молчаливость, эта отрешённость, которая частенько застывала на лице, затем внезапно сменяясь какой-то наивной оживлённостью, скорее нравились Шерварду. Она была как ребёнок. По числу прожитых зим они с Лойей недалеко ушли друг от друга, но Лойя, конечно, казалась взрослее, особенно в последнее время. Хотя и она, в отличие от жены Тробба, например, до последних дней сохраняла в себе что-то непосредственное, детское.

И всё же первое впечатление, навеки впечатанное в мозгу юноши – то самое, оставшееся с первой встречи, когда он увидел Динди, стоящую на палубе драккара с младенцем на руках – это впечатление так никуда и не делось. Оно то и дело упрямо пририсовывало девушке какие-то черты Лойи – возможно фантомные, видимые лишь ему одному, но... Вре-

менами это будто снова была она, его козочка, как ласково называл он жену. Иногда какое-то движение, жест, поворот головы до судорожной боли напоминали Шерварду её...

Разумеется, он не был влюблён – сейчас и речи об этом идти не могло. Боль утраты была слишком сильна, чтобы он мог даже помыслить о том, чтобы заменить кем-то Лойю. Но Динди оказалась отличным врачующим средством – бальзамом, что щедро проливался на израненную душу, принося облегчение.

Что касается Бруматта, то он нравился Шерварду всё же в первую очередь как брат Динди. Во вторую – как шеварец, которого он может понимать лучше остальных. По характеру Брум не слишком-то подходил более деятельному, общительному келлийцу. Живи он в Скьёвальде – они вряд ли общались бы без необходимости.

Но здесь, на чужбине – другое дело. Здесь были все предпосылки для того, чтобы этим двоим стать друзьями. Тем более, что у Бруматта, похоже, друзей-то и не было. Он ровно и доброжелательно общался со всеми, но словно держал определённую дистанцию, не подпуская к себе никого чересчур близко. Будто боялся обжечься. Тем удивительнее была та лёгкость, с какой он сблизился с Шервардом.

Они встречались теперь довольно часто. Юноша уже знал, что эти двое (трое – ведь малютка Риззель также была важной частью их уютной компании) жили в имении неподалёку от города, и приезжали сюда лишь время от времени. Каж-

дый раз, уезжая, Бруматт сразу оговаривал, когда приедет вновь. Теперь Шервард уже гораздо лучше понял имперскую концепцию времени, и, в частности, сумел приноровиться к понятию недели.

Бруматт, видно, был из тех людей, которые стремятся упорядочить всё вокруг себя, и потому с такой скрупулёзностью определял дату каждого своего визита. А быть может, он просто боялся прибыть некстати, оказаться несвоевременным. Было видно, что он дорожит дружбой с Шервардом, и юношу это действительно трогало. Он и сам дорожил этой дружбой, так что был рад любой встрече, тем более что его деловая жизнь вовсе не была ключом и свободного времени было хоть отбавляй.

Во время очередного приступа самобичевания по поводу своей бездарности в качестве разведчика, Шервард, чтобы прийти в согласие с самим собой, установил, что даёт себе одну луну (шеварцы говорили «месяц») на то, чтобы окончательно освоиться и подучить язык (в чём он рассчитывал, в первую очередь, на Бруматта), а затем уж всерьёз возьмётся за выполнение задания.

Это уже было похоже на план, так что дало некоторое успокоение его душе и позволило получать больше удовольствия от общения с новыми друзьями. Тем более, что и этому он нашёл оправдание – такие беседы были отличными уроками языка. Конечно, Бруматт явно не тянул на учителя словесности – он при всём желании не сумел бы объяснить

правил собственного языка, его устройства и особенностей. Но он охотно и без малейшего недовольства готов был по нескольку раз повторять то или иное слово, разъяснять, что оно означает, поправлять хромящее на обе ноги произношение келлийца. Для такого толкового ученика, каким был Шервард, этого было вполне достаточно.

А Динди в это время либо баюкала малышку, не отрываясь глядя в одну точку (частенько – на самого Шерварда), либо ворковала с Риззелью на одном им известном языке, становясь при этом особенно хорошенькой.

Шервард в такие минуты словно бы заглядывал в узкую щель между ставнями Судьбы. Будучи выброшенным на промозглый сырой холод, он будто заглядывал в уютный домик той жизни, что *могла бы* быть у него. Там, где его жена и дочь были живы, и где они точно так же проводили всё время, перемежая счастливое лопотание поцелуями и смехом.

Он верил, что однажды всё это будет у него снова – в мире мёртвых, осенённый ласковой улыбкой Матери, он опять обнимет свою любимую Лойю, а их дочурка прижмётся к его ноге, навеки оставаясь в образе младенца. И так, втроём, они будут жить там вечно, опекаемые Матерью и Отцом. А где-то рядом, наверное, будут Динди и Риззель. Во всяком случае, Шерварду очень хотелось верить в это.

Глава 26. Маленькая тайна

Календарная зима пришла в Тавер, когда тот уже был засыпан снегом. Морозы пришли и того раньше – куда более суровые, нежели в Кидуе, но всё же не такие жестокие, как на островах. Шервард в очередной раз убедился воочию, насколько более уютным делает климат та прослойка из солёной воды, что отделяет Шевар от Баркхатти.

Минувшее время не прошло даром. Обладая несомненным талантом к изучению языков, юноша неплохо поднатрел в общении на имперском. Иногда он и сам удивлялся тому, как порою легко всплывали в памяти нужные слова, как он, не задумываясь, иной раз мог поставить слово в нужную форму, не вызывая смеха уличных торговков. Да и произношение давалось всё легче, уже не выкручивая язык и не коверкая гортань. Конечно, проблем хватало до сих пор, но всё же он уже чувствовал себя куда увереннее, общаясь с местными.

Поскольку время, отведённое им самому себе для подготовки, закончилось, Шервард понемногу стал погружаться в ремесло разведчика. Он уже знал, что неподалёку от Тавера квартирует один из легионов, и решил для начала попытаться выяснить его численность. Увы, оказалось, что горожане не особенно осведомлены о том, что творится у них под носом. Нет, они не собирались ничего скрывать от симпа-

тичного островитянина – скорее наоборот, некоторые очень стремились продемонстрировать свою «осведомлённость».

Увы, эта осведомлённость стоила не больше рыбьих плавников. Шерварду назвали несколько довольно сильно отличающихся друг от друга чисел, и было совершенно неясно – какое из них хоть сколько-нибудь приближено к реальности. Во всяком случае, более или менее достоверно он узнал, что сам легион пребывает здесь постоянно, а вот легат частенько ездит в Кидую, да и эту зиму наверняка проведёт там же.

Как и ожидалось, местное население было вполне лояльно к империи. Над столицей частенько подтрунивали, как и в любом провинциальном городке, но не более того. Если в Шеваре и были сепаратисты, то жили они явно не в Тавере. Можно сказать так – здешние жители просто жили своей жизнью, мало задумываясь над тем, частью какой громады они на самом деле являются. В общем, они чаще воспринимали себя не шеварцами (точнее, палатийцами) или кидуанцами, а просто – таверцами.

Впрочем, Шервард ещё не знал и не мог знать, что где-то далеко-далеко на юге уже начинались события, которые принесут внезапные и позитивные лично для него перемены.

Когда на въезде в Тавер саням Брума пришлось посторониться, чтобы пропустить караван из шести или семи подвод, гружёных мешками, он не придавал этому особого значе-

ния. Однако, таверна у рыночной площади, куда он привычно направился, надеясь застать там Шерварда, гудела словно растревоженный улей.

Келлиец уже был здесь – за тем самым столом, где они познакомились. Он всегда старался занять именно его, выказывая тем самым, что не чужд сентиментальности. Шервард радостно замахал рукой, когда дверь открылась и в облаке морозного пара возникли закутанные фигуры Бруматта и Динди. На руках девушки устроилась Риззель, похожая на куль из-за тёплых зимних одежд, из которых виднелись лишь её огромные глазки и раскрасневшиеся пухлые щёчки.

Как обычно, первым делом девочка потянула свои ручки к Шерварду, который каждый раз баловал её лакомствами. Вот и на сей раз он протянул малышке сладость на палочке, которую в Тавере называли живкой. Затем он крепко пожал руку Бруматту и ласково коснулся замёрзшей ладошки Динди. Та широко улыбнулась в ответ и уселась на излюбленное место.

– Чего это все сегодня такие шумные? – удивлённо поинтересовался Брум у Шерварда, едва они уселись за стол, и северянин разлил по чашкам горячий травяной чай из покрытого копотью большого чайника.

– Они недовольные, – пояснил тот, пододвигая поближе к Динди блюдо со сдобными пирогами. – В Кидую увозят зерно.

– Какое ещё зерно увозят в Кидую? – озадаченно пере-

спросил Брум.

– Запасы, – Шервард старался строить фразы максимально кратко и просто, чтобы допускать как можно меньше ошибок. – Имперские склады. Зерно увозят в Кидую.

– Зачем? – Брум, кажется, до сих пор ещё не до конца понял, что имел в виду келлиец, и задавал первые пришедшие на ум вопросы.

– Там мало зерна, – пожал плечами Шервард.

Возможно, северянин был осведомлён лучше, но вытягивать из него эту информацию слово за словом было совершенно невыносимо. Брум понял, что ему нужен кто-то, кто не только в курсе происходящего, но и может без особых затруднений разъяснить всё ему. А потому он помахал рукой, подзывая хозяина таверны.

– Что здесь происходит, мэтр Хеймель? – спросил он, когда хозяин добрался до него. – О каком ещё зерне рассказывает мне Шервард?

– Да совсем обнаглели столичные-то, господин Бруматт, – охотно заговорил трактирщик, которого происходящее явно задевало за живое. – Они там, вишь ли, голодают, и им требуется больше зерна! Зима у них, вишь ли, холодная выдалась! Вот и вывозят наши запасы теперь! Почитай возов сорок уже из города ушло!.. *Нашего* хлеба!

Наверняка кто-то в Тавере знал о Днях изобилия, что проводились в столице, но широко эта информация не афишировалась. Подобная практика имела место едва ли не в од-

ной лишь Кидуе, да, может, ещё в нескольких крупных городах империи. В местах вроде Тавера о подобном не могли и помыслить. Однако же и здесь имелись хранилища хлебных излишков, содержимое которых, кстати говоря, чаще всего в итоге тоже оказывалось в столичных закромах, когда приходила пора заменить их зерном нового урожая. Просто обычно это делалось не так заметно.

В этот же раз власти города, получившие срочный приказ императора, вынуждены были действовать быстро, а это значило, что добрая половина города видела, как из *их* хранилищ выносились мешки и грузились на здоровенные сани. И это порядком разозлило таверцев. А возможно, кто-то более осведомлённый мог и догадаться, что это зерно будет просто *роздано* бездельникам из Кидуи.

Собственно говоря, это и было главной ошибкой властей. Таверцы восприняли это изъятие как отбор *лично у них*, хотя зерно из императорских запасов нечасто перепало горожанам, и уж подавно – никогда бесплатно. Так что если бы была возможность перевезти его понемногу, небольшими партиями – никто ничего бы даже и не заметил.

Вообще на периферии империи о бунте, который уже разгорался в столице и который стал причиной такого внезапного изъятия хлеба, ничего известно не было. Впрочем, даже зная об этом, таверцы вряд ли прониклись бы особенным сочувствием к кидуанцам, а скорее всего это взбесило бы их ещё больше. В общем, город гудел, и Шервард с приятным

удивлением впервые мог наблюдать, как хвалёная таверская лояльность трещит по швам.

Да, келлийский лазутчик с радостью прислушивался к гомону, царившему в таверне. Он глядел в суровые лица горожан, сейчас искажённые гневом, и эти образы с лихвой компенсировали недостаточное знание языка – даже не понимая того, что они говорят, он вполне представлял их настрой. Конечно, это ещё ни о чём не говорило – скорее всего, через недельку Тавер успокоится, и уж подавно Шервард не ждал каких-либо открытых действий против метрополии. Но он увидел главное – сотни лет пребывания Палатия под управлением империи так и не вытравили из него вольный Шевар до конца. В палатийцах, пусть и глубоко запрятанное, осталось это деление на «они» и «мы».

Пока что Шервард ещё толком не представлял, что ему делать с этим знанием, но, по крайней мере, было похоже, что он нащупал подобие входа в гнездо диких пчёл, куда можно будет попробовать ткнуть палкой. А главное – если даже в «цивилизованном» Тавере шеварцы так легко раздражались от неуместных действий империи, то Враноок действительно вполне может найти союзников среди поморов, живущих в селениях, подобных Скъёвальду, вдоль всего побережья.

– Так вот что за возы я видел у городских ворот! – воскликнул Брум, припоминая, как его саням пришлось потесниться к сугробам на обочине.

– Они самые! – закивал хозяин, сжимая кулаки. – Гово-

рят, подчистили почти всё зерно! Теперь, коли что случится – взять уж будет неоткуда! Разве что весной завезут из Загорья. А до тех пор – жуйте, простофили, свои уши!

– Неужто теперь будет голод?.. – тревожно взглянув на сестру и племянницу, спросил Брум, который, уже неплохо разбираясь в хозяйстве собственного имения, плоховато понимал экономику более крупных масштабов.

– Ещё чего!.. – как-то даже злорадно ответил мэтр Хеймель, как будто и впрямь считал, что император задумал всё это лишь только для того, чтобы уморить таверцев голодом. – Мы-то, чай, свои закрома загодя заполнили! У меня зерна вволю хватит, так что вам не о чем беспокоиться! В моей харчевне вы всегда получите и свежего хлеба, и сдобы для вашей малютки! Да и другие тоже на власти-то не больно надеются, сами запасаются. Мы-то переживём, ничего!

– Ну и хвала Арионну, – облегчённо закивал Брум, чьи амбары тоже были полнёхоньки с осени.

– Так-то оно так, – в благодарности Белому богу закатил глаза трактирщик. – Да только не дело это! Для императора, стало быть, жители Кидуи поважнее нас будут! Они, стало быть, пусть хлеб едят, а мы, выходит – жуй свои уши!

– Это уж как обычно... – поморщившись, проворчал Брум.

Поняв, что разговор исчерпан, мэтр Хеймель направился к другому столу, не переставая ворчать что-то про свои уши и обнаглевших кидуанцев. Шервард же отметил, что Бруматт

как будто бы скис после этого разговора. Неужели он так переживал из-за вывезенного хлеба?

– Это часто бывает у вас? – поинтересовался северянин, чувствуя, что собеседник сейчас весьма расположен ругать Кидую, и надеясь продвинуться в своей цели вербовки сторонников.

– Не знаю, – чуть рассеянно пожал плечами Брум, глотая подстывший чай. – Раньше я об этом не слышал. Хотя... Чего ещё ждать от Кидуи?..

– Они относятся к вам плохо?

– Да не то чтобы плохо... – было заметно, что Бруматту неприятно говорить об этом. – Просто все они такие... Приходят, берут что им надо, и уходят как ни в чём не бывало.

При этом он так взглянул на свою сестру, как обычно, безмятежно глядевшую куда-то в сумрак таверны, притулившись к стенке, что Шерварда вдруг осенило. Догадка, разумеется, не пришлась ему по вкусу – мысль, что кто-то мог причинить зло Динди, обожгла сердце злостью. Но он промолчал, не желая продолжать разговор при девушке, однако решив, что непременно поговорит об этом с Бруматтом позднее.

Такая возможность вскоре представилась – чуть отогревшись, Бруматт отправился по делам имения, тогда как Динди с Риззелью оставались здесь, в приятном тепле таверны. Шервард частенько под разными предложениями, а то и вовсе без них оставался, чтобы составить ей компанию, но на этот

раз вызвался прогуляться с Бруматтом.

Они вышли наружу, задохнувшись от морозного воздуха, обжёгшего лёгкие. Впрочем, их, коренных северян, такой мороз не пугал, тем более что одеты они были в великолепные меховые одежды, не оставлявшие холоду ни одного шанса добраться до кожи.

В то время, как лёгкий морозец и выпавший снежок едва ли не парализовали жизнь Кидуи, здесь, на заснеженных улицах Тавера, жизнь кипела. Румяные торговки, ставшие в два раза толще из-за напяленных зимних одежд, разругавшиеся от мороза, звонко переговаривались между собой, а завидев Шерварда, непременно стремились перекинуться с ним хоть словечком. Брум, правда, не пользовался такой популярностью среди этих пропахших рыбой красавиц, да и особенно не стремился к этому.

– Почему ты так говорил про кидуанских? – не теряя времени, спросил келлиец, понимая, что вскоре приятель с головой уйдёт в дела. – Ты знаешь их?

– Некоторых, – с неохотой процедил Бруматт, но всё же не сделал попытки прекратить неприятный разговор. – Один жил в нашем имении, а другой и теперь живёт. Оба – довольно неприятные типы.

Очевидно, что добряк и увалень Брум так и не простил Линда, а свою ненависть к бывшему другу отчасти перенёс на барона Ворлада, тем более что тот и сам давал достаточно поводов для неприязни.

– Тот, который ты говоришь... – Шервард замялся, но на сей раз не потому, что не мог вспомнить верное слово. – Риззель – его ребёнок?

– Да, – Бруматт вдруг понял, как давно ему хотелось выговориться, но он всё же ждал вопросов друга.

– И где он теперь? – недобро нахмурился северянин.

– Уехал в Кидуую... Почти сразу же... Он, возможно, даже не знает, что у него есть дочь. Сомневаюсь, чтобы его отец потрудился сообщить ему об этом!

– Его отец остался у вас?

– Да, он живёт в нашем имении сколько себя помню. Распоряжается там, словно хозяин, а на нас временами смотрит едва ли не как на прислугу!..

– Он ваш родственник? – Шервард силился понять связь между Динди и тем подлецом, что обесчестил её.

– Да какие родственники! – с досадой отмахнулся Брум. – Сперва приехал погостить, да так и остался. Он – интендант легиона, что квартирует тут поблизости.

– Он командир? – внутренне Шервард весь напрягся, будто собака, учуявшая волка. Слово, которое употребил Бруматт, было ему незнакомо, но он понял, что речь идёт о важной шишке.

– Да какой он командир! – презрительно бросил парень, но всё же природная честность взяла своё. – Ну... Да... Вроде какой-то командир. Но не из тех, что командуют легионерами. Он – что-то вроде меня. Ездит и ищет припасы для

легиона.

Шервард возликовал в душе. Такая неожиданная удача была не иначе, чем промыслом Воина. Это лишь он, верный ратник, мог так упредить всё дело! Даже здесь, на чужой земле он помогал своим людям, хоть тут, вроде бы, и была вотчина южных божков. Куда им, этим Арионну и Ассу, до истинной силы Великой Троицы – Матери, Хозяина и Воина! Ведь как иначе объяснить, что Динди вдруг взобралась на их драккар, а он увидел её! И потом, когда он нашёл их, когда сумел познакомиться... Теперь всё это обретало новый смысл, и Шервард вдруг свято уверовал в успех своего дела.

– Он и теперь живёт у вас, или уехал в Кидую?

– Он туда не ездит, – злорадно скривил губы Брум. – Строит из себя столичного, а сам там лет пятнадцать не был! Отец говорит, что он, вроде бы, и дом там уже продал, возможно, за долги... В общем, здесь-то он ходит петухом, перья распушив, а на деле – щипаная курица!

– Ты их не любишь? – прямо спросил Шервард.

– А за что их любить? – сплюнул Брум. – Один – друг с самого детства! Мы с ним всю жизнь вместе, как две руки – вот! – он поднял свои запряжанные в рукавицы руки к лицу. – Вот так мы с ним были! И Динди... А потом он взял и... – парень снова сплюнул и в сердцах пнул снег в том месте, куда упал плевок.

– Он её... – Шервард не знал, как произнести слово «изнасиловал», и потому сделал нервный жест, который Брум

прекрасно понял.

– Ну... Отчасти... – слегка замялся он в ответ. – Нет, прямого насилия, конечно, не было, но... Ты же видишь, какая она... Она... Особенная. Что она понимает?.. Надо быть полным скотом, чтобы воспользоваться этим! И вдвойне скотом, чтобы бросить обещанную тобой девушку!

Волнуясь, Брум говорил горячо и быстро, то и дело сбиваясь, так что Шервард едва понимал половину сказанного. Впрочем, то, что он не сумел распознать ухом, он понял сердцем. Динди была очень дорога ему, и он остро чувствовал всё, что говорил приятель. Любому, кто дерзнул обидеть её, он без сомнений готов был бы вырвать кишки. Вероятно, Линду очень повезло, что в тот момент его не было рядом.

В числе прочего Шервард, разумеется, выучил уже несколько любимых ругательств таверцев, и во время этой беседы он использовал каждое из них, дополнив куда более богатым набором сквернословий на родном языке. Разговор оказался тяжёлым для обоих, так что всё, что касалось легиона и отца подонка, что надругался над Динди, он оставил на следующий раз. Келлиец почувствовал главное – Бруматт ненавидит кидуанцев, с которыми он знаком, и оттого не слишком-то жалуется всех прочих столичных жителей. А это значило – он, вполне возможно, согласится помочь.

Долгожданный разговор случился позже в тот же день. К

тому времени оба успели немного остыть, занятые делами Брума. В разгар зимы северные дни были короткими, так что в таверну вернулись уже почти в потёмках, хотя время было ещё совсем не поздним. Хэддасам предстоял ещё обратный путь, но Бруматт хотел отогреться и пообедать.

Разумеется, Шервард не собирался вести подобную беседу в присутствии Динди, а потому, улучив момент, хлопнул идущего рядом товарища по плечу:

– Я хочу говорить с тобой. Сейчас, когда нет Динди.

– Что такое? – в сумерках этого было не видно, но Брум нахмурился после этих слов. Он явно решил, что разговор пойдёт именно о его сестре.

– Ты ненавидишь того, который сделал это с ней?

– Да... – выдохнул Брум.

– И его отца? – они остановились в нескольких десятках шагов от таверны, хотя оба порядком замёрзли, а мороз явно крепчал.

– И его тоже. А что?

– Ты думаешь, что все кидуанцы такие? – Шервард продолжал прощупывать почву, прежде чем выложить свою тайну.

– Наверное, не все, – пожал плечами Брум. – Да какая разница? Я вообще не думаю об этом.

– Шеварцы давно были свободные. Как келлийцы. А потом сюда пришла Кидуа и взяла ваши земли. Это тебя гневит?

– Это было чёрт знает когда, – растерялся Бруматт. – Палатий уже давно – часть империи. Так было всегда...

– Не всегда! – негромко, но настойчиво возразил Шервард, оглядываясь, чтобы убедиться, что поблизости нет нескромных ушей. – Давно вы были такие как мы! У нас говорят: шеварцы и келлийцы – один народ. Давно были один народ. Но теперь вы – не свободный народ. Вы принадлежите империи. И они могут забирать ваш хлеб, когда хотят.

– Я никак не пойму, к чему ты это? – нервно спросил Брум, понимая, что разговор пошёл в совершенно неожиданном направлении. Признаться, этот поворот его несколько пугал.

– У нас есть ярл, его зовут Враноок, – разумеется, Шервард не мог бы перевести это имя на имперский, а потому произнёс его по-келлийски. – Он хочет объединить все народы. Он хочет собрать кланы, объединить их. И хочет объединить келлийцев и шеварцев. Против Кидуи.

– Как это? – теперь уже заозирался и Бруматт, переходя почти на шёпот. – Что значит – против Кидуи?

– Враноок собирает армию. Скоро будет большой поход. Келлийцы, шеварцы, пунты – все вместе против Кидуи. Для вашей свободы. Когда Шевар будет свободен – он не будет враждовать с Баркхатти. Будет мир.

– Когда будет поход?... – едва выдавил из себя оторопевший Брум. От охватившего его ужаса колени ослабли, а в животе стало до того некомфортно, что он неожиданно громко

и протяжно пустил газы, едва не измарав портки.

– Скоро, – холодно ответил Шервард, будто и не заметив этого жалобного звука. – Мне нужна твоя помощь. Враноок послал меня сюда, чтобы мне смотреть и узнавать здесь всё. Особенно про легионы. Если ты хочешь мне помочь – узнавай всё у кидуанца. Говори всё мне.

– Я же стану предателем... – Брум понял, что вот-вот навалит в штаны, и переминался с ноги на ногу, тщетно пытаюсь справиться с этим. Наконец, поняв, что долго не выдержит, он быстрым семенящим шагом бросился к таверне. – Мне надо в сортир!..

– Подумай, – вдогонку бросил Шервард, а затем, постояв немного, медленно направился следом.

Глава 27. Шпион

Когда Брум вернулся наконец из отхожего места в таверну, Шерварда там не оказалось. Келлиец, поразмыслив немного, решил не давить на трусоватого приятеля и дать ему немного времени. Кроме того, он и сам был слишком взволнован, и потому хотелось забиться в свою пустую тёмную комнату, чтобы переварить произошедшее. Шервард сегодня сделал большой и резкий шаг вперёд, причём случилось это неожиданно даже для него самого. Теперь в Шеваре был человек, знавший о нём правду...

Интуитивно северянин чувствовал, что можно не опасаться того, что Бруматт его выдаст. И всё же, нервное напряжение не отпускало. Кроме того, тягостным для него оказался и разговор о Динди, и от этого тоже не мешало прийти в себя.

Что же касается Брума, то он, без аппетита поковырявшись в тарелке, предложил Динди одеваться, чтобы отправиться в обратный путь. Девушка, которая почти всё время провела здесь в компании лишь маленькой дочки, выглядела совершенно безмятежно. Впрочем, она любила подобное времяпрепровождение – здесь она могла наблюдать за людьми, что всегда её очень увлекало.

Возвращались домой уже в полной темноте. Небо, затянутое облаками, почти не давало света, но это было и не нужно – лошадь отлично ориентировалась и так, тем более что по

обочинам дороги были сугробы, которые просто не дали бы ей сбиться с курса. Кучер даже не зажигал фонаря – от него всё равно не было особого проку.

Обратный путь прошёл в полном молчании, впрочем, как и всегда. Риззель, как обычно, задремала на руках матери, убаюканная скрипом и покачиванием саней, а также мягким топотом копыт. В темноте Брум не видел, были ли открыты глаза у Динди, или она тоже дремала. Сам же он тяжело и напряжённо думал.

Временами ему казалось, что он просто выдумал себе недавний разговор с Шервардом – настолько ему не верилось в то, что он услышал. Шервард – келлийский шпион? Островитяне задумали пойти войной на Кидую?.. Северные варвары вновь хотят крови?..

Однако же привычный с детства образ врага как-то не вязался с Шервардом... Молодой северянин очень нравился Бруму, и он явно не был ни злым, ни кровожадным. Пожалуй, он был лучше многих таверцев, и уж подавно лучше того же Линда или барона Ворлада! У него были честь и доброе сердце, и он был так ласков с Динди и малышкой...

Всё путалось в голове несчастного Брума, норовило перевернуться с ног на голову. Что же это за мир, в котором «свои» оказываются подлыми и беспринципными негодяями, а «чужие», «враги» – настоящими друзьями? Как ему быть дальше, и что выбирать – верность земле, которая его взрастила, или верность дружбе? Должен ли он стремглав

мчаться в городской магистрат, чтобы донести о келлийском шпионе, или должен исполнить просьбу Шерварда?

Тем более, что тот убеждает, будто келлийцы не только не желают зла жителям Палатия, но и видят в них своих союзников в борьбе с империей. Брум уже почти позабыл те немногие вещи, которые в своё время сумел усвоить во время уроков отца, но он знал, что когда-то его земля была вольной страной, и что Кидуе потребовалось немало сил и времени, чтобы подчинить гордых северян. Он знал, что отец всегда с гордостью говорил о мужестве и свободолюбии их предков, но при этом, кажется, нисколько не тяготился нынешним положением дел. Да о чём тут говорить – десятки поколений палатийцев родились, прожили жизнь и умерли гражданами Кидуанской империи!

Брум задумался так, что даже не замечал холода, не замечал порывов ветра. Он был в отчаянии – напуганный и растерянный. Мысли комкались и терялись, проносясь в голове какими-то обрывками, как будто бы их гонял там злой ветер, налетающий со стороны моря. Но во всём этом хаосе и смятении всё более очевидным становилось одно – думая о Кидуе, юноша неизменно представлял надменное лицо барона Ворлада или делано виноватое лицо Линда, тогда как Келлийские острова теперь прочно ассоциировались с Шервардом.

Разумеется, он так и не пришёл к какому-то решению. Даже если бы до имения было не три, а все триста миль – вряд

ли этого пути хватило бы Бруму, чтобы разобраться в себе. Едва вернувшись домой, он тут же пошёл в свою комнату. Есть не хотелось совершенно, хотя в городе он едва проглотил несколько кусочков перед отъездом. Он так и не вышел больше этим вечером – впрочем, они вернулись довольно поздно, так что флигель, в котором проживало семейство Хэддасов, уже и так почти заснул.

На следующий день они обедали в главном доме – барон Ворлад пригласил их «к себе», чтобы вместе скоротать вечерок за болтовнёй и игрой в карты. Это было заведено давным-давно – барон считал имение своим, а Хэддасы вроде как даже смирились с этим, но сегодня досада и даже злость полоснула по сердцу Брума. Неужели отец так никогда и не решится поставить этого зазнайку на место? Да что отец?! Брум и сам уже был почти полноправным хозяином поместья. Может быть, он однажды всё же наберётся смелости?..

За столом в жарко натопленной гостиной сидели всего трое – барон, а также отец и сын Хэддасы. Жёны обоих сеньоров отсутствовали – такое правило ввёл хозяин дома много лет назад. Впрочем, матушка Брума, в последнее время особенно недолюбливающая барона, была этому только рада.

У Ворлада был собственный повар, и готовил он, надо отдать должное, преотменно. Даже Брум, который всё ещё витал в собственных тяжёлых мыслях, отобедал с большим аппетитом. Барон, как обычно, был насмешливо-вежлив и

слегка развязан. Он много раз говаривал, что любит такие вот «мужские посиделки» именно потому, что здесь можно свободно поговорить о вещах, «заставляющих краснеть барышень».

– Что слышно в городе? – довольно скоро поинтересовался он у Брума, зная, что тот частенько бывает в Тавере.

Сам барон в последнее время предпочитал оставаться в имении. В расположении легиона он, судя по всему, не бывал уже несколько недель, да и в Тавер не навещался дней десять, с тех пор как ударили сильные морозы.

– Из города вывозят зерно в Кидую, – вынырнув из своих дум, мрачно ответил Бруматт, осознав, что вопрос был задан ему.

– Что это значит? – спросил сеньор Хэддас.

– Зерно, что хранилось в городских амбарах, везут в Кидую. Говорят, у них там голод из-за суровой зимы, и потому требуется больше зерна. Из Тавера, похоже, вывезли почти всё.

– Забавно, – усмехнулся барон, пощипывая кусок хлеба, который держал в руках. Он уже некоторое время делал маленькие шарики из мякиша, расставляя их на столе в некое подобие боевого построения легионеров. – Они что – от холода стали больше есть?..

– Но как же так? – сеньора Хэддаса, похоже, этот факт несколько не позабавил. – Они вывезли всё зерно из Тавера?.. Но ведь и у нас впереди зима, и куда более суровая, чем в

Кидуе!

– Они вывезли не всё зерно, любезный друг, – тоном, в котором сквозило лёгкое, не особо тщательно скрываемое превосходство, возразил Ворлад. – Это касается лишь запасов, принадлежащих короне. Хлеб, принадлежащий частным владельцам, я уверен, в полной безопасности. Не так ли, юноша?

Барон никогда не называл Брума по имени, и всегда обращался к нему так, будто бы тот всё ещё был неуклюжим приятелем его сына.

– Да, – скрипнул зубами Брум, которого сегодня особенно выводил из себя этот напыщенный гусь. – Но всё же это не совсем правильно, я считаю. Теперь, случись что, и Тавер останется без запасов.

– Да что может случиться? Рачительные хозяева вроде вас хорошенько подготовились к зиме, закупив хлеб за бесценок осенью. Разве я ошибусь, если скажу, что вы закупаете даже больше зерна, чем можете потребить?

– Оно не пропадает у нас, – заметил Хэддас, как будто задетый за живое. – Остатки зерна перегоняются в эль.

– Об этом я и говорю. Империя производит столько зерна, что в Пунте, говорят, им засыпают ямы на дорогах. Вся шумиха вокруг этого дела не стоит луковой шелухи.

– Однако же оно зачем-то потребовалось в столице! – начиная горячиться, возразил сеньор Хэддас. – И они почему-то сочли возможным просто взять наше зерно себе!

– Не забывайте, друг мой, что это – не *ваши* зерно, – наставительно заметил барон. – Это – зерно императора. И ему решать, что с ним делать.

– Оно куплено в том числе и за деньги Тавера! – лицо отца пошло красными пятнами после этой унижительной выволочки. – За те самые налоги, которые я и другие жители исправно вносим в казну! И оно хранилось здесь не просто так, а затем, чтобы помочь нам пережить зиму. Благодаря этим запасам можно было, к примеру, удержать цены на хлеб от роста, что неизбежно случится в разгар зимы!

– Боги, да что вам-то за дело до этого? – рассмеялся Ворлад. – Нас с вами это уж точно никак не затронет! Что-то разговор наш пошёл совсем не туда... У нас ведь здесь просто лёгкая беседа – к чему нам вся эта политика? Когда я спрашивал о новостях из города, то надеялся, мой юный друг, что ты расскажешь, к примеру, о готовящейся свадьбе дочери господина Либьерда. Они действительно решили перенести её на весну, как я слышал? Или это – лишь слухи?..

– Я ничего об этом не знаю, – как-то грубовато ответил Брум. – Я езжу в город по делам.

– Да уж, – расхохотался барон. – Сомневаюсь, что об этом станут судачить на рынке! А между тем, Либьерд действительно хочет отложить свадьбу, как я слышал! И, признаться, у него для этого есть все основания! Знали бы вы, что мне доложили в мой прошлый визит об этом дельце! Слух конфиденциальный, и требует подтверждения, однако же...

Разумеется, это всё между нами, господа, потому что...

Бруматт, зная не знавший никакого Либьерда, довольно быстро перестал слушать вкрадчивую речь барона Ворлада. Он вновь задумался о том, что не давало ему покоя весь день. И, надо сказать, сегодняшний разговор не только здорово разозлил его, но и, кажется, что-то прояснил в мыслях.

Да, именно так, наверное, и рассуждают все столичные, когда речь заходит о городах вроде Тавера. «Это не ваше зерно», «это не ваше дело», «это не ваша земля»... «Мы будем делать тут всё, что захотим – забирать ваш хлеб, жить в ваших домах, насиловать ваших сестёр»...

Барон прожил здесь добрых два десятка лет, но по-прежнему мнил себя не ровней местным провинциалам! Он насмеялся над всеми ними – Брумом, отцом, неизвестным Либьердом... Он ни разу не поинтересовался не то что судьбой Динди, но даже судьбой Риззель, которая была ему внучкой! Наверняка в душе он и вовсе считал, что его драгоценный отпрыск облагодетельствовал захудалых провинциальных дворянишек, обрюхатив их полоумную дочку!..

И Брум, наверное, в этот момент впервые понял, что если мир и делится на «своих» и «чужих», то вовсе не обязательно по какому-то территориальному признаку. «Свои», судя по всему, вполне могут быть иноземцами, тогда как «чужие» – жить с тобой под одной крышей многие годы. И он понял также, что эти последние ему смертельно надоели. Хотелось вновь стать полноправным хозяином собственного дома. От-

вет на вопрос, мучивший его последние сутки, наконец был найден.

Прошло уже довольно много времени с тех пор, как Бруматт познакомился с Шервардом, а в имени об этой странной дружбе до сих пор ничего не знали. Постепенно у домоладцев и дворни угас интерес к тому, куда это так зачастил молодой барин, поскольку никакого развития в этом направлении не происходило. Мать Брума однажды прямо спросила его – ждать ли в ближайшее время невесту в дом, но тот твёрдо опроверг домыслы родителей.

Стало ясно, что причина его частых отъездов в чём-то ином, а поскольку он всегда брал с собой Динди и Риззель, то есть ехал, очевидно, не ради каких-то запретных удовольствий, да и возвращался неизменно трезвым, то постепенно отец с матерью перестали забивать себе этим голову. Сеньор Хэддас нашёл для себя вполне удовлетворительное объяснение – молодые люди слишком долго просидели взаперти, и теперь им хочется больше общения и людской суеты.

На следующий день после обеда у барона Брум вновь засобирался в город, однако на сей раз он решил отправиться один, без Динди.

– Я ненадолго. Туда и назад, – оправдывался он перед сестрой.

Та, впрочем, смотрела на него безо всякой обиды, как буд-

то бы ей на самом деле было безразлично – ехать ли в Тавер, или оставаться в имении. Брум, в общем-то, мог бы уехать, вовсе ничего ей не говоря, и Динди, скорее всего, даже не заметила бы этого. Но он не мог поступить так с сестрой. Зная, как ей нравятся эти поездки, он чувствовал себя едва ли не предателем, оставляя её здесь, а потому хотел по крайней мере предупредить её, чтобы не выходило, будто он действует за её спиной.

Чтобы не связываться с кучером, Брум велел запрячь ему лошадь для поездки верхом. Конечно, это было не так комфортно, как путешествие в санях, где можно было сесть спиной к ветру, свернуться калачиком на мягкой соломе и даже немного подремать. Но зато он мог быть уверен, что никто не проследит за ним. Теперь, когда он из друга келлийца вот-вот превратится в его соглядатая, парень, мягко говоря, чувствовал себя не в своей тарелке.

Юноша очень нервничал и боялся совершить какую-нибудь фатальную ошибку. Ему казалось, что все обитатели имения испытующе глядят ему вслед, словно уже зная о том, какое предательство он собирается совершить. Брум никогда не был очень уж ловким наездником, а в этот раз он и во все едва не свалился при попытке взобраться в седло. Надо сказать, что, вопреки его ощущениям, даже этот комичный эпизод остался незамеченным со стороны дворни.

Пытка продолжилась и в городе. Особенно перепугал его отряд стражи, с которым он встретился неподалёку от ворот.

Скучающие стражники не обратили на всадника никакого внимания, но бедолага буквально обливался потом, несмотря на довольно сильный мороз.

Наконец он вошёл в излюбленную таверну, где, как ему показалось, все посетители тут же уставились на него. К сожалению, Шерварда здесь не было. Несмотря на то, что Брум знал адрес его гостиницы (она ведь была довольно близко отсюда), он и подумать не смел, чтобы направиться туда. Для него это было бы равносильно чистосердечному признанию. Поэтому, сделав свой обычный заказ, хотя он и был совершенно не голоден, Брум уселся дожидаться келлийца, надеясь, что тот не изменит своим привычкам и непременно наведается сюда, чтобы немного согреться и перекусить.

– А где же госпожа Дининдра и милая малютка Риззель? – принеся еду, умильным голосом осведомился мэтр Хеймель, на самом деле питавший расположение к нешумным и не скупым завсегдатаям.

– Заболели, – не успев подумать, брякнул Брум. – Риззель заболела... – тут же поправился он, решив, что так будет правдоподобнее.

– Во имя Арионна!.. – всплеснул руками трактирщик. – Надеюсь, ничего серьёзного?

– Обыкновенная простуда, – окончательно смешавшись, пробормотал Брум, которому было невероятно стыдно за такое оправдание. Он даже особым образом скрестил пальцы под столом, изо всех сил надеясь, что его слова не обернутся

реальной болезнью для малышки. – Всё в порядке, спасибо.

– Сообщите мне, когда надумаете уезжать, – закивал Хеймель. – Я хочу передать ей небольшой гостинец. Пусть поскорее поправляется! Вечером я помолюсь о ней Арионну!

– Спасибо, любезнейший мэтр Хеймель, – казалось бы, Бруму и так уже было стыднее некуда, но теперь он буквально вспыхнул от нестерпимого стыда. – Обязательно... Скажите, Шервард уже побывал здесь сегодня? – кашлянув, поинтересовался он, чтобы уйти от неловкой темы.

– Ещё не был, – дружески усмехнулся старик. – Но он непременно зайдёт! Не было дня, чтобы он не заглянул в мою уютную харчевню! Да вот, глядите-ка! – рассмеялся он, указывая на вход. – Как я и говорил! Лёгко на помине!

Брум поднял глаза и увидел приближающегося к ним Шерварда. Тот явно был рад видеть приятеля. Он подошёл и перекинулся парой шуток с трактирщиком, пожал руку Бруматту и сел, попросив принести поесть. Северянин отметил отсутствие Динди и понял, что им предстоит серьёзный разговор. Оставалось лишь понять – решился ли Брум принять его предложение, или же собирается порвать с ним всякие отношения.

– Я подумал, и решил, что ты прав, – как только трактирщик ушёл, без предисловий заговорил Брум, решивший, что так будет проще. – Столичные никогда не будут относиться к нам как к равным, для них мы... – он запнулся, подыскивая сравнение.

– Такие как мы, – закончил за него Шервард.

– Ну... Наверное, не совсем... Но в чём-то ты прав. Будто они сеньоры, а мы – простолюдины. Но всё же я хочу быть уверен, что, если я стану тебе помогать, это не навредит моей семье, жителям Тавера, палатийцам. Расскажи мне всё.

– Я не могу рассказывать всё, – покачал головой северянин. – Это тайны не мои. Но я могу сказать, что хочет наш ярл Враноок. Я слышал это от ярла Желтопуза, – и снова Шервард произнёс это прозвище на келлийском. – Враноок говорит, что все ссоры между нами и Шеваром – из-за Кидуи. Мы были давно один народ, и потом может быть мир на всех берегах Серого моря, если не будет империи. Нам нечего делить – море большое, его хватает всем. Он хочет вместе с Шеваром сражаться за мир между нами.

– Но келлийские драккары нападают на наши корабли, а не корабли кидуанцев, – возразил Брум, явно ждущий от Шерварда железных аргументов, которые полностью примирят его с совестью. – И нападают на наше побережье.

– Ярл Враноок хочет быть ярлом всех келлийцев. Как ваш император. Когда он победит Кидую – ему будут подчиняться все кланы. И тогда он запретит грабежи Шевара. Мы будем только торговать, но не нападать. Ты видишь – мы и теперь хотим торговать с вами, но империя мешает этому.

На время разговор пришлось прекратить, потому что мэтр Хеймель принёс заказ Шерварда. А вообще же шумная полутёмная таверна отлично подходила для подобных разгово-

ров – столы здесь стояли так, что из-за общего гомона подслушать разговаривающих вполголоса мужчин было почти невозможно.

– И ты приехал в Тавер, чтобы шпионить? – оба заговорщика так до сих пор и не притронулись к своей еде.

– Да, – услышав незнакомое прежде слово, Шервард, тем не менее, сразу понял, что оно означает. – Я должен смотреть и запоминать. И весной отправлюсь обратно, чтобы рассказать. А ещё я должен искать людей, которые недовольные империей. И которые будут хотеть помочь, – он пристально поглядел в глаза Бруму.

– Я помогу, – невольно побледнев, кивнул Брум. – Только если это не поставит под угрозу меня и моих близких!

– Это не опасно, – заверил Шервард. – Смотреть, слушать, и рассказывать мне. Ничего больше не нужно делать. Никто не узнает здесь. Потом, когда мы победим, ты будешь гордиться этим!

– Хорошо... И что ты хочешь знать? Тебя интересует легион?

– Да. Сколько человек, откуда они. Важно знать – они местные или нет. Местные могут не хотеть воевать за империю, когда придут наши корабли. Какие у них настроения, как им дают еду и другие вещи? Чем они занимаются обычно? Всё, что ты сможешь узнать.

– Это не будет слишком скоро, – сразу предупредил Брум. – Я ведь не могу ни с того ни с сего пристать к Вор-

ладу с такими вопросами. Мне придётся сблизиться с ним, проводить больше времени...

Юноша поморщился, представив себе вечера в компании этого напыщенного, самодовольного человека. Сумеет ли он достаточно хорошо скрывать своё отвращение?

– Я понимаю, – кивнул Шервард. – Я не буду тебя спешить. Время ещё есть.

Посидев молча ещё несколько минут, Брум засобирился в обратную дорогу. Шервард понимающе молчал и лишь ободряюще улыбнулся товарищу на прощание. Расплатившись за так и не тронутый обед, Брум вышел. Шервард же съел подостывшую уже еду без остатка, перекинулся несколькими словами с трактирщиком, огорчённым тем, что сеньор Хэддас уехал, позабыв прихватить гостинчик для прихворавшей малютки, и тоже отправился прочь.

Глава 28. Обед

Пару дней Брум всё смекал – как бы подступиться к барону так, чтобы не вызвать подозрения. И снова ему помог случай, а точнее – даже два случая, удивительным образом совпавшие между собой. Во-первых, в имение заявился старший брат, Овед – тот самый, что теперь служил в магистрате Тавера. Визит этот был вдвойне неожиданным – Овед, несмотря на близость родового гнезда, заявлялся сюда крайне нечасто, да и вообще как будто бы стыдился своего деревенского прошлого. И уж тем более, никто не ждал его зимой, когда путешествие под пронизывающим северным ветром превращалось в ещё более сомнительное удовольствие.

Овед, оказавшись в городе, довольно быстро подстроил свой уклад под типичную жизнь молодых чиновничков малой руки. Стараясь не отставать от новых приятелей, он не упускал ни одного модного развлечения из числа тех немногих, что мог предложить провинциальный городок. Он играл в карты – к несчастью, чаще неудачно, он пил вино и не чурался компании хорошеньких девушек с не самой безупречной репутацией. Некогда самый рассудительный из братьев, теперь Овед словно навёрстывал упущенное за годы заточения в имении.

Как-то так вышло, что Брум, частенько бывая в городе, не спешил навещать брата. Тот обычно бывал либо на службе,

либо отсыпался после весёлой ночи, либо находился в одном из множества мест, привлекающих молодых людей его склада. Ничего общего между братьями больше не было. В детстве младший глядел на Оведа почти с тем же трепетом, что и на отца, но теперь пиетета явно поубавилось. Для старшего же Брум, похоже, так и остался глуповатым увальнем-губошлёпом, секущим ошкуренной палкой заросли крапивы в компании приезжего барчука.

И вот старший брат приехал в поместье, и даже неопытный глаз Брума оценил, что тот явно находится не в своей лучшей форме. Одетый нарочито светски, «по-городскому», при ближайшем рассмотрении Овед производил куда более удручающее впечатление. Было видно, что щегольской камзол на самом деле потёрся и расползся, кожа лица имеет болезненный оттенок, а лошадь – совсем не та кобылка, лучшая в конюшнях Хэддасов, что пожаловал перспективному сыну отец.

Однако же, мы пока отвлечёмся от злоключений старшего брата, поскольку они вряд ли будут особенно интересны читателю. Итак, внезапное явление Оведа стало первым случаем, способствовавшим делу Бруматта. А вторым стало пришедшее накануне письмо, написанное вторым братом, Лидом, что служил теперь в одном из имперских легионов. Хвала богам, средний брат делал своё дело хорошо, и родителям не из-за чего было краснеть, так что с письмом этим чета Хэддасов носилась как с писаной торбой, и каждый из су-

пругов уже успел прочесть его едва ли не целиком барону Ворладу, не говоря уж о прочих обитателях имения.

Приезд Оведа наделал ещё больше шума, и о нём, к явному неудовольствию сеньора Хэддаса, стало известно барону. Тот, разумеется, тут же объявил об очередном обеде из разряда «мужских посиделок». Трудно сказать, чего в этом было больше – злорадства по поводу явно плачевных дел незадачливого чиновника, или желания разузнать, чем дышит сейчас светский Тавер. Скорее всего, хватало и того, и другого, и прежний Брум с тоской воспринял бы это приглашение, но теперь он, разумеется, ухватился за него. Это был отличный повод не просто провести время с Ворладом, но и, благодаря письму Лида, выправить разговор на военные дела.

Обед проходил вполне предсказуемо – Овед, переодевшийся в более простую, но чистую и не потрёпанную одежду, отвечал на множество вопросов хозяина торжества. Вопросы эти варьировались от довольно едких, касающихся дел самого Оведа, до вполне благодушных, относящихся уже к городским сплетням. Здесь барон наконец нашёл себе собеседника по душе – стараясь избежать неприятных ему тем, незадачливый горожанин заливался соловьём, пытаясь насытить скучающего провинциала самыми пикантными новостями.

Досаде Брума не было предела – он отчаянно скучал во время этой нескончаемой трескотни, тщетно пытаясь вставить туда хоть слово, чтобы свернуть разговор на интересующие его вопросы. Но Овед и барон Ворлад, похоже, на-

шли друг друга – первый наслаждался возможностью поведать подзапылившиеся уже сплетни свежим ушам, а второй радовался возможности хотя бы на время отвлечься от дремотной скуки, обычно царившей в поместье.

По счастью, у Брума оказался невольный союзник – отец, который тоже без особенного энтузиазма выслушивал старшего сына. Увы, сеньор Хэддас с неприятным для себя удивлением подмечал, насколько изменился за относительно недолгое время проживания в городе тот, кого он ещё недавно по праву считал своим основным наследником. Овед был похож на покрытую репьями унылую деревенскую лошадь, которую отскребли, отмыли, и впрягли в изящную карету принцессы, повязав в гриву голубые бантики. Только вот престарелого помещика не очень-то радовали подобные перемены.

А ещё он всё сильнее начинал подозревать, что честный труд в магистрате не является основным времяпрепровождением его чада. Овед, явно ища льстивого внимания барона, красочно описывал и те попойки, в которых успел поучаствовать, и далеко не невинные развлечения, что искала для себя скучающая городская молодёжь. Брум подозревал, что добрая половина этих баек сочинялась прямо тут же, на месте, но даже если и так, то оставшейся части вполне хватало, чтобы озадачить сеньора Хэддаса.

– Давайте-ка лучше поглядим, чего там написал Лид, – наконец не выдержав, прервал он разглагольствования Ове-

да. – Говорит, что этой зимой задержали зимнее обмундирование. Надеюсь, вы не допустили у нас подобного промаха, друг мой? – обратился он к Ворладу.

Брум наострил уши, в душе благодаря отца за эту неожиданную атаку. Овед неожиданно сконфузился, видимо, прекрасно понимая подоплёку этой бесцеремонности. Что же касается барона, то он, разумеется, не мог допустить, чтобы его компетентность была поставлена под сомнение.

– Смею вас заверить, что в нашем легионе проблем со снабжением не было и нет, – с некой надменностью ответил он. – Я выполняю свою работу добросовестно, и вы, любезный друг, полагаю, должны были бы об этом знать.

– Разумеется, мне это известно, – как всегда, добряк Хэддас не выдержал прямого напора и заметно стушевался перед своим постояльцем, вызывая очередной приступ досады в душе сыновей.

– Мне ли не знать, насколько важно тёплое обмундирование на этом краю мира! – с едва ли не презрительной улыбкой продолжил барон.

Удивительно, – подумалось Бруму, – этот идиот едва ли не двадцать лет живёт здесь, ни разу не выехав в Кидую, но по-прежнему говорит так, будто только что приехал оттуда на эту окраину империи!

– В легионе Лида, должно быть, интендант – полнейший кретин!

– И всё же, – внезапно даже для самого себя подал голос

Брум. – Мне кажется, обеспечить снабжение лагеря, находящегося где-то на Лионкае, гораздо сложнее, чем здесь, рядом с Тавером.

– Сразу видно, юноша, что ты ничего не знаешь об армии! – барон был немного удивлён этим внезапным выпадом и поспешил пригвоздить наглеца надменной насмешкой. – Ты, поди, думаешь, что всё необходимое доставляется туда на телегах и санях? А для чего же тогда императорский флот, а? Все легионы, расположенные на побережье, обеспечиваются с моря. Есть, конечно, и сухопутное сообщение, но такие важные вещи как зимнее обмундирование доставляют заблаговременно, по морю. Так что либо их интендант – кретин, либо в столице что-то напутали с бумагами...

– И ваш легион тоже снабжают морем? – с самым наивным видом, на какой был способен, поинтересовался Брум.

– И снова мимо! – хохотнул барон. – Ты же сам упомянул про близость Тавера! Труон в этом плане будет лучше любого моря! По нему сообщение не прекращается ни зимой, ни летом! Боги, видать, крепко поцеловали меня в макушку при рождении, раз уж я оказался здесь, а не где-нибудь на пустынных пляжах востока!

– Но всё же, – не унимался Брум, пытаясь не дать барону вновь переключиться на брата. – Даже просто прокормить такую ораву непросто! В городе говорят, что в нашем легионе едва ли не десять тысяч человек!

– Чего только не говорят в этом городе! – снисходительно

посмеялся Ворлад. – Не правда ли, Овед? Для простолюдинов что легион, что когорта – всё едино! Они и не представляют, что такое десять тысяч! Кто из них сможет досчитать хотя бы до тысячи?

– Значит, меньше? – изобразил разочарование Брум.

– Штатная численность легиона составляет от шести до шести с половиной тысяч, – барон, как всегда, был рад показать своё превосходство. – Ты же понимаешь, что такое штатная численность, юноша?

– Понимаю, – вспыхнул Брум.

– Если ты спросишь легата, сколько легионеров под его началом – думаешь, он ответит? Или его центурионы скажут тебе? – Ворлад, похоже, начал входить во вкус – блистать знаниями ему нравилось даже больше, чем выслушивать городские сплетни. – Я тебе так скажу, Бруматт: во всём легионе лишь один человек знает фактическую численность с точностью до клинка – это интендант! Конечно, если он не такой кретин, как в легионе Лида!

Кажется, это был первый раз, когда барон снизошёл до того, чтобы обратиться к юноше по имени. Так вот оно что! Оказывается, столичному снобу просто не хватало внимания и обожания в последнее время. Давно минула та пора, когда Хэддасы ходили перед ним на цыпочках, заглядывая в рот, а после истории с Линдом обожание и вовсе заметно поугасло. Что ж, значит, нужно было дать этому напыщенному гусю то, что он хочет.

– И вы знаете? – Брум сам удивлялся тому, как умело он сейчас изображал щенячий восторг, явно льстивший самодовольному барону.

– Шесть тысяч сто двадцать шесть человек! – не ответил, а буквально провозгласил тот, упиваясь своей значимостью в эту минуту. – Как я и говорил – с точностью до человека!

– Невероятно! – возможно, неискушённый Брум сильно переигрывал, но не ожидавший подвоха барон Ворлад охотно принимал всё за чистую монету и расплывался в широкой улыбке. – Но ведь легион – это не только пехотинцы? Есть ведь и всадники! А много ли лошадей у вас?

– Больше восьмисот боевых и полсотни тягловых. Признаться, здесь я не готов назвать точного количества.

– Какую же прорву сена нужно заготовить на стольких лошадей!..

– Сена!.. – фыркнул барон. – Боевые лошади едят почти исключительно один овёс! Сеном кормят разве что коняг, что тягают телеги с грузами! Но и это ещё не всё! У нас только для обслуживания лошадей содержится четыре кузнеца! Я уж молчу про конюхов, ремонтников сбруи, скотников... Видел бы ты наш лагерь, Бруматт! Это – город! Самый натуральный город, не хуже Тавера! Разве что таверн и игорных домов нет, – на этой фразе он уже сально подмигнул Оведу.

– Хотел бы я на это поглядеть!.. – будто бы мечтательно протянул Брум.

– Так в чём же дело? – воскликнул барон. – Мне всё равно

давно уже пора наведаться туда, так давай отправимся вместе!

– Когда?

– Да вот хоть через пару дней! Ну или к концу недели... Не беспокойся, я сообщу тебе заранее.

– Что-то ты стал многовато интересоваться военной жизнью, – проворчал отец. – Уж не надумал ли, чего доброго, тоже бросить отца-старика и податься в какой-нибудь легион?

– Что же в этом такого? – Ворлад сегодня был в игривом настроении, и потому теперь заговорщически подмигнул уже Бруму. – Разве для мужчины есть иное достойное занятие кроме военного дела?

– Если все будут просиживать в военных лагерях, кто станет вести хозяйство? – неожиданно резко ответил сеньор Хэддас.

Этот выпад явно был нацелен в самого барона. Действительно, военные продолжали кичиться своим призванием, но, положив руку на сердце, трудно было не признать, что в последнее время армия превратилась в простое сборище дармоедов. Все подвиги, самопожертвования и тяготы остались в далёком прошлом, а ныне же всё это превратилось лишь в разговоры и надувание щёк. И упрёки в этом, особенно от гражданских, были тем больнее, чем острее сами военные осознавали собственную никчёмность.

Хвала богам, барон Ворлад не страдал излишним самоедством, а потому отреагировал на резкую реплику достаточно

спокойно. Он воспринял её как крик души родителя, двое старших сыновей которого покинули родовое гнездо, и он, очевидно, боялся, что и последний последует их примеру.

– Не беспокойся, отец, – поспешно заявил Брум, явно опасаясь возможной ссоры. – Никуда я не собираюсь. Военная служба не по мне. Моё призвание – быть землевладельцем. Но барон так интересно рассказывает, и мне действительно хотелось бы увидеть военный лагерь своими глазами!

– Я и не беспокоюсь. Коли есть желание – поезжай...

Бруму пришлось отстраниться от темы, хотя тщеславный Ворлад буквально сам шёл в руки. Но ему не хотелось огорчать отца. Он и так здорово продвинулся сегодня, и, кажется, у него были все шансы закрепить успех. Более того, у него было время увидеться с Шервардом и получить более точные указания, поскольку, говоря откровенно, он был гражданским до мозга костей, а потому плохо представлял – на что именно ему следует обращать внимание.

Однако же, по всему выходило, что быть шпионом – не такая уж и трудная задача! Пожалуй, самое сложное в ней – выносить этого наглеца-барона. Впрочем, знавал Брум работы и потяжелее, так что особенно жаловаться не было никакого резона.

Глава 29. Боден

К сожалению, в плане военного опыта Шервард недалеко ушёл от Брума. Он, разумеется, пришёл в восторг, когда узнал, что приятель в ближайшее время отправляется в соседний военный лагерь, но заметно растерялся, когда тот попросил у него совета. На что именно нужно было обратить внимание в первую очередь? Какие вопросы следовало задать? Увы, Шервард почти всю свою жизнь гонялся за кабанчиками и продавал мазанки, и потому не имел необходимых навыков военного разведчика.

Вместе с Бруматтом они всё же составили примерный план. Кроме численности неплохо было бы оценить расположение лагеря, его внутреннее устройство. По возможности – определить, где находятся оружейные, штаб. Шерварда по-прежнему интересовало – откуда набираются легионеры: являются ли они местными жителями, или же собираются из всех уголков империи.

– Смотри всё, что можешь, – напутствовал он начинающего лазутчика. – Запоминай.

Ещё они договорились, что Бруматт всё же будет брать с собой в город Динди, как и прежде. Во-первых, внезапное отсутствие девушки при их обычных встречах могло кому-то показаться подозрительным, ну или, по крайней мере, вызвать лишние разговоры. Но, откровенно говоря, была и дру-

гая, не менее важная причина. Шервард очень скучал и по Динди, и по малышке Риззель. Вряд ли что одна, что другая могли стать угрозой для их предприятия...

Поездка в военный лагерь случилась не к концу недели, как обещал барон, а лишь к концу следующей. Быть может, интендант Ворлад и справлялся со своими обязанностями в полной мере, но посещениями места службы он явно пренебрегал. Когда Брум несколько раз нетерпеливо напоминал барону о данном ранее обещании, тот всякий раз оправдывался, что ему сперва необходимо побывать в Тавере, где едва ли не в полном составе пребывало сейчас командование (за исключением легата, который, как известно, предпочёл провести зиму в Кидуе).

Брум всё больше опасался, что болтливый барон не сдержит данное за столом обещание, но, к счастью, эти опасения не оправдались. Наконец они отправились в Тавер, а оттуда – вдоль побережья на запад, куда из города вела отлично проторённая дорога, куда более широкая и ровная, чем та, по которой обычно приходилось ездить Хэддасам.

От посещения военного лагеря у Брума остались смешанные чувства. С одной стороны, он был несколько разочарован – хвастун Ворлад явно преувеличил его размеры. Признаться, молодой человек действительно ожидал увидеть целый город, но ничего подобного не было. Конечно, пространство лагеря, обнесённое добротным частоколом в два человеческих роста, было достаточно велико, но до Тавера ему

было далековато.

Да и по оживлённости он заметно проигрывал. На своеобразных улицах, образованных рядами казарм, было совсем немного народу. Оно и понятно – жизнь легионеров была подчинена определённому распорядку, и им, в отличие от светлых горожан, не нужно было постоянно сновать туда-сюда. Сейчас, когда особой работы или службы не было, бойцы, похоже, просто отдыхали в своих длинных казармах.

Брум спросил – можно ли ему будет заглянуть в одну из них, но барон неожиданно ответил отказом, сказав лишь, что там всё равно не на что смотреть. Наверное, так оно и было – казармы представляли собой длинные бревенчатые срубы с небольшими бойницами через равные промежутки. Такие срубы в случае гипотетической атаки могли бы превратиться в форты, если врагу каким-то чудом удастся проникнуть на территорию. Сейчас из-за морозов бойницы были закрыты ставнями. Ну а внутри действительно было почти не на что глядеть – значительная часть пространства была занята грубыми узкими полатами и некоторым количеством другой мебели, позволяющей обеспечить минимальный уют.

Брум ещё во время поездки задал почти все вопросы, интересующие Шерварда, и на большинство из них получил более или менее определённые ответы. Увы, юноше всё больше казалось, что барон, даже не зная ответа, не желал в этом признаваться и потому мог попросту привирать, что, разумеется, снижало общую ценность полученной от него инфор-

мации, ведь Брум не мог отличить правду от лжи.

Увы, но оказавшись внутри лагеря, Брум при всём желании не мог бы перемещаться по нему свободно. Он хвостиком ходил за Ворладом, а когда тот дошёл до штаба, то и во-все был вынужден провести едва ли не целый час в каком-то небольшом, плохо пахнущем помещении – что-то вроде караулки, где находилось несколько легионеров. Те словно бы не замечали юношу, занимаясь своими делами и болтая на темы, которые Брум предпочёл бы не слушать.

Затем, когда барон вернулся (судя по исходившему от него запаху жареного лука и вина, он уже успел как следует подкрепиться и даже выпить), они вдвоём отправились на какие-то склады. Склады эти были забиты под завязку мешками, тюками, ящиками и бочками, но что было в них – Брум не имел ни малейшего представления.

После они посетили ещё несколько мест, причём у Брума сложилось впечатление, что барон ходил туда безо всякой определённой цели – просто, чтобы дать понять своему юному спутнику, сколь много у него забот и сколь важный он человек во всей этой сложной военной машине. Признаться, Бруму всё это уже порядком наскучило – ровным счётом ничего интересного в лагере он так и не углядел.

Ему-то представлялось, что он сможет пронаблюдать тренировки легионеров (а может даже подглядеть какие-то секретные боевые приёмы), заглянуть в штаб, где вдруг сумеет подслушать какой-нибудь важный разговор. Ничего этого не

было. Они с бароном провели в лагере не меньше четырёх часов, и за это время он не увидел ничего такого, что стоило бы потраченных усилий и времени. Его даже не удосужились покормить...

В общем, обратно он возвращался куда более молчаливым и разочарованным. Почти всю дорогу они с бароном просто молчали.

– Что, приятель, скучна солдатская жизнь? – понимающе усмехнувшись, спросил тот.

– Да, признаться, я представлял себе всё это немного иначе, – согласился Брум.

– Всякое бывает, – попытался утешить его Ворлад. – Хотя, конечно, служба нынче не та, что была когда-то. Даже келлийцы в последнее время как-то присмирели... И куда катится этот мир, Бруматт?.. – философски вздохнул барон. – Где все те ужасные и прекрасные войны, что сотрясали нашу благословенную империю прежде? Где слава и доблесть армии, где честолюбие правителей? Неужели так будет всегда?..

– Мир – это совсем даже неплохо, – пожал плечами Брум, думая в этот момент, разумеется, о том, как скоро этот мир, возможно, будет нарушен.

– Кому как! Всё в нашем мире устроено так, что то, что хорошо одному, обязательно плохо другому. Лекарям всегда мало больных, могильщикам – мёртвых, а солдатам – войн.

– Наверное, войны будут всегда – также как болезни и

смерть, – тяжело вздохнув, ответил Брум.

– Да услышит тебя Асс, приятель! – поплотнее кутаясь в тёплый тулуп, проворчал барон.

К вящей радости Шерварда, со временем его работа разведчика начинала приносить всё больше плодов. Это напрямую было связано с тем, насколько улучшалось его знание языка. По мере того, как он всё увереннее общался на имперском, расширялся и круг его знакомств, причём теперь это были не простолюдины с рыночной площади, а довольно богатые и влиятельные в городе купцы.

Вскоре стало ясно, что как торговый партнёр келлиец интересовал их в меньшей степени, нежели интересный собеседник. Шервард и сам не очень понимал, как так вышло, что в нём, молодом парне, прожившим немногим больше двадцати зим, жители большой земли почему-то упорно хотели видеть умудрённого человека, с которым можно поговорить о жизни. Впрочем, его это вполне устраивало.

И спустя две-три недели после инцидента с зерном он внезапно поймал в свою неумело расставленную сеть весьма крупную рыбу. Это был один из крупнейших торговцев хлебом в Тавере, купец по имени Боден – немолодой уже мужчина, но при этом жилистый и подтянутый, словно он до сих пор лично таскал на себе мешки с ячменём и рожью.

Бодена хорошо знали в городе. Одни считали его едва ли

не бандитом, другие – народным заступником и покровителем. При том, что всяк в Тавере шептался, будто Сугроб (так его звали ещё сызмальства) водит самые разные знакомства, это нисколько не мешало ему быть в хороших отношениях с магистратом, а городские стражники неизменно брали под козырёк, едва завидев его крепкую, почти юношескую фигуру.

Сугроб-Боден сперва не проявил особенного интереса к приезжому северянину, хотя торговля зерном с архипелагом являлась весьма прибыльным делом. Но затем они случайно пересеклись в той самой таверне мэтра Хеймеля, и короткий, ничего не значащий разговор постепенно перешёл в продолжительную беседу. Шервард там, где его жизненного опыта не хватало, чтобы вести диалог на равных, просто помалкивал, внимательно слушая, и Бодену очень нравилась эта манера. Кроме того, нам уже известно обаяние молодого келлийца, который мог довольно быстро расположить к себе едва ли не любого.

В общем, они довольно быстро сошлись, и едва ли не сразу же Боден стал жаловаться, а скорее даже возмущаться бесцеремонностью имперских властей, ничтоже сумняшеся опустошивших амбары в самый разгар зимы. Разумеется, он немного лукавил, сокрушаясь о простонародье. Главная проблема заключалась в том, что обычно именно Сугроб весной частенько скупал это зерно практически задаром и неплохо наваривался на нём, когда уже ближе к лету у многих начи-

нали истощаться запасы.

Надо было слышать, как Боден костерил «столичников», как он именовал кидуанцев! Шервард не понимал больше половины слов, но подозревал, что это – весьма изощрённые ругательства. Не стеснялся в выражениях Сугроб и в адрес императора, причём нисколько не опасаясь, что его услышат. И даже напротив – отпустив какой-нибудь особенно обидный эпитет, он громко призывал в свидетели постояльцев, сидевших за соседними столами, и те одобрительно шумели в ответ.

Шервард был в полнейшем восторге. Ещё не так давно он, казалось, уже распрощался с надеждой разыскать здесь хоть одного жителя, недовольного империей, а теперь видел, что таверцы просто прятали это недовольство поглубже.

Разумеется, это не означало, что каждый из этих людей тут же встанет под знамёна Враноока! Да и сам Шервард, как бы ни был он неискущён в искусстве разведчика, инстинктивно чувствовал, что ему требуется величайшая осторожность. Каждый завербованный увеличивал вероятность провала, и потому юноша понимал, что ему следует выбирать немногих, но таких, которые в случае чего поднимут за собой массы. Тот же Бруматт, разумеется, на эту роль нисколько не годился, а вот Боден – другое дело.

Шерварду хватило ума не бросаться в омут с головой сразу. Он встречался с Боденом ещё несколько раз, при каждой встрече провоцируя его на откровенные разговоры. В кон-

це концов решив, что неприязнь к Кидуе у него достаточно глубока и не является сиюминутным следствием обиды из-за вывезенного зерна, северянин наконец решился. Он уже неплохо знал Сугроба и чувствовал, что тот – человек, чьи принципы иной раз могли быть весьма своеобразны и неоднозначны, но, во всяком случае, он твёрдо следовал им и держал слово.

Поэтому Шервард попросил купца дать клятву, что этот разговор останется между ними. Тот, явно заинтригованный, согласился. И лишь тогда, будучи относительно спокойным за возможные последствия, юный разведчик открылся Бодену. Несмотря на то, что это был уже не первый его подобный разговор, волновался келлиец ничуть не меньше, и даже больше, чем в случае с Бруматтом. Тогда он почему-то был уверен, что всё пройдёт достаточно гладко, теперь же такой уверенности у него не было.

К удивлению Шерварда, старый торговец воспринял его откровения достаточно спокойно. Он с каким-то особенным интересом взгляделся в совсем ещё юное лицо келлийского шпиона, и с улыбкой покачал головой, мол, «такого я от тебя явно не ждал!».

– А у вас там не было кого-то потолковее для этой работёнки? – хмыкнул он. – Почему ты думаешь, что я не сдам тебя тут же?

– Я знаю людей, – придав своему голосу и выражению лица максимум уверенности, ответил Шервард. – Ты не откро-

ешь меня. Ты – один из тех, про которых говорил Враноок. Тебе не нравится империя, ты хочешь свободы для своего народа.

– Мне плевать на империю, – возразил Боден. – До тех пор, пока она не лезет в мои дела и в мои карманы. Я не из тех, кто без конца вспоминает о том, что Палатий когда-то был свободной страной. Я – торговец, сынок, а торговцу хорошо везде, где он может подзаработать, и где его заработок не прикарманил кто-то другой. А сейчас у нас именно такие времена, когда за мой счёт пытаются жить всяк кому не попадя. Ты слышал о Днях изобилия, сынок?

– Нет.

– А я слышал, да помалкиваю, чтоб не дразнить народ, – вздохнул Боден. – Наш император вздумал раздавать задаром хлеб столичным голодранцам. Его свозят в Кидую со всей империи и затем просто отдают любому желающему. Уверен, что для того же увезли и наше зерно...

– Но зачем он так делает?.. – изумлённо спросил Шервард, выросший в мире, в котором никто и никогда не получал ничего просто так.

– Может, боится бунтов, – пожал плечами Боден. – Может – это просто такая прихоть, желание понравиться... А может он просто идиот! – жёстко закончил торговец.

– Такое есть только в Кидуе?

– Насколько мне известно – да. Впрочем, я привык говорить лишь о том, что знаю сам. Насчёт Дней изобилия

мне известно, потому что я видел это собственными глазами. Есть ли они где-то ещё – этого я не знаю. Может, в Шеаре или Варсе и есть...

– Если горожане узнают об этом – как они поступят?

– Это очень правильный вопрос, сынок, – одобрительно кивнул Сугроб. – Я скажу тебе так: это будет зависеть от того, *кто* и *как* им об этом скажет.

– Если им скажешь ты?

– Они будут... очень раздосадованы, – усмехнулся торговец. – Но тут ведь нужно сыграть очень тонко. Для такой информации есть своё время, и важно правильно угадать момент. Не слишком рано, но и не слишком поздно.

– Время будет известно тебе.

– А я разве уже вызвался помогать? – осклабился Боден.

– Мне кажется, что да. Разве нет? – Шервард с улыбкой поглядел на него.

– Ох и прохиндей же ты, парень! – рассмеялся Боден. – Твои командиры всё же не прогадали, отправив сюда тебя! Ты прав, я помогу. С нынешней империей мне как-то не по пути. Я хотел бы сам решать – как мне жить и что делать со своим добром. Но надо быть очень осторожными – одно слово, сказанное не вовремя и не к месту, мигом укоротит нас на голову.

– Тогда следи за своими словами лучше.

– Тебя это касается в первую очередь. С кем ещё, кроме меня, ты успел провести свои проникновенные беседы? По-

дозреваю, что с немногими, иначе ты давно бы уже висел на Земляной площади. Угадал?

– Только с одним, – кивнул Шервард. – Он мой друг и помогает мне.

– Кто таков? – нахмурился Боден, видимо, надеявшийся, что он был единственным посвящённым.

– Бруматт Хэддас. Он живёт за городом.

– Не слыхал о таком... – озабоченно проговорил торговец. – Ты уверен в нём?

– Он – хороший человек. Он помогает мне. Следит за одним командиром из легиона.

– Надеюсь, твой хороший человек – не дурак и не болтун. Имей в виду – если с ним возникнут проблемы, обратись ко мне. Я знаю, что делать с дураками и болтунами.

– С ним всё хорошо! – быстро возразил Шервард, знавший репутацию Сугроба и всерьёз забеспокоившись о судьбе Брума. – Я отвечаю за него.

– Я всё же пригляжусь к нему, – непреклонным тоном заявил Боден. – Теперь, когда это дело касается и меня тоже, мне важно знать, что мне ничего не угрожает.

Шервард нахмурился, но промолчал. Он очень надеялся, что не втянул друга в неприятности, потому что с Боденом шутки были плохи. Торговец явно имел связи среди городского криминального мира, и по его глазам было понятно, что он не остановится перед убийством, если сочтёт это необходимым. Впрочем, Бруматт вряд ли мог бы сделать

нечто такое, что не понравится Сугробу. Шервард даже не знал – как ему лучше поступить. Нужно ли предупредить товарища, чтобы был настороже, или же промолчать? Зная трусоватый характер Бруматта, он осознавал, что сильно испортит тому жизнь этим предупреждением.

– Ты тоже пока больше ни с кем не разговаривай, – предупредил его между тем Боден. – Ты не знаешь местных так, как знаю я. Дай мне время, и я сам подыщу нужных людей. Ты, главное, потом не забудь замолвить за меня словечко своим командирам.

– Не беспокойся. Они узнают о твоей помощи. И дадут тебе благодарность.

– Мне будет довольно, если они просто оставят нас в покое, – отрезал Боден. – И просто останутся добрыми соседями. Если Палатий станет свободным, я хотел бы жить в мире и честно продавать свой хлеб тем, кто предложит лучшую цену. И не бояться, что его отберут – неважно, будь то люди императора, или же келлийские пираты.

– Ярл Враноок хочет такого же. Мир на всём Сером море. Все спокойно плавают, спокойно торгуют. Никаких ссор, никаких нападений.

Шервард повторил для Бодена примерно то же, что прежде рассказывал Бруматту. Он говорил о том, чего хотел бы он сам, искренне надеясь, что его чаяния совпадают с планами Враноока. В отличие от Брума, Сугроб, разумеется, не был столь легковерным. Впрочем, это ничего не меняло.

Торговцы нужны при любом раскладе. То, что происходило сейчас в империи, не могло его удовлетворять, и не было никаких предпосылок к тому, чтобы что-то изменилось к лучшему в ближайшее время.

Если Палатий завоюет себе независимость... Конечно, поначалу будут смутные и тёмные времена, но они закончатся, и тогда, быть может, всё станет хорошо. Не говоря уж о том, что люди вроде самого Бодена обычно получают выгоду от подобных потрясений. Кто знает – не сделается ли он градоначальником Тавера? Неплохой венец карьеры для человека, родившегося в трущобах и сумевшего выбраться почти на самую вершину!

– Это будет хороший мир, – внимательно выслушав келлийца, проговорил он. – Лучший, нежели тот, что есть у нас теперь. Надеюсь, что всё выйдет именно так, как ты говоришь. Но сперва нам важно нигде не напортачить и не попасться. Так что ты покуда заляг на дно, не баламуть воду. А я покумекаю – что да как.

Не до конца поняв слова, Шервард вполне уловил их общий смысл и довольно кивнул. Его такой расклад полностью устраивал – похоже, что дело будет делаться, пока он просто станет проводить время в компании Бруматта и Динди. Это был отличный план.

Глава 30. Возвращение

Всё же зима в Шеваре была куда мягче, чем на его родных островах! И морозы не так жгучи, и метели не столь яростны. А если учесть, что и еды было вдосталь, и за ней не приходилось гоняться, буря сугробы в лесу, то эта зимовка и во-все была идеальной для Шерварда. Жители материка, надо признать, понимали в благоустройстве собственной жизни поболее островитян! Из тысячи мелочей, до которых не было дело никому на Баркхатти, складывался уют. По крайней мере, так было здесь, в Тавере.

Когда шквалистый ветер бил в плотно закрытые ставни его комнаты снежной пургой, Шервард, глядя на огонь в очаге, невольно вспоминал, как стонала во время зимних бурь их утлая лачужка, как завывал ветер, пробираясь в щели под крышей. Он вспоминал, сколько раз, ломая стропила, проваливалась кровля, не выдержав тяжести снега, и как неделями никто не мог выбраться из Скьёвальда, когда дорогу забивали огромные пережёты.

Здесь же он в любой момент мог спуститься вниз и попросить хозяина приготовить ему ужин, или велеть слуге нанести ещё дров. Даже во время самой жестокой выюги он мог, натянув шапку на самые глаза, даже вслепую пробраться к рыночной площади в любимую таверну, где его уже ждала жирная каша с уткой и подогретое вино. И можно было не

переживать, даже если снегопад затягивался на несколько дней – основные дороги в Тавере довольно быстро расчищали от снега, пусть даже и не на всю ширину.

В общем, здесь действительно было хорошо, так что Шервард почти не скучал по дому. Чем дольше он жил в этом городе, тем острее становилось понимание того, насколько его родина отстала в развитии от империи! Что будет, когда он вернётся обратно? Это ведь будет так, словно после добрых, по ноге, кожаных сапог вновь натянуть онучи с лаптями! Захочется ли ему этого?.. Впрочем, юноша упорно гнал от себя подобные мысли. Ведь этак можно, пожалуй, ещё начать сожалеть, что Кидуа в своё время остановилась, дойдя до кромки Серого моря!..

Шерварду хотелось думать, что когда придёт время, он безо всяких сожалений ступит на палубу драккара, что понесёт его к родным берегам. Хотя он был достаточно честен с собой, чтобы признавать, что «безо всяких сожалений» у него явно не получится... Потому что ему уже было, *что* терять здесь.

Время действительно умело врачует любые раны. Боль, которая несколько лун назад казалась совершенно нестерпимой, теперь поулеглась. Сны, в которых Лойя, держа дитя на руках, убегала от огромных волков, ростом с добрую коро-ву, или же тонула в море, тщетно пытаясь ухватить его опущенную в воду руку, хвала Матери, ушли в прошлое. Жена и дочь иногда ещё являлись ему во сне – первая чаще, вторая

уже гораздо реже. Но сны эти стали спокойнее. Всё чаще он видел Лойю, вязавшую рыбацкую сеть для Тробба, или же помогающую отцу месить глину. Она улыбалась ему ласково, как будто прощая и... отпуская...

Да, время – добрый лекарь, но лишь тогда, когда у него есть сподручные. Для Шерварда огромной удачей стала встреча с Бруматтом и Динди. Эта девушка и её маленькая дочурка нежно и ненавязчиво латали самые глубокие и рваные раны в его душе. Юноша не сомневался, что они были посланы ему Матерью и Отцом, ибо боги никогда не отмеряют смертным груза не по спине. Ну либо же посылают помощников.

Шервард против воли задумывался иной раз о том, во что могут развиться их дальнейшие отношения. Может ли Динди стать ему женой? Сам он был, наверное, не прочь – он любил девушку, хотя пока ещё не так, как любят женщину, но всё же и не так, как любят сестру. Не говоря уж о Риззель – её он просто обожал и иной раз начинал видеть в ней собственное дитя. Да, он мог бы взять Динди в жёны и, наверное, быть счастливым, но...

Келлиец знал, что Бруматт до сих пор держит в тайне от родных их дружбу. Он не обижался за это на друга, более того – он полностью понимал его. Частенько Шервард мог наблюдать к себе отношение горожан вроде такого: «Ты, конечно, парень хороший, но вот остальные ваши дикари...». Неприязнь, что поколениями копилась между островитяна-

ми и жителями материка, просто так хворостиной не перешибить...

Но куда горше было осознавать то, что его собственные родные ни под каким видом не примут Динди. И дело было даже не в том, что она – с материка, хотя и этот факт был немаловажным. Увы, на островах к людям вроде Динди относились с брезгливой неприязнью. Большинство из них не доживало до взрослого возраста – если ребёнок безнадёжно отставал в развитии от сверстников, он был просто обречён. Бывали случаи, когда родители даже уносили своё увечное дитя в лес.

Впрочем, сама по себе умственная отсталость, конечно, ещё не была приговором. В Реввиале Шервард не раз видел здоровяка Пона – рослого парня зим на пять-десять старше его самого. Пон был из тех тихих безумцев, что скорее похожи на рабочую скотину. Он не говорил ни слова – в отличие от Динди, он вообще не умел говорить. Зато работал он за троих, взваливая на себя мешки, неподъёмные для обычного человека.

Откровенно говоря, и по эту сторону Серого моря ситуация была немногим лучше. Не будь Динди помещицкой дочкой – её судьба была бы незавидна. В лучшем случае её взял бы в помощницы какой-нибудь сердобольный ремесленник, но куда вероятнее она закончила бы свои дни в грязной подворотне или самом низкопошибном борделе.

В общем, Шервард прекрасно понимал, что ни отец, ни

брат не примут такую невестку. И это значило, что о свадьбе лучше и не помышлять. А просто сожителем с Динди он не мог – на островах на такое глядели достаточно спокойно, но вот здесь, на материке... Достаточно было вспомнить, как болезненно Бруматт воспринял проделку его друга. Нет, Шервард не хотел этого! А значит – оставалась лишь дружба...

Впрочем, ему этого было вполне достаточно. Более того, именно такие отношения, что сложились у него с Динди, похоже, наиболее благотворно сказывались на его душе. Благодаря им он обрёл покой и почти безмятежность. Ожидание новых встреч скрашивало его одиночество и не давало впасть в уныние ночами, когда мысли о Лойе бывали особенно тяжёлыми. Сами встречи дарили уютное тепло – ни с кем и никогда Шервард не чувствовал себя так легко и непринуждённо с тех пор, как умерла его жена.

Динди по-прежнему почти никогда не разговаривала с ним – за всё время он считанные разы слышал её голос. Тем не менее, ему казалось, что он понимает её почти также, как сам Бруматт, а значит – как никто другой в этом мире, включая даже её родителей. Им довольно было взгляда, улыбки, кивка головы – на этом языке Шервард говорил идеально! И он был убеждён, что Динди всегда понимала, что он хотел ей сказать.

Это была бы почти полная идиллия, если бы Шервард не осознавал, что через некоторое время ему придётся поки-

нуть их, и кто знает – вернётся ли он сюда вновь... Вообще он уже положил для себя, что обязательно постарается вернуться, но, как говаривают у него на родине: кабы Шут не куражил, да Отец не дремал!.. А так – всякого можно ожидать.

Разумеется, юноша понимал, что такой масштабный поход, что затеял Враноок, не подготовить в одночасье. Даже если по всему побережью Серого моря сейчас рубят корабли – дереву потребуется ещё время, чтобы дойти, из брёвен превратиться в доски, а затем уж и в крутые борта драккаров. Так что этим летом войны ждать не стоит, даже если Враноок отыщет достаточно людей. Однако даже без того было много случайностей, могущих помешать ему вернуться с Баркхатти сюда. Случайности – это колючки, что вечно сыплются из дырявых карманов Дурака, и никогда не знаешь, когда наступишь на одну из них...

В общем, Шервард надеялся вновь вернуться в Тавер, хотя он пока ещё даже не уезжал отсюда. Изредка он ходил прогуляться к пристани, и тогда глядел на немного неровную поверхность льда – единственную стихию, которой под силу было усмирить неистовый нрав Серого моря. Через пару лун за ним придёт драккар, и тогда...

Но это будет ещё не сейчас – так к чему впустую грустить?! И келлиец, встряхнувшись и поёжившись от ледяного ветра, спешил в таверну, чтобы пропустить стаканчик и, может быть, дождаться друзей.

Зима прошла незаметно, как незаметно проходит всё, что доставляет нам счастье. Шервард в былые времена всегда с радостью и надеждой глядел, как море взламывает наконец коросту посеревшего льда, слушал грохот освободившихся волн, в отместку за своё долгое заточение хлеставших каменный берег. Теперь же эти звуки наполняли его сердце безотчётной тоской, как будто бы ему надлежало возвращаться не в родной край, где ждали брат, отец и друзья, а на чужбину.

Радовало, что возвращаться ему придётся не с пустыми руками. Откровенно говоря, помощи от Бруматта оказалось не так уж и много. Парень, конечно, добросовестно делал своё дело – за эту зиму он сильно сблизился с бароном Ворладом, и даже не испытывая особенного отвращения по этому поводу. Увы, из шелухи всего того, что тщеславный барон наговорил внезапному благодарному слушателю, трудно было извлечь нужное зерно. Бруматт позднее ещё раз побывал в лагере легионеров, но и эта поездка оказалась почти столь же бестолковой, как и предыдущая. Наверное, даже сам Шервард вряд ли извлёк бы из неё больше проку – тут требовался человек военный с намётанным глазом.

Другое дело – Боден. Это было весьма ценное приобретение, и Шервард здесь весьма гордился собой. Они редко встречались с ушлым торговцем – тот был осторожнее подраненной лисицы. Но во время этих коротких встреч он со-

общал новости, что грели душу молодого лазутчика.

Выходило так, что недовольство империей было гораздо больше, чем предполагалось. Даже здесь, в относительно благополучном и сытом Тавере, хватало тех, у кого были какие-то счёты к «столичникам». И на удивление легко из тлеющих под спудом остывшего пепла угольков разгорался огонёк национального самосознания шеварцев. Похоже этим людям – обычным лавочникам, булочникам и трактирщикам – нравилось ощущать гордость принадлежности к некогда несгибаемому северному народу, доставившему немало проблем империи.

Шервард знал, что Боден не спешит форсировать события. Оба понимали, что до активной фазы ещё далеко – не меньше года, а может и того больше, и потому хлеботорговец не считал необходимым вербовать всё больше новых сторонников, опасаясь самых разных вещей. Он заверял, что когда придёт время, достаточно будет нескольких человек, которые в неделю раздуют пожар.

Он же убеждал келлийца, что с местным гарнизоном больших проблем не будет. Основная часть легионеров, что несли службу неподалёку от Тавера, были из числа местных. Боден был уверен, что в критический момент они сделают верный выбор между присягой и верностью своим землякам. Разумеется, от воинского начальства придётся избавиться, но с этим вполне справятся сами легионеры.

Боден излучал такую уверенность и говорил с таким зна-

нием дела, что Шервард совершенно перестал беспокоиться на сей счёт. Последние дни на материке он старался провести в своё удовольствие – как можно больше общаясь с Бруматтом и Динди. Он словно пытался запастись впрок этим теплом, радостью и беззаботностью.

Чем теплее становились дни, тем, вопреки обыкновению, сильнее овладевала его сердцем грусть. Он чувствовал, что драккар придёт со дня на день, и что разлука с Динди случится гораздо скорее, чем ему бы хотелось. Внезапно у него начались приступы отчаяния – переживания из-за смерти Лойи наложились на ощущение предстоящей утраты, и Шервард не мог отделаться от мысли, что он больше никогда уже не увидит странную, блуждающую в каких-то иных мирах улыбку девушки, её пустые, но всё равно такие красивые глаза... Такие моменты были ужасны – они до боли напоминали ему то, что он пережил, стоя у погребального костра...

Несколько раз, пребывая в полнейшем отчаянии, юноша едва не решался, наплевав на всё, предложить Динди поехать с ним. Ему казалось, что он готов в одиночку выступить против всего мира – собственного отца, брата, односельчан, родственников Динди и даже, если придётся, против самого Бруматта. Но этот порыв, вспыхивая мрачным пламенем, будто бы выжигал остатки его душевных сил, потому что следом за ним наступало какое-то беспомощное оцепенение, парализующее волю. Так же он, бывало, с благоговейным ужасом взирал на бушующее Серое море, ожидая возвращения

лодки Тробба. В те мгновения он понимал, что нет такой силы во всём мире, что могла бы противостоять этой стихии.

Так и теперь, посидев в темноте комнаты некоторое время, тупо глядя на дёргающийся огонёк в плоске масляной лампы, он понимал, что ничего не сделает. Динди останется здесь, а он уедет. Оставалось лишь положиться на доброту Матери – если кто и поможет ему, то лишь она одна...

И вот этот день настал. Драккар пристал к тому же причалу, где он стоял прошлым летом, и с палубы сошли те же его приятели – Индрен, Липпи, Ядри и другие. Они снова привезли какие-то товары, чтобы поддерживать легенду о богатом купце с островов, но Шервард лишь горько усмехнулся на это. За эту зиму он сблизился со многими людьми на материке, но ни один из них не видел в нём торговца. Впрочем, не тащить же всё это назад, и потому юноша договорился с Боденом, что тот заберёт весь этот скарб, взамен насыпав ему зерна, которое всегда было в цене на Баркхатти.

Затягивать прощание не имело смысла – его товарищи-островитяне вряд ли поняли и оценили бы ту излишнюю сентиментальность, с какой он относился теперь к Таверу. Прощание с Бруматтом и Динди произошло ещё накануне, а потому не имело большого смысла задерживаться.

Всходя по короткому трапу на борт, Шервард никак не мог отделаться от недавних воспоминаний об их расставании с Динди. Он, разумеется, обещал вернуться (и всерьёз рассчитывал, что так и будет). Девушка, как обычно, была мол-

чалива, но он уже достаточно хорошо знал её, чтобы уметь читать едва заметные знаки на её лице. И он явно видел там грусть. И грусть эта грела его сердце.

Глава 31. Кимми

Город тяжело отходил от потрясения. Внезапно свалившаяся на голову смута, с одной стороны, ужаснула всех сверху донизу. То, как быстро и жарко всё вспыхнуло и как мощно горело, наводило на грустные мысли. Слишком долго империя жила во мнимом благополучии, так что граждане её успели поверить в то, что так будет и впредь. И теперь их уверенность пошатнулась.

С другой стороны, очень многие этой зимой отхлебнули пьянящей вседозволенности, частенько ошибочно принимаемой за свободу. Охмелевшие от внезапной собственной значимости, люди почувствовали лёгкий зуд в пальцах. Оказывается, можно диктовать свои условия (разумеется, зная меру) самому императору! Это было волнующе и требовало осмысления. Во всяком случае, выводы, напрашивающиеся из Белой Смуты, для определённой части населения города были вполне обнадеживающими.

Впрочем, и государство, наверняка, сделает собственные выводы. В том, что впредь уже не будет как раньше, мало кто сомневался. Протрезвевшие от смуты горожане чем-то походили на нашкодивших и получивших добрую трёпку детей: задница горит, но обиды нет – заслужили!

Увы, не все столь легко перенесли произошедшее. С некоторого времени Линд всё яснее замечал подавленное состо-

ание Логанда. Разумеется, в первые дни после побоища на кладбище подавлены были все, ведь в городской страже служили не извращенцы, получающие удовольствие от убийств. Были нервные срывы, двое из их кордегардии написали рапорты об увольнении (впрочем, один из них вскоре забрал бумагу обратно ещё до того, как она пошла по инстанциям). Наверняка в других ротах тоже были подобные случаи, и Линд прекрасно понимал этих людей.

Он и сам находился на грани, и спасло его, пожалуй, лишь то, что юная психика просто не справилась с ужасом происходящего, превратив его в нечто вроде кошмарного сна. Юноша до сих пор находился в странном состоянии, когда ему казались нереальными события последних недель. Это состояние вызывало тошноту, словно опьянение, но оно же и спасало разум.

Удивительно, но Линду ни разу не приснились события той ночи. В последнее время он вообще спал, не видя снов – ложился, проваливался в черноту, и выныривал из неё уже утром. И он был совершенно не против этого, хотя раньше ему частенько снились цветные, интересные сны самого различного содержания.

Постепенно, день за днём, Линд наблюдал, как понемногу оживали, приходили в себя его сослуживцы. Все, кроме Логанда. Тот по-прежнему был словно не в себе, хотя человеку, незнакомому с ним, это, скорее всего, было бы незаметно. Лейтенант не сидел, уставившись в одну точку, не исте-

рил, не уходил в запой. Временами он бывал даже весел, но Линд, уже неплохо узнавший своего командира и товарища, приходил в ужас от искусственности этого веселья. Логанд в такие минуты походил на увитый лентами и цветочными гирляндами приют, какие служители Арионна создают для умирающих.

Линд и раньше замечал следы душевного надлома в приятеле – он подозревал, что в прошлом Логанда была какая-то жуткая тайна, гноящейся занозой засевавшая в его памяти и не отпускающая его. Наверное теперь, под тяжестью новых обстоятельств, этот надлом усилился, грозя полностью разрушить личность.

Проблема была ещё и в том, что Логанд упорно отмахивался от всякой попытки помочь или хотя бы просто поговорить. Несколько раз, когда Линд заводил издали подобный разговор, лейтенант становился до невыносимости саркастичен и едок, переполняясь едва ли не злобной насмешливостью. Он будто покрывался колючей и непробиваемой драконьей чешуёй, да ещё и норовил выставить вперёд драконьи когти, побольнее ткнуть любого, кто имел глупость подобраться ближе допустимой черты.

Логанд всегда был не прочь выпить, но теперь, похоже, просто выпить ему было уже недостаточно. Он стал напиваться, часами просиживая в чёрном одиночестве в самом глухом уголке «Свиных ушей» и недобро зыряка на каждого, кто пытался приблизиться к нему, за исключением трак-

тирщика, горестно подносящего кружку за кружкой. Старик как огня боялся своего завсегдатая и не смел перечить ему. Когда же Линд однажды вздумал воззвать к тонущему в вине разуму друга, тот яростно запустил в него полупустой кружкой и не попал лишь потому, что был мертвецки пьян.

Хвала богам, после того, что уже случилось, город словно испуганно притих, приходя в себя и поражаясь содеянному. Уличные банды зализывали раны, но при этом резко осекали всякую шелупонь, что, подобно стервятникам, пыталась кормиться на общей беде. Так что работы у городской стражи было не слишком много, и подчинённые Логанда, насколько могли, прикрывали его спину. В такие времена лейтенант действительно особо не был нужен – все знали свои обязанности и без него.

На какое-то время Линд оставил Логанда в покое, надеясь, что ему просто нужно время, чтобы справиться с собой. Говоря откровенно, в какой-то момент юноше и вовсе стало не до товарища по очень банальной причине – он влюбился. Девушку звали Кимми, она была дочерью довольно зажиточного торговца, чья лавка сильно пострадала во время минувших беспорядков.

Линд благодарил богов за тот день. Тогда он, вернувшись из ночного патруля, ворча, всё же согласился подменить вновь отсутствующего Логанда. Нужно было сходить по одному из адресов, чтобы составить список убытков – ничего особенного, ему это было уже не впервой. Вообще, конечно,

подобные мероприятия не входили в обязанности стражи, но пострадавших было так много, что магистрат просто не поспевал.

Задача была проста – прийти, напустить на себя максимально суровый вид, чтобы у истца и в мыслях не возникло поживиться за государственный счёт, приписав несуществующих убытков; затем – внимательно следить за тем, как пострадавший вносит перечень ущерба непременно в присутствии должностного лица, делая соответствующие пояснения; и в конце концов – просто забрать бумагу, поставив на ней свою закорючку, и принести в кордегардию. Здесь уже лежала стопка подобных бумаг, но что-то покуда не было желающих прийти за ними из магистрата, а сами стражники, естественно, брать на себя ещё и обязанности курьеров не спешили.

Купец, к которому в этот раз наведася Линд, явно надеялся сорвать с магистрата побольше. Его лавка не то чтобы сильно пострадала, но он, лебезя и потея, не уставал загибать пальцы, перечисляя всё похищенное и поломанное. Он заискивающе заглядывал в глаза молодому военному, который воплощал сейчас всё императорское правосудие, и пытался умаслить юношу, чтобы тот сквозь пальцы глядел на явное жульничество.

Уставший после бессонной ночи и порядком злой Линд уже готов был сорваться и наорать прямо в это потное лицо самые страшные угрозы за попытку водить за нос императо-

ра, когда купец сделал наконец спасительный ход. Он кликнул кого-то по имени Кимми и велел принести доблестному сержанту тёплого вина со специями. Озябший ещё с ночи Линд решил повременить с выволочкой.

Любовь – удивительная штука. Можно встречать множество красивых девушек, любоваться их красотой и забывать о них через минуту после того, как они исчезнут. Но вот вдруг попадается одна такая, о которую взгляд словно спотыкается, а затем и вовсе прилипает к ней как к магнитному камню. Что в ней особенного? Чем она отличается от прочих юных и свежих красавиц? Это – один из главных вопросов бытия, и один из тех, на которые никогда не найти ответа. Как будто ключик вдруг подходит к замку, минуя сотни похожих.

Именно это и произошло с Линдом. Когда вошла Кимми – девушка лет шестнадцати, он просто обомлел. Настолько, что не сразу принял кружку с вином, словно не мог догадаться, что с ней нужно делать. Появление Кимми было подобно проблеску молнии – юноша лишь на мгновение увидел её лицо, и оно потрясло его. И затем уже он смотрел куда угодно, лишь бы не на неё, пряча взгляд, словно боясь ожечь глаза.

Ушлый купец, похоже, сразу заметил замешательство гвардейца, а может быть он изначально рассчитывал на подобный эффект. Так или иначе, но он решил воспользоваться случаем. Он велел дочери накрыть стол, а после – посидеть с ними, составить компанию господину сержанту, поку-

да он завтракает.

Линд, мгновенно потерявший всякую волю, стал похож на соломенное чучело, из которого вынули деревянный шест. Он без возражений протопал за стол и механически сжевал что-то, что лежало на блюде перед ним. Немного справившись с волнением, он даже попытался завязать какой-то разговор с девушкой, но быстро бросил свои потуги, понимая, насколько смешным выглядит.

По счастью, Кимми оказалась не столь застенчивой, и, подбадриваемая красноречивыми взглядами отца, довольно быстро взяла инициативу на себя. Она мило щебетала о каких-то пустяках, щедро приправляя это своим серебристым смехом. Сторонний наблюдатель, пожалуй, мог бы заподозрить её в неискренности, но Линд лишь таял под этим нежным взглядом и хрустальными разливами чарующего голоса.

Стоит ли говорить, что с этого момента Линд вёл себя как последний болван? Он совершенно потерял интерес к тому, что говорил ему купец и, главное, что он записывал в лист. Находясь под постоянным прицелом прекрасных глаз, он просто не мог с придирчивостью отнестись к хитрому торговцу. В конце концов, какое ему дело до казны императора? Поди, его величество не обеднеет, даже если этот проходец испишет с десятков подобных листов! Его же задача сейчас – понравиться Кимми.

Впрочем, задача была не из сложных. Кажется, девушке действительно приглянулся симпатичный молодой парень в

гвардейской форме, не говоря уж о том, что она, похоже, унаследовала от отца деловую жилку и отлично понимала, *чего* может стоить её семье излишняя холодность.

В итоге Линд провёл у отца Кимми несколько больше времени, чем планировал. Сон, естественно, как рукой сняло. Поощряемый ласковыми взглядами девушки, он постепенно разговорился. Разумеется, довольно быстро он сообщил, что является единственным наследником древнего и благородного рода, что тут же прибавило к нему интереса всей семьи (к тому времени и матушка Кимми спустилась, чтобы соблюсти необходимые приличия).

В общем, уходил Линд уже, заверяя хозяев в том, что вскоре непременно вернётся с добрыми новостями. Кажется, он даже опрометчиво пообещал проследить за тем, чтобы вопрос компенсаций решился как можно скорее, что, разумеется, было совершенно не в его власти. Впрочем, сейчас он готов был наговорить чего угодно, лишь бы подняться в глазах Кимми.

С этого и началась история его любви. То, что он влюблён без памяти, Линд уже понимал и принимал, тем более что родители Кимми были, мягко говоря, не против их отношений, вероятно, уже втайне примеряя на дочь пышный баронский титул. Что касается Кимми, то здесь, к сожалению, всё было не так однозначно.

Разумеется, глядевший на неё обожающим взглядом Линд видел лишь то, что хотел видеть. Ему казалось, что девушка

от него без ума, и что счастье его уже в кармане, а впереди – прекрасная семейная жизнь. Увы, мы, не попавшие под чары юной прелестницы, да к тому же глядя на происходящее со стороны, довольно быстро могли бы усомниться в искренности её чувств. У любого, за исключением одного лишь Линда, могло сложиться впечатление, что положение жениха для Кимми имеет большее значение, нежели он сам.

Впрочем, молодому влюблённому было едва двадцать, и потому можно было надеяться, что он ещё успеет залечить полученную сердечную рану. Он был ещё молод, и впереди у него было, наверное, множество походов в поисках той, с которой ему придётся провести жизнь.

Однако же, родные Кимми явно не собирались упускать столь перспективного жениха. Прозрачные полунамёки, многозначительные шутки и недвусмысленные посулы начались почти сразу же. Да и сама девушка уже то и дело как бы нечаянно могла обмолвиться о каких-то довольно отдалённых временах, словно путник, прощупывающий посохом дно брода.

Так и вышло, что уже спустя каких-нибудь две-три недели Линд впервые обмолвился о возможной женитьбе, причём так, будто бы эта мысль совершенно нечаянно забрела к нему в голову. Разумеется, после этого всё уже было решено окончательно. И сама Кимми, и её родные стали вдвое ласковее с молодым сержантом, который от этого таял ещё больше, словно воск от пламени свечи.

Впрочем, юноша понимал, что в данном случае последнее слово будет явно не за ним. Зная, насколько отец требователен к происхождению будущей баронессы Ворлад, он уже предвидел тяжёлую схватку. Разумеется, по мнению отца кровь Ворладов слишком священна, чтоб разбавлять её кровью дочери лавочника, пусть даже и весьма обеспеченного. Кстати говоря, Линд уже понял, что в плане богатств его возможный будущий тесть может дать знатную фору отцу – тот, что бы он ни говорил и как бы ни старался пускать всем пыль в глаза, был далеко не богачом. Это как раз давало робкую надежду на то, что отец, быть может, всё же проявит определённую покладистость.

И всё же Линд далеко не сразу решился написать барону. Несмотря на то, что он сильно возмужал, вырвавшись наконец из-под родительской опеки, отец всё же был для него авторитетом и человеком, которого он боялся и уважал всю свою жизнь. Даже просто перекладывая свои мысли на бумагу, Линд уже ёжился, представляя, как отец будет *это* читать. Волей-неволей он подолгу задумывался над формулировками, пытаясь найти те единственно верные слова, что, возможно, смягчат недовольство отца.

Впрочем, за время, что минуло после его отъезда, Линд прошёл серьёзную школу, и сейчас он чувствовал в себе силы, чтобы даже восстать против воли барона Ворлада, если до этого всё же дойдёт. Юная Кимми настолько пленила его сердце, разум, да и прочие органы, что он готов был на ссору

с отцом, лишь бы не лишиться её. Неизвестно, на что бы он всё же решился, дойди до этого дело, но сейчас ему казалось именно так.

Наконец письмо было всё же отправлено, и теперь оставалось лишь ожидать ответа. Разумеется, Кимми сильно скрашивала это ожидание. Можно сказать, что благодаря ей он вообще позабыл о многих невзгодах. Шли дни, и уже приближалась весна. Впрочем, вопреки календарю, сердце молодого влюблённого уже цвело и пело от любви.

К сожалению, поглощённый собственным счастьем, Линд стал довольно рассеян и теперь гораздо меньше замечал происходящее с Логандом. Он вообще проводил сейчас почти всё свободное время со своей возлюбленной, прибегая в кордегардию лишь тогда, когда это было необходимо, а к себе в квартиру – лишь на ночь.

Нужно отметить, кстати, что как только волнения в городе успокоились, сюда тут же вернулся Дырочка. Упрямый старик заявил, что, если потребуется, он будет ночевать в сугробе возле барского дома, но не оставит молодого хозяина одного. Разумеется, этого Линд допустить никак не мог, и потому старый слуга вновь расположился в прихожей их небольшой квартирке, смастерив себе относительно уютное гнёздышко прямо на полу. Несмотря на то, что Линд разрешил, и даже велел ему в своё отсутствие пользоваться барской постелью, щепетильный лакей ни разу не посмел сделать этого.

Зато с его появлением квартира вновь наполнилась брюзжанием. Особенно разворчался Дырочка, когда сгорающий от любви юноша поведал ему о Кимми, ведь влюблённым так трудно бывает молчать о своих чувствах!

– Ваш батюшка никогда не одобрит подобный союз!.. – с абсолютной уверенностью заявил он, едва лишь Линд заикнулся о возможной женитьбе. – Это абсолютно исключено!

Юноша попытался было возражать, но довольно быстро стушевался перед непоколебимой убеждённой Дырочки, и невольно подумал – насколько же сложнее ему будет вести подобный разговор с отцом... Однако он не намеревался сдаваться.

– Ему *придётся* принять мой выбор, – наконец сказал он, пожалуй, жёстче и раздражённой, чем хотелось бы. – Я уже не ребёнок, и это мне решать!

Дырочка, понимая, что испортил настроение своему хозяину, промолчал, но его вид был красноречивее любых слов. Впрочем, всё это были лишь пустые разговоры. Теперь оставалось лишь одно – ожидать письма из Тавера и надеяться на чудо...

Глава 32. Лейтенант

Весть об отставке Логанда была словно гром среди ясно-го неба. Услышав об этом, Линд, который только-только зашёл в кордегардию, чтобы подготовиться к вечернему патрулированию, сперва даже не понял смысла услышанного. В последние несколько дней лейтенант не появился на службе ни разу, и потому юноша сперва решил, что речь снова об очередной драке в кабаке или невесть каком по счёту пропуске дежурства. И лишь сделав ещё два-три шага, он вдруг встал как вкопанный, когда смысл сказанной фразы наконец достиг его сознания.

– Что значит «уволен»? – непонимающе проговорил он, глядя на сообщившего новость сослуживца.

– Неизвестно, – мрачно пожал плечами тот. – Луга говорит, что лейтенант сам написал прошение, а Берд божится, что ещё вчера слышал, что его собираются уволить. Ждём начальства... Придут – объяснят...

В кордегардии старшим по званию и должности был Логанд. Было ещё четверо сержантов, один из которых – сам Линд. Если лейтенант уволен (или уволился) – им должны прислать нового. Лишь подумав об этом, юноша внезапно осознал случившееся. Логанд, человек, благодаря которому он стал стражником, вдруг взял и исчез...

У Линда внезапно возникло ощущение того, что именно

он может сейчас всё исправить. Именно он должен поговорить с другом и убедить его вернуться. Острой иглой вонзился в сердце жгучий стыд – увлечённый любовью, он, в своём юношеском эгоизме, проглядел то, что творилось с Логандом, не придавал этому достаточного значения. Счастье не терпит соседства с несчастьем, и Линд, весь поглощённый Кимми, предпочитал не думать о том, что его другу могло быть *по-настоящему* плохо. Это же Логанд! Разве есть что-то, с чем он не справится?!

– Можешь меня подменить сегодня? – обратился он к тому гвардейцу, что сообщил ему новость.

– Если ты собрался к Логанду, то лучше не стоит! – предупредил его появившийся на пороге Герро. – Поверь, сейчас лучше ему побыть одному. Он ещё не протрезвел и, неровен час, разобьёт тебе голову.

– Если бы я нашёл время поговорить с ним раньше, ничего этого не случилось бы! – стиснув зубы, упрямо процедил Линд.

– Уж не сам ли ты Арионн часом? – печально усмехнулся Герро. – Если ты действительно так всемогущ – может, делаешь что-нибудь, чтоб у меня не росла лысина?

– Лучше подмени меня, чем языком молоть! – разозлился Линд.

– Ты мне не начальник, парень, – чтобы не доводить до ссоры, Герро просто развернулся и утопал в караулку.

– Подмени меня, – бросил юноша тому гвардейцу, что со-

общил об увольнении Логанда. Тот, к несчастью, был лишь рядовым, так что Линд вполне мог отдавать ему приказы.

– Большая ошибка, приятель! – раздался из соседнего помещения голос Герро.

– Отвали! – огрызнулся Линд и стремглав выскочил из кордегардии...

...Едва не сбив с ног подходящего мужчину с опознавательными знаками сержанта городской стражи.

– Вы случайно не сержант Линд Ворлад? – отпрянув, и едва не потеряв равновесие, поинтересовался тот, стараясь говорить сухо и спокойно, хотя было заметно, что он не в восторге от привычки некоторых гвардейцев с таким грохотом вылетать из дверей.

– Случайно это я, – грубо ответил Линд, но тут же спохватился, понимая, что перед ним явно не праздный прохожий. – Что вам угодно?

– Вас вызывают в штаб, сержант, – гонец протянул сложенный вдвое лист. – Вам надлежит явиться немедленно.

– У меня дежурство, – с досадой буркнул юноша, хотя понимал, что от таких приказов просто так не отвертеться.

– Уверен, что внутри есть кто-то, кто подменит вас, – уже жёстче ответил сержант, которому, видимо, совсем не хотелось нянчиться с каждым гвардейцем.

Скрипнув зубами, Линд нехотя принял лист и, даже не разворачивая его, зашагал по направлению к штабу, не подумав и попрощаться с гонцом, который отправился куда-то

по своим делам.

Он широко шагал, всё ещё не справившись с раздражением, и не переставал думать – зачем и кому он понадобился в штабе? Это как-то связано с Логандом – тут нечего было и гадать, но что именно от него хотели узнать? Немного успокоившись, Линд начал соображать – что именно он скажет на возможном допросе. Нужно было придумать максимально правдоподобную, но при этом и максимально безопасную для приятеля версию. Будь что будет – даже если у него после будут неприятности, он не станет закапывать Логанда ещё глубже!

Но, как выяснилось, вызывали его совсем по иному поводу. Начальство внезапно решило повысить его до лейтенанта и вверить управление их кордегардией. Учитывая, что трое других сержантов имели куда больший опыт службы и подходили для повышения куда больше, это известие шокировало Линда. И почти сразу же он смекнул, что всё дело, должно быть, в его баронетстве, потому что иных объяснений, кажется, просто не было.

– Разрешите обратиться, господин майор? – щёлкнул каблуками густо покрасневший новоиспечённый лейтенант.

Штабист, принимавший его, кивнул.

– Почему именно я, господин майор?

– К чему этот странный вопрос, лейтенант? – нахмурился тот.

– В нашем подразделении есть ещё три сержанта, и каж-

дый из них будет достойнее меня.

– Это уж не вам решать, лейтенант, – строго осадил его майор. – Ваша задача – исполнить возложенные на вас поручения надлежащим образом.

– Но, господин майор...

– Довольно! – рявкнул штабист. – Я погляжу, у вас там в Собачьем квартале какие-то собственные представления о долге и службе! Впрочем, каков командир, таковы и его подчинённые... Вот что я скажу вам, лейтенант. Ваше командование выбрало вас – значит, на то были причины. Если это вас не устраивает – пишите заявление вслед за лейтенантом Свардом! У нас в гвардии приказы не обсуждаются, а исполняются! Вам всё понятно?

– Так точно, господин майор! – получив выволочку, Линд покраснел ещё больше, но одновременно и несколько успокоился, поняв, что он не в силах ничего изменить.

– Тогда ступайте к своим людям, лейтенант, покуда они не учудили ещё чего! И в ближайшее время подготовьте представление на присвоение звания сержанта одному из ваших подчинённых.

– Слушаюсь, господин майор! – отсалютовав, Линд вышел.

Потоптавшись с мгновение на улице, он всё же побрёл обратно в кордегардию. Похоже, визит к Логанду придётся отложить. Голова кружилась от внезапных перемен. Впрочем, если отбросить в сторону то, что он занял место друга и

вроде как перепрыгнул через головы своих сослуживцев, всё обернулось довольно неплохо. Линд уже представлял, как он расскажет о своём повышении Кимми и предвкушал, как она одарит его за такую новость.

Лейтенант городской стражи в двадцать лет... Такими темпами он скоро дослужится и до майора, и станет сидеть за таким же вот столом и рыкать на сержантов и лейтенантов... Линд, если честно, до конца не мог решить для себя – хорошо это или плохо. События Белой Смуты не изгладились из его памяти. Он понимал, что одной из причин ухода Логанда стало то, что он в какой-то степени был более ответственен за произошедшее. Конечно, и он был всего лишь пешкой, исполнявшей приказы, но всё же его не могло угнетать то, что именно он отправил своих людей убивать.

Быть командиром, без сомнения, почётно. Логанд, впрочем, редко носил лейтенантский мундир, да и вообще нечасто носил мундиры. Линд, кажется, напротив – вряд ли упустил бы шанс покрасоваться в нём. Лейтенант городской стражи – это звучит весьма неплохо!..

Правда, юноша до конца так и нашёл для себя ответ на вопрос – а хочет ли он и дальше быть стражником? Этот мерзкий город (он, конечно, заметно похорошел с появлением Кимми, но всё равно остался отвратительным), эта работа, так похожая на работу мусорщика. Может быть, послушать отца и продолжить попытки устроиться на военном поприще? Он теперь – лейтенант городской стражи Кидуи, от та-

ких как он уже не отмахиваются рекрутёры.

И всё же эти вот слова «лейтенант городской стражи» не могли не греть ему душу. В таком возрасте самооценку здорово поднимала даже простая гвардейская форма, а тут... Нет, даже несмотря на все свои переживания по поводу этого внезапного повышения, Линд не мог не радоваться в глубине души. И чем дальше он шёл, тем больше эта радость завладевала им, начинала биться в унисон его пружинистому шагу.

– Вернулся всё-таки? – ухмыльнулся Герро, когда Линд вошёл в кордегардию. – Не такой уж ты и кретин, судя по всему.

– Ты как с начальством разговариваешь? – юноша тщетно пытался изобразить строгость, но его лицо разве что не лопалось от самодовольной ухмылки.

– Какое ты мне начальство, бестолочь? – беззлобно отбрил его Герро.

– Сержант Герро, прекратить оскорблять своего лейтенанта! – гаркнул Линд, но тут же, не выдержав, расхохотался.

– Ты что ли мой лейтенант? – буркнул сержант, теперь уже хмурясь по-настоящему.

– На, читай! – Линд сунул ему в руки бумагу.

– Ах ты барчук кобылий!.. – пробежав по приказу глазами, проворчал Герро. – В страже без году неделя, а обскакал нас всех...

– Извини, – примиряюще заговорил Линд, опасаясь, что

товарищи теперь взъедятся на него за это. – Я сам ни сном, ни духом! Едва вышел отсюда – меня перехватил курьер и направил в штаб. А там вот вручили... Поверь, я пытался протестовать...

– Пожалуй я соврал бы, если бы сказал, что не держу на тебя обиды, – Герро, быть может, и шутил, но говорил он совершенно серьёзно. – Так что лучше мне сейчас просто помолчать... Прикажете собрать людей, *командир*?

– Давай... – уныло пожал плечами Линд. Хорошее настроение будто ветром сдуло. – Чего откладывать?..

Герро, хмыкнув с мрачным злорадством отправился *выполнять приказ*. Вскоре послышался топот множества ног и гомон. Бывшие сослуживцы, а отныне – подчинённые Линда собирались на построение, и было видно, что Герро уже ввёл их в курс дела. Юный лейтенант стоял, испытывая большое искушение сбежать и вслед за Логандом написать рапорт. Как он будет командовать ими? Некоторым из них он в сыновья годится, не говоря уж о том, что все здесь – бывалые бойцы, побывавшие в разных переделках. Любой из сержантов – готовый лейтенант! Да что сержанты! Пожалуй, любой из них был бы лейтенантом получше него!..

Наконец они выстроились – все, кто в данный момент был не в наряде и не в отгуле. Не больше десятка. И Папаша был тут, и Герро. Был Кун – самый молодой, за исключением самого Линда, гвардеец, с которым они неплохо сдружились. Все они сейчас глядели на него с усмешкой, но, вроде бы, без

явной злобы. И всё же Линд смешался.

– Я не хотел... – невольно вырвалось у него, словно все присутствующие в один голос упрекали его за то, что занял место Логанда. – Всё будет как раньше... Я...

– Разрешите обратиться, господин лейтенант? – вдруг перебил его Папаша, конечно, нарушая тем самым всякую субординацию.

– Говори... те... – жалко пискнул Линд.

– Чего вы там мямлите, господин лейтенант? – грозный хрипловатый голос старика компенсировался вполне дружеской улыбкой. – Довольно оправдываться! Вас назначили нашим командиром – значит, так надо! Начальству всегда виднее. Может, сам Логанд замолвил словечко. Но сразу хочу предупредить – нам нужен командир, а не рассветная козочка, так что начинайте командовать, во имя Ассовых сапог!

Эта внезапная выволочка помогла, но ненамного. Клубок, в который превратились кишки Линда, вроде бы расслабился, но командные выправка и голос пока что не спешили явить себя.

– Спасибо, Па... Рядовой Тоббос! – быстро поправился он. – Спасибо, что сказали это. Я не могу обещать, что сразу же смогу заменить Логанда, но со временем... Я буду стараться!

– Так точно, господин лейтенант! – растянув рот в улыбке, гаркнул Папаша.

– И вот мой первый приказ, – осмелев, продолжил Линд. –

Мне было велено назначить в нашу роту нового сержанта, и я думаю, что лучшей кандидатуры, чем рядовой Тоббос, мне не сыскать.

– Разрешите обратиться, господин лейтенант! – вновь козырнул Папаша. – Прошу избавить меня от этой должности. Много лет я служу здесь, и не раз мне делали такие предложения. Последним до вас был Логанд. И я всегда отказывался. Хочу, знаете ли, дожить последние годочки в покое. Мне ж теперь тут благодать, господин лейтенант. Я у вас вроде старого дворового пса – и в сторожа не годится, и выбросить жалко. Меня это вполне устраивает.

– А я разве сказал, что это предложение? – чуть сипя от волнения, повысил голос Линд. – Это приказ, *сержант* Тоббос, и извольте его исполнять!

Он сделал вид, что не расслышал фразы «Ах ты ж курвёныш!», тихонько брошенной старым Папашей, тем более, что в тоне её было скорей одобрение, чем злость. По блеснувшим на миг глазам старика Линд понял, что тот, быть может, вполне не прочь сбросить с себя личину «старого дворового пса». Наверное, когда-то его это вполне устраивало, но теперь, похоже, что-то изменилось, однако же гордость не позволяла Папаше явить своё честолюбие.

– Вы что-то сказали, сержант? – строго поинтересовался Линд.

– Ничего, господин лейтенант! – вытянувшись, ответил старик.

– С нынешнего дня принимаете мой взвод.

– Слушаюсь, господин лейтенант!

– Хорошо. Что ж, построение закончено, все могут быть свободны. И вот ещё что – через два дня приглашаю всех в «Свиные уши». Проставляюсь за лейтенантские погоны!

– А я через два дня в наряде... – разочарованно протянул кто-то.

– Значит, не повезло, – пожал плечами Линд. – Такая уж у нас работа, рядовой. Мы – городская стража Кидуи, а не какие-то там... рассветные козочки!

Рассмеялись все, и Линду это было чертовски приятно. Кто знает – может быть, у него всё получится? Может, он всё же станет хорошим лейтенантом? Таким как Логанд. Парни, похоже, приняли его – во всяком случае, ему предоставлен кредит. Если он не будет дураком – всё обязательно будет хорошо! Начало, во всяком случае, получилось вполне обнадеживающим.

Увы, сегодня он уже не мог пойти к Логанду. Да и свидание с Кимми, скорее всего, придётся отложить... Кроме множества дел, свалившихся на него вместе с должностью, у него теперь была и приятная забота – нужно было заказать себе лейтенантский мундир. Логанд мог ходить как оборванец – его дело! Линд же собирался сполна воспользоваться своим положением, чтобы досыта утолить юношеское самолюбие.

И, разумеется, нужно было срочно написать отцу. Юноша

надеялся, что это реабилитирует его в глазах барона Ворлада после того, как он против его воли избрал службу в городской страже. Стать офицером в двадцать – это чего-то да стоит! Быть может, теперь отец станет благосклоннее смотреть и на их брак с Кимми?..

Преисполненный надежд, Линд отправился к ближайшему портному.

Глава 33. Логанд

Иной раз Линду начинало казаться, что он намеренно оттягивает свой визит к Логанду. Конечно же, теперь у него стало куда больше дел, чем прежде, но всё же, положив руку на сердце, он вполне сумел бы выкроить часок-другой, чтобы навестить к другу, тем более, что тот жил совсем неподалёку. И всё же прошло уже четыре дня с тех пор, как он стал лейтенантом городской стражи, а встреча с Логандом так и не состоялась.

Тогда, в тот день, когда он только узнал об отставке друга, его порыв тут же броситься к нему был совершенно искренним, и можно быть уверенным, что если бы не сержант из штаба, перехвативший его на выходе, он безо всяких колебаний направился бы на квартиру к Логанду. Но вот теперь, поостыв и подумав, взвесив всё то, что сказал ему Герро и что он имел возможность обдумать сам, Линд действительно как будто не осмеливался встретиться с бывшим лейтенантом.

Похоже, больше всего он боялся увидеть, в каком состоянии теперь, вероятнее всего, находится Логанд. Попытаться говорить о чём-то с полубесчувственным телом, уворачиваться от брошенных кружек... Но всего страшнее было бы увидеть его жалким и подавленным. Логанд, который всегда был насмешлив, дерзок, даже немного высокомерен иногда... На-

блюдать, как он извивается под непомерной тяжестью жалости к себе, хнычет пьяными слезами... Вот этого Линд бы точно не вынес...

И всё же настал момент, когда он не смог найти ни одной причины, ни одного оправдания для того, чтобы не исполнить наконец свой долг друга и бывшего подчинённого. У Линда оказалась свободной вся вторая половина дня, и хотя было весьма соблазнительно потратить всю её на Кимми, он всё же решил, что откладывать визит к Логанду больше нельзя. За минувшие четыре дня чувство вины постоянно нарастало комьями и веригами, волочилось за ним, цепляясь за всё подряд, и ноша эта уже становилась невыносимой. Пора было избавиться от неё.

Наконец Линд решился. Вместо того, чтобы отправиться по хорошо знакомой дороге от кордегардии к дому, он повернул левее, направившись по не менее знакомой улице, поскольку проходила она мимо «Свиных ушей», а дальше, совсем неподалёку от таверны, к ней примыкал переулок, в котором и располагалось жилище Логанда.

Бывший лейтенант снимал небольшую квартирку из двух комнат во втором этаже. Эту квартирку сдавала ему ещё нестарая вдова вполне приятной наружности, которая, вероятно, поначалу явно имела какие-то виды на интересного и перспективного постояльца. Но Логанд, который, в общем-то, не чурался женского общества, заигрывая со служанками в «Свиных ушах» и пощипывая их пышные зады,

тем не менее явно не искал серьёзных отношений. Более того, он словно даже опасался их. Так что, испробовав на молодом лейтенанте весь арсенал своих чар, раздосадованная и обиженная хозяйка наконец оставила безуспешные попытки и, словно в отместку, даже слегка подняла плату за жильё.

Линд крайне редко бывал в гостях у друга. Тот никогда не был гостеприимным хозяином, обычно предпочитая встречаться с приятелями на нейтральной территории. И всё же юноше два-три раза довелось побывать на квартире Логанда, хотя и мимоходом. Ничего особенного он не заметил – это была типичная берлога холостяка, обставленная лишь самыми необходимыми вещами. Если бы не забота хозяйки, эти комнаты, должно быть, заросли бы пылью и множеством ненужных мелочей, что являются неизбежными спутниками любого обитаемого жилища, и которые люди обычно скопом именуют просто «мусором».

В общем, та таинственность, которой приятель окружал своё жильё, подобно дракону, ревностно оберегающему вход в свою пещеру, была обусловлена, похоже, не какими-то богатствами, хранящимися там – из тех вещей, что способны рассказать историю своих хозяев пытливому наблюдателю. Это было всего лишь проявлением немного нелюдимого характера самого Логанда, который не спешил впускать посторонних в свой внутренний мир дальше прихожей и, быть может, гостиной.

Каждый краткий визит Линда в логово друга вызывал в

нём некий трепет, который на сей раз был стократ сильнее. Он действительно шёл будто в берлогу страшного дикого зверя, который мог разорвать его в один присест.

Хозяйка, по счастью, была дома. У Логанда не было отдельного входа в его квартиру – всем посетителям необходимо было миновать стража в лице этой говорливой и придиричивой дамы. Но сейчас это было даже к лучшему – так Линд мог разведать обстановку.

– Здравствуйте, любезная госпожа, – к своему стыду, юноша так и не сумел запомнить её имени, хотя общался с ней уже несколько раз. – У себя? – мотнул он головой вверх, туда, где находились комнаты Логанда.

– Господин Ворлад! – память женщины была, очевидно, более цепкой и без труда сохраняла имена и лица гостей. – Как хорошо, что вы пришли! Я уж думала, что беднягу Логанда все покинули!..

Только в отсутствии Логанда она могла позволить себе такие слова, да и то лишь потому, наверное, что постоялец был не в лучшей форме. Он приучил её обращаться к нему не иначе, чем «лейтенант Свард». Очевидно, это был его метод держать дистанцию от романтической вдовушки, поначалу бросавшую на постояльца самые томные и многозначительные взгляды.

– У себя, у себя... – сокрушённо продолжала хозяйка, одним из недостатков которой было неуёмное желание говорить много и безостановочно. – Уже несколько дней не вы-

ходил... Не знаю, что он там делает – меня к себе не допускает... Рычит что-то через дверь, а то и просто молчит. Я уж, признаться, начала переживать – не наложил ли на себя руки... С тех пор, как уволился – сам не свой...

Значит, женщина знала об увольнении Логанда, – подумалось Линду. Вероятно, сам он и объявил ей об этом – кому ж ещё?.. Заперся в квартире – это плохо... Признаться, юноша надеялся, что сможет застать приятеля в более людном месте – например, в «Свиных ушах». Быть наедине с осатаневшим от пьянства и жалости к себе задирой – весьма сомнительное удовольствие!

– Пьёт?.. – прервал её Линд, поняв, что сама она не останется.

– Наверное пьёт! – охотно переключилась вдовушка. – Сам-то он никуда не выходил, да только в последнее время, поди, понатаскал себе бутылок из таверны. Он ведь уже давно запил-то... Сперва ещё как-то пытался держаться, но чем дальше – тем хуже... Недели две уж, почитай, не просыхая-то...

Две недели... Вновь болезненный укол совести. Логанд уходил не громко и внезапно хлопнув дверью. Он отдалялся постепенно, словно вопил о помощи. И никто его не спас... И ведь не только он, Линд, ничего не сделал!.. Что он-то? Они с Логандом знакомы чуть больше полугода... Но все его старые друзья – те, кого он считал друзьями... Почему они допустили всё это? Ведь у них не было Кимми, отнимающей

всё внимание и время!.. Они могли бы...

Линд осёк себя, понимая, что просто пытается перевалить вину с себя на других. А главное ведь – теперь уж неважно, кто именно виноват. Важно другое – знаменитый на весь Собачий квартал лейтенант Логанд Свард ушёл на дно, и никто даже не подумал попытаться ухватить его за шкуру... Оставалось надеяться, что ещё не слишком поздно...

– Я поднимусь? – как-то неуверенно спросил он.

– Давно пора! Давно пора! – завоптала женщина. – Помогите ему, господин Ворлад! Пойдёмте вместе, я хоть гляну – может, там прибраться надо...

Хвала богам, лестница была достаточно короткой, чтобы этот нескончаемый поток слов не успел сжечь ему мозг. Линд быстро поднялся вверх и на мгновение остановился возле знакомой двери. Вдовушка едва ли не на полуслове смолкла, вперившись взглядом в эту дверь и прижав сжатые в кулачки ладони ко рту.

– Логанд!.. – нерешительно позвал Линд, постучав.

Ничего. Никакого движения.

– Логанд, открой! Это я! – юноша уже громче застучал в дверь.

– Стучите, стучите громче! – взволнованно заговорила хозяйка. – Может, спит... Я стучала вчера – он не реагирует.

– Жив ли он вообще?.. – похолодел Линд и загрохотал в дверь.

– Жив, жив! – затараторила женщина. – С утра сегодня я

шум слышала. Как будто падало что-то. Может, стол задел...

– Логанд! – гаркнул Линд, испуганный не на шутку. – Открывай, покуда я не вынес дверь!

Хозяйка ахнула, закрыв лицо руками. Юноша стоял, не зная, что делать дальше. Несмотря на свою угрозу, он прекрасно понимал, что не сможет высадить добротную дверь. Пожалуй, здесь не управился бы и здоровяк вроде Герро. Он уже подумывал, не попытаться ли попасть в квартиру через окно, но мысль о том, чтобы пробраться по обледеневшему карнизу в комнату второго этажа, не показалась ему привлекательной.

– У меня есть ключ от двери! – женщина явно приняла угрозу всерьёз, и теперь очень опасалась за своё имущество.

– Так чего же вы молчали? – рявкнул Линд, забыв о вежливости. – Живо несите его!

Оторопевшая от подобной грубости хозяйка, смертельно побледнев, бросилась вниз по лестнице и через пару минут вернулась. Резким жестом она вручила ключ молодому человеку, каждым движением давая понять, как глубоко она оскорблена подобным тоном. Впрочем, Линду сейчас было не до неё.

Трясущимися руками он кое-как вставил ключ в скважину, но, к сожалению, Логанд, похоже, не вынул ключ со своей стороны, так что всё было напрасно. Линд, с досадой бросив ключ на пол, замер, пытаясь решить, что делать дальше. Впрочем, в голову приходило лишь одно – привести сюда

нескольких парней и взломать к дьяволам эту дверь.

И вдруг он услышал звук проворачивающегося в замке ключа. Один оборот, затем другой – и дверь приотворилась. Из мрака в лицо Линду пахнуло отвратительным смрадом – смесью тяжёлого перегара, пота, а также запахов похуже. Словно призрак, за дверью маячил силуэт Логанда.

– Чего орёшь?.. – заплетающимся языком буркнул он. – Заходи... А ты, милочка, стой где стоишь! – предупредил он хозяйку, которая, похуже, вознамерилась направиться следом за господином Ворладом.

Кривясь от омерзения, Линд вошёл. Интуитивно он постарался набрать побольше воздуха в грудь, понимая, что это бессмысленно. В комнате был сумрак – день был довольно пасмурный, а шторы были плотно закрыты.

– Давай откроем окно, – взмолился Линд, задыхаясь. – У тебя нечем дышать!..

Логанд лишь неопределённо махнул рукой и рухнул на неряшливую постель. Восприняв это как дозволение, юноша бросился к окну, рывком отдернул штору и, ломая ногти, кое-как сдвинул задвижки. Наконец окошко открылось и в комнату ворвался прохладный, уже почти по-настоящему весенний воздух. Линд не спешил отходить от окна – даже здесь зловоние всё ещё было почти нестерпимым. Он лишь оглядывал небольшую комнатку, ужасаясь тому, что видел.

Бутылки были повсюду – большей частью уже пустые. На столе было наставлено несколько блюд с остатками еды, но,

очевидно, часть тех миазмов, что витали в воздухе, имели своими источниками именно эти тарелки. Оставалось лишь надеяться, что Логанд не ел ничего из этих объедков по крайней мере со вчерашнего дня.

Сам обитатель этого вертепа валялся на грязной постели, уронив предплечье на глаза, чтобы прикрыться от неяркого света, льющегося из окна. Выглядел он столь же плачевно, как и его комната. Логанд явно исхудал, а рубашка на нём была покрыта пятнами, некоторые из которых вполне могли быть следами рвоты.

– Что с тобой случилось?.. – потрясённо проговорил Линд.

– А на что похоже?.. – донеслось в ответ глухое хриплое ворчание.

– Я не могу поверить, что ты так низко пал...

– Ну, как видишь, я лежу на кровати, а не на полу, так что не так уж и низко... – едва-едва ворочая языком, парировал Логанд.

Однако же было видно, что эта острота стоила ему остатков сил, так что он замолчал, сопя придавленным рукою носом.

– Но почему?.. – по-детски наивно спросил Линд. – Что случилось?..

– Случилась жизнь... – после довольно продолжительного молчания буркнул Логанд. – А жизнь – дерьмовая штука, паренёк.

– Зачем ты оставил службу?..

– Потому что больше не хочу служить, – Логанд наконец отнял руку от лица и мутно взглянул на товарища. – Хватит с меня...

– Мог бы взять отпуск...

– Ты что – не понял? – как-то зло прошипел Логанд. – С меня хватит! Вообще!

Линд, признаться, растерялся. Он видел, что приятель всё ещё довольно сильно пьян, и вряд ли сейчас стоило воспринимать каждое его слово всерьёз. Надо бы дождаться, когда в его голове прояснится. Но юноша боялся, что, стоит ему уйти, Логанд вновь напьётся. Если он не остановится – неизвестно, до чего может дойти.

– Жрать охота... – жалобно произнёс вдруг Логанд, поглаживая впавший живот. – Дня два уж не жрал ничего...

– Я попрошу хозяйку – она мигом принесёт! – охотно отозвался Линд, радуясь, что друг начинает проявлять признаки жизни.

– Спроси яблочных пирогов! – вдогонку бросил Логанд. – Эх, какие пироги она печёт, Линд!.. Дура-дурой, но пироги!.. – едва ли не мечтательно протянул он последнее слово.

Этого юноша уже не слышал – он стремглав слетел по лестнице, едва ли не врезавшись в стоявшую внизу женщину. Та, просияв, бросилась в кухню и уже через несколько минут вынесла два больших блюда. На одном лежали спешно нарезанные куски хлеба, сыра и мяса, а также стояла плошка

с каким-то соусом. А на втором была целая гора румяных и явно свежее испечённых пирожков. Они выглядели так соблазнительно, что Линд едва не подавился слюной.

Похоже, хозяйка надеялась сама принести блюда посто-яльцу, но Линд молча перехватил оба блюда и направился вверх по лестнице. Хвала богам, воздух в комнате Логанда стал чуть свежее, но всё равно оставался мерзким на запах и даже, кажется, на вкус.

Логанд уже сидел на кровати и, к сожалению, пил прямо из горлышка одной из бутылок. Впрочем, когда Линд вошёл, он отнял бутылку ото рта и громко и протяжно рыгнул. Завидев блюдо с пирогами, он радостно замахал рукой. Едва лишь пироги оказались в зоне его досягаемости, он тут же заграбастал сразу два, один из которых едва ли не целиком запихнул в рот.

– Осторожней! – Линд сильно переживал, что пьянчуга того и гляди подавится, но тот на удивление ловко работал челюстями, так что первый пирожок, словно по волшебству, исчез в его глотке.

– Попробуй! – промышчал Логанд, впиваясь во второй пирог.

Линда не пришлось уговаривать. Пироги, испечённые с мелко нарубленными сушёными яблоками, действительно оказались восхитительны. Блюдо опустело в считанные минуты, и юноша теперь уже с благодарностью отхлебнул вина из предложенной приятелем бутылки, чтобы немного смо-

чить горло.

– Что это там на тебе надето? – утолив первый голод, Логанд словно ожил и теперь говорил почти также, как обычно.

– Да... Меня назначили лейтенантом... – покраснев, отвечал Линд.

– Вот ведь гады!.. – злобно бросил Логанд. – Я просил их этого не делать!.. Ну а ты, балбес, и согласился!..

– Как будто бы меня спрашивали... – насупился Линд. – Так это, значит, не ты замолвил словечко?..

– Замолвил словечко?.. – скривился Логанд. – Да если бы у меня тогда не было тяжкого похмелья, я бы разнёс там всё к Хаосу! Я говорил, что ты ещё слишком молодой и слишком балбес! Тебе и сержанта-то давать не следовало! Нет, дружище, на тебя нацепили эти погоны только потому, что ты – баронский сынок! Такие ведь нечасто оседают в городской страже...

– Может и так, – сгорая от стыда, возразил Линд. – Но всё же я и сам кое-чего стою! Может, и из меня получится хороший лейтенант!

– Да я ведь не о том! – примирительно хлопнул его по руке Логанд. – Ты – отличный парень, Линд. Ты получше и поумнее любого в штабе! Да только лейтенантская должность – паршивое местечко, доложу я тебе... Ты теперь в ответе за четыре десятка человек, и всё, что с ними произойдёт – на твоей совести...

– Всё дело в той ночи?.. – прямо спросил Линд, чувствуя,

что если бывший лейтенант и выговорится когда-нибудь, то именно сейчас, когда хмель ещё не рассеялся, а отпечаток пережитых дней и ночей наедине с бутылкой ещё не изгладился.

Логанд будто сжался и инстинктивно огляделся, словно ища бутылку. Сейчас он не сумел совладать с лицом, и Линд впервые увидел его таким беззащитным и... таким испуганным. Да, этот человек был, похоже, окончательно сломлен, и лишь боги ведают – сумеет ли он когда-нибудь прийти в себя. Но что же могло случиться такого, что Логанд Свард, этот железный человек, вдруг рассыпался на кучу жалких осколков?..

– Они приходят ко мне, Линд... – наконец хрипло проговорил он и, не справившись с искушением, ухватился за бутылку и допил остатки вина, после чего с отвращением отшвырнул бутылку в один из углов. – Они каждую ночь приходят...

– Кто? – содрогнувшись от суеверного ужаса, тихо спросил юноша, облизывая внезапно пересохшие губы.

Логанд долго молчал, комкая в руке остатки пирога. На него жалко было смотреть. Было очевидно, что он мучается, однако одновременно он, похоже, боялся рассказать всё другу, опасаясь, что тот поднимет его на смех. Но, видя испуганное и серьёзное лицо Линда, он всё же решился.

– Призраки... Те люди, которых я убил... Которых мы все убили тогда... Женщины, мужчины... Среди них есть почти

совсем ещё дети... Парни лет пятнадцати... Они все приходят ко мне...

– Тебе это просто снится, Логанд... – пробормотал в ответ Линд, чувствуя, как, вопреки его словам, у него шевелятся волосы на затылке.

– Может быть, – криво ухмыльнулся Логанд. – Может быть... Не поверишь – я даже ходил к священнику-арионниту. Он убеждал меня, что призраков не существует. Никто из тех, кто хотя бы одним носочком ступил на Белый Путь, уже не может вернуться – говорил он мне. Но они приходят, Линд! Они были здесь сегодня – всего за несколько часов до того, как пришёл ты! Они стояли прямо здесь, где сейчас стоишь ты!

Юноша невольно попятился и огляделся по сторонам, словно действительно ожидая увидеть призраков.

– Может быть, это только сны... – продолжал Логанд. – Но они кажутся такими реальными... Я пробовал щипать себя, кусать... Я пробовал... – он закатал побуревший рукав рубашки и Линд увидел, что у него располосовано предплечье. – Ничего не помогает! Я не просыпаюсь. И раны слишком реальны для тех, что я мог бы нанести во сне!

Спорить с этими воспалёнными, покрытыми засохшей сукровицей шрамами было бессмысленно. Они-то уж точно были абсолютно реальны. А это значит, что Логанд, скорее всего, помешался. Но было ли это временное помешательство? Пройдёт ли оно?.. И если да – то доживёт ли он до это-

го?.. Что он делает с собой в следующий раз, чтобы прекратить кошмар?..

– И это происходит каждую ночь? – Линд не знал, как вести себя с помешанными. Нужно ли потакать их бреду, или же пытаться разрушить его.

– Теперь да. Раньше реже.

– И много их?

– Четырнадцать человек. Пять женщин и девять мужчин. И... – Логанд смертельно побледнел. – И она... Это она приводит их всех...

– Кто – она? – переспросил Линд, чувствуя, что погружается в новые пучины безумия.

Логанд как-то дико взглянул на друга, как будто собирался швырнуть в него чем-то и прогнать. Но, похоже, начав изливать душу, он уже не мог остановиться.

– Зора... – выдохнул он. – Женщина, которую я убил...

Глава 34. Зора

Они сидели в полутёмной комнате, глядя друг на друга исподлобья. Разговор был тяжёлым и двигался еле-еле. Линд всё никак не мог понять – как ему относиться к услышанному. По всему выходило, что Логанд сходит с ума. Однако же, сейчас он совершенно ничем не походил на сумасшедшего. Медленно и натужно бывший лейтенант исповедовался о том, что годами тяжким грузом висело на его душе.

– Я был молодым ещё – моложе тебя. Было мне пятнадцать, когда я влюбился в Зору. Она была ого-го! Настоящая барыня, по крайней мере, так мне казалось. Конечно, была она сильно старше меня, да к тому же замужем, и ребёнок у неё был уже – мальчик лет двух... Я был простым деревенским пареньком, отец взял меня с собой на работу в Тавер. Он плотник, и его нанял муж Зоры поставить конюшню. Были там мы с отцом, да ещё один малый... Впрочем, это неважно...

Никогда ещё, кажется, слова не давались так тяжело Логанду. Линд привык совсем к другому – обычно тот был весьма скор на язык и за словом в карман не лез. Но сейчас он то и дело путался, спотыкался, словно каждое слово прилипало к языку, и нужно было приложить немало усилий, чтобы его столкнуть.

– Муж Зоры был тот ещё балбес. Знаешь, из этих, кото-

рые... – не найдя подходящего слова, Логанд досадливо за-
тряс кистью руки. – В общем, учёный. Вообще-то он был
купцом, но очень уж был любознательный... Впрочем, он,
может, и сейчас любознательный – поди, жив до сих пор...
Хотя он был заметно постарше Зоры – лет за сорок ему было
уж точно! Но в доме у него были книги, и он любил этикие,
знаешь, заумные словечки и фразочки в разговор запускать.

Логанд усмехнулся и, лишь теперь заметив, что до сих пор
месит в пальцах липкие потемневшие от его грязи остатки
пирожка, с отвращением отшвырнул его на пол. Брезгливо
вытер пальцы прямо об рубашку, он словно нехотя продол-
жил рассказ.

– А ещё любил он разъезжать по своим делам, да так, что,
бывало, месяцами не объявлялся дома. Очень любил в Сар-
рассу ездить. Позже мне Зора говорила, что у него там вто-
рая семья – жена, ребёнок... Не знаю, правда это или нет...
Может, она и приврала, чтоб себя оправдать... В общем, на-
няв нас, муженёк этот укатил чуть ли не на год. Было лето, и
он собирался провести в Саррассе всю зиму и весну. Видно
было, что к Зоре он холоден, так что, может, и правда был
у него кто на юге...

Мне-то Зора сразу приглянулась, как только я её увидал в
первый раз. Ну тут легко понять – совсем пацан ещё, в шта-
нах пожар при виде любой... Но и она, видать, заметила,
как я на неё гляжу, и вот вижу я – стала она ко мне всё лас-
ковее да ласковее. То тряпицей лицо моё от пота оботрёт, то

волосы взъерошенные пригладит. А я от каждого такого прикосновения аж звеню... В общем, так оно как-то и пошло-поехало... Раз отец уехал куда-то, а я остался. Зора пришла, якобы принесла мне поесть... Ну и... Наелся я тогда вдоволь...

Логанд криво усмехнулся. Было видно, что эти вроде бы вполне даже приятные воспоминания причиняют ему боль. Он глядел застывшим взглядом куда-то сквозь Линда, как будто заглядывал в своё прошлое.

– Самое странное, что она даже особо не таилась. Вся прислуга, мне кажется, знала о нас. И отец мой знал. Он даже попытался что-то ей сказать, но Зола просто удвоила наше жалование, и он тут же заткнулся... Теперь, если ей хотелось, она могла просто прийти и позвать меня, а отец, сидя на стропилах, терпеливо ждал, покуда я вернусь. И его это вполне устраивало – он лишь усмехался, да отпускал шуточки, когда мы были одни.

Было видно, что Зора истосковалась по мужской ласке. Она была ненасытна как кошка... Впрочем, тогда мне только того было и нужно... Разумеется, это должно было закончиться беременностью...

Судорожно выдохнув, Логанд замолчал и заозирался по сторонам. Наконец он заметил то, что искал – закупоренную какой-то тряпкой бутылку, в которой явно ещё было некоторое количество вина. Вынув замызганную тряпицу, он, несколько не брезгуя, приложился к горлышку и мгновенно вы-

лил в себя всё без остатка. Было видно, что Логанд сделал это не только для того, чтобы промочить горло. Похоже, он добирался до главного, и пытался придать себе сил.

– К тому времени конюшня уже давно была отстроена. Отец уехал, а я остался. Зора вроде как наняла меня дворовым работником, но, конечно, дело у меня было лишь одно... Когда она поняла, что беременна, то страшно перепугалась и захотела избавиться от ребёнка, но я... Я так обрадовался, что у меня будет собственное дитя, что и слышать не хотел ничего об этом. А надо сказать, что я лишь на людях был слугой Зоры. Когда мы были вдвоём, всё было иначе. Ты знаешь мой характер – я плоховато умею подчиняться. Так что, несмотря на то, что я был сильно младше её, я всё же командовал Зорой как хотел.

В общем, я даже думать ей запретил о том, чтобы избавиться от плода. Я сказал, что заберу ребёнка с собой, когда её ненаглядный соблаговолит вернуться. На том мы и порешили... Дитя должно было родиться в самом конце весны или начале лета. Я так ждал его! Оно ещё не родилось, а я уже любил его больше всего на свете...

Что же касается самой Зоры, то чем сильнее давала знать о себе беременность, тем больше портились наши отношения. Она стала невыносимой – постоянно закатывала истерики, кричала. Похоже, она всё-таки смогла насытиться любовью, или же, зачав ребёнка, её внутренняя природа получила желаемое, так что теперь она редко желала близости со мной.

Я по-прежнему жил при её доме, но теперь часто уезжал в деревню к отцу, чтобы помогать ему. Иной раз мы не виделись с ней неделями...

Ребёнок родился внезапно – почти на месяц прежде срока... Я думаю, что виной всему было то, что эта дура постоянно закатывала истерики по любому поводу. В последнее время я вообще избегал встречаться с ней – похоже, один мой вид действовал на неё раздражающе. Она скандалила по любому пустяку, упрекала меня и в том, в чём я был виноват, и в том, в чём был неповинен. Да и я к тому времени охладел к ней – у меня была уже новая подружка, моя ровесница...

Я узнал о рождении сына, явившись как-то под вечер в дом Зоры. Дворник встретил меня ещё у ворот и сказал, что барыня не велела больше пускать меня. И он сообщил, что Зора разрешилась от бремени до срока и... – Логанд на время замолчал, стиснув зубы, чтобы справиться с волнением. – И что ребёнок умер...

Линд глядел на товарища, который положив тяжёлую голову на ладони, буквально источал сейчас боль. Вот она – та ноша, что он таскал на себе больше десяти лет! Вот что надломило его душу... И всё же Логанд сейчас совсем ничем не походил на сумасшедшего. Он был глубоко несчастен, всё ещё пьян и подавлен, но явно в своём уме.

Лишь сейчас юноша заметил, что из всё ещё раскрытого окна тянет прохладой, и в комнате воздух стал хотя и достаточно свежим, но довольно холодным. Поэтому он, стряхнув

с себя оцепенение, встал и закрыл окно. Логанд же сидел, не шевелясь, и создавалось впечатление, что он вообще не замечает сейчас происходящего вокруг.

– У меня нет слов, чтобы описать, что тогда со мной случилось... – глухо продолжил вдруг Логанд. – Несколько дней я был сам не свой, временами помышляя о самоубийстве. Странно, наверное, слышать такое о парне пятнадцати лет? – горько усмехнулся он.

Линд в ответ лишь скривил губы. Да, в свои пятнадцать он жил совсем другой жизнью – жизнью мальчишки, проводящего время в компании друзей, лишь помышляя о каких-то реальных вещах. Логанд же будто родился уже взрослым... Наверное, потому он и сделался лейтенантом в двадцать с небольшим, не имея ветвистого родового древа за спиной... Он действительно был особенным.

– Несколько раз я возвращался к Зоре, но меня не пускали и на порог. Тогда я как-то вечером пробрался к ней в спальню через окно, но она, заведя меня, подняла такой крик, что я еле удрал. Я, словно брошенный пёс, кружился вокруг дома Зоры, не находя покоя. Я всё ждал, что она, быть может, выйдет. Но её всё не было. Зато я заметил старого сторожа, который каждый день выходил за ворота, а к вечеру возвращался пьяный в стельку, хотя прежде я за ним такого не замечал. Этого старика никто в доме не любил, а иные и вовсе боялись, считая, его ведьмаком. Слышал о таких?

Линд, который явно был примерно из тех же мест, где

прежде жил Логанд, хмыкнув, кивнул. Ведьмами и ведьмаками не раз пугала его нянька в детстве, когда он никак не хотел засыпать. Ведьмаки – это было что-то вроде колдунов, но колдунов-самоучек, действующих скорее по наитию. Вообще считалось, что ведьмы и ведьмаки – очень и очень могущественные маги, точнее, стали бы таковыми, если бы прошли обучение. Но сила, дремавшая в них, была столь велика, что прорывалась наружу даже без специальных навыков.

– Дворня звала его Шорохом, потому что ходил он всегда едва слышно. Он жил под лестницей и днём почти не показывался на людях. В общем, неприятный был старикан. И то, что теперь он весь день проводил где-то за пределами дома, было странно. Я решил проследить за ним, что, впрочем было нетрудно, потому что оказалось, что доходил он до одного из небольших кабаков неподалёку – грязного притона, куда приличные люди боялись соваться. Но я нутром чувствовал, что происходящее каким-то образом касается меня, и потому зашёл туда.

Шорох сидел в тёмном углу, и перед ним уже стояла кружка браги. Когда я подошёл, то заметил, как исказилось его лицо. Увидев меня, он перекосялся, будто увидал... – судя по всему, Логанд хотел сказать «увидал призрака», но осёкся. – Увидал самого Асса... Он, кажется, хотел уйти, но я перегородил ему путь.

«Что ты знаешь?» – сразу же спросил я, видя, что ему есть что скрывать. – «Что с моим сыном? Он жив?». Нутром я

почувствовал, что ему известно что-то об этом, и по реакции Шороха понял, что попал в цель. Он попытался встать и уйти, но я толкнул его на место. Никто даже не обернулся на нас – в том притоне привыкли к вещам и похуже. «Говори всё, что знаешь, иначе – клянусь богами! – я зарежу тебя!». У меня при себе, конечно, не было никакого ножа, но в случае чего я был готов вспороть ему горло и осколком кружки. И, судя по всему, он ясно это видел.

«Твой сын мёртв...» – ответил он. – «Я сам закопал его в саду». Признаться, у меня была слабая надежда на то, что Зора меня обманула, и что ребёнок жив. Увы, я видел, что Шорох не лжёт, и мой сын действительно мёртв... Но я видел также, что он что-то скрывает. Что-то страшное – настолько, что он, всю жизнь просидевший в своей камерке под лестницей, теперь каждый день ходит сюда и напивается настолько, что едва переставляет ноги, возвращаясь обратно.

«Что ещё тебе известно?» – подсев к нему, зашипел я. Я схватил его за шиворот и как следует встряхнул. – «Говори! Я от тебя не отстану!». Но Шорох сидел молча, насупившись. Даже когда я схватил его за горло, он молчал. Он и не думал звать на помощь. Этот старик как будто бы даже хотел, чтобы я придушил или прирезал его.

Видя, что этак мне ничего от него не добиться, я отпустил его. Шорох тут же, одним залпом, выпил целую кружку браги. Да, он наверняка что-то скрывал!.. Я был в отчаянии, не зная, что мне делать дальше. Злость, боль утраты, бессилие –

всё это слилось во мне, и я вдруг зарыдал. Напомню, что мне было всего пятнадцать! – Логанд погрозил пальцем Линду, хотя тот и не думал насмеяться.

– Ясно, что старика тоже изводила тайна, что он носил в себе. То ли ему стало жаль меня, то ли было очень уж жаль себя, но он не выдержал. «Дитя родилось живым...», – буркнул вдруг он. – «Но хозяйка, как только немного оклемалась, кликнула меня и...». Старик замолчал, не решаясь произнести последние, самые важные слова. Я глядел на него сквозь слёзы, уже понимая, что услышу дальше, и сердце моё едва не разорвалось от горя.

«Я придавил его...» – наконец вымолвил он. – «Придушил подушкой». Я издал такой крик, что даже завсегдатаи этого притона всполошились, и к нам подбежал хозяин. Я сам не знал, чего мне хочется больше – броситься на мерзкого убийцу и перегрызть ему глотку, или же разбить себе голову о столешницу. Но я не сделал ни того, ни другого – я просто зарыдал так, что, пожалуй, разжалобил даже тех мрачных типов, что обычно ошивались в этом кабаке.

Хозяин притона знал толк в подобных делах. Он вновь наполнил кружку Шороха и принёс такую же мне. Не зная, что мне делать дальше, я просто напился – впервые в жизни. Я сидел и пил в компании старика, убившего моего сына, и мы всё время просто молчали...

Я уснул прямо там, уткнувшись лицом в липкую столешницу. Я проспал несколько часов – когда я очнулся, Шороха

уже не было за столом. Покуда я спал, меня обобрали, хотя взять у меня, в общем-то, было особо нечего – пара мелких монет. По счастью выяснилось, что старик, уходя, оплатил и мой счёт, так что хозяин отпустил меня с миром.

Я всё ещё был хмельной и едва соображал. Выйдя из кабака, я какое-то время просто не знал, куда дальше идти. Был уже вечер, но солнце стояло ещё довольно высоко. В конце концов я просто пошёл, не разбирая дороги, пока не понял, что вышел прямо к дому Зоры. И я понял, что изначально хотел идти именно сюда. И уже знал – зачем я иду...

Линд слушал, затаив дыхание. Рассказ Логанда, такой незамысловатый и словно бы отстранённый, заставлял его тело биться крупной дрожью. Юношу знобило, и его так и подмывало накинуть на себя хотя бы то скомканное одеяло, что лежало в углу постели. Почему-то сейчас, слушая откровения Логанда, он вдруг ни с того, ни с сего подумал о Динди, о которой не вспоминал уже очень давно. Он так и не поинтересовался ни разу её судьбой. А что если она забеременела? Если так, то у него уже должен быть ребёнок...

Но нет – это было исключено! Ведь тогда отец наверняка дал бы ему знать об этом!.. Интересно, был бы он таким хорошим отцом, каким мог бы стать Логанд? Чувствовал бы он то же самое, случись это с ним и Динди?.. Да, когда у них с Кимми будут дети, он, несомненно, будет любить их. Но сейчас молодой лейтенант пока предпочитал даже не думать об этом.

Впрочем, в данный момент он вообще мало о чём мог думать. Он чувствовал, что рассказ подходит к своей страшной развязке. Собственно говоря, он уже знал конец этой истории – Логанд сообщил об этом в самом начале – но всё равно внутри жила какая-то по-детски наивная вера в то, что всё, быть может, ещё разрешится.

– Я ошивался неподалёку от дома, покуда не стемнело, – меж тем продолжал Логанд. – К тому времени хмель уже выветрился из моей головы, но решимость и жажда мести никуда не делись... Я окончательно решился и теперь ждал подходящего момента.

Когда наступила ночь, я осторожно пробрался во двор. Цепной пёс, которого на ночь спускали с привязи, хорошо знал меня, и потому я спокойно прокрался по двору. Я хорошо знал, что позади дома есть окошко рядом с кухней, которое всегда открыто в это время года. Также я знал и то, что на кухне в это время никого не будет – дворня у Зоры ложилась спать довольно рано.

Я без труда забрался в дом и осторожно двинулся в крошечной темноте, хорошо зная дорогу. К несчастью, проклятые половицы так и скрипели под ногами, и мне казалось, что они перебудят весь город. Я молил всех богов, чтобы никто из обитателей дома не попался мне на пути... Впрочем, в доме была полная темнота, и я надеялся, в случае чего, укрыться от случайных глаз.

Вдруг кто-то схватил меня за руку. Как я не закричал –

один Асс ведает! Я оцепенел от ужаса, не зная, что мне предпринять. Я видел лишь ещё более тёмный силуэт во тьме. Что-то было в нём знакомое – в фигуре, а главное – в запахе перегара, исходящего от него. Я понял, что это – Шорох. А он понял, что это – я. Так мы стояли некоторое время, а затем он молча убрал свою руку и растворился во мраке.

Кое-как придя в себя от пережитого страха, я побрёл дальше, к спальне Зоры. Она уже спала и не слышала, как я вошёл. У неё в комнате было светлее, и я мог разглядеть её, лежащую в кровати. Эта тварь спокойно спала, хотя всего несколько дней назад безжалостно убила беспомощное дитя!

Я боялся, что она поднимет шум, а потому тоже взял одну из подушек и придавил к её лицу. Надеюсь, в эти секунды она чувствовала то же, что мой сын!.. Она наверняка поняла, кто пришёл, чтобы убить её! Я надеюсь, что она это поняла... Она билась, пытаясь освободиться, но ненависть придавала мне сил. Я не прекратил бы тогда, даже если бы сам Арионн умолял меня об этом!..

Когда она затихла, я скинул подушку и стал душить её голыми руками. Возможно, она была уже мертва, но я хотел быть уверен до конца. И я хотел чувствовать кожей, как жизнь покидает эту тварь! Будь я сильнее тогда, я бы сломал ей шею. Но, впрочем, я справился и так. Я залез на постель, сел верхом на недвижимое тело Зоры и сжимал, сжимал пальцы до тех пор, пока не перестал их чувствовать...

И потом я просто ушёл. На дворе была ночь, и я не мог

отправиться в сад на поиски могилки моего сына. Конечно, я просто не нашёл бы её. И оставаться в Тавере мне было нельзя. Той же ночью я бежал из города. Я не рискнул отправиться в порт и решил, что доберусь пешком до Кидуи. Впрочем, через много миль пути я всё-таки вышел к Труону и нашёл парней, что согласились подбросить меня.

В конце концов я добрался-таки до столицы. Я не знал, что мне делать дальше. За время дороги я сильно оголодал, перебиваясь случайными хлебами. И знаешь, кого я встретил? Папашу²⁷! Он, так же как я тебя, привёл меня в городскую стражу. Здесь никто ни о чём не спрашивал, меня приняли как своего. А там уж как-то так получилось, что через год мне дали сержанта, а потом... Ну потом ты сам знаешь...

Логанд усмехнулся какой-то пустой, потерянной ухмылкой. Было видно, что, выговорившись, ему стало легче. Он с явной теплотой взглянул на своего молодого друга, который всё никак не мог прийти в себя после всего, что услышал. Линд же совсем растерялся, не зная, что ему теперь сказать. Рассказ был закончен, и, кажется, нужно было что-то ответить, но он понятия не имел – что именно. Тем более, что эта жуткая повесть нисколько не помогала понять главное – здоров ли Логанд душевно, или на самом деле сошёл с ума...

²⁷ Очевидно, что Логанд имеет в виду не собственного отца, а того самого но-воиспечённого сержанта Тоббоса по прозвищу Папаша.

Глава 35. Решение

– Такие, брат, дела... – уныло усмехнулся Логанд. – Что сделано – то сделано, того уж не вернуть... Но как на духу тебе скажу – никогда не казнил себя за то, что убил эту стерву! Наверное, кабы меня поймали – другое дело, а так... Она это заслужила. Кого жаль, конечно, так это её сына... Я уж потом осознал, что сделал мальчика сиротой... Это, конечно, тяжкий грех на моей душе, и я понимаю, что вряд ли преодолею Белый Путь... Я много думал о мальчонке после. Его зовут Бейни. Понятия не имею, что с ним случилось и где он теперь. Да и какая разница?.. Мать я ему точно не верну, а остальное...

Логанд в сердцах махнул рукой и вновь замолк, перекатывая желваками. Линд, который совсем забыл об этом ребёнке, скрипнул зубами. Страшно представить себе, что было с парнишкой в тот день... И также он понял, что Логанда мучит судьба мальчика почти столь же сильно, как гибель его собственного дитя. Да, теперь было совершенно ясно, насколько сильно располосовали ему душу эти три удара – смерть сына, убийство любовницы и разрушение судьбы маленького сироты.

– Я до недавнего времени думал, что не испытываю угрызений совести по поводу убийства Зары... Но во время того проклятого побоища на кладбище я впервые увидел её...

Было темно, но я готов поклясться, что то была она!.. Она была там. Я не убивал её снова – тогда она лишь мелькнула во мраке и исчезла, но... Через пару дней она явилась ко мне домой... И привела первых из убитых в ту ночь... Сперва их было всего трое, но едва ли не каждую ночь она приводила всё новых и новых... Не знаю – все ли они умерли от моей руки, но эта стерва тащит их именно ко мне!..

– Что значит «тащит»?.. – едва слышно пробормотал Линд.

От этого разговора он буквально холодел изнутри. Он чувствовал, как суеверный ужас обволакивает сердце ледяным саваном, и ощущал потребность хоть что-то сказать, чтобы рассеять этот морок.

– Кажется, они не видят меня, покуда эта тварь им не укажет... – почти жалобно ответил Логанд. – Когда она приводит кого-то нового, то он сперва словно слепой – смотрит мимо меня, будто не видя. Но потом она указывает на меня пальцем и что-то говорит, но я никого из них не слышу. И тогда тот, кого она привела, как будто бы прозревает, и начинает тоже тянуть ко мне руки и что-то говорить. Ясно, что они обличают меня, обвиняют в своей смерти, но я не слышу даже шёпота... Мёртвая тишина... Иной раз я думаю, что она, быть может, специально приводит даже тех мертвецов, в чьей смерти я неповинен, чтобы только помучить меня...

– Но ведь священник сказал тебе, что призраков не существует, – пролепетал Линд, сам обмирая от страха. Он с ужа-

сом думал, что будет, если убитые *им* люди начнут приходить и к нему тоже.

– Поверь, этого я боюсь больше всего... – искривил губы Логанд. – Если их нет – значит, каша в моём котелке совсем протухла²⁸... Я, кажется, ещё могу смириться с этими духами, если они действительно приходят ко мне. По крайней мере, до сих пор они ничего плохого мне не сделали – только стоят и пялятся всю ночь, да шлёпают что-то губами, но я даже не слышу, что именно. К этому я, пожалуй, со временем привыкну. Но что если их действительно нет?... Тогда я – просто сумасшедший...

– Почему сразу «сумасшедший»? – не слишком-то уверенно возразил Линд. – Может быть, ты просто... перенервничал в последнее время... Может быть, это всё сны, которые кажутся тебе реальностью? Когда я был помладше, у меня не раз случалось такое. Ночами мне казалось, что в комнату ко мне входят разные люди. Я разговаривал с ними, даже вставал с постели. Я совершенно чётко помню, что в тот момент я не спал. Это было какое-то среднее состояние – что-то между сном и бодрствованием. В какой-то момент я просто просыпался полностью и осознавал, что, словно болван, стою посреди комнаты.

– Нет, это совсем другое, – покачал головой Логанд. – Я знаю, о чём ты говоришь, и тут всё совсем иначе. Гораздо

²⁸ Это кидуанское выражение аналогично нашим «поехала крыша» или «не все дома».

реальнее.

– Но ты же ведь ещё в это время был и пьян в стельку! – возразил Линд, которому, похоже, уже почти удалось убедить по крайней мере самого себя. – В таком состоянии можно увидеть что угодно!

– Будь другом, Линд, останься со мной на одну ночь! – вдруг попросил Логанд. – Погляди, что будет...

– Останься в комнате, полной призраков? – вскричал Линд, от неожиданности позабывший, что секунду назад утверждал обратное. – Вот уж спасибо!

– Да нет же никаких призраков! Разве ты сам только что не убеждал меня в этом?

– Тогда останься в одной комнате наедине с возможным безумцем?

– Я не знаю, к кому ещё обратиться... – поник Логанд. – Не думаю, что смогу ещё раз пересказать свою историю кому-то из наших парней...

– Хорошо... – помолчав некоторое время, решился Линд. – Но только давай так. Во-первых, мы отправимся ко мне. Там мне будет как-то спокойнее. Во-вторых, дай слово, что больше сегодня не притронешься к бутылке!

– Отлично! Клянусь тебе в этом! – обрадовался Логанд. – Кстати, пойти к тебе – отличная идея! Может, эта тварь не сразу отыщет меня там! Хоть выплюсь наконец по-человечески!..

– Только переоденься и обмойся! Не хочу тащить эти за-

паху к себе домой!

– Ну тогда обожди немного. Через четверть часа я буду готов! – Логанд вскочил с кровати, на ходу стягивая с себя грязную рубашку.

– Ничего квартирка, – прокомментировал Логанд, оглядываясь.

Порядком постаревший за этот непростой год Дырочка выскочил к ним навстречу и почтительно кланялся бывшему лейтенанту. Старый слуга хорошо знал Логанда, хотя и не лично, а лишь по рассказам барина, и потому испытывал глубокое уважение и благодарность к нему. Тот же, говоря откровенно, всё ещё не пришедший в себя после всего произошедшего, довольно небрежно ответил на приветствие старика.

– Так ты же был тут уже однажды! – усмехнулся Линд. – Вскоре после того, как я снял её.

– Ну может быть, – пожал плечами Логанд. – Подумаешь – событие! Я, быть может, через год и этот визит не вспомню!..

Двусмысленность последней фразы была слишком мрачной, чтобы Линд решился пошутить на сей счёт. Вместо этого, позволив Дырочке снять с себя тёплый плащ, он повёл Логанда в комнату, которая должна была стать их общей спальней.

– Здесь лишь одна кровать, так что не взыщи, – обратился

он к приятелю. – Мы приготовим для тебя уютное местечко на полу.

– Господин Свард изволит заночевать у нас? – вмешался Дырочка, который всё же был чуть больше, чем просто слугой. – Тогда отчего бы ему не устроиться на диване в гостиной?

Сам старый лакей так и не смог заставить себя спать на этом диване и по-прежнему ночевал в прихожей на матрасе, брошенном прямо на пол. Он боялся спать неподалёку от окна, даже если Линд закрывал его ставнями. Старик так и не привык к этому городу и не доверял ему.

– Если бы он хотел заночевать в отдельной комнате – остался бы дома, – буркнул Линд, которому стало немного неловко перед Логандом за подобную вольность слуги.

– Да, но если у тебя там скрывается отличный диван – отчего бы не перенести его сюда? – отставной лейтенант явно не был в восторге от перспективы сна на полу.

– Стоит ли? – нахмурился Линд. – Это же всего на одну ночь...

– Кто знает? Вдруг сегодня она меня не сыщет?

– Сможем ли мы перетащить его? Он довольно громоздкий... – Линд всё ещё не хотел заставлять свою спальню лишней мебелью.

– Ты же лейтенант! – воскликнул Логанд. – Под твоим началом четыре десятка лоботрясов! Только прикажи – и они перенесут сам этот дом поближе к кордегардии!

– Не надо, – сдался Линд. – Сами справимся... Пошли...

Они действительно справились сами, хотя и порядком намучились. Когда наконец диван оказался на месте, оба они, покрасневшие и вспотевшие, рухнули на него, шумно дыша.

– Хороший диван! – одобрил Логанд, чуть отдышавшись. – То, что нужно!

– Смотри не обмочи его, когда к тебе явятся твои гости! – хмуро пошутил Линд.

– Смотри не обмочись сам, когда увидишь их! – парировал Логанд.

– До ночи ещё далеко, – юноша ушёл от неприятной темы, хотя сам же её поднял. – Что будем делать?

– Может, отправимся в «Свиные уши»? – предложил лейтенант.

– Ты уже забыл, что обещал не пить сегодня?

– Да, тогда незачем и ноги бить... – согласился Логанд.

– Пошли в кордегардию? Парни будут рады повидаться с тобой.

– Не в таком виде. Сейчас лучше им меня не видеть. Позже, когда всё будет нормально... А пока лучше не надо.

– И что же тогда?..

– Ну а что делает любой солдат, когда нужно ждать? – пожал плечами Логанд. – Тащи карты!

Поразмыслив немного, Линд кивнул и кликнул Дырочку. Тот, кстати говоря, был отличным партнёром в игре, так

словно вся его жизнь прошла в казармах. Втроём они вполне неплохо скоротали вечер. Логанд отдал должное карточному таланту старого слуги, и если бы не чопорная почтительность последнего, наверняка сблизился бы с ним вполне по-дружески.

– Ну что ж, пора бы уже на боковую, – Логанд в последний час зевал всё чаще и чаще. – Признаться, я толком не высипался уже целую вечность. Надеюсь, что на этом прекрасном диване и под защитой таких ребят как вы, я просплю сегодня как младенец!

Дырочка, который, разумеется, понятия не имел, о чём говорит гость, тем не менее, сохранял абсолютно непроницаемое выражение лица, которое со временем намертво приклеивается ко всем хорошим лакеям. Он был уверен, что его молодой господин уже сообщил всё, что требовалось знать, а остальное – не его забота. Наверняка некоторые фразы, которыми время от времени перекидывались два друга, тревожили старика, но он ни единым жестом не давал это понять.

Превосходно отужинав (старый лакей даже за игрой в карты не забыл распорядиться об этом), приятели наконец улеглись. Остаток дня прошёл превосходно, и Линд, казалось, совсем забыл о подоплёке этого визита Логанда. Но всё же это было не так – словно горькое послевкусие, даже в самый разгар веселья, его не покидала тревога. Он и сам не знал – чего больше боялся. Того ли, что сегодня его комнату наполнят обозлённые духи, которые, чего доброго, ещё и приведут

за компанию тех, кого пришлось убить ему самому. То ли того, что он воочию сможет понаблюдать за охватывающим друга безумием.

Потушив свечи, они какое-то время молча лежали. Линд пытался гнать от себя тревожные мысли, понимая, что они мешают ему уснуть, но ничего не мог поделать. Как это обычно и бывает – чем больше он старался, тем безнадежнее отдалялся от него сон. Похоже, с Логандом было то же самое. Хоть он и устал от постоянного стресса и недосыпа, но сейчас, похоже, тоже не мог уснуть. Линд слышал, как он ворочается на своём диване, пытаюсь улечься поудобней.

– Тоже не спится? – услышал он голос Логанда.

– Не спится...

– Диван у тебя – как гнездо ворона...

– Не нравится – перебирайся на пол.

Логанд не ответил, но остался на диване. Ясное дело, что дело было вовсе не в удобстве ложа – Линд знал, что его диван вполне удобен, и уж подавно он более чем удобен для служаки вроде лейтенанта. Юноша по собственному опыту знал жёсткость лежанок в кордегардии, и, тем не менее, любой из гвардейцев пользовался ими не раз, возвращаясь с ночного патруля, или наоборот – дожидаясь ночной смены.

– Ну а у тебя как жизнь? – помолчав, вновь подал голос Логанд. – Что нового?

Линд усмехнулся одними губами – только теперь, спустя много часов, проведённых вместе, приятель вдруг вспомнил,

что и у него могут быть какие-то новости. Что ж, пожалуй в данной ситуации это простительно.

– Да, в общем-то, ничего особенного, – негромко ответил он. Однако же сон как рукой сняло, а потому Линд не хотел прекращать этот разговор. – Я встретил девушку. Её зовут Кимми. Мы собираемся пожениться.

– Пожениться? – фыркнул Логанд. – Как давно ты встретил её?

– Месяца два назад, или около того.

– Ну и болван же ты! – заявил Логанд. – Куда так торопишься? Скучно стало без ярма?..

– Причём тут ярмо? – набычился Линд. – Она – не ярмо для меня, Логанд! Она... Как вторая рука. Представь, если бы у тебя была лишь одна рука, а потом Арионн вдруг взял и приделал тебе вторую!

– Женщина – не рука, парень. Она скорее – кинжал без рукояти, или... Слышал о скоропенах? Это такие насекомые, что живут в пустыне Туум. У скоропены есть длинный тонкий хвост, который заканчивается ядовитым шипом. И говорят, что большинство скоропен погибает от собственного яда – во время сна они любят свернуться калачиком, и тогда... Одно неверное движение – и всё... Женщины для нас – это такой же шип скоропены. Она может какое-то время служить нам, но, стоит немного расслабиться – и конец.

– Не думай, что если ты обжёгся с Зорой, то все женщины таковы! – горячо воскликнул Линд, которого действительно

задевали слова приятеля о Кимми.

– Не думай, что помиловавшись с женщиной пару месяцев, ты узнал о ней всё, и уж давно глупо думать, что ты знаешь всё обо всём женском племени! Ты ещё сопляк, дружище, уж извини за такие слова. Я тоже сопляк в сравнении с тем же Крастом, а он – в сравнении с Папашей. Жизнь – лучший учитель, и потому тебе следовало бы прислушаться к тем, кто научен поболее тебя. Наша беда в том, что мы всегда мним себя умнее остальных... – вздохнул Логанд. – Я никогда не прощу своему старику, что тогда он лишь зубоскалил по поводу меня и Зоры, вместо того, чтобы дать крепкого отцовского леща и сразу выбить всю дурь из моей головы!

Линд обиженно промолчал. Он, как и все юноши его возраста, весьма болезненно относился к любым нападкам на их любимых. В таком возрасте выбор между любовницей и другом далеко не всегда делается в пользу последнего. Не желая усугублять ситуацию, Линд решил просто прекратить разговор и попытаться уснуть, хотя теперь это будет ещё сложнее, поскольку внутри него всё клокотало от злости.

– А может мне тоже жениться?.. – после продолжительного молчания заговорил Логанд, явно желая примириться. – Возьму и женюсь на своей хозяйке, как думаешь? Она, конечно, дура дурой, но пирожки печёт просто волшебные! Да и вообще готовит хорошо. Получше, чем твоя кухарка, можешь мне поверить. Что скажешь?

– Как хочешь, – буркнул Линд, который не спешил прощать друга за его резкие слова в адрес Кимми.

– Я сам не знаю, чего хочу... Впрочем, наверное, знаю. Хочу каждый день есть вкусные пирожки, заливное мясо и тушёную утку. Но, впрочем, я и так это делаю... Моя вдовушка и готовит мне, и обстирывает, и комнаты убирает... Она делает всё, что должна делать жена, но при этом не лезет в мою жизнь, не предаёт, не храпит под боком... Выходит, что идеальная жена – это квартирная хозяйка...

– Дурак ты... – Линд даже не захотел использовать так любимые Логандом словечки «балбес» или «болван». – А ещё других жить учишь... Ложись и спи, покуда опять чего не привиделось!

– Обиделся... – хмыкнул в темноте лейтенант. – Ладно, давай спать...

На какое-то время в комнате вновь повисла тишина, так что был слышен лишь посвистывающий храп Дырочки в коридоре. Старый слуга, благодарение богам, знать ничего не знал ни о каких призраках, а потому спал так, как дано было не всякому молодому. В отличие от многих своих сверстников, страдающих бессонницей, а затем весь день клюющих носом, сидя в кресле, Дырочка засыпал и просыпался с точностью хороших башенных часов.

– Линд, – вновь подал голос Логанд. – Ты если что – не бойся. Они ничего нам сделать не могут. Если бы могли – они бы уж давно меня порешили... А так... Вреда от них не

больше, чем от мух. Эти даже ещё и не жужжат.

– Я и не боюсь... – буркнул Линд, хотя на самом деле ему было страшно.

– Вот и хорошо... А ты, случаем, никогда не слышал о каких-нибудь средствах против призраков?.. Может, в сказках каких...

– Никогда не слышал.

– А про лекарство от безумия?..

– Если ты не заткнёшься – отправишься ночевать к Дырочке! – разозлился Линд, на которого эти разговоры, признаться, нагоняли всё больше жути.

Логанд умолк и больше уже не говорил ничего. Но Линд всё равно не смог уснуть ещё очень и очень долго, а когда уснул, то сон его был тревожен. Ему всё казалось, что его кровать окружают неверные тени, тянущие к нему свои руки. Он то и дело просыпался, обливаясь холодным потом.

Проснувшись в очередной раз, он услышал лёгкое похрапывание Логанда. Похоже тот наконец тоже уснул. Какое-то время Линд лежал, прислушиваясь к этому храпу, боясь услышать что-то другое. Но его приятель, похоже, вполне мирно спал.

Наконец и юноша смог забыться тяжёлым тревожным сном, который, говоря откровенно, не слишком восстановил его силы. Когда утром Дырочка, как всегда деликатно, потряс его за плечо, Линд тут же открыл глаза. В это время года в этот час на улице уже светало, так что он мог видеть

спящего Логанда. Похоже, тот наконец-то мог нормально поспать. Он не проснулся, даже когда Линд стал собираться на службу.

Линд вернулся домой уже поздно. Одним из неприятных последствий его повышения стало заметное сокращение свободного времени. Как лейтенант он должен был отвечать за всё, что происходило с его людьми. Когда он вернулся, то увидел, что Логанд вновь играет в карты с Дырочкой.

– О, господин лейтенант! – воскликнул тот, дурашливо вскакивая. – А мы тут бездельничаем. Как день прошёл?

Дырочка хорошо знал, что ему делать дальше. Отложив карты, он немедленно отправился к хозяйке квартиры за ужином. В отличие от вдовы, у которой проживал Логанд, хозяйка Линда не любила проводить время на кухне – пожилая служанка готовила сразу и на неё, и на юного квартиранта. Ну а Дырочка ревностно следил, чтобы к приходу молодого хозяина ужин был уже готов, из-за чего он то и дело ворчал на кухарку, которая, впрочем, никогда не оставалась в долгу. А учитывая, что ей явно не доставало такта прирождённого лакея, Дырочка обычно был вынужден ретироваться с пунцовым то ли от злости, то ли от стыда лицом. Впрочем, несмотря на это, Линд всё же получал ужин вполне вовремя.

– Всё-таки эта стерва заблудилась! – как только лакей удалился, довольно объявил Логанд. – Я отлично выспался у те-

бя! Продрых едва ли не до обеда. Я, пожалуй, побуду у тебя ещё?

– Да пожалуйста! – от давешних обид не осталось и следа, и Линд вполне искренне был рад компании друга.

Внезапно Логанд расхохотался.

– Ты чего? – удивлённо спросил юноша.

– Да вообразил себе их глупые рожи! – хохоча, ответил лейтенант. – Представь – они ради меня специально припёрлись из... Не знаю, откуда там приходят призраки. А меня нет! Так и вижу эту дуру Зору! Притащила с собой весь этот сброд – а меня нет!..

Это действительно было забавно, так что Линд тоже засмеялся. Сегодня он уже не испытывал такого страха перед наступающей ночью. Может быть, весь секрет этих видений был лишь в неразумных возлияниях Логанда, и теперь они исчезнут, едва лишь он хорошенько протрезвеет?

– У меня сегодня родилась идея, – отсмеявшись, вновь заговорил Логанд. – Похоже, мою проблему вполне можно решить, просто периодически меняя место жительства.

– Ты что – собираешься скакать по всей Кидуе? – скептически хмыкнул Линд.

– Бери шире, парень! Я подумываю о том, чтобы побродить по нашей необъятной империи, поглядеть мир.

– Ты это всерьёз? – опешил Линд.

– Совершенно серьёзно. Представь, дружище, сколько в этом мире ещё есть уголков, куда я ни разу не заглядывал!

Я никогда не видел гор, не видел пустыню Туум, не видел Саррассу... А я бы хотел на них поглядеть!

– Не глупи! – не на шутку встревожился Линд, видя, что друг говорит совершенно серьёзно. – Что там глядеть? Ты что, хочешь сделаться бродягой? Одним из тех блаженных, что клянчат корку хлеба и ловят вшей в бороде?..

– Ты не понимаешь, Линд. Для меня это – единственный выход. Только так я смогу убежать от своих мертвецов!

– Прекрати напиваться до бесчувствия, и твои мертвецы тебя не потревожат!

– Если бы дело было лишь в этом... – горько усмехнулся Логанд. – Я начал пить потому, что они явились ко мне, а не наоборот! Вот увидишь, через день или два они разыщут меня и здесь.

– И что же тогда? Каждый день бросаться в дорогу на поиски нового ночлега? А что ты будешь делать зимой, когда заметёт дороги? Ночуя в чьём-нибудь сеннике? Куда ты денешься от них там?

– Если я уйду достаточно далеко, возможно, они больше не смогут меня разыскать...

– Да как же ты не можешь понять, что от себя не убежишь? – вскричал Линд, разозлённый этой нелепой блажью приятеля. – Прости себя, примиришь с собой – и мёртвые оставят тебя в покое!

Логанд грустно покачал головой и хотел что-то сказать, но тут объявился Дырочка, как всегда раскрасневшийся после

пикировки с кухаркой. Тем не менее, он нёс в руках поднос с ужином, и это естественным образом прервало разговор на время. Но Линд видел, что лейтенант настроен абсолютно серьёзно. Это – не пьяная блажь, не спонтанная выходка, не дурачество. Логанд свято верил в то, что он говорил. А это значило, что если он всё же не передумает, остановить его не сможет никто...

Глава 36. Бегство

Логанд оставался у Линда ещё три дня. Всё это время юноша, а в его отсутствие – Дырочка, бдительно следили за тем, чтобы гость не прикасался к вину. Линд был убеждён, что так он с корнем вырвет намечающуюся проблему. Теперь он уже позабыл собственные страхи, позабыл, насколько реальными казались ему те пресловутые призраки поначалу, в первую ночь. Больше он не верил в них, полагая, что во всём виноваты винные пары.

Что же касается заверений Логанда, что он-де увидел Зо-ру ещё там, во время бойни на кладбище, то Линд склонен был думать, что это – лишь пьяные фантазии, постепенно превратившиеся для лейтенанта в якобы реальные воспоминания.

К сожалению, несмотря на то, что явления мертвецов больше не повторялись, Логанд не оставил свою безумную затею. Впрочем, он говорил о ней хоть и постоянно, но как-то так, что у Линда сложилось впечатление, будто его приятель давно уже передумал, и лишь гордость не даёт ему признать это. Зная нрав своего бывшего командира, юноша изо всех сил старался делать вид, что действительно верит в возможность его ухода. Он понимал, что стоит ему ненароком дать понять Логанду, будто он не считает его угрозы реальными – и тот уйдёт, не медля ни секунды.

Сам же Логанд за эти дни маялся от безделья. Карточные баталии с Дырочкой со временем приелись, и хотя старый слуга оказался неплохим собеседником, лейтенанта всё же всё больше тянуло «расслабиться». Он то и дело предлагал своему новому приятелю навестить в «Свинные уши» хотя бы ненадолго, но тот был непоколебим, словно истинный образец Стража. Стоит ли говорить, что Линд также не поддавался на подобные провокации, возвращаясь вечерами со службы.

В их квартире Дырочка предусмотрительно убрал те две или три бутылки вина, что были в буфете скорее на всякий случай. В общем, когда всё случилось, списать это на опьянение не было никакой возможности...

Линд проснулся ночью и понял, что Логанд что-то бормочет. В комнате было темно – слабый свет зарождающейся луны едва-едва очерчивал контуры предметов. Похоже, что Логанд сидел на постели и с кем-то разговаривал.

– А чего других-то не привела?... – каким-то сдавленным голосом проговорил лейтенант. – Или разослала их по всему городу меня искать? Группами по трое... – хрипло рассмеялся он.

Линд почувствовал, что взмок – всё его тело ментально покрылось холодным потом. Боясь пошевелиться, он пристально вглядывался в темноту, пытаясь и страшась разглядеть тени пришедших. Но, насколько он мог видеть, комната была пуста – никого кроме них с Логандом тут не было.

– Да что ты шамкаешь, я всё равно не слышу ничего! – голос Логанда продолжал звучать глухо и чуть невнятно, так что было похоже, что он грезит наяву.

Его нужно просто разбудить – понял Линд. Разбудить, чтобы он понял, что всё это – лишь сон.

– Эй, приятель, ты чего? – собравшись с духом, заговорил он, садясь на кровати. – Приснилось что-то?

– Линд? – для спящего Логанд отреагировал чересчур быстро. – Тоже не спишь?.. Ну вот, полюбуйся! Всё-таки разыскали, сволочи!..

– Кто? Тут никого нет! – стараясь говорить спокойно и убедительно, возразил Линд. – Тебе просто снится!

– Снится... – проворчал Логанд. – Как же!.. И этот тоже снится? И она?

Он ткнул рукой куда-то в пустоту. Линд видел его фигуру в скудном лунном свете. Да, похоже, что он всё-таки не спал. Более того, он продолжал видеть что-то прямо сейчас...

– По-твоему, тут кто-то есть?

– Есть конечно! Вот они, голубчики!.. Чего жмётесь по сторонам, паскуды? Представляешь, приятель, они, похоже, тебя стесняются! Растерялись, твари!..

– И сколько их тут? – Линд решил испробовать последнее средство и потянулся за кресалом, чтобы запалить масляную лампу.

– Пока четверо. Ненаглядная, вон, моя, как обычно, и ещё трёх привела... Остальные, наверное, по городу рыщут, меня

ищут... – Логанд вновь нервно хохотнул. – Ты что же – не видишь никого?..

– Никого не вижу... Погоди, сейчас лампу запалю, может тогда разгляжу... – руки Линда всё ещё дрожали, но он всё же высек искру, затем ещё и ещё, покуда на кончике лоснящегося фитилька не появился робкий язычок пламени.

– Ты погляди на этих комедиантов! – фыркнул Логанд. – Прячутся! От света и от тебя прячутся! Ну и куда ты лезешь? – захохотал он, заглядывая за свой диван. – Да видно тебя всё равно, чего прячешься-то?

Огонёк разгорелся достаточно, чтобы Линд мог вполне ясно разглядеть и диван, и самого Логанда. Тот глядел туда, где, очевидно, видел кого-то из своих призраков. К счастью для себя, юноша мог уверенно убедиться в том, что там никого нет. Однако же Логанд явно не спал сейчас... Значит, это была галлюцинация?..

– Я никого не вижу, Логанд, – невольно Линд заговорил с ним как больным непослушным ребёнком, отказывающимся пить микстуру. – Там никого нет.

– Да ты встань и за диван загляни! – как-то злобно смеялся Логанд. – Вон двое сидят. А вон та, в углу, видишь – это Зора и есть. Остальных, извини, представить не могу – сам не знаю, как их звать. Где же четвёртый-то?.. Куда он мог залезть? В щель меж половицами, что ли, просочился?..

– Нет никого в углу, – Линд зажёг от пламени лампы ещё и свечу.

Теперь он был убеждён в том, что призраки существуют лишь в голове самого Логанда, и этот страх у него полностью прошёл. Остался другой – страх за товарища, дела у которого, похоже, были неважными. Нужно было во что бы то ни стало вернуть Логанду способность здраво рассуждать, и поэтому он решительно встал с кровати и зашагал в тот самый угол, в котором, якобы, находилась Зора.

– Ух ты! – воскликнул Логанд. – Ты это видел? Как она сквозь стенку-то просочилась!.. Как сквозь воду прошла! Надеюсь, Дырочку там до смерти не перепугает!.. Хотя что это я? Эта стенка же прямиком на улицу выходит!

Явно заинтригованный, он вскочил и подбежал к окошку.

– Где эта стерва? – он даже боднул головой раму, пытаясь заглянуть туда, где, по его мнению, могла находиться Зора.

– Осторожно! – вскричал Линд. – Ты же окно разобьёшь!

– Не пойму... Улетела она что ли? – Логанд будто и не слышал его. – Как думаешь, призраки и летать умеют?

Линд стоял посреди комнаты со свечой в руке, не зная, что ему делать дальше.

– И эти двое ушмыгнули-таки!.. – отойдя от окна, заметил Логанд. – Сквозь пол провалились, поди... Впрочем, чего ещё от них ожидать?..

– Так тут больше никого нет?

– Кроме нас – никого. Разбежались... А в компании это совсем не так страшно, оказывается! Спасибо, приятель, ты мне здорово помог!

Логанд прошлёпал босыми ногами обратно на диван.

– Дружище, ты понимаешь, что сейчас произошло? – помолчав ещё немного, осторожно начал Линд, тоже вернувшись на свою кровать.

– Ещё бы, – ухмыльнулся Логанд. – Эти мертвяки всё-таки разыскали меня. Но ты ничего не видел.

– Ничегошеньки, – подтвердил Линд. – В комнате никого не было.

– Значит, по-твоему, я сбрендил? – прямо спросил Логанд.

– Ну почему сразу «сбрендил»? – воскликнул Линд. – Это всё усталость и нервы. Я же говорил, что бывают такие сны...

– Было похоже, что я спал? – резко перебил его приятель.

Линд осёкся. Нет, Логанд явно не спал. Он вполне бодрствовал тогда, когда продолжал видеть прячущихся за диваном духов и Зару, проходящую сквозь стену.

– Тебе просто надо отдохнуть пару неделек...

– Предупреждаю, завтра они припрутся уже в полном составе! – серьёзно ответил Логанд. – И, чего доброго, прихватят ещё нескольких специально для тебя!

– Я всё равно их не увижу... – криво усмехнулся Линд. – Так что пусть приводят.

– Нет, – почти сразу же мотнул головой Логанд. – Завтра меня тут не будет.

– Логанд!..

– Помолчи, Линд! – жёстко прервал его лейтенант. – За-

мать, что при любом раскладе мне будет лучше уйти. Существуют ли эти призраки на самом деле, или нет. Если нет, значит, я – безумец. Кто знает, что будет дальше! А что если я перестану отличать действительность от своих видений? Что если я однажды приму тебя за призрака? Что если я зарежу Дырочку, пока ты будешь на службе?..

– Ну ты хватил!.. – воскликнул Линд.

– Думаешь? А ты мог бы поручиться за меня, если так уверен в моём безумии? Заметь, дружище, что мой уход – беспроектный вариант. Если эти призраки существуют – я знатно посмеюсь над ними. Пусть попробуют сыскать меня, если сумеют! Если же они лишь в моей голове... Может быть, это станет для меня лекарством. Даже если я сам внушил себе, что они могут потерять меня – что ж? Если я не буду видеть их долгое время – может, я сумею излечиться? А коли нет... Тогда лучше бы мне подохнуть в какой-нибудь канаве, чем окончательно свихнуться у вас на глазах. Представь, что скажут у нас в кордегардии... «Слышал, сегодня ночью Логанд помер? Голышом выпрыгнул из окна, а прежде пооткусывал себе все пальцы на ногах». Нет уж...

– Подожди хоть до тепла... – Линду было нечем крыть, и он понимал, что переубеждать друга бесполезно.

– Они ждать не станут... Завтра я съезжаю. Ты будешь на службе?

– Как обычно. Дождись меня, ладно?

– Нет уж... Не хочу давать им фору. Отправляюсь завтра

же поутру куда глаза глядят, и к ночи буду уже милях в пятнадцати отсюда. Пусть ищут-свищут!

– А как же деньги? – спохватился Линд. – Надолго ли тебе хватит твоих сбережений?

– Сбережений!.. – горько фыркнул Логанд. – В последнее время моим банком были «Свиные уши», а векселями – пустые бутылки...

– У меня есть! – жарко воскликнул Линд. – И скоро отец ещё пришлёт! Да и сам я теперь зарабатываю неплохо! Я дам тебе сорок стравинов!

– Ого! Да ты миллионер, парень! – присвистнул Логанд. – Вот что бывает, когда не пропиваешь всё подчистую! Знаешь, хотел я отказаться, сказать, что тебе они нужнее, коль скоро ты собрался жениться. Но раз ты такой богач... Возьму пять, так уж и быть! Но, сам понимаешь, вернуть – не верну.

– Пять тебе надолго не хватит! – возразил юноша.

– Хватит! Меньше соблазнов будет. Кроме того, руки у меня работающие, авось ещё не всё позабыли. Или разыщу вдовицу вроде моей – такая и задарма накормит...

– Спросишь завтра у Дырочки. Честно сказать, я и сам не знаю, где они запрятаны...

– Это ты напрасно. Помрёт старикан – такое богатство потеряешь!..

– Дырочка не такой человек, чтобы умереть без предупреждения, – тепло усмехнулся Линд. – Он обязательно уведомит не позднее чем за неделю, и исполнит к тому моменту

все свои дела.

– И всё же всякое бывает... Впрочем, это твоё дело. Ладно, давай уже спать. Завтра нам рано вставать. Мне ещё непременно надо закончить несколько дел, прежде чем я уберусь из города.

Линд, который ещё, похоже, до конца не осознал, что его друг действительно собирается навсегда исчезнуть из его жизни, молча задул свечу, а затем и лампу. Не хотелось ничего говорить, потому что всё сказанное могло бы превратить ситуацию в театральную драму. Спать, правда, тоже не хотелось совершенно, но он всё же попытался, и в конце концов сумел уснуть.

Уснул ли Логанд – неизвестно. Во всяком случае, этой ночью призраки его больше уже не потревожили. Единственный, кто всё это время продолжал легонько похрапывать, невзирая ни на что – был старый Дырочка, не проснувшийся даже после поднятой суматохи, и можно без сомнения сказать, что этой ночью ему крепко завидовали два молодых человека в соседней комнате.

Утром, когда Дырочка разбудил Линда, Логанд уже не спал. Они вместе умылись и привели себя в порядок, вместе съели лёгкий завтрак, приготовленный для молодого лейтенанта. Оба молчали, но Линд изредка бросал быстрые взгляды на приятеля, пытаясь понять серьёзность его намерений.

На улице был лёгкий морозец, о чём Дырочка заблаговременно предупредил обоих. Накинув гвардейские плащи, которые отлично защищали от холода, оба были готовы к выходу.

– Приятель, отсчитай Логанду... пять? – на всякий случай переспросил он товарища. – Пять стравинов. И после, как я вернусь, покажешь, где ты их держишь, – немного замаявшись, закончил он, заметив, что Логанд на это одобрительно кивнул.

– Я забегу за деньгами позже, – тут же добавил тот. – Часа через два. А пока пойдём вместе. Прощай, дружище! – обратился он уже к Дырочке. – Спасибо тебе за всё. Ты оказался отличным товарищем. Один совет – научись немного жульничать в картах, а то ты уж чересчур порядочен! И береги своего господина!

– Вы покидаете нас надолго, господин Свард? – встревоженно спросил Дырочка, почтительно отвечая на рукопожатие Логанда.

– Поглядим, – уклончиво ответил тот. – Надеюсь, ещё свидимся. Ты, главное, не помирай подольше!

– Не беспокойтесь, и не собираюсь, – улыбнулся слуга.

– Ну вот и отлично! Ну, пошли что ли? – хлопнул лейтенант Линда по руке.

Поначалу они шли в одну сторону, но затем их дорожки расходились. Оба остановились на перекрёстке. Линд хотел бы что-то сказать, но всякий раз натыкался на насмешливую

ухмылку Логанда и прикусывал язык.

– Ладно, всё знаю, – наконец сказал тот, выпуская облачко пара изо рта. – Любишь, будешь скучать и ждать... Давай обойдёмся без прощаний. Нечего думать, что я исчезаю навек. Может быть, уже к лету вернусь обратно!

– Береги себя, – от волнения слова прозвучали почти грубо. – Как только всё закончится – возвращайся.

– Можешь не сомневаться, – Логанд протянул ему руку. – Служи хорошо, дружище. Не подведи нашу кордегардию!

– Как вернёшься – приходи, и я тут же возьму тебя обратно.

– Отличный план! – усмехнулся Логанд.

Он крепко пожал Линду руку, и даже слегка обнял его, пару раз хлопнув по спине. А затем зашагал в сторону своего дома. Вздохнув, Линд направился в кордегардию.

Глава 37. Письмо

Нельзя сказать, что Линд впал в депрессию после ухода друга. Его новая должность подразумевала столько обязанностей, что он разве что не забывал своё имя к концу дня. Он понимал, что дальше будет не так тяжело – надо только притереться, войти в колею. Логанд, вон, будучи лейтенантом, явно так не зашивался, находя время даже на «Свиные уши». Впрочем, может быть, именно поэтому его преемнику приходилось сейчас так тяжело – возможно, Линд разгребал завалы, оставшиеся после предшественника.

Таким образом, слишком уж убиваться о возможном су-масшествии друга ему было попросту некогда. Те остатки свободного времени, что время от времени выпадали подобно милости богов, Линд целиком посвящал Кимми. Он уже был вхож в её дом едва ли не на правах родственника, и в этом доме о свадьбе говорили как о чём-то вполне решённом, несмотря даже на то, что письма от отца до сих пор не было. Впрочем, юноша твёрдо решил жениться, даже, если придётся, вопреки воли родителя.

Наконец наступила долгожданная весна, унеся прочь эту страшную зиму. Кидуа, вроде бы, уже вполне оправилась от Белой Смуты, и немного напоминало о ней внешне, хотя скрытые, внутренние раны, нанесённые городу и его жителям, были всё ещё болезненны.

От Логанда не было никаких вестей – Линд понятия не имел, где сейчас его друг, и что с ним. Впрочем, как мы уже говорили, в последнее время он, к своему стыду, не так часто вспоминал бывшего лейтенанта, весь поглощённый своей любовью, которая, как и всё живое, ещё сильнее расцвела этой весной.

Говоря откровенно, наши подозрения относительно Кимми за это время нисколько не рассеялись. Девушка была весьма ласкова к Линду, и она стала вдвойне ласковой после назначения ему нового чина, но, увы, за чистую монету эту ласку принимал разве что один Линд. Когда он уходил, а точнее улетал на своих крыльях любви из дома Кимми, девушка в разговорах с родителями и сёстрами гораздо больше говорила о материальных перспективах, нежели о чувствах. Впрочем, и будущие тесть с тещей вполне разделяли данную позицию.

Но, по крайней мере, по службе у Линда всё получалось куда лучше. Он довольно быстро освоился на новом месте благодаря поддержке своих новых подчинённых, и теперь был уже на хорошем счету у начальства, не потеряв уважения сослуживцев. Хвала богам, как уже было сказано выше, Кидуа словно ещё не отошла от ужасов этой зимы, и сейчас город походил на тихий старый чердак, где все мыши затаились по щелям, чуя близость кота. Поэтому вся работа городской стражи вновь свелась к обыкновенной рутине спокойных и скучных патрулей.

Единственное, из-за чего Линд был весь как на иголках – письмо отца, а точнее, его отсутствие. По всем прикидкам, сроки были вполне достаточные, чтобы долгожданный ответ уже пришёл, однако его всё не было. Конечно, тому могло быть тысяча причин – весенняя распутица, неспешность императорской почты. Но юноша видел в этом недобрый знак. Он понимал, что отец вряд ли одобрит его выбор и очень страшился того, что ему придётся вступить с ним в противостояние.

Линд тешил себя надеждой, что даже если первое из писем (ответ на просьбу о женитьбе) принесёт отрицательный ответ, ещё можно будет подождать ответа на второе его письмо, где он сообщал о присвоении звания лейтенанта и повторно поднимал тему свадьбы. В общем, он уже заранее настраивал себя на возможные проблемы и то и дело обдумывал формулировки для своего ответа отцу, малодушно убеждая себя, что нужно непременно подождать второго письма, прежде чем начинать войну.

Месяц весны²⁹ уже подходил к концу, когда долгожданное письмо наконец пришло. Его привёз один из слуг сеньора Хэддаса (а скорее даже барона Ворлада), который также привёз и кошелёк с деньгами. Оставив гонца на попечение Дырочки, который был рад знакомому лицу и возможности наговориться о покинутых краях, Линд спешно, трясущимися

²⁹ Месяц весны – один из месяцев календаря Кидуанской империи. Первый месяц весны, соответствует нашему марту.

руками распечатал письмо.

Как и полагал юноша, отец писал это письмо, ещё не зная о его повышении. Барон Ворлад не был мастером эпистолярного жанра, так что всё его послание уместилось на двух третях листа. Он сухо сообщал, что с ним и матушкой Линда всё в порядке, несколькими строками удостаивал ответом описание Белой Смуты, сделанное сыном (причём строки эти были пропитаны совершенно провинциальной спесивостью и неприязнью к происходящему в столице).

Едва ли не столько же строк удостоилась та сумма, что он высылал Линду. Он не только с точностью указал её, но и дал несколько советов на то, как будет лучше её потратить. И лишь последний абзац своего послания барон отвёл ответу на главную просьбу сына.

С так свойственной ему циничной насмешливостью барон выражал уверенность, что сын писал о своей просьбе, «думая не головой, а штанами», и что к тому времени, как он получит это письмо, эта «беспородная козочка» будет уже им благополучно позабыта. Впрочем, Ворлад-старший предлагал «не сдерживать своих юношеских потребностей до известных пределов», полагая, что в качестве лёгкой интрижки дочка торговца вполне подойдёт.

И лишь напоследок отец мимоходом предостерег «от необдуманной самодеятельности», предлагая помнить «о такой приятной штуке как наследство». В общем, именно это последнее предложение, по сути, и являлось ответом. Барон

Ворлад, пусть и неявно, запретил сыну даже думать о женитьбе на Кимми, угрожая в противном случае лишением наследства.

Линд принадлежал к той породе людей, которые могут долго возводить оборонительные сооружения, рыть рвы и укреплять ворота, но совершенно теряют мужество при виде врага у своих стен. Ещё утром он пребывал в уверенности, что сумеет достойно ответить отцу на вполне ожидаемый отказ – у него в уме уже даже был заготовлен пропитанный гордостью и непреклонностью текст письма. И вот, столкнувшись с тихой, но явной угрозой, он, к своему стыду, стушевался.

Увы, неизвестно, сколь хорошо он знал своего отца, но в представлении юноши тот вполне был способен оставить без наследства единственного сына за то, что посмел перечить его воле. Перебирая в памяти те строки, что он заготовил, Линд находил их невероятно жалкими и смешными, способными разве что ещё больше усугубить дело, но никак не помочь ему. Стало ясно, что прямо сейчас ему нечего написать в ответ...

Некоторое время, он просто сидел, глядя на расплывающиеся в полумраке строчки, но так и не решился ни на что. В конце концов Линд ухватился за заранее подготовленную соломинку – он решил дожидаться ответа на второе своё письмо. Отец, не раздумывая, отказал сержанту Ворладу, но сможет ли он так же просто отказать лейтенанту?..

Разумеется, читатель сразу же обвинит юношу в самообмане. Конечно, даже поверхностно зная барона и его болезненную дворянскую гордость, невозможно было представить, что повышение сына что-то изменит для него. Войсковой интендант с трудом проглотил горькое известие о том, что его сын подался в городскую стражу – далеко не самая престижная служба для родовитого отпрыска. Но, по крайней мере, эта служба не грозила запятнать чистоту дворянской крови, смешав её с кровью простолюдинки.

Впрочем, дело было даже и не в крови – как нам известно, барон Ворлад весьма прохладно отнёсся к внебрачной дочери Линда, да и сам не раз говорил, что бастарды его не страшат. Он боялся того пятна, что, подобно грозовой туче, накроет пышную крону его родового дерева, если в неё вплетётся безродный росток – наглый сорняк. В этом смысле даже брак с Динди явно выглядел бы для него куда предпочтительнее.

В общем, Линд вдруг поймал себя на том, что уже обдумывает не те аргументы, которые стоит предъявить отцу, а ищет подходящие оправдания для Кимми и её семейства. С досадой отшвырнув письмо, он рывком поднялся на ноги, словно пытаясь тем самым компенсировать свою трусость. И вновь он попытался убедить себя, что разговор с отцом лишь отложен – он просто подождёт ответа на второе письмо.

Одиночество тяготило его сейчас. Через закрытую дверь он слышал приглушённое бормотание – Дырочка, даже в пы-

ду радостной болтовни не позволял себе чрезмерно повысить голос. Более того, он то и дело шикал на зычного приятеля, не обременённого, похоже, утончёнными манерами.

Линд решил пойти к ним. Ему тоже хотелось послушать новости о том, что произошло в имении за столь долгий срок (прошрое письмо он получил, кажется, где-то в начале осени, а может и того раньше). Он понимал, что на севере даже близко не творилось ничего похожего на Белую Смуту³⁰, во всяком случае, в имении Хэддасов уж точно зима должна была пройти так же спокойно, как и всегда. И тем не менее...

После того, что случилось с Логандом, после того, что он услышал от него, ещё одна мысль не давала юноше покоя.

Когда он вошёл, слуги, естественно, тут же замолчали и вскочили на ноги. Явившийся гонец с удовольствием уписывал за обе щеки яства, предложенные Дырочкой, и сейчас он судорожно пытался проглотить всё, что у него было во рту.

– Садитесь, чего вы повскакивали? – ласково проговорил Линд, лишь сейчас, похоже, на фоне приезжего, вдруг осознав, как сильно постарел его Дырочка. – Ешь, приятель, не стесняйся. Я с вами посижу немного. Хочу узнать, чего нового там у вас...

³⁰ Мы уже несколько раз в повествовании употребили это название, а между тем, оно появилось значительно позднее. Тогда, в 1966 году Руны Чини, горожане ещё не придумали достаточно ёмкого и зловещего название для произошедшего. Так что, разумеется, Линд тоже именовал минувшие события куда прозаичнее. Но для удобства, в авторской речи мы всё же будем использовать это, академически закреплённое наименование.

Слуга уселся, но под строгим взглядом Дырочки всё же не посмел набивать себе рот. Он стал немного нескладно, то и дело повторяясь и останавливаясь, чтобы припомнить никому даром не нужные подробности, рассказывать последние новости.

Впрочем, стоит ли удивляться, что новостей этих в тихом поместье Хэддасов почти что и не было? Точнее, для Линда, пережившего за последние несколько месяцев столь серьёзные и величественные события, то, что рассказывал слуга, казалось мелкой и ничего не значащей ерундой. Не раз он мысленно возблагодарил Арионна за то, что тот позволил ему выбраться из этого тихого омута, заросшего зелёной провинциальной скукой. А ведь когда-то все эти новости казались такими значимыми и захватывающими и для него самого!..

– Ну а как там твои молодые господа Бруматт и Динди? – устав наконец выслушивать нудные рассказы гостя, спросил Линд. – С ними всё в порядке?

– С ними всё замечательно, сударь! – расплылся в улыбке гонец. – Живы-здоровы, хвала богам! Господин Бруматт, знаете аль нет, теперь за старшего в имении! Всё хозяйство на нём. И управляется он, я вам доложу, знатно! Этой зимой даже капуста до самого слидия³¹ хранилась, не погни-

³¹ Слипий – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствует нашему февралю, но имеет в составе те же 30 дней, что и другие месяцы. Назван в честь древнего полубогини человеческого мага Слипидия, жившего в эпоху третьей Руны Кда, и заложившего многие основы человеческой магической

ла!.. Что-то и до сих пор ещё осталось!

– Ну это он, конечно, молодец! – фыркнул Линд чуть нетерпеливо. – Хорошо, ну а что с госпожой Динди? Она как поживает?

– Тоже всё хорошо, хвала Арионну, сударь! Живут как птички божьи, чесслово! И она, и малютка. Мы все на них не нарадуемся!

– погоди! – Линду показалось, что его наотмашь ударили мешком. – Как ты сказал? Малютка?.. Что за малютка?

– Доченька её ненаглядная, Риззель, – умильно заулыбался северянин. – Вы что же – не знали ничего?..

Гость изумлённо взглянул на Линда. Разумеется, Хэддасы изо всех сил берегли тайну рождения Риззель, и никто из них ни слова не проронил о Линде, однако дворня их была хоть и не шибко образованной, но всё же неглупой. Бедняжка Динди до недавнего времени жила затворницей в имении, так что подозреваемых было, мягко говоря, немного. А уж скорый и внезапный отъезд Линда ещё больше подтвердил подозрения.

В общем, никто не сомневался в том, что Ворлад-младший был отцом ребёнка, однако, похоже, им и в голову прийти не могло, что он ничего не знал об этом спустя больше чем год после рождения Риззель.

Сам же Линд некоторое время сидел, тупо уставившись на человека, нечаянно сообщившего ему столь важную весть.

Он был ошарашен настолько, что словно бы позабыл все слова. И почему-то в голове неотвязно крутился образ младенца, задушенного собственной матерью.

У него есть дочь... Как в это можно поверить?.. Его дочь... Риззель... Это имя сразу же намертво впилося в память. Он тут же представил себе эту девочку, лежащую в детской кроватке, однако же рассказ Логанда оказался столь травмирующим для него, что вскоре он вновь видел посиневшую кожу младенца и сведённые в вечной судороге маленькие пальчики.

Понимая, что молчание затягивается и становится нелепым, Линд сделал единственное, на что сейчас был способен его разум – встал и вышел, оставив озадаченного гонца наедине с Дырочкой, чьё грозное лицо не предвещало для него ничего доброго.

Линд же вернулся в свою комнату и рухнул на кровать. Он пытался привести мысли в порядок, но удавалось это с трудом. Сейчас ему казалось, что он всегда чувствовал что-то, всегда подозревал, что Динди родила ему дитя. А ещё он ощущал оглушающую растерянность, совершенно не понимая, что ему делать дальше.

Пытаясь понять, что же он сейчас чувствует, юноша приходил к выводу, что явно не испытывает того щемящего восторга, так красочно описанного Логандом. Говоря по совести, он вообще не ощущал какой-то особенной привязанности к ребёнку – скорее уж страх, что тот может каким-то об-

разом серьёзно повлиять на его жизнь. Это неведомое дитя казалось ему страшной обузой, едва ли не угрозой.

Внезапно ему вспомнилась Кимми, и холодный пот прошиб бедолагу. Как он расскажет об этом ей? Мало ему того, что надо будет как-то объяснить категоричный отказ отца, так теперь ещё и это!.. Тут уж поневоле возропщешь на богов за то, что взвалили на него такую непосильную ношу! Конечно же, Линд, как и любой юноша его возраста, считал, что его тяготы тягостнее, а испытания более испытующие, нежели у прочих.

Он сидел так очень долго, не слыша редких перешёптываний слуг – Дырочка ревностно блюл его покой, понимая, что молодому барину нужно собраться с мыслями. Отпустить гонца он тоже не мог – тот должен был ждать, пока Линд напишет ответное письмо. Так они и сидели, иногда перебрасываясь тихими фразами. Разумеется, ни тот, ни другой не обсуждали юного баронета и его отношения с Динди – как ни подмывало гостя почесать языки на эту тему, Дырочка был непоколебим и суров, словно городской палач.

А Линду действительно нужно было собраться с мыслями. Нужно было решить, что делать дальше. Он словно раздвоился, и одна его часть робко предлагала немедленно взять отпуск и со всех ног мчаться на север. Но этот голос был тих и неуверен, и потому его легко перебивал и заглушал другой, более рациональный Линд. Он резонно напоминал, что здесь, в Кидуе, у него важная должность, вверенная ему ро-

та, а также ожидающая помолвки Кимми. Там же – лишь полузабытая Динди, Брум, который, помнится, обещался прибить его при следующей встрече, и Риззель – дитя, которого он не видел ни разу в жизни, а главное – кажется, и не хотел видеть...

Он злился на себя за то, что не сдержал своё любопытство. Всего-то и нужно было, что промолчать! Он ведь уже вычеркнул из своей жизни былых товарищей детства, и ни к чему было ворошить прошлое! Но он, словно ночной мотылёк, обуреваемый одновременно страхом и тягой к огню, не мог не лететь навстречу своей гибели...

В конце концов Линд понял, что для него есть лишь один выход из сложившейся ситуации. Нужно было просто позабыть и о Динди, и о её ребёнке. Жить так, как он жил раньше, тревожиться лишь о том, как бы сломить сопротивление отца. Ну или дождаться полного совершеннолетия, чтобы жениться несмотря ни на что. Наследство? Плевать! Говоря откровенно, юноша очень сомневался, что барон прятал где-то набитые золотом сундуки. Дом в Руббаре был давно продан... Не завещает же отец ему имение Хэддасов, в конце-то концов!.. Так что – невелика потеря!

Отвлёкшись на эти мысли, Линд почувствовал себя спокойнее и уверенней. Да, это – единственно верный путь. Для него нет больше никакой Динди, нет никакой Риззель. Прошлой жизни больше не будет. Не будет этого унылого поместья на побережье, не будет чопорного сеньора Хэддаса,

недалёкого Брума. Да даже если не будет и отца с его деньгами – ничего страшного! Он это переживёт. Кидуа – отвратительный город, но это всё же лучше того, что было у него прежде!

Даже если это малодушие с его стороны – плевать! Кто осудит его? Дырочка? Он никогда не подаст виду, даже если глубоко в душе станет презирать своего господина. Отец? Он не удосужился даже за всё это время сообщить ему о дочери. Хэддасы? Вот уж чьё мнение Линда нисколько не интересовало! Кимми? Она *никогда* не узнает об этом.

Одна случайная ошибка юности не может и не должна перечеркнуть и сломать всю его дальнейшую жизнь! Тем более, когда её так легко если и не исправить, то позабыть. Пусть так и будет!

Выдохнув, Линд поднялся с кровати и направился за стол. Ему предстояло написать ответное письмо отцу, в котором нужно было тщательно взвесить каждое слово. Перед ним маячило неясное будущее, и нужно было уделить всё внимание ему, так что прошлое следовало оставить в прошлом, засунуть в глухой ящик и затем спрятать его в самом тёмном углу чулана, завалив всяким хламом. Похоронить его навсегда.

Глава 38. Родные берега

Родной берег встретил блудного сына привычно неприветливо. Весенние шторма всё ещё гостили на Сером море, так что мало кто без особой нужды пускался сейчас в путешествия, не имея на борту кого-то вроде Ядри, обладавшего прямо-таки сверхъестественным чутьём на перемену погоды. Он безошибочно мог предсказать шторм за два-три дня до его прихода, и Индрен никогда не игнорировал его предчувствий.

Благодаря всё тому же чутью Ядри, они благополучно проскользнули между двумя штормами, прибыв на Баркхатти как раз тогда, когда небо уже заволакивали тяжёлые, похожие на горы, грозовые тучи. Задержись они на день – и эта буря перехватила бы их в море.

Шервард испытывал странные чувства. Вроде бы он вернулся домой, но особенной радости по этому поводу не испытывал. Эти скалистые берега вновь разбередили его старые раны. Он даже видел издали знакомые очертания берега, на котором стоял его Скъёвальд. Разумеется, с такого расстояния он не мог разглядеть самой деревни, но вновь будто бы почувствовал на своей коже дыхание погребального огня.

И наоборот – там, на большой земле, остались самые дорогие для него люди. В груди потеплело, несмотря на порывистый ветер, бьющий в лицо, когда он вспомнил блуждаю-

щую полуулыбку Динди, забавную мордашку Риззель... Разумеется, вспомнил он и Бруматта, который стал ему хорошим товарищем за это время.

Как удивительно распорядились его судьбой Хозяин и Великая Мать! На излёте минувшего лета он покинул остров, убегая *от чего-то*, а обернулось всё так, что он словно прибежал *к чему-то*. К чему-то важному и по-настоящему целительному. И сейчас Шерварду было стыдно признаться даже самому себе, как сильно его тянуло обратно, в Тавер. Он в течение всего пути обдумывал, как бы убедить Желтопуза отослать его назад...

Даже крепко притянутый канатами к причальным столбам, драккар глухо, но мощно бился о причал, швыряемый волнами. Шервард осторожно спрыгнул на мокрые доски причала прямо с борта, не рискнув пройти по танцующему под ногами скользкому трапу. Он поспешил поскорее оказаться на берегу, потому что ветер, казалось, старался сбросить его в бушующее море.

Шервард шёл по Реввиалу, глядя на этот знакомый с детства город, и поражаясь. Теперь, пожив в Тавере, он видел, сколь непохоже было это поселение на имперские города. Реввиал был таким же городом, как он – ярлом. Да уж, похоже, ему придётся какое-то время снова привыкать к прежнему быту...

Из-за непогоды людей на улицах было немного, но юноша всё же увидел пару знакомых лиц. Он помахал им изда-

ли, отчего-то не испытывая особенного желания подойти и перекинуться словечком. Юноша сейчас был более хмурым, чем небо над его головой. Совсем не так выглядят люди, вернувшиеся домой.

Резко и без предупреждения, как это часто бывало здесь, на островах, с неба полил холодный дождь, и Шервард прибавил шагу, плотнее кутаясь в плащ. Под ногами чавкала раскисшая грязь, так не похожая на брусчатку центральных улиц Тавера. Юноша чувствовал сейчас такое раздражение, что всерьёз подумал – не отложить ли встречу с Желтопузом. В таком состоянии он мог ненароком ляпнуть что-то неуместное, чего доброго.

Однако же он справедливо решил, что ярл вскоре всё равно узнает о его приезде, так что потом, пожалуй, будет гораздо сложнее объяснить ему причины столь странного откладывания визита. Уныло шлёпая по быстро наливающимся водой лужам, он последовал туда, где его должен был ожидать ярл Желтопуз.

– Да, брат, здесь так уже много дней льёт, – сочувствующе усмехнулся Желтопуз, глядя, как Шервард неловко стягивает насквозь промокший плащ. – Вы ещё удачно проскочили. На исходе прошлой луны у нас два драккара затонуло. Кинуло один на другой волнами – и оба раскололись... По ту сторону моря, поди, поласковее будет?

Шервард невольно бросил внимательный взгляд на ярла, на секунду всерьёз решив, что тот знает о Динди. Но Желтопуз явно говорил о погоде.

– Да, там куда теплее, – стуча зубами, согласился Шервард, прильнув поближе к очагу.

Этот очаг был совсем не таков, как у него дома – не просто расчищенное для огня и обложенное камнями пространство. Он имел три толстые глиняные стенки, которые так приятно нагревались. И всё же даже этому очагу было далеко до таверских каминов!..

– Как согреешься – ешь, – молодой ярл махнул рукой в сторону стола, на котором стояла какая-то снедь.

И вновь Шервард невольно обратил внимание на довольно бедное убранство комнаты, а главное – на почти полное отсутствие железа. Островитяне берегли с таким трудом доставаемый металл, и не могли позволить себе, к примеру, оббить железными полосами столешницу для особой прочности. На предложение ярла он благодарно кивнул, поскольку действительно был голоден.

– А пока расскажи – что да как. Сложно было? Что-то разузнал?

Шервард заговорил, сперва немного стесняясь, но затем – всё более уверенно и спокойно. Он рассказал всё, что ему удалось разузнать за минувшую зиму о Тавере, его жителях, о легионе. Он видел, как возрастало радостное изумление на лице Желтопуза.

А уж когда он поведал о Бодене и его готовности поднять определённую часть горожан против империи, ярл и вовсе разве что не пританцовывал от радости.

– Вот уж не ожидал! – приговаривал он. – Вот уж не прогадал я с тобой, брат! Все говорили – от Тавера ничего не жди, там одни имперцы... А оно, оказывается, вон как! Но уверен ли ты в этом своём Бодене? Надёжен ли он?

Шервард в ответ лишь пожал плечами:

– Как я могу говорить за других? Он согласился помочь, и после не сдал меня властям. Значит, ему можно доверять до определённого предела. Кроме того, он – торговец, и потому во всём ищет выгоду. Империя не считается с такими как он, и я пообещал, что всё может измениться.

– Ты всё верно сказал! Но не дурак ли он? Не влипнет ли в историю?

– Тут, пожалуй, я могу твёрдо за него поручиться, – кивнул Шервард. – Я не знаю, насколько он был честен со мной, не могу утверждать о его верности. Но то, что он очень умный человек – бесспорно!

Мы видим, что юноша ни словом не намекнул о существовании и другого своего «агента» – Бруматта. Он не хотел втягивать парня в то, что могло оказаться ему не по зубам. Более того, уплывая, он взял с приятеля слово, что тот не станет заниматься самодеятельностью, и пока совершенно прекратит свою «шпионскую деятельность». Его главная забота – благополучие Динди и Риззель, а слезку за бароном нужно

оставить.

Они ещё какое-то время обсуждали успехи Шерварда. За это время парень немного согрелся и поел, особо не стесняясь своего ярла. Увы, и здесь он был в очередной раз вынужден отметить, сколь более грубой и незамысловатой была пища островитян в сравнении с тем, что он привык есть в таверне мэтра Хеймеля.

Юноша рассердился на себя. С каких это пор он сделался таким неженкой? Он, который зимами иной раз едал такое, от чего, пожалуй, брезгливо отвернулись бы и собаки отца Бруматта и Динди! Неужели несколько лун, проведённых в Тавере, превратили его... в шеварца?..

– Ну и что теперь делать будешь? – поинтересовался Желтопуз, когда со всеми делами было покончено. – Какие планы на это лето? Отправишься обратно в свою деревню, или же хочешь остаться в дружине?

– Я, конечно, наведуясь домой, – осторожно заговорил Шервард. – Надеюсь, там всё в порядке...

Желтопуз заметно смутился. Судя по всему, он совсем забыл об обещании приглядывать за отцом и братом. Наверное, сложно было винить в этом ярла, готовящегося к войне, но Шерварда это всё же неприятно поразило.

– Но я всё же думаю, что от меня будет больше пользы в Тавере, – тем не менее, закончил он.

– Понравилось на материке? – усмехнулся Желтопуз, который, как видно, не привык долго чувствовать вину. – Вра-

ноок планирует войну на следующее лето. Ты хочешь всё это время провести там?

– Но ведь нужно, чтобы всё было готово, когда вы придёте...

– Там тебя ждёт кто-то? – с проницательностью, несколько удивительной для такого молодого человека, поинтересовался ярл. – Вижу, что ждёт! – рассмеялся он, глядя на растерявшегося юношу. – Я сразу заметил, что ты изменился. Когда ты отправлялся на материк прошлым летом, я – не вру! – велел Липпи приглядывать за тобой. Боялся, что ты с тоски в море кинешься. А сейчас ты – другой человек! Это хорошо! Может быть, с этой девушкой тебе повезёт больше!

Шервард не знал, что отвечать, и потому просто промолчал. Ему вообще не слишком-то хотелось поднимать эту тему здесь, на острове. Здесь его никто не поймёт, как никто не поймёт Динди. Келлийцы живут в другом мире – он в чём-то проще, в чём-то суровее, в чём-то рациональней. Для них Динди – непригодная ни на что дурочка. Да и Шут с ними!

– Ладно, если хочешь – отправляйся обратно, – Желтопуза, похоже, насмешила эта серьёзность юноши. – Погоди только до начала следующей луны. Приедет Враноок, думаю, тебе захочется его увидеть. А после – лови любой ветер!

Разумеется, Шервард хотел бы увидеть конунга Враноока. Этот человек уже был легендой на островах, а уж если ему удастся то, что он задумал... Да, такую встречу ни за что не стоит пропускать!

Шервард задумался. Если Враноок приедет в начале следующей луны, то ему придётся пробыть на Баркхатти ещё около трёх недель... Поймав себя на том, что он использовал меру времени шеварцев, назначение которой было неясно ему ещё несколько лун назад, он невольно усмехнулся. Но как не мимолётна была эта усмешка, цепкий взгляд Желтопуза всё же ухватил её в сумраке комнаты.

– Что тебя насмешило? – скорее заинтересованно, чем сурово поинтересовался он.

– Да нет, ничего, – Шервард понял, что ему будет сложно объяснить всё парой слов. – Подумал о своём. Разумеется, я с удовольствием увижу Враноока.

– И даже повидеешься с ним! – пообещал Желтопуз. – Уверен, ему интересно будет перемолвиться с лазутчиком вроде тебя. Что ни говори, а от Тавера мы никак не ожидали таких добрых вестей! Кто бы мог подумать!..

– Ну я всё же там не прохладился! – с удивительной смесью скромности и самодовольства отвечал Шервард. – Уверен, что и дальше принесу немало пользы, находясь там!

– Да никто тебя здесь не держит, не переживай! – расхохотался Желтопуз. – Хочешь спать на мягкой перинке с хорошенькой шеварочкой под боком – твоё право!

Шервард ответил кривой ухмылкой. Его покорибила соляная шуточка ярла, как будто она могла как-то задеть Динди. Впрочем, пусть зубоскалят! Она этого не услышит, а он как-нибудь переживёт!

– Погода совсем взбесилась! – прислушиваясь к грохоту капель по деревянной крыше, проворчал Желтопуз. – Доберёшься ли до дому по такой грозе, или переночуешь здесь?

– Мне приходилось бывать в лесу и в более страшные бури! – высокомерно фыркнул Шервард. – И уж таким дождеком меня точно не напугать!

– Ну гляди! – покачал головой Желтопуз. – Тогда, пожалуй, отправляйся уже сейчас, а то сегодня стемнеет рано.

Совет был хорош, и Шервард, напустив на себя самый невозмутимый вид, вновь натянул сырой плащ, от которого поднимался едва заметный парок. Попрощавшись с ярлом, он, чавкая промокшими сапогами, вышел на улицу, где и впрямь творилось полное безумие, словно Дурак со своей свитой устроил пляски в небе над Реввиалом.

Лило как из ведра, дорога между домами превратилась в бурлящий коричневый поток. Чёрное небо расчерчивали молнии, словно огненные деревья, вырастающие кронами вниз прямо из туч. Грохот стоял такой, будто он всё ещё находился на драккаре посреди штормового моря.

Пожалуй, остаться переночевать здесь было бы хорошей идеей. Конечно, Ядри предупреждал, что новая буря будет долгой и вряд ли закончится до завтрашнего дня, но всё же шагать сквозь эту свистопляску утром было бы, пожалуй, повеселее, чем на ночь глядя... Однако Шервард, после всего сказанного только что, уже не мог повернуть назад. Даже если Желтопуз никогда и не узнал бы о его малодушии – юно-

ша боялся показаться трусом перед самим собой. А потому, тяжело вздохнув, он шагнул из-под навеса прямо под холодные стены воды, и зашагал по обезлюдевшим улицам знаковой дорогой, ведущей к Скъёвальду.

Глава 39. Отец

Шервард добрался до деревни уже затемно, проклиная всё и вся. Дождь, а точнее – ливень, шёл, не переставая. Несколько раз юноша оскользнулся на расплзающемся под ногами просёлке, а на сапогах налипли целые пласты глинистой грязи. Сколько раз за это время Шервард обругал себя за то, что не остался в Реввиале – не сосчитать.

Пару раз он подумывал о том, чтобы остановиться на ночлег в одной из небольших то ли берложек, то ли пещер, которые иногда встречались в скалистых окрестностях Скъёвальда. Такой опытный охотник как он, конечно, отлично знал местоположение каждой из них, и в некоторых ему даже приходилось пережить ночь или непогоду.

И всё же Шервард решил добраться до дома. Расстояние до деревни было невелико, а ночевать в залитой дождём пещере, промокшим до нитки и не имея возможности даже разжечь огонь, было весьма сомнительным удовольствием.

Когда он ввалился в дом, едва передвигая ноги, все уже, разумеется, спали. Дверь, как и всегда во время штормов, была заперта, но он, разумеется, знал, как отпереть её снаружи. Засовами здесь редко пользовались для того, чтобы защититься от лихих людей – чаще их задача сводилась к тому, чтобы не дать буре вроде нынешней сорвать дверь с петель.

Войдя в дом, он тут же услышал характерный храп Тробба,

который всегда свидетельствовал о том, что брат с вечера перебрал с хмельным. Поскольку море сейчас почти постоянно штормило, он, судя по всему, какое-то время не выходил на ловлю, и потому проводил время вполне привычным для него образом. Тробб не проснулся даже тогда, когда вместе с открывшейся дверью в дом ворвался шум бури.

Но, очевидно, проснулись остальные обитатели осиротевшего дома. Шервард услышал, как заскрипела лежанка – это Гейра вскочила, видимо, решив, что дверь распахнуло штормом. Тут же послышался сонный голос жены Тробба и какое-то бормотание из угла, где спал отец.

– Спокойно, сестрёнка, это я, – устало выдохнул юноша хрупкому силуэту, белевшему посреди темноты.

Перво-наперво он с некоторым усилием захлопнул дверь и задвинул засов, наконец-то оградив себя от непогоды, бушующей снаружи.

– Шервард? – с радостным удивлением воскликнула Гейра. – Лийза, отец, Шервард вернулся!

– Шервард? – невестка соскочила со своего ложа, накинула шаль, чтобы прикрыться, а затем быстро запалила лучину.

Обе девушки подбежали к грязному и промокшему гостю и крепко обняли его. Заворчал потревоженный Тробб, но, похоже, не проснулся. Странно, что отец, который уже явно не спал, не спешил подняться навстречу сыну.

– Ты голоден? – Гейра, крепко обняв брата, тут же принялась хлопотать вокруг него. – Совсем промок, бедняга! Ты

что же – из Реввиала в такую погоду шёл? Продрог совсем!..

У Шерварда действительно зуб на зуб не попадал, да к тому же он едва передвигал ноги.

– Погодите, мне надо переодеться, – он принялся стягивать с себя мокрую одежду, а Лийза тут же принесла ему вещи Тробба.

Генейра тем временем уже раздувала огонь в очаге. По мере того, как язычки пламени начинали танцевать на хворосте, из темноты всё больше проступали очертания знакомой с детства обстановки. Шервард скинул с себя всё до последней нитки. Обе женщины деликатно отвернулись, хлопота вокруг разгорающегося очага, чтобы поскорее накормить юношу остатками ужина.

Уже натягивая на себя разношенную, но чистую рубаху брата, Шервард почувствовал беспокойство. Отец по-прежнему так и не поднялся, чтобы поприветствовать сына. Это совершенно было на него непохоже, а значит, что-то явно было не так.

– Здравствуй, отец! – одевшись, он сам подошёл к лежанке, на которой лежал старик. – Ты что – болен?

– Здравствуй, сын, – тот даже не поднял голову от своего тюфяка. – Да вот, прихворнул малость...

Отец явно бодрился, но голос был слаб и печален, и звучал, к тому же, как-то невнятно.

– Что случилось? – теперь Шервард похолодел изнутри.

– Да вот... – проямлил старик и умолк.

– Расслабило его... – вздохнула рядом Генейра, касаясь руки брата. – Ещё зимою... Так и лежит с тех пор...

– Что ж ты так, отец?.. – только и нашёл, что сказать Шервард, неловко усаживаясь на краешек лежанки.

Он глядел на этого маленького ссохшегося старичка с отёкшими веками и дряблым безвольным ртом, обрамлённым бледными, чуть синеватыми губами. Спутанные седые волосы бороды торчали во все стороны в полнейшем беспорядке. Он так непохож был сейчас на вечно хлопочущего, временами сурового, никогда не унывающего отца, с его измазанными глиной крепкими руками и немного сторбленной, но выносливой спиной.

– Да ладно... – отводя глаза, отвечал тот. – Сейчас лето придёт – солнышко меня живо на ноги поставит!..

После удара речь отца стала немного замедленной и невнятной. Шервард ободряюще сжал его худую костлявую руку, с тоской осознавая, что ничто уже не сумеет поставить на ноги старика. Он знал, что такая же судьба постигла и деда – тот больше двух зим пролежал, прикованный к своему ложу. Ох и намучилась же с ним родные!..

Тробб наконец проснулся, растревоженный непривычной суетой, перекрывающей даже вой ветра и шум дождя снаружи. Он недовольно заворчал, но Лийза быстро подошла и объяснила причину. Надо сказать, что старший брат, похоже, действительно обрадовался, услышав новость. Он немного неловко, но проворно вскочил и направился к подняв-

шемуся навстречу Шерварду. Они обнялись, хотя младшой невольно поморщился от запаха перегара и немытого тела.

– Вернулся... – радостно похлопал Тробб брата по спине. – Надолго ли?

– Да вот не знаю... – растерянно пожал плечами Шервард, бросив взгляд на беспомощно лежавшего отца. – Вообще думал в расцвете следующей луны обратно... Теперь не знаю.

– Так ты остаёшься в дружине? – словно даже обиженно буркнул Тробб.

– Конечно! А ты разве нет?

– Я давно уже снял наруч... – совсем помрачнел Тробб. – Мешает во время лова...

Что ж, этого следовало ожидать. Старший брат явно тяготился военным ремеслом, это было видно ещё тогда, на Такки. И Шервард подозревал, что главной причиной тому была дисциплина, которую поддерживали в дружине, отсутствие постоянного доступа к браге, а также нелюдимость и несносный характер брата. По заспанному лицу Тробба было видно, что он регулярно пригубляет и теперь.

– Как вы тут? – неловко перевёл разговор Шервард. – Как зима прошла?

– Плохо прошла... – буркнул Тробб. – Как отец слёг, еле перебиваемся.

«На брагу тебе, однако, хватает...» – недовольно подумал юноша, но решил не ссориться с первых же минут.

– А от ярла Желтопуза никакой помощи не было? – вместо

этого спросил он. – Он обещал мне помогать вам.

– Никакой помощи не было, – пренебрежительно фыркнул Тробб.

– Да как же не было? – вмешалась Генейра. – По осени воз овса привезли по его приказу.

– Да это один раз и было-то!.. – недовольно зыркнул на неё Тробб.

– Значит, всё-таки помог, – Шерварду приятно было услышать это.

– Это было добрым подспорьем! – закивала Генейра. – А зимой бочонок свиного жира привезли, разве не помнишь?

– Хороша компенсация за отсутствие Шерварда!..

– Но я и перед отъездом привёз вам запасов, – вмешался юноша. – Рад слышать, что ярл сдержал своё слово.

– Всё равно еле концы с концами сводим... – продолжал гнуть своё Тробб.

И вновь младшему брату потребовалась вся его выдержка, чтобы не бросить обидные слова в адрес старшего. Очевидно, что тот делал куда меньше, чем мог бы и чем должен был, особенно учитывая бедственное положение, в котором они оказались.

– Как только буря стихнет – отправимся в Реввиал, – усилием воли не давая себе повышать голос, проговорил он. – Наберём всего, что нужно.

Он отметил про себя ещё одну неприятно поразившую его особенность. Почему-то во время всего этого разговора

молчал отец. Он, глава семейства, обычно имел своё мнение по любому вопросу, и, вроде бы, именно он, а не Генейра, должен был дать отпор несправедливым нападкам Тробба. Но сейчас Стокьян сын-Герида тихонько лежал, глядя на происходящие снизу вверх, и словно не смея ничего сказать. Неужто он боялся Тробба?..

Лийза сообщила, что мужчины могут сесть за стол. Шервард и впрямь был голоден словно волк, и потому, ободряюще улыбнувшись отцу, направился к столу. Тробб всё с тем же недовольным видом протопал следом. На столе действительно было совсем негусто – две деревянные плоски с едва нагретой овсяной кашей, сдобренной тонкими полосками мяса и луком. Юноша почувствовал укол совести, припоминая, чем он потчевал себя в то время, как его семья перебивалась этим.

То ли повинуюсь незаметному взгляду Тробба, то ли уже хорошо зная заведённые порядки, Лийза поставила две щербатые кружки и плеснула в них мутноватой браги.

– Для сугреву – самое то! – хмурое лицо старшего брата разгладилось. – А то ведь продрог, поди, как заяц! Вона как буря ярится-то! Завтра опять в море не выйти...

Шерварду неприятно было видеть, с какой алчной радостью Тробб подхватил кружку и опрокинул её в себя, даже не поморщившись. Ему сделалось противно от этого, но всё же брат был прав – несколько глоточков согрели бы его изнутри. Он тоже отхлебнул из своей кружки, невольно скривив-

шись – за минувшее время он отвык от этого кислого вкуса перебродивших зёрен. Однако же брага потекла вниз тёплой волной, а большего от неё сейчас и не требовалось.

– Глотнёшь с нами, отец? – повернувшись к лежанке, предложил он.

– Отчего же не глотнуть, сынок! – с явным удовольствием откликнулся Стокьян.

Шервард добавил немного браги в свою кружку, где ещё оставалось что-то на дне, и передал Генейре, чтобы та угостила отца. И вновь он успел заметить, как зыркнул Тробб – судя по всему, ему не слишком-то понравилось это. Однако он смолчал – складывалось ощущение, что теперь старший брат словно побаивался младшего.

– На здоровье, отец, – сестра приподняла голову отца и поднесла кружку к его губам.

Старик выпил всё без остатка и довольно крякнул, разом повеселев. Вообще в этом доме явно чувствовалась какая-то мрачная тягостная атмосфера, и теперь все его обитатели, за исключением одного Тробба, явно воспряли духом. Шервард, словно ненароком, взгляделся в лицо Лийзы, боясь прочесть там следы побоев. По всему выходило, что этот злобный пьяница держал в страхе весь дом, но юноша сомневался, что у брата поднимется рука на отца или Генейру. А вот с женой он сдерживаться бы точно не стал. Однако, хвала Матери, ни синяков, ни ссадин на её лице он не заметил.

– Хорошо, что ты вернулся, сынок! – заметно окреп-

шим голосом произнёс отец, закусив хлебным мякишем, что также подала ему дочь. – Теперь, глядишь, повеселее станет.

Сердце Шерварда болезненно сжалось. Возможно, ему почудилось, но он услышал в этих словах едва ли не мольбу о помощи. И стало ясно, что в ближайшее время он никуда не уедет – ему нужно будет оставаться в Скьёвальде по крайней мере до тех пор, пока он не будет убеждён, что все его родные в безопасности.

Будь он погорячее, то сразу же вызвал бы брата на разговор и, быть может, приструнил бы его. Но Шервард был не таков – он словно боялся ненароком обидеть Тробба, если тот вдруг окажется ни в чём не виноват. Так что нужно было ждать более ясных знаков. А пока нужно было оставаться здесь.

– Да, отец, теперь заживём как встарь. Почти... – вдруг поник головой он, вспомнив Лойю и свою дочку. – Ну а что ещё у вас за зиму случилось? – стряхивая с себя внезапно подступившую тоску, встрепенулся он.

– Генейру нашу сосватали, сын, – явно осмелев, тут же радостно откликнулся отец.

– Да ну! – воскликнул Шервард, взглянув в заливающееся счастливым румянцем лицо сестры. – Кто таков? Я его знаю?

– Тибьен Гримманд из Ликвенда, – ответил отец.

Ликвенд – соседняя деревушка, находившаяся дальше по побережью всего в каких-нибудь десяти полётах стрелы. Там жили люди из того же клана, что и жители Скьёвальда. Су-

дя по тому, что избранника Генеиры именовали клановым именем – он был воином.

– Дружинник! – одобрительно кивнул сестре Шервард. – Как он тебя нашёл?

– Он привозил нам припасы, – потупившись, отвечала та, не переставая улыбаться.

– Так он из людей ярла Желтопуза? – ещё больше обрадовался Шервард. – Я рад за тебя, сестрёнка! Уверен, он – хороший человек и хороший воин! Иные в дружине Желтопуза долго не задерживаются.

Он украдкой взглянул на Тробба, заметив, как тот скривился.

– И когда свадьба? – поинтересовался он.

– Как приданное насобираем, так и свадьба будет! – глухо рыкнул Тробб. – Какая тут свадьба, когда в доме иной раз жрать нечего?

– Странно, что дома нечего есть, когда в нём есть здоровый мужик! – Шервард понял, что ему очень уж хочется спровоцировать брата на взрыв.

– Что ты знаешь об этом? – вскинулся Тробб. – Сам уехал на всю зиму, повесив мне на горб двух баб и немощного старика!

– Ни Генеира, ни Лийза никогда дармоедками не были! – отчеканил Шервард. – Они ни на чьём горбу сидеть не станут! Что же касается отца... Наверное, ты снова перепил браги, братец, и плохо понимаешь, что говоришь! Такие сло-

ва никогда не скажет хороший сын!

Юный воин, похоже, сильно возмужал за минувшее время, во всяком случае, в глазах старшего брата. Возможно, кожаный наруч, скрытый сейчас рукавом, воздействовал на него подавляюще. Возможно, сам Шервард стал крупнее и сильнее на обильной шеварской пище. А быть может, минувшим летом Тробб утратил веру в себя, по сути сбежав из дружины. Но так или иначе, а он не посмел продолжать перепалку. Несколько секунд он глядел исподлобья, словно хотел что-то сказать, но затем, буркнув «Я спать», выбрался из-за стола и действительно отправился на свою лежанку.

Шервард видел, какой радостью отозвалась в глазах присутствующих женщин его победа. Отец на своём ложе молчал, но, похоже, и он был доволен, что на Тробба нашлась наконец управа.

– Нам всем надо спать, – объявил Шервард. – Поговорим завтра.

Он молча доел остатки своей каши и направился к ложу, которое когда-то делил с Лойей. Генейра и Лийза быстро убрали со стола и также, не говоря ни слова, улеглись каждая на своё место. Шервард ещё какое-то время смотрел на танцующие в последних сполохах очага тени на стенах, думая, как ему быть дальше. Но теперь он согрелся, был сыт, и гул ветра и стук дождя быстро усыпили его, смертельно уставшего после долгой дороги.

Наутро буря не стихла, так что Тробб, как и предполагал, остался дома, не имея возможности выйти в море. Однако его дурное настроение никуда не делось, и он, быстро перекусив, отправился в сарай «месить глину», как он сказал, уходя. Генейра и Лийза, быстро справившись с домашними обязанностями, отправились следом за ним, хотя Шерварду очень хотелось бы переговорить с сестрой.

Вместо этого он остался с отцом. До того они уже покормили и обмыли его. Шервард помог Троббу оттащить старика в нужник – благодарение Хозяину, тот нечасто ходил под себя, обычно стараясь терпеть. Впрочем, к сожалению, у него не всегда это получалось, о чём свидетельствовал запах, исходящий от тюфяка.

Только сейчас Шервард по-настоящему понял, насколько усложнилась жизнь его родных в последнее время. То, что он проделал пока что единожды, было их повседневностью – обстирывать и обмывать старика, который не всегда мог дожидаться, когда его отнесут в нужник. А ещё чаще он не замечал, что мочится под себя. Да, такое нелегко было выдержать и более уравновешенному, чем Тробб, человеку. И всё же юноша был полон решимости скрасить для отца всё то время, что ему ещё было отпущено в этом мире.

Тот же, конечно, очень страдал, чувствуя себя обузой. Вот и сейчас он глядел на сына со стыдом и болью.

– Вот ведь как оно вышло-то, сынок... – пряча глаза, про-

бормотал он. – Измучил я всех, старый... Даже помереть ловко не сумел...

– Ничего, отец, не бери в голову! – Шервард примостился рядышком и ободряюще улыбнулся старику. – Твоей вины в этом нет. Не нам решать – как помирать.

– Да, – вздохнул отец. – За что-то осерчал на нас Хозяин, видать... Жили – не тужили, а тут вдруг одно на одно... Сперва Лойя, затем вот я...

– Не за что Хозяину на нас серчать, отец, – меланхолично мотнул головой Шервард. – Ни в чём мы не провинились перед ним. Просто так оно бывает. Дурак, поди, костяшки мечет, не глядя. Куда попадёт, туда и попадёт. Вот и попало по нам...

– Это всё из-за Тробба, – вдруг произнёс отец. – Это он богов погневил, особенно Воина. Где это видано – наруч, уже даденый, от себя отбросить!.. Как он решил из дружины уйти – так и пошло-поехало...

– Не всем же быть воинами, – возразил Шервард. – Сам Хозяин ведь тоже не воин. Кому-то нужно и дом держать. Кабы Тробб вместе со мной ушёл – вы, поди, зимой этой совсем пропали бы.

– Да уж... – горько вздохнул старик, видимо, то ли боясь высказать то, что у него было на душе, то ли смущаясь оттого, что он жалуется на собственного сына.

– Разве нет? – нахмурился Шервард.

– Он сильно переживает из-за своего решения... – уклон-

чиво ответил отец. – Казнит себя, считает трусом. И думает, что мы тоже считаем его трусом...

– Он стал много пить?

– Ну он всегда любил пригубить, сам знаешь... А после твоего отъезда стал иной раз напиваться так, что после не мог и на лов выйти... Казнит он себя, – тяжело вздохнул отец.

– Руку на вас поднимал? – жёстко спросил Шервард, невольно стискивая кулак.

– Лийзу пару раз приголубил... – помолчав, ответил старик. – Ну тут он – хозяин, он в своём праве... На Генейру, когда та заступаться бросилась, замахнулся было, да руку удержал. Он её любит больше всего, сам знаешь.

– А тебя?

– Меня не трогал, – выдавил из себя Стокьян, но по лицу Шервард понял, что тот лжёт. – Тробб вспылчив, но на отца руку не подымет.

Злость окатила юношу ушатом кипятка. Захотелось вскочить и броситься в сарай, вытащить Тробба за шкуру прямо в грязные лужи двора, а затем бить, пока вода в этих лужах не станет красной.

– Не надо, сын! – взмолился старик, прочитав всё это в лице Шерварда. – Не надо. Ну дал он мне затрещину раз или два. Его тоже можно понять – со мной теперь трудно. Я стал обузой для всех, а для него – в особенности. Твой брат – как раненый кабан, злость легко застит ему глаза. Он не виноват в своём характере. И он сдерживает себя, когда это возмож-

но. Ежели не сильно пьян. И после он слёзно просил прощения...

Шервард сейчас как раз очень жалел, что ему не хватало вспыльчивости старшего брата. Его ярость вскипела, но тут же осела под мольбами отца. И момент был потерян. Но ненависть, какую он в данный момент испытывал к Троббу, не исчезла. Он решил, что обязательно поговорит с братом так, чтобы тот хорошенько усвоил этот разговор. Однако, похоже, не теперь...

– Когда расслабило отца, – речь Стокьяна была всё такой же замедленной и немного невнятной, а по щекам текли старческие слёзы. – Я, глядя на него, думал – охраняй меня Отец и Мать от такого. Я глядел, как он прудил под себя, улыбаясь при этом, словно малое дитё, и гадал – о чём он думает? Желает ли смерти? Мне казалось, что я на его месте молил бы всех богов и прибожков лишь об одном, ведь каждый такой день должен был быть мучением... И вот я на его месте, хотя и не выжил из ума пока что... И знаешь, что самое подлое, сын? Я боюсь умирать. Я хочу жить, хоть и мучаюсь каждый день своего существования. Мучаюсь, но при этом тайком благодарю Великую Мать каждое утро, за то что дозволила отворить глаза. Я понимаю, что мне было бы лучше умереть, да и всем было бы лучше, если бы я умер, но... Почему-то даже теперь мне хочется жить...

– И хвала богам, отец! – осипшим голосом проговорил Шервард, положив ладонь на иссохшую руку старика. – Жи-

ви сколько хочешь! Столько, насколько будет воля Отца и Матери. Даже если больше не встанешь на ноги – ничего. Хвала богам – у тебя есть, кому о тебе позаботиться! Сейчас станет потеплее – будем тебя на солнышко выводить. Зима закончилась – и Шут с ней! Всё будет хорошо!

– Ты скоро уедешь?.. – продолжая тихо плакать, спросил отец.

– Я останусь здесь настолько, насколько это будет возможно, – пообещал Шервард без тени сомнения. – Враноок готовит поход не раньше следующего лета, и до тех пор я останусь с вами. Я теперь – не последний человек. Как только буря закончится – съездим с Троббом в Реввиал, привезём всего, что только нужно! Летом свадьбу сыграем, или по осени. Ты только держись, отец!

Они просидели так ещё долго. Всё это время остальные домочадцы продолжали работать в глиняном сарае, лепя новые мазанки на продажу. Никто из них так и не зашёл домой даже чтобы просто попить воды. Через какое-то время старик попросил сосуд, чтобы отлить, и Шервард помог ему. Ему было грустно оттого, что расставание с Динди, по всей видимости, сильно затянется, но делать было нечего. Уехать он действительно не мог. Сейчас он был нужен здесь.

Глава 40. Братья

Прошло всего два дня, и Шервард вполне обвыкся на новом, а точнее – на старом месте. Нет, у него не возникало ощущения, будто бы он никуда и не уезжал, но возвращение в прежнюю жизнь было подобно тому, как ложишься на свою лежанку, где каждая впадинка, каждый горбик старого тюфяка хорошо помнят твою форму. Ложишься, словно обратно в утробу матери, так, будто был тут всегда. Так и у Шерварда – он, разумеется, хорошо помнил Тавер и уже тосковал по нему, но здешняя жизнь уже понемногу обволакивала его своими тенётами, незаметно, но настойчиво «приземляя» и «укореняя» словно бы не только в пространстве, но и во времени, которое здесь, в Скъёвальде, как будто стояло на месте.

Однако же, на самом деле это было далеко не так. В этом мутном и неподвижном пруду были свои бьющие ключами родники, не дававшие воде окончательно превратиться в стоячее затхлое болото. Три важнейших изменения произошли здесь с тех пор, как он покинул родину в прошлый раз.

Во-первых, конечно, болезнь отца. Она здорово пришибла всех, как будто на их избушку рухнула вековая сосна. Шерварду было тяжело приноравливаться к тому, что вечно хлопотливый Стокьян сын-Герида, ни минуты не сидевший без дела, теперь беспомощно лежит днями в своём углу, рас-

пространяя зловоние на весь дом.

Второе изменение было не в пример лучше. Его любимая младшая сестрёнка не просто нашла себе жениха, а нашла себе дружинника. Вряд ли ещё пару лет назад она могла бы даже помыслить об этом. В деревеньках вроде Скьёвальда с женихами обычно бывало небогато, а те что есть – такие же простые рыбаки или охотники как они с Троббом. И Шерварду было особенно приятно от осознания того, что именно он, пусть и косвенно, немало поспособствовал счастью Генейры тем, что был принят в дружину Желтопуза.

А вот третье было, пожалуй, самым неожиданным. Вернувшись, Шервард достаточно быстро вдруг осознал, что при живом отце и старшем брате именно он вдруг сделался главой семейства. Это сложилось как-то само собой. Тробб и не думал оспаривать у него это первенство. Более того, он явно побаивался и уважал младшего брата.

Тробб заметно тушевался в присутствии Шерварда. Было ясно, что это злит его, но поделать он ничего не мог. Кроме того, что Шервард действительно сейчас выглядел крупнее и внушительнее щуплого и рано ссутулившегося брата, и, очевидно, без труда мог бы совладать с ним в схватке, на Тробба давило и другое, быть может даже более сильное обстоятельство.

На Келлийских островах, и особенно на Баркхатти, самом крупном и населённом из них, жизнь была не в меньшей, а может быть даже и в большей степени чем на материке, под-

чинена принципам социальной иерархии. Любой, кто носил кожаный наруч, был в этом мире несравненно более авторитетным и уважаемым человеком, нежели прочие. И уж по давню общество пренебрегало людьми вроде Тробба – теми, что из-за собственных слабостей сами отказались от этого важного атрибута воина.

Побитые единожды, люди вроде Тробба уже не могли найти в себе сил подняться на ноги вновь. Они тонули в саморазрушительной жалости к себе и злобной обиде на весь окружающий мир. Они могли огрызаться, пытаясь испортить жизнь тем, кто был слабее, но уже никогда не могли выдержать взгляда более сильного соперника.

Тробб не мог не уважать младшего брата за то, что он с успехом и честью нёс ту ношу, оказавшуюся непосильной для него самого. И пусть это уважение было густо замешано на зависти и даже злобе, но в ограниченном мире неудачливого рыболова Шервард был сейчас едва ли не самым важным и влиятельным человеком, которого он мог повстречать.

По той же причине он, будучи фактическим главой семейства, всячески препятствовал будущей свадьбе Генеиры. Он осознавал, что появление родственника вроде того самого Тибьена Гримманда из Ликвенда окончательно низвергнет его с шаткой вершины. Что Тибьен будет тем человеком, который не только сможет указывать ему, что делать, но и, пожалуй, станет презирать его скрыто или же явно.

В общем, хоть Шервард сейчас и не был склонен жалеть старшего брата, говоря откровенно, тот был вполне достоин жалости. Теперь Тробб совершенно очевидно избегал брата, находя любые предлоги, чтобы не оставаться с ним в доме, особенно наедине. Вероятно, он даже по выражению лица Шерварда догадывался о том разговоре, что случился между ним и отцом, и потому явно трусил, хотя и старался этого не выказать.

Так или иначе, но за те два дня, что бушевала непогода, он появлялся дома лишь для того, чтобы поесть или поспать. Одновременно с этим он стал явно воздержаннее к хмельному, позволяя себе лишь несколько глотков перед обедом и ужином. И Шервард видел, что остальные домочадцы безмерно рады таким переменам. Особенно улыбчивой стала Лийза, явно осмелев в присутствии деверя.

Наконец шторм ушёл. Шерварду всегда нравилось наблюдать, как быстро очищается от туч небо, как будто Великая Мать сметала их веником за горизонт. И как восхитительно было тогда яркое солнце, заливающее искрящийся от неисчислимого множества капелек мир! Вдруг становилось тепло и радостно оттого, что Хозяин вновь навёл порядок в своём доме, в котором, было, не на шутку развеселился Дурак.

Конечно, после таких ливней дорога просохнет не вдруг, и потому Шервард решил, что в Реввиал они с Троббом отправятся через день или два. А сейчас он, едва лишь солнце согрело воздух, осторожно вывел, а скорее даже вынес отца

во двор, посадив его на старый чурбан, много лет стоящий здесь именно для таких целей. Несмотря на то, что старик сильно похудел, Шервард вряд ли справился бы в одиночку – разве что ему пришлось бы нести отца на руках как ребёнка. И потому ему помог Тробб.

Надо было видеть, каким счастьем озарилось лицо старого паралитика! Слезы навернулись на его поблёкшие глаза, и хотя он ворчал на слишком яркое солнце, якобы ослепившее его, на самом деле, конечно, причина их была в ином. Его восковая, покрытая старческими пятнами кожа порозовела, и на какое-то время он стал выглядеть почти здоровым. Казалось, вот-вот он, побряхтывая, встанет и, как обычно бывало, засеменит в свой любимый сарайчик, в котором его дождались глина и ивовые прутья.

– Подайте-ка мне худые сети, что лежат в углу, – блаженно щурясь, попросил Стокьян. – Всё равно без дела сижу, так хоть починю их пока.

Генейра с радостью исполнила его просьбу, хотя сети эти были уже негодными, и Тробб не выбрасывал их исключительно из скаредности. Пусть отец вновь почувствует себя нужным, пусть займёт руки! Так он вновь сможет ощутить себя живым.

В тот же день их навестил Тибьен, жених Генейры. Шервард с радостью познакомился с ним. Тот был несколькими годами старше него, но сразу понравился юноше. У Тибьена было открытое лицо – типичное лицо помора-островитяни-

на, но вполне приятное. Комплекцией они вполне соответствовали друг другу – по местным меркам вполне себе обыкновенные, хотя на материке оба считались бы если и не верзилами, то уж точно людьми выше среднего роста.

Они быстро разговорились, тут же найдя общие темы для разговора и общих знакомых. Тибьен тоже знал Лебланда, и оба они весело перешучивались на его счёт, но всё это были дружеские подтрунивания. Шервард ни на мгновение не забывал, какую роль тот сыграл в его судьбе, и был благодарен ему за это.

Они вдвоём подсели рядышком к отцу, и Шервард с удовольствием отметил, как почтительно обращается Тибьен к будущему тестю. Они обсуждали самые разные темы, в том числе и военные, и молодой воин уважительно выслушивал старика, даже если тот говорил невпопад. И видно было, что это – не показное поведение, чтобы впечатлить будущих родственников. Тибьен был воспитан правильно, как и должно воспитывать мужчин Баркхатти.

Они проболтали так почти до вечера, покуда Генейра не позвала всех к столу. Тибьен, узнав, что Шервард прибыл из-за моря, буквально завалил его вопросами про Шевар. А юноша с большим удовольствием отвечал – ему было необычайно приятно вспоминать Тавер. Он рассказывал много и обо всём, так что в конце концов даже Лийза с Генейрой, оставив домашние дела, выбрались в залитый солнцем дворик, чтобы послушать его. И только лишь Тробб не выле-

зал из сарая. Лепил ли он там новые мазанки, или же просто отсиживался в одиночестве, будто забившийся в расщелину краб – Шерварду это было неважно. До тех пор, покуда старший брат не доставлял окружающим проблем – он был волен делать всё, что угодно.

Тибьен явился не с пустыми руками. Он принёс большую вяленую рыбину и неплохой окорок. И вообще он сообщил, что живность, похоже, понемногу возвращается в окрестные леса – охотники стали чаще брать достаточно крупных кабанов, оленей и лосей. В общем, счастливое семейство устроило настоящий пир, и временами Шервард, забываясь, чувствовал себя так, будто бы они по-прежнему жили дружно и весело, и не было всех тех ужасов, что принёс минувший год.

Наконец они смогли отправиться в Реввиал. С детства знакомая повозка, каждый скрип которой Шервард узнал бы с закрытыми глазами, шла порожняком – несмотря на то, что Тробб каждый день пропадал в сарае с мазанками, ни одна из них, как выяснилось, не была готова для продажи. Впрочем, быть может, всё дело действительно было в сырой погоде – глина сохла не так быстро.

Вообще говоря, Шервард не очень-то переживал по этому поводу – теперь он был дружинником ярла Желтопуза, а это много значило в обществе, которое так и не приняло такую, казалось бы, удобную концепцию денег. Кстати говоря,

пожив в Тавере, юноша оценил это изобретение по достоинству. На Баркхатти денег не было, а скорее, деньгами могло служить почти что угодно – в первую очередь, металлические наконечники стрел и прочие изделия из металла. Появлялись тут и серебряные кругляши с другого берега Серого моря, но их ценность в глазах суровых северян была невелика – они годились разве что на украшения.

Шервард давно уже думал о том, сколь многому могли бы научиться келлийцы у жителей материка, если бы перестали глядеть на них с презрительным высокомерием. И деньги как раз были в числе первых вещей, которые бы стоило перенять. Всё же тот обмен, к которому привыкли островитяне, был крайне неудобным.

Однако, имел он и свои плюсы, как, например, в данном случае. Будучи дружинником, Шервард мог рассчитывать на то, что ярл обеспечит его и его семейство всем необходимым. За отсутствием денег ярлы выдавали своим воинам в качестве награды часть добычи, но это имело смысл лишь до определённой степени, ведь зачастую награбленные вещи оказывались попросту ненужными для дружинников.

То же самое касалось и съестного – глупо было бы притащить с собой в дом множество рыбы или мяса, ведь вскоре бóльшая часть его просто зачервивела бы. Поэтому дружинники не требовали большой награды непосредственно после похода, но зато в любой момент могли обратиться к своему ярлу, чтобы тот снабдил их необходимым. Всё строилось

на взаимном доверии и, как ни странно, неплохо работало. Ярл, не задумываясь, выдавал требуемое, а его дружинники не нагтели в своих запросах.

Они с Троббом ехали молча. Шервард привычно сел спереди, чтобы править оленями, а брат, наоборот, примостился сзади, свесив ноги с повозки. Он явно чувствовал себя неуютно и надеялся избежать разговора. Солнце, столько дней вынужденное скрываться за тучами, сейчас словно спешило раздарить обделённому миру всё своё нерастраченное тепло, и жарило почти по-летнему, так что юноша надел безрукавку, во многом для того, чтобы каждому был виден его наруч. Тробб же, разумеется, был уже без этого украшения, и, наверное, именно поэтому был одет в рубашку с длинным рукавом, несмотря на жару.

Шервард не знал, как ему начать разговор. Вроде бы за эти несколько дней он уже обвыкся в роли старшего в семье, да только всё равно до конца не мог избавиться от того ощущения младшего брата, когда всегда смотришь немного снизу вверх. Да и по характеру он был слишком уравновешен, так что иной раз это уже граничило с нерешительностью.

– К концу лета свадьбу сыграем, – наконец начал он. – И Генеира от вас уйдёт. Следующим летом я отправлюсь в поход Враноока. Если к тому времени отец будет ещё жив – вам с Лийзой вдвоём придётся присматривать за ним. Тебе надо бросать пить, Тробб, иначе как ты прокормишь семью?

– Прокормлю как-нибудь, – не поворачивая головы, бурк-

нул в ответ брат.

– Как-нибудь не надо, – Шервард с удовлетворением ощутил, что внутри него начинает закипать злость, которой должно хватить на серьёзный разговор без сантиментов. – Ты – мужчина, и должен обеспечить и жену, и отца, и детей, когда те появятся, всем необходимым.

– Не надо меня учить, Шервард, – с глухой ненавистью отозвался Тробб. – Я сам знаю, как мне жить, и без твоих советов!

– Я и не учу! – отрезал юноша. – Но я не хочу покинуть дом и в походе гадать – не голодает ли сейчас мой отец, и... не бьёт ли его в эту минуту собственный сын!

– А ты хоть представляешь, каково это – каждый день вытаскивать и стирать его ссанье? – Тробб наконец-то резким движением обернулся к брату. – Каждый день обмывать эти дряблые, вонючие ноги? Раз в несколько дней менять набивку в его тюфяке? Ты пробыл здесь всего несколько дней, скажи – каково тебе? Тяжело? А мы живём там уже несколько лун!

– И это даёт тебе право бить собственного отца? – рявкнул Шервард.

– Я этого и не говорил! Думаешь, я горжусь этим? Да я отрезал бы себе эту самую руку за то, что она посмела ударить отца, если бы она не была нужна мне для работы! Ты же знаешь мой характер! Иной раз злость просто накрывает меня, словно волна, и когда я выбираюсь наружу – оказыва-

ется, что уже успел наворотить чего-то за эти мгновения...

– Если бы ты поменьше пил... – чуть спокойнее бросил Шервард, отметив, что брат, по-видимому, терзается из-за произошедшего.

– И что тогда? – горько ответил Тробб. – Если бы я меньше пил – давно свихнулся бы.

– С чего бы это? – скептически фыркнул Шервард.

– Да с того! С того, что моя жизнь бессмысленна! Я как рыба, выброшенная на берег. И никакого просвета впереди!

– Кто в этом виноват? – вновь начал заводиться юноша. – Я замолвил за тебя слово перед Желтопузом, и тебя взяли в дружину. Но ты сбежал оттуда! Так чего ж ты теперь плачешься о потерянной жизни? Тебе хотелось быть рыбаком – так будь им!

– Ничего ты не понял! – потемнел лицом Тробб, явно задетый словами брата. – Думаешь, мне тяжело оттого, что я – рыбак, а не воин? В этом для меня нет ничего зазорного. Мне тошно, что когда я слягу также, как отец слёг, некому будет дерьмо из-под меня выгрести!

– Ты переживаешь, что у тебя нет детей? – как будто бы даже удивился Шервард. – Так у тебя всё впереди ещё!

– Мы с Лийзой уже четыре или пять зим вместе живём! Первое время я старался как конь, сам знаешь, ты же в одном доме жил! Если бы всё было в порядке, у меня бы уже было двое, а может и трое ребятишек! Кто-то из нас не может иметь детей, и я боюсь, что всё дело во мне...

– С чего ты взял?

– Я... пробовал с другими женщинами... С двумя разными, и ни одна не понесла... – пробурчал Тробб, потупив глаза. – Я встречался с ними некоторое время... Не с обеими сразу, конечно...

Шервард был удивлён. Скьёвальд – небольшая деревня, и до этого момента ему казалось, что в ней невозможно утаить подобные вещи. Но он никогда не и думал, что Тробб мог ходить налево. Оставалось надеяться, что и Лийза была достаточно близорука, хотя женское сердце, конечно, куда более чутко. Может быть, именно поэтому она всегда, сколько он её помнил, была как будто чуть грустна. Помнится, Лойя ещё иногда втихомолку посмеивалась над частой угрюмостью свояченицы, впрочем, совершенно беззлобно.

– Так что, брат, я – пустоцвет, – горестно вздохнул Тробб. – А теперь, как не стало Лойи, я и вовсе боюсь, что наш род закончится на нас. Так что ты-то хоть не подведи! Обязательно женись снова, понял меня? Как надоест воевать – возвращайся домой, да женись! Есть у нас ещё девки на выданье. Или в Реввиал переберёшься – там уж точно раздолье, особенно для таких как ты!

Шервард смотрел на брата с непривычной теплотой. Он уже привык за последние годы к его вздорному характеру, и даже подумать не мог, *что именно* так изглодало душу Тробба. Да, теперь он понимал... Осознание того, что ты – неполноценный мужчина, неспособный зачать ребёнка, мо-

жет сломать кого угодно... Кто знает – не потому ли он оставил дружину? Вдруг он посчитал себя недостойным называть себя воином?..

– Тебе, наверное, сейчас кажется, что после смерти Лойи ты уже не сможешь быть ни с одной женщиной, – меж тем продолжал Тробб, и даже тон его изменился, став как-то мягче и задумчивей. – Но тебе нужно побороть в себе это! Поверь, Лойя не хотела бы этого. Будучи в мире мёртвых, она бы хотела, чтобы ты исполнил своё предназначение и продлил свой род. Человек, не имеющий детей, так же нелеп, как лодка на вершине горы.

Шервард давно уже позабыл, что такое братская любовь – в последнее время Тробб не давал особенно много поводов для этого чувства. Сейчас же оно вновь всколыхнулось и, словно утренний бриз, потянуло откуда-то из детства, наполняя сердце радостью и одновременно – болью за старшего брата.

– Я уже встретил одну девушку, – не успев даже как следует подумать, ляпнул он, влекомый этими новыми чувствами.

– Правда? – вскинулся Тробб. – Когда?

– Давно. Ещё минувшим летом.

– В Шеваре? – с удивлением, но без особенного осуждения в голосе спросил брат.

– Да, – просто ответил Шервард.

– И ты собираешься жениться на ней? – странно, но вечно хмурое лицо Тробба сейчас светилось радостью.

– Не знаю... – печально покачал головой юноша.

– Обязательно женись, брат! – воскликнул Тробб. – Обязательно! Плевать, что она – шеварка! В Шеваре тоже люди живут! Тем более, говорят же, что когда-то давно мы были одним народом! А если верить Вранооку – быть может, вскорости опять станем одним целым!

Эта неожиданная поддержка от того, от кого он меньше всего её ожидал, так глубоко тронула Шерварда, что сейчас ему больше всего не хотелось бы разочаровать брата. И он не смог рассказать ему всего. Кто знает – что будет после! Эта женитьба ведь была делом сложным не только из-за того, что Динди была... необычной девушкой. Она была практически невозможна по многим причинам. Однако сейчас он просто не мог лишить Тробба этой внезапной надежды, поэтому лишь хмыкнул в ответ и пожал плечами.

– Как её зовут? – живо поинтересовался брат.

– Дининдра, – это имя оставляло сладкий привкус во рту, но другое, более привычное, было ещё слаще. – Но все зовут её Динди.

– Тебе нужно отправляться туда! – решительно заявил Тробб. – Возвращайся как можно скорее! Не волнуйся, мы тут справимся, обещаю! Я возьмусь за ум, брошу пить. Всё будет хорошо! А ты плыви в Шевар и возвращайся сюда уже с молодой женой! Конечно, лучше было бы сыграть свадьбу здесь, по нашим обычаям, но... – он весело махнул рукой. – И так сойдёт! Как же я рад за тебя, братишка! Как же я рад!

Шервард вдруг заметил, как заблестели глаза брата. Тробб, спохватившись, отвернулся, но было уже поздно. Он смущённо засмеялся, и Шервард вторил ему. Эта поездка внезапно обернулась совсем не так, как он ожидал. Вместо мордобоя они неожиданно сблизились с Троббом так, как этого не бывало с раннего детства.

– Расскажи мне о ней! – попросил брат, чтобы скрыть смущение.

Шерварда не нужно было долго уговаривать – он так соскучился по Динди, что мог бы говорить о ней даже с собственными оленями. Конечно, он опускал кое-какие подробности, но в целом рассказал множество забавных случаев, начиная с необычной истории их знакомства.

Так они проболтали всю дорогу до Реввиала, которая, к сожалению, в этот раз оказалась чересчур короткой.

Глава 41. Враноок

Конечно же, наивно было бы ожидать, что после одного душевного разговора Тробб совершенно преобразится, бросит пить брагу и станет душой компании. Также, как наивно было надеяться, что летнее солнце исцелит и поставит на ноги отца. Разумеется, не случилось ни того, ни другого. Тробб был слишком уж Троббом, чтобы перемениться в один момент, а отец... Отец был болен неизлечимо и безнадежно, и помочь ему теперь могла лишь смерть.

И всё же позитивные подвижки были налицо. Они вернулись из Реввиала, привезя всё, что было нужно – зерно, муку, мясо, жир, соль... Много продуктов, которых должно было хватить на какое-то время. Впрочем, Шервард не жадничал – он понимал, что в любой момент может приехать ещё, а потому брал лишь столько, чтобы в достатке и изобилии провести ближайшие пару недель. Да, он всё ещё никак не мог отделаться от привычки шеварцев делить время неделями, и, собственно говоря, не видел причин – зачем бы ему отказываться от столь удобного способа измерения времени.

Ярл Желтопуз поначалу сконфузился, поскольку он, признать, подзабыл о семействе Шерварда, занятый множеством дел, связанных с подготовкой к походу, а потому был вдвойне рад, когда узнал, что всё-таки успел дать соответствующие указания, и что определённая помощь действи-

тельно была оказана. С ещё большим удовольствием он услышал о готовящейся помолвке одного из своих дружинников с Генеярой, и обещал лично присутствовать на свадьбе, если позволят дела.

В общем, Шервард остался весьма доволен встречей с ярлом, и особенно материальным подтверждением его нового статуса, которое заняло почти всю повозку. В былые времена, когда он был лишь охотником и продавцом отцовских мазанок, ему никогда не приходилось возвращаться из города так богато нагруженным. И это больше всяких слов говорило сейчас о том, каким большим человеком он стал.

Вернувшись, Шервард встретил в доме будущего жениха Генеяры, который едва ли не каждый день теперь старался хоть ненадолго навестить свою юную невесту. Он тут же объявил им обоим, что ждёт самого скорейшего их обручения перед лицом Великой Матери, чтобы начать уже подготовку к свадьбе, не забыв упомянуть, что на ней стоит ждать ярла Желтопуза.

Это наполнило ещё недавно унылую рыбацкую лачугу радостью и шумом. Все домочадцы, включая расслабленного отца, вдруг стали вести себя так, будто бы свадьба уже завтра. Началось беспорядочная, но очень приятная глазу беготня, каждый бросался делать что-то совершенно бессмысленное, но, как ему казалось, чрезвычайно важное и своевременное. А главное – к этой шумихе неожиданно для всех присоединился Тробб, немало удивив и порадовав осталь-

ных обитателей дома.

Через некоторое время, когда первые восторги поутихли и разум стал брать контроль над эмоциями, все как-то вдруг успокоились и принялись наконец за то, с чего следовало бы начать – планирование. Здесь, конечно, главным образом говорили женщины, а мужчинам оставалось лишь помалкивать да посмеиваться над Тибьеном, которому, похоже, предстояли нелёгкие деньки.

Свадебные приготовления, разумеется, скрасили быт, а изобилие продуктов значительно улучшило его, однако же Шервард не собирался сидеть без дела, прикрываясь от работы наручем. Море наконец успокоилось достаточно, чтобы привычные островитяне вновь вернулись к рыбной ловле, однако он не собирался присоединяться к Троббу. Шервард не то чтобы не любил море – скорее, он просто недостаточно доверял ему. А потому решил, что для него будет лучше возобновить свои охотничьи вылазки.

В Реввиале он приобрёл десяток отличных стрел с коваными наконечниками явно шеварской работы, и теперь хотел испробовать их на настоящей добыче. Если кабаны и лоси вернулись в эти края – он обязательно раздобудет хотя бы одного! Впрочем, кроме разве что охотничьего азарта, у него не было других причин выискивать матёрых зверей – их мясо было вонючим и жёстким, словно Троббовы ботинки. Быть может, раньше это не особенно смутило бы юного охотника, но – увы! – пребывание в Шеваре сказалось на его га-

строномических представлениях явно не лучшим образом.

И действительно – в первый же день он добыл годовалого поросёнка всего в паре миль от Скьёвальда, и тот был настолько тяжёл, что его пришлось разделывать на месте. Шервард забрал с собой сердце и печень, а также наиболее лакомые куски – столько, сколько мог унести. Остальное же пришлось оставить на съедение падальщикам. Впрочем, юноша не сильно расстроился – в доме теперь не было недостатка в еде, так что это мясо было лишь приятным дополнением, не более того.

Тробб же, как и прежде, регулярно выходил в море на своей издававшей виды лодке. Он и впрямь старался измениться в лучшую сторону – Шервард ясно видел это. Но характер у старшего брата всё же был недостаточно твёрдым, чтобы тот в одночасье сумел избавиться от всего дурного, что было в нём. Он по-прежнему бывал груб с женой, да и с остальными домочадцами тоже, срываясь на них после тяжёлого дня. И по-прежнему он едва мог обходиться совсем без хмельного, хотя действительно изо всех сил старался не напиваться.

Однако же Шервард действовал на него магически. Стоило младшему брату лишь появиться, как старший тут же утихомиривался и либо уходил спать, если был уже достаточно пьян, либо же на какое-то время выходил, чтобы затем вернуться с виноватым видом. Однажды он даже попросил прощения у Лийзы за какое-то особенно грубое слово.

Временами, когда Тробб был не пьян, братья могли запол-

ночь засиживаться на завалинке у дома, о чём-то тихонько разговаривая. После таких разговоров старший возвращался словно очистившимся. В такие минуты он даже мог приласкать жену, задёрнув лежанку старой потёртой занавеской. Отец и Гене́йра к тому времени уже обычно спали, а Шервард лежал, стараясь не вслушиваться в возню супругов, и мысли его вновь устремлялись через Серое море в Шевар.

В общем, жизнь семейства заметно выправилась, и всё же Шервард чувствовал, что ему придётся остаться здесь, несмотря на заверения Тробба, и уже успел с этим смириться. Сейчас же он ждал известия от ярла Желтопуза о прибытии Враноока. Ему не терпелось увидеть человека, который, кажется, собирался встряхнуть весь свет.

Из Реввиала прибежал парнишка лет пятнадцати, передавший сообщение Желтопуза, что, если не случится чего-то непредвиденного, конунг Враноок прибудет завтра. В последние пару дней море снова слегка штормило, но, разумеется, это не могло стать препятствием для келлийских драккаров. Да что драккары! – даже Тробб сегодня поутру вышел на промысел. Так что непогода уж точно не могла бы помешать Вранооку.

Следующим утром Шервард отправился в город. Он взял повозку, полагая пополнить кое-какие запасы. Тробб, не будучи больше дружинником, разумеется остался дома.

Когда юноша прибыл в Реввиал, оказалось, что драккар конунга уже находится в порту. В лёгком волнении от предстоящей встречи, он направился к ярлу Желтопузу, но вполне ожидаемо не застал его на месте. Однако он был приятно удивлён, когда встретивший его дружинник сообщил, что ярл просил сразу же препроводить его туда, где состоится собрание.

Шервард направился к большому дому, стоявшему почти в центре Реввиала. Дом этот был знаком каждому, кто когда-либо бывал в городе, и построен он был именно для таких случаев. На Баркхатти система управления заметно отличалась от имперской. Ни один ярл не считался владельцем города вроде Реввиала. По большому счёту, они и владельцами земельных наделов были в достаточной степени номинальными. Ярл был главой клана, члены которого чаще всего были свободными землевладельцами, и в этом смысле он действительно мог оказывать некоторое влияние на определённой территории. Но ярлы не были феодалами в привычном понимании этого слова.

Так что в каждом городе на острове были такие вот дома, которые служили для сбора окрестных ярлов и их приближённых. Именно таким образом обычно и решались вопросы на Баркхатти – совместными договорённостями глав местных кланов.

Шерварду никогда прежде не доводилось бывать внутри, ведь ещё совсем недавно он был простым охотником, не но-

сящим наруч. Да и далеко не всякий дружинник мог похвастать тем, что его приглашали на сход ярлов. Так что юному воину был вполне простителен тот самодовольный вид, с каким он шагнул в ворота, ведь в данный момент его буквально распирало от гордости.

В огромном зале, освещённом несколькими жаровнями и солнечным светом, льющимся через большие волоковые окна, оказалось не так уж много людей – всего около трёх-четырёх десятков, так что появление Шерварда не могло остаться незамеченным. Войдя, он, склонив голову, дважды ударил себя в грудь кулаком правой руки, облачённой в наруч. Это было стандартное приветствие на островах в случае, когда не было возможности поприветствовать каждого присутствующего.

Привыкнув к полумраку, он тут же увидел Желтопуза и ещё нескольких знакомых людей. Здесь, к сожалению, не было ни Лебланда, ни Тибьена, но он заметил Диона по правую руку от ярла. Желтопуз, едва завидев Шерварда, махнул ему рукой, призывая подойти. Тот не заставил себя просить дважды, подошёл и сердечно поздоровался с ярлом и его окружением.

Интересно, что Желтопуз и двое-трое из его приближённых были здесь, пожалуй, самыми молодыми, по крайней мере, до тех пор, пока не вошёл Шервард. Большинство других воинов были заметно старше.

– Ты как раз вовремя, брат! – после всех приветствий воз-

вестил ярл. – Враноок скоро будет здесь. Почти все уже собрались. Вон ярл Одноухий, а вон там – ярл Ветрогон. Я познакомлю вас позже. Ждём ещё ярла Зубоскала – говорят, он уже в Реввиале и вот-вот прибудет. Только Вёслобородый отказался от встречи... – Желтопуз язвительно скривил губы. – Он, видите ли, не желает видеться с выскочками вроде Враноока...

Шервард невольно смутился. Вёслобородый был ярлом его клана, и сейчас он словно бросал тень на всех Гриммандов. Не случайно люди вроде самого Шерварда или того же Тибьена, несмотря на принадлежность к клану, пошли под начало Желтопуза. На островах подобное не запрещалось, хотя, разумеется, юноше было бы куда приятнее служить под началом своего ярла и в окружении людей из его клана.

– Тебе нужно будет выступить, – предупредил между тем Желтопуз. – Тавер – одно из ключевых мест для нашего дела, и Враноок наверняка пожелает из первых уст узнать, как там обстоят дела, тем более, что они гораздо лучше, чем мы ожидали.

– Но... – опешил Шервард, который не предполагал подобного поворота. – Я не смогу... Может быть, будет лучше, если ты всё расскажешь с моих слов?..

– Одна бабка сказала твоей тётке, чтобы та передала моей мамке... – передразнивая, рассмеялся Желтопуз. – К чему такие сложности, когда есть ты? И язык у тебя подвешен получше моего! Не робей, брат! Если ты ещё не заметил –

теперь ты стал весьма важной птицей!

Это, разумеется, было приятно, но всё же Шервард очень распереживался. Настолько, что ему даже захотелось отлить. Но он не успел – внезапно усилился гул голосов снаружи, а затем в зал вошёл Враноок. Он шёл в сопровождении не только своих людей, но и рука об руку с ярлом Зубоскалом и его свитой, однако же Шервард, никогда прежде не видевший этого человека, безошибочно мог отличить его ото всех остальных.

Ярла Враноока (или конунга Враноока, как он предпочитал именовать себя сам, и как его именovalo большинство жителей Баркхатти) боги явно изначально задумывали как великого вождя. И Отец, и Воин наделили его щедрыми горстями всеми теми качествами, какие только ожидаешь встретить в предводителе воинственного народа.

Келлийский архипелаг вообще славился высокими и крепкими людьми. Тот же Шервард, будучи вполне заурядным по меркам Баркхатти, в Тавере, как мы помним, поначалу произвёл настоящий фурор, и первоначальные слухи говорили о том, что он – настоящий великан. Впрочем, разумеется, никаким великаном он не был, однако же на большинство своих шеварских знакомых он обычно глядел чуть сверху вниз.

Враноок же выглядел великаном даже среди келлийцев. Насколько Шервард мог оценить, тот был на две головы выше него самого и настолько широк в плечах, что, будь на нём

меховой плащ, он скорее сошёл бы за горного медведя, нежели за человека. Несколько нетипичные для островитянина иссиня-чёрные волосы, перехваченные в простой хвост, и такие же глубокие чёрные глаза, за которые он и получил своё прозвище. Многих пугали эти глаза – ходили слухи, что Враноок был ещё и колдуном.

Голос его гремел, словно раскаты грома. Шервард ни на секунду не сомневался, что конунг способен без особенного труда перекрыть гул голосов в зале. В общем, в этом человеке было величественно всё. Он буквально источал власть, и, наверное, было трудно устоять перед желанием служить ему до конца своих дней. Во всяком случае, Шервард почувствовал, как встрепенулось в восторге его сердце. Похоже, он уже готов был отдать жизнь за конунга Враноока.

Первое, что сделал конунг – он прошёл вдоль всей залы, чтобы лично позжать руку каждому присутствующему, невзирая на то, был ли тот ярлом, или простым дружинником вроде Шерварда. Когда эта громадная фигура нависла над юношей, тот едва не упал на землю от избытка чувств. Рукопожатие Враноока было крепким, словно волчий капкан. При этом он взглянул прямо в глаза Шерварду и произнёс несколько приветственных слов, однако тот, похоже, не понял ни одного из них. Впрочем, он сумел пролепетать что-то в ответ, а через мгновение великан-конунг уже перешёл к следующему воину.

Трудно сказать, сколько в этом было позёрства, или же

подобное было обычным делом для Враноока, но Шервард был покорён. Он всё ещё ощущал, будто бы его рука до сих пор стиснута в безразмерной лапище вождя, похожего на сошедшего с Дальних небес³² Воина.

Лишь поздоровавшись со всеми, Враноок занял почётное место во главе выставленных в два ряда столов. Вообще обычно столы выстраивали так, чтобы никто из сидящих не мог претендовать на первенство над прочими, однако сегодня для самопровозглашённого конунга сделали исключение. Это уже демонстрировало лояльность местных ярлов и их признание Враноока, если не считать ярла Вёслобородого, который, как мы знаем, не соблаговолил почтить это собрание своим присутствием.

Однако же, куда красноречивее этого почётного места было то внимание, то почтение, с каким присутствующие слушали речь конунга. Эти люди, не привыкшие к сантиментам и обычно не признающие авторитетов выше себя, сейчас были похожи на волхвов, внимающих гласу своего божества.

Впрочем, даже если бы в зале сейчас стоял обычный гомон, Враноок, без сомнения, легко перекрыл бы его своим низким, рокочущим голосом, как шум прибоя в бурю легко подавляет любые другие звуки. Конунг начал с того, что по-

³² Дальние небеса – в мифологии келлийцев – обиталище богов. В отличие от ближних небес, Дальние небеса сокрыты от глаз смертных, и попасть туда можно либо только после смерти (мир мёртвых, или Долины мёртвых, как их ещё называют, также лежат в пределах Дальних небес), либо по особой воле самих богов, что удавалось единицам легендарных героев келлийских саг.

благодарил всех присутствующих за оказанное доверие, причём говорил он не о признании его верховным ярлом, а о поддержке его идеи великого похода против империи. И, не тратя времени даром, он сразу же стал рассказывать о том, каких успехов ему удалось достичь на этом поприще за минувшие осень и зиму.

Шервард слушал, затаив дыхание, и от услышанного у него кружилась голова. Враноок сообщал, что за зиму в разных местах побережья Серого моря (причём не только на островах, но и на материке) началось строительство не десятков, но сотен боевых драккаров, каждый из которых легко понесёт до сотни воинов, не считая команды. Он заверял, что все эти корабли будут готовы к будущему лету.

Он говорил о множестве шеварцев, проживавших, а точнее – прозябавших на студёных берегах Серого моря. Шеварцев, ставших пасынками Кидуанской империи, и годами не видевшими от неё добра. Враноок убеждал, что сотни сотен жителей севера Паэтты недовольны империей и с радостью скинут это натёршее шею до крови ярмо.

Он поведал о том, что его люди добрались вдоль отрогов Анурских гор до земель, которые так малолюдны и труднопроходимы, что, будучи частью империи, они годами не видели ни одного кидуанца. Тамошние племена, живущие в суровых условиях лесов и болот, тоже не прочь повоевать, и они готовы присоединиться к войне, если им будет позволено взять богатую добычу.

Упомянул он и народы, жившие по другую сторону Анурских гор. Народы, растившие хлеб, масло и вино, чтобы затем отправить их в прожорливую Кидую, где всё это будет брошено под ноги обленившейся и развратившейся черни. И эти народы также не растеряли ещё свою гордость, и они также хотели свободы от надменной нахлебницы.

Враноок говорил неторопливо, размеренно. Совсем не так, как зачастую говорят люди, боящиеся наскучить. Он даже как будто немного тянул слова, и Шерварду это вдруг напомнило шеварский выговор – на материке тоже любили протяжные гласные и мягкие согласные, в отличие от резкого, рубленного языка Келли. В общем, конунг, похоже, был полностью уверен, что сколько бы не длилась его речь, никто из присутствующих не станет торопить или перебивать его.

Речь Враноока была подобна подступающему приливу. Неспешно и даже как будто бы незаметно она, тем не менее, неотвратимо захватывала и увлекала за собой слушателей. Она вселяла непоколебимую уверенность. В это мгновение Шервард ни на волос не сомневался в том, что у них всё получится. Он уже видел перед внутренним взором армады судов, бегущих навстречу победе. Десятки тысяч воинов сметут Кидуанскую империю, как шторм сносит растянутые на берегу для просушки сети.

Когда конунг закончил, зал огласился боевыми возгласами и грохотом кулаков по столу. Ярлы, похоже, были охвачены тем же восторгом, что и Шервард. Любой из них, ка-

жется, хоть сейчас готов был сорваться в поход.

Очевидно, что каждый из ярлов имел какие-то поручения от Враноока. Кто-то, как Желтопуз, отвечал за разведку. Другие – за постройку новых судов, или заготовку припасов, или вербовку людей. Каждый из четырёх присутствующих ярлов получил возможность высказаться, и каждый явно пытался произвести впечатление на своего вождя.

Когда очередь дошла до Желтопуза, тот без излишнего самодовольства, но всё же и не скромничая, рассказал об успехах его разведчиков, а скорее даже лазутчиков, а затем хлопнул по плечу Шерварда, предлагая ему рассказать о проделанной в Тавере работе.

Шервард был ни жив, ни мёртв. Десятки пар глаз устремились на него сейчас, а главное – эти огненные, и при этом бездонно-чёрные глаза Враноока. Не помня себя, он начал говорить, и голос его то и дело срывался. Однако же никто из присутствующих и не думал потешаться над этим. Все знали, как важен Тавер, и потому с огромным уважением и интересом слушали молодого человека, пусть даже поначалу его речь скорее напоминала лепет.

Но затем Шервард, видя, что никто и не думает смеяться над ним, понемногу освоился, ощущая одобрение, исходящее от Враноока. Собственно говоря, он в очередной раз пересказал то, что уже рассказывал по прибытии Желтопузу. Он отметил то недовольство, которое, как выяснилось, скрывалось под якобы благодушной флегматичностью мно-

гих таверцев, не забыв упомянуть про сцену с вывозом зерна.

Разумеется, его главным битком³³ был Боден. Шервард подробно объяснил, какое место в городской иерархии занимает этот торговец, и заверил присутствующих, что его авторитета вполне хватит, чтобы повлиять на настроения в Тавере. Тем самым он пообещал, что достаточное количество горожан выберут верную сторону в этой войне. В частности, они, во главе с Боденом, сумеют нейтрализовать имперский легион тем или иным способом.

Это был момент триумфа молодого лазутчика. Во время своего доклада он, не отрываясь, глядел лишь на Враноока, а тот глядел на него с торжествующим видом, да и все присутствующие вполне разделяли его чувства. Когда Шервард замолчал, давая понять, что он сказал всё, что собирался, на несколько мгновений повисла тишина.

– Молодец, воин! – наконец заговорил Враноок, вставая. – Славная работа! И ты молодец, ярл Желтопуз! Умеешь подбирать достойных людей! Тавер – ценный трофей и ценный союзник! Кто владеет Тавером – владеет Труоном! Признаюсь, хоть я всегда знал, что Воин благоволит нам, но всё же не ожидал, что настолько! Хвала!

– Хвала! Хвала! – гаркнули следом все присутствующие, бухая кулаками по столу в такт словам, так что вскоре зал

³³ Биток – так называют фишки, которыми играют в костяшки. От битка, его формы, размеров, обработки очень многое зависит в этой игре, поэтому хороший биток берегут как зеницу ока.

загремел, словно Отцова кузня.

А он, Шервард, виновник этого триумфа, стоял, упиваясь моментом и мечтая лишь о том, чтобы поскорее сослужить Вранооку новую службу, которая вызовет у конунга сходные чувства. Кажется, сейчас он, не раздумывая, бросился бы в бой против целого имперского легиона.

– Молодец, брат! – ткнул его в плечо Желтопуз, когда он наконец сел на место. – Теперь уж Враноок запомнит тебя, помяни моё слово! Ты далеко пойдёшь, коли пожелаешь!

Шервард в ответ лишь счастливо кивнул, позабыв в эту минуту и отца, и Тробба, и даже Динди.

Глава 42. Свадьба

Признаться, в глубине души Шервард рассчитывал, что после схода Враноок захочет пообщаться с ним лично, тем более, что Желтопуз почти прямо сказал ему об этом уже неоднократно. Однако же, когда все главные вопросы были решены, конунг объявил, что уже через час планирует отправиться на запад, где его также уже ожидали. Он согласился пообедать в обществе ярлов, но и только. Это был даже и не обед, а быстрый перекус, и потому он должен был пройти в узком кругу.

Тем не менее, Враноок, также как и при появлении, обошёл всех присутствующих, пожав на прощание руку каждому. Подойдя к Шерварду, он на сей раз уже улыбнулся ему, как знакомому, кивнул и пробасил:

– Хорошая работа, воин! Ты очень помог нам! Надеюсь, ты продолжишь в том же духе и дальше. Отправляйся в Тавер, как только сочтёшь нужным, и будь там, когда придёт наш флот. Ярл Желтопуз оповестит тебя заранее. Будь готов!

– Я всё сделаю, мой вождь, – горячо заверил юноша. – Тавер будет готов принять вас.

– Мы ещё увидимся, воин! – Враноок, похоже, не запомнил имени Шерварда, но он вторично пожал ему руку, и это была великая честь, которой кроме него здесь пока что не удостоился никто из присутствующих.

И всё же молодой воин чувствовал невольное разочарование, явно ожидая большего. Видя это, Желтопуз ободряюще пихнул его в плечо:

– Побудь поблизости, никуда не уходи. Может быть, после обеда у конунга останется пара минут на беседу.

Разумеется, это были всего лишь слова, и сам ярл, должно быть, прекрасно это понимал. Но Шерварду в его нынешнем состоянии хватило и этого, чтобы засветиться от счастья. Он, без сомнения, готов был просидеть у входа хоть всю ночь.

Увы, чуда не произошло. Когда Враноок в сопровождении четырёх ярлов быстрым шагом вышел из комнаты, где они обедали, он лишь дружески кивнул издали Шерварду, заметив его – и только. Они, а также люди конунга, присоединившиеся к нему, явно торопясь, направились в сторону порта. Юноша же, постояв, глядя вслед удаляющейся величественной фигуре, отправился в дом к Желтопузу, полагая дожидаться его там.

Долго ждать не пришлось. Ярл вернулся к себе и сразу же встретился с гостем.

– Враноок очень спешил, – словно оправдываясь, тут же начал он. – Он даже толком и не поел. Признаться, я думал, что он задержится в Реввиале хотя бы на пару дней... Ну ладно, в следующий раз! Как он тебе?

– Он настоящий вождь! – всё ещё излишне восторженно, кажется, отвечал Шервард. – Великий человек!

– Это так! – охотно кивнул Желтопуз. – Совсем не похож

на большинство ярлов, каких я видел! Я ведь очень сомневался прежде – нужен ли на островах единый правитель. Боялся, что мы станем слишком похожи на Кидую. Но такому конунгу я готов подчиниться без колебаний!

Шервард лишь кивнул – он боялся показаться смешным, если станет говорить то, что думает в эти мгновения.

– За обедом он упоминал о тебе и о Тавере, – продолжил ярл. – Просил не упускать ситуацию из-под контроля. Ты всё ещё собираешься отправиться туда будущей весной?

– Я готов был бы отправиться хоть завтра, – не кривя душой, ответил Шервард. – Но мне бы хотелось сперва решить вопросы здесь. Ты знаешь, что мой отец очень плох, сестра собирается выйти замуж, а на брата большой надежды у меня нет... Если в том нет особой необходимости – я бы повременил с отъездом, по крайней мере, до осени.

– Ну ты сам сказал мне, что особой надобности в твоём присутствии там нет, – понимающе кивнул Желтопуз. – И если ты по-прежнему так считаешь – пусть так и будет. Имей в виду, что если ты уедешь, я не оставлю твою семью. И на сей раз я уж не забуду! – чуть смущённо усмехнувшись, прибавил он. – Если надо, я прослежу и за отцом, и за сестрой, и за братом. У меня он не забалует...

– Не надо, – твёрдо ответил Шервард. – Я должен сделать это сам. Если отец умрёт – я хотел бы, чтобы он перед смертью знал, что я рядом.

– Как знаешь, – не стал спорить Желтопуз. – Если пере-

думаешь – дай знать, и я снаряжу драккар.

– Я понял, – кивнул Шервард, вставая. – Если понадобится – ты знаешь, где меня найти.

– Знаю. Не нужно ли тебе чего?

– Троббу нужна новая сеть, а отец просил мёда.

– Обратись к Диону, он найдёт всё, что нужно.

– Ты обещал быть на свадьбе Тибьена и Генейры, – напомнил Шервард.

– Я помню. Сообщи мне, когда она – и я буду.

Они попрощались – скорее не как ярл и его дружинник, а как два приятеля, и Шервард отправился на поиски Диона. Затем они вместе с форингом прошлись по рынку, где юноша выбрал себе всё, что нужно. Торговцы безо всяких возражений давали то, на что указывал помощник Желтопуза – в системе взаимозачётов островитян расположение ярла ценилось не меньше железа.

Пополнив запасы, Шервард сердечно попрощался с Дионом, погрузился на свою телегу и отправился домой. Ему не терпелось рассказать о своей встрече с Вранооком, быть может, даже слегка приукрасив что-то. Однако же, по мере удаления от Реввиала и приближения к Скьёвальду его воодушевление постепенно затухало, переходя едва ли не в уныние.

Шервард возвращался домой, но при этом ощущал себя так, словно отправлялся на чужбину. Сегодня он на несколько часов окунулся в настоящую жизнь, и теперь вот вновь

был вынужден вернуться к безрадостному существованию. Он чувствовал себя так, как, должно быть, чувствуют ловчие соколы, которым на мгновение дают взмыть в небо, чтобы сбить утку, а затем вновь надевают клобук на глаза и кожаную петлю на лапу.

Однако, как это обычно и бывает, домашняя рутина довольно быстро затянула молодого воина в свои объятия, тем более, что объятия эти были вполне приятными. Главной темой всех разговоров сейчас была предстоящая свадьба Генейры. Обсуждали всё подряд – от нарядов до будущего места жительства. В последнем случае, в общем-то, обсуждать было нечего – все понимали, что девушка должна будет покинуть отчий дом. Однако же отец, вероятно боявшийся перспективы остаться лишь с Троббом и его покорной женой, осторожно предлагал Тибьену поселиться в Скьёвальде.

Тот, надо сказать, похоже всерьёз раздумывал об этом. У него было четверо своих братьев, двое из которых, помимо него, также проживали в доме с родителями, и, разумеется, появление ещё одного домочадца несло определённые неудобства. Как дружинник, Тибьен мог рассчитывать на помощь ярла в постройке собственного дома, однако же, сам он, вероятно, предпочёл бы обосноваться в родном Ликвенде. И всё же мнение Генейры для него, очевидно, было очень важно, а девушка явно не хотела и боялась оставлять отца.

Впрочем, сейчас в доме Стокьяна сына-Герида не было места мрачным разговорам. Он ожил и осветился не только несколькими лампадами с топлёным жиром, но и смехом, весельем, надеждами. И Шервард радовался этому наравне со всеми. Через несколько дней после поездки в Реввиал тоска по Динди и жажда военной службы вновь отступили, уступив место более насущным вещам. И он вновь решил для себя, что останется дома хотя бы до осени. А там уж будет видно.

Как мы знаем, островитяне не особенно утруждали себя отсчётом времени по общепринятому на Паэтте календарю, так что свадьба Генейры прилась на убывающую луну конца лета. Келлийцы верили, что гулять свадьбы нужно именно на убывающую луну, потому что в это время светило отдавало миру то, что взяло для предыдущего рождения. И потому совместная жизнь молодой семьи будет полной и щедрой. Соответственно, на всём Баркхатти не нашлось бы дурня, решившего обвенчаться на росте луны, когда та, словно сказочный упырь, высасывала из поднебесного мира жизненные соки.

Сама свадьба проходила, разумеется, в Ликвенде, в доме жениха, чему Шервард, говоря откровенно, был рад. Островитяне любили подобные поводы, так что бывали случаи, когда после больших добрых свадеб приходилось заново отстраивать жилище. Тем более, что на сей раз среди гостей

обещалось быть много дружинников.

Между прочим, Желтопуз сдержал своё слово. Он прибыл точно к назначенному дню и честно отбыл на гуляниях весь день. Он был ещё совсем молод – наверное, самый молодой ярл среди всех, и оттого совсем не чужд веселья и прочих радостей жизни. Он вёл себя просто, наравне со всеми ел и пил, танцевал и приударял за молоденькими девушками. И преподнёс молодым поистине щедрый дар – четыре десятка добротных отборных брёвен из душистой ели, каждое – в обхват ребёнка. Из них можно было срубить отличный дом для новой семьи. Оставалось только лишь решить – где.

Тибьен на славу подготовился к торжеству. Не рискнув принимать такую ораву в своём доме или дворе, он с братьями построил на побережье большой навес, а под ним – длинный стол с лавками, легко вместивший бы пару сотен человек. В день свадьбы была обычная для этого времени погода – по небу носились тучи, периодически орошая навес мелким дождичком. Впрочем, никого из гостей это не волновало ни в малейшей степени. Что для них было действительно важно – так это количество мяса, хлеба, пива и браги на столах.

Надо сказать, что всего этого было в достатке. Желтопуз постарался как следует, да и Тибьен, Шервард и Тробб не сидели без дела. Вдоволь было и дичи, и свежей рыбы. Можно с уверенностью сказать, что ни один из гостей, каким бы прожорливым он ни был, не ушёл голодным. Скорее наобо-

рот – многие выходили из-за стола со стонами, держась за раздувшиеся, словно рыбы пузыри, животы.

Почётное место во главе стола, рядом с нарядной очаровательной невестой занимал Стокьян сын-Герида. Старик, которому в последнее время всё сильнее нездоровилось, тем не менее, сидел, блаженно улыбаясь. Он мало ел и ещё меньше пил, вместо этого то и дело утирая украдкой морщинистые глаза, увлажнявшиеся всякий раз, как он глядел на дочь.

С чем ещё на островах было скромнее, нежели на материке, так это с музыкой. Брутальные северяне из всех музыкальных инструментов предпочитали главным образом то, что может греметь, грохотать и стучать. Поэтому музыка их чаще всего представляет довольно незамысловатые ритмические рисунки, которые можно выстучать буквально подручными средствами – например, кулаками по столу. Ничего сложного быть не должно – простые удары, похожие на удары разгорячившегося сердца, чтобы задать нужный ритм, и шумовое сопровождение, желательно, не выбивающееся из этого ритма.

Кроме ударных инструментов всех мастей, келлийцы чаще всего пользовались небольшими рожками. Некоторые умельцы связывали вместе несколько рожков, и тогда получался настоящий музыкальный инструмент, на котором можно было наигрывать простые и суровые, как местный пейзаж, мелодии. Для басов же использовались большие рога, которые при должном умении могли породить такие

низкие звуки, что всё тело начинало вибрировать.

Вот так шумно и весело проходила свадьба. Келлийцы, в отличие от жителей материка, не особенно развивали обрядовую составляющую своей религии, и потому их брачный ритуал был довольно быстрым и простым. Жениха и невесту привязывали друг к другу спина к спине, а затем жрица Великой Матери под обрядовые песнопения то окуривала их дымом, то обливала солёной морской водой, то швыряла в них горсти земли (а сегодня, из-за то и дело накрапывающего дождя, скорее – грязи), а в конце даже легонько била молодых топором: невесту – обухом, а жениха – лезвием.

После этого дело считалось сделанным и вопрос с богами – улаженным. А значит, что весь остаток дня до глубокой ночи был уже в распоряжении людей. Если же жених был человеком небедным и славным (например, был дружинником, как Тибьен), то свадьбы обычно продолжались и на следующий день. Шервард слышал, что когда ярл Вёслобородый женился, свадьба гуляла целых пять дней без перерыва. Тибьен пока что не был ярлом, и потому перещеголять Вёслобородого не мог, но все гости отлично знали, что сегодня им можно не расходиться, ибо завтра их ждёт ещё один день веселья.

Увы, некоторым было даже чересчур весело. Тробб не смог побороть искушение и напился так, как не напивался, быть может, никогда. Правда, на сей раз он пил не от чёрной горечи, а от радости, и потому, даже в таком состоянии, он

не сделался агрессивным и мрачным, но от этого не перестал быть невыносимым. Он приставал к гостям, даже к тем, кого видел в первый раз в жизни, предлагая пить за здоровье его сестрёнки или за его знаменитого брата. Он распугивал девушек, раздражал женщин и заставлял мужчин хмуриться. По счастью, покуда ещё обходилось без драки, но Шервард не надеялся, что так будет и впредь.

И точно – на какое-то время потеряв непутёвого брата из виду, он вдруг увидел его, уже порядком помятого. Под носом у того запеклась кровь, рукав рубахи был разорван и также в крови. Впрочем, с Троббом, кажется, было всё в порядке, и он, как ни в чём не бывало, цеплялся к какой-то молодой женщине, которая, тревожно посмеиваясь, отталкивала его. Похоже, вскоре братцу вновь достанется, судя по тому, как стискивал зубы мужчина, сидевший рядом. Шервард не собирался вмешиваться – пусть Тробб получит сполна всё, что заслужит. Хотя, говоря откровенно, вряд ли это послужит ему добрым уроком.

Кого юноше было искренне жаль, так это Лийзу. Было видно, как она переживает, как стыдится за мужа. Похоже, она с радостью провалилась бы сейчас сквозь землю. Увы, но Генейра сейчас была слишком занята собой, чтобы подбодрить сноху.

К счастью, Тробб наконец исчез. Должно быть, ноги всё же перестали носить его, и он валялся сейчас где-нибудь под одной из лавок. Оно и к лучшему – так он явно будет целее.

Комары вряд ли выпьют из него столько крови, сколько он мог потерять, продолжая досаждать гостям.

И вообще, Шервард старался больше обращать внимание на сестру. Генейра выглядела бесконечно счастливой, равно как и Тибьен. Сейчас они сидели рядышком, и голова девушки мирно покоилась на плече теперь уже мужа. Они оба излучали такое счастье и такую любовь, что отец в очередной раз не мог сдержать слёз.

Отец Тибьена, пожилой, но крепкий мужик, нагнулся и стал что-то говорить своему свояку. Шум стоял такой, что Шервард не расслышал ни слова, но Стокьян сын-Герида рассмеялся сквозь слёзы и благодарно закивал.

Да, это был отличный день, несмотря даже на морозящий дождь и ветер, то и дело набегавший с моря. Его не смог испортить ни Тробб, ни несколько других перепивших смутьянов. Даже когда Шервард услышал шум и грохот, и увидел, что из-за внезапно вспыхнувшей драки один из гостей повалился прямо на стол, его настроение нисколько не испортилось. Ему было хорошо и, пожалуй, лишь прижавшейся к нему Динди да возящейся на его коленях Риззель не хватало сейчас, чтобы он почувствовал себя счастливейшим из людей.

Когда совсем стемнело, наиболее стойкие из гостей наконец стали расходиться. Специально нанятые женщины бросились убирать со столов – к завтрашнему дню их нужно было вновь заставить яствами. Кто-то из гостей расселился по

деревенским домам, в основном – женщины, тогда как многие мужчины расположились в сенниках, сараях, а то и просто на земле у костров, хотя, конечно, конец лета на Баркхатти не слишком-то располагал к подобным ночёвкам.

Молодые отправились в дом жениха, который сегодня целиком был в их распоряжении. Старики перешучивались, что обязательно навещают молодых этой ночью, и не один раз. Действительно, на свадьбах любили рассказывать байки о древнем обычае, когда родственники и друзья молодожёнов по нескольку раз за ночь могли вваливаться в дом, чтобы лично убедиться, что те заняты положенными им делами, а не отсыпаются после тяжёлого дня.

Такие же шутки слышал и Шервард в день их свадьбы с Лойей, и он помнил, как краснели в эти мгновения её щёчки. Впрочем, к ним тогда так никто и не пришёл, так что большую часть ночи они преспокойно проспали. Никто не вламывался и к брачному ложу Тробба, да и ничего подобного не случилось во время тех нескольких свадеб, на которых он уже успел побывать. Так что Шервард был уверен, что Гейейра и Тибьен также смогут отдохнуть, но, разумеется, лишь после того, как насытятся друг другом. Хотя после такого тяжёлого дня у них вряд ли будет много сил для этого...

Сам он решил переночевать дома, благо Скъёвальд был совсем неподалёку. Даже захмелевший, Шервард добрался домой за каких-нибудь четверть часа. Отец, разумеется, остался в Ликвенде – родственники жениха нашли для него

место. Где был Тробб – одному Дураку ведомо, ну а Лийза осталась помогать убирать со столов и мыть посуду. Так что дома он был совершенно один – чуть ли не впервые в своей жизни.

Тело приятно гудело от усталости и выпитой браги. Не раздеваясь, Шервард рухнул на свою лежанку и какое-то время лежал, уставившись в черноту ночи немигающим взглядом. Мысли кружились в голове, не собираясь в стройную картинку. Он думал сразу обо всём – о Генейре, о Динди, о Вранооке, об отце, Троббе, Желтопузе... Даже о ярле Вёслобородом. Вспоминалась ему и Лойя, а также их первая брачная ночь.

Засыпал Шервард с мыслью о том, что он, кажется, понял нечто необычайно важное для себя. Что-то, что должно было изменить всю его жизнь. Впрочем, через минуту он уже тяжело храпел. Наутро он, как ни старался, всё никак не мог вспомнить – что же такого важного он открыл для себя ночью. Но долго ломать немного гудящую голову было некогда – нужно было возвращаться к свадебному пиршеству.

Глава 43. Поход

Увы, отцу становилось всё хуже. Он долго крепился, не подавал виду, но Шервард видел, что старик слабел едва ли не с каждым днём. Словно бы, поженив и выдав замуж всех своих детей, он решил, что исполнил свой путь на земле, и теперь ему незачем обременять близких своим существованием.

Возможно, отчасти причиной тому было огорчение оттого, что Тибьен всё же решил обосноваться в Ликвенде. Он с братьями уже рубил себе дом из брёвен, подаренных Желтопузом. Да, Ликвенд, вроде бы, был совсем неподалёку от Скъёвальда, но старый Стокьян прекрасно знал, что Генеяра вскоре погрузится в череду домашних забот, а значит нечасто найдёт время, чтобы навестить отца. И после того, как уедет Шервард, он останется наедине с Троббом...

И вот вскоре после свадьбы отца хватил новый удар. Он вновь оказался не смертелен, однако теперь Стокьян сын-Герида оказался полностью парализован. Отныне он не мог даже удерживать своё тело в сидячем положении и, главное, не мог пошевелить руками. При этом старик, хоть и медленно и невнятно, но мог что-то говорить, и было видно, что он находится в сознании.

Для Шерварда стало совершенно ясно, что отец, скорее всего, долго не проживёт, и что до тех пор с отъездом в Ше-

вар придётся повременить. Конечно, он испытал разочарование, но всё же это было ничто в сравнении с горем при виде такой беспомощности отца. Он понимал, насколько страдает сейчас старик, и пытался не усугублять его страдания, выказывая собственные чувства.

Генейра старалась прибегать домой каждый день, и Ти-бьен, нужно отдать ему должное, с большим пониманием относился к этому. Он и сам иной раз наведывался, хотя сейчас был занят строительством. Лийза окружила свёкра горячей заботой, превратившись едва ли не в сиделку. Она словно компенсировала тот негатив, что привносил в жизнь отца Тробб.

Впрочем, нужно отдать ему должное, после того, как он как следует проспался, старший брат вновь клятвенно заверил, что подобного больше не повторится. И начал он с того, что даже не появился на второй день свадьбы, то ли стыдясь своего поведения, то ли не доверяя самому себе. Наверное, это был своеобразный свадебный подарок, который он решил сделать сестре.

И сейчас он, насколько это возможно, безропотно принимал участие в уходе за отцом. Конечно, несдержанный и грубый характер иной раз брал верх, но теперь всё ограничивалось лишь неволью сорвавшимся богохульством и вечно кислой миной. Однако же он, как мог, пытался держать себя в руках, и худо-бедно это у него всё же получалось.

Что касается Шерварда, то он тоже старался больше вре-

мении проводить со стариком. Он сидел рядом и говорил обо всём на свете, а отец иной раз бормотал что-то в ответ своим слабым невнятным голосом. Рассказал Шервард и о Динди, хотя, как и в случае с Троббом, обошёл вниманием некоторые подробности. Ему хотелось, чтобы отец лишний раз порадовался, и было видно, что тому действительно доставляют удовольствие эти рассказы. Его явно грела надежда, что сын однажды вновь женится и обретёт наконец семейное счастье.

Время от времени юноша навещался в Реввиал за продуктами или иными товарами. Он обязательно заходил тогда к Желтопузу. Ярл уже знал о состоянии отца Шерварда, и, похоже, смирился с тем, что его шпион может оказаться в Тавере не раньше весны. Разумеется, он предпочёл бы, чтобы Шервард отправился туда как можно скорее, но, надо отдать ему должное, не выказывал никакого нетерпения.

Как-то Шервард предложил было отправить кого-то другого вместо него, хотя предложение это было сделано с тяжёлым сердцем. Однако, к счастью, Желтопуз и слышать ничего не хотел. Любой другой северянин мог лишь испортить то, чего удалось добиться Шерварду. Неизвестно, насколько охотно стал бы вести с ним дела тот же Боден. Не говоря уж о том, что зачастившие вдруг келлийские «купцы», которые в итоге толком ничего не покупали и не продавали, могли вызвать вполне закономерное подозрение у властей.

Тем временем и без того не слишком долгое келлийское

лето подошло к концу. Снова начались шторма, резко и без предупреждения похолодало. Дожди, словно серый мох, покрыли остров, и жители Баркхатти по опыту знали, что такая непогода могла держаться здесь неделями. Далеко на севере просыпался уже страшный великан Тайтан, а это значило, что до зимы осталось совсем чуть-чуть.

В последнее время у Шерварда появилась странная привычка, которой за ним прежде не водилось всю его жизнь. Он стал то и дело выходить на берег Серого моря и подолгу смотреть вдаль, в обложенный тучами горизонт. Там, в нескольких днях пути при попутном ветре, лежал невидимый отсюда Шевар и город Тавер. И там сейчас были три души, которые – Шервард это точно знал – ждали его возвращения.

Отец умер глубокой осенью. Давно уже был убран урожай, давно уже рыбная ловля из ежедневной рутины превратилась в дело случая. Немногочисленные лиственные деревья уже давно сбросили последние остатки листьев, а ели и сосны будто потемнели, насупившись в ожидании зимы.

Шерварду пришлось использовать довольно большой запас заготовленных для жилища дров, потому что зажечь погребальный костёр деревом, собранным в лесу, сейчас было бы невозможно. Он не опасался остаться без топлива – всегда можно наколоть ещё дров, благо, вокруг были хвойные

леса, богатые смолистой древесиной. Кроме того, в любой момент можно было обратиться к Желтопузу.

Впрочем, сейчас это не особенно беспокоило юношу. Он стоял неподалёку гудящего на пронзительном ветре костра и прислушивался к своим ощущениям. На сей раз всё было совсем не так, как год назад, когда он прощался с Лойей и ребёнком. Сейчас разум был при нём, и сохранял полнейшую ясность и даже некоторую отстранённость.

Шервард ловил себя на том, что кроме вполне объяснимой печали он, к своему стыду, чувствует и некое облегчение. Смерть отца означала, что многим тяжёлым и неприятным рутинным обязанностям пришёл конец. Что через какое-то время их хижина очистится от тяжкого смрада, царившего в ней в последнее время. Что наконец-то сможет выдохнуть Лийза, которая самоотверженно приняла на себя основную часть этих забот. Что бедняжке Генейре не придётся больше бежать под проливным дождём, чтобы ненадолго навестить отца...

Была печаль, но той губительной тоски, что глодала его после смерти жены и дочери, Шервард не испытывал. Стокьян сын-Герида прожил хорошую жизнь, и у него, в отличие от его супруги, была возможность с удовлетворением убедиться, что всё было сделано правильно. Он весьма удачно выдал замуж младшую дочь, а его сын сделался не последним из дружинников, водящим дружбу с ярлом. Он умер в своей постели, окружённый родными. Если бы не длитель-

ная болезнь, это можно было бы назвать доброй смертью.

А может, именно потому его смерть и была доброй. Прокказник Шут ли для забавы насылает людям немощи, или же Отец даёт их в качестве испытаний – не имеет значения. Главное, что милосердная и сострадающая Мать рано или поздно даёт избавление от любых страданий. И Стокьян сын-Герида получил своё избавление. Теперь он в Долинах мёртвых уже обнимает свою жену и, быть может, держит на коленях свою первую внучку – единственную, которую ему удалось повидать при жизни.

И Шервард чувствовал, что все остальные, кто стоял сейчас неподалёку от погребального костра, думают примерно также. Отец медленно и тяжело угасал, так что к его смерти все привыкли ещё заранее. Конечно, Генеира, да и Лийза, не переставая, плакали, но всё же временами казалось, что слёзы эти – скорее ритуал. Или же в них мог быть ещё и стыд. Лийзе приходилось очень тяжело в последнее время, и она могла испытывать нечто вроде облегчения от того, что всё наконец закончилось. И это чувство облегчения могло порождать стыд и раскаяние.

Они как раз успели – на догоравшие головни с потемневшего неба обрушился дождь, как будто Хозяин, видя, что дело сделано, дозволил наконец Матери пролить свои скорбные слёзы. Осиротевшие домочадцы вернулись в дом, чтобы справить небольшую тризну по покойному. Были, главным образом, лишь свои, и эти скорбные посиделки постепенно

переросли в нечто вроде уборки.

Осушившие слёзы женщины вытащили наконец тюфяк отца во двор и принялись вымывать лежанку. Тробб, несмотря на дождь, вышел, а затем вернулся с двумя кожаными ведрами тёмного прибрежного песка, которым посыпали пол. Затем постелили свежие еловые ветки, чтобы хвойный аромат заглушил тяжёлый запах. Всё это не было чем-то неуважительным по отношению к памяти Стокьяна сына-Герида. Это была нормальная жизнь и её вечное торжество над смертью.

Теперь в доме осталось всего трое обитателей, и он вдруг стал казаться необычно большим и просторным, хотя, разумеется, на деле это была обычная хижина, ничем не отличающаяся от прочих. Шервард опять задумался о возможном отъезде в Тавер. Теперь, после смерти отца, единственным препятствием становилась погода. Впрочем, ещё, пожалуй, можно было бы улучшить просвет в осенних штормах и, пусть и с риском, отправиться за море.

Однако юноша поборол это искушение. Во-первых, он чувствовал, что не может оставить сейчас родных – им всем, а в особенности Лийзе и Генейре, будет нужна его поддержка. А во-вторых, он понимал, что ради своей прихоти может поставить под удар не только собственную жизнь, но и жизнь полутора десятка людей, которые должны будут доставить его в Шевар, а затем ещё каким-то образом вернуться обратно. Какими бы умелыми ни были мореходы Баркхатти, но

Серое море сейчас было слишком опасным противником.

Отправляться в путь зимой, по льду, также было сродни самоубийству. Такие герои бывали, во всяком случае, на островах ходило какое-то количество баек об их переходах на оленьих или собачьих упряжках, однако же сам Шервард лично не был знаком ни с одним из них. Больше того – он не был знаком ни с кем, кто знал бы лично хоть одного такого смельчака. Потому что зимой Серое море было ещё убийственнее, чем в любое другое время года. Невыносимые ветра, бураны, длящиеся многие дни подряд, когда день становился похож на ночь, ледяные торосы, трещины...

Таким образом, Шервард постепенно приучал себя к мысли, что ему придётся зимовать на Баркхатти. Однако, когда наступит весна, у него не останется ни одной веской причины оставаться здесь. Увы, зима ещё даже не наступила, а юноша уже страстно желал её завершения. Однако зимы на архипелаге были длинными и суровыми, и к этому нужно было готовиться...

Какой бы долгой не была зима, однажды она всё же закончилась. Если читатель представлял себе, что эту зиму Шервард провёл, словно волк, посаженный на цепь, то придётся его разочаровать. Жизнь на островах никогда не бывала достаточно праздною, чтобы много времени проводить, тоскуя о далёких землях и их юных обительницах. Каждая зима

испытывала островитян на прочность по-своему, но никогда эти испытания не были лёгкими.

Разумеется, для дружинника, коим теперь являлся Шервард, многие насущные вопросы становились значительно более простыми. Даже если бы он перестал ходить в лес на охоту, а их небольшие земельные наделы совсем не уродили бы зерна – ярл Желтопуз не дал бы ему пропасть. В общем-то, юноша мог бы и вовсе ничего не делать, кроме как раза два в течение одной луны приезжать в Реввиал и нагружать повозку всем необходимым.

Но Шервард не желал быть нахлебником. Он нередко пользовался своим правом, и не видел в этом ничего зазорного, но при этом он, как ему казалось, достаточно ясно чувствовал границу, которую не стоило переступать. В дружине бывали и такие воины, кто злоупотреблял своим положением, но, как правило, долго они не задерживались. Людей такого сорта не любили на Баркхатти, да и на материке они вряд ли многим пришлись бы по нраву.

В общем, эту зиму Шервард провёл так же, как и все прочие зимы до неё, за исключением прошлой. Он следил, чтобы в доме всегда были вода и огонь, чтобы были расчищены от снега дорожки. Время от времени он, надевая приобретенные в Реввиале новенькие снежокаты, отправлялся в окрестные леса на поиски молодого кабанчика или куропаток. Кстати, не брезговал он теперь и зайцем, узнав от мэтра Хеймеля изумительный рецепт тушёной в пиве зайчатинки.

Долгая болезнь отца была словно хворью всего этого дома, и теперь, когда его не стало, их домашний очаг как будто начал выздоравливать. Тробб действительно пил значительно меньше и реже, да и характер его стал не такой сварливый и колкий. Старший брат, похоже, действительно вымотался, ведь какое-то время ему в одиночку приходилось тянуть на себе всё семейство. И теперь они втроём жили вполне ладно, так что даже вечно печальная Лийза теперь улыбалась гораздо чаще.

И всё же все, разумеется, с огромной радостью встретили наступающую весну, и особенно счастлив был Шервард. Он вновь возобновил оставленные зимой прогулки к побережью, где наблюдал, как постепенно бурет и трескается лёд, как он однажды вскрылся, не в силах больше сдерживать мощь морских волн, и как со временем серовато-зелёная поверхность моря совсем очистилась от плавучих льдин.

Время подходило, и Шервард едва находил в себе силы сдержаться, чтобы прямо сейчас не броситься в Реввиал напрямик по каменистому пляжу. Как хороший хозяин, он то и дело окидывал хату пристальным взглядом, чтобы заметить то, что ещё нуждается в его заботе, прежде чем он покинет дом. Почему-то временами у юноши возникало предчувствие, что он больше уже никогда не вернётся сюда.

В один из дней Шервард проснулся с ощущением того,

что ему пора. Ещё вчера, ложась спать, он не был уверен в этом твёрдо, полагая, что, быть может, ему стоит повременить несколько недель, но сейчас это осознание буквально выбросило его из постели.

Собственно говоря, ничего особенного дома его уже не держало. Он был уверен, что Тробб и Лийза неплохо справятся и без него. Также он был вполне спокоен за Генеюру, которая уже носила под сердцем дитя. Быть может, Тибьен, который, без сомнения, примет участие в грядущем походе, даже успеет увидеть рождение ребёнка прежде, чем отбудет на одном из драккаров Враноока на юг. Шервард изо всех сил желал ему этого.

В общем, у него не было причин оставаться. Он немало шокировал Лийзу, сообщив, что уезжает. Она, очевидно, всё ещё считая юношу важным фундаментом их нынешнего благополучия, не сумела сдержать слёз. Особенно она переживала из-за того, что Шервард собрался уехать, не попрощавшись с братом – Тробб, естественно, уже был в море и, скорее всего, вернулся бы уже лишь ближе к вечеру.

– Останься до завтра, – едва ли не умоляла Лийза засобиравшегося вдруг Шерварда. – Дождись Тробба, попрощайся с ним по-человечески. А завтра отправишься в путь.

Шервард почему-то чувствовал, что должен отправиться прямо сейчас. Он не понимал, откуда взялось это внезапное чувство, но оно неумолимо тянуло его в Реввиал. Однако же, отчаяние невестки было столь велико, что он не сумел про-

тивиться ему. Он ощущал бы себя настоящей скотиной, покинь он дом сейчас, вопреки её мольбам и слезам. Да и с Троббом, действительно, вышло бы неудобно. В последнее время они неплохо ладили, и, говоря по совести, брат не заслужил такого отношения.

Тяжело вздохнув, Шервард внял горячим просьбам Лийзы. Пообещав, что обязательно дождётся старшего брата, он направился в Ликвенд, чтобы повидаться с Генеярой. Он в любом случае планировал забежать к ней, понимая, что сестрёнка не простит ему, если он уедет без предупреждения. Теперь же у него появилась возможность провести с ней почти весь день.

Он вернулся уже вечером, когда Тробб был дома. Брат уже знал от Лийзы о том, что Шервард уезжает. Разумеется, он был куда более сдержан. Шерварда вёл путь Воина, и ни один мужчина на Баркхатти не издал бы ни звука, чтобы помешать этому благородному стремлению. Сам же Тробб, вроде бы, более или менее примирился с самим собой, и уже не переживал так остро то, что на его предплечье теперь не было наруча.

Они просидели за столом почти полночь, и наутро поднялись вместе. Тробб, как обычно, отправлялся на лов, тогда как Шервард, не тратя много времени на прощания и сборы, зашагал в сторону Реввиала. Его личный поход, похоже, уже начался.

Глава 44. Долгожданная встреча

Сердце Шерварда радостно сжалось при виде знакомых очертаний Тавера. На Баркхатти такого вида не встретишь, хоть обойди его весь целиком. Эти высокие дома с крышами, покрытыми керамической черепицей, эти основательные каменные стены с зубцами для защиты лучников, это многолюдье на улицах были так не похожи на островную жизнь! И Шервард с удивлением осознал, что сейчас он чувствует себя так, словно возвращается с чужбины в родные края, а не наоборот.

Едва лишь борт драккара стукнулся о деревянный причал, юноша нетерпеливо прыгнул на пирс, не дожидаясь, покуда выбросят трап. Мир был залит тёплым ласковым солнцем, словно Тавер тоже радовался приезду молодого северянина. Тело его было переполнено энергией. Шервард помог закрепить трап, затем быстро взлетел по нему на палубу, но лишь для того, чтобы подхватить мешок с вещами.

Кормчий драккара не захотел оставаться в Тавере – большинству северян было неуютно в городе, словно это был другой мир. Шервард понимал их, но он не мог понять того испуганного отторжения, что испытывали многие из его сородичей к имперскому образу жизни. Эти люди так яростно цеплялись за прошлое, что не видели очевидных преимуществ будущего, которое для Шерварда олицетворялось

именно этим вот видом шеварского города.

Да, разговаривая с некоторыми дружинниками за минувшее время, юноша понял одно важное отличие между ним и людьми, подобными кормчему. Он видел цель грядущего похода Враноока в том, чтобы, условно говоря, принести Шевар на Баркхатти, тогда как они, похоже, наоборот, надеялись насадить Баркхатти на территории всей Кидуанской империи.

Впрочем, он довольно быстро позабыл и о хмуром кормчем, и о оставшемся далеко позади Келлийском архипелаге. Пружинистой походкой счастливого человека он шёл знакомыми дорогами к той самой гостинице, в которой жил прошлой зимой. По пути ему то и дело попадались знакомые лица, пусть он и не помнил, или же вовсе не знал их имён, и ему было особенно приятно видеть приветственные улыбки на их лицах, слышать дружелюбные окрики. И он отвечал тем же.

Оказалось, правда, что за целый год отсутствия он порядком подзабыл имперский, а гортань, щёки и язык, как и год назад, возопили от непривычного напряжения, но Шервард не отчаивался. Он знал, что через несколько дней вновь будет уверенно, пусть и не совсем правильно, говорить на этом языке.

Заселившись в гостиницу, где его, разумеется, сразу узнали и очень обрадовались, юноша, конечно же, поспешил в таверну мэтра Хеймеля. Старый добряк был так счастлив по-

явлению былого завсегда, что настоял на том, чтобы заказанный обед был за счёт заведения. Разумеется, Шервард и не думал отнекиваться.

Первым делом он спросил о Бруматте и Динди.

– Как же, захаживают, не забывают старика, – тепло усмехнулся трактирщик. – Не так часто, как бывало, конечно... Точно уж не упомяну – где-то с неделю тому назад были здесь, или чуть больше. Думаю, в ближайшие дни обязательно наведаются. Господин Хэддас регулярно в городе по делам имения бывает.

– Ну а вы как здесь живёте сейчас? – всё-таки Шервард подрастерял разговорный навык, и строил предложения не совсем правильно.

Однако мэтр Хеймель его прекрасно понимал. Вручив на время бразды правления жене, он охотно составил компанию обаятельному северянину. Они просидели вместе едва ли не целый час, пока трактирщик лавиной заваливал собеседника мелкими, ничего не значащими новостями. Впрочем, Шерварду было действительно интересно – он наслаждался этой беседой. И всё же время от времени он ненароком бросал взгляд на входную дверь, словно надеясь, что Бруматт, повинувшись какому-то чутью, именно сегодня решит навеститься в Тавер.

Однако он съел обильный обед (Великая Мать, как же он соскучился по вкусу этих блюд!), а Бруматт и Динди всё-таки не явились. Мэтр Хеймель в конце концов вернулся к сво-

им делам, а Шервард, поболтав со знакомыми посетителями ещё часик или два, отправился в город. Первым делом, разумеется, он наведалься на рыночную площадь, где получил щедрую порцию восторженных приветствий и ласк от местных торговков. Но и здесь брата и сестру Хэддасов никто не видел больше недели.

В конце концов Шервард вернулся в гостиницу. По крайней мере, теперь, едва лишь Бруматт покажется в городе, то наверняка услышит о возвращении северянина от сотни разных людей. А это значит, что они с Динди сами придут к нему. Поскорее бы...

Новости разносились по городу со скоростью осеннего шторма. Уже на следующий день Шервард встретил неподалёку от рыночной площади Бодена – тот как будто совершенно случайно оказался здесь. Они поздоровались, особенно не таясь. Боден и не думал делать секрета из своей дружбы с северянином. Впрочем, в тот момент они лишь перекинулись несколькими обычными для такого случая фразами.

Главный разговор состоялся позже – в таверне мэтра Хеймеля. Они встретились ближе к вечеру, когда в харчевне было полно народу и гул голосов служил лучшими стенами для заговорщиков. Они выбрали укромный уголок, где могли говорить, не опасаясь нескромных ушей.

– У вас там всё в силе? – первое, о чём спросил Боден.

– У нас – да. А что у вас?

– Я обещал, что всё будет как надо, – напомнил Боден. – Всё так и есть. Когда вы начнёте, здесь будет, кому подхватить. Когда?

– Я ещё не знаю сам, – смутился Шервард. – Летом.

– Лето большое, – чуть поморщился торговец. – Хотелось бы больше подробностей.

– Я говорил с Вранооком. Он сказал – летом.

– Подготовка уже началась?

– Она началась ещё две зимы назад.

– Я не о том, – с явным раздражением буркнул Боден, но даже теперь он контролировал себя полностью и не повысил голос. – Собираются ли уже войска? Я не знаю, как это там у вас делается... Ну, ты видел – велика ли армия?

– Я не видел, – не стал врать Шервард. – Но Враноок сказал, что будет много-много тысяч людей. Келлийцы, шеварцы, люди Загорья. За эту зиму построены сотни кораблей.

– Это хорошо, – кивнул Боден. – А что насчёт Труона?

– Что – Труон?.. – не понял юноша.

– Необходимо взять под контроль Труон.

– Я ничего не знаю об этом, – покачал головой Шервард. – Я не думаю, что Враноок хочет завоевать всю страну. Это – ваша страна, делайте с ней что хотите. Мы поможем рушить империю, но дальше вы будете решать сами.

– Тавер может в достаточной степени контролировать устье Труона, но не менее важно – кто будет владеть рекой

выше по течению.

– Разве Труон не течёт по землям Шевара? – озадаченно спросил Шервард.

– Да, но не только. Кроме того, если уж пошло такое дело, что наша добрая империя может развалиться на куски, то стоит ли обращать внимание на формальности? Зачем нам огромные королевства с зажравшимися королями? Не лучше ли устроить всё так, как на ваших островах? Нет королевств, есть свободные города и свободные люди, которые сами решают, как и где им жить. Может быть, Тавер станет как раз таким вольным городом, и – отчего бы и нет! – подберёт под себя весь нижний Труон!

– Это ваше дело, – повторил Шервард. – Но мне хочется сказать тебе, что вы плохо цените то, что у вас уже есть. Ты не жил на островах, а я жил. И мне кажется, ты не захотел бы так жить.

– Странная речь человека, приехавшего сюда, чтобы поднять мятеж против империи, – хмыкнул Боден. – Если у нас всё так хорошо, а у вас – плохо, так какого же демона вы собираетесь всё это разрушить? И главное – для чего тогда мне способствовать этому?

– Я только хотел сказать, что нужно быть осторожным, – ответил юноша. – Если хочешь наводить порядок во дворе, не нужно начинать с того, чтобы поломать дом. Выброси мусор и старые вещи – то, что уже не служит тебе больше. А то, что служит – оставь и пользуйся дальше.

– Никто не станет ломать дом, не волнуйся. Наши цели сходятся – независимость для Палатия. Мои цели далеки от возвышенных и предельно просты, Шервард. Мне нужно жить так, как я сам хочу – торговать с теми, с кем захочу, получать справедливый барыш и не делиться им с целой толпой дармоедов в Кидуе! Как только я пойму, что никто не мешает мне жить и зарабатывать – моя война тут же закончится.

– Цель Враноока – мир для всех. Я хочу, чтобы Баркхатти никак не отличался от Шевара. Когда я переплываю Серое море, мне всегда кажется, что я оказался в сказке. Это не только вина империи, а также вина моего народа. Они не хотят меняться. Но Враноок соединит наши миры. Реввиал будет похож на Тавер. Вот чего я хочу.

– Разумно, – кивнул Боден. – Мы оба хотим жить на своей земле, и жить хорошо. Как по мне – это отличная цель!

Шервард не спорил, но он всё-таки не был целиком согласен с Боденом. Похоже, и ушлый торговец ждал от этого похода не совсем того же, чего ждал он сам. Всё-таки удивительно, каких разных людей с разными мыслями и разными чаяниями собрал под свои знамёна Враноок! Интересно, а что будет после того, как Кидуа рухнет? Действительно ли наступит тот долгожданный мир, о котором столько раз мечтал юноша? Не перегрызётся ли Боден с давешним кормчим драккара, или и вовсе с жителями какой-нибудь деревушки выше по Труону?

Но пока, разумеется, все эти мысли не имели большого

смысла. Прежде чем думать о том, как всё будет устроено после победы, неплохо было бы победить. И разговор двух мужчин довольно быстро соскользнул на сугубо военные темы. Боден сообщил о том, какую работу он проводил в отсутствие Шерварда среди горожан.

Если купец не привирал (а Шервард, вроде бы, прежде не замечал за ним такого), то дела были просто отличными. Как старые брёвна, которые снаружи выглядят крепкими, но внутри уже обратились в пережёванную личинками труху, так и империя, похоже, держалась лишь на беспочвенной вере в её непоколебимость. Оказывается, в Тавере было полным-полным недовольных политикой империи, особенно среди людей, любящих и умеющих считать деньги.

Минувшей зимой, пусть чуть менее драматично, но снова повторилась та же история с вывозом зерна. Торговцы жаловались на всё новые пошлины и подати, которые росли, будто тесто у хорошей хозяйки. Тот же Боден, например, совсем не случайно зацепил Труон. Таверские купцы уже много лет слали ходатайства в столицу, прося разрешения расширить свою торговлю на южные территории, но неизменно получали отказ. Даже крупные дельцы вроде самого Бодена, которые имели торговые связи по всему северу, сталкивались с проблемами, стоило им сунуться немного южнее того же Шинтана.

А таверские чиновники негодовали из-за несправедливой фискальной политики империи. Таверский порт, разумеет-

ся, был важным узлом в сети торговых путей, опутывающей Паэтту с севера до юга и с востока до запада. Здесь всегда было много судов, а портовые склады пропускали через себя уйму всевозможных товаров. И при этом город практически не имел никаких преференций с этого – те жалкие крохи, что падали в городскую казну, не шли ни в какое сравнение с потоками золота и серебра, исчезающими в закромах Кидуи.

Простому люду, быть может, было и всё равно, какой флаг полощется на крыше городской ратуши, но их настроения, их мнение и даже их патриотические чувства были прямым следствием того, что думали представители городских элит, в том числе и Боден. Истории вроде прошлогодней распяляли их недовольство империей, и не нужно было прилагать слишком много стараний, чтобы раздуть пламя из этих углей.

В общем, после долгого и обстоятельного разговора, прерываемого время от времени, когда кто-то из посетителей подходил к столу, чтобы поздороваться с Шервардом или Боденом и перекинуться с ними словечком, юный лазутчик оказался более чем доволен тем, что узнал. Похоже, что даже если прямо завтра в таверский порт войдёт флот Враноока, город встретит его едва ли не с распростёртыми объятиями.

А главное – купец обещал, что и с легионом не возникнет проблем. Да, его верхушка состояла из кидуанцев, но большинство легионеров были выходцами из Тавера и его окрестностей. Боден ручался, что они не поднимут оружие

на своих земляков, а следовательно – и на появившихся келлийцев. Конечно, будет некоторое количество глупцов или героев, что попытаются исполнить приказ командования или последовать зову долга, но их будет немного. И не составит никакого труда разоружить их, либо же, в крайнем случае – избавиться от них так же, как и от командиров.

Итак, Тавер, судя по всему, был готов к началу вторжения и ждал лишь сигнала. Жаль, что сам Шервард не мог дать более точных указаний Бодену, и даже не мог сказать точно – когда же прибудет северный флот. Мы знаем, что островитяне не особенно утруждали себя более или менее аккуратным измерением времени, и потому сейчас даже сам Вранок, скорее всего, не назвал бы конкретного дня, когда всё начнётся.

А значит, нужно было просто ждать. И быть готовыми.

Разумеется, Брум не сумел дожждаться, покуда Шервард сам пожалует в таверну. Едва лишь услышав от мэтра Хеймеля радостную новость, он, позабыв даже, для чего приехал в Тавер, тут же бросился в знакомую гостиницу. И, разумеется, Динди тенью последовала за ним, а лицо её выражало совершенно детский восторг, так что сейчас они с Риззель были невероятно похожи друг на друга.

Северянин, конечно, уже не спал – он и сам как раз собирался выходить, словно его сердце предчувствовало скорую

встречу. Услыхав нетерпеливый стук в дверь, он едва не задохнулся от счастья, сразу поняв, кто это. Он отпер дверь и, едва лишь приоткрыв её, услышал радостный залиvistый смех малютки Риззель – та, едва завидев своего Шеву, как она звала юношу, не умея выговорить его имя полностью, бросилась к нему.

Теперь девочка уже ходила сама, и потому ничто, даже не полностью ещё открытая дверь, не могли помешать ей. Она прошмыгнула в комнату и тут же оказалась на руках Шерварда. Тот, хохоча, прижал малютку к груди, а та, в свою очередь, так обвила его ручками и ножками, словно решила больше никогда не отрываться от Шевы.

Следом с той же детской непосредственностью в комнату влетела Динди. И тоже прильнула к юноше, нежно обнимая его.

– Осторожней, девочки! – рассмеялся Бруматт.

Он степенно вошёл и остановился в шаге от друга, давая возможность сестре и племяннице в полной мере выразить свою радость. И впрямь – у Шерварда не было сейчас свободной руки, чтобы обменяться рукопожатием. На нём висела Риззель, а Динди прижималась к нему так, словно хотела врасти в долгожданного островитянина.

Эта трогательная сцена продлилась долго, но Бруматт даже не думал торопить своих «девочек». Он был счастлив, глядя на воссоединившуюся троицу. В конце концов сперва Динди, а затем и Риззель освободили Шерварда, и тогда оба

друга наконец сумели обменяться крепким рукопожатием.

– Наконец ты приехал! – Бруматт даже не подумал упрекнуть северянина в том, что тот задержался почти на год.

– Я не смог раньше, – виновато улыбнулся Шервард. – У меня были дела.

– Главное, что теперь ты здесь! Да, Динди?

Девушка тепло улыбнулась и с непосредственностью ребёнка легонько потёрлась щекой о рукав Шерварда. Он, глядя в эти лучившиеся счастьем глаза, с радостью отметил, что, кажется, не разучился понимать её «язык». И он видел, что Динди действительно очень рада его приезду. Более того, ему показалось, что в глубине её глаз теплилось нечто большее, чем простая дружеская привязанность.

Неожиданно это смутило юношу. А ещё он понял, что ему безумно хочется обнять её совсем не так, как обнимают друга, а затем поцеловать – горячо и страстно, впиться в её пухлые, почти детские губы своими губами... Внезапно у него даже закружилась голова...

– Ну что, пойдём завтракать? – неимоверным усилием воли сбрасывая с себя этот морок, весело воскликнул он, от греха подальше отстраняясь от Динди. – Мэтр Хеймель обещал устроить настоящий пир!

Риззель засмеялась и радостно захлопала в ладоши. А Динди вдруг посмотрела на него как-то необычно и даже странно. Похоже, она тоже умела читать в его лице, и, кажется, он себя раскрыл...

Глава 45. Северный флот

Они отлично посидели в таверне! Мэтр Хеймель, как и обещал, постарался на славу, приготовив для четверых посетителей их самые любимые блюда. И разумеется, особенно старался он для малютки Риззель, которую любил, наверное, едва ли не наравне с собственными внуками. Шервард наслаждался этим временем, позабыв обо всём на свете.

Иной раз они встречались взглядами с Динди, и он тут же спешил отвести глаза, потому что ему казалось, что девушка изучает его. Взгляд прекрасных глаз Динди обычно бывал рассеянным и отстранённым (другие и вовсе сказали бы – пустым), но не сегодня. Сегодня в них была какая-то энергия и заинтересованность. Шервард и так давно уже не замечал признаков умственной отсталости на её прелестном личике, а сегодня же оно и вовсе казалось почти нормальным.

Бруматт, который, конечно же, за много лет научился чувствовать малейшие нюансы в поведении сестры, тоже заметил это. Впрочем, для него-то как раз в этом не было ничего нового. За минувший год он понял, что Динди, похоже, влюблена в молодого северянина. Она, разумеется, ни слова не сказала об этом, но ему и не нужны были слова.

В отличие от мамы, Риззель уже довольно бойко болтала, хотя понять её чаще всего могли лишь близкие люди. Шервард же, к своему отчаянию, не понимал ни слова, так что

Бруматт с хохотом то и дело переводил ему реплики девочки, весь день не отлипающей от своего Шевы.

Сам Брум видел также и то, что северянин явно неравнодушен к Динди. Это также не было для него новостью – всё это он подметил и до отъезда Шерварда. Теперь же он с явным удовольствием видел, что разлука не охладила его чувств. Его особенно подкупала та тактичность, то глубочайшее уважение, которое Шервард питал к его сестре. Оно было так не похоже на высокомерное пренебрежение Линда!..

Говоря по правде, Брум настолько привык общаться с Динди, что обычно совершенно забывал о её умственных недостатках. И тем острее была его благодарность к Шерварду, когда он всё же вспоминал об этом. Он пытался посмотреть на сестру глазами окружающих, и сердце его сжималось от грусти. Смешная неловкая дурочка, по уровню развития едва превосходящая свою двухлетнюю дочку... Островитянин же видел в ней нечто другое – очень похожее на то, что видел сам Бруматт. И это было прекрасно!

Могли бы Шервард и Динди быть вместе? Завести семью? Брум много думал о возможности такого союза, несмотря на то, что казалось бы, ответ здесь был однозначным. Можно лишь представить себе, как отреагирует на это отец, братья, мама... А уж реакцию барона Ворлада и представлять не хотелось! Да что там – даже мэтр Хеймель, души не чаявший в обоих, вряд ли понял бы и принял полностью этот союз!

И всё же... Если верить Шерварду – наступают новые вре-

мена. А это значит – то, что ещё недавно казалось чудовищным и невозможным, вполне может стать возможно уже через несколько лет. Если народы Келли и Палатия объединятся, чтобы вместе бороться с империей – почему бы им не пойти дальше? Ведь, как говорил много раз сам Шервард, именно в этом была главная идея их ярла Враноока.

Был бы он рад, если бы Динди стала женой Шерварда? Он был бы счастлив! Брум был убеждён, что северянин никогда не обидит его сестру, и он станет хорошим отцом для Ризель. И пусть пока ещё не время, но, может, однажды...

В общем, они пробыли в таверне Хеймеля почти до самого вечера, когда Бруму стало очевидно, что пора бы уже возвращаться домой.

– Нам пора собираться, – чувствуя себя неловко из-за того, что он вынужден был прервать такой чудесный день, проговорил Брум. – Если мы задержимся, отец начнёт волноваться и задавать вопросы. Тем более, что я так и не купил ничего из того, за чем приезжал, – со смехом прибавил он.

– Когда вы снова приедете? – вмиг погрузнев, спросил Шервард.

– Очень скоро, – пообещал Бруматт. – Может даже и завтра.

– Хорошо, – кивнул северянин. – Вы знаете, где я буду находиться.

– Мы найдём тебя, не волнуйся! Динди, собирайтесь. Мы с Шервардом пойдём подготовим повозку.

Шервард, который, конечно, с куда большей охотой провёл бы ещё пару лишних минут с Динди и Риззель, хотел было возразить, но, взглянув на Бруматта, понял, что тот таким образом хочет остаться с ним наедине. Поэтому он кивнул и направился к выходу вслед за приятелем. К ним подскочил трактирщик, видя, что гости собираются, и Шервард попросил его записать ужин на свой счёт, не слушая робких возражений Брума.

Затем они оба вышли и направились к навесу, где меланхолично пережёвывала клоки сена лошадь. Бруматт, как хороший хозяин, распряг повозку, понимая, что они проведут в таверне много часов. Теперь ему предстояло запрячь лошадь обратно. К нему было подбежал один из слуг, но юноша жестом отослал его обратно – он и сам вполне ловко справлялся с этой задачей. А кроме того, он явно хотел что-то сказать Шерварду.

– Когда вы начинаете? – не тратя времени даром, тихонько спросил Брум.

– Скоро. Этим летом, – так же тихо ответил Шервард.

– Сюда придёт флот келлийцев?.. – всё же было видно, что Бруматта несколько беспокоит этот факт.

– Ненадолго. Только для сбора. Потом он отправится к Кидуе.

– Здесь будет война?

– Ничего не будет, – заверил Шервард. – Легион не будет очень сопротивляться. У меня есть такие сведения. Городу

и жителям ничего не грозит.

– А барон Ворлад? Он ведь живёт в нашем имении!..

– Вам ничего не грозит. Я обещаю. Люди Враноока не причинят вам вреда.

За разговором Бруматт запрягал лошадь в повозку, и это, похоже, успокаивающе действовало на него. Однако Шервард видел, что руки его чуть заметно дрожали.

– Ты отправишься в поход тоже? – дело было почти закончено, и Брум перешёл к главному.

– Конечно. Я присоединюсь к моей дружине. Но я обязательно вернусь потом!

– Зимой я начал учиться стрелять из лука, – слегка осипшим от внезапного волнения голосом проговорил Брум. – Теперь я уже довольно неплохо стреляю и попадаю в мишень с сорока шагов. Я хочу отправиться с тобой, – наконец решившись, выпалил он.

Шервард ощутил, как по его внутренностям прошла холодная волна. Он поглядел на Бруматта – несмотря на то, что они были почти что ровесниками, тот всегда казался ему почти ещё мальчишкой. Война и Бруматт – эти вещи казались несовместимыми. А главное – он представлял, каким тяжёлым ударом это станет для Динди и Риззель...

– На моей родине нет привычки отговаривать мужчину от того, чтобы стать воином, – медленно заговорил он. – У нас считают, что это – лучший путь для мужчины. Поэтому я не буду отговаривать тебя, Бруматт. Я только хочу просить те-

бя, чтобы ты хорошо подумал. Особенно подумай про Динди и Риззель. Они останутся без твоей помощи. И без твоей защиты.

– Я думаю об этом каждый день, – руки Бруматта замерли, словно он и забыл о лошади. – И я понимаю всё, о чём ты говоришь. Конечно, я думаю о Динди и Риззель – они для меня дороже всего на свете. Но именно поэтому мне нужно быть там. Я хочу, чтобы когда Риззель подрастёт, она не стыдилась бы меня. Не стыдилась того, что я отсиживался в такой момент.

– Я понимаю это. Ты думаешь как настоящий воин, – уважительно кивнул Шервард. – И я уже говорил, что не буду тебя отговаривать. Но тебе надо думать больше.

– У меня было достаточно времени, чтобы подумать, – с мрачной решительностью возразил Брум.

– Хорошо. Мы уходим ещё не завтра. Когда придёт время – сделаешь так, как захочешь.

Кивнув, Бруматт вновь принялся запрягать лошадь и быстро закончил с этим. Затем они оба вернулись в таверну за Динди. Тепло попрощавшись, они расстались. Шервард, глядя вслед удаляющейся повозке, почему-то чувствовал какую-то тревогу, которая слегка портила его радостное настроение, как небольшое облачко может приглушать солнечный свет.

Он решил для себя, что если даже Бруматт и отправится в этот поход, то он постарается сделать всё возможное,

чтобы тот вернулся из него живым и невредимым. Да, не в традициях келлийцев было опекать мужчин, защищать их от войны, но Бруматт и не был келлийцем. Это был совсем ещё молодой парнишка, который до недавнего времени даже не держал в руках оружия.

Конечно, сам Шервард тоже, говоря откровенно, не имел никакого боевого опыта, однако, по его глубокому убеждению, островитяне уже рождались воинами, тогда как здешние мужчины были заметно изнежены цивилизацией. Именно поэтому он нисколько не переживал за себя, но испытывал сильное беспокойство по поводу друга. А главным образом – по поводу Динди.

Шервард в глубине души надеялся, что судьба подарит ему одну или две луны в приятном обществе Динди, прежде чем ему придётся отправиться на юг. Но Враноока, похоже, не слишком-то заботила личная жизнь юного лазутчика. Куда больше его волновала длительность кампании, а также огромные расстояния, которые предстояло преодолеть объединённому флоту. Будучи северянином, он, вероятно, полагал, что зима и в Кидуе наступает довольно рано, а ведь ему необходимо было не только взять столицу империи, но и затем, по возможности, вернуть своих людей обратно.

Келлийцы не были мастаками вести долгие войны с осадами, пешими переходами, возможными зимовками. Быстрый

решительный натиск, разграбление, и возвращение домой – вот как действовали островитяне. Так же Враноок планировал действовать и теперь. Он не ставил задачу захвата империи – она была таким громадным куском, что могла порвать и самый большой рот. Конунг рассчитывал, что удар, нанесённый в самое сердце, окажется смертельным для всего государства.

В общем, Враноок не откладывал поход в долгий ящик. Едва лишь море стало достаточно предсказуемым, он начал. Шервард не знал этого, но на самом деле ещё ранней весной многочисленные гонцы конунга направились в разные уголки не только Баркхатти и других островов, но и в Загорье, Шевар и другие места, где только и ждали сигнала тысячи воинов. Всё это время велась напряжённая подготовка, так что келлийский флот сумел выступить слаженно и вовремя.

Никогда прежде Баркхатти не видел столько драккаров в одном месте. Армада из полутора с лишним сотен кораблей, казалось, закрывала собой море. И каждый драккар был полон решительными воинами, соскучившимися по хорошей драке. И весь этот громадный флот направился к Таверу, где как раз и был назначен первый сбор.

Шерварда разбудил панический перезвон колоколов, и он сразу понял, что произошло. Мгновенно одевшись, он выскочил на улицу и направился к порту. В городе царила па-

ника – десятки кричащих людей с остекленевшими глазами бежали, не разбирая дороги. Они и сами не знали, что им делать – то ли прятаться по домам, то ли выбираться прочь из города. Последнее, впрочем, было бы вряд ли возможно – Боден должен был позаботиться о том, чтобы ни один гонец не вышмыгнул из Тавера.

О том, что флот скоро будет на месте, юноша узнал заранее. Посланник, отправившийся куда-то дальше, нашёл его около двух недель тому назад и сообщил о примерном времени прибытия Враноока. Разумеется, Шервард первым же делом дал знать об этом Бодену.

Купец явно обрадовался окончанию этого томительного ожидания. Он пообещал, что ко времени, когда северная армада будет в порту Тавера, всё в городе уже будет готово, чтобы принять её. Шервард опасался, что Боден может попасться теперь, когда ему волей-неволей придётся отбросить осторожность, но торговец недаром слыл одним из умнейших и хитрейших людей в окрестности десятка миль. Уже несколько дней назад он вновь встретился с юношей и сообщил, что всё готово.

Разумеется, в большей степени Шерварда беспокоил легион и городские власти. Боден сообщил, что среди низших чинов легионеров у него свои люди, которые в нужный момент проведут необходимую работу с рядовым составом. Солдаты, большинство из которых были уроженцами Тавера и окрестностей, по мнению Бодена не станут слишком уж

геройствовать, если сразу поймут, какую позицию занимают горожане.

Он также сообщил, что все дороги от лагеря легионеров находятся под контролем, так что если даже командование успеет послать гонцов в Шинтан – те будут вовремя перехвачены и обезврежены. Также как и сам легат с центурионами. Кроме того, контролировались и все дороги, ведущие из города, а также Боден заверил, что ни одно судно не отправится вверх по Труону без того, чтобы об этом тут же стало известно ему. Так что можно было надеяться на то, что в столице ничего не узнают о происходящем на севере до самого последнего момента.

За магистрат Боден и вовсе ручался головой. По его словам выходило, что там есть как минимум двое или трое его людей, и что это – не последние люди в городе. Но, разумеется, куда больше купец делал ставку на своих собратьев, ведь, по сути, во многом именно они и представляли настоящую власть в городе.

Крупные же торговцы, по словам Бодена, вполне разделяли его негодование по отношению к империи и, похоже, также полагали, что Тавер расцветёт куда больше, избавившись от всевозможных нахлебников и дармоедов. В общем, похоже, по данному вопросу среди крупнейших воротил города было полное взаимопонимание.

Надо сказать, что Тавер куда больше, чем иные города империи, мог бы выиграть при благоприятном исходе похода

Враноока. Стоя на берегу моря, он находился под постоянной угрозой. Конечно, келлийцы никогда бы не решились штурмовать сам город, но они сильно портили кровь торговцам, то и дело нападавая на суда. В этом плане, разумеется, Баркхатти было бы выгоднее иметь в союзниках. Кроме того, островитянам вечно не хватало зерна, железа, да и многих других вещей, в избытке имеющихся на материке, и это сулило неплохие барыши.

И вот сейчас, направляясь в сторону порта, Шервард ощущал растерянность. В городе что-то происходило, но он не имел ни малейшего понятия – что именно, а главное – ничего не контролировал. Оставалось лишь надеяться, что в данный момент городом заправлял Боден, и что он знал, что делать.

Уже в порту он заметил нескольких человек с отрезками верёвки, обвязанными вокруг их рук. Это был явно опознавательный сигнал, и Шервард тут же понял, что это – люди Бодена. Они следили за происходящим, хотя на пристани, говоря откровенно, не было никого кроме них. Заметив северянина, они сперва напряглись, но затем, видимо, узнав его, лишь приветственно махнули рукой.

Шервард устремил взгляд на море, и у него захватило дух. Весь горизонт, казалось, был закрыт косыми парусами драккаров. Никогда прежде он не видел ничего подобного. Северный флот мчался словно буря, подхваченный ветрами Тайтана. Всего несколько часов – и он будет здесь.

– Где Боден? – подойдя ближе к одному из парней с ве-

рѣвками на руке, спросил юноша.

– Где-то в городе, – неопределѣнно махнул тот. – Когда ваши подойдут, он наверняка будет здесь. Надо же, сколько кораблей-то! Я и не думал, что бывает столько кораблей!..

– Бывает и больше, – важно ответил Шервард, хотя и сам, признаться, ещё до конца не пришёл в себя от увиденного.

– Как думаете, – робко спросил второй подручный Бодена, подходя. – Удастся ли удержать ваших от погромов?..

– Они идут не как ваши враги, а как друзья, – несмотря на то, что Шерварду хотелось обругать дурака последними словами, он сдержался. – Мы вместе с вами боремся против империи. Они не тронут здесь ничего. Обещаю.

И Шервард был уверен в сказанном. Быть может, его восприятие Враноока было слегка экзальтированным, но ему казалось невозможным, чтобы конунг нарушил данное слово. Точно также он мог ручаться и за Желтопуза – тот сумеет удержать в узде и самых буйных. Наверняка остальные ярлы дали такие же жѣсткие указания своим дружинам.

Надо отметить, что юношу радовало безлюдье на причалах. Признаться, вопреки заверениям Бодена, он всё же ждал сопротивления. То и дело он непроизвольно оглядывался, опасаясь заметить городскую стражу, а то и легионеров, спешащих в порт, чтобы попытаться отразить нападение северян. Но никого не было. Ужас прогнал отсюда обывателей, а военные пока что так и не появились.

И всё же Шервард решил не маячить здесь у всех на виду.

Ему не хотелось словить стрелу сейчас, когда как раз начались самые значительные события. Хотя, говоря откровенно, ему вообще не хотелось словить стрелу – ни сейчас, ни позднее. Поэтому он отправился к дощатым лабазам неподалёку, чтобы из укрытия наблюдать за приближением флота Враноока.

Через некоторое время он заметил Бодена в сопровождении ещё нескольких человек, причём не все из них были одеты как оборванцы. Они явно были купцами, а может даже и членами городского магистрата.

– Боден! – окликнул он торговца, выходя из своего убежища.

Купец был явно взволнован, но держался уверенно. Заметив Шерварда, он тут же направился к нему.

– Ну вот и началось? – пожимая руку северянину, улыбнулся он.

– Началось, – подтвердил юноша. – Вижу, всё идёт как надо?

– Да, пока всё идёт по плану. Магистрат оповещён о цели прибывающего флота, и... – Боден ухмыльнулся. – Почти никто не возражал. Начальник городской стражи получил приказ не вмешиваться, и, как видишь, блестяще его исполнил. Я провёл с ним дополнительную беседу, так что он не станет помехой. Более того, городская стража, в случае чего, поможет с поддержанием порядка.

– Если в город войдут легионеры? – Шерварду показалось,

что он понял, о чём говорит торговец.

– Надеюсь, до этого не дойдёт, – покачал головой тот. – Легат и пара центурионов вовремя перехвачены нами – они были в городе, так что даже не успели отправиться в лагерь. Как я уже говорил, среди низших чинов есть сочувствующие нам люди, они сейчас ведут работу с личным составом. Если всё выгорит – мы обойдёмся без кровопролития.

– А эти люди – из магистрата? – Шервард кивнул в сторону пары добротнo одетых людей, с невольным волнением глядящих на приближающийся келлийский флот.

– Да, это те, что были с нами с самого начала.

– А те, кто против?

– Таких оказалось совсем немного, и все они сейчас под замком. Уверен, вскоре большинство из них одумается.

– Значит, город в твоих руках?

– Город в *наших* руках, – поправил Боден. – Кроме меня есть и другие – купцы, финансисты, чиновники. Достоянные и самые нужные для города люди. Сейчас мы покамест замещаем собой магистрат. Ну и имперскую власть, естественно. Так что ваш Враноок будет вести переговоры именно с нами.

– Ты сделал большое дело, Боден. Враноок уже знает о тебе, а скоро вы познакомитесь лично.

– Хорошо. Надеюсь, он будет именно таким, как ты рассказывал, парень. И что он сдержит своё слово. Не хотелось бы до конца дней винить себя в том, что по моей вине сгорел Тавер!

– Наши люди не сломают даже ветку здесь! – заверил Шервард. – Уверен, что флот будет здесь всего лишь несколько дней, а затем отправится дальше.

– Скоро мы это узнаем... – несколько задумчиво проговорил Боден.

Через некоторое время на пристани стали появляться ещё люди. Судя по всему, это были те, кто помогал Бодену организовать сдачу города, и кто, похоже, рассчитывал в недалёком будущем превратиться в его сопровителя. Если власть императора исчезнет – пустоту можно будет заполнить как угодно. Похоже, эти дельцы полагали, что сумеют управлять Тавером не хуже его императорского величества Гриварона.

Наконец в порту появилась городская стража. Около трёх десятков вооружённых мужчин раскинулись цепью позади группы заговорщиков. Однако же они пришли не для того, чтобы арестовать их, поскольку командующий городской стражей также был в числе ожидающих северян. Стражники должны были обеспечить представительность и безопасность.

Судя по тому, что город не наводнили тысячи легионеров, в лагере всё тоже прошло более или менее гладко. Когда первые драккары стали подходить к причалам, Шервард уже не беспокоился. Он был счастлив, что идеально исполнил свою часть задачи. На первом из драккаров он уже мог разглядеть гигантскую фигуру Враноока, и был убеждён, что вождь полностью им доволен.

Глава 46. Барон

Брум озадаченно глядел на запертые ворота города. Никогда прежде он не видывал такого. Впрочем, причина была ему хорошо ясна – значит, сородичи Шерварда наконец прибыли. Озадачивало другое – как ему теперь попасть внутрь?..

У ворот ошивалось трое гвардейцев, и Брум направил повозку к ним. Они, конечно, узнали сеньора Хэддаса, которого видали очень часто, и потому, когда повозка поравнялись с ними, лица стражников были вполне дружелюбны.

– Простите, сеньор Хэддас, – поздоровавшись, проговорил один из них. – Но нынче проезд закрыт. Когда откроют – неведомо.

– Прибыл флот? – оглянувшись на Динди, тихонько спросил Брум, который теперь сам правил лошадью, не беря с собой возницу.

– Вам известно? – округлились глаза стражника.

– Я знал об этом давным-давно, – напуская на себя важный вид, ответил Брум. – Мне сообщил об этом Шервард.

– Точно, – закивал другой. – Я часто видал вас в компании келлийца.

– Так вам, стало быть, надо в город? По *делам*? – с нажимом поинтересовался первый, давая понять, что понимает, какого сорта дела могут привести сюда приятеля северянина.

– Всё правильно, – кивнул Брум. – Мне нужно по *делам*.

– Вот ведь какая штука, сеньор Хэддас, – почесав плохо выбритую щёку, проговорил стражник. – Нам не особенно указано воротить тех, кто пожелает въехать. Но насчёт выезжающих даны самые жёсткие указания. Если вы попадёте внутрь – обратно вам уже не выбраться. Разве что ваш друг справит вам какой документ...

– Вот как... – крепко задумался Брум и вновь оглянулся на Динди, безмятежно играющую с Риззель. – Тогда ладно. Мне нужно отвезти сестру домой, но затем я вернусь. И тогда уж вы, пожалуйста, не задерживайте меня.

– Через час нас сменяют, – ухмыльнулся стражник с той радостью, которую могут понять лишь те, кто вынужден бывает долгими скучными часами дежурить под палящим солнцем или в трескучий мороз. – Но мы сообщим, что вы вернётесь.

– Хорошо. И вот ещё что... – чуть подумав, добавил он. – Я приеду не один. Я привезу с собой одного кидуанца, из командиров легиона. Пусть ваши ребята будут готовы принять его.

– Кидуанец? – скривившись, переспросил стражник. – Хорошо, его примут как полагается. Очень буйный?

– Трудно сказать, – пожал плечами Брум. – Возможно, он будет с оружием. Лучше быть готовыми ко всему.

– Он не знает, что происходит? – удивлённо спросил другой. – Ведь легион уже пару дней как заперт, и большая часть солдат заодно с горожанами.

– Этот стал настолько ленив, что ездит в лагерь только

чтобы получить жалование, – злобно усмехнулся Брум. – Он неделями сидит в моём имении, никуда не вылезая. Нет, он ничего не знает.

– Ну так не говорите ему, – посоветовал первый. – Меньше будет знать – меньше станет трепыхаться.

– Не беспокойтесь. Но всё же пусть ваши парни будут готовы.

– Они будут, – заверил стражник.

Кивнув, Брум повернул лошадь обратно и направился в имение. Динди выглядела чуть удивлённой, но, конечно, не задала никаких вопросов. Вместо неё чуть капризно забубнела Риззель, которая очень любила поездки в город, и теперь, конечно, недоумевала – отчего её вдруг везут обратно.

– Сегодня город закрыт, любимая, – ласково пояснил Брум. – В другой раз.

– Шева... – начиная похныкивать, принялась повторять девочка. – Ням-ням...

Она добавила ещё несколько слов, которые Брум не понял.

– Мы увидим Шеву позже, – проговорил он, и сердце его защемило. – Очень скоро. И обязательно покушаем у мэтра Хеймеля. Твои любимые сахарные пальчики, а?

Риззель, наивная, как и все двухлетние дети, радостно рассмеялась и вновь принялась играть с мамой. Шервард смотрел на неё, и сердце его разрывалось. Очень хотелось заплакать. Он понимал, что вот-вот покинет малышку, и, быть

может, надолго. Кто знает – может и навсегда... Хотя о смерти юноша старался не думать.

Как бы ему хотелось сейчас, чтобы Риззель перебралась к нему на колени, как это бывало иной раз. Хотелось стиснуть её в объятиях, покрыть поцелуями её пухлые гладкие щёчки, лобик, её шёлковые волосы... Эта разлука разобьёт ему сердце...

Увы, малышка, похоже, не чувствовала флюидов, исходящих от него, и, счастливо смеясь, возилась с Динди. Впрочем, не будь Брум так занят управлением лошади, он, наверное, заметил бы, что сестра сейчас ведёт себя как-то необычно – немного отстранённо, не отдавая всю себя любимой дочери. Так, будто её мысли (кто бы что ни говорил, а у неё всё-таки были свои мысли в голове!) были заняты чем-то другим.

И Динди вдруг, крепко прижав дитя к груди, поднялась (благо, повозка двигалась небыстро и довольно плавно) и пересела ближе к брату. Она села рядом и обняла его, положив голову на плечо. Риззель тут же перепорхнула к нему, ухватившись за поводья. Взяв вожжи в одну руку, другой Брум нежно обнял сестру и поцеловал её волосы. И отвернулся, потому что не хотел, чтобы племянница увидела, что он плачет.

– Что случилось? – заметив, что дети вернулись неожиданно рано, сеньор Хэддас вышел во двор.

– Город закрыт, – пояснил Брум, останавливая повозку.

Динди тут же спрыгнула на землю, и юноша бережно передал ей Риззель.

– Что значит закрыт?.. – растерялся отец. – Вас не пустили внутрь?

– Там какой-то переполох, – Бруму не хотелось сейчас ничего объяснять отцу, тем более, что он не был уверен в том, что тот воспримет всё верно.

– Бунт? – встревоженно спросил сеньор Хэддас.

– Вроде бы нет, там всё спокойно. Но меня просили передать барону Ворладу, что его ждут в городе.

– Что же, во имя Асса, там происходит?.. – от этих недомолвок отец переживал, кажется, ещё больше.

Увы, Брум смалодушничал. Он испугался рассказать всё отцу, понимая, что тот, конечно же, никуда его не отпустит. К несчастью, ему предстояло надолго покинуть дом, не попрощавшись с родителями. Другого выхода он просто не видел.

– Не беспокойся, судя по всему, там ничего такого, – как можно убедительнее произнёс он. – Может, какие-то учения... Пойду к барону. Он у себя?

– Где ж ему быть, – пожал плечами сеньор Хэддас, понемногу успокаиваясь. Действительно – ну что могло случиться?..

Брум кивнул, но направился сперва не в главный дом, где был барон, а к себе. Там он переоделся и захватил давно

приготовленный мешок с плотной кожаной курткой, которая могла бы послужить каким-никаким доспехом. С запоздалым сожалением он подумал, что, пожалуй, стоило заранее припрятать свой лук в повозке, но до этого он не додумался. Оставалось надеяться, что организаторы похода позаботились также и об оружии для таких как он.

На этом его сборы, по сути, были завершены. Он захватил тёплый плащ и ещё одну пару ботинок. Подумав, добавил в мешок рубашку и штаны. Вспомнилось вдруг, как они с Линдом и Динди сбегали из дома – казалось, это было совсем в другой жизни... Юноша понятия не имел, что может пригодиться воину в походе – за свою жизнь он ни разу не бывал дальше Тавера. Впрочем, с ним будет Шервард – уж он-то поможет и советом, и вещами.

Когда он вышел во двор, отца там уже не было, так что странный свёрток в его руках никого не смутил. Брум кинул мешок в повозку под скамейку, чтобы он не слишком привлекал внимание, а затем кликнул возницу. Всё-таки он оставался прежде всего рачительным хозяином, и потому не хотел, чтобы их повозка сгинула где-то. А так слуга пригонит её обратно. Он же всё объяснит, как сумеет...

Теперь он направился к барону. Много лет все домочадцы имения называли главный особняк «домом барона». Что ж, сегодня – последний день этой несправедливости! Наконец-то его семья перестанет ютиться во флигеле и переберётся в дом своих предков! Ну а что будет с этим напыщен-

ным гусем – пусть решают боги.

Барон Ворлад томно сидел в кресле, разморённый довольно жаркой погодой и скукой. Несвежая сорочка была распахнута на волосатой груди и облегла весьма заметный живот. Барон был явно не в лучшей своей форме – возраст и провинциальная жизнь понемногу доконали его. Было видно, что золотые его годы уже позади, и от бывшего столичного франта остались лишь отдалённые напоминания.

– Барон, вас срочно вызывают в город, – вежливо поздоровавшись, объявил Брум.

– Зачем это? – Ворлад нехотя всплыл из своей созерцательной лени. – И почему через тебя, а не через посыльного?..

– Я был сейчас в городе, – принялся объяснять Брум. – Точнее, я хотел туда попасть, но не смог, потому что ворота были закрыты.

– Ворота закрыты? – удивление быстро прогнало выражение брюзгливой скуки, как жаркое солнце выжигает плесень. – Что-то случилось?

– Я не знаю. Стражники не стали мне ничего объяснять, – барон при этих словах надменно хмыкнул, мол, «ещё бы!». – Но один из них узнал меня и просил передать, что вас ждут в городе.

– И всё же это чересчур странно... – пробормотал барон, однако же вскочил с кресла с энергией, которую ещё минуту назад невозможно было заподозрить в этом рыхлом теле. –

Что-то явно случилось, но почему нет гонца из легиона?.. И для чего потребовалось закрывать город?.. Решительно, что-то случилось!

Брум старался сохранять туповато-рассеянный вид, тактично отвернувшись, потому что Ворлад, не стесняясь, принялся стаскивать с себя одежду, чтобы переодеться во что-то подобающее.

– Можно поехать с вами? – вдруг спросил он, сообразив, что вообще-то нет ни одной причины для этого, а потому ему оставалось надеяться лишь на то, что барон, с которым они как будто бы даже сдружились, возьмёт его с собой, как прежде брал в лагерь.

– Даже не знаю, дружок, – Ворлад уже облачался в военный камзол. – Что-то странное там происходит. Будешь ли ты там к месту?..

– Не думаю, что там что-то серьёзное, – возразил Брум. – Стражи было мало, они не выглядели встревоженными. Да и сам город, если не считать ворот, выглядел вполне обычно.

– Ладно, поехали, – подумав, кивнул барон. – Думаю, ты прав. Если бы случилось что-то действительно интересное, за мной отправили бы посыльного из легиона.

Вот сейчас, одетый в камзол, причёсанный и слегка взволнованный, барон Ворлад вновь выглядел почти как прежде – внушительно и даже щегольски. Он окинул взглядом комнату, что-то ища. Затем, вспомнив, заглянул в один из шкафов и вынул оттуда шпагу.

– На всякий случай, – подмигнул он Бруму, подпоясываясь.

Тот лишь кивнул в ответ. Признаться, втайне он рассчитывал, что барон поедет безоружным.

Они вышли во двор. Брум уже подошёл к повозке, когда увидел Динди. Та сидела на небольшой скамейке рядом с крыльцом их флигеля, словно бы задумчиво расчёсывая кудряшки Риззель. Для барона Ворлада её лицо было таким же, как и всегда – тупым, застывшим и лишённым любого намёка на мысль, но Брум ясно видел, что сестра расстроена. Он готов был побиться об заклад, что она обо всём догадалась. Всё-таки они чувствовали друг друга так, как никто другой.

Динди мурлыкала под нос как будто бы какую-то песенку, а на самом деле – набор атональных звуков. Риззель нравились мамины песенки – они успокаивали девочку. Сейчас, завидев брата, Динди уставилась на него своим немигающим взглядом, а её губы искривились будто в подобии горькой улыбки.

Чувствуя, как разрывается его сердце, Брум быстрым шагом подошёл к двум самым дорогим для него людям на целом свете. Он крепко обнял сестру, поцеловав её в макушку. Затем он подхватил на руки рассмеявшуюся Риззель и сжал в объятиях.

– Я скоро вернусь, – срывающимся голосом произнёс он и, опустив племянницу обратно, быстро зашагал к повозке.

Он постарался не замечать удивлённого и насмешливого

взгляда барона, который, разумеется, ничего не понял в увиденной сцене. Он явно решил, что паренёк боится, и потому решил проявить великодушие:

– Оставайся-ка тут, дружок. Я поеду один.

– Я поеду с вами, – сурово возразил Бруматт, взгромождаясь в повозку.

– Как знаешь, – равнодушно пожал плечами Ворлад, взбираясь следом. – Давай, лентяй, трогай! – бросил он вознице, пытаясь поудобнее устроиться в возке.

Практически на протяжении всего пути до Тавера они ехали молча. Ворлад лишь вначале задал несколько вопросов относительно того, что Брум видел, будучи у городских ворот, и затем, поняв, что тот ничего не знает и не видел ничего необычного, потерял интерес и к беседе, и к самому собеседнику.

Брум же в конце концов тоже задумался, пытаясь предугадать сцену ареста барона. Окажет ли он сопротивление, поймёт ли вообще, что происходит? Постепенно мысли юноши перешли несколько к другим материям. Он стал представлять, что сам лично помогает городским стражникам справиться со взбрыкнувшим кидуанцем. Он представлял, как бросается на него, выбивая шпагу из рук, как опрокидывает грузноватого нахала на землю.

Отправившись в полёт, его мысли возносились всё даль-

ше, и в конце концов Брум стал думать о том, что было бы, если бы он напал на Ворлада прямо сейчас, когда тот и вовсе не ожидает подвоха. Смог бы он справиться в одиночку? Может быть, выхватив баронскую шпагу, он проткнул бы этого негодяя сам?

Впрочем, нельзя сказать, что Бруматт действительно ненавидел барона настолько, чтобы убить его. В данном случае его мечты относились скорее к тому, сколько веса этот поступок прибавил бы ему в среде будущих соратников. Он ведь понимал, как станут относиться к нему другие. Так же, как относится (хотя и старается не показывать виду) сам Шервард. Как к мальчишке, которому нечего делать на войне. Победив Ворлада, он доказал бы, что это не так!..

И однако же Брум, признаться, и сам понимал, что не делает ничего подобного. Парень искренне надеялся на то, что он не был трусом, но сказать этого наверняка не мог, поскольку до сих пор пока ещё не имел возможности испытать себя. Но то, что он не мог просто, ни с того ни с сего накинуться на ничего не ожидающего с его стороны человека, было всё же очевидным.

В молчании добрались они до таверских ворот. Они всё так же были заперты, и Брум заметил пару стражников, караулящих снаружи. Те двинулись навстречу повозке, предостерегающе подняв руку.

– Стой! – бросил барон вознице, и как только возок остановился, он довольно грациозно для человека его возраста и

комплекции спрыгнул, направляясь к стражникам. – Барон Ворлад, интендант легиона. Пропустите.

– Доброго дня, господин барон, – Брум заметил, как стражник покосился на шпагу приезжего. – Да, велено вас впустить. Вас ждут.

– А я?.. – слезая с возка, юноша двинулся следом.

– Простите, сударь, приказ касается лишь господина барона, – возразил стражник.

– Но ведь... – Брум решил, что его просто не узнали, тем более, что патруль сейчас действительно был уже иной.

– Вы сможете пройти позже, когда будут улажены все формальности, – и тут парень заметил, что стражник незаметно ему подмигнул.

– Ничего не поделаешь, дружок, – с некоторым высокомерием обратился к нему Ворлад. – Видишь, что тут происходит? Гражданским покамест путь заказан. В другой раз.

Он намеренно говорил так, будто прекрасно понимал, что творится в Тавере. Брум знал, что барон ни за что на свете не стал бы сейчас справляться о происходящем у стражи – это было ниже его достоинства. И он в очередной раз вспомнил, за что недолюбливал этого человека ещё даже до предательства Линда.

Впрочем, юноша не отличался особенной мстительностью или кровожадностью, а потому не слишком-то сожалел, что не увидит, как арестуют Ворлада. Очевидно, что стражники получили приказ разделить их – явно для того, чтобы не под-

вергать молодого человека ненужному риску. Что ж, пусть так и будет.

Позже, быть может, он узнает дальнейшую судьбу барона. Впрочем, что бы с ним дальше ни было – Брум был уверен, что тот вполне этого заслуживает. Он был плохим человеком, плохим гостем и отвратительным отцом. Для него, с тех пор, как уехал Линд, словно бы и не существовала Динди, а позже и Риззель. Для него всё семейство Хэддасов было... чем-то вроде приживал, людьми низшего сорта, которые не заслуживали серьёзного отношения к себе. Нет уж, Бруматт точно не станет горевать по барону, даже если того проткнут при попытке ареста.

Сам же Ворлад тем временем важно прошёл к небольшой калитке в городских воротах и, даже не оглянувшись на оставшегося снаружи юношу, вошёл в город. Брум невольно прислушался, ожидая услышать крики и звон оружия, но ничего, кроме скрипа петель, не услышал.

– Его арестуют? – тихо спросил он у подошедшего стражника.

– Арестуют, – усмехнулся тот. – Там его уже поджидает отряд. А вы, стало быть, хотите также пройти в город? Мне велено пропустить вас, если вы *твёрдо* намерены войти. Так было сказано.

– Я твёрдо намерен, – невольно сглотнул Бруматт. – Сейчас вот только отпущу слугу.

– Не спешите, – кивнул стражник. – Минуток пять поды-

шите ещё здесь.

Брум, кивнув в ответ, подошёл к сидящему на козлах вознице.

– Отправляйся домой. Не жди ни меня, ни барона. Скажи отцу... Что я отправляюсь в поход. Вернусь осенью. Если захочет узнать подробности – пусть наведается в город позже, тут ему всё объяснят. Ты же знаешь таверну мэтра Хеймеля? Пусть спросит обо мне у трактирщика.

Конечно, Бруму хотелось бы самому, более обстоятельно объяснить отцу свой поступок, но он понимал, что не сумеет сделать это через не шибко-то умного лакея. Запоздало пожалев о том, что не додумался написать письмо, Бруматт лишь вздохнул и вытащил из-под лавки свой мешок.

– Всё понял?

– Всё понял, барин, – возница явно был ошарашен услышанным, и сейчас пристально глядел на юношу, явно ожидая от него каких-то сакральных фраз.

– Ну так давай, езжай... – ещё раз тяжело вздохнув, Брум закинул мешок за плечи и зашагал к городским воротам.

Глава 47. На войну!

Брум с невольным содроганием прошёл через скрипучую калитку в городских воротах и вздрогнул, когда стражник со стуком, чтобы плотнее вошла на своё место, закрыл её и задвинул засов. Его ещё раз предупредили, что в ближайшие дни пройти через ворота Тавера можно лишь в одну сторону. И пусть у него ещё была возможность отказаться от своей пугающей идеи, но в этих запертых для выхода воротах явно читался символ какой-то обречённости.

Впрочем, юноша почти тут же позабыл о своих впечатлениях, сосредоточившись на поисках барона. Он вертел головой, пытаясь найти если не его самого, то хотя бы какие-то признаки борьбы. Почему-то ему казалось, что он сейчас непременно увидит лужу свежей крови, или бездыханное тело, которое городские стражники уволочут подальше от нескромных глаз. Но ничего такого не было – у городских ворот вообще было непривычно безлюдно, да и сам город походил на затаившуюся перед прыжком кошку, когда замирает даже нервно дёргающийся кончик хвоста.

Это не была оторопь паники – горожане уже поняли, что никто не собирается убивать, грабить и жечь. Когда людям становилось известно, что северный флот присутствует здесь с позволения магистрата, и что келлийцы пришли на подмогу, чтобы избавить Тавер от ярма императора... В этом ме-

сте, как правило, вспыхивали небольшие дискуссии о том, действительно ли плохо таверцам жилось под этим самым «ярмом», но идейные люди, подобные Бодену, всегда имели преимущество в спорах над инертными обывателями, не имеющими в своём арсенале иных аргументов кроме «так было всегда».

Таким образом, к моменту, когда Брум приехал в Тавер, большинство горожан уже, как минимум, с пониманием относились к присутствию северян, а многие и вовсе были воодушевлены, уверенные, что теперь-то жизнь станет богаче и проще. Так что обезлюдившие улицы не были следствием паники. Это было скорее беспокойство от назревающих больших перемен с одной стороны, и некая эйфория – с другой. Если уж всё меняется так глобально, то, быть может, сейчас стоит как раз немного затаиться и переждать эти сдвиги?

Не говоря уж о том, что город был полностью закрыт, что отчасти сказалось и на торговле. Окрестные колонны не могли въехать в город, чтобы продавать свои запасы, да и загородные покупатели вроде того же Бруматта тоже исчезли.

Большинство жителей Тавера заняли выжидательную позицию. Похоже, что появился кто-то, кто собирается решить их проблемы – будь то келлийцы, или же местные вроде Бодена. А раз так, главное – им не мешать. Пожалуй, именно эта мещанская рассудительность главным образом и удерживала горожан по домам.

И всё же Бруму, который привык к другому виду тавер-

ских улиц, подобное малолюдые действовало на нервы. Он вновь ощутил дрожь – ту же, что и после грохота захлопнувшейся за ним калитки. Он словно уже попал в другой мир, и, по правде говоря, его почти непреодолимо тянуло обратно. Быть может, если бы он не знал наверняка, что стража его не выпустит, то поддался бы малодушию и сбежал назад в имение – к Динди и Ризель.

Ну а так он, машинально передвигая ногами, брёл по направлению к таверне мэтра Хеймеля, и никогда ещё этот путь не казался ему таким долгим.

Когда Шервард заметил в конце улицы уныло бредущего Бруматта с заплечным мешком за спиной, то лишь тяжело вздохнул. Ему уже сообщили о визите сеньора Хэддаса (теперь Шервард внезапно сделался в Тавере довольно большой шишкой), но келлиец всё же надеялся на благоразумие приятеля. Положа руку на сердце – какой из Бруматта воин?.. Лучше бы ему остаться с Динди...

Однако уважение к подобному выбору для мужчины передавалось островитянам, должно быть, ещё через семя отца, а не то что с молоком матери, и поэтому, когда Бруматт подошёл, Шервард лишь радостно приветствовал его, похлопав по плечу. В принципе, парень был крепкий – быть может, коленки у него и не подломятся от груза, что он взвалил на себя.

Здесь, на площади у таверны Хеймеля былолюдно. Особенно много тут было островитян, хотя Враноок довольно неохотно позволял своим людям выходить в город. Неизвестно, чего больше боялся конунг – того, что они всё же соблазнятся богатствами, которые были тут буквально на каждом шагу (обилие железа вокруг могло представлять тяжёлое испытание для честности жителя островов), или же того, что сладкая жизнь шеварского города окажется слишком уж сладкой для суровых северян.

В общем, здесь были, в основном, не простые дружинники из маленьких деревень вроде Скьёвальда, а форинги и их помощники. Были и местные, особенно из дельцов, которые видели выгоду в таком внезапном наплыве возможных покупателей сейчас, когда город был закрыт. Враноок действительно делал закупки – в первую очередь оружия и продовольствия, и старался не обидеть городских купцов, хотя не со всеми была возможность расплачиваться серебром.

В целом, жизнь в городе продолжалась вполне спокойно и, задержись келлийцы здесь на несколько недель – их, пожалуй, и вовсе перестали бы замечать. Тот же мэтр Хеймель, который на время потерял определённое количество местных завсегдатаев, не слишком-то переживал на сей счёт, потому что взамен получил много новых. И те, хотя и выглядели странно и даже страшно, на деле оказались просто великолепными клиентами, которые напивались и дебоширили куда меньше, чем большинство городских пьяниц. Так что

теперь старик уже отменно научился готовить поджаренные свиные шкуры – любимое лакомство этих странных северян – и был вполне доволен жизнью.

– Вижу, ты не передумал, – проговорил Шервард, не дав беспокойству проникнуть в голос.

– Я же говорил, – тоже стараясь бодриться, ответил ему Бруматт, невольно косясь на деловито снующих вокруг островитян. – Я хочу с тобой. Только вот... Оружия у меня нет.

– Это не беда! – северянин снова ободряюще хлопнул приятеля по плечу. – Ты знаешь келлийцев – они всегда таскают много оружия. Найдём тебе оружие и доспех.

– И когда мы отправляемся? – благодарно кивнув, нервно спросил Бруматт.

– Не знаю, – признался Шервард. – Это решает Враноок. Мы ждём остальных. Думаю, что скоро.

– А кто решает, кому отправляться с вами?

– Ваш ярл, – пожал плечами Шервард.

– У нас нет ярла... – нахмурился Брум. – У нас есть магистрат.

– Я поговорю о тебе с человеком по имени Боден. Сейчас он много решает в Тавере. Если он согласится – мы возьмём тебя.

– Хорошо. Когда ты поговоришь об этом?

– Сегодня. Когда увижу его. Может быть скоро.

– Если ты пытаешься просто избавиться от меня... – обиженно начал Бруматт, явно слыша, с какой неохотой отвеча-

ет товарищ.

– Я уже говорил, – серьёзно ответил Шервард. – У нас не принято отговаривать мужчину. Если ты хочешь воевать – это твоё право. Тавер собирает собственный отряд. Боден может записать тебя туда. Я поговорю с ним.

– Мы будем в разных отрядах? – не просто разочаровался, но ещё и испугался Бруматт.

– Тебя не возьмут в дружину Желтопуза. Ты должен это понимать.

– Я понимаю... – поник головой Брум.

– Ты всё ещё хочешь идти? – втайне надеясь на отрицательный ответ, спросил Шервард.

– Конечно, – Бруматт упрямо поднял голову. – Я не ребёнок, чтобы мне был нужен присмотр! Надеюсь, твой Боден вооружит меня?

– Он даст всё, что нужно, – кивнул северянин. – Извини, я не могу пока быть с тобой. Отправляйся в таверну, или в мою комнату. До отплытия можешь жить у меня.

– Я буду ждать тебя здесь.

Брум несколько иначе представлял себе всё это. Ему-то казалось, что он станет центром внимания для Шерварда, что они вместе станут готовиться к походу. Но его другу, похоже, сейчас было не до того. И юноша растерялся, внезапно почувствовав себя ненужным. Не говоря больше ничего, он направился в таверну. Увы, *их место* было занято парой каких-то северян, и Брум уныло примостился за другим сво-

бодным столом.

Вскоре к нему подскочил мэтр Хеймель, и даже смог посидеть с ним немного – старику не терпелось поделиться с кем-то новостями и собственными мыслями. Трактирщик, судя по всему, был в самом радужном настроении, понимая, что в ближайшее время некому будет брать с него налоги. Он говорил о перспективах, которые открывались перед Тавером после его освобождения от ярма империи, так, словно кидуанцы действительно были жуткими угнетателями.

Вообще было удивительно, как быстро перестроились все эти люди, ещё несколько дней назад бывшие добропорядочными имперскими подданными. Сейчас же торговки на рынке поносили императора, городские мальчишки, ошиваясь под небольшими окошками местной тюрьмы, оскорбительно освистывали заточённых там офицеров легиона, на которых ещё недавно смотрели с немым восхищением.

С едким смешком Брум вдруг подумал про себя о том, что будет в случае поражения Враноока. Как скоро мэтр Хеймель поднимет кружку за здоровье его величества Гриварона, угощая легионеров за счёт заведения?..

Во всяком случае, беседа с трактирщиком развлекла юношу и отвлекла его от грустных мыслей. Когда мэтр Хеймель наконец отправился дальше по своим делам, Брум, меланхолично потягивая пиво, остался в одиночестве дожидаться Шерварда.

– Я был сегодня у Враноока, – пожав руку Шерварду, сообщил Боден. – Люди в городе интересуются – сколько ещё пробудет здесь флот. Не то чтобы твои соплеменники причиняют нам много неудобств, но, признаться, всем уже не терпится начать жить полной жизнью – открыть ворота, начать торговлю... Перестать таиться, в конце концов! Тавер теперь – вольный город, и нам пора уже перестать этого стесняться.

– И что сказал Враноок? – Шервард пропустил рассуждения торговца мимо ушей, сосредоточенный на главном.

– Сказал, что не больше двух дней. Он и сам понимает, что задержка работает не в его пользу. Огня в соломе не спрячешь – рано или поздно слухи о происходящем разойдутся. Наши люди и так работают, не покладая рук. Пришлось даже пустить слух о синивице, а то слишком уж много вокруг охочих сунуть нос в наши дела.

– Вы уже набрали свой отряд? – юноша лишь кивнул на всё вышесказанное. Проблемы Бодена – это проблемы Бодена, а у него самого есть о чём думать.

– Человек двести набрали, – небрежно пожал плечами Боден, для которого как раз это являлось делом десятым. – Люди не очень уж охотно записываются.

– Я нашёл тебе ещё человека. Возьмёшь?

– Вообще я этим не занимаюсь, – вновь пожал плечами торговец. – Пусть идёт к ассианскому храму на площади Обручей. Запись ведётся там.

– Это мой хороший друг. Мне нужно, чтобы всё было как надо, – настойчиво проговорил Шервард.

– Это ты о том пареньке, Хэддасе? – у Бодена, как и у всех хороших торговцев, была отменная память. – Хочешь пристроить его на местечко поспокойней?

– Я никуда не хочу его пристроить, – чуть резковато возразил Шервард, и это, пожалуй, лучше всего демонстрировало его обеспокоенность. – Я думаю, воины Тавера не станут передними отрядами...

– Все на это надеются, – понимающе хмыкнул Боден, несколько не обидевшись на северянина. – Да только на войне не бывает безопасных мест. Даже мы, оставаясь здесь, подвергаемся опасности...

– Как думаешь, – помолчав, проговорил Шервард. – А меня возьмут в ваш отряд?

– Отчего ж не возьмут? – усмехнулся Боден. – Нужен же им там хоть кто-то, кто умеет воевать!

Юноша смолчал о том, что сам ни разу не бывал в схватках. Равно как не обмолвился он и о том, что ярл Желтопуз, пожалуй, может и не отпустить его. Более того, это было очень даже вероятно. Однако у Шерварда почему-то возникло ощущение, что если его не окажется рядом с Бруматом в нужную минуту – всё закончится очень печально. А о том, чтобы тащить парня в дружину, и речи быть не могло. Во-первых, это право было дано не всякому островитянину, а во-вторых... Боден был прав, когда говорил, что впереди

в бой пойдут явно не шеварцы. И Бруматта в первых рядах быть не должно.

– Надеюсь, всех, кто отправится в поход, как следует вооружат? – вместо этого спросил он.

– За этим дело не станет! – заверил Боден. – Чего-чего, а оружия у нас в достатке. Вижу, ты опекаешь парнишку. Приятно видеть такую дружбу. Может, она станет заделом для дружбы между нашими народами.

– Просто мне важно, чтобы он вернулся живым. От него зависит его семья.

– Обычное дело... А что же твоя семья? Неужели у тебя нет родных среди вашей дружины?

– Нет... Был брат, но теперь уже нет... – невольно смутился Шервард.

– О, прости... – посерьёзnel Боден.

– Нет, он не умер! – замотал головой юноша. – Просто он остался дома.

– Ясно... – протянул торговец, явно не зная, что ещё сказать, хотя по нему было видно, что он безмерно удивлён этому.

И то верно – любой, кто хоть немного знал северян, был бы озадачен таким ответом. Шервард знал, что в дружинах иной раз попадались даже увечные бойцы – те, кто шёл в походы, уже потеряв руку или даже ногу. Так что представить себе, что келлийский воин «просто остался дома», было довольно сложно.

– Мой брат – храбрый человек, – поспешил заступиться за Тробба юноша. – Но у него есть свои проблемы... Выпивка – самый главный его враг...

– В жизни всякое бывает, – серьёзно согласился Боден. – Впрочем, у меня немного иное представление об этом. Мне кажется, выпивка не может быть врагом. Что это, как не просто скисшее в воде зерно? Нет, не выпивка нам враг, как не может быть врагом голод, болезнь или чья-то стрела... Враг у нас всегда один – мы сами. А всё остальное – лишь его оружие... Если справимся с собой – остальное нам ни по чём.

– Так даже хуже, – подумав немного, вздохнул Шервард.

– Да... Мало кому удаётся победить себя... Может, именно поэтому мы так любим сражаться с другими?

– Может быть... – философский тон, который внезапно получила беседа, был признаком того, что все важные темы уже обсуждены, и потому Шервард, которому ещё нужно было повидаться с Желтопузом, попрощался с Боденом.

Он знал, что Желтопуз сейчас расположился в той же гостинице, в которой жил он сам. Это была, пожалуй, лучшая гостиница в районе порта, но вот Враноок почему-то не стал заселяться туда. Возможно, он хотел максимально соответствовать образу вождя, или же это действительно было частью его натуры, но знаменитый конунг жил на том самом драккаре, на котором прибыл сюда. Вряд ли он боялся покушений – скорее действительно хотел быть поближе к своим людям.

Молодой ярл Желтопуз же не был так сильно привязан к своему образу, и потому не мог упустить возможности пожить «как истинный шеварец». Именно поэтому Шервард за все эти дни так и не сумел увидеть Враноока, но зато каждый вечер имел возможность перекинуться словечком с Желтопузом.

Надо сказать, что тот поначалу даже не понял, чего хочет от него его лучший лазутчик. Когда Шервард попросил разрешить ему перейти под начало таверского ополчения, Желтопуз взглянул на него с тем растерянным выражением лица, какое есть у человека, не понимающего – то ли он что-то не расслышал, то ли его собеседник сошёл с ума.

– Это ещё зачем? – по виду юноши ярл всё же понял, что не ослышался. – Ты настолько прикипел к шеварцам?

– К одному из них, – прямо ответил Шервард. – Он решил записаться в ополчение из-за меня. Мы – друзья. Но он не слишком-то расположен к службе. Я хочу быть рядом, чтобы помочь ему.

– Рядом с ним будет его командир и сослуживцы, – жёстко возразил Желтопуз. – Если твоему другу нужна нянька в походе – ему лучше бы остаться дома. Да и не смех ли будет, если келлийский воин станет служить под началом шеварца? Ничего не имею против них – они хорошие парни, пожалуй... Но в военном деле они же – полные олухи! Там, под стенами Кидуи, они всегда будут где-то за нашими спинами.

– Мы все там будем делать общее дело, – Шервард не то

чтобы прямо возражал ярлу, но всё ещё надеялся выправить ситуацию.

– Дело-то общее, да делать мы его всё равно будем по-разному. Ты – часть моей дружины, Шервард. Дружина – это не просто сборище мужиков, отправившихся куда-то помахать топорами. Мы – семья. Мы даже больше чем семья, дружище. В бою мы – продолжение друг друга. Когда придёт час – ты должен быть со своими братьями. И ты должен думать в первую голову об их безопасности, об их нуждах.

Шервард не знал, что ему возразить на справедливые слова Желтопуза, но и не мог сдаться. Не ради Бруматта, но ради Динди он должен был попытаться ещё. И хотя между ним и ярлом были вполне приятельские отношения, нутром юноша понимал, что сейчас не стоит переходить определённых границ – не тот случай. И потому он не стал спорить, а вместо этого, напустив на себя самый унылый и потерянный вид, молча уселся у стола, избегая глядеть на Желтопуза.

– Шевар плохо повлиял на тебя, брат, – хмуро покачал головой тот после некоторого молчания. – Ты как будто забыл наши обычаи. Ты убиваешься об этом шеварце, как о родном, а ему ведь ещё даже не грозит никакая беда! Думай лучше о своих боевых товарищах. Всё же между нами и Шеваром – целое море. Неизвестно, как в дальнейшем Отец всё справит – будет ли у нас мир с Шеваром, или нет... Но даже если и будет – мы, островитяне, всё равно должны держаться друг друга!

Шервард в ответ лишь кивнул и тяжело вздохнул. Он понял, что Желтопуза не переубедить. Даже если он сейчас выложит ему всё как на духу – про Динди, про Лойю, про надежду обрести семью – это не изменит позиции упрямого ярла. Он убеждён в своей правоте, оваянной обычаями и понятиями целых поколений келлийцев. Говоря откровенно, юноша не очень-то и верил в иной исход этого разговора. И уж подавно он не стал даже заикаться о том, чтобы принять Бруматта к ним.

– Может, есть другая причина для твоей просьбы? – глядя на унылое лицо Шерварда, поинтересовался Желтопуз. – Говори всё как есть, брат!

– Да нет... – вяло пожав плечами, промямлил Шервард.

– Точно? – ярл пристально взгляделся в глаза юноши. – Извини, но я спрошу прямо. Может быть, ты просто боишься идти в бой, и потому хотел бы попасть в отряд шеварцев, чтобы быть подальше от заварухи?

– Я не боюсь! – Шерварда разозлило это нелепое предположение.

– Я знал многих храбрецов, которые боялись перед первой схваткой, – примиряюще заговорил Желтопуз, пытаясь выправить положение. – Это нормально, брат. Я и сам чуть в штаны не навалил в первый раз...

– Я не боюсь! – рявкнул Шервард. – Чего мне бояться? Смерти? Этой осенью я видел, как умирал от старости мой отец. Поверь, ярл, бояться нужно именно такой смерти!

Смерть в бою – легка и весела.

– Да, прости, брат, – мягко проговорил Желтопуз, видя, что оскорбил приятеля. – Вижу, что сморозил глупость... Видно, Шут решил поразвлечься за мой счёт... Тут ты прав – старость будет пострашнее стрелы или копья... Это враг более неумолимый и жестокий, чем имперские легионеры...

– Старость – не враг... – припомнился Шерварду его недавний разговор с Боденом. После яростной вспышки он вновь остыл, и меланхолия снова овладела им. – Враг – внутри нас. И с ним мы сражаемся всю жизнь.

– Как знаешь, – пожал плечами Желтопуз, похоже, не поняв до конца, что хотел сказать юноша. – Но не вини ни меня, ни себя. Всё должно идти так, как это определено законами богов и людей. Мне очень жаль, что я огорчил тебя, но ты должен понять. Я не мог ответить тебе иначе.

– Когда мы отправляемся?.. – кисло спросил Шервард, лишь кивнув в ответ на слова ярла.

– Через два дня. Самое позднее – через три. Враноок планирует завтра отправить передовые суда. Нам не стоит сильно отрываться от них.

Здесь следует пояснить, что Враноок весьма серьёзно подошёл к обеспечению секретности похода. Он понимал, что именно внезапность удара станет главным фактором, определяющим победу или поражение. Если в Кидуе станет известно заранее о подходе армады северян – это может значительно ухудшить положение.

А потому конунг загодя позаботился о том, чтобы минимизировать эту возможность. Уже некоторое время назад на юг были отправлены с два десятка быстроходнейших судов, выдающих себя за торговые корабли. Получив предупреждение о приближении северного флота, они должны будут создать преграду для тех кораблей, которые, загодя заметив опасность, попытаются добраться до столицы, чтобы успеть поднять тревогу. Все эти суда должны быть перехвачены и уничтожены.

Дополнительной защитой должны были служить так называемые передовые суда. Это уже были лучшие из келлийских драккаров, которые стяжали себе славу быстроходнейших судов едва ли не всей Паэтты. Кроме того, наличие двух рядов вёсел гарантировало, что даже при слабом ветре никто не сумеет уйти от этих охотников. Они должны будут двигаться впереди армады на расстоянии не более одного дня, и перехватывать все корабли, идущие навстречу.

Таким образом, Враноок рассчитывал на то, что в Кидуе ни одна живая душа не узнает об опасности, пока она не свалится прямо им на головы.

Всё вышло так, как и говорил Желтопуз. Через два дня Шервард уже грузился на свой драккар. В порту царила суматоха и было полным-полно людей. Юноша знал, где стоят корабли таверцев, но, к сожалению, не мог разглядеть там

Бруматта. Он точно знал одно – его друг где-то там, в этом водовороте голов и спин.

Увы, в предыдущие два дня ему не удалось переубедить упрянца. Тот уже вписал своё имя в список добровольцев, и, даже узнав, что будет разлучён с Шервардом, не сдал назад, хотя по нему было видно, что он расстроен и испуган.

Судя по всему, в город пытался пробиться и отец Брума, озадаченный и напуганный тем путанным посланием, что он получил через возницу. Но сеньора Хэддаса не пропустили внутрь. Точнее, его предупредили о невозможности покинуть Тавер в ближайшие несколько дней, и старый помещик не рискнул войти, глядя на ворота города как на пасть голодного чудовища.

В общем, Бруматт, также как и другие жители Тавера, по тем или иным причинам записавшиеся в ополчение, впервые в своей жизни взошёл на борт корабля. Впрочем, особенной радости он по этому поводу не испытывал. Впереди его ждало много дней болтанки в вонючем и тёмном трюме, в компании людей, с некоторыми из которых он, признаться, предпочёл бы никогда не знакомиться.

Ещё на причале на него наорал капитан Жовар – их командир, причём Брум так и не понял, чем именно вызвал его недовольство. Он растерянно вертел головой, словно надеясь увидеть долговязую фигуру Шерварда, но тот, как мы знаем, был довольно далеко отсюда.

С этой толчеи, суматохи и сумятицы и начался военный

поход для Бруматта Хэддаса. И сейчас ему казалось, что даже тогда, заблудившись в дремучем лесу, он не был настолько близок к страшной беде. Увы, назад дороги уже не было – юноше казалось, что даже случайный взгляд, брошенный в сторону причала, вызовет новый поток ругательств от капитана Жовара, и потому он теперь тихо и безучастно сидел, притулившись спиной к фальшборту. Всё происходящее было столь нереально, что казалось кошмарным сном, горячечным бредом.

Он постарался отстраниться от происходящего, вызывая в памяти до слёз дорогие лица Риззель и Динди, но действительность была куда грубее и ближе, постоянно напоминая о себе то каким-то неловким добровольцем со столь же потерянными лицом, который споткнулся о ноги Брума, то резкими криками капитана Жовара. В этой круговерти спасительные образы то и дело исчезали, оставляя его один на один с реальностью.

А где-то в море, примерно в полумиле от таверского порта, на борту келлийского драккара ещё один человек, меланхолично глядя на удаляющийся город, тоже думал о Динди и Риззель. Он также мечтал однажды вернуться и увидеть их. И молил милосердную Мать, чтобы вместе с ним к сестре и племяннице вернулся живой и здоровый Бруматт.

Глава 48. Заботы

Несмотря ни на что, Линд ждал от наступившего лета чего-то хорошего. Он, как и наверное все северяне, любил лето. Многие кидуанцы ещё загодя начинали стонать и кривиться, предвкушая жаркие маревые улицы столицы, душные ночи и вездесущую пыль, но Линд был не из их числа. Ему нравились длинные дни и короткие ночи, а от жары он слишком уж не страдал.

В общем, лето – это было уже хорошо само по себе, но дело было не только в нём. Главное, что этим летом, или (уж самое позднее!) в начале осени он собирался сыграть свадьбу с Кимми. Откровенно говоря, «собирался» – быть может, и не самое удачное слово, поскольку здесь всё за него решила сама будущая невеста, а также её папаша, который, как и все толковые торговцы, умел быть въедливым как клещ и убедительным как пыточных дел мастер.

Что же касается самого Линда, то он, говоря по правде, попал в довольно-таки щекотливую ситуацию. Как мы помним, он получил от отца недвусмысленный отказ и даже угрозу лишения наследства в случае этой свадьбы. Второе письмо барона Ворлада, несмотря на все надежды юноши, по своему смыслу мало чем отличалось от первого.

Отец, которого здорово покорило решение отпрыска стать городским стражником, не особенно проникся и его

повышением до лейтенанта гвардии. Впрочем, он всё же поздравил сына, хотя и не преминул добавить, что эта должность может послужить для него неплохим подспорьем для начала военной карьеры. Однако же, вероятнее всего барон был доволен карьерным ростом сына, хоть и ни за что не показал бы этого. Что ни говори, а лейтенант гвардии Кидуи – весьма неплохая должность, сулившая в перспективе и почёт и достаток.

Однако же это ни в малейшей степени не стало аргументом для одобрения свадьбы с дочерью торговца. На сей раз барон Ворлад уделил этому больше строк, нежели в предыдущем письме. Он полагал, что хитрая простолюдинка просто пользуется доверчивостью юного обормота (отчего-то отец использовал именно это странное выражение), и что вместо любви здесь – один голый расчёт. Как мы знаем, в этом конкретном случае барон действительно оказался прав, но, возможно, это ровным счётом ничего не говорило о его прозорливости, а только лишь подтверждало поговорку о том, что каждый думает в меру собственной испорченности.

Линд оказался между молотом и наковальней. С одной стороны, вокруг него постоянно вились будущие родственники, и в особенности отец Кимми, да и сама она всю использовала свои чары, чтобы сделать молодого лейтенанта податливее. С другой же – фигура отца, что довлела над ним мрачной тенью на горизонте. Вообще до сих пор юноша не имел возможности наблюдать отцовский гнев во всей

его полноте. Ни в истории с побегом, ни в истории с Динди барон не проявлял излишней строгости. Кто знает, может и на этот раз всё ограничится лишь его грозными посулами? Однако проверять это не очень-то хотелось, учитывая, что речь шла о каком-никаком наследстве.

И всё же, как бы ни страшил Линда отец – его не было поблизости. В отличие от Кимми и её семейства. У них как раз было вполне достаточно времени, чтобы вселить в гвардейца побольше уверенности. И в конце концов Линду начало казаться, что он действительно готов бросить вызов отцу.

Начал он с того, что дал своё твёрдое обещание будущему тестю, что свадьба непременно состоится не позднее будущей осени. Эту задержку он объяснял, впрочем, не назревающим конфликтом с отцом, а необходимостью подготовки к столь значимому событию. Жалование лейтенанта городской стражи было неплохим, да и мошна отца Кимми, даже несмотря на некоторый ущерб, понесённый в ходе Белой Смуты, была полнёхонька. Однако же для того, чтобы сыграть ту свадьбу, что любила описывать Кимми, требовалось действительно много денег. Девушка, даром что была простолюдинкой, похоже, видела себя уже едва ли не представительницей высшего света столицы.

Таким образом, Линд выиграл для себя немного времени, но, говоря откровенно, ума не мог приложить – как ему теперь правильно этим временем распорядиться. Ехать в имение к барону, чтобы в личном разговоре вымолить его от-

цовское благословение, юноша не мог из-за службы. Точнее, он, вероятно, вполне сумел бы выправить себе две-три недели отпуска, чего могло бы хватить на поездку туда-обратно, но Линд боялся столкнуться с проблемой лицом к лицу. Увы, в данном случае он выбрал несколько странную выжидательную позицию, словно надеялся на какое-то чудо, которое разрешит всё само собой, без его участия.

Впрочем, Кимми с семейством делали всё, чтобы укрепить его дух, и это, как мы знаем, принесло свои плоды. В конце концов Линд решил просто «не замечать» недовольства отца точно так же, как он прошлым летом решил не замечать существования дочери. Он не стал ничего сообщать барону Ворладу – тот всё равно ни за что не приехал бы на подобную свадьбу, так к чему злить его лишний раз? Кто знает – может так случиться, что отец и до конца жизни не узнает о том, что его отпрыск женат!

Кроме того, Линду уже исполнился двадцать один год, так что теперь отец при всём желании не мог повлиять на его решения иначе, чем собственным авторитетом. Молодой человек с полным правом мог жениться и вообще делать всё, что ему вздумается.

Таким образом, Линд уже вполне серьёзно начал готовиться к предстоящей свадьбе, что, впрочем, оказалось делом совсем не обременительным. Точнее, конкретно от него требовались лишь деньги и формальное одобрение того, что успевала нафантазировать себе Кимми. Однако это не слиш-

ком-то огорчало юношу – как и всех молодых женихов, его пугала необходимость заниматься планированием свадьбы, и он охотно делегировал эту обязанность своей невесте.

Кроме явных успехов в личной жизни он вполне преуспел и в карьере. Молодой лейтенант (*самый* молодой лейтенант городской стражи Кидуи) был на весьма хорошем счету у начальства, и дело тут было не только в его голубых кровях. Он действительно был хорош в этом, что признавали даже самые придирчивые из критиков – его собственные подчинённые. Похоже, что за минувший год они даже подзабыли самого Логанда.

К слову о Логанде. Вопреки надежде Линда, он так и не объявился ни минувшей осенью, ни зимой. Никто не видел бывшего лейтенанта с тех самых пор, как он покинул Кидуи в прошлом году, и никто не имел ни малейшей весточки о нём – хотя бы даже простой сплетни. К сожалению, Логанд Свард словно сгинул на бескрайних просторах империи, и, признаться, уверенность Линда в том, что он ещё увидит приятеля однажды, заметно пошатнулась.

Но, говоря по правде, голова юноши сейчас была забита таким множеством разнообразных вещей, что он вспоминал о Логанде совсем нечасто, и ему некогда было сожалеть о нём. Он думал о Кимми, о предстоящей свадьбе, о службе, и мысли о пропавшем друге были лишь небольшими мрачными пятнышками на общем вполне лучезарном фоне.

В общем-то, было и ещё кое-что, заставлявшее хмуриться

время от времени обычно жизнерадостного Линда. Как он ни старался, но не смог полностью позабыть о существовании Динди и её (её, а не *их*) дочери. Каждый раз это воспоминание неприятно хватало его за внутренности, оставляя болезненное послевкусие.

Дело было не в опасениях, что этот ребёнок может каким-то образом испортить ему жизнь. Линд понимал, что Динди навсегда останется на побережье Серого моря, погребённая заживо в своём унылом имении. Нет, он не боялся однажды увидеть Риззель... Пожалуй, ему было больно именно из-за того, что он её не увидит. И вовсе не потому, что он скучал по этой девочке.

Линд считал себя хорошим и порядочным человеком, и оттого тяжело переживал собственную подлость. В те моменты, когда воспоминания о Динди и ребёнке являлись к нему подобно скорбным призракам, он страдал от презрения и одновременно от жалости к себе. То, как он поступил, выглядело для совсем ещё молодого человека, не успевшего стать циником, настоящей низостью. И тот факт, что он боялся признаться в этом даже самому себе, заставлял его страдать ещё сильнее. И от этого становилось пронзительно жаль себя – жертву обстоятельств, жертву нелепой и случайной ошибки.

И отчего-то ещё неожиданно жаль было малютку. Рассказ Логанда о мёртвом малыше, похоже, здорово повлиял на Линда, и сейчас он против воли воспринимал неведомую

ему Риззель как несчастную жертву. И действительно – если разобраться, то судьба ребёнка была совсем уж незавидной. Воспитываемая умалишённой матерью в богами забытом поместье, эта девочка, похоже, была обречена на унылую серую жизнь, хотя могла бы жить в столице, среди нормальных людей, не будь её папаша таким отъявленным трусливым подлецом...

Всё это время от времени терзало душу Линда, однако же он явно предпочитал эти страдания столкновению с реальностью и теми проблемами, что неизбежно обрушатся на него после этого. Его ждала, кажется, вполне приятная жизнь, и он не хотел, чтобы нечто подобное испортило её.

Амбиции у юноши были вполне нескромными. Несмотря на то, что он, кажется, всё больше с каждым днём ненавидел Кидую, он всё же подумывал о том, какие перспективы открывает перед ним служба. Учитывая то, с какой умопомрачительной скоростью он взлетел до чина лейтенанта, нетрудно было предсказать, что не столь уж далёк тот день, когда он примерит на себя погоны капитана, а дальше – кто знает? – он вполне сможет однажды занять место самого Сэндона.

Разумеется, к тому времени у него уже будет большая семья – любящая жена и несколько детишек, которым он воздаст всё, чего была лишена Риззель. Разумеется, у него будет собственный особняк в городе, а не съёмная квартира. Иногда Линд всерьёз подумывал о том, чтобы при возможности выкупить отцовский дом в Руббаре, где его семья могла бы

жить вдали от ненавистной Кидуи. Но это, разумеется, в будущем – пока что у него просто не было на это средств.

Впрочем, если столичная жизнь окончательно станет ему невмоготу (а иной раз, особенно во время нечестных, хвала богам, теперь ночных патрулей, он чувствовал, что находится уже на грани при виде тошнотворной изнанки этого заплывшего жиром города), он всегда может попробовать себя на военном поприще. Теперь, как справедливо замечал отец, сделать это будет значительно проще. И тогда можно будет уехать из Кидуи хоть в Тавер, хоть ещё куда-нибудь. Но, разумеется, Линд не собирался забираться в глушь – удобства и радости городской жизни были слишком уж очевидны. А в империи было полно городов не столь развращённых и омерзительных, как столица.

В общем, мы видим, что Линд был полон самых разных мыслей, и мыслей по большей части приятных. И потому он с надеждой встретил это лето 1967 году Руны Чини.

Позёвывая, Линд шёл ранним утром в кордегардию. Это было то краткое время, когда город становился даже хорош. Людей на улицах ещё не было, утренняя прохлада ласково бодрила, а восходящее солнце окрашивало стены в розовое и золотое. В этот час развратная и наглая Кидуа вдруг становилась тихой и кроткой, будто послушница арионнитского монастыря. И сейчас она была даже красива, как юная неопыт-

ная шлюха, смывавшая под утро слой румян и белил, под которым оказывалась пока ещё свежая нежная кожа.

В последнее время работы у молодого лейтенанта прибавилось. Пару недель назад внезапно помер Папаша. Несколько часов он просидел в кордегардии, прикинув головой к стенке, покуда остальные сообразили, что старый сержант не спит. И вот уже пару недель Линд никак не мог назначить нового сержанта. Он взял на себя все дежурства Папаши, и теперь лично ходил в дозоры, но на все предложения новых кандидатур на должность он пока лишь отмахивался, делая вид, что страшно занят.

Он действительно был занят, хотя хватило бы одной подписи на листке, чтобы снять с себя эти лишние обязанности. Но он не мог. Папаша в последнее время был ему кем-то средним между другом и отцом. Судя по всему, он занял в его жизни то место, что прежде было за Логандом. Линд, зная, что барон не приедет на свадьбу, уже попросил Папашу побыть ему за отца, и старик, конечно же, согласился. И вот так вот подвёл его – не только как командира, но и как... сына?..

Войдя в кордегардию, Линд дружески поздоровался с дежурившими там гвардейцами, и затем направился в свой рабочий кабинет. Сегодня ему предстояло дневное дежурство, и нужно было успеть сделать до этого кое-какие дела.

Дневные дежурства сейчас были, пожалуй, даже хуже ночных. Городская шваль пряталась днём по своим щелям, как

прячутся от солнца мокрицы и черви, так что в дневные смены обычно ничего особенного не происходило. И потому-то они были совсем уж скучны и тяжки – набивший оскомину обход одних и тех же улиц, в полной экипировке, да по такой жаре... Мало приятного...

И опять же – он легко мог избежать этого. Всего-то и нужно, что назначить сержанта, тем более, что достойных парней хватало. Тот же Сэйри или Тонг – почитай, готовые сержанты... Но нет... Линд опять занялся своей командирской рутинной – составление расписания дежурств, написание каких-то отчётов для вышестоящего начальства... У него было не больше часа на всё это, а затем нужно было заступать в наряд...

Когда Линд вновь вышел на улицы города, они уже были пропитаны летней жарой. Вздохнув, он уныло поплёлся по знакомому маршруту, а за ним с той же тоскливой обречённостью топали три гвардейца. Впереди было несколько часов духоты, смрада и шума...

На одной из городских площадей людской гомон прорезал визгливый крик одетого в лохмотья человека. Это был один из тех бродячих проповедников, которые мало чем отличались от городских сумасшедших.

– Наступают последние дни этого мира! – уже сорванным, уставшим голосом вопил он. – Скверна пожрала его, и он больше ни на что не годен, как съеденный ржой железный обод! Боги отшвырнут его вон и оставят гнить в придорож-

ной канаве!

Линд едва прислушивался к этим крикам. Городская стража не гоняла подобных юродивых, ведь те были совершенно безобидны. Они всегда предвещали какие-то катастрофы, бедствия, гибель мира. Иногда они случайно попадали в цель – например, когда начинались эпидемии синивицы, горожане обязательно вспоминали, что такой вот «святой человек» предупреждал их об этом, да они не вняли этим предупреждениям. И тогда обыватели бежали в храмы Арионна, вымаливать прощение, но лишь гарантировано хватали заразу в этой толчее...

Чаще же подобные «пророчества» просто забывались через некоторое время, поскольку за ними не следовало никакой божьей кары. Однако кидуанцы, как и все заядлые грешники, были одновременно весьма набожны, а потому уважали и побаивались этих крикунов, не обижая, а напротив – подкармливая их.

Для Линда же ближайшие несколько часов были поистине «божьей карой» и даже «концом мира». Он уже взмок под мундиром, а по лицу сбегали капельки пота, неприятно щекоча кожу. И потому его скорее раздражал высокий дребезжащий голос. Однако же он был городским стражем, и это была его работа. А потому он потопал дальше, и в спину ему несло, постепенно затихая:

– Огонь и смерть обрушатся на город греха! Грешники будут лизать горячие камни и молить Асса прекратить карать

их, но он не остановится, пока горячая пустыня не ляжет на
месте этого грязного города!..

Глава 49. Накануне

Похоже, боги благоволили этому походу. Хозяин разогнал шторма и бури с пути северного флота, Воин ниспослал быстроту и победу передовым судам, отловившим уже не один корабль из тех, что могли бы заметить армаду и донести об этом императору. При этом северяне проявляли не свойственную им обычно предупредительность – поскольку им попадались рыболовецкие либо торговые суда, то им всегда предлагали сдаться подобру-поздорову, а затем невольных свидетелей принуждали причалить к берегу, где команду запирали в собственных трюмах на денёк-другой – до тех пор, покауда они уже не смогут навредить. И, надо сказать, героев среди этих достойных моряков обычно не находилось.

Великая Мать тоже приглядывала за своим народом – все были здоровы и веселы, и даже грубая солонина с ячменными сухарями шла впрок. Ну а Дурак, если и не помогал, то, во всяком случае, не мешал. Должно быть, Отец запер его куда-то от греха подальше.

Шервард иной раз задумывался о южных богах – Арионне и Ассе. Если они действительно существуют – то насколько они могущественны? Смогут ли защитить свои земли и своих людей? Сумеют ли выстоять перед натиском Отца и Воина? Хотелось надеяться, что боги южан окажутся так же жидки, как и они сами. Всё же так далеко от своих исконных

земель келлийцы ещё никогда не забирались...

Впрочем, пока ничто не говорило о том, что эти боги-братья гневаются и готовятся дать отпор. Ветер был попутный, море – спокойное, небо – ясное. Либо северные боги прогнали южных подальше, либо никаких Арионна и Асса не было вовсе.

Сердце Шерварда радовалось, когда он глядел вокруг. И действительно, зрелище было прекрасным и вдохновляющим. Кругом были драккары – их были десятки, а скорее даже сотни. Некоторые шли в каком-нибудь полёте стрелы от драккара, на котором находился юноша, другие были едва видны на горизонте.

За столько дней Шервард уже неплохо распознавал соседей. В основном, здесь шли драккары с Баркхатти, в том числе и ещё несколько кораблей Желтопуза. Но было и несколько судов, на которых были представители иных народов. Так в нескольких полётах стрелы, например, шёл драккар, на котором находились странные жители Прианурья – дикой и далёкой страны, что формально считалась частью империи.

Этот драккар выделялся среди прочих, но не внешне. Дело в том, что прианурцы едва ли не каждый вечер затягивали свои странные песни, больше похожие на вой перепивших браги волков. Эти песни наводили тоску и даже страх, эхом гуляя над чернеющим морем. Спутники Шерварда, да и сам он, ворчали из-за этого, а иной раз кто-то, чьи нервы не выдерживали этого заунывного воя, начинал кричать певцам,

понося их последними словами и призывая заткнуться.

Однако, к сожалению, затыкали обычно именно крикуна. Форинг ли, или ещё кто-то из старших на судне, одёргивали бедолагу, приказывая замолчать. Странно, но этих полудиких людей с далёких болот как будто бы даже побаивались. Многие прианурцы, как видел сам Шервард, носили странные головные уборы, напоминавшие волчьи головы, и среди его спутников шептались, что они – оборотни, ночами принимавшие облик волка.

Учитывая, что на драккаре прианурцев команда была келлийской, Шервард от всей души сочувствовал этим парням. Его продирали мороз по коже всякий раз, как с заходом солнца над волнами внезапно разносился пронзительный вой нескольких глоток. А затем он, словно эхо, слышал вой где-то вдалеке – это вторили своим соплеменникам дикари, находившиеся на других драккарах.

Увы, Шервард не мог разглядеть судна, на котором сейчас был Бруматт. Он представлял, как парню, должно быть, приходилось трудно, и скрежетал зубами от жалости к другу. Но поделаться он ничего не мог. Судьба разбросала их, и совершенно необязательно, что они увидятся потом, у стен Кидуи. Здесь были десятки тысяч людей, и среди них два человека были больше похожи на две песчинки, подхваченные морской волной. Оставалось лишь надеяться, что Бруматт достойно переносит происходящее...

Келлийские драккары так же мало подходили для дальних путешествий, как и его повозка... Удивительно, что эти суровые люди могли месяцами не сходить на берег, болтаясь в своих плавучих гробах и питаясь заплесневевшим мясом!..

На их драккаре был хотя бы трюм, в котором в вонючей тесноте спали больше девяти десятков человек. И всё же это была какая-никакая крыша над головой, защищавшая от солёных брызг, ветра, жгучего солнца, дождя... Как говорили некоторые новые знакомые Брума, на многих обыкновенных драккарах никаких трюмов не было, и келлийцы преспокойно спали прямо на палубе даже во время шторма.

Хвала Арионну, сейчас штормов не было. Первые дни, пока они ещё шли по водам Серого моря, болтанка была довольно сильной, отчего большинство его спутников, да и сам Брум то и дело бегали к борту. Теперь же они шли уже по Загадочному океану, и болтало куда меньше. Впрочем, быть может, он просто постепенно привыкал...

Ещё в Тавере, когда юноша представлял себе предстоящее путешествие, он отчего-то полагал, что они станут чуть ли не каждую ночь причаливать к берегу, чтобы отдохнуть в покое. Увы, в этом он жестоко ошибся. За все эти бесконечные дни, что они провели в море, их драккар приставал к берегу лишь дважды, и оба раза этот ублюдок Жовар запрещал им даже глядеть в сторону берега, словно опасаясь, что они дадут дёру.

Говоря по правде, Брум уже всерьёз подумывал об этом. Ясно было, что военные походы не для него. Также, как тогда, когда он последовал за Линдом, он с беспощадной и запоздалой ясностью ощутил, насколько чуждо, болезненно и пугающе то, что окружало его теперь. Привыкший ко вполне определённым комфорту поместья, он с ужасом взирал на грубую, почти несъедобную пищу, на необразованных, не умеющих себя вести сослуживцев, на вонючее сырое тряпье, заменявшее им постели...

Будь здесь Шервард, всё было бы куда проще. Увы, среди тех, кто изъявил желание записаться в этот поход, не было людей его круга. Всё это были мужчины разного возраста, и среди них было несколько, что приходились Бруму почти ровесниками, но всё же большинству было уже за тридцать. И всё это были люди из бедных кварталов, которым нечего было терять в Тавере, и которые надеялись таким образом немного поднажиться на грабеже столицы. Почти все они были неграмотными, а их корявая речь была полна слов, которых Брум не слышал и от своего дворника, и которые больно резали его слух своей грубостью.

Те же, разумеется, распознав в Бруме «барчука» стали цепляться к нему ещё больше. Это не переходило определённых границ – никто не оскорблял его, и уж тем более не задирал. Все эти «воины» были, в большинстве своём, щуплыми доходягами, так что Брум, без сомнения, в схватке один на один одолел бы почти любого. Но они брали своей наг-

лостью, а также тем, что их было много, и они, похоже, выбрали растерянного мальчика объектом своих незамысловатых грубых шуток.

Надо сказать, что капитан Жовар также отчего-то невзлюбил парня, и потому не особенно мешал остальному отребью самоутверждаться за его счёт. Увы, но команда, состоявшая из келлийцев, никак не вмешивалась в происходящее, живя своей жизнью. Брум как-то заговорил с одним из них, упоминая имя Шерварда, в надежде, что те его знают и возьмут под опеку друга их земляка, но северянин лишь равнодушно помотал головой. Он не знал, разумеется, ни слова на имперском, а келлийский Брума был весьма плох и ограничивался всего несколькими словами. Впрочем, похоже, что эти островитяне не знали Шерварда, и потому всё остальное было уже неважно.

Никогда ещё Брум не сожалел так сильно о каком-либо из своих решений. Разумеется, он предполагал, что ему будет тяжело, но думал, что то будут «благородные» тягости, а не это вот постоянное унижение. С тех пор, как отец сделал его вторым человеком в имении, он привык, что все его уважали, а простолюдины даже и заискивали перед ним, особенно торговцы и колонны. И ему было почти невыносимо терпеть теперь эти презрительные насмешки. С ним опять говорили, будто с избалованным ребёнком...

И самое главное, что он не знал, как исправить ситуацию. Поддерживать их скабрёзные разговоры, ввязаться в драку,

подлизываться к тем из них, что стали неформальными за-
правилами? Или, быть может, пожаловаться капитану Жовару?..
Всё это претило юноше, и потому он так и проводил
всё время в одиночестве, тоскливо глядя на разбросанные
по всему морю корабли, словно надеясь увидеть на одном из
них Шерварда. Юноше казалось, что если он только заметит
приятеля, то, не раздумывая, бросится в море и поплывёт к
нему.

Увы, Брум был доведён до той степени отчаяния, когда
действительно вполне мог бы оказаться способным на это,
но, к счастью для него, драккар Шерварда был слишком да-
леко, чтобы они могли увидеть друг друга.

С тоской вспоминал он оставшихся далеко на севере Дин-
ди и особенно Риззель. Малышка снилась ему почти каждую
ночь, когда ему удавалось уснуть. Она, та, ради которой он и
отправился в этот ужасный поход, тянула к нему свои ручки,
словно звала обратно. Брум плакал во сне, и если бы в трюме
не было так темно, то, заметив эти слёзы, его сослуживцы,
пожалуй, взъелись бы на него ещё больше.

Это плаванье казалось бесконечным. По разговорам он
знал, что до Кидуи ещё далеко, но всё же то и дело поглядывал
вперёд, словно надеясь увидеть вдали её древние стены.
Брум, в отличие от Линда, плоховато знал географию, и по-
тому был уверен, что столица империи расположилась пря-
мо на побережье. Но, как бы то ни было, до конечной цели
их путешествия было ещё много дней пути...

Линд дал себе слово, что самое позднее через неделю найдёт замену Папаше. Приближался День небесных огней³⁴, и к тому времени у него должны быть в наличии все сержанты, потому что работы будет много. Традиционно в последние годы День небесных огней совмещали с очередным Днём изобилия, так что улицы Кидуи будут полны народа, требующего хлеба и зрелищ.

Ему оставались лишь три смены – дневная и две ночных. Это были мелочи. Лейтенант уже почти определился с кандидатурой нового сержанта, но всякий раз что-то словно мешало принять окончательное решение. Уже дважды ему обращало на это внимание вышестоящее начальство, и Линд понимал, что у него вот-вот могут начаться неприятности.

Не говоря уж о том, что он устал. Совмещать должности лейтенанта и сержанта оказалось непросто. Логанд на его месте наверняка бы просто закрыл глаза на половину своих обязанностей, но Линд, чьё честолюбие, как нам известно, простиралось весьма широко, так не мог. И потому он, сце-

³⁴ День небесных огней – один из арионнитских праздников, отмечающийся в последний день дистрития. По преданию, во время решающего сражения между богом-королём Вейредином и королём Севера Горотом (подробнее об этом можно узнать в книге «Гвидово Поле») Асс наслал Тьму в помощники своему подопечному Гороту, и под покровом этой Тьмы войска северян стали теснить воинов Аментара. И тогда Арионн осветил потемневшее небо яркими огнями. Их свет воодушевлял людей Вейредина, но ослеплял и подавлял армии Горота. Это, якобы, как раз и помогло богу-королю переломить ход битвы.

пив зубы, тянул эту ношу, хотя она и порядком изматывала его.

Сейчас он гораздо реже виделся с Кимми – вот уже два или три дня он вообще не бывал у неё. Молодая невеста, разумеется, дулась, пеняла юноше на его невнимание. И без того раздражённому Линду это порядком действовало на нервы. В конце концов, они даже слегка поругались, и теперь юноша решил несколько дней побыть подальше от Кимми. Ему и самому нужно было остыть, а ещё он надеялся, что девушка забеспокоится, осознает свою ошибку и станет покладистее.

В общем, пока всё шло наперекосяк. Как мы помним, Линд с радостным предвкушением ожидал лета, но пока что оно явно не задалось... Впрочем, как только он перестанет ходить в караулы и сбросит с себя часть других обязанностей, не свойственных лейтенанту, всё снова придёт в норму. Нужно будет только лишь отдохнуть и хорошенько выспаться...

Глава 50. Вторжение

В ночной дали колыхалось оранжевое пятно света – такое тёплое и уютное на фоне ледящего света звёзд. Это была не Кидуа – теперь Шервард это знал. Это был Кинай, город-спутник великой столицы, её морские ворота. Именно с него начнётся вторжение, именно его северяне постараются взять в первую очередь.

Последние несколько дней гигантский флот шёл в открытом море, сильно удалившись от берега. Враноок справедливо опасался, что один не в меру зоркий рыбак и одна не слишком заморённая лошадь могут поставить крест на его планах. И теперь, когда спустилась ночь – заметно более тёмная, чем сейчас на Баркхатти или даже в Тавере – северный флот начал приближаться к берегу.

Шервард стоял у борта и глядел на такое мирное и спокойное сияние, исходившее от Киная. Людям, которые теперь уже безмятежно спят в своих постелях, через час или два предстоит пережить, быть может, самый страшный день в их жизни. Дион, верный помощник и друг Желтопуза, стоял рядом и, видимо, думал о том же.

– Ты когда-нибудь задумывался о том, – тихонько проговорил он. – Что на войне никогда не бывает неправых. Каждый, кто воюет, считает себя правым. Вот те люди на берегу – скоро они будут пытаться убить нас, и будут правы, кля-

нуса Даниром³⁵! Но ведь мы не хотим быть убитыми, и потому будем стараться убить их первыми. И тоже будем правы. И цели, которые привели нас сюда, выглядят правильными. Однако же, защита своего дома – священное право любого. И что же тогда получается? Если мы все правы – отчего же начинаются войны?

– Мой отец сказал бы, что это – проделки Шута, – пожал плечами Шервард.

– Да уж... Почему-то в этом мире всё устроено так, что то, что хорошо одному, обязательно будет плохо другому... Неужели таким создала его Великая Мать?.. Или это уж после Дурак постарался?..

– Чего скисли? – усмехаясь, подошёл к ним сам Желтопуз. – Какая разница, отчего мир устроен так? Он так устроен – значит, будем так жить! Моё мнение – в войне бывают правые и неправые. Правые – это победители. Кто победил – тот и был прав. Надеюсь, мы окажемся правы в этой войне!

– Скоро узнаем... – произнёс Дион.

Небо уже начало светлеть, когда первые келлийские драккары вошли в Кинайскую бухту. В порту было ещё совершенно тихо – рыбацкие судёнышки уже готовились выходить

³⁵ Данир – один из ближайших помощников Воина в мифологии келлийцев. Его представляют как могучего мужчину с громадным топором. А ещё Данир часто считается покровителем охотников.

в море, но им не дозволялось швартоваться в главном порту. На кораблях спали те матросы, которых оставили на страже и не отпустили в портовые кабаки. Стража лениво прохаживалась по пирсам на случай, если кому-то взбредёт в голову обчистить парочку судов. Впрочем, такое случалось крайне редко, и стражники это знали.

Келлийские драккары имели совсем невыдающиеся кили и сидели в воде довольно высоко, так что могли подойти едва ли не вплотную к берегу. Часть их отправилась в главный порт Киная, другие же рассредоточились в иных местах. И как только они оказывались достаточно близко к берегу, с них начинали сыпаться в воду вооружённые люди.

Враноок тщательно разработал план этого вторжения. Ещё в море флот перегруппировался таким образом, чтобы во время высадки не мешать друг другу. Конечно, в темноте сложно было быстро и точно выполнять необходимые манёвры, и потому совсем без эксцессов не прошло, но в целом северяне довольно скоро стали заполнять берег.

Оторопевшая стража была перебита меткими лучниками ещё до того, как успела поднять тревогу. Северяне не мешкали на причалах – нужно было как можно скорее двигаться дальше, чтобы не создавать толчеи. Команда каждого драккара пыталась занять своё место в общем строю, хотя, разумеется, и здесь всё не могло пройти гладко.

Воины Желтопуза оказались не в первых рядах. Когда Шервард наконец-то соскочил в прибрежные волны (их др-

аккар подошёл к берегу не в самом порту), в городе уже началась суматоха. Слышались крики, а вскоре забили колокола. Значит, передовые силы были уже внутри.

Юноша выбрался на сушу, где уже выстраивались его товарищи. Он заметил самого ярла, который криками подгонял тех, кто ещё выбирался из моря на берег. Ещё несколько драккаров были поблизости, и с них тоже сейчас происходила высадка. В большинстве своём это всё были как раз люди Желтопуза – в бледном свете подступающего рассвета Шервард узнавал многих.

В частности, заметил он и Тибьена, который, к сожалению, оказался на другом драккаре, так что они сумели увидеться лишь в Тавере, да теперь здесь. Увы, Тибьен отбыл до того, как Гене́йра разрешилась от бремени, так что Шервард не знал ничего о том, как всё прошло и кто родился у его сестры. Оставалось молить Великую Мать, чтобы роды прошли успешно... Сейчас же он успел лишь приветственно махнуть зятю рукой, надеясь перекинуться словечком позже.

Внезапно он вздрогнул, когда вновь раздался тот душевраздирающий визг, который прианурцы почему-то почитали за пение. Однако на сей раз этот вой не вызывал уныния – напротив, он бодрил, электризовал каждую клеточку тела, и сердце билось быстрее, а пальцы крепче сжимали лук. Лишь теперь Шерварду стал понятен смысл этих волчьих песен.

Он видел, как дикари готовились к битве. Казалось, что мёртвые волчьи глаза на их странных головных уборах сей-

час зажглись зловещим кровавадным светом. Прианурцы вопили, воздевая вверх копья и луки. Должно быть, горожане умрут от страха, едва лишь только услышав этот вой...

– Ну что, братья! – наконец воскликнул Желтопуз, видя, что его дружина приведена в относительный порядок. – Поторопимся, пока нам ещё что-то оставили! Брагард³⁶!

– Брагард! – завопил Шервард вместе с сотнями своих боевых товарищей.

И затем они бросились вперёд. Разумеется, никто из них не знал города. Они, словно вода, просто бежали туда, куда несли их русла улочек. Оторопевший Кинай не оказывал никакого сопротивления. Горожане забились под кровати, сквозь слёзы моля Арионна уберечь их. Городская стража, которая, пожалуй, могла бы организовать оборону, сумей гвардейцы собраться вместе, в данном случае ничего не могла сделать. Пару раз Шервард успевал заметить небольшие патрули, которые с глупым, но достойным уважением отчаянием пытались препятствовать наступающим, но, разумеется, это геройство оказывалось абсолютно бессмысленным.

Можно было с уверенностью сказать, что план Враноока удался на славу. Это могло показаться невероятным, но громадный флот обогнул едва ли не четверть побережья Паэты, и об этом так и не узнали в столице, покуда не стало слишком поздно. Мощь и самоуверенность империи сыгра-

³⁶ Брагард! – боевой клич келлийцев, дословно означающий «За Воином!». Это можно перевести также как «С нами Воин!».

ли здесь против неё. Похоже, правы оказались господа Ливьер и Тробиран, много лет назад напророчившие страшные беды заплывшему жиром государству...

Сам конунг не отсиживался за спинами своих людей. Его огромная фигура маячила в самых первых рядах, и многие келлийцы, восклицая «Брагард!», глядели при этом на своего вождя.

Учитывая, что подобных операций военная история ещё не знала, можно сказать, что высадка десятков тысяч людей с сотен судов на ограниченном участке побережья прошла просто идеально. Кинай не успел даже опомниться, как был весь наводнён захватчиками. Кое-где уже поднимались дымы, но вообще пока что северяне вели себя в городе относительно спокойно. Все предводители, начиная от Враноока и заканчивая людьми вроде капитана Жовара, много раз повторяли одно и то же – никаких мародёрств!

Дело тут было даже не в высокой морали, а в военном прагматизме. Если позволить воинам накинуться на Кинай – начнётся бардак. В любом случае, будет потеряно непростительно много времени, а именно время сейчас работало на армию завоевателей. Впереди ждала ещё главная добыча – Кидуа, столица великой империи.

В это невозможно было поверить. Линд уже сотню раз повторил про себя эти несколько слов: «На нас напали», но всё

ещё не мог отделаться от привкуса нереальности этой фразы. Если бы вчера его попросили назвать основные угрозы, которым он мог бы подвергнуться, находясь в Кидуе, пожалуй, войны даже не было бы в этом списке. Это казалось столь же невероятным, как если бы рыбы научились говорить.

Разумеется, как только он услышал о нападении на Кинай, то тут же рванул в главный штаб городской гвардии. Кидуа, конечно же, уже не спала. Ото всюду слышались тревожные голоса, крики, плач. Обыватели пока что были растеряны – они выглядывали из окон и дверей, но суматохи на улицах пока ещё не было. Никто не понимал, что происходит. Этим людям для начала нужно было хотя бы осознать произошедшее.

В штабе был не меньший переполох, чем на улицах. Растерянные лица офицеров не вселяли уверенности. Все переговаривались и выдвигали какие-то версии. В основном, все сходились на том, что это вероломное нападение совершили саррассанцы, но никто не понимал – почему. В последнее время отношения с южной империей были вполне ровными и даже, можно сказать, дружескими.

Масштабы этого вторжения пока что, разумеется, были неясны. Очевидным было одно – враг напал с моря, и Кинай, похоже, не сумел сдержать удар. Стоило ли ожидать штурма Кидуи, города, считавшегося одним из самых неприступных городов мира? Как скоро на помощь столице подойдут легионы, разбросанные по просторам необъятной империи? Ка-

ковы запасы в городе? Что предпринимает император?..

В общем, штаб не просто гудел – он стоял на ушах. Появление полковника Сэндона не особенно успокоило присутствующих. Старик был всклокочен, бледен и неопрятен, словно он одевался уже на бегу.

– Господа, что-то случилось, но мы пока не знаем – что, – начал он со свойственным ему косноязычием, да ещё и чаще обычного перемежая слова ругательствами. – Во дворце никто ничего не знает. В Кинае враг и, похоже, там они долго не задержатся. Бьюсь об заклад, кинайцы всё прозевали. А это значит, что скоро враги будут уже под нашими стенами. Это не проблема – стены Кидуи неприступны, особенно, когда их охраняют такие молодцы как вы. В городе есть военные, но, как вы понимаете, защита Кидуи – главным образом наша задача! Мы – городская стража! Поэтому сейчас же поднимайте своих людей – и на стены. Каждый знает свой участок?

Все присутствующие, и Линд в их числе, кивнули. Разумеется, в каждой кордегардии был план на случай именно таких ситуаций, и одна из обязанностей командира заключалась в том, чтобы каждый гвардеец знал основной порядок действий. Ох, как ворчали обычно его подчинённые, когда он, согласно правилам, раз в месяц проводил проверку! До сегодняшнего дня никто из стражников и помыслить не мог, что эти, казалось бы, совершенно ненужные им сведения однажды действительно потребуются.

Оставалось надеяться, что уже сейчас дежурившие в эту

ночь гвардейцы находились на своём участке стены, как предписывал устав. Они обязаны были сделать это даже в отсутствие командира. Остальные же, едва услышав тревогу, должны были мчаться в кордегардию за оружием и доспехами, и затем также отправляться на стены.

– Уверен, это ненадолго, – постарался заверить всех полковник. – Близкие к императору люди божились мне, что понятия не имеют, из-за чего психанули саррасанцы. Но я думаю, что в ближайшее время те, кому следует, со всем разберутся. Бьюсь об заклад, не позднее чем через неделю начнутся переговоры. И наша задача, господа – предоставить эту неделю его величеству. Не дать слабину, чтобы эти южане, – Сэндон присовокупил к слову «южане» несколько сочных отборных ругательств. – Чтобы эти южане не вообразили, будто могут иметь успех в штурме. Обломав несколько зубов, они откажутся от этого куска, поняв, что он не по их рту.

Ещё несколько минут полковник посвятил организационным вопросам, в частности – обеспечению защитников всем необходимым, в том числе и питанием. Но поскольку ситуация была весьма напряжённой и требующей быстрых решений, то на этом совещание было закончено. Каждый командир должен был отправиться сперва в свою кордегардию, а оттуда – на стены.

Несмотря на то, что Линд не спал всю ночь, сейчас он не чувствовал никакой сонливости. Наоборот – его сердце ко-

лотилось так, словно он весь день бегал вверх-вниз по винтовой лесенке главного арионнитского храма. Говоря откровенно, ему было страшно. И сейчас он как никогда ощущал себя юнцом с необсохшими от молока губами, которому нужно было командовать в самой настоящей войне. Именно необходимость быть ответственным за своих людей страшила его.

Молодой лейтенант, кроме всего прочего, очень переживал за Кимми. Он представлял, как, должно быть, она была сейчас напугана! Линду было ужасно жаль девушку, но он всё же не мог позволить себе изменить маршрут и забежать к ней, чтобы как-то успокоить. К чести юноши нужно добавить, что также он переживал и за Дырочку. Оставалось надеяться, что вечно боящегося всего старика не добьёт тревога за себя и, особенно, молодого господина. Но и домой Линд заскочить тоже пока не мог...

Разумеется, он ни на мгновение не верил в то, что такой великий и укреплённый город как Кидуа может быть взят, и потому считал, что все дорогие ему люди в безопасности (ну разве что старое сердце Дырочки могло не выдержать). Линд вполне поверил полковнику Сэндону, и потому полагал, что всё закончится через несколько дней. Наверное, будь он простым стражником, или даже сержантом – он сейчас чувствовал бы даже некое приятное волнение. Ничто так не будоражит, как лёгкая опасность.

Да, Линд сейчас не боялся смерти. Не потому, что был

таким храбрецом, а потому, что не верил в неё. Ну в самом деле – стены Кидуи высоки, на них большое количество защитников. Вряд ли враг решится на штурм! Скорее всего, удовлетворившись захватом Киная, они предпримут нечто вроде осады, ожидая переговоров. Само по себе это событие, разумеется, было куда более неординарным, чем та же Белая Смута, но при всём этом оно казалось сейчас и более безопасным.

Когда он добрался до стены, то вздохнул с облегчением – большинство его людей уже были здесь. К сожалению, отведённый им участок находился почти что в противоположной от Киная стороне, и потому всё, что Линд видел сейчас сверху – это вполне мирные пейзажи полей, ферм и рощ. Он даже почувствовал неожиданное разочарование. Казалось, что эта заваруха никак их не коснётся. Скорее всего, они проторчат тут пару дней, после чего им велят вновь возвращаться к унылому патрулированию улиц...

Бруму казалось, что он вот-вот обделается. Когда их корабль подошёл на несколько десятков футов к берегу и уже пару раз скребанул днищем по каменистому дну, капитан Жовар скомандовал высадку. Сослуживцев Брума сейчас было не узнать. Они уже не походили на подворотных забулдыг и городскую шпану. Серьёзные, собранные, они в этот момент действительно были очень похожи на военных. Один

из тех, кто стоял рядом с юношей, даже ободряюще хмыкнул и хлопнул его по плечу: «Не дрейфь, всё будет хорошо!».

И Брум будто бы проникся этим армейским единением, почувствовал себя частью лавины, надвигающейся на беспомощный Кинай.

– Держите руки кверху! – надрывался Жовар. – Старайтесь не намочить тетиву!

Брум послушно поднял руки с луком и колчаном перед прыжком, однако он оказался недостаточно ловким, чтобы таким образом перемахнуть фальшборт. Тяжело опершись, он перенёс своё тело и плюхнулся в воду. Здесь было неглубоко – вода не доходила ему даже до груди, но всё же он не удержался и с головой ушёл в солёную тёплую воду. Хвала Арионну, он хотя бы не выпустил оружие из рук, однако тетива, разумеется, промокла.

Впрочем, он был не единственным олухом (по определению Жовара) – большинство из его сослуживцев не сумели удержать руки так, чтобы не окунуть луки в воду. Да это и неважно – на этот раз мокрая тетива ещё послужит, хотя вскоре её, конечно, нужно будет заменить.

Таверцев высадили в некотором удалении от Киная. Когда Брум тяжело выбрался на берег, до города оставалось несколько сот шагов. Никаких стен здесь не было – галечный пляж подходил к коротким деревянным пирсам, у которых стояли лодчонки и небольшие фелуки. Поодаль от воды сушились раскинутые рыбацкие сети.

На берегу были сотни людей, и чем ближе к городу, тем их было больше. В Кинае уже били колокола, слышались крики и визги, кое-где поднимался дым. Келлийцы высадились гораздо раньше, и они, похоже, уже крепко взялись за несчастный город. Может статься, что таверцам уже и не достанется работы. Признаться, Брум был бы очень этому рад.

– Двинули, парни! – в этот момент даже говнюк Жовар был другим. Весь его командирский гоно́р как рукой сняло. Было видно, что сейчас он действительно готов позаботиться о каждом своём бойце. – А то без нас всё веселье закончится.

Таверцы плотной группой направились к причалам, а оттуда – уже в сам город. Они зашли со стороны бедных рыбацких кварталов, но даже отсюда Брум видел, насколько Кинай превосходит размерами Тавер. Этот город, который взбирался на окрестные скалы, уходя куда-то вдаль от побережья, был просто огромен! Какова же тогда была Кидуа?..

Было ясно, что здесь уже прошли другие завоеватели – те, кто высадился раньше. Брум замечал кое-где вышибленные двери, разбитые окна. Они преодолели небольшую баррикаду из бочек и старых телег. Должно быть, местная стража пыталась закрепиться здесь. Баррикада была разбита – её снесли наступающие. Тут же валялось несколько тел, в том числе и два-три трупа келлийцев. Северяне лишь оттащили своих павших с дороги. Кинайские стражники же так и остались лежать в тех местах, где их настигла смерть.

Бруматт впервые видел убитых людей, но это зрелище по-

чему-то не произвело на него особого впечатления. Возможно, его мозг был просто переполнен впечатлениями и эмоциями, и ничто новое уже не могло пробиться туда. Вместе со своими боевыми товарищами он преодолел баррикаду и двинулся вслед за Жоваром.

Наконец стали появляться люди. Разумеется, всё это были северяне. Местные жители вряд ли скоро выберутся из своих укрытий, а все, кто мог защищать Кинай с оружием в руках, похоже, были уже мертвы.

Брум во все глаза вглядывался в каждого северянина, надеясь разглядеть среди них Шерварда, но всё было напрасно.

– Похоже, мы всё-таки опоздали, – без особенного сожаления хмыкнул капитан. – Гляньте-ка на них, они уже слоняются без дела. Интересно, может нам всё-таки дадут немного пошарить по домам?

С неприятной плотоядностью Жовар оглядел окрестные дома. Они всё ещё были в далеко не самых богатых кварталах города, но и таверцы, в большинстве своём, выросли в местах, быть может, куда более бедных, так что для них здесь было настоящее раздолье. Не говоря уж о той провинциальной зависти к столице, которая убеждает любого жителя окраин, что всё столичное лучше.

Впрочем, всем, и в первую очередь самому капитану Жовару, был известен строгий приказ Враноока о недопущении мародёрства. Небольшая кучка в пару сотен таверцев, разумеется, не посмеет бодаться с келлиями. Так что остава-

лось лишь облизываться да надеяться на то, что островитяне, которые и сами обычно бывали не дураки пограбить, в конце концов допустят всех к этому пиру.

С каждым шагом людей вокруг становилось всё больше. Многотысячная армия, словно цунами, разлилась по улицам, но сейчас все постепенно двигались в одном направлении – в сторону восточных ворот. Излишней торопливости никто не проявлял – разумеется, Кидую не удастся захватить врасплох так же, как незадачливый Кинай. А это значило, что не следует горячиться.

Враноок прекрасно знал, что в маршевой доступности от столицы расположены как минимум три легиона. Естественно, туда заблаговременно были отправлены лазутчики в надежде на повторение ситуации с Таверским легионом, но, конечно, надежды на это было немного. Лояльность к империи, разумеется, возрастала по мере приближения к столице.

Впрочем, столицецентричная политика императора Гриварона сыграла с ним злую шутку. Дни изобилия, которые проводились едва ли не в одной лишь Кидуе (естественно, также и в Кинае, который, по сути, был её придатком), хотя и не были достоянием широкой общественности, однако же в окрестностях столицы о них знали многие. Даже жители недалёких отсюда городов чувствовали себя гражданами второго сорта в собственной империи. И именно на это был расчёт хитрого северного конунга.

Враноок прекрасно осознавал, что штурм такого города

как Кидуа потребует гораздо больших сил, чем были в его наличии. Да и вообще при взгляде на эти величественные стены возникали большие сомнения в возможности этого. Но конунг вновь рассчитывал на то, что империя расслабилась и зажирела за десятилетия без войн. Вряд ли в городе хранились слишком уж большие запасы продовольствия, а воины, которые могли бы встать на защиту Кидуи, не шли ни в какое сравнение с островитянами.

Были, разумеется, у него и лазутчики внутри города, однако он не возлагал на них слишком уж больших надежд. Вряд ли они сумеют, к примеру, открыть ворота. Но вот испортить колодцы, пожечь амбары – им это было вполне по силам. В общем, Враноок рассчитывал измотать Кидую и надеялся лишь на то, что ему не помешают.

Глава 51. Осада

Осада продолжалась почти неделю. Теперь жители Кидуи уже понимали гораздо лучше – с чем именно они столкнулись. Собственно говоря, в первый же день войны стало ясно, что нападавшие были никакими не саррассанцами. Изумлению всех – начиная от императора и заканчивая простым горожанином – не было предела, когда стало очевидно, что под стенами Кидуи стоят орды келлийцев.

Это было столь необычно и столь не походило на северных соседей, что поначалу население города охватило нечто вроде облегчения. Казалось, что уж с этими-то варварами договориться будет проще простого, отсыпав им пару мешков гвоздей и ржавых ножей.

Однако вскоре это облегчение сменилось тревогой и унынием. Пошли слухи о некоем северном короле Вранооке, который привёл сюда такую громадную армию вовсе не затем, чтобы просто разграбить пару городов. От полковника Сэндона Линд (в числе прочих офицеров стражи) узнал о переговорах, которые прошли с этим самым Вранооком от имени его императорского величества. И, якобы, результаты этих переговоров были просто удручающими.

Выходило так, что северяне во что бы то ни стало решили захватить Кидую и едва ли не низложить императора. Поговаривали, что среди нападавших были и жители северных

окраин империи, которым, якобы, больше не в состоянии было жить под началом Кидуи. Линд в этот момент сидел, не смея поднять глаза и стораая от стыда. Ему казалось, что все присутствующие сейчас только и думают о том, что он прибыл из Тавера, и потому может быть чуть ли не шпионом.

А ещё его не покидало беспокойство за отца и Хэддасов. Если север охвачен сепаратистскими волнениями, им могло не поздоровиться... Оставалось надеяться, что близость полнокровного имперского легиона охладит буйные головы...

Впрочем, сейчас Линд больше переживал за происходящее здесь. Похоже, что келлийцы каким-то чудом собрали войско в десять, а то и двадцать тысяч человек. Они довольно умело перекрыли все дороги, что вели к городу и, похоже, решили устроить самую настоящую осаду.

Первые дни его сослуживцы лишь посмеивались над гипотетическим умением северян держать осады, но пока что ничто не указывало на то, что те что-то делают неправильно. Линд знал, что продовольствия в городе осталось самое большее на месяц, да и то если померить аппетиты, а келлийцы, похоже, были настроены весьма серьёзно – они разбили несколько лагерей вокруг Кидуи, с явным знанием дела взяв под контроль все подходы к городу.

Теперь Линд мог наблюдать за врагом с высоты крепостной стены, где он находился почти постоянно, отлучаясь лишь для сна и короткого отдыха. Северяне, в отличие от горожан, похоже, ни в чём себе не отказывали. В их лагере

постоянно пылали большие костры, на которых они, судя по всему, жарили окрестных коз и телят, гусей и кур. До гвардейцев доносился шум из лагеря – гортанный гомон, смех. Но хуже всего бывало вечерами, когда оттуда вдруг раздавался вой, который, казалось, никак не могло издавать человеческое горло.

– Да что же они там – с ума посходили?.. – ворчал Сэйри, назначенный сержантом в первый же день нападения. – Чего они глотки-то дерут?..

– Думаешь, это люди? – с благоговейным страхом спрашивал его другой гвардеец.

– А ты думаешь – кто? – усмехнулся в ответ Сэйри. – Люди, конечно.

– А я думаю, что это – гигантские волки, – серьёзно возразил всё тот же гвардеец. – Северяне притащили их с собой на войну. Я слышал, эти волки размером с годовалого телёнка и могут откусить руку за раз прямо тут! – и он похлопал себя по руке выше локтя, но затем сразу же суеверно подул на это место.

– Чушь это всё! – бросил Сэйри, но, надо сказать, уверенности в голосе у него явно было маловато.

– До тех пор, покуда волки не научатся летать, они для нас не страшны! – флегматично заметил немолодой стражник. – Я вот боюсь, что если мы вскоре не прогоним этих поганцев, то к осени сами начнём откусывать руки друг другу...

– Скоро подойдут наши легионы, и тогда мы отправим их

в Хаос, – по должности Линду полагалось быть уверенным самому и вселять уверенность в подчинённых. – К осени их уж и след простынет...

На вкус Шерварда, здесь было чересчур жарко. И природа была какая-то незнакомая – не похожая даже на окрестности Тавера, не говоря уж о его родных местах. На севере зелень трав и деревьев была какой-то тёмной, густой, иной раз отдававшей едва ли не в синеву. Здесь же трава имела желтоватый оттенок, словно пожухла на южном солнце, а зелень деревьев была какой-то звонкой, яркой, словно каждый листочек впитал в себя немного солнечных лучей и теперь светился сам.

В целом, условия в лагере были вполне неплохими. Еды хватало, а уж спать неприхотливые северяне могли и на голых камнях. А главное, мошкеры – этого страшного бича севера, здесь было гораздо меньше. Нет, и комарья, и мух тут тоже хватало, но по меркам Баркхатти их количество было просто смехотворным. Так что лагерная жизнь была весьма приятной.

Шервард уже разузнал у Желтопуза, где находятся таверцы, а вместе с ними и Бруматт. Увы, они располагались по ту сторону города – неподалёку от Киная. Там было сейчас наиболее безопасное место, и потому Враноок оставил там наименее ценные для него отряды. Шервард же находился

юго-восточнее города, неподалёку от великолепной широкой дороги. Очевидно, именно по этой дороге сюда рано или поздно должны будут примаршировать легионы Кидуи. И их нужно будет встретить как следует. И потому Враноок направили в этот лагерь самые боеспособные, по его мнению, дружины.

Шерварду очень хотелось хотя бы разок отпроситься у Желтопуза и отправиться на поиски Бруматта, но риск был слишком велик. Ошиваться одному в окрестностях осаждённого города было бы неразумно. Даже если он не заблудится по пути, то вполне может нарваться на неприятности. Вокруг могли быть шпионы имперцев, быть может даже небольшие отряды. И одинокий келлиец мог бы стать для них отличной добычей. Оставалось надеяться, что в случае заварухи Бруматт, вероятнее всего, окажется в максимальном удалении от неё...

Зато он мог время от времени пересекаться с Тибьеном, хотя и не слишком часто – тот не принадлежал к ближнему кругу Желтопуза. И всё же такие немногочисленные и непродолжительные встречи грели сердце Шерварда, мыслями возвращая его к любимой сестрёнке.

Когда разведчики объявили о приближении легионов, суматоха в лагере была недолгой. Враноок и его помощники не теряли времени даром – они уже выбрали удобную позицию для нанесения удара. Да, конунг решил не ждать нападения, а ударить первым. Расчёт был на то, что ошеломлённые ле-

гионеры, никогда не бывавшие ни в одной переделке, просто разбегутся. Кроме того, островитяне, говоря по правде, не были особыми мастерами грамотных оборонительных сражений, ведь обычно они профилировались как раз на быстрых набегах.

Каждый ярл чётко знал свою позицию, и Шервард, вооружённый луком, занял своё место в дружине, после чего все отправились к небольшому взгорку, поросшему нечастыми деревцами. План был прост – осыпать противника стрелами, после чего навалиться с той дикой яростью, которой славятся келлийцы.

Заняв позицию, Шервард на всякий случай ещё раз оглядел тетиву. Она была натянута заново, но всё же всегда есть место случайности. Но нет – тетива была добротной и не должна была подвести своего хозяина. Десяток стрел юноша воткнул в землю рядом с собой. Больше ему было и не нужно – даже эти стрелы он, возможно, не успеет отстрелять до того, как начнётся рукопашная.

Все понимали, что у легионеров должны быть собственные разведчики, и потому сейчас лучшие охотники и следопыты Баркхатти рыскали по окрестностям, надеясь отловить их прежде, чем те раскроют позиции северян.

В ожидании прошло около двух часов, и солнце уже начало клониться к закату. Наконец вдаль показались шеренги. Легионы на марше разительно отличались от островитян – те не слишком-то утруждали себя боевыми порядками. Здесь

же можно было, пожалуй, даже залюбоваться тем, как чётко и стройно двигались манипулы и центурии. Впрочем, возможно, это было единственное умение, которым реально обладали легионеры, никогда не выдавшие врага.

Трудно сказать, что именно было известно командованию легионов об этом вторжении. Однако, судя по всему, они, мягко говоря, не вполне ясно понимали картину происходящего. Похоже, они решили, что здесь имеет место обыкновенный «набег», лишь чуть больших масштабов. Ещё одной проблемой «цивилизованной», «просвещённой» империи было явное недооценивание своих северных соседей. Для кидуанцев островитяне были варварами, людьми, застрявшими в глубокой замшелой древности. И потому имперцы просто не могли относиться к келлийцам как к равным, и поверить в то, что какой-то там конунг с языческим прозвищем Враноок способен переиграть их всех.

Так или иначе, но войска двигались не так, как должно передвигаться армии на захваченной врагом территории. Нет, это была так привычная любому солдату империи «передислокация». Высшее командование любило такие вот красивые и грозные марши, и периодически тасовало легионы, меняя места их расположения и заставляя пересекать порой всю империю от края до края. Это почему-то считалось отличной подготовкой для легионеров, а кроме того, наглядно и выигрышно демонстрировало населению несокрушимую мощь государства.

Похоже, с командования могло стать и вовсе не отправить вперёд разведчиков. Однако в это верилось с трудом. Скорее всего, выросшие в лесах келлийцы и прианурцы просто переловили все дозоры, отправленные вперёд. Во всяком случае, пока что легион бодро маршировал прямо в расставленную для него ловушку.

Также было очевидно, что здесь никак не три, и даже не два легиона. То ли старания Враноока не пропали втуне (вполне возможно, его люди просто перехватили гонцов из Кидуи), то ли эти олухи не додумались до того, чтобы объединить свои усилия. Так или иначе, но келлийцам это было на руку. Против пяти или шести тысяч легионеров здесь сейчас находилось почти столько же северян, явно превосходящих если не числом, то умением и отвагой.

Шервард, впрочем, сейчас ни о чём таком не думал. Его сердце колотилось перед первым настоящим боем. Он то и дело суетливо поправлял торчавшие из земли стрелы – ему казалось, что в пылу сражения ему будет несподручно быстро хватать их. Затем ему вдруг начинало казаться, что почва под ногами недостаточно устойчива, и он может поскользнуться на дёрне в самый неподходящий момент. После вдруг его внимание привлекала какая-нибудь жилка на тетиве, и он вглядывался в неё до рези в глазах, пытаясь заранее разглядеть скрытый дефект.

– Не дёргайся так, парень, – усмехнулся сидящий рядом не земле немолодой лучник. – Сядь, успокойся. Для лучника

первое дело – это спокойное сердце. Если сердце будет колотиться как птица, то и рука будет дрожать. Давай, посиди.

Шервард послушно плюхнулся на землю, но руки его, казалось, жили собственной жизнью – им позарез нужно было что-то хватать, что-то вертеть, что-то ломать. Он стал срыпывать сухие былинки и пальцами перетирать их в труху. Опытный лучник лишь понимающе хмыкнул, наблюдая за этим, но смолчал, ободряюще кивнув головой.

– Как начнётся, ты, главное, не зевай, – спокойно, даже расслабленно заговорил он вновь. – Взял стрелу, подошёл к кромке, выстрелил – и бегом назад. Нечего стоять там у всех на виду.

Шервард благодарно кивнул. В принципе, он представлял, что ему нужно будет делать, но беспокоился – как голова поведёт себя в бою? А вдруг он оцепенеет? Вдруг начнёт делать ошибки?

– Особо не целься, – продолжал меж тем лучник. – Вот так вот поднял лук, – он продемонстрировал угол подъёма, – Натянул посильнее, и пали! Куда-нибудь да прилетит! Главное, всё делать быстро.

– Я не подведу, – кивнул Шервард.

– А я так и не думал, – усмехнулся лучник. – Просто молодой ты ещё. Жена, поди, дома ждёт, детишки. Для тебя, парень, важнее не в цель попасть, а живым вернуться.

– Глупости ты говоришь, Бортник, – ввязался в разговор ещё один лучник, помоложе. – По-твоему, мы все сюда та-

щились лишь для того, чтоб назад вернуться? Тогда не стоило и затевать всё это! Я не говорю, что нам тут всем нужно помереть, но всё же мы пришлю сюда за делом. И главное – это дело сделать!

– Враноок это всё затеял, чтобы нам лучше жилось, – охотно возразил тот, кого назвали Бортником, возможно как раз для того, чтобы отвлечь Шерварда и других от мрачных мыслей. – А ежели мы тут помрём – значит, он затеял это зря.

– Да уж, – фыркнул второй. – Именно для тебя, старый хрыч, он всё и затеял! Как бы этому дураку Бортнику жизнь послаще организовать?..

Все сдержанно рассмеялись, и Шервард в их числе. Нервное напряжение и впрямь спало.

– Мы помрём – так другие останутся. Дети, жёны, родня... Для них мы здесь, а не для себя, старик. Так что неважно – вернёмся мы, али нет. Главное – дело сделать. Я так считаю!

Другие лучники, кто слушал этот внезапный спор, согласно закивали. Шерварду же вспомнились Динди и Ризель. Он, правда, не очень-то понимал – как им поможет его смерть, но если поможет... Тогда он с радостью погибнет!

– Тише там! – цыкнул один из форингов, командовавший отрядом. – Враг уже рядом, а вы тут шумите как на ярмарке! Сидим и ждём сигнала! И чтоб никто рта не раскрывал!

Разумеется, после этого наступила тишина, но Шервард почувствовал, что нервный комок внутри него действительно расслабился. Он благодарно улыбнулся Бортнику и при-

нялся плести маленькие верёвочки из длинных стеблей.

Так прошло время, необходимое, чтобы марширующие шеренги приблизились к условленному месту. Сейчас Шервард уже не улыбался. Он расширившимся глазами смотрел в небо поверх края взгорка, за которым они прятались. Там, по ту сторону этой невысокой гряды, уже чётко слышался топот множества ног. Усилием воли юноша заставлял себя слегка ослабить пальцы, добела стискивающие лук. Сейчас он сам был напряжён, как туго натянутая тетива.

Раздался вой – тот самый, к которому уже успел привыкнуть Шервард. А сейчас он даже радовался ему, любил его почти как друга. Потому что он понимал, в каком ступоре от ужаса будут легионеры. Он слышал, как они сбились с шага, испуганно озираясь по сторонам.

Для лучников это был сигнал. Около трёх сотен человек, что прятались вместе с ним, вскочили на ноги, на ходу накладывая стрелу на тетиву, и бросились вверх, к краю взгорка. Не успев ни о чём подумать, юноша последовал их примеру.

Когда он поднялся, то увидел внизу, в сотне шагов от себя, тысячи врагов. Там уже кричали. Командиры приказывали поднять щиты, завидев лучников. Повинуясь лишь инстинкту, Шервард поднял лук так, как учил его Бортник, и, не целясь, пустил стрелу. Также сделали и все остальные. Затем они быстро отскочили на несколько шагов назад, скрываясь от возможного ответного обстрела.

Когда Шервард вновь выскочил на гребень, то увидел, что

к скучившемуся легиону уже мчатся орды северян. Наверное, он успеет сделать ещё один, ну может быть два выстрела, а затем его лук станет почти бесполезен. И тогда ему придётся бежать вниз, в эту рубку... Но покамест он об этом не думал. Выпустив стрелу в смешавшийся строй, он вновь нырнул обратно за следующей.

Он успел сделать два выстрела, прежде чем северяне лавиной налетели на перетрусивших легионеров. Шервард взглянул на форинга, ожидая, что тот скомандует атаку. Но этого не произошло. Стрелки вновь отступили за гребень и, к его удивлению, многие даже уселись на траву. Лишь некоторые залегли на верхушке гряды, наблюдая за сражением.

– Ну вот, кажись, и навоевались, – довольно усмехнулся Бортник. – Как ты, парень? Не так уж и страшно, а?

– А мы разве не пойдём на подмогу?.. – растерянно, но с невольной радостью спросил Шервард.

– Толку там от нас! – фыркнул лучник. – Мы свою работу сделали. Теперь пускай бьются те, кто любит топорами помахать!

– Там и без нас хорошо справляются, – сообщили сверху. – Кажись, южане уже драпают.

Не выдержав, Шервард рванул вверх и ничком бросился рядом с одним из наблюдателей. Действительно, северяне здорово теснили легион. Они рубились с такой неистовой яростью, с такой жестокостью, что легионеры, привыкшие колоть лишь соломенные чучела, отступали при виде этих

искажѐнных безумием лиц. Тем более, что над этой неудержимой ордой звенел страшный, нечеловеческий вой, словно это было не человеческое войско, а стая демонов Хаоса.

Первое настоящее сражение Шерварда в итоге оказалось до смешного коротким, продлившись какие-нибудь двадцать минут. В конце концов легионеры просто повернулись и бросились бежать, бросая оружие и щиты. Сперва это были отдельные люди, а затем «отступил», если можно так выразиться, весь легион. Вслед бегущим южанам нѐсся глумливо-победный клич.

Бруматт уже слышал, что на востоке келлийцы разгромили целый имперский легион. Он подозревал, что Шервард тоже где-то там, и переживал за своего друга. В его представлении там произошло самое настоящее сражение, какие обычно описывают в книгах. Хотелось надеяться, что Шервард не пострадал в этой сече.

Сам Брум коротал деньки в лагере, находящемся неподалѐку от побеждѐнного Киная. Здесь всё было тихо и спокойно, и самым большим приключением были караулы, после которых юноша возвращался, преисполненный гордости.

Дважды он даже побывал в Кинае. Теперь, когда городская стража была разоружена и в значительной степени перебита во время сражения, оккупанты сами патрулировали улицы. Впрочем, цель этих патрулей была не очень-то ясна.

Они явно не слишком-то заботились о порядке на улицах, не берегли покой горожан... Это скорее были такие разведывательные миссии – было важно держать Кинай в страхе и повиновении, чтобы ненароком не получить удар в спину.

Город на удивление мало пострадал, если учесть, что сквозь него просочилась многотысячная армия «варваров». Враноок по-прежнему был строг в отношении мародёрства. Захватчики не забирали у населения практически ничего. Исключение составляли только продовольствие и оружие. Всё это специально отряжённые отряды изымали и вывозили в осадные лагеря. Продовольствие, впрочем, вывозилось не полностью – конунгу ни к чему были голодные бунты в собственном тылу.

Брум, которому уже было с чем сравнивать, поражался масштабности Киная. Дело было не просто в размерах города, высоте домов или ширине улиц. Он и сам, пожалуй, не мог толком объяснить, в чём именно выражался этот масштаб, однако не мог отделаться от почтительного изумления, проходя по улицам. Тавер был городом, а Кинай – *настоящим* городом.

Вероятно, Враноок намеренно оставил таверцев и прочих палатийцев именно здесь, у стен Киная. Говоря с горожанами на одном языке, они скорее могли бы успокоить население и внушить, что ничего плохого не произошло. Разумеется, кинайцам сложнее, чем кому бы то ни было, будет объяснить, чем плоха империя, и обосновать необходимость сбро-

свить это ярмо, однако же, поставленные перед фактом свержения императора, они вынуждены будут смириться.

Пока же в городе понемногу оживала прежняя жизнь. Убрали трупы и завалы с улиц, открылись лавки, вновь вышли в море рыбаки... Через несколько дней в город потянулись первые подводы с товарами – купцы быстрее всех приывают к новой обстановке, особенно если из неё можно извлечь выгоду. Да, город оккупирован, но жизнь-то продолжается!

Именно на это и рассчитывал Враноок. Он не был типичным келлийским предводителем, помышляющим лишь о набегах и грабежах. Он был стратегом, и сейчас пытался продумать всё на несколько шагов вперёд. Например, как быть, если осада не закончится к зиме? Конечно, неприхотливые островитяне могут зимовать и в землянках, но ведь куда приятнее иметь под боком собственный город с отличной инфраструктурой! И хорошо бы, чтобы город этот был лояльным к завоевателям.

Но пора бы вернуться к Бруму. Несмотря на то, что в его жизни сейчас не происходило ничего особенного, он всё же заслуживает нашего внимания.

Надо отметить, что отношения юноши с сослуживцами стали гораздо лучше. Оказавшись на берегу, те самые отщепенцы, что насмеялись над ним с самого Тавера, словно переродились. Как будто бы в отряде пришли к молчаливому согласию, что барчук-то, на самом деле, нормальный парень.

И действительно – Брум ни разу не дал повода считать себя неженкой или высокомерным засранцем. Он выполнял поставленные задачи наравне со всеми, не гнушаясь ни тяжёлой работы, ни общества простолюдинов.

Так что теперь он чувствовал себя полноправным членом команды. Насмешки над ним прекратились, а капитан Жовар придирался к нему не больше, чем к остальным. У дружелюбного и истосковавшегося по общению Брума даже появились приятели. Разумеется, они не шли ни в какое сравнение с Шервардом – например, он ни за что не рискнул бы обсуждать с ними сестру и племянницу, опасаясь услышать в адрес Динди нечто такое, после чего придётся лезть в драку.

И всё же жизнь его стала куда сноснее. Брум неплохо питался, не слишком-то напрягался, а устав, отдыхал не на голой земле под открытым небом. Сейчас, когда он уже не был так несчастен, как на корабле, то наконец начал воспринимать происходящее как некое приключение. Единственное, чего ему остро не хватало – Динди, Риззель и Шерварда. И потому он изо всех сил молился Арионну, чтобы этот поход поскорее закончился.

Глава 52. Осада (продолжение)

Линд почти что своими глазами видел гибель легиона. Он видел, как орды северян вышли из лагеря по направлению к востоку, и он всё ещё был на стене, когда услышал шум битвы, а позднее наблюдал триумфальное возвращение келлийцев. Не нужно было быть великим военным стратегом, чтобы понять, что произошло.

Уныние стало охватывать город и горожан. Вдруг появилась страшная и, вроде бы, почти невероятная мысль – а что если их никто не спасёт? Что если эти дикари разгромят все войска, что придут на помощь столице? И другая мысль, ещё страшнее – а вдруг это правда, что провинции взбунтовались против своей метрополии? То, что в армии келлийцев находились и палатийцы, было известно достоверно. Несколько лазутчиков, побывавших в Кинае и умудрившихся вернуться обратно, подтверждали это.

Прошло ещё несколько дней, и каждый из них приносил всё больше тревог. Например, лейтенанту Ворладу вновь пришлось усилить городские патрули, снимая людей со стен. Дело в том, что в городе оказались испорченными несколько колодцев – кто-то бросил в них трупы собак или кошек. Это означало, что в Кидуе действуют вражеские диверсанты, и это придавало делу новый, ещё более пугающий оборот.

Если так пойдёт и дальше – вскоре главной проблемой

может стать даже не возможный голод, а нехватка питьевой воды. Увы, в городе не было даже небольшой речушки, а несколько прудов зацвели из-за жары и источали неприятный запах. Если люди станут пить эту воду – жди эпидемий...

Да, работы у городской стражи прибавилось, и это ощущалось. И сам Линд, и его люди были вымотаны. Дежурства на стенах сменялись дежурствами в городе, где с каждым днём настроения населения становились всё более депрессивными. Кидуа была похожа на очнувшегося после запоя пьянчугу, страдающего жутким похмельем. Горожане не привыкли к трудностям такого рода, и оттого всё чаще слышались роптания.

Разумеется, ни о каких Днях изобилия теперь говорить не приходилось, и по мнению Линда это было очевидным и не требовало каких-либо особенных объяснений. Каково же было его удивление, когда уже к концу второй недели осады в городе стали появляться недовольные, требующие хлеба. Да, их было не очень много, но они были шумными и привлекали много внимания. Они были похожи на искры, летящие от костра. Рано или поздно одна из них могла поджечь сухую траву.

Стража не церемонилась с этими крикунами. Их избивали, тащили в казематы. Линд не давал специальных указаний своим людям, но те и без того всё понимали. Как гнилые яблоки нужно спешно отбрасывать, пока они не заразили здо-

ровые, так и этих обнаглевших сверх меры дармоедов нужно было поскорее убрать с городских улиц.

Однако, общая напряжённость и отсутствие достаточного отдыха сказывалось. Парни становились всё раздражительнее с каждым днём. Пока что они ещё соблюдали субординацию, но то и дело срывались друг на друге. Впрочем, Линд и сам был злой как демон из-за хронического недосыпа.

Не чаще двух раз в неделю ему удавалось навестить Кимми. Увы, его невеста плохо переносила тяготы войны. Она неизбежно начинала истерики, едва ли не обвиняя самого Линда за то, что так долго тянул со свадьбой и возможным переездом из столицы. И это притом, что прежде, стоило ему лишь заикнуться о том, чтобы уехать куда-нибудь, в ответ тут же неслись упрёки и жалобы.

Отец Кимми пока что скорее находил выгоды в сложившемся положении. Он торговал много чем, и в том числе – кое-каким продовольствием, и потому не мог не радоваться неизбежному росту цен. В узком семейном кругу он авторитетно заявлял, что это «безобразия» никак не может продлиться долго, а пока что нужно пользоваться тем, что посылают боги.

Линд, однажды став свидетелем подобных разглагольствований, решил не поднимать лишней паники и не противоречить почтенному главе семейства, хотя его видение ситуации заметно отличалось в пессимистичную сторону. Впрочем, несмотря на то, что он был офицером стражи и

получал куда больше информации, чем обычные горожане, он всё же понимал, что ещё слишком молод, чтобы делать какие-то суждения о вещах, мало ему понятных.

Разумеется в доме Кимми пока что не чувствовалось недостатка в продуктах. Когда Линд приходил к ним, то не замечал каких-либо изменений на столе. Будучи купеческой семьёй, здесь предпочитали, может, не самую изысканную, но обильную, разнообразную и сытную пищу, и её по-прежнему было вдоволь. И тем не менее, он всё же приносил обычно что-то из своего офицерского пайка – просто, чтобы не идти с пустыми руками.

Однако, в городе был и ещё человек, который, пожалуй, требовал гораздо больше внимания и заботы. Старый Дырочка всегда был трусоват, и он удивительно успешно умел запугать самого себя едва ли не до икоты. Мы помним, как он не любил и боялся столицу все эти годы, и как мечтал увезти отсюда молодого хозяина. Увы, теперь он был безутешен вдвойне.

Если в доме Кимми Линду приходилось выслушивать, пожалуй, чересчур спокойные и радужные рассуждения, то в собственном доме, где он теперь, правда, бывал тоже не каждый день, на него обрушивалась целая лавина панических причитаний от старого слуги. Дырочка был испуган до такой степени, что позволял себе вести себя излишне «заметно», чего не допускал с самого их переезда в Кидую.

Оказалось, что в его железном правиле «Никогда не до-

саждай господину» всё же есть исключение, и трудно было поспорить с нечастным трусишкой, что исключение это было весьма весомым. Линд, ещё поднимаясь по лестнице, уже слышал тягостные вздохи старика, и, не успев даже толком раздеться, он уже вынужден был успокаивать бедолагу, зачастую повторяя фразы, которые услышал ранее от будущего тестя.

Впрочем, что бы он там не рассказывал Дырочке, а в глубине души Линд всё же понимал, что ситуация, как минимум, была очень серьёзной. Насколько ему было известно, в императорских голубятнях уже практически не оставалось птиц – все они были посланы на север, восток и юг, призывая многочисленные легионы явиться для защиты столицы и императора. Однако же, ответом была лишь глубокая тишина. Ни легионов, ни даже вернувшихся голубей не было.

Если поначалу все ожидали штурма, и была надежда на то, что армии варваров будут просто разгромлены, то теперь становилось ясно, что келлийцы уготовили им голод. Будь в городе хотя бы три-четыре легиона, можно было бы попытаться снять осаду, тем более, что здесь, разумеется, находились лучшие боевые маги империи, которые, пожалуй, могли бы компенсировать неумелость и неуверенность военных.

Раздражала молчаливость императора. Как и во времена Белой Смуты, Гриварон словно затаился. Похоже, он был растерян не меньше остальных, и, судя по всему, очень боялся. Увы, но его паника явно передавалась вниз по цепочке,

делая нерешительными тех, кто должен был бы справиться с нависшей угрозой.

В общем, все ждали чуда – многотысячную армию, что придёт и прогонит келлийцев из-под стен. И почему-то Линд с каждым днём всё больше сомневался в том, что это действительно случится...

Шервард был вдохновлён своим первым боем и первой настоящей победой. Кроме того, по мнению Желтопуза, относительная немногочисленность вражеской армии, что они разбили, могла свидетельствовать об успехах дипломатии Враноока.

Конунг, похоже, весьма умело воспользовался недовольством политикой нынешнего императора. Удивительно, как много этот великий человек знал о государстве, в котором прежде никогда не бывал! И, тем не менее, он оказался прав, и подтверждением тому были отряды из Шевара и Загорья.

Более того, Желтопуз после очередной встречи с Вранооком сообщил, что к Кидуе движется подкрепление. Правда, это было совсем не то подкрепление, которого так ждал император Гриварон. Поскольку не всех, кто желал воевать с империей, могли вместить келлийские драккары, многие, похоже, сейчас двигались посуху, и в недалёком будущем должны были ощутимо пополнить осадную армию.

И ярл сообщил также, что Враноок, судя по всему, всё-

таки планирует штурм. Осада такого города как Кидуа могла занять много-много лун, и много вещей могло случиться за это время. Да, стены города кажутся неприступными, а ворота наверняка защищены не только железом, но и магией, но всё же конунг, кажется, верил в свою удачу и помощь богов.

Одно Желтопуз мог сказать наверняка – штурма не будет в ближайшее время. Прежде нужно убедиться, что осаждающим ничто не угрожает извне, а также дожидаться подкреплений. Да и поизмотать силы защитников было нелишним. Северяне весьма неплохо питались и были охвачены душевным подъёмом, тогда как жители Кидуи не могли похвастать ни тем, ни другим.

Возможно, Враноок в какой-то степени уповал и на своих лазутчиков в городе. Это всё были, как правило, палатийцы, которые загодя приехали в Кидую и поселились в ней. Шервард, разумеется, не мог знать – сколько шпионов сейчас находятся за стенами, и кто они. Не знал этого и Желтопуз, но предполагал, что среди них должны быть не последние люди – возможно, ремесленники или торговцы. Что конкретно они смогут сделать – покажет время. Даже если они усилят панику среди горожан небольшими диверсиями – это уже сыграет на руку нападавшим.

В общем, Шервард стал внутренне готовить себя к штурму. Кроме того, не стоило забывать о легионах, разбросанных по империи. Желтопуз призывал не очень-то заблуждаться на их счёт – не все они поведут себя как таверский ле-

гион, и не все дадут так легко заманить себя в ловушку. Командованию, отвыкшему воевать, нужно время, чтобы прийти в себя, но затем они, вполне возможно, сумеют неприятно удивить врага...

Странный человек решительно направлялся в их сторону. Это было весьма необычно – до сих пор кинайцы, завидев патруль, интуитивно старались убраться с его пути, хотя их никто и пальцем не трогал. Брум, признаться, занервничал, если не сказать – испугался. Их было шестеро в патруле, но юноша уже знал, что среди них нет никого с боевым опытом. Шен был каменщиком, Идри – рыбаком, ещё двое, с которыми он не общался, вроде были грузчиками в порту, да и их сержант Стент на самом деле не был никаким сержантом до войны, а имел куда более колоритную профессию охранника в борделе.

Однако же, один, вроде как безоружный, против шестерых вооружённых солдат, не выглядел большой угрозой. Разумеется, ему не справиться с шестерыми сразу. Но Брум с невольным холодком в животе подумал, что даже если этот незнакомец успеет убить хотя бы одного, это может стать трагедией, если этим одним окажется именно он...

– Куда прёшь? – сержант, похоже, растерялся меньше всех. В силу своих прежних занятий он привык иметь дело с разными людьми, и в подобных ситуациях соображал быст-

ро.

Все шестеро наставили на подходящего копыя. Брум ощутил, как скользят по древку вспотевшие руки. Человек этот выглядел действительно странно. Его одежда была явно из неплохого сукна, да и покрой был такой, какого не встретишь на жителях трущоб. Если бы не крайняя изношенность этой одежды, он, пожалуй, сошёл бы за respectable горожанина. Впрочем, носитель одежды был вполне ей под стать – он выглядел едва ли не изнурённым. Длинные волосы были спутаны, борода явно росла так, как ей вздумается, не знакомая ни со щёткой, ни с ножницами.

Но главное – взгляд незнакомца. Он был блуждающим, затравленным, словно тот убежал от собак. А ещё, возможно, он был безумным. Что-то такое было во взгляде и в лице чудака, намекавшее на то, что он в разладе со своей головой. Бруму это было заметно даже лучше, чем прочим – иногда он видел подобный взгляд у Динди.

Однако же, даже если незнакомец и был безумцем, он всё же не был дураком. Он остановился, не дойдя нескольких шагов до остриёв копий.

– Тебе что, жить надоело? – рявкнул сержант, почувствовав себя более уверенно. – Куда прёшь?

– Отведите меня к вашему командиру, – проговорил бродяга.

– На кой ты ему сдался? – фыркнул сержант. – На тебе вшей больше, чем жителей в этом городе! Проваливай, пока

шкура цела! Мы с тобой долго болтать не будем, учти! Кишки выпустим и дальше пойдём.

Брум решил, что это, должно быть, какой-то жалобщик. Местный сумасшедший, который решил попенять северянам за что-нибудь. Он действительно походил на одного из тех бродячих проповедников, что любили поучать распутных девиц вблизи рыночной площади Тавера. Во всяком случае, он не выглядел опасным, так что юноша слегка расслабился.

– Я знаю, как проникнуть в Кидую, – неожиданно произнёс незнакомец. – Отведите меня к вашему командиру.

– Откуда тебе знать? – всё ещё недоверчиво проговорил сержант, но было видно, что он действительно заинтересовался. Впрочем, не только он один.

– Я был лейтенантом городской стражи Кидуи, – нахмурившись, буркнул безумец.

Глава 53. Перебежчик

– Кого это вы притащили? – капитан Жовар, увидев досрочно возвращающийся патруль, явно не обрадовался, и готовился обрушить на провинившихся свой праведный гнев. – Зачем вы вытащили этого бродягу из его канавы?

– Этот человек утверждает, что он – лейтенант городской стражи Кидуи, и что он знает способ проникнуть в город, – пытаясь отвести грозу от своих голов, тут же заговорил сержант. – Он просил отвести его к нашему командиру.

– Я их командир, – рявкнул Жовар, но уже без особого запала, поскольку неожиданность этой новости, разумеется, тут же погасила его гнев. – Говори.

– Мне нужен командир повыше, – усмехнулся незнакомец. – Отведите меня к вождю северян.

– Ещё чего удумал! – разозлился не на шутку капитан, раздосадованный таким обращением к себе со стороны какого-то городского нищего. – Может быть, тебя ещё и помыть для начала? Давай, выкладывай всё, а не то я просто прикажу разбить тебе голову!

– Так тоже можно, – словно задумавшись на мгновение, пожал плечами бродяга. – Может, оно будет и к лучшему. По крайней мере, для меня. Ну а вы, полагаю, придумаете, как объяснить всё Вранооку.

Брум глядел на этого необычного человека, и видел, что

тот, кажется, не блефует. Похоже, у него действительно было какое-то дело к Вранооку. А ещё, похоже, он действительно не слишком-то переживал по поводу возможной смерти. Но правда ли всё то, что он говорит? А что если он – наёмный убийца, подосланный к конунгу? Пожалуй, многие были бы не прочь избавиться от северного вождя, надеясь, что после этого обезглавленная орда уберётся восвояси...

Очевидно, что примерно то же самое понимал и Жовар. Он вглядывался в невозмутимое лицо бродяги, на котором в этот момент не было тех признаков растерянности и безумия, что увидел Бруматт в Кинае. Если попытаться заглянуть под этот слой грязи, под эту всклокоченную бороду, под эти лохмы, сосульками свисающие на глаза, то становилось заметно, что этот человек действительно был непрост. В его взгляде сейчас было что-то, убеждавшее капитана в том, что бродяге, кажется, есть что сказать Вранооку.

– Вы хотя бы обыскали его? – обратился он к Стенту.

– А то как же, – усмехнулся тот. – Всё чисто.

Разумеется, будучи охранником в грязном притоне, он сталкивался с разного рода подонками, и знал, пожалуй, все места на человеческом теле, куда можно спрятать какое бы то ни было оружие.

– Отведите его в город и закройте где-нибудь понадёжнее, – решил наконец Жовар. – Я пойду к полковнику и доложу ему. Пусть уж он решает, как быть. Стент, найдите Колла и передайте мой приказ заступить в наряд вместо вас. Раз уж

вы привели этого оборванца – вам и отвечать за него.

Для Брума это означало, что вместо прогулки по Ки-наю, которые ему очень нравились, придётся сидеть под какой-нибудь дверью и сторожить бродягу. Он вздохнул, но тут же подумал, что это, возможно, станет для него шансом увидеть Шерварда. Если Враноок решит пообщаться с этим якобы лейтенантом стражи, то, похоже, именно они будут сопровождать его к северянам.

Подумав об этом, Брум воспрял духом и даже с некоторой благодарностью взглянул на лохматого пленника.

– Пошли, *лейтенант*, – Стент, привычный ко многим часам просиживания на одном месте, похоже, был вполне доволен своим новым заданием. – Ведите его к воротам, а я найду сержанта Колла.

Бродяга не оказывал ни малейшего сопротивления. Он спокойно шёл впереди, а пятеро бойцов плелись сзади, скорее изображая конвоиров. Сержанта не пришлось ждать долго – он нагнал их ещё до городских ворот. Пленника заперли в одном из домов неподалёку, и теперь предстояло сторожить его, покуда не последуют дальнейшие распоряжения начальства.

– Тебя вызывает Враноок.

Для Шерварда это прозвучало словно гром среди ясного неба. Со времени той памятной встречи в Реввиале он боль-

ше не встречался с конунгом. И сейчас он, разумеется, терялся в догадках – для чего вдруг мог понадобиться Вранооку.

– Что ему нужно? – вскакивая, спросил он.

– Похоже, ему нужен тот, кто хорошо говорит на имперском, – ответил Желтопуз. – Его собственный переводчик куда-то отправился, а тут привели человека, у которого, кажется, есть какие-то важные сведения.

– Перебежчик? – Шервард уже оправлял одежду, приводя себя в порядок.

– Похоже на то. Давай, топай, Враноок ждёт.

Шервард не заставил ярла повторять дважды и почти побежал по направлению к палатке конунга. Там было оживлённо – похоже, уже весь лагерь знал о перебежчике.

– А ты куда? – спросил спешащего Шерварда один из приятелей.

– Меня вызвал Враноок, – с прущей ото всюду гордостью объявил тот. – Нужен переводчик.

– А... Ну тогда спеши, конечно. А то здесь один шеварец тебя спрашивал...

– Где он? – радость охватила Шерварда, поскольку он понял, что речь идёт о Бруматте.

– Не знаю... Наверное, ушли уже... Они и привели пленника.

– Давно? – юношу раздирало надвое. С одной стороны, он понимал, что его ждёт сам Враноок, но с другой, ему не

терпелось хоть на мгновение увидеть Бруматта.

– Не знаю, – пожал плечами северянин. – Давно... Ушли уж, поди...

Шервард озирался по сторонам, вглядываясь в каждого человека, но всё это были келлийцы. Похоже, шеварцы действительно уже ушли – вряд ли командир Бруматта станет дожидаться, пока тот будет рыскать по чужому лагерю в поисках одного единственного человека среди нескольких тысяч... Что ж, по крайней мере, парень жив-здоров, и это уже радовало. На душе уже было тепло, словно он действительно повидался со старым другом. Была и грусть оттого, что они разминулись, но эта грусть, словно лёд на солнце, таяла при одной мысли, что он сейчас увидит Враноока.

Поняв, что он явно опоздал и Бруматта нет поблизости, Шервард направился в палатку Враноока. Два бугая, дежуривших неподалёку, кивнули и махнули рукой, мол, проходи. И юноша не заставил просить себя дважды.

Он сразу же разглядел в полумраке громадную фигуру конунга. Тот задумчиво стоял, опираясь на стол. Заметив вошедшего, он широко улыбнулся и даже сделал пару шагов навстречу.

– Старый соратник! – воскликнул он голосом, от которого в сердце Шерварда запылало пламя. – Вот мы и увиделись! Я помню тебя по встрече в Реввиале. Ты оказал мне одну неоценимую услугу – окажи уж и ещё одну! Ярл Желтопуз порекомендовал мне тебя, сказав, что ты хорошо говоришь

на имперском.

– Благодарю за доверие, конунг, – пожалуй, даже излишне низко склонился Шервард, но его переполнял едва ли не религиозный восторг. – Да, я немного освоил этот язык, пока жил в Тавере. Я не очень хорошо говорю на нём, но надеюсь, что этого вполне хватит.

Враноок, как и тогда, в Реввиале, пожал руку Шерварду, и сердце того запело от счастья. Он едва сообразил поздороваться с присутствующими здесь помощниками конунга.

– Вон тот грязнуля утверждает, что знает способ попасть в Кидую, – кивнул Враноок, и Шервард наконец заметил сидящего во мраке человека, рядом с которым стояло трое рослых островитян. – Но он отказался говорить с шеварцами и потребовал отвести себя прямо ко мне. Думали, может – убийца. Но он безоружен, да и хлипковат на вид. На него надели мангиловые браслеты, на случай, если он – маг. Но пока что сидит смиренно.

Враноок усмехнулся при последних словах. Перебежчик, видя, что речь идёт о нём, неспешно, чтоб не нервировать охранников, поднялся на ноги и нарочито медленно направился к Вранооку.

– Ты понимаешь наш язык? – обратился он к Шерварду, очевидно, угадав, для чего тот пришёл.

Речь этого человека, несмотря на то, что он говорил явно на имперском, сильно отличалась по звучанию от того, к чему привык Шервард. Те согласные звуки, которые доста-

точно твёрдо и чётко слышались в северной речи и позволяли, подобно зазубринам, зацепиться за них, чтобы распознать слово, здесь были словно отёсаны как морская галька. Юноша вновь почувствовал себя так, будто он только лишь начинал изучать имперский.

Однако, он понял, о чём спрашивает незнакомец, и ответил:

– Не очень хорошо. Поэтому говори медленно и... – он запнулся, подыскивая слово. – И правильно.

– Ты его понимаешь? – удовлетворённо спросил Враноок, услышав, что Шервард что-то ответил на имперском. – Можешь переводить?

– Думаю, что смогу. Правда, говор у него очень уж непривычный. На севере говорят иначе.

– Ладно, мы не спешим. Если что-то не поймёшь, лучше переспроси его несколько раз. Для меня важно точно понять всё, что он скажет. Спроси – кто он, и почему пришёл?

– Меня зовут Логанд Свард, – заговорил перебежчик, выслушав вопрос Шерварда. – Раньше я был лейтенантом городской стражи. Затем я уволился и... путешествовал по империи. Я прибыл в Кинай, когда там уже были ваши войска. И я могу рассказать, как попасть в город.

Логанд (а это был действительно он, несмотря на грязь, бороду и спутанные волосы) нарочно говорил не просто медленно, но ещё и строил простые короткие фразы, чтобы молодой северянин наверняка мог их понять и передать свое-

му вождю. И это действительно помогало – Шервард довольно быстро привык к его речи и переводил достаточно точно. Благодаря тому, что в армии северян были также и имперцы (те же шеварцы), для Враноока уже была ясна система их званий, и он понимал примерный уровень лейтенанта в воинской иерархии Кидуи.

– Почему он решил помочь нам? – кивнув, когда Шервард закончил говорить, спросил Враноок. Вопрос этот, разумеется, был чрезвычайно важен, и ответ на него должен был быть достаточно хорош, чтобы конунг поверил в то, что всё это – не ловушка.

– У меня были причины. Они неважны.

– Они очень важны, если ты хочешь, чтобы я поверил тебе, а не велел своим людям раскрыть тебе голову, – нахмурился Враноок.

– Мне велели духи, – Логанду, в общем-то, было плевать – посмеются ли над ним келлийцы.

– Он – шаман? – удивлённо спросил Враноок и с невольным беспокойством взглянул на тонкие мангильные обручи на его запястьях. Возможно, они были совсем нелишни.

– Нет, но мне являются духи.

– И что это за духи? Почему они хотят помочь нам?

– Духи людей, которых я убил. Они преследуют меня повсюду. И обещали, что оставят меня в покое, если я помогу вам.

– Но для чего им это? – озадаченно глядя на Шерварда,

спросил Враноок. – Я не могу раскусить его. Если это ложь – то довольно безыскусная. Если он действительно верит в то, что говорит – то, может быть, он просто безумец?

– Я не знаю, зачем им это, – пожал плечами Логанд. – Я думал, они ненавидят только меня, но, кажется, они ненавидят всех. Я убежал от них целый год, но так и не сбежал. Я вернулся в Кинай, чтобы попробовать уплыть на Эллор. Но тут оказались вы, и тогда духи сказали мне, что оставят меня в покое, если я помогу вам.

– Ладно, всё это звучит как бред, но всё-таки спроси его – как же попасть в город? Есть тайный ход? – поразмыслив несколько мгновений, спросил Враноок.

Шервард не знал, как сказать на имперском «тайный ход», поэтому просто не перевёл последнее предложение.

– Есть подземный ход, – охотно ответил Логанд и, видя, что переводчик затрудняется, жестами показал, что он имеет в виду. – Подземный ход, – повторил он ещё раз, чтобы северянин запомнил. – Он идёт из Кидуи в Кинай.

В потайном ходе не было ничего необычного – разве что, пожалуй, его протяжённость, составлявшая больше мили. Однако же кидуанские императоры ещё тысячелетия назад озаботились о своей безопасности и возможности тайно покинуть город. Разумеется, строился он главным образом не на подобный случай, а на случаи больших эпидемий, когда августейшее семейство должно было иметь возможность выбраться из заражённого города. Под самой Кидуей также на-

верняка существовало довольно много различных ходов.

– Куда выводит этот ход, и насколько он широк? – заинтересовавшись, спросил Враноок.

– Он начинается в арионнитской часовне неподалёку от Кинайских ворот. Это западные ворота Кидуи, – пояснил Логанд, боясь, что северяне запутаются. Впрочем, Шервард, говоря откровенно, спасовал уже на слове «часовня». – Ход примерно вот такой ширины, – он раздвинул руки и постарался даже оттопырить пальцы. – Он немного шире. В Кинае он тоже ведёт в склеп часовни.

– Он недостаточно широк, чтобы провести по нему значительные силы, – обратился Враноок к своим помощникам, которые, разумеется, тоже внимательно слушали Шерварда. – Но вполне можно провести отряд достаточный, чтобы захватить ворота.

– Если он действительно существует, – скептически покачал головой один из северян.

– Кроме того, если мы втиснем множество людей в узкий проход – это станет ловушкой для них, – заметил другой.

– Поэтому нужно отправить небольшой отряд. Полсотни отборных людей, которые будут стоять тысячи южан. Они откроют ворота и будут удерживать их до тех пор, пока мы не окажемся внутри, – произнёс Враноок.

– Я думаю, это ловушка... – упрямо хмурился всё тот же пессимист.

– Никто не заставляет нас тут же бросаться в этот ход! Мы,

разумеется, всё проверим. Но если это окажется правдой – город в наших руках! Обычный штурм дорого бы обошёлся нам, и совсем необязательно закончился бы успехом! Проломить стену или ворота мы вряд ли сумеем – их волшебники сумеют противостоять нашей магии, да и на тараны надежды мало. Расспроси его про вход. Где он, как в него попасть? – обратился он уже к Шерварду.

– Я покажу, где он находится, – кивнул Логанд. – Но только это не вход, а выход. Проход открывается только изнутри.

– Его можно как-то взломать?

– Наверное, можно. Но можно поступить проще. Я открою его для вас.

– Он водит нас за нос! – прорычал всё тот же помощник Враноока, что сразу не поверил Логанду. – Он хочет, чтобы мы отпустили его в город? И потом должны будем поверить ему, отправив наших людей в капкан?

– Мы всё обсудим, Долгопятый, не волнуйся. Думаю, один немытый южанин уж никак не перемудрит нас всех. Всё обсудим, всё проверим... А пока пусть побудет поблизости. Нам есть куда его поселить, чтобы не пришлось из-за него переживать?

– Цепью к дереву прикуём, и никуда он не денется, – недобро усмехнулся Долгопятый.

– Никаких деревьев и цепей! – отрезал Враноок. – Он – наш союзник до тех пор, пока не даст повод думать иначе. Но, конечно, приглядывать за ним надо хорошенько. Шер-

вард, скажи ему, что он пока побудет у нас под охраной. Скажи, что мы доверяем ему, и если он не будет глупить, то с ним будут обращаться как с другом.

Логанд кивнул, выслушав корявый перевод.

– На мой счёт не беспокойтесь. Я никуда не денусь. Но учтите, что мои духи скоро меня разыщут.

– И что они сделают? – заинтересовался Враноок.

– Вам – ничего. Ну а я уж привык... И всё же, если я попрошу, вы могли бы время от времени менять место, в котором станете меня держать?

– Вот ведь чудак! – рассмеялся Враноок. – Шут, похоже, как следует покуражился в его голове! Скажи, что мы решим его проблему.

Выслушав Шерварда, Логанд благодарно, но устало кивнул конунгу. После чего охранявшие его верзилы вывели его из палатки и повели туда, где он должен будет коротать время.

– Спасибо, Шервард, – Враноок протянул юноше руку. – Ты отлично справился. Ступай к себе. Возможно, я ещё позову тебя, если будет нужда.

– В любой момент, мой вождь, – пожав эту громадную лапищу, Шервард поклонился и вышел.

Глава 54. Внутри

– Диги, смотри! – Шервард шикнул товарищу, который сидел, прислонившись к стене и закрыв глаза, словно подрёмывая.

Впрочем, тот явно не спал. Он тут же открыл глаза и выглянул в окно. Из арионнитской часовни напротив вышел священник и, смиренно опустив голову, направился куда-то по улице. Только вот северяне точно знали, что никаких священников там быть не могло – часовня пустовала.

– Разведчик, – шепнул Шервард. – Значит, перебежчик не соврал. Там действительно есть ход.

Уже несколько дней, после того как Логанд указал им место, северяне следили за этой часовней. Враноок строго-на-строго запретил делать что-либо кроме простого наблюдения. Нельзя было спугнуть кидуанцев, дать им знать о том, что их ход раскрыт. И наконец их усилия увенчались успехом. Ясно, что кидуанцы отправили лазутчика в Кинай, чтобы разведать обстановку. Наверняка ход сейчас был закрыт, и по ту сторону его находились люди, которые откроют его по условному сигналу лжесвященника.

Тот, кстати, вернулся примерно через пару часов. Он вошёл в часовню, и было очевидно, что если Шервард последует за ним, то уже не найдёт там никого. Что ж, теперь можно было возвращаться, и юноша надеялся, что Враноок велит

снять наконец это ненавистное наблюдение. Ничего скучнее в своей жизни Шервард ещё не делал...

Кстати говоря, поскольку он теперь частенько бывал в Кинае, проходя мимо лагеря шеварцев, ему иногда удавалось увидеться с Бруматтом. Первый раз, впрочем, они, к сожалению, сумели лишь перекинуться несколькими словами, но зато в последующие разы Брум уже подждал его. Разумеется, они не могли позволить себе долгих разговоров и посиделок, но им хватало и этого.

Бруматт взахлёб рассказывал о том, как они нашли перебежчика, как сопроводили его в лагерь, и как тот дерзил капитану. Для парня это было очень значимыми событиями, и он ощущал себя наконец настоящим воином, внёсшим весомый вклад в общее дело.

Шервард говорил меньше, чаще просто слушая болтовню друга и мыслями уносясь в это время далеко на север. Странно, раньше он не слишком-то замечал особенную схожесть между Бруматтом и Динди, но сейчас ему казалось, что он то и дело видит дорогие ему черты в лице приятеля. Правда, тот отпустил бороду и усы, вероятно, чтобы придать себе больше мужественности. Или же он просто не хотел (а может и не умел) бриться. Всё-таки Бруматт был барином. Возможно, у него был слуга, который брил его?

В общем, эти встречи были крайне ценны для обоих. Шервард радовался, что приятель, вроде бы, вполне освоился в роли воина. Действительно, Брум никогда не жаловался ему,

и даже наоборот – хвалился реальными или мнимыми достижениями.

Шервард был очень осторожен, выкладывая новости своему другу. Он понятия не имел – что можно говорить, а что нельзя. Он сообщил о том, что к ним идёт помощь, и также намекнул, что, похоже, стоит ждать штурма. Однако он не стал распространяться о подробностях, и в том числе ничего не говорил о обнаруженном подземном ходе, поскольку шпионы Кидуи могли оказаться и здесь.

Теперь, возвращаясь с задания, Шервард вновь встретил Бруматта. Осторожно, не вдаваясь в подробности, он сообщил, что, вероятно, больше он не будет приходить в город, так что они, возможно, долго не увидятся. Брум, разумеется, был огорчён и разочарован, но поделаться ничего, конечно, было нельзя.

– Как думаешь, мы вернёмся домой к зиме? – спросил он на прощание.

– Думаю, вернёмся, – уверенно улыбнулся Шервард.

И это была не бравада. Он действительно так думал. Теперь уж он знал наверняка, что раньше или позже, но будет штурм. А тогда они либо победят, и смогут вернуться домой, либо... Но Шервард слишком уж верил в избранность Враноока, чтобы рассматривать второй вариант всерьёз. Главное – выжить, но это уже будет зависеть от воли богов...

Уже шёл месяц пириллий³⁷. Осада продолжалась больше месяца, и становилось ясно, что спасти город может лишь чудо. Хвалёные непобедимые легионы империи так и не пришли. Точнее, некоторые из них, возможно, и пытались, но были разбиты северянами. А вот те как раз явно прибывали числом. Линд самолично наблюдал огромный отряд минимум в тысячу человек, притопавший откуда-то с северо-востока.

Ситуация становилась критической. Запасы продовольствия стремительно уменьшались, и угроза голода была уже самой настоящей. То же самое и с водой – несмотря на то, что городская стража сумела изловить и повесить нескольких человек, которых подозревали в отравлении источников, всё равно то там, то здесь из очередного колодца вытаскивали распотрошённые подтухшие трупы кошек или собак.

Если у войск, находящихся в городе, и была гипотетическая возможность прорвать эту осаду, то она, похоже, окончательно исчезла. Великой столице оставалось лишь медленно умирать, не зная, что ещё предпринять.

Линд знал, что отчаявшийся император просил помощи даже у Саррассы, но пока не было ни малейших признаков того, что южная империя откликнулась на эти мольбы. Да и, по его мнению, довольно наивно было ожидать, что саррас-

³⁷ Пириллий – один из месяцев календаря Кидуанской империи. Последний месяц лета, соответствует нашему августу. Был назван в честь императора Пириллы – правителя империи Содрейн. Много позже будет переименован в увиллий в честь короля Увиллы Тионита.

санцы действительно помогут – скорее уж, пользуясь бедой, в которую попал северный сосед, вгрызутся в приграничные области, чтобы урвать себе лакомые куски.

Но не только император пал духом. В последнее время заметно изменилась риторика отца Кимми. Будущий тесть уже не хихикал, намекая, как он наварился на торговле, и не заверял домочадцев, что «максимум через две недели всё это закончится». Во-первых, его величество издал указ, по которому все торговцы продовольствием должны торговать по ценам, предписанным государством. И это было ещё половиной беды!

Торговцам были объявлены квоты на свободную торговлю. Купцы средней руки вроде отца Кимми в день могли свободно продавать лишь шесть с четвертью бушелей зерна, а также некоторое количество овощей. Всё остальное зерно предписывалось «продавать» государству по фиксированной цене, которая была столь низка, что это была почти явная реквизиция.

Однако попытка нарушить этот закон могла обойтись торговцам гораздо хуже. Патрули получили право без предупреждения входить в лавки и осуществлять проверки. Что именно искали – было неясно, ведь даже сами по себе запасы зерна преступлением вроде бы не являлись. И всё же любого купчишку, которого подозревали в «контрабанде», проверяли с пристрастием, и если что-то всё же находилось – его могла ждать большая беда. В крайнем случае незадачливого

торговца могли вообще бросить в тюрьму, а все его запасы – изъять.

Благодаря протекции Линда, лавку его тестя пока обходили стороной большие проверки, но юный лейтенант понимал, сколь мала его значимость, и что в случае чего он ничем не поможет алчному родственничку. Тот же, кажется, до сих пор этого не понимал, приводя Линда в отчаяние.

В конце концов они даже поругались. Линд объявил, что пальцем не пошевелит, если тестя уличат в подпольной торговле. Начался страшный скандал. Кимми, которая и без того сейчас была на грани истерики, раскричалась так, что её слышал, наверное, весь квартал. В конце концов Линд просто ушёл, громко хлопнув дверью, и решив в ближайшие дни не появляться здесь. Вообще невзгоды, обрушившиеся на город и на семейство Кимми, внезапно открыли ему другую сторону будущей невесты, которую та вполне успешно скрывала до сих пор. И теперь юноша всё чаще задумывался – а нужна ли ему эта свадьба?..

Дни изобилия, как мы уже говорили прежде, остались в прошлом с начала осады. Однако же, огромная часть горожан целиком или же в весьма значительной степени зависела от этих подачек, не имея никакого иного источника дохода. Теперь императором были объявлены так называемые «военные работы». Тысячи людей мобилизовывались для самых различных нужд – уборки улиц, заготовки дров, обслуживания военных. За эти работы из императорских житниц пола-

галось вознаграждение. И хотя оно было ниже, чем прежде горожане могли получить даром в очередной День изобилия, в конце концов люди смирились, потому что ничто так не лечит от лени и гордыни, как голод.

И Линду даже иной раз казалось, что эта осада может стать благословением для распутного города. Может быть, лишь такое тяжкое испытание и способно очистить его от скверны праздности и порока, вернуть ему былое величие. Конечно, если варвары прежде не разграбят и не сожгут его...

И всё же, нужно отметить, подавляющее большинство горожан не прониклись этой идеей вынужденного катарсиса. Уныние, а скорее даже отчаяние царили в городе. Нехватка еды, воды, страшные слухи о множестве диверсантов, орудующих ночами на городских улицах, а также неясные, если не сказать плачевные перспективы – всё это превращало в Кидую в одно из самых безнадёжных мест в мире. Во всех храмах города – неважно, арионнитских или ассианских – денно и ночью шли молебны. Люди в отчаянии взывали к богам, моля о пощаде, но те были глухи к их мольбам.

Наконец-то его величество принялся набирать ополчение, что позволило в значительной мере заменить городскую стражу на стенах города, где их присутствие всё равно не давало каких-то особенных преимуществ. Наконец-то люди Линда могли хоть немного отоспаться после бессонных недель, а также вернуться к своим привычным обязанно-

стям.

И всё же у Линда хватало поводов для беспокойства и кроме орд варваров за стенами города. Дырочка был очень плох. Он, конечно, крепился как мог, но было видно, что старик окончательно сдал. Он едва ходил, шаркая ногами, тяжело дыша и то и дело хватаясь за грудь. Похоже, у него были серьёзные проблемы с сердцем, которые грозили вскорости свести бедолагу в могилу...

Увы, но тут Линд тоже был бессилён. Он делал что мог – убеждал старого слугу, что скоро явится армия и освободит город, приносил ему продукты из собственного пайка, и даже старался, если была возможность, остаться на ночь дома. И всё же становилось ясно, что вряд ли Дырочка переживёт эту осаду...

Возвращаясь с дежурства домой, Линд едва ли не валился с ног от усталости. Несмотря на то, что число смен на стенах для городской стражи заметно сократилось, его люди всё равно продолжали находиться там, пусть и в меньшем количестве. Это убавило хлопот для рядовых гвардейцев, но не для их лейтенанта. Линд по-прежнему ежедневно был вынужден навещать туда кроме своих прочих забот.

Тем не менее, сейчас он шёл домой. В руках его был свёрток с хлебом, морковью, яблоками и солониной, а также бутыл с водой примерно на галлон³⁸. Всё это предназначалось Дырочке, который, правда, в последние дни едва прикасался

³⁸ Галлон – имперская мера объёмов жидкостей, равная примерно 4,5 литрам.

к пище.

Линд уже предвкушал часов шесть хорошего сна. Он устал так, что спал, будто мёртвый. Он засыпал, едва почувствовав щекой подушку, и Дырочке долго приходилось тормошить его за плечо, чтобы юноша всё же мог проснуться. Вот и теперь его главной мечтой было поскорее добраться до кровати.

Заметив идущего ему навстречу человека, юноша едва не выронил из рук продукты.

– Логанд?... – не веря собственным глазам, воскликнул он.

– Привет, лейтенант, – как-то криво усмехнулся тот в ответ. – Добровольцы не требуются?

– Ты откуда?.. – ошарашенно спросил Линд.

И действительно – учитывая, что Кидуа вот уже больше месяца была в кольце северян, Логанд, похоже, мог свалиться только с неба.

– Что там у тебя? Давай помогу, – словно испытывая какую-то неловкость, Логанд вёл себя несколько натянуто. Он действительно подошёл и чуть ли не силой вытащил бутылку с водой из рук оторопевшего Линда. – Ничего, если я опять у тебя поживу?

– Д-да, пошли... – юноша понял, что приятель пока ничего не скажет ему, по крайней мере здесь, посреди улицы, и потому, перехватив поудобнее свёрток с едой, направился к дверям дома. Сон, естественно, как рукой сняло.

Дырочка, завидев Логанда, закудахтал, словно старая на-

седка, и даже словно позабыл о своих хвоях. Он тут же принялся накрывать на стол, глядя на гостя умильным взглядом. Однако он обратил внимание, что оба друга как-то настороженно помалкивали, словно не зная, как подступиться к беседе, а потому он тоже молчал и тут же удалился, как только всё было готово.

Надо сказать, что сейчас Логанд выглядел совсем не так, как некоторое время назад в Кинае. Он сбрил свою бороду, аккуратно остриг волосы до привычной длины, и, в общем-то, если бы не явная, почти болезненная худоба, выглядел бы почти так же, как в тот день, когда он покинул Кидую.

– Ты давно в городе? – Линд приглашающе указал другу на стол с блюдами, но сам взял лишь небольшой ломоть хлеба и стал есть его, отщипывая кусочки.

– Несколько часов, – Логанд, напротив, с удовольствием набросился на еду, так что Линд даже забеспокоился – не съест ли он всё, оставив Дырочку без ужина.

– Как?.. – поперхнулся юноша. – Но...

– Я прошёл через кинайский проход, – пояснил Логанд. – Дождался шпиона, объяснил ему всё, и он взял меня с собой. К счастью, у нас нашлись общие знакомые.

Линд знал о кинайском проходе, как называли тот самый потайной ход. Знал он и о том, что через него кидуанские лазутчики иногда проникали в оккупированный Кинай, чтобы разведать обстановку. Однако местоположение входа и выхода ему было неизвестно.

– Но зачем ты вернулся?.. Я имею в виду – здесь такое творится...

– Ты намекаешь на то, что я – полнейший болван? – усмехнулся Логанд. – Всё так, дружище, даже не стану с тобой спорить. Просто, наверное, у каждого человека наступает момент, когда ему уже всё равно, куда идти.

– Так ты... – Линд запнулся.

– Да, мои приятели всё ещё со мной. Обычно мне удаётся оторваться от них на день или два, но затем они всё равно находят меня. А ещё теперь я стал иногда слышать их... Точнее, её одну... И нечасто...

– И как ты?.. – нелепо спросил Линд, не зная, что ещё сказать.

– Как видишь – жив-здоров, – пожал плечами Логанд. – Устал, правда, как собака. Откровенно говоря, я не собирался возвращаться в Кидую. Я прибыл в Кинай, потому что хотел устроиться на судно, идущее на Эллор. Думал, может там эта стерва меня не отыщет... А у вас тут такое происходит... Разумеется, кораблей нет. Ну я и подумал – какая, собственно, разница? Повидаю старых друзей.

– Будь я по ту сторону стены – предпочёл бы держаться отсюда подальше... – проворчал Линд.

– А какой смысл? – философски пожал плечами Логанд. – Думаешь, это тут и закончится? Мир уже не будет прежним, дружище. Империя, какой мы её знаем, скоро умрёт, как курица с отрубленной головой.

– Ты преувеличиваешь! – привычно возразил Линд, так же, как он, бывало пытался вернуть присутствие духа кому-то из подчинённых или успокоить Дырочку. – Кидуа неприступна. Да, эти дикари осадили город, но пока что продуктов хватает. А там, глядишь, подоспеет помощь.

– Подоспеет ли? – хмыкнул Логанд. – Что-то не больно-то она торопится... Насколько я знаю, северяне здесь уже больше месяца. Не находишь, что этого времени вообще-то более чем достаточно, чтобы собрать армию и навести порядок?

– Может, император выйдет из города по тому же пути, по какому пришёл ты, – вдруг загорелся Линд. – Соберёт легионы и вернётся, чтобы победить!

– Уверен, что он уже думал об этом, – как-то зло рассмеялся Логанд. – И, как видишь, остался в городе. Знаешь почему? Потому что он боится, что никто не станет с ним разговаривать. И никто не встанет ради него на битву. Белый Дуб стоял тысячелетия, и всем казалось, что он простоит ещё столько же. Только вот похоже, что изнутри он полностью сгнил... Ты же сам знаешь, как сильно не любят столичных даже всего в каких-нибудь десяти милях отсюда.

– И что ты этим хочешь сказать? – с раздражением, замешанным на страхе, воскликнул Линд.

– Что Кидуа обречена, и ни ты, ни кто либо другой ничего с этим не поделают. Лучше бы тебе, Линд, и впрямь быть сейчас где-то подальше... В имении на побережье Серого моря... Я бы предложил тебе уйти из стражи, но ты ведь

этого не сделаешь...

– С чего бы мне это делать? – окончательно разозлился Линд.

– Когда город падёт, мирное население, возможно, никто не тронет. А вот военным может прийти несладко...

– Ты говоришь сейчас, как самый последний трус!

– А я трус и есть, – пожал плечами Логанд. – Был бы посмелее, давно бы уж перерезал себе глотку вместо того, чтоб бегать по всей империи.

– Я надеюсь, что это болезнь так изменила тебя, – гневно проговорил Линд. – Потому что ты был примером для меня! Когда наши парни сравнивали меня с тобой – это была лучшая похвала! Хвала Арионну, они не слышат тебя сейчас... Ты просто жалок...

– Давай оставим этот разговор, – облизывая пальцы, проговорил Логанд. – Я подкрепился – пойду-ка лучше спать. А то я всерьёз опасаясь, что ещё немного – и ты выставишь меня за дверь...

– Я не собираюсь выставлять тебя, – принуждая себя к спокойствию, скрипнул зубами Линд. – Я же вижу, что ты всё ещё болен. Но давай договоримся, что впредь ты не будешь даже заикаться на подобные темы.

– Тогда последняя просьба, чтобы закрыть этот разговор раз и навсегда, – серьёзно, с явным волнением произнёс Логанд. – Линд, ты ещё совсем молод, и у тебя впереди может быть долгая и вполне счастливая жизнь. Не загуби её из-за

своей гордости и ложного чувства долга. Поверь мне, пожалуйста, этот город не спасти. И эту империю не спасти. Я не прошу тебя уйти из стражи, но... Когда город будет взят – пожалуйста, сбрось с себя мундир и отсидись. Не геройствуй! Своей смертью ты уже никому и ничем не поможешь! Насколько я помню, ты собирался жениться... Как я понимаю, ты ещё этого не сделал, но во имя своей невесты – подумай о том, что я сказал!

– Иди ты... спать!.. – и Линд сам первый встал из-за стола и направился в свою спальню.

Логанд остался сидеть за столом. Было ясно, что на сей раз Линд не станет делить комнату с ним. Впрочем, тот самый пресловутый диванчик, который так понравился ему в прошлый раз, уже снова стоял в гостиной, так что бывший лейтенант, посидев какое-то время, направился туда. Дырочка, разумеется, уже постелил ему, но сам то ли спал, то ли притворялся на своей лежанке в прихожей. Он наверняка слышал, что гость поссорился с хозяином, и потому пока что решил отложить беседы на потом. Тяжко вздохнув, Логанд улёгся и довольно быстро захрапел.

Глава 55. Штурм

Наконец Враноок счёл, что всё готово к штурму. К этому моменту войско осаждающих пополнилось на добрых пять-шесть тысяч бойцов, пришедших с востока. Множество ше-варцев, не встречая практически никакого сопротивления, прошли по Труону, а оттуда – пешим ходом до Кидуи. Пришли ещё отряды из Загорья, а также несколько отрядов при-анурцев, которые уже успели показать себя неистовыми бой-цами.

Был конец лета, и местные земледельцы уже всю соби-рали урожай. Келлийцы с невольной завистью глядели на эти поля, сады, леса. Казалось, здесь легко можно было получить трёхкратный урожай в сравнении с Баркхатти, приложив при этом вдесятеро меньше усилий. И сейчас все эти щедрые да-ры юга были в распоряжении островитян!

В общем, Враноок понимал, что его люди сыты, полны сил и воодушевления, а потому готовы к бою как никогда, тогда как осаждённые горожане, доедающие остатки продо-вольствия, напротив – подавлены и слабы.

Лазутчик, этот лейтенант Логанд, уже больше десяти дней находился в городе. Поразмыслив, конунг всё же решил довериться этому странному, явно помешанному человеку. Охранники, что сторожили перебежчика, рассказывали, что тот ночными часами разговаривал, спорил, ругался с кем-то

невидимым, а потом, утром жестами просил перевести его в какое-нибудь другое место, чтобы «сбить их со следа».

В конце концов, Враноок решил, что это и есть тот самый промысел богов, о котором любили говорить жрецы. Те души, о которых всё говорил этот несчастный, наверняка были бруггизами – мелкими прислужниками Шута, помогавшими ему в его шалостях. Их было шестеро, и они могли принимать самые разные обличия, но чаще как раз являлись людям в виде голосов в их голове.

Значит, даже Шут не остался в стороне и оказал неоценимую помощь Отцу и Воину. Наслав бруггизов, он убедил этого безумца открыть ворота в город, который многие называли бы неприступным. И это лишний раз убеждало Враноока, что северные боги покровительствуют ему, а значит он добьётся цели.

Итак, лазутчик был в городе и покамест затаился, выжидая. Враноок перед отправкой Логанда ещё раз встретился с ним и всё обсудил (на сей раз ему не потребовалась помощь Шерварда, поскольку при нём был собственный переводчик). Шпион должен будет начать действовать, как только начнётся штурм. В суматохе, пока все силы обороны города будут прикованы к стенам, он проберётся по потайному ходу и откроет его для небольшого отряда в шесть десятков отборнейших воинов. Ну а те уже сделают остальное.

Теперь нужно было грамотно выстроить войска. Очевидно, что штурм городских стен теперь станет лишь ширмой,

отвлекающим манёвром, тогда как главный удар наиболее боеспособными силами предстоит в районе так называемых Кинайских ворот. Но именно там находились наиболее слабые, по мнению Враноока, силы – в основном, это были имперцы вроде шеварцев и загорцев.

Вот уже несколько дней по приказу конунга происходили скрытые перестановки. Ночами небольшие отряды келлийцев и прианурцев перебрасывались на запад, поближе к Кинаю, а их место на востоке, где уже довольно давно не происходило ничего особенного, занимали шеварцы.

Так и Брум неожиданно для себя оказался в том самом лагере, где прежде находился Шервард. Увы, к сожалению приятеля там уже не было – он вместе с дружиной Желтопуза перебрался поближе к основным силам.

Вся эта подготовка тайно велась больше недели, и наконец всё было готово к решающему штурму.

Линд так и не сказал никому из сослуживцев о возвращении Логанда. Он словно стыдился того, в каком состоянии вернулся некогда великолепный лейтенант, гроза всего Собачьего квартала и его окрестностей. Почему-то во время его отъезда ничего подобного Линд не испытывал. Он искренне сочувствовал другу, и временное помешательство того несколько не умаляло его прошлых достоинств.

А сейчас он увидел человека, словно уже смирившегося

со своим недугом. И сломленного. Сломленного настолько, что у него хватило наглости говорить все эти вещи об увольнении, звучащие как самое настоящее оскорбление. В общем, Логанд Свард оказался свергнут с того пьедестала, на который его воздвиг Линд, а падение идеала – один из самых болезненных видов предательства.

Так что они теперь почти не общались. Линда вообще почти нельзя было застать дома, а теперь он словно бы даже избегал явиться туда лишний раз. Дырочка, в обществе которого Логанд теперь и коротал дни, только вздыхал и жаловался. Он не мог знать причины разлада между старыми друзьями и по-прежнему видел в Логанде того самого лейтенанта, а потому был весьма дружелюбен и почтителен с ним.

Как мы помним, в прошлый раз Логанд вполне неплохо проводил время в компании Дырочки, но теперь старик сделался просто невыносим. Он вечно хандрил, постоянно замирал, прислушиваясь, словно уже слышал грохот обрушивающихся городских стен. Он едва ли не требовал от гостя заверений, что всё скоро наладится, и что проклятые варвары будут изгнаны назад на север. В общем, собеседник из него стал неважный.

Временами Логанд выходил из дому, но, как правило, ненадолго. Он словно опасался, что его увидят. Он ни разу не заглянул в «Свиные уши», и вообще старался поменьше бывать там, где мог встретить сослуживцев или старых приятелей. Любой, кто знал его прежде, понаблюдав немного за

поведением Сварда, пришёл бы к выводу, что тот мягко говоря не в себе, а может и попросту свихнулся. Он то и дело озирался по сторонам, язвительно бормотал что-то себе под нос. А ещё у него появилась скверная привычка подолгу вглядываться в одну точку, словно он подозревал, что где-то там прячется Зора, и не хотел упустить момент, когда она всё же покажется ему на глаза.

Линд не пенял гостю на то, что тот ест его пищу, ничего не давая взамен. Как лейтенант стражи, он гораздо меньше большинства ощущал нехватку продовольствия, ибо паёк гвардейского офицера был весьма немал, и его вполне хватало даже на три рта. Не говоря уж о том, что сам Линд куда чаще наскоро ел прямо на службе, поскольку прямо у стен теперь были развёрнуты полевые кухни, где за лишнюю миску каши трудились мобилизованные на «военные работы».

И однако же Логанд ощущал, что юношу явно тяготит его присутствие, и что он с радостью указал бы гостю на дверь. Иной раз бывший лейтенант и сам подумывал съехать, но затем понимал, что в этом не было большого смысла. Скоро вообще всё это не будет иметь никакого смысла...

Когда в городе забили колокола, он сразу же открыл глаза. Он услышал, как в прихожей запричитал Дырочка, но из комнаты Линда продолжал доноситься храп насмерть уставшего человека.

– Это тревога, господин Свард! – задыхаясь от ужаса, захныкал лакей, едва лишь лейтенант выскочил из дверей го-

стиной. – Что же случилось?

Логанд, разумеется, хорошо знал, что случилось, однако же он лишь пожал плечами:

– Буди своего господина!

Дырочка бросился в комнату Линда и принялся отчаянно дёргать его за плечо. Наконец юноша заворчал, возвращаясь из мира тяжёлых грёз. Он провёл ладонью по лицу, словно пытаясь стянуть с него остатки сна. Похоже, он ещё не понял, что что-то произошло, и не слышал истерического перезвона колоколов. За окном уже начинало светать, и Линд просто решил, что настал очередной день его тяжкого труда.

– Тревога, господин Ворлад! – почти зарыдал Дырочка, заметив, что хозяин вроде бы открыл глаза.

Линд проснулся как-то вдруг, будто на него вылили целое ведро ледяной воды. Он подскочил на кровати, едва не оттолкнув несчастного старика. Да, теперь он слышал. За окном били колокола, уже слышались крики. Случилось что-то страшное...

За минувшее время он уже успел приучить себя к мысли, что северяне не решатся на штурм. Проклятым дикарям, похоже, опять удалось всех обмануть. Линд, как офицер стражи, хорошо знал, что никто не готов к этому штурму. Профессиональных военных и городскую стражу на стенах заменили наспех набранные ополченцы, которые шли туда лишь ради кормёжки.

И всё же даже сейчас он не мог поверить в возможность

взятия Кидуи. Эти стены просто так не преодолеть! В городе тысячи людей, способных держать оружие, а также лучшие маги империи! Внезапно Линд даже почувствовал облегчение – наконец-то скоро всё закончится! Да, будет тяжело и страшно, но зато теперь блокаде конец! Если они будут мужественными и стойкими – враг потерпит поражение, а там уж остатки его можно будет добить за стенами.

Линд оделся в одно мгновение. Заметив Логанда, он спросил:

– Ты со мной?

– Нет, – понурился, ответил тот.

– Как знаешь, – презрительно бросил Линд. – Пригляди за Дырочкой хотя бы.

С этими словами он, кивнув старому слуге, выскочил на улицу и бегом бросился в сторону кордегардии.

Старик рыдал так, словно тело его драгоценного господина уже лежало перед ним, всё истыканное келлийскими копьями. Можно с уверенностью сказать, что в этот момент он боялся за Линда куда больше, чем за самого себя.

– Вот что, приятель, – схватив Дырочку за плечи и встряхнув, чтобы вернуть его к действительности, проговорил Логанд. – Сиди дома и никуда не выходи! Что бы не случилось – никуда не выходи, разве что твой дом начнёт гореть! Запри двери, закрой шторы и сиди как мышь! Всё будет хорошо!

– Куда вы? – в ужасе воскликнул слуга, осознав, что защитник, которого ему приставил господин Ворлад, похоже,

собирается его покинуть.

– По делам, – отрезал Логанд довольно грубо. – Это не твоё дело, приятель. Главное – сделай так, как я сказал. И всё будет хорошо.

И он тоже вышел из дому. Он не бежал как Линд, но шёл довольно быстрым шагом, нервно оглядываясь по сторонам. Он шёл в сторону часовни у Кинайских ворот.

Лето заканчивалось, и солнце вставало уже гораздо позже. Здесь, в отличие от Баркхатти, не было таких долгих рассветов, когда небо могло часами озаряться лучами пока невидимого солнца. Поэтому войска строились практически в полной темноте. Впрочем, эта темнота успокаивала – она, словно щит, укрывала наступающую армию.

Разумеется, Шервард очень нервничал. Здесь всё будет иначе, чем тогда, в его первом бою. Не будет спасительного земляного гребня, за которым можно будет укрыться от вражеских стрел. На этот раз преимущество будет у врага. Келлийцы, расположившиеся под городскими стенами, будут как на ладони для лучников наверху.

Конечно, они подготовились, как могли – из лозы для лучников были сплетены нечто вроде больших щитов в полтора человеческого роста в высоту и в два-три роста в ширину. Для перезарядки стрелки смогут прятаться за этими ограждениями, поставленными на распорки. Но в таком сражении

нет ничего проще, чем схватить шальную стрелу, поэтому Шервард понимал, насколько высока опасность.

В отличие от многих, он знал истинные планы Враноока. Он знал, что штурм стен станет лишь прикрытием. Впрочем, это ничего не меняло – даже в обманном штурме можно погибнуть по-настоящему. Тем более, что конунг собирался придержать значительную часть сил до тех пор, пока не будут открыты ворота.

Ужасно, что весь этот грандиозный план, жизни всех этих людей, включая его собственную, зависели от одного человека, да к тому же ещё и сумасшедшего! Ведь столько мелочей могут помешать ему исполнить задуманное, даже если не думать о возможном предательстве! Он может опоздать, может сломать ногу, может не справиться с механизмом запора... Его могут обнаружить и убить... И тогда всё пойдёт прахом. Тогда штурм превратится в бойню, и северной армии придёт конец.

Шервард горячо молился в душе Великой Матери, прося её о защите. Не забыл он в молитве и Лойю. Он умолял жену не звать его к себе. Он говорил, что понимает, как ей одиноко на просторах Долины мёртвых, но заклинал подождать ещё. «Я приду к тебе, но позже, не сейчас...» – шептал он.

А ещё перед его взором стояло лицо Динди, прижимающей к себе малышку Риззель. И он молился также и им. Их любовь может укрыть его в бою. Великая Мать внемлет любящим женщинам, ждущим домой своих мужчин. Если Дин-

ди любит его – она почувствует, что сейчас ему нужно её заступничество.

Шервард вновь находился неподалёку от Бортника, чему был несказанно рад. Он ещё не мог разглядеть лица старика в предрассветной мгле, но ощущал, что тот вместе с ним держит плетёный щит, за которым они станут прятаться в бою. И словно бы через эти влажные от утренней росы прутья в его руки вливалось тепло рук боевых товарищей, заставляя сердце биться спокойнее и глубже, дышать полной грудью и даже... улыбаться.

Юноша поймал себя на том, что, несмотря на страх и волнение, он улыбается. Он – часть великой силы. Вокруг него – тысячи его братьев, на каждом из которых – такой же кожаный наруч, что и на нём. Где-то в этой мгле сейчас стоят Бруматт, Дион, Желтопуз, даже сам Враноок. Он представил, как где-то в небесах, посреди бледнеющих звёзд плечом к плечу застыли в ожидании драки Отец и Воин с оружием наизготовку. А эти ничтожные Арионн и Асс, если они вообще существуют – хнычут от страха, забившись на задворки мироздания.

Шервард просил защиты не только для себя, но и для Бруматта. Если шеварцев некому будет защищать – пусть их хранят северные боги! Только бы парень не оказался в настоящем пекле! Шервард надеялся, что его друг также окажется среди лучников и переживёт этот день...

– Начинаем! – пронеслось по рядам.

Шерварда скорее ощутил, чем услышал, как, колыхнувшись, двинулись вперёд ряды пехотинцев – тех, кто будет непосредственно штурмовать стены. Вскоре за ними выдвинулись и стрелки, неся свои плетёные щиты. Конечно, все понимали, что из такой позиции лучники не смогут нанести сколько-нибудь существенного урона обороняющимся, но хотя бы заставят их быть осторожнее, не позволяя делать смертоносные залпы. И всё же Шервард чувствовал некую вину перед уходящими в утренний туман братьями, которые окажутся на переднем крае. Многие из них не вернутся к родным берегам...

Теперь оставалось надеяться на внезапность атаки и на то, что эти ротозеи не спохватятся вовремя. И, конечно, изо всех сил молиться богам, чтобы всё получилось у одного безумца, уверенного, что он видит духов.

Разумеется, улицы были пусты. Обыватели прятались кто где мог – по домам, или в каких-то иных укрытиях. Те, кто не хотел прятаться, уже были на стенах. Логанд слышал гул слева – там всего в нескольких сотнях футов отсюда уже были городские стены, и там шёл бой.

Уже совсем рассвело. Бывший лейтенант городской стражи шёл хорошо знакомыми улицами и иногда ловил себя на ощущении дежавю. Как будто бы это всё уже происходило с ним однажды, причём в мельчайших подробностях. Где-то

раздался пронзительный крик ребёнка – и опять ему показалось, что когда-то, неведомо когда, это уже было именно так.

Он увидел Зору лишь однажды – та стояла, прислонясь спиной к стене в одном из переулков. Разумеется, призраки довольно быстро разыскали его вновь, но Логанду хотелось надеяться, что сегодня всё закончится. Он сделал вид, что не заметил свою бывшую любовницу, и продолжил целеустремлённо шагать в сторону небольшой часовенки.

Вот он повернул за угол, а затем ещё раз – и оказался на месте. Древняя часовня, стоявшая здесь не одну сотню, а может даже и не одну тысячу лет. Древние строители Кинайского прохода не зря сделали входы именно в часовнях – в отличие от обычных домов, их никто не сносил, да и сами они горели или рушились довольно редко. Кроме того, они не привлекали столько внимания, сколько большие храмы. Эта часовенка уютно укрылась в сени больших старых деревьев, находясь несколько в стороне от многолюдной обычно улицы.

Разумеется, двери арионнитских часовен никогда не запирались. Он спокойно вошёл внутрь, словно верующий, решивший вознести молитву Белому богу, тем более, что момент был самый подходящий. Внутри было гораздо холоднее, чем снаружи, и Логанд невольно поёжился. Здесь была крошечная тьма – лишь небольшое окошко под потолком могло бы осветить помещение, если бы не густые ветви деревьев, загородивших солнце и небо.

Логанд зажёл фонарь, который предусмотрительно захватил с собой. Он знал, где находится проход, поскольку совсем недавно с его помощью проник в город. Но он точно не знал, как работает механизм, имея лишь общее представление об этом.

Несколько минут он внимательно оглядывал пространство за алтарём, пока не нашёл то, что искал. Металлический рычаг, искусно вплетённый в общую композицию убранства. Это, разумеется, была гномья работа. Лишь этим бородачам было под силу создать подобное чудо, особенно в те древние времена. Проходы и здесь, и в Кинае закрывались массивными дверьми-плитами, приводимыми в движение столь сложными механизмами, что даже для их починки приходилось нанимать гномов. Да и столь длинный тоннель мог выкопать лишь подгорный народ.

Логанд потянул за рычаг и услышал глухой щелчок где-то за стеной. Однако больше ничего не произошло. Вероятно, это была лишь часть отпорного механизма. Он продолжил осмотр, не задумываясь о том, что каждая минута промедления множит потери и обороняющихся, и особенно нападавших. Он делал это не для северян, а для себя.

Второй рычаг отыскался всё же быстрее. На этот раз слышался звук работы больших зубчатых колёс, грохот цепи. Удивительно, но даже сейчас не слышно было никаких скрипов, говорящих о том, что старинный механизм изнашивается.

Проход открылся, и Логанд, не теряя времени, устремил-

ся туда. По подземному ходу можно было идти даже без огня – он был прямым как стрела, а пол и стены – абсолютно гладкими. Гномы-строители разве только не отполировали их поверхности. Потому путь был лёгким, и всего за какие-нибудь десять минут он добрался до цели.

Здесь, разумеется, гномы не стали делать большого секрета из расположения открывающего рычага, да и сам он был выполнен крупнее и проще. Потянув за него, Логанд сразу же увидел, как сдвинулась каменная плита, открывая проход, за которым уже толпились неприветливые здоровяки.

Никто из них, конечно же, не знал ни слова на имперском, да это было и не нужно. Логанд жестом пригласил их за собой, и вся эта странная компания зашагала обратно. Удивительно, но эти громилы умудряли создавать совсем немного шума в гулком коридоре.

Во время разговоров с Вранооком они обсудили дальнейшие действия. Конунг настаивал на том, чтобы отряд келлийцев как можно дольше сохранял инкогнито – чем ближе к воротам они сумеют подобраться до того, как будут замечены, тем проще им будет осуществить захват. А потому Логанд предложил план, который пришёлся по вкусу северному вождю.

Совсем неподалёку от часовни находилась кордегардия стражи. Логанд с несколькими северянами, получившими указания своих командиров, прошмыгнули туда. Разумеется, сейчас кордегардия была пуста, и гвардейцы даже не по-

заботились о том, чтобы её запереть. Войдя внутрь, Логанд повёл северян к комнатке, которая была кладовой. Поскольку все кордегардии были плюс-минус одинаковыми, он без труда обнаружил её.

Одного удара топором было достаточно, чтобы сбить замок. Внутри хранилось кое-какое оружие, доспехи, и в том числе – зимние плащи. Накинув эти плащи, окрашенные в цвета Кидуи, отряд северян мог бы привлечь к себе меньше внимания на подходе к воротам. Прихватив всё, что было на складе, келлийцы вместе с Логандом направились обратно в часовню.

На этом часть сделки Логанда оказалась исполненной. Он молча указал островитянам направление, а сам, притворив дверь, остался в холодном мраке часовни. Прислонившись спиной к стене, он сел и закрыл глаза. Неужели теперь он был свободен?..

До вражеских стен было предательски близко... Увы, для того, чтобы иметь хоть какой-то шанс добить стрелой туда, где находились защитники города, пришлось подойти всего на какую-то сотню ярдов. То есть, находится там, куда безо всякого труда прилетали вражеские стрелы.

Брум тяжело дышал, пытаясь собрать достаточно мужества, чтобы выскочить из-за плетня и выпустить стрелу. Но он не мог себя заставить. Он глядел на наконечник стре-

лы, прилетевшей сверху. Она застряла меж сплетённых веток орешника, из которого был сделан щит, всего в футах от его глаз. И совсем недавно ещё несколько стрел стукнулись, отскочив от преграды.

Довольно много стрел торчало из земли или валялось поблизости. И каждая из них при ином раскладе могла бы вонзиться в его тело. Это ведь чистая удача! Сдвинь лучник свою руку на дюйм, натяни тетиву чуть сильнее или слабее – и Брум мог бы сейчас быть мёртв. Как мертвы те десятки людей, разбросанные у подножья Кидуи. Как мёртв Борк из их подразделения.

Там, за плетнём, словно бы шли состязания. Кто-то бежал к стене, держа на плечах длинную лестницу. Его призом была жизнь, и приз этот доставался нелегко. Кто-то другой в это время высовывался из-за зубца стены, чтобы пустить стрелу вниз, и его призом тоже была жизнь – своя, а если повезёт, то и чужая. Это было похоже на безумный сельский праздник, где тысячи людей более или менее успешно старались выиграть в состязании. И Бруму сейчас хотелось быть где угодно, только не здесь.

За тем же щитом, что и Брум, находилось с полдюжины стрелков. Впрочем, Борк был уже мёртв, также как и ещё один чернявый парень, которого он прежде не видел. Здесь же были Шен и сержант Стент, и ещё двое. Брум видел, как они то и дело зыркают на него, словно вопрошая – как долго он ещё собирается отсиживаться. Впрочем, Стент особо не

миндальничал:

– Тебе что – нужен особый приказ? – рявкнул он, накладывая очередную стрелу на тетиву. – Давай, куриный сын, прятаться потом будешь! Смотри, как они парней наших поливают! Всё потому, что ты тут дрожишь вместо того, чтоб делом заниматься!

Ещё одна стрела ударила в плетень, но тоже отскочила в сторону. Матюгнувшись, сержант выскочил и выстрелил вверх, тут же ныряя обратно.

– Стреляй, паскуда, кому говорю! – рявкнул он в бледное лицо Брума. – А не то я сейчас тебя туда вытолкаю, а то и сам пристрелю!

Слёзы ужаса выступили на глазах Брума. Он ощутил, как тёплая струйка побежала по ноге. Но деваться было некуда – выдохнув, он выскочил из-за плетня, на ходу поднимая лук.

Тугой удар пришёлся ему в плечо. От неожиданности он выпустил тетиву, и его стрела упала на землю шагах в десяти от него, по счастью не задев никого из своих. Ошеломлённый, Брум поглядел на левое плечо, из которого торчало оперённое древко. Красное горячее пятно расплывалось по рукаву.

Закружилась голова, но боль ещё не могла пробиться через оупляющее изумление. Однако, загипнотизированный зрелищем торчащей в нём стрелы и набухающей кровью ткани, Брум растерялся. Он стоял, словно не зная, что же делать дальше. Всё происходящее вдруг сделалось каким-то нере-

альным, похожим на страшный сон.

В следующее мгновение он рухнул на землю – сержант дёрнул его за куртку, повалив под защиту плетня.

– Ты что – идиот? – закричал он.

Быстро оглядев рану и поняв, что она, вроде бы, не угрожает жизни паренька, он лишь крикнул «Зажми покрепче!», и вернулся к бою. Брум же так и остался лежать на земле, обхватив ладонью кровоточащую рану с торчащей стрелой, и крепко зажмурил глаза. Наконец пришла жгучая боль, и он расплакался, не разжимая век. Он так и лежал – забытый всеми – рыдая и не смея открыть глаза.

Он просто орал – это было единственное, что Линд мог сделать в данный момент. Лучники на стенах на мгновение выглянув из-за зубца, били вниз, мимо носились гражданские, разнося связки стрел. Его люди, вооружённые алебардами, пока что лишь ожидали, когда враг окажется в пределах досягаемости этих самых алебард. Ими же они позже станут отталкивать лестницы.

В общем, командиру стражи делать сейчас было решительно нечего, и потому Линд орал какие-то команды, которые всё равно никто не слушал, чтобы придать себе хоть какой-то смысл на этой стене. Иногда снизу прилетала стрела, со свистом проносясь мимо, но пока что на его участке был лишь один убитый и несколько раненых.

Вообще Линд сейчас недоумевал по поводу того, куда делись все эти тысячи северян, что неделями жили в их восточном лагере. Там было много тысяч людей, но атака почему-то велась относительно невеликими силами. Увы, защитники города прозевали угрозу, что позволило врагу занять позиции у стен города, наставив множество лёгких плетёных щитов, которые, однако же, оказались вполне неплохой защитой от стрел.

По счастью, им удалось отбить первый штурм. Несколько лестниц, которые успели приставить к стенам, были сброшены. Это оказалось не таким уж простым делом – упереться алебардой в лестницу и, обливаясь потом, толкать её, покуда она не повалится. И всё же они справились, причём без очень уж больших проблем.

Теперь атакующие засели за своими щитами и, похоже, решали, что делать дальше, а их лучники в это время пытались не дать стрелкам-защитникам слишком уж вольничать. В общем, всё оказалось не так уж и страшно, и Линд, хотя каждая мышца его тела всё ещё вибрировала от стресса, понемногу обвыкался, и его крики всё больше походили на командирские приказы.

И всё же это было странно. У северян было много людей, и они, казалось, должны были бы проявлять больше усердия, штурмуя Кидую. В первые дни осады многие сочувствовали Линду из-за того, что его участок оказался прямо напротив того самого лагеря, где, поговаривают, находился и сам

вождь северян Враноок. А это значит, что там должны быть лучшие из лучших вражеских воинов. И где эти хвалёные люди-волки, что надрывали нервы защитникам своим воем? Не то чтобы Линд жаждал встретиться с ними, просто это было странно.

Молодой парень – почти мальчишка – в форме адъютанта взбежал на стену, мокрый и бледный.

– Кто командует этим участком? – дыхание парня было совсем сбито, и голос его срывался на фальцет.

– Лейтенант Линд Ворлад, – чувствуя недоброе, направился к нему Линд.

– Срочно отправьте людей к Кинайским воротам! – казалось, паренёк вот-вот упадёт, потеряв сознание. – Келлийцы прорвались! Ворота открыты!..

Глава 56. Конец

Захват Кинайских ворот оказался настолько простым, что его описание не займёт много времени. Как и предсказывал Логанд, никому не было дела до появившегося отряда, одетого в цвета городской стражи. В этот момент к стенам города подступили тысячи врагов, и всё внимание обороняющихся, разумеется, было направлено туда.

Келлийцы безо всякого труда захватили подъёмный механизм (если это вообще можно назвать захватом). Лишь когда они принялись поднимать решётку и убирать запоры, защитники города заподозрили неладное. Однако, было уже поздно. Враноок действительно отобрал для этого задания лучших из лучших своих воинов – не рыбаков и охотников вроде Шерварда, а дружинников с богатым боевым опытом. Было среди них и около десятка прианурцев, которые тут же принялись истошно выть, сея ещё большую панику среди защищающихся.

Кидуанцы попытались отбить атаку, но это было невозможно – здесь мог бы помочь разве что мощный скоординированный удар тяжёлой пехоты. Немного повозившись с непонятными механизмами (кое-что оказалось проще разломать вдребезги, чем пытаться понять принцип работы), диверсанты открыли-таки ворота. И сразу же в них хлынули отборные силы северян.

Увы, противостоять этому было уже невозможно. Защитники стен, оставляя закрепленные за ними участки, бросались навстречу безудержному потоку, но он сносил эти преграды подобно снежной лавине. Кое-где имперским войскам, особенно там, где они поддерживались магами, удавалось на время закрепиться, но это было совершенно бессмысленно.

Повторялась кинайская история. По мере того, как всё новые сотни и сотни атакующих вливались на городские улицы, они заполняли всё. Так что даже если где-то героически сражающаяся стража умудрялась преградить дорогу северянам – те просто обходили преграду по улицам и улочкам столицы, в конце концов окружая и уничтожая всех.

Как одной маленькой дырочки в прохудившемся мехе бывает достаточно, чтобы вытекла вся вода, так и здесь вероломный захват одних из городских ворот вскоре сделал всю оборону практически бессмысленной. Быть может, будь городская гвардия, легионеры, боевые маги чуть похрабрее, попривычнее к сражениям – они могли бы по крайней мере заставить захватчиков огромной кровью заплатить за каждый ярд пройденной земли. Но увы – большинство этих воjak были хороши лишь в надраивании доспехов или же разгоне пьяных трактирных драк. А накопленные десятилетиями *знания* боевых магов не могли компенсировать отсутствия *навыков*, ведь знать и уметь – далеко не одно и то же.

Конечно, Кидуа была велика – куда больше даже Киная,

а это значило, что взять этот город за час или даже за день было невозможно. В отдельных кварталах города бои велись до самой темноты, а где-то продолжались и на другой день, особенно по мере приближения к императорскому дворцу. Но это уже не могло отменить того факта, что столица Кидуанской империи, один из крупнейших городов мира, был захвачен.

В таких условиях императорский дворец не мог сопротивляться долго. Сам его величество Гриварон даже не рискнул сбежать через один из потайных ходов. Он, очевидно, знал причины обрушения обороны города, а потому боялся, что келлийцам может быть известно и о других ходах, и что ему могут устроить засаду и попросту убить.

Ещё до исхода следующего после падения города дня, Гриварон объявил о капитуляции и попросил переговоров с конунгом Вранооком. Это было не более чем жестом отчаяния, потому что все понимали, что всего через несколько часов северяне и так будут в покоях короля так или иначе.

Судьбоносная встреча двух монархов, один из которых был коронованным, а другой, по сути, самопровозглашённым, состоялась поздно вечером и продлилась до глубокой ночи. Заканчивался девятнадцатый день месяца пириллия 1967 года Руны Чини – последний день прежнего мира.

Враноок во время этой встречи, которую трудно назвать переговорами, а скорее – трибуналом, был жёсток и непреклонен. Он начал с того, что потребовал передать ему ко-

рону, венчающую чело испуганного императора. Гриварон явно не ожидал подобного и был совершенно сбит с толку. Он рассчитывал на переговоры, которые будет вести властелин крупнейшего государства на континенте с вождём диких островных племён, а на деле это сразу же превратилось в общение пленника и его победителя.

Всё время, пока шли эти «переговоры», Враноок сидел за столом и поигрывал короной Кидуанской империи, которая в его ручищах выглядела игрушечной. Казалось, он может играючи сдать её и превратить в комок искорёженного металла. Низверженный император зачарованно следил за этими движениями, едва вслушиваясь в тарабарщину, которую нёс северный вождь, а затем мучительно пытаясь понять жёсткий, похожий на звук ломающихся палок, акцент его переводчика.

То, о чём говорил Враноок, казалось совершенно неприемлемым. По сути, он требовал полного отречения Гриварона и прекращения метрополии Кидуи над народами империи – в первую очередь над провинциями Шинтан, Пелания и Пунт, но также и над прочими, если те выскажут подобное намерение. Этот варвар брал на себя смелость говорить от имени целых народов, целых провинций, что казалось не просто возмутительным, но и попросту невозможным.

Однако, это было именно так, и самое ужасное, что сила была целиком на его стороне. У Гриварона же не хватало силы духа даже *изобразить* из себя монарха. Он понял, что

ему сейчас следует думать в первую очередь о спасении своей жизни, а уж затем, если придётся к случаю – о спасении империи.

«Переговоры» длились несколько часов и закончились уже за полночь. Они были драматичными и, пожалуй, их подробное описание заслуживало бы отдельного труда, если бы нашлось перо, способное достоверно отобразить всю бездну отчаяния и безнадёжности, в которую был погружён человек, который ещё несколько часов назад считал себя императором, и всю неумолимость беспощадного рока, воплотившегося в грозную фигуру конунга Враноока.

Мы лишь можем указать здесь непреложный факт, известный глубоким знатокам истории даже после завершения так называемых Смутных дней. В ночь с 19 на 20 пириллия 1967 года Руны Чини был подписан акт об отречении императора Гриварона Пятого, одним из пунктов которого являлось, по сути, признание распада Кидуанской империи. Величайшее из государств Паэтты перестало существовать...

Прошло четыре дня с тех пор, как империя лишилось своего императора и, по сути, перестала существовать. За эти дни существенно изменилась также и Кидуа. Теперь, когда келлийцы достигли цели и вскоре собирались обратно на свои уютные острова, у них больше не было причин миндальничать.

Враноок не слишком-то препятствовал своим людям. Он понимал, что те хотят вознаграждения за то, что отправились с ним в далёкий поход, и что эфемерное благополучие освобождённых провинций империи вряд ли послужит для них достаточным утешением. Да и, говоря откровенно, Враноок был келлийцем, который с юности много времени проводил в походах, грабя прибрежное население Палатия и торговые суда. Для него не было ничего зазорного в разграблении доблестно захваченного города.

Возможно, был в этом и элемент возмездия. Кидуа – как воплощение всего худшего, всего несправедливого, что было в империи. Кидуа, столетиями высасывающая соки из провинций, бесцеремонно и по-хозяйски, ни в чём себе не отказывая, пользующаяся плодами чужих трудов. Кидуа, глядевшая свысока на граждан собственного государства, уничтожительно усмехающаяся, едва лишь услышав провинциальный говор. И Враноок, вероятно, считал, что эта Кидуа заслужила показательную порку.

Так или иначе, но столице досталось куда сильнее, чем тому же Кинаю. Ярлы, так жёстко пресекавшие мародёрство там, сквозь пальцы смотрели на желание своих людей поживиться за счёт кидуанцев. Увы, почти так же лояльно относились они и к неизбежно возникавшей жестокости. Поджоги, избиения, изнасилования и убийства, разумеется, не поощрялись, но как будто и не слишком-то осуждались, по сути, перекладывая ответственность на совесть самих победи-

телей.

Не мудрено, что город запылал. Пожары вспыхивали то там, то здесь, а новые хозяева города не особенно торопились их тушить. Враноок объявил, что до исхода луны они отправятся в обратный путь, а потому северяне спешили заpastись добром и претворить в жизнь иные свои желания, если они имели место быть.

По улицам Кидуи шли пятеро, трое из которых были хорошо нам знакомы. Это был, прежде всего, бывший лейтенант городской стражи Логанд Свард. Он шёл не как пленник, но почти как равный с остальными тремя. Вторым был Шервард, которого лично Враноок направил с Логандом в качестве помощника и переводчика. Третьим, к радости читателя, был Брум, вполне бодрый и щеголявший свежей повязкой. С ними были ещё двое северян, незнакомые нам.

Надо сказать, что Шервард во время штурма не получил даже царапины, если не считать волдырей на пальцах от тети́вы и стрел. Он не участвовал в самом штурме Кинайских ворот и попал в Кидую уже тогда, когда городской гарнизон большей частью был либо разбит, либо сдавался. С большой радостью увидел он Тибьена – тот тоже был жив-здоров. И надо отдать ему должное – он первым же делом отпросился у Желтопуза и направился туда, где находились отряды шеварцев, чтобы разузнать судьбу друга.

Там он узнал о ранении, которое получил Бруматт, и тут же бросился в импровизированный полевой госпиталь, куда

как раз и направляли таких вот не слишком тяжелораненых бойцов. Он разыскал Бруматта, который до сих пор не мог прийти в себя от шока. В его плече всё ещё торчала стрела – лекари занимались более тяжёлыми ранами, мало обращая внимание на бледного заплаканного юношу, от которого пахло мочой и кровью.

Благодаря вмешательству Шерварда (а шеварцы побаивались и уважали келлийцев), ситуация тут же поменялась. Стрелу извлекли, рану обмыли и тщательно забинтовали, повесив раненую руку на специальную повязку, чтобы не тревожить рану и не мешать ей заживать. Лекарь предупредил, что может быть заражение, но в целом дал понять, что ничего страшного с раненым не случилось, и что «дырка» совсем пустяковая, после чего вернулся к тем несчастным, которые нуждались в его помощи больше.

Шервард пообещал Бруматту, что теперь-то они, по крайней мере до отъезда, смогут проводить время вместе. Про полевые лагеря можно было позабыть – в их распоряжении был целый огромный город, и, в общем-то, они могли бы при желании выбрать абсолютно любое жилище для себя.

Разумеется, для начала оба друга привели себя в порядок после боя. Переодевшись, умывшись и хорошенько перекусив, они остаток дня провели просто наслаждаясь покоем и тем, что, похоже, оба смогут вернуться домой. Брум только теперь понял, что всё это время где-то в глубине души почему-то думал, что будет убит, и теперь внутри него словно

разжалась какая-то пружина.

Ни Шервард, ни тем более Брум не принимали участия в разграблении Кидуи. Однако обоим было интересно поглядеть на этот город, побывать в котором ещё пару лет назад не помышлял ни тот, ни другой. Конечно, им хотелось бы увидеть столицу такой, какой она была прежде, но даже сейчас – израненная и оголодавшая – она производила неизгладимое впечатление. Приятели бродили по городу, наслаждаясь таким непривычно тёплым окончанием лета, а также потрясающими видами.

И вот на четвёртый день Шерварда внезапно вызвали к Вранооку, и конунг, поздравив соратника с победой, попросил его вновь взять под опеку того самого полоумного перебежчика, Логанда. Как оказалось, одним из условий, которые поставил тот перед северным вождём в обмен на открытые ворота, было обещание, что келлийцы освободят и не станут преследовать тех его друзей из числа городской стражи, которых он укажет. Если, разумеется, те уцелели после штурма. И вот наконец Логанд нашёл возможность повидаться с Вранооком и напомнить ему о данном обещании.

Вообще северяне никогда не славились излишним гуманизмом в отношении вражеских воинов. В этом не было жестокости – лишь прагматизм. Люди, способные держать оружие, а особенно те, что умеют с этим оружием управляться, могут представлять угрозу, а потому нужно сделать так, чтобы от этой угрозы избавиться.

Разумеется, Вранооку и в голову не могло прийти казнить всех защитников Кидуи, но всё же с ними обошлись так, как обычно поступают с пленными. Всех, кто согласился сдаться, разоружили и отправили в несколько разных мест города – в основном, арионнитские храмы. Конунг понимал, что даже таких деморализованных бойцов не стоит собирать всех в одном месте, а потому было организовано шесть или семь таких вот лагерей для пленных.

Там они содержались в не самых лучших условиях – дважды им давали воду и какую-то пищу, и не особенно заботились о раненых. Тех, кто был ранен слишком уж тяжело и явно не имел шансов, просто выволакивали наружу и добивали. Те же, кто был ранен не столь опасно, были предоставлены сами себе. Воду, которую им давали, они могли пить, а могли использовать для того, чтобы обмыть рану, а затем перевязать её обрывками одежды. Впрочем, воды не было в достатке, а потому большинство полагалось лишь на милость Арионна.

В общем, отрядив Логанду в помощь Шерварда и ещё пару дружинников, Враноок разрешил ему обойти лагерь, и если он сумеет отыскать друзей, то может забрать их. Сам Логанд сказал, что таковых будет не больше трёх человек.

Как мы уже успели увидеть, Шервард взял с собой также и Бруматта. У парня очень болело плечо, и он рад был отвлечься.

– Твои духи оставили тебя? – поинтересовался Шерварду

Логанда, пока они шагали вдоль улиц.

– Вроде бы, – угрюмо пожал плечами тот, явно давая понять, что не желает развивать разговор.

Что ж, Шервард и не собирался навязываться. Он тихонько болтал с Бруматтом, решив оставить странного южанина в покое.

– Мне нужно зайти в этот дом, – Логанд внезапно указал на дверь, наверняка хорошо знакомую читателю.

– Зачем? – тут же спросил Шервард.

– Здесь живёт слуга моего друга. Я хочу проверить – всё ли с ним в порядке, и предупредить, чтобы он был готов к отъезду.

– Мы подождём здесь, – кивнул Шервард, который не ждал от этого человека какого-либо подвоха.

Логанд поднялся наверх и что было сил застучал в дверь:

– Дырочка, это я! Открой!

Наконец из-за двери послышались звуки, похожие на кулдахтанье курицы. Старик, который, как ему и было велено, затаился в своей квартире, со слезами на глазах отпер дверь, услышав знакомый голос.

– Лейтенант Свард, хвала богам! – залился он слезами, разве что не бросаясь на грудь Логанду. – С вами всё в порядке! Но господин Ворлад... Он так и не вернулся... Знаете ли вы, что с ним?..

– Нет, но намерен выяснить, – даже не переступая порога, ответил Логанд. – Я ищу твоего господина среди пленных.

Если он жив, то сегодня же будет свободен. А ты собирай вещи – только самое необходимое. Если боги не оставят нас – сегодня к вечеру ты и твой господин покинете Кидуую.

– Ах, хвала богам! – Дырочка словно не услышал всех этих «если», и сейчас будто бы даже помолодел на десять лет. – Спасибо вам, господин Свард! Благослови вас Арионн! Я немедленно начну собираться!

Кивнув, Логанд быстро спустился вниз. Он был рад, что со старым чудаком ничего не случилось. Здесь пока ещё не было заметно следов мародёрства и погромов. Оставалось надеяться, что северяне не доберутся сюда хотя бы до вечера. А там, если всё будет в порядке, ни Дырочки, ни Линда тут уже не будет.

– Как можно дать знать вашим людям, чтобы они не трогали этот дом? – на всякий случай спросил он у Шерварда, но тот лишь пожал плечами. Такого знака просто не существовало.

Логанд знал расположение всех лагерей для пленных, а потому сразу же повёл северян к тому, что был ближе всего к участку стены, закреплённому за их кордегардией. Это был довольно крупный храм, куда при желании несложно было натолкать несколько сотен человек. Шервард объяснил всё келлийцам, охранявшим вход, и их без проблем впустили внутрь.

Зрелище было не самое приятное. В почти полной темноте и вони на полу сидели десятки, а то и сотни испуганных, растерянных людей. Слышались стоны, бормотание, похожее на молитвы, тихая брань. Логанд безрезультатно вглядывался в эту зловонную темноту, пытаясь разглядеть Линда.

– Линд Ворлад? – наконец гаркнул он, понимая, что иначе ничего не получится. – Здесь есть Линд Ворлад?

Пленные шушукались, переглядывались.

– Его здесь нет, – вдруг раздался ответный голос.

Похоже, это был кто-то из их роты и, судя по виноватому выражению лица Логанда он даже сумел узнать этот голос. Впрочем, тот несчастный явно не узнал своего бывшего лейтенанта. Однако же Логанд ничего не сказал Шерварду, лишь покачав головой и выйдя обратно на воздух. Он не обратил внимание на раненого парнишку, что, выпучив глаза, глядел на него.

– Пойдём дальше, – тяжело вздохнув, произнёс Логанд, когда охранники вновь захлопнули ворота храма.

– Твой друг – Линд Ворлад? – наконец оправился от изумления Брум.

– Откуда ты его знаешь? – мрачное отсутствующее выражение на лице Логанда сменилось удивлением.

– Мы... были друзьями, – теперь помрачнел Брум.

– А, так ты – тот парень с побережья? – усмехнулся Логанд. – Мир тесен.

Вообще Линд крайне редко рассказывал ему о Бруме, а

уж тем более – о Динди, вычеркнув обоих из своей памяти и жизни. Но всё же, разумеется, несколько раз разговор о детстве поднимался, особенно во время посиделок в «Свиных ушах».

– Это тот самый? – нехорошо нахмурился Шервард.

– Да, это он...

– Что-то ты не выглядишь радостным, – заметил Логанд, заметив, как изменились лица обоих. – Неужели не рад разыскать друга?

– Он мне больше не друг, – буркнул Брум.

Логанд, разумеется, знать ничего не знал о том, что случилось между Линдом и Динди, а потому списал всё на подростковую обиду паренька, друг которого уехал в большой город, не взяв его с собой. Куда больше ему не понравилось лицо северянина, которому вроде бы и вовсе не могло быть никакого дела до Линда. Однако же, он как-то весь напрягся, словно собирался ударить.

– Ну, коли найдём его – сможете решить всё меж собой, – пожал плечами, проговорил Логанд и зашагал дальше.

Та же ситуация повторилась и в следующем лагере. На сей раз никто не откликнулся, так что несколько раз выкрикнув имя Линда, Логанд просто вышел. Конечно, могло случиться так, что северяне разводили пленных куда придётся, вне зависимости от того, где те были пленены, но отчего-то всё крепло ощущение того, что его друг просто мёртв.

Третий храм, к которому они подошли, был побольше

прочих, так что здесь, должно быть, находилось больше полутысячи пленников. Внутри картина ничем не отличалась от предыдущих – было так же темно, душно и смрадно.

– Здесь есть Линд Ворлад? – не особенно надеясь на что-то, гаркнул Логанд и на всякий случай повторил. – Я ищу Линда Ворлада! Здесь есть Линд Ворлад?

– Логанд? Дьяволы мне в пятку – это же Логанд! – раздались несколько голосов.

Очевидно, что в этом месте находилась, по крайней мере, часть гвардейцев из его бывшей кордегардии, а значит, что с ними мог быть и их командир.

Среди пленников началась суета. Судя по звукам, некоторые повскакивали на ноги, хотя это было сложно сделать, поскольку люди сидели очень плотно друг к другу. Разумеется, для всех появление Логанда было полной неожиданностью. Они видели, что тот явно не арестован – за его спиной маячили охранники, но не делали никаких попыток втолкнуть его внутрь. И больше всех недоумевали, разумеется, знакомые Логанда.

Охранники встревожились и, бесцеремонно сдвинув Логанда, сделали шаг внутрь, что-то грозно крича. Подошёл Шервард:

– Скажи своим друзьям успокоиться, или они останутся здесь.

– Тише, успокойтесь! – крикнул Логанд. – Не делайте лишних движений, или они убьют вас. Если Линд здесь –

пусть отзовется.

– Я здесь, – раздался голос, от которого внутренности Брума вдруг сжались.

– Кот и Герро с тобой?

– Нет. Я не знаю, что с ними. Герро остался на стене, когда мы ушли, а Кота, кажется, ранили. Может быть, он убит.

– Ладно, – кивнул Логанд, как будто бы не слишком даже огорчившись услышанному. – Выбирайся сюда, Линд.

– Эй, Логанд, дружище! – понеслись умоляющие возгласы. – Эй, это же я, Брэд! Эй, я Дэйм, ты что – меня не помнишь? Логанд, лейтенант! Возьми нас с собой!

– Тише, парни! – бросил в ответ Логанд. – Эти ребята очень нервничают. Погодите, пока я заберу только Линда, а позднее вернусь и за вами.

В глубине храма стало заметно движение – скрюченная, неверно шагающая фигура медленно пробиралась среди тел товарищей, то и дело спотыкаясь о чью-то руку или ногу. Сотни глаз были устремлены сейчас на него. Пожалуй, в этот момент Линд и Логанд были самыми ненавидимыми людьми для всех этих бедолаг. Почему эти двое свободны, а они – нет?.. Но страх перед северянами смирлял их возмущение, позволяя лишь эти злобные взгляды.

– Выходи, дружище, – Логанд протянул руку, словно посланец Арионна, вызволяющий душу из пучин Хаоса. – Ты свободен.

Эпилог. Первый шаг в бездну

Поначалу казалось, что ничего особенного не произошло. Бескрайние просторы империи как-то вяло отреагировали на известия о взятии Кидуи и низложении императора. Скорее, эти новости вызывали злорадные усмешки. Шла горячая пора сбора урожая, так что всем сейчас было не до столичных проблем. Более того, робкие надежды на то, что теперь не потребуется отправлять оброк и налоги для прокорма всего этого скопища дармоедов, и вовсе радовали людей.

Сила инерции существования тысячелетней империи была такова, что, даже будучи обезглавленной, она казалась абсолютно живой. Сатрапы, управляющие провинциями от имени его величества, ещё какое-то время продолжали прежнюю политику. Кое-кто даже, по старой памяти, отложил положенную метрополии дань на случай, если императорские люди приедут и потребуют её. Впрочем, никто не приехал.

Всё началось позже – уже в следующем году. Именно тогда до местных элит окончательно дошёл смысл происходящего, и вот тогда началась делёжка. Словно падальщики, они набросились на обезглавленное тело империи, и вот тогда разложение стало заметно каждому.

Ещё зимой сатрапы один за другим принялись провозгласить себя правителями новых территорий, которым пока

что было трудно дать определение. Многие поспешили объявить себя королями. Первыми, разумеется, в этом списке были сатрапы Палатия, Пунта и Пелании, независимость которых была закреплена документально. Не замедлили с этим и Лиррия с Ревией, где также так и не удалось полностью погасить сепаратистские настроения.

В конце концов и провинция Кидуа объявила о независимости, что, разумеется, звучало несколько абсурдно. Впрочем, вместе с Гривароном была низложена и вся царственная династия, так что теперь власть здесь перехватил местный сатрап – герцог Ликкейский.

Сама столица оказалась в весьма плачевном состоянии. Северяне не пощадили города, и кое-где выгорали целые кварталы. Более того, Враноок, словно питавший какое-то необъяснимое отвращение к этому городу, повелел разрушить городские стены и императорский дворец, чтобы сердце древней империи уже не могло забиться вновь.

Разумеется, разрушить столь монументальные сооружения было бы не под силу и целой артели магов, поэтому всё свелось к тому, что в городских стенах было проделано несколько брешей, достаточно крупных для того, чтобы сделать оборону города делом бессмысленным. Что же касается дворца, то его, не мудрствуя лукаво, просто подожгли.

Сам император и всё его семейство были отправлены в ссылку в небольшой особняк близ озера Прианон. Вранооку не было нужды беспокоиться о его будущем, а вот новые пра-

вители вновь созданных королевств, разумеется, пристально следили, чтобы у его бывшего величества Гриварона не возникло желание реставрировать династию и империю.

К сожалению, спустя всего два года низложенный император был отравлен. Умер не только он сам, но также и императрица, а также двое из трёх их детей. Лишь младшей дочери по счастливой случайности не оказалось в тот роковой день за столом. Впрочем, бедная девушка недолго сумела обманывать судьбу – она была убита спустя несколько месяцев после того, как похоронила родителей и братьев. Увы, у августейшей семьи были слишком влиятельные враги, не желавшие утратить так внезапно упавшую им в руки власть.

Впрочем, уже тогда было ясно, что для того, чтобы удержать эту власть, недостаточно просто убить несчастную императорскую семью. Сами провинции, или же королевства, принялись трещать по швам. В каждом городе империи были люди вроде Бодена, которые не хотели менять шило на мыло, а императора – на местного самозванного королька. Тот же Тавер, к примеру, уже весной 1968 года Руны Кветь объявил о том, что отныне он является вольным городом, и что «королевству» Палатий придётся с этим считаться.

Увы, всего через четыре года после падения Кидуи на территории бывшей империи шло уже по меньшей мере полторы дюжины более или менее локальных конфликтов, сливаясь в совокупности в одну страшную гражданскую войну, и с каждым годом она лишь набирала обороты.

Итог всего этого нам хорошо известен. Несколько раз империя делала попытки подняться, и всякий раз – безуспешные, приводившие лишь к новым мощным волнам насилия. В конце концов бывшие провинции раздробились на десятки доменов, которые возглавили наиболее сильные и жестокие из представителей местной знати. Домены эти появлялись, росли, дробились и исчезали так быстро, что в конце концов люди переставали понимать – кому же принадлежат земли, на которых они растят хлеб.

Кровь, огонь и запустение пришли на земли севернее сарассанских границ. Потомки дадут этому страшному времени имя – Смутные дни. Тёмные времена, в которые, словно в пучину, погрузились истерзанные территории Кидуанской империи. Это казалось невероятным, но население этих земель сделало колоссальный шаг назад в своём развитии. Позабылись многие достижения науки, культуры, магии. Всё пришло в упадок, и потребовалось много столетий, чтобы начался наконец обратный процесс.

Многие великие города империи погибли и оказались погребены в веках. Не избежала этой участи и великая Кидуа, так и не оправившаяся от набега варваров. Жители оставляли умирающий город – кто-то переселялся в более удачливый Кинай, остальные же искали счастья в иных местах. В конце концов, всего через каких-нибудь десять лет древняя столица оказалась почти необитаемой, сделавшись пристанищем нищих и прочего отребья, пока наконец власти Киная

не решили окончательно избавиться от этого очага постоянных проблем, принявшись методично разрушать город.

Так пал Белый Дуб, простоявший более трёх тысяч семисот лет. Он оставил после себя обломки, из которых позднее вырастут новые государства. Он оставил язык, на котором и спустя тысячелетия будет разговаривать больше половины населения Паэтты. Он оставил крохи знаний, отголоски культуры, благодаря которым будущие поколения народов начнут новое восхождение уже не с чистого листа.

От яркого солнца после почти абсолютной темноты храма у Линда слезились глаза. Он, пошатываясь, выбрался наружу, растерянно глядя на Логанда.

– Что это значит? – хрипло проговорил он. – Почему ты здесь?

– Чтобы освободить тебя, болван, зачем же ещё? – натужно хмыкнул Логанд, хотя было видно, что он очень рад тому, что разыскал друга.

– Но как?..

– Ты, как всегда, задаёшь слишком много вопросов, – неловко глядя куда-то вбок, бросил Логанд. – Какая тебе разница? Главное, что ты свободен! Отправляйся сейчас к Дырочке – я уже предупредил его, и он пакует вещи. Сегодня же вы сможете убраться отсюда. Погоди, ты ранен?.. – встревоженно воскликнул он, заметив кровь на штанине Линда.

– Немного зацепили бедро, – хмуро ответил тот. – Ничего страшного. А ты, значит, якшаешься с дикарями?

Линд говорил, не стесняясь, поскольку был уверен, что никто из северян его не поймёт.

– Жизнь заставит – и с Бауном-полукровкой³⁹ за один стол сядешь, – отмахнулся Логанд расхожей поговоркой. – Для тебя, дуралея, главное сейчас, что ты – свободен.

– Это же ты впустил дикарей в город через тайный ход? – процедил сквозь зубы Линд. – Что, даже отнекиваться не станешь? А ведь я это ещё прежде понял. У меня там времени навалом было, чтобы подумать, – резко мотнул он головой в сторону закрывшихся за ними ворот.

– А что же ты тогда, такой принципиальный, вышел, когда он тебя позвал? – не выдержав, бросил Брум.

Даже несмотря на всё то, что уже успело с ним случиться, сейчас Линд был действительно поражён. Чудо ещё, что он удержался на ногах. Он, всё ещё щурясь от яркого солнца, взглянул на бородатого парня, которого принял за келлийца, и ему хватило секунды, чтобы узнать в этой фигуре старого друга, хотя тот порядком изменился за это время.

– Брум?.. – оторопело произнёс Линд. – А ты здесь откуда?..

– Пришёл за тобой, – ядовито улыбнувшись, отвечал Бру-

³⁹ Баун, он же Баун-полукровка – император Тондрона, империи чёрных магов. Сын первого императора Тондрона – Драонна и смертной женщины, отчего и получил такое прозвище.

матт. – Видишь, какой ты популярный сегодня – все тебя ищут!

– Ты... участвовал в походе северян?..

– А что в этом такого? – парировал Брум. – Тоже считаешь меня предателем, как и его? – он кивнул на Логанда, который, похоже, был совсем не против того, чтобы Линд переключился на кого-то другого. – Но я – не предатель, потому что никого не предавал. В отличие от тебя, кстати.

– Я тоже никого не предавал, – невольно сглотнул Линд. – Это была ошибка. Мы ведь были почти детьми, Брум...

– Пойдёмте отсюда, – неожиданно вмешался Шервард, заметивший, как недовольно глядят в их сторону охранники. – Ты нашёл всех, кого хотел?

– Будем считать, что да, – угрюмо кивнул Логанд. – Пошли.

– погоди, – злобно произнёс Брум. – Может быть, наш непогрешимый Линд Ворлад не примет свободы из рук предателя? Может быть, он решит вернуться назад, к своим боевым товарищам?

Линд стоял, словно оплётанный, но, разумеется, он не сделал бы и шага обратно. Да, он ненавидел и презирал Логанда за то, что тот сотворил, но ведь отказ от его услуги уже ничего не изменит... Говоря по правде, три дня в душном тёмном помещении, набитом сотнями людей, могли сбить спесь с кого угодно. И потому, побледнев от злости и унижения, Линд зашагал, слегка хромя, в сторону своего дома.

– Так я и думал... – фыркнул Брум. – Такой же изнеженный барчук, как и прежде!..

– Быть может, у вас есть другие дела? – обратился Логанд к Шерварду, видя, что его приятелю скоро и свобода станет не в радость. – Вы помогли мне, спасибо. Дальше мы сами.

Шервард молча взглянул на Бруматта. Сам он, как ни странно, не ощущал какой-то особенной ненависти к этому испуганному парнишке, хотя с тех пор, как ему стала известна тайна рождения Риззель, он, казалось, готов был собственноручно убить обидчика Динди. Но то, что он видел перед собой, не было достойно его ненависти – скорее уж жалости или презрения. Однако, он не мог уйти, не дав возможности Бруматту посчитаться за все обиды. Даже если он решит сейчас убить этого сопляка – Шервард слова не скажет. А если Логанд вздумает влезть между ними – тем хуже для него!

Брум тоже взглянул на Шерварда. Он понимал, что сила – за ним. Прямо здесь находятся трое северян, которые, разумеется, справятся с этим перебежчиком, если тот вздумает вступить за Линда. Кроме того, у самого Брума на поясе висел кинжал, а северяне и вовсе могли похвастать вполне внушительным арсеналом. Если он всё же решит убить Линда – у того не будет ни единого шанса.

Брум поглядел на бывшего приятеля, безуспешно старавшегося сейчас напустить на себя хоть сколько-нибудь невозмутимый вид. И, к своему удовлетворению, легко прочёл

страх в его лице – за годы дружбы он, разумеется, узнал Линда как облупленного и без труда видел то, что тот пытался спрятать.

Да, он ненавидел Линда. Он взлелеял, взрастил в себе эту ненависть. Хвала богам, он не превратил её в смысл жизни, хотя... Он ведь отправился в этот поход во многом именно из-за этой своей ненависти, которую в конце концов перенёс с этого столичного барчонка на самую Кидую.

– Помнишь, что я сказал тебе при нашей последней встрече?.. – не отвечая Логанду, Брум сразу обратился к Линду.

– Что убьёшь меня, если мы ещё увидимся... – прошептал тот.

– Эй! – уже всерьёз забеспокоился Логанд. – Никто никого убивать не будет! Враноок обещал мне его жизнь, и не в вашей власти её отнять!

– Никто никого убивать не будет, – повторил Брум, глядя прямо в глаза Линду. – Не потому, что так велел Враноок. Просто ты не стоишь того, чтобы я до конца своих дней мучился угрызениями совести. Ты, дружище, будешь наказан тем, что, имея такую удивительную дочь, никогда не сможешь ни подойти, ни заговорить с ней. И лучше бы тебе не пытаться даже увидеть её, потому что я всегда буду рядом, и уж тогда рука моя не дрогнет...

– Я тоже буду рядом, – вдруг произнёс Шервард. – Риззель будет теперь моя дочь. А ты для неё – никто. Запомни это хорошо. Если Бруматт не убьёт тебя тогда, то я убью точно.

Поверь мне.

Линд стоял, потупив голову. Он не выдержал яростного взгляда бывшего друга. Он привык относиться к Бруму как к недалёкому увальню, который даже если и серчал иногда, то тут же отходил. В этом подтянутом, высоком бородатом воине не было и грана от того Брума. Он был похож, и одновременно – совершенно не похож на него. И Линд ясно понимал, что в случае чего он исполнит свою угрозу. В этот момент он боялся Брума даже больше, чем этого странного северянина, который почему-то называл Риззель своей дочерью и говорил на имперском.

– Пошли, – твёрдо кивнул Брум, и они с Шервардом, не прощаясь, направились в сторону, противоположную той, где находился дом Линда. Два северянина, флегматично наблюдавшие эту сцену и не понявшие ни единого слова, потопали следом.

– Я, пожалуй, тоже пойду, – вдруг обронил Логанд, которому было явно неловко теперь, наедине с Линдом, и потому он решил улизнуть, покуда тот ещё не пришёл в себя. – Вот, держи.

Логанд вынул из кармана что-то похожее на амулет. Линд машинально взял его и пригляделся. Это был потемневший от времени и грязи кусочек дерева, на котором когда-то была примитивная резьба, теперь уже почти совсем неразличимая. Этот кусочек был прилажен к бечёвке, чтобы можно было носить его на шее. Похоже, это был какой-то северный

оберег.

– Как только придёшь домой – первым делом сбрось с себя форму. Если к тебе будут подходить северяне – показывай этот амулет, а лучше – повесь себе на шею. По крайней мере, до тех пор, покуда не окажешься подальше от города. Отправляйся в Руббар – ты же говорил, что это твой родной город. Или выбери другое место – главное, подальше отсюда. Ну, бывай, приятель!

Логанд даже не попытался пожать руку Линда, словно боясь, что тот отдёргнет её. А может быть и сам считал себя недостойным этого. Он зашагал так быстро, словно едва сдерживался, чтобы не побежать.

– Эй, Логанд! – опомнившись, окликнул его Линд. – Спасибо. За всё. И... удачи!

– Знаешь, что самое смешное, Линд? – когда Логанд обернулся, лицо его было искажено страданием. – Всё это оказалось напрасно... Стерва обманула меня... Как всегда...

И он, широко шагая, исчез за углом.

15.07.2022 – 08.08.2023

Глоссарий

Абсолютный Покой – состояние, которое предшествовало началу сотворения Сферы.

Алая лихорадка – очень опасная болезнь, сопровождающаяся жаром и кожными высыпаниями. Может завершиться смертью.

Алиэнти – название залива, расположенного на северо-западе Паэтты. Крупный залив, омывающий побережье Сеазии и западные палатийские земли. Северный берег его образован полуостровом Лионкай – самой западной точкой материка.

Али́я – одна из трёх великих рек Паэтты. Берет начало в озере Симмер, а затем вливается в реку Труон.

Анурские горы – горный хребет, пересекающий Паэтту с севера на юг. Анурские горы довольно невысоки, но очень скалистые и труднопроходимые. Земли, лежащие восточнее Анурских гор, называются Загорьем.

Арибнн (Белый Арионн) – один из двух братьев-анта-

гонистов, хранителей Сферы. Бог-созидатель, ассоциирующийся с Добром. Символом его является Белый Единорог, поэтому храмы в его честь строятся в виде башен, напоминающих белый рог единорога. Арионнитство – самый распространённый культ на Паэте.

Асс (Чёрный Асс) – второй брат, сын Неведомого; бог-разрушитель, ассоциируется со Злом. Впрочем, многие считают, что Асс – скорее не олицетворение зла, а олицетворение справедливости и неизбежности. Ассианство чаще всего исповедуют воины, а также многие другие, чьё ремесло связано с разрушением.

Ассий – последний месяц паэтанского календаря, соответствующий нашему декабрю. Месяц с самыми долгими и тёмными ночами, потому и назван в честь бога Асса.

Баркхатти – крупнейший и наиболее заселённый из Келлийских островов. Здесь проживает абсолютное большинство народа, именуемого келлийцами. Их уклад не очень похож на уклад жизни материковых жителей. Баркхатти, как и прочие Келлийские острова плохо приспособлен к сельскому хозяйству, здесь не так хорошо развиты ремёсла и торговля.

Например, на островах Келли отсутствует понятие денег, а торговля ведётся либо путём бартерного обмена, когда

один товар непосредственно обменивается на другой, либо с использованием промежуточных товаров, которыми чаще всего служат изделия из железа или зерно, которые в недостаточном количестве создаются на Баркхатти и, в большинстве своём, завозятся из Кидуанской империи.

Баун, он же Баун-полукровка – император Тондрона, империи чёрных магов. Сын первого императора Тондрона – Драонна и смертной женщины, отчего и получил такое прозвище.

Белая Смута – события, произошедшие в Кидуе зимой 1965-1966 года Руны Чини. Бунт, спровоцированный королём Кладбищенских призраков Челдоном, который желал таким образом, как ни странно, спасти Кидую от бедствий, о приближении которых ему якобы были видения. Призраки и Уличные коты разогревали недовольство людей, подбивая их на бунт, чтобы заставить императора действовать жёстко и пересмотреть свою политику в отношении неработающих жителей города. Белая Смута была подавлена благодаря консолидации властей и прочих городских банд. Само название появилось уже позднее, спустя годы после самого события.

Белый Дуб – Белый дуб в окаймлении белых четырёхконечных звёзд на красном поле – герб Кидуанской империи. Звёзды означают количество провинций империи. К момен-

ту распада империи количество звёзд составляло семь (Кидуа, Лиррия, Ревия, Сеазия, Пелания, Загорье (Пунт), Палатий). Провинция Бехтия, существовавшая во времена принца Драонна, к этому времени исчезла, разделённая между Кидуей и Лиррией.

Белый Мост – по преданию арионнитов, Белый Мост отделяет мир живых от мира мёртвых. Ассианцы тоже используют это понятие в разговорах, хотя официально ассианство не разделяет данную концепцию.

Белый Путь – путь, который, по мнению арионнитов предстоит пройти каждой душе от своего мира к царству Арионна. Этот путь могут преодолеть лишь достойные. Остальные, как считается, просто упадут с него, доставшись Хаосу. Ассианцы не разделяют концепцию Белого пути, считая, что подручные Асса уносят души к его чертогам, где им предначертаны вечный пир и веселье.

Бобó – предыдущий король Кладбищенских призраков. Будучи беглым каторжником, к концу жизни Бобо стал едва ли не уважаемым респектабельным гражданином Кидуи, меценатом и владельцем таверны. После его смерти Призраков возглавил Челдон.

Брагáрд! – боевой клич келлийцев, дословно означаю-

щий «За Воином!». Это можно перевести также как «С нами Воин!».

Бруггизы – прибожки, помощники Шута (или Дурака, как его ещё называют). Келлийцы выделяют шестерых бруггизов – Грыза, Жува, Чисса, Баграгу, Бибра и Таггу. Будучи зловредными, бруггизы, тем не менее, не являются бесами или демонами, поскольку, как и сам Шут, вредят не из злого умысла. Тем не менее, островитяне приписывают каждому из бруггизов какой-то из человеческих пороков – зависть, лень, обжорство, похоть, лживость и чванство. Считается, что Шут посылает их людям, и те искушают бедняг ради забавы своего господина.

«Буйные» – условное наименование среди жителей империи тех из келлийцев, что предпочитают жить за счёт военных набегов в противоположность так называемым «смирным». В описываемые в книге времена заметно больше половины кланов Баркхатти принадлежали к «смирным», поскольку торговля с империей давала бóльшую выгоду, а набеги являлись уделом меньшинства. Впрочем, сами келлийцы даже не подозревали, что у их южных соседей существует подобная градация.

Великий Вызов – сакральный акт вызова на бой со стороны одной из уличных банд в адрес другой. Ритуальная

часть Великого Вызова очень подробно описана в двадцатой главе этой книги. Можно сказать, что Великий Вызов был радикальным способом решать неразрешимые вопросы.

Великий океан – один из океанов, омывающих Паэтту. До сих пор неизвестно, что лежит по ту сторону Великого океана и где он оканчивается. Одни учёные утверждают, что там лежит ещё один, неизведанный пока материк. Но большинство сходится к тому, что мир Паэтты имеет шарообразную форму, так что по ту сторону океана лежит побережье западное побережье Эллора. Есть, правда, и такие, которые уверены, что за Великим океаном мир Паэтты обрывается.

«Вестники небес» – книга преподобного Ливвития, легендарного настоятеля арионнитского храма Тагеррон, расположенного на небольшом скалистом островке в Заливе Дракона. К моменту описываемых событий этого храма уже не существовало. По легенде, он внезапно ушёл под воду около трёх тысяч лет до этого, то есть в первые столетия существования Кидуанской империи.

Воин – один из богов келлийского пантеона. Сын Отца и Матери, Воин защищает мир от множества демонов и прочих сил зла, которые, в отличие от того же Шута, являются злобными по сути и потому стремятся уничтожить и сам мир, и его обитателей. Естественно, почитается как покровитель дружинников, а также охотников и рыбаков.

Врано́к – один из ярлов Баркхатти. Претендует на то, чтобы стать конунгом. Обладает выдающейся внешностью (громادным ростом и силой) и выдающимися способностями. Некоторые и вовсе считают его колдуном. Враноок после разгрома Кидуи всё-таки был провозглашён конунгом, но после его смерти островитяне вновь отказались от идеи единого правителя.

Генералы – советники и помощники уличных королей.

Герцог Ликкёйский – сатрап провинции Кидуа, который после падения империи и низложения императора объявил себя королём независимой Кидуи. Впрочем, вскоре в провинции начались гражданские конфликты, вызванные сепаратистскими настроениями, так что в конце концов она распалась на несколько независимых территорий. Сам герцог Ликкейский был убит спустя шесть лет после описанных в книге событий.

Также он вошёл в историю как предполагаемый заказчик убийства императорской семьи.

Городская стража – подразделения гвардии, занимающиеся охраной порядка в городах империи. Каждый город имеет собственную стражу, но, разумеется, наиболее крупной и известной является стража Кидуи. Официально городская стража Кидуи именовалась гвардейским император-

ским сторожевым полком города Кидуи, и потому командующий стражей традиционно имел звание полковника. При этом иерархически эта должность была выше традиционных армейских полковничьих чинов и приравнивалась к генеральскому званию или званию легата.

Городские – одна из пяти городских банд Кидуи. Контролирует южные кварталы города, в том числе и известный читателю Собачий квартал.

Гриварён V – последний император Кидуанской империи. Был низложен конунгом Вранооком в ночь с 19 на 20 пириллия 1967 года Руны Чини. После низложения проживал с семьёй в имении близь озера Прианон, где был отравлен спустя два года после падения империи. Также были отравлены и другие члены его семьи, кроме младшей дочери (была убита чуть позднее). В обоих покушениях подозревали герцога Ликкейского, правителя Кидуи.

Грыз – один из шести прислужников (бруггизов) Шута в пантеоне келлийцев. Обычно представляется в виде одноглазого кота.

Дальние небеса – в мифологии келлийцев – обиталище богов. В отличие от ближних небес, Дальние небеса сокрыты от глаз смертных, и попасть туда можно либо только по-

сле смерти (мир мёртвых, или Долины мёртвых, как их ещё называют, также лежат в пределах Дальних небес), либо по особой воле самих богов, что удавалось единицам легендарных героев келлийских саг.

Дани́р – один из ближайших помощников Воина в мифологии келлийцев. Его представляют как могучего мужчину с громадным топором. А ещё Данир часто считается покровителем охотников.

День небесных огней – один из арионнитских праздников, отмечающийся в последний день дистрития. По преданию, во время решающего сражения между богом-королём Вейредином и королём Севера Горотом (подробнее об этом можно узнать в книге «Гвидово Поле») Асс наслал Тьму в помощники своему подопечному Гороту, и под покровом этой Тьмы войска северян стали теснить воинов Аментара. И тогда Арионн осветил потемневшее небо яркими огнями. Их свет воодушевлял людей Вейредина, но ослеплял и подавлял армии Горота. Это, якобы, как раз и помогло богу-королю переломить ход битвы.

Дистри́т Златоглавый – пожалуй, самый известный и любимый народом император поздней Кидуанской империи. Период его правления считается пиком наивысшего расцвета империи. Позднее в его честь был переименован один из

месяцев паэттанского календаря – бесогон.

Дистри́тий – один из месяцев календаря Кидуанской империи. Первый месяц лета, соответствует нашему июню. Назван в честь императора Кидуи Дистри́та Златоглавого – одного из самых известных и почитаемых императоров, на чье правление приходится так называемый золотой век империи

Дни изобилия – дни, которые император Гриварон V ввёл в обиход в Кидуе (имеется в виду столица, а не сама империя). В среднем они случались дважды в месяц. В эти дни любой желающий мог бесплатно получить четверть бушеля зерна в руки. Это зерно было из старых имперских запасов. Поскольку Пунт (загорская провинция империи) производил огромное количество зерна, Дни изобилия позволяли избавляться от залежалых излишков. Для императора Гриварона это была возможность поднять свой рейтинг среди населения столицы. Кроме Кидуи Дни изобилия (хотя и не так регулярно) проводились в Кинае и Шеаре.

Долина мёртвых – в мифологии келлийцев место, расположенное на так называемых Дальних небесах, куда после смерти попадают души людей. Заправляет Долиной мёртвых одна из прислужниц Великой Матери – Зегерда. Исключение составляют лишь так называемые Зелёные Холмы – область Долины мёртвых, куда попадают исключительно души

дружинников. На Зелёных Холмах свой хозяин – прибожек Воина по имени Адраган.

Келлийцы не особенно замудрили концепцию загробной жизни. В отличие от арионнитов и ассианцев, они не делят души на грешников и праведников. По их мнению, в Долины мёртвых попадают все, и продолжают жить там примерно так же, как и в мире живых.

Дракка́р – вид судна, широко распространённый на Келлийских островах. Представлял собой галеру с парусом и двумя рядами вёсел, а также совсем небольшим килем, что позволяло приставать почти к самому берегу. На некоторых драккарах были палуба и трюм, но были и драккары, их не имеющие. Своё название суда получили из-за носовых фигур, коими часто бывали драконьи головы.

Дригзэль – имя девы-воительницы, спутницы Воина, почитаемой как покровительница раненых в бою.

Дружина – своеобразная каста воинов на Келлийских островах. Принадлежность к дружине, правда, не была наследственной, однако же дружинники представляли собой особое, высшее сословие на архипелаге. У каждого ярла была собственная дружина. Дружинники участвовали в походах и набегах. Они же могли низложить ярла и избрать нового.

Дурная трава – слабый наркотик растительного происхождения. Употребляется в виде курения. Распространён на всей Паэте.

Жаркий – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствует нашему июлю.

Жероника – ягоды, встречающиеся в лесах Баркхатти. Несъедобны, но используются в медицине. В частности, отвар из жероники обладает болеутоляющим действием, сходным с действием отвара дурной травы.

Живка – сладость, представляющая собой сладкую застывшую массу, вываренную из мёда с ягодами. Для удобства получившееся леденцы нанизывают на палочки.

Жовар (Фонарщик) – король банды Городских. Получил своё прозвище за то, что любит вешать своих врагов на фонарных столбах. Кстати, у капитана, который руководил отрядом таверцев в походе Враноока, также была фамилия Жовар, но это – простое совпадение. Никаких родственных связей у него с одним из самых отъявленных головорезов Кидуи не было.

Загадочный океан – один из четырёх океанов мира Па-

этты, омывающий материк с запада. По рассказам моряков в нём часто происходят загадочные явления – свечения в глубине вод или в небе, над поверхностью воды. Так же считается, что в нём обитают глубоководные чудовища – драконы, левиафаны и прочие.

Загорье – общее название земель, лежащих западнее Анурских гор. Северную часть Загорья составляла одна из провинций Кидуи – Пунт.

Залив Дракона – очень обширный залив на западе Паэтты. Напоминает след лапы трёхпалого дракона, отсюда такое название. Три ответвления залива называют Пальцами Дракона – Верхним, Средним и Нижним.

Земля ледяных гор – так келлийцы именуют Тайтан.

Зблло – король банды Уличные коты.

Импірий – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствующий нашему апрелю. Назван в честь собственно самой Кидуанской империи.

Интендант – административная офицерская должность в составе командования легионом. Интенданты отвечали за снабжение легиона, обеспечение места дислокации и прочие

хозяйственные вопросы.

Календарь Паэ́тты – цикл, состоящий из 12 месяцев, в каждом из которых по 30 дней. Сутки Паэ́тты равны 24 часам, подобно земным, и также делятся на 60 минут.

Келлийский архипелаг – массив островов, находящийся севернее Паэ́тты. Отделён от неё Серым морем. Большинство этих островов необитаемы, но на некоторых, особенно на крупнейшем из них – острове Баркхатти, живут племена келлийцев.

Кидуа (город) – столица Кидуанской империи. Крупный город, находящийся в паре миль от побережья Загадочного океана.

Кидуа (империя) – одна из двух империй, образовавшаяся после падения империи Содрейн. Занимает почти всю северную и центральную часть Паэ́тты. Соседствует с другой могущественной империей – Саррассанской. Империя состоит из семи провинций – Кидуа, Сеазия, Лиррия, Ревия, Пелания, Палатий, Пунт. Представляет собой абсолютную монархию.

Кидуа (провинция) – одна из семи провинций Кидуанской империи. Центром провинции является одноимённый

город.

Кинай – город-спутник, морские ворота Кидуи. Богатый портовый город, располагающийся рядом со столицей. Во время нападения северян не успел оказать никакого сопротивления, что, в общем-то, и спасло его от разорения. Если город Кидуа исчез через несколько десятилетий после штурма Враноока, то Кинай пережил Смутные дни и в конце концов сделался столицей герцогства Кидуа.

Кинайский проход – потайной подземный ход, соединяющий Кидую и Кинай. Был построен больше полутора тысяч лет назад гномами для возможности императоров тайно покидать город в случае больших эпидемий или иных катаклизмов.

Кладбищенские призраки (они же просто Кладбищенские, или даже просто Призраки) – древнейшая и самая влиятельная из пяти уличных банд Кидуи. Возникла в незапамятные времена на главном кладбище города, когда то ещё находилось на отшибе. Теперь же старое кладбище было окружено множеством достаточно богатых кварталов, которые и контролировали Призраки.

Клан – родовое объединение на островах Келли. Клан может насчитывать несколько десятков, а то и сотен человек,

проживающих достаточно компактно на некоторой территории. Во главе клана стоит ярл. У клана существует так называемое клановое имя, но оно доступно лишь воинам. Остальные же члены клана именуется по принадлежности к своему отцу. Так Шервард, например, был из клана Гриммандов, но до вступления в дружину мог именоваться лишь Шервард сын-Стокьян. Став дружинником же, он получил право называться Шервард из Гриммандов. В случае, если в клане Гриммандов было несколько Шервардов (а это – достаточно распространённое имя на островах), то каждый из них получал какое-то особое прозвище для отличия от прочих.

Колоны – название лично свободных земледельцев на Паэте. Некоторые из колонов имеют даже собственные земли, но большинство арендует их у сеньоров, то есть является имущественнозависимым сословием. Те, кто попадают в личную кабалу к сеньорам, называются крепостными.

Конунг – предводитель всех келлийцев. В былые времена островитяне иногда избирали себе конунгов, которые были своеобразными верховными ярлами. Однако же, эта система не приживалась, и вскоре келлийцы возвращались к привычной им децентрализованной политической системе. Во времена описываемых событий ярл Враноок объявил о своём намерении стать конунгом. Однако, даже несмотря на легендарность, коей была овейна фигура Враноока, далеко

не всем ярлам эта идея пришлась по душе.

Кордегардия – понятие, имеющее два значения. Во-первых, кордегардия – это подразделение городской стражи численностью около 40-50 человек, прикрепленное к определённому району. Во-вторых, так называлось, собственно, само здание, в котором располагались гвардейцы.

Король – неформальный титул лидера городской банды. Короли банд обладают практически неограниченной властью. Во времена, описанные в книге, королями были Челдон (Кладбищенские), Золло (Уличные коты), Прим (Короткие штаны), Жовар (Городские) и Шмель (Чесальщики).

Короткие штаны – одна из пяти городских банд Кидуи. Контролирует, в основном, западные кварталы города.

Костяшка – довольно примитивная игра, в которой нужно выбить фишки (обычно камешки или мелкие косточки) соперника определённым образом бросая так называемый биток.

Легат – высшая командная должность в имперском легионе. Легат – командир легиона.

Ливьер – канцлер государственной безопасности импе-

рии, после выхода на пенсию сделавшийся известным политическим философом и мыслителем. Написал несколько больших трудов о политическом устройстве империи, главным из которых является «Политика как искусство». Многие называют эту книгу политическим завещанием Ливьера. В этой книге бывший канцлер резко выступал против излишне миролюбивой политики Кидуи в последнее время.

Лиррия – одна из провинций на юге Кидуанской империи. Несмотря на древнюю гражданскую войну с лиррами (см. книгу «Лиррийский принц»), Лиррия осталась одной из провинций империи. Лиррия – довольно крупная провинция, в основном покрытая лесами. Центром провинции является город Шеар.

Лирры – один из трёх народов, населяющих Паэтту. Лирры отличаются от людей как внешне (гораздо более крупные глаза, удлинённые пальцы, а также слегка заострённые кончики ушей), так и внутренне. Например, лирры живут заметно дольше людей, гораздо более ловки и проворны. Лирры заселяют, как правило, юго-западную часть Паэтты и чаще живут довольно обособленно от людей.

Магистрат – орган муниципальной власти в городах Кидуанской империи.

Мангил – магический металл, добываемый в местах наибольшего скопления силы. Добывается лишь в Эллорских колониях, относительно неподалёку от мест обитания Бараканда. Мангил обладает уникальными магическими свойствами – очень хорошо зачаровывается и не теряет зачарования. Кроме того, он гораздо крепче железа. Поскольку мангил дефицитен и весьма дорог, часто используются мангиловые сплавы.

Мать (Великая Мать) – супруга Отца, старшая богиня в пантеоне келлийцев. Родила весь окружающий мир в виде так называемого Пузыря Жизни. Почитается целительницей и покровительницей всего живого и даже мёртвого. Культ Великой Матери – наиболее проработанный из всех. У неё существует собственное жречество, обряды, определённый символизм.

Месяц Арибнна – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствующий нашему маю.

Месяц весны – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствует нашему марту.

Месяц дождей – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствует нашему октябрю.

Месяц жатвы – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствует нашему сентябрю.

Наруч – кожаный наруч, иногда – с некоторыми металлическими украшениями, но чаще – обычный кусок кожи. Был отличительным знаком дружинников на островах Келли. Ношение наруча человеком, не относящимся к дружине, было тяжким преступлением.

Неведомый – по верованиям арионнитов и ассианцев – создатель Сферы, отец Асса и Арионна. Кто он таков – никто не знает. Считается, что Неведомый стал импульсом движения в бесконечном Абсолютном Покое, породив нашу Сферу. Однако, по мере расширения Сферы в ней стал нарастать Хаос, поэтому, дабы предотвратить гибель своего творения в Хаосе, Неведомый покинул пределы Сферы, остановив её расширение, а также запечатал её 24 рунами от распространения Хаоса.

Обряд наречения – благословение и наречение именем перед Арионном. Производится на двенадцатый день после рождения ребёнка. Считается, что с этого момента дитя находится под призрением Белого бога.

Отец (Хозяин) – старший бог в пантеоне келлийцев. Вместе с Великой Матерью, своей супругой, создал мир, а

также двух сыновей – Воина и Шута. Отец – божество, которое олицетворяет мировой порядок.

Оф – таинственная столица империи чёрных магов Тондрона. Оф возник вокруг дворца императора Драонна, который, в свою очередь, был построен на той самой скале, на которой свил своё гигантское гнездо Бараканд. Оф мало похож на привычный город.

Оэ́р – мелкая медная монета Кидуанской империи. 240 оэров равняются одному серебряному стравину, а 240 стравинов – одной золотой рехте.

Пала́тий – северная провинция Кидуанской империи, и одна из самых больших. Палатий – весьма богатая провинция. Там хватает и строевых лесов, и пахотных земель. Она расположена вдоль побережья Серого моря, богатого рыбой. Но главное – в Анурских горах на востоке провинции расположены залежи серебра. Административным центром Палатия является город Шинтан.

Парадокс Создания – парадокс, возникший сразу же после создания Сферы. Сфера, не являющаяся больше Абсолютным Покоем, находящаяся в движении, тут же подверглась воздействию Хаоса, причём чем больше усложнялась или увеличивалась Сфера, тем больше Хаоса в ней стано-

вилось. В Парадоксе Создания заложен и финал Сферы – в какой-то момент она будет разрушена, уничтожена распространяющимся Хаосом и, вероятно, вновь исчезнет, растворится в окружающем Покое.

Паэ́тта – один из материков мира, который мы также называем миром Паэтты. Все организованные государства людей расположены именно на этом материке.

Пелáния – самая крупная из провинций Кидуанской империи, расположенная вдоль всей её восточной границы с центром в городе Колион. Значительная часть провинции находится у предгорий Анурских гор и в Симмерских болотах – необжитых и труднодоступных местах. Так что можно с уверенностью сказать, что едва ли не треть территорий Пелании слабо контролируется, или же вовсе не контролируется империей.

Пири́ллий – один из месяцев Кидуанской империи. Назван в честь правителя империи Содрейн Пирилла. Последний месяц лета, соответствует нашему августу. Много позже, уже после Смутных времён, будет переименован в честь короля Увилла Великого.

Последняя битва – согласно верованиям жителей Паэтты, через какое-то время (когда сгорят последние Руны,

запечатавшие Сферу Создания) Хаос в Сфере начнёт преобладать, искажая и поглощая бытие. Чтобы этому противостоять, братья Арионн и Асс будут вынуждены сойтись в Последней битве, в которой им обоим суждено погибнуть, а вместе с ними погибнет и Сфера, вновь став частью Абсолютного Покоя.

Пострёмий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствующий нашему ноябрю. Название его является адаптированным переводом, происходящим от латинского слово *postremus* – последний. В оригинале название этого месяца происходит от слова на языке империи Содрейн, также означающего «последний». Этимология слова не совсем ясна – то ли его название означает «последний месяц осени», то ли в древнейшие времена этот месяц считался последним в году, а ассий, первый месяц зимы, вообще выводился из календаря и считался месяцем Асса, самым тёмным месяцем года.

Прианон – огромное озеро на юго-востоке Кидуанской империи в провинции Ревия. Славится чистотой своей воды. Именно в нём берет своё начало река Труон.

Прианурцы – общее название племён, проживающих на востоке Предгорья Кидуанской империи, в так называемом Прианурье, у подножия Анурских гор. Формально это – территория провинции Пелания, но в силу малонаселённости и

труднодоступности этих мест Кидуа при всём желании так и не сумела привнести цивилизацию на эти земли. Местные племена живут охотой и собирательством, почти не зная земледелия. Также они иногда промышляют и разбойными набегами на соседние, более обжитые территории Пелании. Прианурцы приняли предложение конунга Враноока о совместном походе против Кидуи, но не с целью освободиться от власти империи, а исключительно ради грабежа.

Одной из особенностью прианурских народов является культ Зимнего Волка Батту. Они поклоняются этому мифическому животному и считают себя его потомками. Отсюда проистекают те странности, которые так поразили келлийцев во время похода. Воины-прианурцы носят головные уборы, увенчанные волчьими головами, а также часто исполняют ритуальные песни, имитирующие вой Батту, которые наводили ужас даже на их союзников.

Прибо́жек – помощник бога в келлийской мифологии. У каждого из четырёх богов существует довольно много прибожков – своего рода слуг, которым те поручают определённые задачи. Прибожки почитаются на островах почти так же, как и сами боги, а в культово-обрядовой составляющей иной рад даже преобладают над богами. Так, например, на Баркхатти слабо развита обрядовая составляющая культа Отца, поскольку он считается превыше всего и едва ли не недостижим для молитв. И потому люди часто молятся Дедушке Жи-

пхегу – помощнику Отца, считающегося повелителем духов домашнего очага.

В книге упоминаются, например, два прибожка Воина – Дригзель и Данир, а также один из шести прибожков-бруггизов Шута – Грыз. Больше всего прибожков имеет Великая Мать – их одиннадцать.

Прим – король банды Короткие штаны.

Примибн – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему январю. В данном случае название является адаптированным переводом. В оригинале оно звучит иначе и происходит от слова «первый» на языке империи Содрейн. Поэтому при переводе было использовано латинское слово "primus" – первый, поскольку это соответствует аналогии с Древней империей.

Пузырь жизни – дословный перевод с келлийского, и означает он рыбий пузырь, в котором, согласно легендам, и заключались все первые живые существа на земле, включая также и людей, когда их родила Великая Мать. После рождения Пузырь жизни лопнул, и все животные разбрелись по миру. Является основополагающим понятием в келлийской мифологии.

Пунт – загорская провинция Кидуи. Была присоединена

к империи самой последней. Столица – город Найр.

Рэввиал – достаточно крупное по меркам Баркхатти прибрежное поселение (сами островитяне называют его городом). Реввиал являлся чем-то вроде административного и торгового центра части южного побережья Баркхатти. Впрочем, об этом можно говорить лишь с достаточной степенью условности, поскольку как такового административного деления на архипелаге не существовало.

Рэвия – одна из семи провинций Кидуанской империи. Здесь проживает больше всего лирр. Здесь же расположена и школа лиррийской мари Наэлирро. Столица провинции – город Варс.

Рэхта – крупная золотая монета Кидуанской империи. Эквивалентна 240 серебряным стравинам.

Руббáр – небольшой городок милях в 10-12 юго-восточнее Кидуи. Родной город семейства Ворладов.

Руна Хесс – одна из двадцати четырёх рун, коими Неведомый запечатал Сферу Создания, четвёртая по счёту.

Руна Чíни – пятая из Рун, запечатывающих Сферу Создания. Эпоха каждой Руны длится 4000 лет, после чего на-

чинается следующая Руна. Например, год основания Кидуанской империи – 2256 год Руны Хесс, четвёртой Руны Календаря. Таким образом, несложно посчитать, что к данному моменту империя существовала уже 3711 лет.

Руны (печати Сферы) – по господствующему среди теологов мнению, Неведомый, прежде чем покинуть Сферу, запечатал её двадцатью четырьмя рунами, дабы предотвратить распространение Хаоса. Каждые 4 тысячи лет одна из Рун стораёт, тем самым, давая Хаосу больше возможностей. Это ведёт к постепенной деградации всего в Сфере с каждой новой Руной, поскольку влияние Хаоса усиливается.

Сарра́сса – империя, раскинувшаяся на юге Паэтты. Подобно Кидуе, является осколком империи Содрейн. Столицей государства является город Шатёр.

Сатра́п – наместник императора, управляющий провинцией во времена Кидуанской империи.

Сахарные пальчики – лакомство из ячменной муки и мёда. Готовится в виде небольших хрустящих «колбасок». Очень распространено на севере империи.

Сеа́зия – провинция Кидуанской империи, лежащая на северо-западе, у побережья Загадочного океана. Центр –

портовый город Шайтра.

Симмер – второе по величине озеро Паэтты. Расположено в лесистой и болотистой местности Прианурья. Среди окрестных племён почитается священным. Из озера вытекает меньшая из трёх великих рек Паэтты – Алийа.

Синивица – смертельная болезнь, распространённая, в основном, на западе Паэтты. Самый явный симптом – сине-фиолетовые пятна, выступающие по всему телу, которые через некоторое время превращаются в язвы, источающие гной. Смертность от синивицы очень высока и в периоды эпидемий достигает 60-70%. Смерть наступает от обширных внутренних кровотечений и поражения внутренних органов.

Скоропёна – насекомое, обитающее в пустыне Туум. Имеет длинный хвост с ядовитым шипом на конце. По легенде многие скоропены погибают оттого, что, свернувшись во сне, протыкают себя собственным шипом.

Скьёвальд – одна из множества мелких рыбацких деревушек, расположенных на острове Баркхатти у побережья Серого моря.

Слидий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему февралю, но имеет в составе те же 30 дней,

что и другие месяцы. Назван в честь древнего полулегендарного человеческого мага Слидия, жившего в эпоху третьей Руны Кда, и заложившего многие основы человеческой магической школы.

Смена Эпох – происходит при сожжении очередной Руны. На Паэтте кроме общего летоисчисления ведётся более удобное в повседневной жизни исчисление от Смены Эпох.

«Смирные» – условное наименование среди жителей империи тех из келлийцев, что предпочитают торговлю военным набегам. В описываемые в книге времена заметно больше половины кланов Баркхатти принадлежали к так называемым «смирным». Впрочем, сами келлийцы даже не подозревали, что у их южных соседей существует подобная градация.

Смутные дни – огромный период истории северной Паэтты, начавшийся после падения Кидуанской империи. Характеризовался распадом территории империи на мелкие домены, большим количеством гражданских войн и общим падением уровня жизни на территории бывшей империи. За время Смутных дней наука, культура, магия были отброшены в развитии на многие столетия назад.

«Сновидения» – книга пророка Эхитилла, жившего ещё

до создания империи Содрейн, и посвящённая якобы тем пророчествам, что посылал ему Арионн. Весьма почитаемая книга среди арионнитов.

Собачий квартал – один из кварталов Кидуи. Находится в не самой благополучной части города.

Совет ярлов – собрание местных ярлов для решения насущных вопросов. Поскольку на Баркхатти (и в целом – на Келлийских островах) не существовало централизованной власти, то в случае противоречий ярлы решали их совместно, собираясь для этого в специально отстроенных для подобных целей домах в городах вроде Реввиала.

Содрейн – огромная империя, созданная людьми в конце эпохи третьей Руны Кда. Несмотря на своё кажущееся могущество, империя, которая охватывала почти всю территорию восточнее Анурских гор, за исключением самого севера Паэтты (Палатия) и Прианурья, просуществовала совсем недолго – всего около девяноста лет, рухнув из-за внутренних раздоров среди правящих элит, а также под воздействием многочисленных нападений варваров. Позднее почти вся территория древней империи окажется поделена между возникшими Кидуанской и Саррассанской империями. Имперский язык (язык Кидуанской империи), равно как и язык Саррассы основаны на языке Содрейн, хотя со временем всё

больше отдалялись от него, так что позднее язык империи Содрейн будут называть древнеимперским.

Солнечные слёзы – так жители Паэтты именуют янтарь.

Стравин – серебряная монета Кидуанской империи. Эквивалентна 240 медным оэрам и 1/240 золотой рехты.

Студёный океан – северный океан мира Паэтты. Лежит между островами Келли и ледяным континентом Тайтаном. Большая часть его покрыта льдами. Зона плавучих льдов начинается практически у северных берегов островов Келли.

Сфера Создания – область бытия, созданная в небытии Вечного Покоя сущностью, известной как Неведомый или Первосоздатель. Включает в себя всю совокупность миров, одним из которых является и мир Паэтты. Считается, что в полюсах Сферы находятся Арионн и Асс, и это создаёт *возмущение* в Сфере, которое воспринимается, как магия. *Возмущение* гораздо сильнее у полюсов Сферы, и сходит на нет по мере приближения к экватору. Соответственно, в мирах близь экватора Сферы магия может совсем не ощущаться жителями этих миров.

Сфера Создания обречена на гибель, поскольку в ней всё сильнее проявляется влияние Хаоса – неизбежного спутника бытия. Считается, что Сфера погибнет во время Последней

битвы Арионна и Асса. Эта битва произойдёт, скорее всего, после сгорания последней Руны, когда окончательно падут оковы Хаоса. Если считать, что число рун – 24, и эпоха каждой длится 4000 лет, то выходит, что Сфера просуществует порядка 96000 лет.

Тáвер – город, находящийся на берегу Серого моря в месте, где в него впадает Труон. Крупный (по северным меркам) город, являющийся важным транспортным и торговым узлом Кидуанской империи. Через Тавер, в частности, проходит основной поток товаров из Пунта.

Тáйтáн – ледяной материк на севере мира Паэтты. Находится очень далеко от Паэтты. Те немногие экспедиции, что сумели вернуться оттуда, рассказывали о невероятном холоде, который там царит. Очевидно, что выжить в таких условиях ничего не может, поэтому Тайтан считается абсолютно необитаемым.

Тáкки – небольшой малонаселённый островок, один из множества, составляющих Келлийский архипелаг.

Тóндрон – империя чёрных магов. Создана лирийским принцем Драонном, который попал под влияние сущности по имени Бараканд. Помощь в создании империи ему оказывали Двенадцать Герцогов – демоны, созданные Баракандом

из лирр, последовавших за Драонном. Вместе они создали империю и населили её гомункулами, созданными из глины и других элементов. Империя Тондрон – единственное государство (если его можно так назвать), располагающееся не на Паэтте, а на Эллоре.

Тробира́н – весьма известный политический деятель и мыслитель поздней империи. Как и Ливьер, занимал высокие государственные посты, а позже взялся за перо. Наибольшую популярность снискали его «Письма о политике» и «Развитие». «Письма о политике», благодаря их живому слогу, были широко известны среди просвещённой части имперских элит. Также выступал как жёсткий критик миролюбивого курса.

Труо́н – самая крупная река Паэтты. Берет своё начало в озере Прианон и впадает в Серое море. В качестве притока имеет реку Алийю.

Тувр – мера весов, используемая на островах Келли. Слово «тувр» дословно означает «задняя нога», и в одном тувре в среднем около 9 кг – вес задней ноги хорошего взрослого кабана. Впрочем, абсолютно точных мер островитяне не используют, таким образом тувр может варьироваться от 8 до 10 кг и даже шире (в зависимости от ловкости торговца).

Туум – огромная пустыня, расположенная в южной части Загорья. Относится к территории Саррассанской империи. В пустыне Туум проживают племена баининов, обитающие в оазисах.

Уличные коты – одна из пяти городских банд Кидуи. Достаточно влиятельная и крупная. Именно Уличным котам был брошен последний в истории империи Великий Вызов, о чём подробно рассказано в книге.

Фóринг – помощник, правая рука ярла.

Хаос – неперсонифицированная сила в Сфере Создания. В отличие от Арионна и Асса не является ни богом, ни его антиподом. Хаос – следствие и неизбежный спутник создания. Поскольку сама Сфера возникла как противоположность Абсолютному Покою из движения, инициированного Неведомым, она неизбежно с самого первого момента своего существования стремилась к Хаосу. Попыткой нивелировать Хаос было создание двух антагонистов – Асса и Арионна, которые должны были взаимно уравновешивать друг друга, тем самым не умножая Хаос. Однако из этого ничего не вышло, так что со временем Хаос в Сфере усиливается, влияя на процессы, происходящие в ней.

В частности, считается, что именно воздействием Хаоса можно объяснить возникновение аномалий в *возмущении*.

Также Хаос привнёс случайность в существование Сферы. Согласно концепции арионнитов и ассианцев Сфера до времени относительно защищена от Хаоса Рунами, которыми её запечатал Неведомый, но с каждой сгоревшей Руной Хаос будет усиливаться, неся свою разрушительную суть во всё, что было создано.

Одновременно Хаос воспринимается верующими жителями Паэтты в качестве некоего подобия нашего ада – те души, что не могут добраться до обители Арионна или чертогов Асса, падают в Хаос, где и исчезают. Что происходит с ними там – на этот счёт мнения сильно расходятся.

Центурион – офицер армии Кидуи. Входил в состав командования легионом. Согласно устава, выделялись центурионы – командующие центурией, центурионы второго ранга – командующие когортой, центурионы третьего ранга (заместители легата) – административная, а не командная должность. Армия империи строилась по принципу, сходному с армией древнего Рима – основу его составляют легионы, в которые входит обычно около 6000 человек. Легионы делятся на когорты, в каждой из которых обычно порядка 500-600 человек, а те, в свою очередь, делятся на центурии (сотни). Центурии могут делиться на манипулы в зависимости от поставленной задачи. Деление на манипулы было непостоянным, так что в одном случае манипула могла состоять из пары десятков бойцов, а в другом – из полусотни.

Чёлдон (Жрец) – король банды Кладбищенских призраков. Считается, что некогда он был монахом, поскольку он знает и часто цитирует различные священные тексты. Крайне жестокий, злопамятный и хитрый человек. Став королём Призраков, Челдон организовал Белую Смуту. Был убит в результате резни, которую власти и банды города устроили на старом кладбище.

Чесальщики – одна из пяти городских банд Кидуи. Считается, что их название возникло потому, что они появились в квартале, где проживали и работали торговцы шерстью. Однако, это лишь одна из версий.

Шатёр – столица Саррассанской империи. Город стоит на побережье Калуйского океана. В центре города расположен огромный холм – Койфар, на котором отстроены кварталы для знати, так называемые Сады Императора.

Шеар – административный центр провинции Лиррия. Кроме того, является и культурным, и научным центром империи – именно в Шеаре сосредоточены все основные университеты и академии, библиотеки и музеи, именно туда стекаются учёные со всей Кидуи.

Шевар – келлийское название Палатия. Островитяне

считают, что шеварцы и келлийцы прежде были одним народом, и это совершеннейшая правда. Острова Келли были заселены жителями Шевара (Палатия) ещё до появления империи Содрейн.

Шмель – король банды Чесальщиков.

Шут (Дурак) – один из пантеона келлийских богов. Сын Отца и Матери, Шут выступает разрушительным началом, в чём-то похожим на концепцию Хаоса в южных религиях. Впрочем, Шут не является неким злом сам по себе, хотя его поступки, несомненно, влекут за собой бедствия для людей. Жаждающий развлечений, он ради них разрушает мир, созданный его родителями. Однако же, Шута почитают также как и покровителя искусств, а также всех природных стихий. Как и прочие северные боги, Шут имеет помощников-прибожков, которых именуют бруггизами. Всего бруггизов шесть, и они часто ассоциируются с разными пороками, присущими людям.

Элбр – самый крупный и таинственный материк мира Паэтты. Именно там была создана ужасная империя Тондрон. Также только на Эллоре пока разведаны залежи мангила. Если он и есть на других материках, то пока ещё не был найден.

Ярл – глава клана на островах Келли. В первую очередь – главный военачальник, предводитель дружины. В принципе, власть ярла была наследственной, однако в случае чего дружина имела право низложить ярла и избрать другого. При вступлении в должность ярл брал себе прозвище (например, Желтопуз, Вёслобородый, Враноок). Ярлы не были феодалами, поскольку на островах и не существовало феодальной системы в её привычном понимании.

Благодарности

Огромное спасибо:

Максу Фомину – человеку, который продолжает мотивировать меня на написание новых книг, хотя и ему это всё трудней с каждым разом.

Седрику Пилато (Cédrick Pilato) и Елизавете Косс – двум великолепным художникам, которые сделали потрясающую обложку для этой книги.

Моей семье – потому что они всю мою жизнь помогали и помогают мне, и без них ничего этого не было бы, а особенно:

Моим любимым племянницам Алине, Марине и Карине – я пишу это, в первую очередь, для вас.

Всем, кто прочитал мои предыдущие книги – это то, ради чего я всё это делаю, и то, без чего моя писательская деятельность становится бессмысленной.

А также – спасибо всем моим родным и друзьям. За всё!